VE
RI
TAS

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.
1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

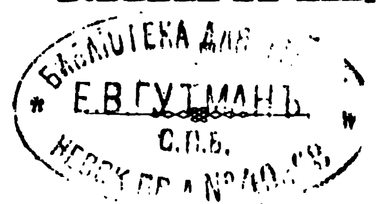
РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА IX.

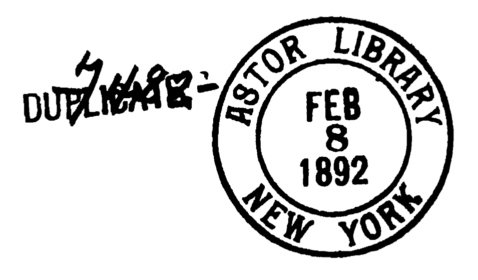


МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ;
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.


DUPLICATE
ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПАНЪ ТАДЕУШЪ

(Поэма Мицкевича.)

Книга III *).

СЕРДЕЧНЫЯ ДѢЛА.

Вторженіе графа въ садъ.—Таинственная нимфа пасетъ гусей. — Сбираніе грибовъ, подобное прогулкѣ елисейскихъ тѣней.—Породы грибовъ. — Телимена въ храмѣ размышленій. — Совѣщанія по поводу женитьбы Тадеуша. —Графъ пейзажистъ.—Художественныя воззрѣнія Тадеуша на деревья и облака.—Мысли графа объ искусствѣ.—Звонъ.—Записка.—Медвѣдь, мосьпане!

Графъ тихо возвращался, слегка пустивъ коня
И взоры къ огороду задумчиво клоня.
Вдругъ показалось графу, что снова изъ оконца
Таинственное платье мелькнуло въ свѣтѣ солнца,
И что-то живо сверху порхнувши въ мигъ одинъ
И садъ перелетѣвши, изъ зелени куртинъ,
Уже вдали свѣтилось межъ грядокъ съ огурцами,
Какъ солнца лучъ веселый, что между облаками,
Надъ нивами прорвавшись, порой вдали блеснетъ,
Павъ на кремень дорожный, иль въ струйку чистыхъ водъ.
Пославъ домой прислугу, тутъ графъ одинъ остался;
Онъ тихо къ огороду, сойдя съ коня, прокрался;
Достигнувъ до забора, нашелъ калитку въ немъ
И, будто волкъ въ овчарню, шмыгнулъ въ нее тайкомъ,
Но вдругъ сухой крыжовникъ задѣлъ неосторожно.
Садовница взглянула вокругъ себя тревожно,
Но шелеста причину развѣдать не могла
И въ сторону другую межъ грядками пошла.
А подъ щавелемъ конскимъ и между лопухами

*) *Русская Мысль*, кн. III.

Графъ ползъ на четвереньках, подъ темными кустами
Таясь какъ будто жаба, все ближе подползалъ
И странную картину, привставши, увидалъ:
Въ той части сада вишни раскинулись игриво,
А посреди ихъ вмѣстѣ росли всѣ роды жнива:
Ячмень и кукуруза, и просо и пшено,
Бобы, горохъ мѣшались съ цвѣтами заодно,
Для разныхъ птицъ домашнихъ служа приспособленьемъ.
То было самымъ новымъ тогда изобрѣтеньемъ;
Въ немъ Ендыковичӧвна, дворецкая, нашла
Себѣ почетъ и славу и имъ произвела
Эпоху въ домоводствѣ; въ тѣ дни же новость эту,
Что нынѣ всѣмъ извѣстна, знавали по секрету
Немногіе, покамѣстъ одинъ мѣсяцесловъ
Не выдалъ *новый способъ сберечь отъ ястребовъ*
Домашнихъ птицъ, а вмѣстѣ и оныхъ прокормленье.
То именно и было ея изобрѣтенье.
И вотъ такимъ манеромъ, когда пѣтухъ, порой,
Уставясь неподвижно, какъ будто часовой,
И повернувъ головку съ пунцовымъ гребнемъ бокомъ,
Чтобъ въ небеса удобнѣй глядѣть пытливымъ окомъ,—
Лишь ястреба увидитъ на небесахъ полетъ
И крикнетъ,—мигомъ куры бѣгутъ на огородъ;
Павлинъ и гуси даже туда бѣгутъ укрыться
И голубь, не успѣвшій подъ крышей схорониться.
Теперь не видно было ни одного врага,
Лишь солнышко палило и пашни и луга,
Въ тѣни колосьевъ пташки отъ зноя пріютились,
Тѣ въ муравѣ лежали, а тѣ въ песочкѣ рылись.
Среди головокъ птичьихъ и головы дѣтей
Открытыя торчали; ихъ кудри льна бѣлѣй;
До плечъ открыты шеи, а дѣвушка межъ ними
Головкой возвышалась съ кудрями золотыми.
Сидѣлъ павлинъ за нею и радужнымъ пучкомъ
Какъ зонтъ раскинулъ перья въ убранствѣ дорогомъ.
Дѣтей головки, словно на образной эмали,
На фонѣ этихъ перьевъ бѣлѣли и сверкали.
Вкругъ нихъ павлиньи блестки изъ темной синевы
Вѣнцомъ сіяли звѣзднымъ надъ зеленью травы;
Гдѣ стебли кукурузы, кивая, золотились,

Вьюны сквозною сѣтью вокругъ стволовъ обвились;
Макъ пышно красовался въ листахъ проскурняковъ,
И все сливалось нѣжно въ гармонію цвѣтовъ,
Сребристо-золотою рѣшетчатою тканью,
Чуть-чуть по волѣ вѣтра отдавшись колыханью.
Надъ чащей разноцвѣтной колосьевъ и стеблей
Стрекозъ летали тучи, рѣзвясь толпой своей.
Какъ паутина тонки ихъ крылья четверныя,
На свѣтъ, какъ будто слюда, прозрачныя, сквозныя.
Когда онѣ повиснутъ порою въ вышинѣ,
Хоть и звенятъ, но мнится, недвижимы онѣ.
Въ рукѣ у незнакомки вертѣлось опахало,
Что страусовыхъ перьевъ пучокъ напоминало;
Она съ головокъ дѣтскихъ имъ дождикъ золотой
Стрекозокъ отгоняла. Въ рукѣ ея другой
Подобно рогу что-то свѣтящееся было
И, кажется, оттуда ребятъ она кормила;
Рогъ Амальтеи будто сверкалъ въ рукахъ у ней,
Его и подносила она къ губамъ дѣтей.
Оглядывалась часто она при этомъ дѣлѣ
Въ ту сторону, гдѣ вѣтви слегка прошелестѣли,
Не зная, что лазутчикъ съ противной стороны
Проползъ ужомъ подъ кровомъ зеленой гущины.
Тутъ графъ внезапно вышелъ. Взглянула—онъ ужь близко,
Черезъ четыре грядки, и кланялся ей низко.
Головку отвернувши, смущенія полна,
Какъ спугнутая птичка, рванулася она;
Въ полетѣ быстромъ ножки уже мелькнуть хотѣли,
Но въ ту-жь минуту дѣти въ испугѣ заревѣли,
Увидя незнакомца. Такъ неужели ей
Бѣжать одной, оставивъ напуганныхъ дѣтей?
Подумала секунду, отъ бѣгства удержалась
И словно противъ воли и нехотя осталась,
Какъ робкій духъ, что вызванъ заклятьемъ колдуна.
Упрямѣйшаго плаксу взявъ на руки, она,
И сѣвши съ нимъ на землю, ласкать и гладить стала,
А вмѣстѣ и другаго, лаская, утѣшала,
Пока совсѣмъ утихли, ручонками обнявъ
Ей ноги и въ колѣни головками припавъ,
Какъ будто бы цыплята подъ крылышко насѣдки.

Она же имъ твердила: «Не плачьте! Полно, дѣтки!
Вы пана испугались... Вѣдь онъ не дѣдъ лихой!
Онъ въ гости къ намъ... Смотрите, хорошій онъ какой!»
Взглянула: передъ нею графъ улыбался мило, —
Та похвала, замѣтно, душѣ его польстила.
Тутъ глазки опустивши конфузливо, она
Вся вспыхнула какъ роза, смущенія полна.
А графъ и въ самомъ дѣлѣ былъ статнымъ и прекраснымъ,
Съ лицомъ овальнымъ, блѣднымъ, но юношески яснымъ,
Съ глазами голубыми, а кудри, по плечамъ
Спадая, золотились; изъ нихъ и здѣсь и тамъ,
Какъ отъ вѣнка обрывки, клочки травы торчали
И стебельки, что съ грядокъ сейчасъ къ нему пристали.
—«О, кто ты?—онъ воскликнулъ,—ты духъ, иль божество?
Видѣнье, или нимфа? Земное-ль существо?
Отвѣть, своей ли волей ты къ намъ въ юдоль попала?
Иль чара чуждой власти къ ней дѣву приковала?
Ахъ, вѣрно, обожатель, отвергнутый тобой,
Иль опекунъ могучій тебя въ неволѣ злой
Здѣсь кроетъ въ паркѣ замка, къ тебѣ пылая знойно
И ревностью, и страстью!... О, ты, клянусь, достойна,
Чтобъ дивныя баллады сложили въ честь твою,
Чтобъ рыцари сражались изъ-за тебя въ бою!
Прекрасная! открой мнѣ свой жребій безызвѣстный...
Я—твой освободитель! Склони свой взоръ прелестный—
И кровь твой вѣрный рыцарь готовъ пролить въ бояхъ!»...
Графъ поднялъ руки къ небу.
Съ румянцемъ на щекахъ,
Она внимала; были тѣ рѣчи ей пріятны,
Хоть вычурныя фразы и не совсѣмъ понятны,
Такъ точно какъ ребенокъ любуется порой
Игрушкою красивой, блестящей мишурой,
Ихъ цѣнности не зная; и, наконецъ, спросила:
—«Откуда панъ пріѣхалъ и что угодно было
Ему искать на грядкахъ?» Сконфуженъ и смущенъ,
Графъ помолчалъ и молвилъ, перемѣняя тонъ:
—«Прошу прощенья, пани, я долженъ извиниться,
Что васъ обезпокоилъ: пришлось мнѣ торопиться,
Чтобы поспѣть на завтракъ скорѣе въ этотъ домъ...

А чтобъ дорогой дальней не объѣзжать кругомъ,
Чрезъ огородъ пошелъ я,—здѣсь ближе путь немножко»...
—«Да,—дѣвушка сказала,—вотъ здѣсь въ травѣ дорожка,
А только грядки пану къ чему же бы топтать?»
—«Налѣво, иль направо?»—графъ продолжалъ пытать.
Тутъ голубыя очи поднявши съ удивленьемъ,
Ему въ лицо взглянула она съ недоумѣньемъ:
Домъ былъ какъ на ладони, за тысячу шаговъ,
А графъ искалъ дороги... Онъ сдѣлать былъ готовъ,
Чтобъ разговоръ продолжить, вопросъ любаго рода:
—«Здѣсь, вѣрно, панна близко живетъ отъ огорода?
Или въ деревнѣ? Вѣрно, пріѣхала сюда
На дняхъ? Не видѣлъ панны я прежде никогда»...
Тутъ потрясла головкой она взамѣнъ отвѣта:
—«Не тамъ жилище панны,—вонъ, гдѣ окошко это».
Графъ думалъ же при этомъ: хоть можетъ-быть она
Не героиня пѣсенъ, но очень недурна;
Что мысль иль духъ великій скрываются порою
Въ глуши, какъ будто розы подъ чащею лѣсною,
И что довольно только ихъ вынести на свѣтъ,
Чтобы плѣнилъ всѣ взоры ихъ блещущій разцвѣтъ.
Тутъ на рукахъ съ ребенкомъ, котораго держала,
Другаго взявъ за ручку, она въ молчаньи встала,
А прочіе за нею, какъ стая гусенятъ
Вслѣдъ за своею маткой, отправились чрезъ садъ.
Она же обернулась и вдругъ проговорила:
—«Панъ распугалъ всѣхъ птичекъ,—ему бы надо было
Загнать ихъ»... Съ изумленьемъ смотрѣлъ онъ вслѣдъ за ней,
Пока она исчезла за зеленью вѣтвей,
И лишь на мигъ сквозь листьевъ зеленые узоры
Казалося, свѣтились какъ будто чьи-то взоры.
Графъ долго въ огородѣ уже одинъ стоялъ.
Онъ медленно и тихо душою остывалъ,
Такъ точно, какъ съ закатомъ земля, темнѣя, стынетъ,
Когда ее послѣдній лучъ солнышка покинетъ.
Въ раздумьи непріятномъ душою погруженъ,
Съ невольною досадой теперь очнулся онъ.
Онъ былъ разочарованъ,—надѣялся такъ много
Найти, но былъ судьбою теперь наказанъ строго:
Когда къ пастушкѣ этой въ травѣ онъ ползъ ничкомъ,

Его душа пылала, стучало сердце въ немъ;
Онъ видѣлъ въ милой нимфѣ вѣнецъ очарованья,
Убралъ ее лучами волшебнаго сіянья
И все разбилось прахомъ!... Положимъ, недурна,
Но какъ неграціозна и грубо сложена!
А щечекъ эта пухлость? А эта яркость цвѣта?—
Крестьянскаго довольства, невѣжества примѣта...
Знакъ, что и мысли дремлютъ, и сердце спитъ у ней...
А какъ мѣщанствомъ пахнетъ отъ словъ и отъ рѣчей!
—«А я очаровался!—воскликнулъ онъ.—Обидно!
Таинственная нимфа гусей пасетъ, какъ видно»...
Съ ея исчезновеньемъ пропало все какъ сонъ.
И золото, и чары, и блескъ со всѣхъ сторонъ,—
Увы, все это было соломою простою!
Тутъ разглядѣлъ онъ только съ печальною душою,
Что страусовыхъ перьевъ пучокъ теперь, увы,
Простою оказался метелкой изъ травы:
А рогъ златой, что, ярко при солнышкѣ сіяя,
Мелькалъ въ рукахъ у нимфы,—была морковь простая!
Ее-то подносила она къ губамъ дѣтей...
Всѣ чудеса и чары знать были здѣсь по ней...
Такъ нѣжный одуванчикъ увидя предъ собою,
Что пышно шелковистой раскинулся красою,
Дитя, его срывая, нечаянно дохнетъ—
И пухомъ все убранство мгновенно опадетъ,
Въ рукѣ-жь неосторожной и слишкомъ торопливой—
Одинъ лишь сѣрый стебель, простой и некрасивый.
Графъ, нахлобучивъ шляпу, поворотилъ назадъ,
Но сократилъ дорогу, спѣша покинуть садъ.
Топча безъ сожалѣнья цвѣты, кусты и грядки,
Черезъ заборъ, немедля, онъ прыгнулъ безъ оглядки,
Но вспомнилъ, что про завтракъ пастушкѣ онъ сказалъ.
О встрѣчѣ въ огородѣ весь домъ, быть-можетъ, зналъ;
Встрѣчать, быть-можетъ, вышли, и что же бы сказали,
Когда о бѣгствѣ графа внезапно бы узнали?
Вернуться надо было. Плутая межъ плетней,
По тысячамъ извилинъ, въ кустахъ, среди вѣтвей,
Онъ радъ былъ, очень долго блуждая по-пустому,
Что, наконецъ, добился прямой дороги къ дому.
Онъ шелъ, отворотившись отъ сада, будто воръ,

Что на амбаръ случайно боится кинуть взоръ,
Гдѣ онъ ужь былъ недавно, иль побывать сбирался,
Хотя никто за графомъ слѣдить и не старался.
Такъ шелъ онъ, отвернувшись направо головой.
Тутъ былъ лѣсокъ, заросшій кустами и травой.
Вдали, межъ пней березокъ, подъ кровомъ вешней сѣни,
Какъ будто бы танцуя, таинственныя тѣни,
Какъ духи въ лунномъ свѣтѣ, мелькали межъ кустовъ,
Закутаны—кто въ черный распущенный покровъ,
Кто—въ бѣлую одежду, что̀ будто снѣгъ сіяла.
Порою чья-то шляпа чернѣла и мелькала
Широкими полями; какъ облако, вдали
Вилося покрывало, спускаясь до земли,
И, словно хвостъ кометы, тотъ призракъ тихо вился.
Кто, опустивши очи, недвижно наклонился;
Кто, будто бы отдавшись какимъ-то чуднымъ снамъ,
Блуждалъ, челомъ поникши; по разнымъ сторонамъ
Тѣ призраки поклоны какіе-то свершали,
При встрѣчѣ же другъ съ другомъ безмолвье сохраняли,
Въ невѣдомыя думы вполнѣ погружены,
Какъ тѣни елисейской таинственной страны,
Которыя не знаютъ ни горя, ни страданья,
Но сумрачно блуждаютъ средь вѣчнаго молчанья.
Кто-жь отгадалъ бы въ сонмѣ блуждающихъ тѣней
Уже знакомыхъ нашихъ—въ дому судьи гостей?
Окончивъ шумный завтракъ, они теперь свершали
Обрядъ высокочтимый—въ лѣсу грибы сбирали.
Какъ люди, что умѣютъ практическимъ умомъ
И рѣчи, и поступки соразмѣрять во всемъ
Со временемъ и мѣстомъ,—собравшись за грибами,
Они теперь накрылись холщевыми плащами,
Набросивъ для защиты ихъ сверху кунтушей,
Соломенныя шляпы отъ солнечныхъ лучей
Надѣли для прогулки; въ костюмахъ же подобныхъ
Теперь похожи были на призраковъ загробныхъ.
Одѣта точно такъ же вся молодежь была,
Быть-можетъ исключая ничтожнаго числа
Одѣтыхъ по-французски, да кромѣ Телимены.
Графъ объяснить, конечно, загадочной той сцены
Не могъ; обыкновенья онъ сельскаго не зналъ
И, полный удивленья, въ глубь лѣса побѣжалъ.

Грибовъ обилье было. Сбирали и ребята
Опенки, въ старыхъ пѣсняхъ столь славныя когда-то.
Они—эмблема дѣвства: ихъ черви никогда
Не точатъ, а букашекъ не видно и слѣда.
Дѣвицы по уставу *боровики* сбирали;
Полковниками въ пѣснѣ ихъ изстари назвали *).
Но всѣхъ дороже *рыжикъ:* хоть ростомъ онъ скромнѣй
И въ пѣсняхъ меньше славенъ, за то изъ всѣхъ вкуснѣй,
Соленый или свѣжій, всегда, зимой и лѣтомъ.
А войскій *мухоморы* одни сбиралъ при этомъ.
Есть межъ грибами много негодныхъ и плохихъ,
Что вредны иль безвкусны,—не собираютъ ихъ;
Но тѣ за это служатъ лѣсамъ для украшенья,
Для оводовъ жилищемъ, звѣрямъ для прокормленья.
Мѣстами *сыроѣжки* изъ зелени блестятъ,
Какъ чарокъ бѣлыхъ, желтыхъ и красныхъ цѣлый рядъ,
Округлыми краями красуясь надъ травою,
Точь въ точь какъ будто рюмки со влагою цвѣтною.
Масленокъ, словно кубокъ, что кверху дномъ упалъ;
Тамъ *лейка*, точно полный шампанскаго бокалъ;
Тутъ—круглая *бѣлянка* молочной бѣлизною,
Какъ чашка изъ фарфора, сверкаетъ надъ травою;
Тамъ—черная *пархавка*, наполнена она,
Какъ перечница, пылью. Другихъ же имена
Волкамъ да зайцамъ развѣ извѣстны, и едва ли
Ихъ перечесть, а люди именъ имъ не давали.
Подобный грибъ не нуженъ, конечно, никому;
А если кто ошибкой наклонится къ нему,
То въ эту же минуту, невольно полонъ гнѣва,
Пихнетъ его ногою направо иль налѣво.
Какъ видно, Телимена и лучшихъ не брала.
Разсѣянно, скучая, она по лѣсу шла,
Поднявъ чело. Панъ регентъ, разсерженный не мало,
Сказалъ, что на деревьяхъ она грибовъ искала;
Но злѣе далъ ассессоръ сравненье самки ей,
Что ищетъ въ околодкѣ пріюта для дѣтей.

*) Извѣстная въ Литвѣ народная пѣсня о грибахъ, выходящихъ на войну подъ предводительствомъ боровика. Въ этой пѣснѣ перечислены всѣ особенности грибовъ разныхъ породъ.

Но Телимена, видно, искала въ тѣ мгновенья,
Отъ общества отставши, въ тиши уединенья.
Къ высокому пригорку она тихонько шла,
Туда, гдѣ гуще зелень древесная была.
Съ вершины изъ-подъ камня тамъ ручеекъ струился,
Ища какъ будто тѣни, съ журчаніемъ змѣился
И прятался подъ кровомъ зеленой гущины,
Гдѣ разрастались травы, водой напоены.
Тамъ онъ, проказникъ рѣзвый, спеленутый травою,
На мшистомъ мягкомъ ложѣ, безшумною волною,
Шепталъ чуть слышно уху, въ травѣ едва блестя,
Какъ будто въ колыбели безпечное дитя,
Когда завѣситъ пологъ родимая съ любовью
И маковыя листья насыплетъ къ изголовью.
Здѣсь Телимена много досуговъ провела
И *храмомъ размышленій* то мѣсто назвала.
Здѣсь Телимена стала, и складки красной шали,
Какъ яркій макъ алѣя, съ плеча ея упали.
Тихонько опускалась на мягкій мохъ она,
Точь-въ-точь какъ будто въ воду, что слишкомъ холодна,
Сперва однимъ колѣномъ, потомъ другимъ, не смѣло,
И, наконецъ, отдавшись въ объятья мха всецѣло,
Она, раскинувъ члены усталые, легла
И голову ладонью, склонившись, подперла,
Найдя въ тѣни прохладной спокойствіе и нѣгу.
Листы французской книжки предъ ней, подобно снѣгу,
Сверкнули, а надъ ними вились съ ея кудрей
И розовыя ленты, и кольца черныхъ змѣй.
На ярко-алой шали, на травкѣ изумрудной
Изъ длинныхъ складокъ платья красой сіяли чудной
Ея лицо, и руки, и снѣговой чулокъ;
Тамъ рисовались кудри, здѣсь—черный башмачокъ.
Такъ въ позѣ граціозной на мху зеленомъ лежа,
На бабочку цвѣтную она была похожа,
Когда сидитъ летунья на кленовомъ листкѣ.
Но, ахъ, вся эта прелесть отъ взоровъ вдалекѣ
Безплодно пропадала, какъ будто бы въ пустынѣ,—
Погоня за грибами всѣхъ поглотила нынѣ.
Одинъ Тадеушъ только слѣдилъ за ней тайкомъ;
Идти не смѣя прямо, онъ обходилъ кругомъ,

Какъ будто бы охотникъ за стрепетомъ порою
Слѣдитъ, скрываясь тайно подъ чащею лѣсною,
Или, когда овсянку преслѣдуя въ лугахъ,
Ружье за конской гривой онъ прячетъ второпяхъ,
Или межою ѣдетъ, таясь насколько можно
И къ птицамъ приближаясь украдкой, осторожно.
Такъ и Тадеушъ крался.
Но тутъ ему судья
Дорогу перерѣзалъ, отправясь до ручья.
Бѣлѣя, развивался холщевый плащъ у дяди
И заткнутый за поясъ платокъ огромный сзади.
Соломенная шляпа, точь-въ-точь лопухъ большой,
То на бокъ надвигаясь, то на спину порой,
По вѣтру колыхалась широкими полями.
Судья съ огромной тростью шелъ быстрыми шагами.
Тутъ, наклонясь и руки омывъ въ струѣ ручья,
Въ ногахъ у Телимены на камень сѣлъ судья
И оперся руками на шаръ слоновой кости,
Служившій украшеньемъ его огромной трости.
— «Сестра,—онъ началъ,—право тревожусь я подчасъ
Съ тѣхъ поръ, какъ мой Тадеушъ гоститъ въ дому у насъ.
И старъ я, и бездѣтенъ; въ немъ вижу утѣшенье
Одно я въ цѣломъ свѣтѣ; онъ все мое имѣнье
Получитъ, какъ умру я, и,—милостивъ Господь,—
Никто ему не будетъ глазъ бѣдностью колоть.
Его женить, однако, уже пора, быть-можетъ...
Объ этомъ-то забота меня теперь тровожитъ.
Его отецъ, панъ Яцекъ, мой братъ, большой чудакъ,—
Его поступковъ странныхъ нельзя постичь никакъ;
Домой не хочетъ ѣхать, Богъ знаетъ кроясь гдѣ-то,
А живъ ли онъ—и сыну невѣдомо про это.
Сперва отправить сына онъ думалъ въ легіонъ;
Я былъ извѣстьемъ этимъ ужасно огорченъ,
Но вскорѣ перешелъ онъ къ рѣшенію другому:
Женить его, оставивъ и родинѣ, и дому.
А я нашелъ невѣсту: здѣсь въ околодкѣ всемъ
Всѣхъ выше подкоморій связями и родствомъ,
А дочь его большая—уже невѣста; Анна—
Съ порядочнымъ приданымъ, хорошенькая панна...
Хотѣлъ ужь предложенье...» Какъ полотно блѣдна,
Тутъ встала Телимена, волненія полна.

— «Ахъ, братъ!—она сказала,—мое такое мнѣнье,
Что это и безумье и даже преступленье.
Для юноши надежды куда ужь хороши—
Пахать, да за сохою расхаживать въ глуши!
Самъ проклянетъ онъ дядю, когда свершится это...
Карьеру потеряетъ, погибнетъ онъ для свѣта!...
А въ немъ талантовъ много... Повѣрьте мнѣ, что онъ
Для поприща другаго, для высшаго, рожденъ...
Ахъ, несравненно лучше-бъ вы сдѣлали навѣрно,
Его пославъ въ Варшаву, иль въ Петербургъ примѣрно...
А я тогда поѣду зимою по дѣламъ
И что-нибудь устроить смогу навѣрно тамъ
Тадеушу: я знаю людей высокихъ много;
Въ служебномъ мірѣ это—кратчайшая дорога;
Ему къ столичной знати я тамъ доставлю входъ.
Когда же онъ знакомства блестящія найдетъ,
Достанетъ чинъ и орденъ,—тогда пускай вернется
И, кинувъ службу, дома, пожалуй, остается...
Все-жь имя онъ получитъ... Его узнаетъ свѣтъ.
Не правда-ль это?»—«Правда,—сказалъ судья въ отвѣтъ,—
Провѣтриться немного недурно въ годы эти,
Въ чужбинѣ пошататься, пожить съ людьми на свѣтѣ.
Я смолоду не мало постранствовалъ и самъ:
Былъ въ Пётроковѣ, въ Дубнѣ; то по своимъ дѣламъ,
То за судомъ, какъ стряпчій, я колесилъ, бывало;
Былъ и въ Варшавѣ даже. Да, по свѣту не мало
Поѣздилъ. А послать бы племянника хотѣлъ
Такъ просто для вояжа, чтобъ свѣтъ онъ посмотрѣлъ,
Чтобъ, въ качествѣ туриста и ради просвѣщенья,
Набрался разныхъ знаній, кончая срокъ ученья,
Совсѣмъ не изъ стремленья къ чинамъ и орденамъ...
Московскій орденъ—это лишь униженье намъ...
Ну, кто изъ нашихъ пановъ, старинныхъ, родовитыхъ,
И шляхтичей, въ повѣтѣ довольно именитыхъ,
За этой дрянью ѣздитъ? Однакожъ имъ почетъ
За доброе ихъ имя и за высокій родъ,
Нерѣдко и за должность по выбору въ повѣтѣ,
А вовсе не за милость какихъ-то лицъ на свѣтѣ...».
— «Такъ что же?—Телимена промолвила.—Ну, вотъ,
Тѣмъ лучше: пусть туристомъ онъ странствовать идетъ...»

Тутъ, почесавъ затылокъ и съ видомъ сожалѣнья
Судья сказалъ: «И въ этомъ не мало затрудненья!
Панъ Яцекъ держитъ сына въ опекѣ и къ нему
Приставилъ бернардина, что у меня въ дому
Гоститъ, сюда пріѣхавъ изъ городка на Вислѣ,
И, какъ пріятель брата, его онъ знаетъ мысли.
Тадеуша на Зосѣ, питомицѣ твоей,
Они женить рѣшились. Въ супружествѣ же съ ней
Онъ кромѣ капитала, завѣщаннаго мною,
Приданое отъ Яцка возьметъ съ своей женою.
У брата капитала не мало своего;
Почти вполнѣ доходомъ я пользуюсь съ него,
И потому онъ можетъ распоряжаться смѣло.
Подумай, какъ бы лучше приняться намъ за дѣло?
Ихъ познакомить нужно... Имъ, правда, мало лѣтъ,
Въ особенности Зосѣ, да тутъ худаго нѣтъ;
Ктому-жь пора ей выйти на свѣтъ изъ-подъ затвора;
Она ужь не ребенокъ,—невѣста будетъ скоро...»
Но тутъ почти въ испугѣ услыша тѣ слова,
Привстала Телимена; въ молчаніи сперва
Она судьѣ внимала, хотя и съ удивленьемъ,
Теперь же замахала ладонью съ нетерпѣньемъ
Отъ словъ для ней несносныхъ, какъ будто бы отъ мухъ,
И, наконецъ, съ досадой проговорила вслухъ:
— «А, это рѣчь другая! Что хорошо и худо
Тадеушу, объ этомъ судить лишь вамъ покуда:
Пускай хоть въ экономы, хоть въ пахари идетъ,
Или въ шинкѣ за стойкой хоть водку продаетъ...
Во всемъ его судьбою распоряжайтесь смѣло,
А въ отношеньи Зоси—совсѣмъ другое дѣло!
Надъ нею вы не властны нисколько, панъ-судья!
Ея рукой всецѣло распоряжаюсь я,—
Лишь я!... Хотя вашъ братецъ платилъ мнѣ ежегодно
За воспитанье Зоси немного, хоть угодно
Ему прибавить больше, какъ далъ онъ слово мнѣ,
Все-жь этимъ правъ на Зосю онъ не купилъ вполнѣ...
Ктому-жь про эту щедрость всѣ знаютъ безъ сомнѣнья,
Въ чемъ кроется причина ея происхожденья;
Не безызвѣстно пану, что весь Горешковъ родъ
Съ Соплицами особый какой-то счетъ ведетъ...»

Тутъ при словахъ послѣднихъ, судья какъ бы въ разстройствѣ
Смутился и, замѣтно, въ какомъ-то безпокойствѣ,
Какъ будто окончанья боялся рѣчи той,
И, покраснѣвъ, внезапно поникнулъ головой.

—«Я Зосю,—Телимена сказала, рѣчь кончая,—
Вспоила, воспитала,—я ей одна родная.
Итакъ, о счастьи Зоси забота лишь моя...»

—«А если въ этомъ бракѣ,—проговорилъ судья,—
Для Зоси счастье? Если понравится онъ Зосѣ?»

—«Понравится? Отложимъ пока о томъ вопросѣ.
Понравится ли, нѣтъ ли—все это пустяки.
Положимъ, капиталы у ней не велики,
Но Зося не мѣщанка, не изъ простой породы,—
Родилась въ благородномъ семействѣ воеводы:
Мать изъ Горешковъ родомъ... Женихъ найдется ей.
Я много потрудилась надъ Зосею моей.
Пускай хоть тутъ заглохнетъ...» Казалось, согласился
Судья съ ея словами,—онъ видимо смягчился
И весело промолвилъ: «Ну, что-жь и говорить!
Богъ видитъ, безкорыстно хотѣлъ я услужить.
Ну, что же дѣлать, если сестрица не согласна?
Ты—въ правѣ, лишь сердиться не слѣдуетъ напрасно.
Что братъ велѣлъ, я сдѣлалъ; не принуждаетъ насъ
Никто. А если вышелъ Тадеушу отказъ,
То брату напишу я, что не моей виною
Не состоится свадьба; а я взамѣнъ устрою
Помолвку съ панной Анной. Теперь съ ея отцомъ
Займемся на свободѣ мы нашимъ сватовствомъ».

При этомъ Телимена, смягчась, остыла сразу:
—«Ахъ, братъ, въ моихъ сужденьяхъ и мѣста нѣтъ отказу!
Вы-жь сами говорили про молодость ихъ лѣтъ;
Такъ подождемъ, посмотримъ,—бѣды тутъ вовсе нѣтъ.
А между тѣмъ покамѣстъ ихъ познакомить можно.
Бѣда—чужое счастье разбить неосторожно.
Опасно торопиться, а лучше той порой
Тадеушу вы дайте и волю, и покой.
Любить нельзя заставить безъ страсти и влеченья,—
Невѣдомы для сердца оковы принужденья».

Судья, раздумья полный, всталъ послѣ этихъ словъ.
Тадеушъ, притворяясь, что тамъ искалъ грибовъ,
Тихонько приближался туда съ другаго бока;
Межъ тѣмъ и графъ случился въ сосѣдствѣ недалеко.
Покуда Телимена вела съ судьею споръ,
Бросалъ на нихъ изъ чащи графъ удивленный взоръ.
Тутъ карандашъ съ бумагой доставши изъ кармана
(Имѣлись неотлучно они всегда у пана),
Сталъ рисовать онъ, сѣвши на пень, и прошепталъ:
«Какъ будто бы нарочно я ихъ сгруппировалъ.
Онъ передъ ней на камнѣ, контрастомъ дышутъ лица...
О, это для альбома прелестная страница!...»
Тутъ, подойдя поближе, лорнетку онъ протеръ,
Опять остановился и снова кинулъ взоръ.
—«А можетъ-быть картина прелестная такая
Измѣнится, исчезнетъ, лишь подойду туда я?
Быть-можетъ тамъ крапива, гдѣ бархатъ видитъ глазъ,
А нимфа эта станетъ кухаркою какъ разъ?»
Графъ пани Телимену хотя видалъ не мало
Въ дому судьи, гдѣ часто встрѣчалъ ее, бывало,
Но ею не прельщался. И какъ былъ удивленъ,
Когда ее въ модели узналъ внезапно онъ.
И красота убора, и мѣстоположенье
Ее преобразили, обманывая зрѣнье;
Въ глазахъ еще отъ гнѣва горѣлъ огонь живой,
Лицо же, освѣжившись прохладою лѣсной,
Двухъ юношей приходомъ и споромъ энергичнымъ,
Теперь пылало ярко румянцемъ необычнымъ.
Графъ, подойдя, промолвилъ: «Я пани приношу
Признательность и, вмѣстѣ, прощенія прошу:
Прощенья, что за нею я наблюдалъ украдкой,
Когда она сидѣла въ задумчивости сладкой;
За мигъ же вдохновенья признателенъ вдвойнѣ.
Когда изволитъ пани простить моей винѣ,
Что я у ней, быть-можетъ, нарушилъ размышленья,
То ждетъ художникъ скромный отъ пани снисхожденья
И, ею ободренный, теперь еще смѣлѣй».
Графъ, преклонивъ колѣни, рисунокъ подалъ ей.
Любезно Телимена рисунокъ разсмотрѣла,
Но какъ знатокъ судила, съ глубокимъ знаньемъ дѣла,

И съ легкимъ поощреньемъ промолвила она:
—«Да, есть талантъ у пана,—картинка недурна:
Но живописецъ долженъ искать красотъ природы.
Италія златая! О, юга небосводы!
Ты, Тибръ, что ниспадаешь классической волной!
Вы, цезарей чертоги съ безсмертною красой!
Вотъ колыбель артистовъ. У насъ же такъ сурово...
Питомецъ музъ увянетъ подъ небомъ Соплицова.
Графъ, я оправить въ рамку рисунокъ вашъ хочу,
А то въ своемъ альбомѣ, быть-можетъ, помѣщу.
Повсюду я скупала картины въ этомъ родѣ:
Коллекція большая есть у меня въ комодѣ».
Зашла у нихъ бесѣда о южныхъ красотахъ,
О шумѣ волнъ приморскихъ, о пышныхъ берегахъ;
Они, въ мечтахъ витая по дальнимъ небосводамъ,
Надъ родиной съ презрѣньемъ глумились мимоходомъ.
А около шумѣли литовскіе лѣса;
Величіемъ дышала ихъ чудная краса.
Тамъ, перевита хмѣлемъ, черемуха лѣсная,
Тутъ—яркая рябина, румянцемъ облитая,
А тутъ съ зеленыхъ вѣтокъ, какъ бы съ жезловъ менадъ,
Орѣховые перлы висятъ какъ виноградъ.
Внизу же дѣти лѣса: въ объятіяхъ калины
Укрылся боярышникъ, вокругъ кусты малины.
Какъ юноши и панны, деревья и кусты,
Готовясь будто къ танцу, сплели свои листы.
Межъ ними выдѣляясь и станомъ, и красою,
И высоко поднявшись надъ чащею лѣсною,
Какъ юная невѣста съ любимымъ женихомъ,
Береза съ стройнымъ грабомъ раскинулись шатромъ.
А дальше, словно старцы, задумчивые буки
Любуются безмолвно, какъ рѣзвятся ихъ внуки.
Вдали старушка тополь и въ космахъ сѣрыхъ мховъ
Маститый дубъ, свидѣтель уже пяти вѣковъ,
Какъ будто надъ гробницей съ упавшими столпами,
Окаменѣвшихъ предковъ прахъ осѣнилъ вѣтвями.
Тадеушу наскучилъ длиннѣйшій разговоръ
О чудесахъ далекихъ морей, земель и горъ;
А графъ и Телимена всѣ перебрали роды
Растеній иноземныхъ знакомой имъ природы:

Алоэ, померанцы, оливки и миндаль,
Сандалъ и кипарисы,—словъ не было имъ жаль,—
Воложскіе орѣхи—и тѣ не позабыли,
Описаны ихъ листья и даже стебли были.
Тадеушъ долго слушалъ, скрывая молча гнѣвъ,
Но наконецъ въ бесѣду вступилъ, не утерпѣвъ.
Онъ попросту природу любилъ свою родную
И молвилъ вдохновенно, взглянувъ на глушь лѣсную:
— «Въ оранжереѣ въ Вильнѣ я видывалъ не разъ
Растенья странъ далекихъ, невѣдомыхъ для насъ,
Деревъ, красой которыхъ Италія гордится,—
Какое же съ родными деревьями сравнится?
Алоэ, точно палка съ прямымъ своимъ стеблемъ?
Лимонъ, какъ будто карликъ, съ хорошенькимъ листомъ,
И глянцовымъ и толстымъ, по формѣ очень схожій
Съ богачкой низкорослой и вовсе не пригожей?
Иль кипарисъ хваленый—и тощій и худой,
Что дышетъ не печалью, а скукою простой?
Онъ, говорятъ, прекрасенъ, могильной грустью вѣя,
По мнѣ-жь напоминаетъ нѣмецкаго лакея,
Что въ траурѣ не смѣетъ рукою шевельнуть
И этикетъ нарушить боится чѣмъ-нибудь.
«Не лучше-ль несравненно краса родной березы,
Что словно мать о сынѣ струитъ нѣмыя слезы,
Или вдова о мужѣ, забывъ весь міръ земной
И косу въ безпорядкѣ раскинувши волной?
Какое краснорѣчье въ ея нѣмой печали!
Панъ графъ, когда искусство вы цѣлію избрали,
То красоты родныя васъ ждутъ со всѣхъ сторонъ!
Художникъ и сосѣдямъ покажется смѣшонъ,
Когда, отъ нивъ родимыхъ отворотивши взоры,
Онъ пишетъ только скалы какія-то да горы».
— «Пріятель,—графъ замѣтилъ,—природы красота—
Лишь фонъ, канва искусства, а духъ его—мечта,
Парящая высоко на крыльяхъ вдохновенья,
Воспитаннаго вкусомъ и техникой умѣнья.
Положимъ, что природой художникъ вдохновленъ,
Но въ сферу идеала пускай стремится онъ.
Иное для искусства нейдетъ, хоть и прекрасно.
Вы больше почитайте, тогда вамъ будетъ ясно.

Касательно-жь пейзажей нужны, сомнѣнья нѣтъ,
Ансамбль и группировка, и колоритъ и свѣтъ...
Свѣтъ яркій итальянскій... Вотъ потому, конечно,
Италія отчизной была и будетъ вѣчно
Художниковъ великихъ. Средь сѣверныхъ равнинъ
Нѣтъ геніевъ подобныхъ; лишь Рюисдаль одинъ,
Да Брейгель составляютъ при этомъ исключенья
(Не Брейгель Ванъ деръ Гелле,—ихъ два; но, безъ сомнѣнья,
Тутъ рѣчь про пейзажиста). А больше никого.
О, небеса въ пейзажѣ важнѣй, важнѣй всего!»
При этомъ Телимена прервала: «Нашъ Орловскій
Стиль сохранялъ въ картинахъ, по правдѣ, соплицовскій
(А надобно замѣтить, есть у Соплицъ недугъ:
Литвы имъ не замѣнитъ ни цѣлый свѣтъ, ни югъ).
Орловскій—живописецъ извѣстный, бывшій въ модѣ *),
Жилъ долго въ Петербургѣ (есть у меня въ комодѣ
Его эскизовъ много). Какъ будто бы въ раю,
Жилъ при дворѣ, но помнилъ онъ родину свою,
Грустилъ о ней, носился мечтой въ былые годы,
Все въ Польшѣ обожая: лѣса, поля и воды...»
— «Онъ правъ!—вскричалъ Тадеушъ съ восторженнымъ огнемъ.—
Сводъ неба итальянскій, какъ я слыхалъ о немъ,
Безоблачно-прозраченъ. Не надоѣстъ ли эта
Недвижность ледяная?... Нѣтъ, сѣвернаго лѣта
Съ игрою тучъ капризной милѣй небесный кровъ,
Гдѣ что ни мигъ—то образъ въ разрывахъ облаковъ.
Такъ, въ день осенній туча ползетъ на небосклонѣ
Лѣнивой черепахой, съ дождемъ въ воздушномъ лонѣ,
И проливныя струи въ синѣющей дали,
Какъ пряди косъ развитыхъ, роняя до земли.
А лѣтомъ туча съ градомъ—та глыбой темно-синей,
Желтѣя по срединѣ, небесною пустыней
Летитъ, какъ шаръ воздушный, вкругъ дикій шумъ встаетъ...
Да вонъ, взгляните, тучекъ бѣлѣетъ хороводъ,
Какъ лебедей станица, иль гуси въ дикомъ стадѣ,
А вѣтеръ, словно соколъ, ихъ въ кучу гонитъ сзади...

*) Извѣстный художникъ-жанристъ. За нѣсколько лѣтъ передъ смертью онъ сталъ писать пейзажи и умеръ въ Петербургѣ.

Тѣснятся, громоздятся, растутъ, мѣняютъ видъ,
И вся станица будто табунъ коней летитъ,
По вѣтру разметавши всклокоченныя гривы...
Вонъ всѣ перемѣшались, волнисты и игривы,
Какъ серебро сверкая, но мигъ—и чудеса:
Изъ конскихъ мордъ и мачты встаютъ, и паруса,
И вотъ корабль огромный, торжественно и стройно,
Въ лазурномъ океанѣ проносится спокойно!»
    И графъ и Телимена глядѣли той порой,
Куда имъ панъ Тадеушъ указывалъ рукой,
Другой сжимая ручку слегка у Телимены.
Прошло ужь съ двѣ минуты безмолвной этой сцены.
Графъ разложилъ бумагу на шляпѣ и досталъ
Свой карандашъ, но въ это мгновенье зазвучалъ
Въ усадьбѣ звонъ досадный, и тишь уединенья
Нарушили и говоръ, и крики оживленья.
    Тутъ графъ кивнулъ и молвилъ, впадая въ мрачный тонъ:
— «Такъ все кончаетъ рока неотразимый звонъ:
Полетъ высокой мысли, надежды, упованья,
Невинности утѣхи, стремленья и желанья,—
Лишь вдалекѣ раздастся звонъ мѣди роковой,
Все сгибнетъ и исчезнетъ, какъ будто сонъ пустой.
И что же остается?» При этомъ графъ уныло
Взглянулъ на Телимену; она-жь проговорила:
— «Воспоминанье!» Къ графу участія полна,
При этомъ незабудку дала ему она.
Поцѣловавъ цвѣточикъ, эмблему утѣшенья,
Пришпилилъ графъ ко груди, а въ эти же мгновенья
Вдругъ увидалъ Тадеушъ въ кустѣ передъ собой
Протянутую ручку съ лилейной бѣлизной.
Ее схвативъ, онъ тихо въ ней утонулъ устами,
Какъ въ чашечкѣ лилеи пчела межъ лепестками;
Холоднаго чего-то коснулся, увидалъ
Тамъ ключикъ и записку; онъ торопливо взялъ
И спряталъ ихъ; какое въ томъ ключикѣ значенье?—
Конечно, въ той запискѣ найдетъ онъ объясненье.
    Звонъ продолжался, эхомъ гудя въ тиши лѣсовъ
И вызывая говоръ и звуки голосовъ.
То былъ звонокъ условный, назначенный для сбора
Гостей, что разбрелися по закоулкамъ бора.

То не былъ звонъ унылый, то не былъ грозный рокъ,
Какъ думалъ графъ, а просто—обѣденный звонокъ.
Гостямъ и челядинцамъ полуденной порою
Всегда онъ часъ обѣда знаменовалъ собою.
То былъ обычай старый; его въ своемъ дому
Судья хранилъ понынѣ. Немедля потому,
Все общество изъ лѣса отправилось съ грибами,
Неся съ собой корзинки, покрытые платками.
Съ боровикомъ огро́мнымъ, какъ съ вѣеромъ въ рукѣ,
Шли панны, у иныхъ же пестрѣли въ кузовкѣ,
Какъ будто бы цвѣточки, различные подборы
Опенковъ, *сыроѣжекъ*. Несъ войскій *мухоморы*,
А пани Телимена съ спутниками шла,
При чемъ ея корзинка вполнѣ пуста была.
Вокругъ стола всѣ гости, взойдя въ порядкѣ, стали;
Всѣхъ выше подкоморій,—года и санъ давали
Ему почетъ особый,—и молодежи онъ,
И старикамъ, и дамамъ, всѣмъ отдавалъ поклонъ.
Судья былъ возлѣ, рядомъ съ монахомъ бернардиномъ.
Латинскую молитву прочелъ монахъ. Мужчинамъ
Нали́то водки. Молча усѣвшись за столомъ,
Литовскую ботвинью всѣ стали ѣсть потомъ,
Застольная бесѣда шла тише, чѣмъ бывало;
Всѣ были молчаливы и говорили мало.
Сторонниковъ же спора всѣхъ дума заняла
О травлѣ, что на завтра назначена была:
Всегда ведетъ молчанье забота роковая.
Тихонько Телимена съ Тадеушемъ болтая,
Оборотиться къ графу не разъ была должна,
А также взоръ кидала ассессору она.
Такъ птицеловъ на сѣти взираетъ быстрымъ глазомъ,
Воробушка съ щегленкомъ зама́нивая разомъ.
Графъ и Тадеушъ, оба счастливые душой,
Въ молчаніи питались надеждой золотой.
Графъ незабудку трогалъ въ задумчивости сладкой;
На свой карманъ Тадеушъ поглядывалъ украдкой,
И ключикъ и бумажку въ немъ щупая слегка;
Прочесть записку эту онъ не успѣлъ пока.
Венгерскимъ и шампанскимъ въ теченіе обѣда
Бокалы доливая и подчуя сосѣда,

Судья съ нимъ былъ любезенъ, но мало говорилъ
И, видно, что заботы въ своей душѣ таилъ.
    За блюдомъ блюдо, тихо смѣнялось угощенье,
Какъ вдругъ прервавъ обѣда обычное теченье,
Явился гость нежданный: лѣсничій прибѣжалъ
Къ судьѣ; конца обѣда, какъ видно, онъ не ждалъ;
Во всемъ замѣтно было: въ лицѣ, въ походкѣ, въ жестѣ,
Что онъ принесъ съ собою особенныя вѣсти.
Всѣ взоры обратились къ нему со всѣхъ сторонъ.
— «Медвѣдь, мосьпане!»—крикнулъ, собравши силы, онъ,
И мигомъ стало ясно всѣмъ бывшимъ на обѣдѣ,
Что рѣчь о забѣжавшемъ изъ дальнихъ пущъ медвѣдѣ,
Что въ глушь лѣсовъ за Нѣманъ пробраться хочетъ звѣрь,
Что ни одной минуты терять нельзя теперь
И что нужна облава. Всѣ лица и движенья
Одной дышали мыслью и съ шумомъ оживленья
Всѣ разомъ закричали, вскочивъ изъ-за стола,
Но цѣль среди смятенья у всѣхъ одна была.
    — «Эй, сотника! Въ деревню! — вскричалъ судья съ разсвѣтомъ.—
Облава! Но никто бы съ рогатиной при этомъ
Не смѣлъ мѣшаться въ дѣло, скажите отъ меня,
Не то ходить заставлю на барщину три дня!»
    Тутъ крикнулъ подкоморій: «Скорѣй верхомъ на сивой
Скакать въ мой домъ галопомъ и взять оттуда живо
Собакъ! Нигдѣ ихъ лучше я не знавалъ досель...
Зовется сука «стряпчей», «исправникомъ»—кобель.
Намордники имъ вздѣвши, въ мѣшокъ ихъ завяжите
И, взявъ съ собой не медля, сюда ихъ привезите».
Ассессоръ же по-русски вскричалъ слугѣ: «Иванъ!
Тесакъ мой отъ Сангушки, что имъ въ подарокъ данъ,
Ты знаешь? Наточи же острѣй, не медля часа,
Да посмотри, довольно-ль ружейнаго припаса!»
Скорѣй готовить ружья вездѣ пошла возня.
— «Свинцу!—кричалъ ассессоръ.—Есть форма у меня
Для пуль».—Судья-жь добавилъ: «Увѣдомить плебана,
Чтобы въ лѣсной часовнѣ онъ завтра утромъ рано
Обычную обѣдню былъ отслужить готовъ
Въ честь Губерта святаго съ молебномъ за ловцовъ».
    Немного поостынувъ отъ перваго порыва,

Всѣ думали и взоры бросали молчаливо;
Какъ бы ища кого-то, столпились въ тѣсный кругъ
И всѣ на панѣ войскомъ остановились вдругъ.
То знакъ былъ, что облавѣ найти вождя хотѣли,
И войскаго избрали теперь для этой цѣли.
Панъ войскій понялъ волю товарищей своихъ,
Всталъ, посмотрѣлъ спокойно, съ достоинствомъ, на нихъ;
На золотой цѣпочкѣ изъ-подъ кафтана вынулъ
Часы не тоньше груши, всѣхъ взорами окинулъ
И молвилъ: «У часовни собраться по утру
Въ три съ половиной завтра должны мы всѣ въ бору».
Тутъ онъ ушелъ съ лѣсничимъ: имъ нужно, безъ сомнѣнья,
Обдумать планъ облавы и дать распоряженья.
Такъ ночью передъ утромъ, когда назначенъ бой,
Солдаты чистятъ ружья, иль спятъ во тьмѣ ночной
На сѣдлахъ и шинеляхъ,—вожди не спятъ однако
И думаютъ глубоко средь сонннаго бивака.
Весь вечеръ посвятили кованью лошадей,
Кормленью псовъ и чисткѣ охотничьихъ вещей;
А вечеромъ почти-что и ужинать не стали,
О Соколѣ и Куцомъ уже не поминали.
Панъ регентъ и ассессоръ вдвоемъ, рука съ рукой,
Свинца для пуль искали въ согласьи межъ собой;
Другіе-жь, навозившись и утомясь при этомъ,
Шли спать скорѣй, чтобъ завтра пораньше встать съ разсвѣтомъ.
Тадеушъ для ночлега во флигель отведенъ.
Дверь заперевши, въ печку свѣчу поставилъ онъ
И притворился спящимъ; но не смыкались очи,
И ожидалъ, какъ видно, онъ съ нетерпѣньемъ ночи,—
Сталъ подъ окномъ и, глядя украдкою во дворъ,
За сторожемъ слѣдилъ онъ, что совершалъ дозоръ.
Лишь тотъ ушелъ подальше, онъ выпрыгнулъ въ окошко
И, раму притворивши, прокрался, будто кошка,
Тайкомъ и осторожно, сгибаясь надъ землей,
И скрылся, утонувши въ глубокой тьмѣ ночной.

Л. Пальминъ.

Исторія одного развода.

Романъ.

Часть II *).

I.

— Я не знаю, право, но мнѣ кажется, что если самой съѣздить, это будетъ лучше, чѣмъ писать.

Съ этими словами Марья Алексѣевна положила перо на столъ, отодвинула отъ себя нетерпѣливымъ движеніемъ бюваръ съ начатымъ письмомъ и, откинувшись на спинку кресла, устремила на Дмитрія Николаевича взглядъ, которымъ она, какъ будто, снова вызывала его на споръ.

Но онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, не подымая на нее глазъ и ни единымъ движеніемъ не показывая, что слышалъ ея слова.

Съ часъ тому назадъ она сказала ему то же самое и онъ отвѣтилъ ей довольно рѣзко, что удивляется, какъ могла ей придти въ голову подобная нелѣпость.

Ей, по всей вѣроятности, снова хочется вызвать его на какое-нибудь непріятное замѣчаніе... Но онъ докажетъ ей, что вывести его изъ терпѣнія не легко и что онъ умѣетъ о самыхъ щекотливыхъ вещахъ разсуждать спокойно и сдержанно. Еслибъ этого не было, какая же была бы разница между имъ, Таманскимъ, и такими грубыми самородками, какъ Астафьевъ, напримѣръ?

Въ комнатѣ снова воцарилась тишина.

Это была обширная и высокая комната въ одной изъ лучшихъ петербургскихъ гостиницъ, богато разукрашенная брон-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

зой и позолотой, съ массивною мебелью, обитою пунцовымъ бархатомъ. Банальность этой отельной обстановки скрашивалась множествомъ красивыхъ вещицъ, раскиданныхъ по столамъ и этажеркамъ, альбомами, книгами и букетами душистыхъ цвѣтовъ въ вазахъ. У оконъ двѣ великолѣпныя латаніи и огромный фигусъ раскидывали свои широкіе, глянцовитые листья. Въ полурастворенную дверь виднѣлся нарядный туалетъ съ серебряными принадлежностями и часть низкой, широкой кровати, утопающей въ волнахъ кружевъ, батиста и голубаго атласа. Въ мраморномъ каминѣ гостиной лѣниво потрескивали дрова, а мягкій пестрый коверъ, которымъ былъ обитъ полъ, заглушалъ шаги Таманскаго.

— Право, мнѣ кажется, лучше самой къ нимъ съѣздить,— повторила Марья Алексѣевна.—Какъ вы думаете?

Онъ поморщился.

— На твоемъ мѣстѣ я попробовалъ бы сначала написать письмо, а потомъ, если онъ не отвѣтитъ... Тогда видно будетъ,— проговорилъ онъ уклончиво и мягко.

— Потомъ будетъ еще непріятнѣе съ нимъ видѣться,—прервала она его.—Впрочемъ, я попробую... Увидимъ, что изъ этого произойдетъ.

И снова она принялась писать, а онъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. По временамъ, когда ему казалось, что она слишкомъ углублена въ свое занятіе, чтобы чувствовать на себѣ его взглядъ, онъ останавливался и засматривался на граціозную головку, склоненную надъ бумагой, на вьющіеся волосы, выбивавшіеся изъ-подъ черепаховой гребенки, которою они были заколоты наскоро и кое-какъ. Волосы эти спалзывали капризными колечками на лобъ, спускались длинными локонами по бѣлой шейкѣ и по плечамъ Марьи Алексѣевны, придавая удивительно моложавый видъ всей ея физіономіи.

Было около четырехъ часовъ, но, занятая своимъ письмомъ, Марья Алексѣевна не успѣла еще ни причесаться, ни одѣться. На ней былъ накинутъ тотъ самый халатикъ изъ турецкой шали, подбитый бѣлою тафтой, и тѣ самыя бархатныя туфли, которыя она надѣла утромъ, подымаясь съ постели.

Письмо, которое она писала, крѣпко ее заботило. Рука какъ-то судорожно выводила буквы, хорошенькія брови сдвигались, губы складывались въ капризную гримаску ребенка, который силится удержаться отъ слезъ. Глухое раздраженіе, волновавшее ей душу,

усиливалось съ минуты на минуту и наконецъ прорвалось наружу въ рѣзкомъ движеніи, съ которымъ она схватила на половину исписанный листокъ, разорвала его въ мелкіе кусочки и бросила на полъ. Затѣмъ она взяла другой листъ бумаги, но и этотъ постигла та же участь, а также и третій, и четвертый, и пятый. Все пространство подъ письменнымъ столомъ покрылось рваными бумажками. Ей, кажется, особенное удовольствіе доставляло облегчать себѣ сердце такимъ образомъ, но на Таманскаго шорохъ разрываемой бумаги и шуршанье ея на коврѣ при каждомъ движеніи Марьи Алексѣевны дѣйствовали ужасно раздражительно. Онъ сдѣлался еще блѣднѣе и на лицѣ его рѣзче обыкновеннаго выступило то выраженіе сдавленнаго страданія, которое можно было теперь довольно часто подмѣчать въ немъ, когда онъ задумывался и забывалъ притворяться.

Огонь въ каминѣ догоралъ. Дмитрій Николаевичъ подложилъ дровъ и началъ раздувать пламя мѣхами. Должно-быть мысли унесли его далеко, потому что, когда Марья Алексѣевна снова заговорила, онъ вздрогнулъ и нервно передернулъ плечами.

— Нѣтъ, я никакъ не могу написать этого письма... Это ужасно трудно! Вы представить себѣ не можете!... Я даже не знаю, какъ начать, какъ его назвать... Написать просто: «милостивый государь»—невѣжливо, а «милостивый государь, Николай Ивановичъ»—смѣшно какъ-то...

— Почему же смѣшно? — спросилъ Таманскій, не прерывая своего занятія, не оборачиваясь и такъ тихо, что она, кажется, не разслышала его словъ.

Прошло минутъ десять. Дрова запылали наконецъ. Дмитрій Николаевичъ положилъ на мѣсто мѣхи, взялъ съ ближайшаго стола газету и развернулъ ее. Но врядъ ли могъ онъ что-нибудь разобрать,—отъ тяжелыхъ драпировокъ у оконъ, да отъ растеній, которыми они были заставлены, въ комнатѣ и днемъ было темно, теперь же наступали сумерки. Но ему было все равно,—никакія новости не могли интересовать его. Развертывая газету и машинально пробѣгая ее, онъ размышлялъ о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ дѣльцами по бракоразводнымъ дѣламъ, гг. Ласточкинымъ и Степановскимъ.

Г. Ласточкинъ съ первыхъ же словъ угрюмо объявилъ ему, что дѣло — дрянь. По всѣмъ собраннымъ о немъ справкамъ, г. Астафьевъ оказывается человѣкомъ до такой степени строп-

тивымъ и неподатливымъ, что нечего и думать о томъ, чтобы склонить его на какую бы то ни было сдѣлку.

— Я такъ думаю, ваше превосходительство, что намъ придется дѣйствовать другимъ способомъ...

— Когда же думаете вы начать?—спросилъ Дмитрій Николаевичъ.

— Надо переговорить съ г. Степановскимъ. Онъ можетъ-быть найдетъ возможнымъ приступить къ составленію прошенія мѣсяца черезъ три...

А на вопросъ Таманскаго о причинѣ такой продолжительной отсрочки г. Ласточкинъ ударился въ длинныя и запутанныя разсужденія о томъ, какъ непріятны тѣ мѣры, къ которымъ ихъ заставляетъ прибѣгать несговорчивость Астафьева.

— Вы этого и представить себѣ не можете, ваше превосходительство,—говорилъ онъ своимъ ровнымъ и апатичнымъ голосомъ, устремивъ на Таманскаго сонные глаза, которыми онъ отлично умѣлъ, несмотря на кажущееся равнодушіе, подмѣчать каждое движеніе мускуловъ на лицѣ своего слушателя.—Но съ моей стороны было бы безчестно не предупредить васъ о той нравственной отвѣтственности, которая падаетъ до извѣстной степени не только на тяжущихся и на насъ, но также и на всякую личность, хотя бы косвенно примѣшанную къ подобному дѣлу...

Намекъ былъ слишкомъ прозраченъ. Дмитрій Николаевичъ не далъ г. Ласточкину кончить.

— Но если ужь разъ г-жа Астафьева рѣшилась вынести это испытаніе, не лучше ли скорѣе все кончить?—спросилъ онъ, напирая на имя Марьи Алексѣевны.

— Поговорите съ г. Степановскимъ, ваше превосходительство,—покорно отвѣчалъ Егоръ Александровичъ.

Настаивать, заставлять г. Таманскаго выслушивать то, что ему такъ видимо не хочется слышать, вовсе не входило въ его планы. Г. Ласточкинъ вообще не грѣшилъ избыткомъ откровенности ни въ чемъ, въ дѣлахъ же подлежащихъ его вѣдѣнію онъ придерживался правила тѣхъ врачей, которые находятъ совершенно безполезнымъ и даже вреднымъ посвящать паціентовъ въ таинства науки, практикуемой надъ ними.

Есть нервные субъекты, способные съ ужасомъ отпрянуть отъ послѣдствій лѣченія, даже удачнаго. Есть деликатныя натуры, брезгающія извѣстными средствами, къ какой бы цѣли они ни вели. Г-ну Ласточкину казалось, что Таманскій принадлежитъ

именно къ такимъ натурамъ и что, чего добраго, его въ рѣшительную минуту такъ затошнитъ отъ той грязи, въ которую ему придется окунуться, что гораздо лучше протащить его съ зажмуренными глазами черезъ эту грязь, не давая ему замѣтить, насколько онъ перепачканъ ея брызгами.

— Да, надо съ этимъ дѣломъ скорѣе покончить,—говорилъ между тѣмъ Дмитрій Николаевичъ.—Положеніе такое фальшивое... У г-жи Астафьевой есть дочь... Чувство матери... Ей, конечно, хотѣлось бы имѣть ребенка при себѣ...

Его превосходительство окончательно запутался въ словахъ. Впрочемъ, надо и то сказать, что мысль объ Анѣ всегда его смущала. Отношенія его къ этому ребенку были какія-то странныя: первое время онъ почти постоянно терзался боязнью, что ему никогда не удастся утѣшить Марью Алексѣевну, что она вѣчно будетъ тосковать по дочери. Но потомъ, когда онъ сталъ убѣждаться, что опасенія его напрасны, его сталъ интересовать вопросъ другаго рода и онъ съ любопытствомъ спрашивалъ себя: вспоминаетъ ли она когда-нибудь про Аню? Неужели ей никогда не хочется ее видѣть? Послѣднее же время, съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали въ Петербургъ, вопросъ этотъ сталъ навертываться ему на умъ все чаще и чаще, а къ чувству любопытства начало примѣшиваться нѣчто въ родѣ досады, безотчетной конечно. Еслибы Дмитрію Николаевичу сказали, что онъ досадуетъ на Марью Алексѣевну за то, что она не страдаетъ отъ разлуки съ дочерью, онъ назвалъ бы подобное предположеніе нелѣпымъ... Но почему же ему было такъ пріятно убѣждать другихъ въ ея материнскихъ чувствахъ?

Разъ попавши на эту тему, онъ съ несвойственною ему словоохотливостью остановился на ней.

— Г-жа Астафьева цѣлыхъ полтора года не видѣла свою дочь и не имѣла отъ нея извѣстій. Всѣ ея письма оставались безъ отвѣта...

— Такъ, такъ, — закивалъ благодушно головой Егоръ Александровичъ, щуря при этомъ лѣниво глаза, какъ жирный котъ, грѣющійся на солнцѣ.

— Самой къ ней ѣхать послѣ того, что произошло между ею и мужемъ, неловко... Просить, чтобы дѣвочку къ ней прислали... написать письмо? — прибавилъ полувопросительно Дмитрій Николаевичъ.

— Почему не попытать... Надо осторожнѣе конечно...

Егоръ Александровичъ совсѣмъ зажмурился и смолкъ на минуту, а затѣмъ, снова устремивъ пристальный взглядъ своихъ мутныхъ глазъ на собесѣдника, объявилъ рѣшительнымъ тономъ:

— Повидайтесь съ г. Степановскимъ, ваше превосходительство, вотъ вамъ мой совѣтъ.

Дмитрій Николаевичъ въ тотъ же день послѣдовалъ этому совѣту.

Маленькій адвокатъ такъ и заюлилъ при появленіи такого важнаго туза, какъ г. Таманскій, въ его трущобу. Отъ избытка счастья въ умѣ его феноменъ какой-то произошелъ и сообразительность обострилась такъ непостижимо, что онъ самъ испугался плановъ, возникавшихъ одинъ за другимъ въ его умѣ. Не даромъ вѣдь Степановскій слылъ человѣкомъ увлекающимся и пылкимъ. Когда Дмитрій Николаевичъ передалъ ему сущность своего разговора съ Ласточкинымъ, онъ просто пришелъ въ ярость и началъ такъ честить своихъ патроновъ за ихъ несносную замашку все медлить и медлить, что его превосходительство былъ до глубины души тронутъ такимъ теплымъ участіемъ къ его сердечнымъ дѣламъ.

— Вы представить себѣ не можете, ваше превосходительство, сколькихъ людей они довели до изступленія своими проклятыми проволочками! И вѣдь такъ себѣ, безъ всякой пользы для себя, изъ принципа... Все думаютъ, не помирятся ли супруги.

— Помилуйте, какой же тутъ принципъ?—волновался Дмитрій Николаевичъ.—Г. Ласточкинъ долженъ отлично знать, что примиренія быть не можетъ... Г. Астафьевъ никогда не проститъ женѣ, что она покинула его домъ, даже еслибъ она раскаялась въ этомъ, чего нѣтъ и быть не можетъ... Какое же примиреніе?

— Позвольте вамъ замѣтить, ваше превосходительство, что Егоръ Александровичъ прежде всего—попъ и думаетъ по-поповски. Вы не смотрите, что у него волосы острижены по модѣ, что онъ одѣвается у лучшаго портнаго и по цѣлымъ ночамъ играетъ въ стуколку въ клубѣ. Я вамъ даже скажу по секрету, что онъ содержитъ одну изъ шикарнѣйшихъ дамъ полусвѣта и просаживаетъ на нее тысячъ до тридцати въ годъ; но что-жь это доказываетъ?—ровно ничего. Загляните ему въ душу и вы увидите, что въ немъ сидитъ попъ, ретроградъ и обскурантъ, какъ и всѣ попы. Ласточкинъ дѣйствуетъ за-одно со всей кликой, ваше превосходительство, со своимъ непосредственнымъ начальникомъ Леопардовымъ... Вотъ еще типъ, я вамъ доложу! Даже невѣроятно, чтобы въ ны-

нѣшнее просвѣщенное время могли существовать въ европейскомъ государствѣ такіе люди и такое судилище! Надо самому все это видѣть, чтобы повѣрить... Ихъ правила, пріемы и способъ дѣйствія, даже ихъ способъ брать взятки—все это такъ оригинально, такъ наивно и нахально, что просто глазамъ и ушамъ своимъ не вѣришь. Вы слышите, напримѣръ, у нихъ такіе разговоры, какъ тотъ, которому я вчера былъ свидѣтелемъ. Является какой-то повѣренный за справкой. Подаютъ ему написанную бумагу.—«Вотъ вамъ справка. Видите, какъ скоро».—«Очень вамъ благодаренъ».—«Мы могли бы продержать ее еще съ недѣльку». Г. повѣренный опять благодаритъ.—«Чортъ ли мнѣ въ вашей благодарности? На нее шубу не сошьешь».—«Да вѣдь вы уже получили по условію».—«Получилъ; такъ что-жь изъ этого? Можно и еще прибавить». Ну, г. повѣренный прибавляетъ конечно. И все это дѣлается явно, говорится громко, нисколько не стѣсняясь и не краснѣя... Но это я вамъ про мелкоту разсказываю, ваше превосходительство,—продолжалъ Степановскій, не обращая вниманія на досаду и неловкость, выражавшуюся на лицѣ государственнаго мужа, поставленнаго въ горькую необходимость терпѣливо его выслушивать,—имъ бы только хапнуть, а съ кого и за что—безразлично... Крупные же чины, тѣ, отъ которыхъ собственно все и зависитъ, у тѣхъ кромѣ денегъ также и принципъ благовидности огромную роль играетъ... У нихъ прежде всего, чтобы безъ говора, аккуратно и чтобы ни сучка, ни задоринки. Для этого они всегда такъ пригоняютъ, чтобы черезъ третьи, либо четвертыя руки всѣ подмазки достигали до назначенія... А сколько мимоходомъ прилипаетъ къ такимъ рукамъ, это только намъ однимъ, да Господу Богу извѣстно!

Внезапно мѣняя тонъ, онъ продолжалъ съ тою же рѣзкою откровенностью, которою такъ легко подкупается довѣріе людей не умѣющихъ ни лгать, ни притворяться:

— Ласточкинъ васъ прислалъ ко мнѣ, ваше превосходительство, потому что онъ знаетъ, что я отдамъ ему двѣ трети того, что возьму съ васъ за это дѣло... А что я возьму съ васъ много, это ему тоже извѣстно,—прибавилъ онъ тономъ честнаго человѣка, вынужденнаго обстоятельствами поступать противъ совѣсти.

Таманскій замѣтилъ на это, что г-жа Астафьева за деньгами не постоитъ.

Г. Степановскій нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается, ваше превосходительство!

— Лишь бы только скорѣе кончить, — досказалъ Дмитрій Николаевичъ.

— Позвольте-съ...

Адвокатъ съ минуту времени помолчалъ. Опустивъ голову на руку и прищуриваясь, онъ принялся что-то высчитывать въ умѣ.

— Вотъ что-съ,—началъ онъ тономъ дѣловаго человѣка, серьезно обдумавшаго значеніе тѣхъ словъ, которыя онъ намѣренъ произнести: — г-жа Астафьева получитъ свой разводъ въ мартѣ мѣсяцѣ будущаго года... Можетъ-быть раньше немного, но ужь отнюдь не позже, за это я вамъ ручаюсь... Довольны вы, ваше превосходительство?...

Не дожидаясь отвѣта, онъ заговорилъ о томъ, что хорошо было бы возобновить сношенія съ г. Астафьевымъ.

— Хотя бы для того, чтобы постоянно знать мѣсто его пребыванія и при какихъ онъ мысляхъ... Да, вотъ, вы мнѣ прошлый разъ намекали на желаніе Марьи Алексѣевны видѣть свою дочь... Вполнѣ законное желаніе... Интересно знать, какъ отнесется къ нему г. Астафьевъ,—продолжалъ онъ, самодовольно потирая руки и весело ухмыляясь.

Г. Степановскій уже мысленно предвкушалъ всю выгоду, которую можно извлечь изъ подобныхъ сношеній между мужемъ и женою.

— Вполнѣ законное желаніе,—повторилъ онъ.—Надо быть совершенно безчувственнымъ человѣкомъ, чтобы противиться такому желанію, и если только г. Астафьевъ окажется такимъ человѣкомъ... Ваше превосходительство! я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, какую важную роль играетъ въ этихъ дѣлахъ нравственная подкладка... Бывали примѣры, что разводъ затягивался на неопредѣленное время единственно потому, что который-нибудь изъ судей пронюхаетъ о желаніи истца или истицы вступить въ законный бракъ съ другою личностью.... Точно также и насчетъ душевныхъ качествъ тяжущихся... Судьи всегда поддерживаютъ ту сторону, которая кажется имъ мягче, добрѣе, терпѣливѣе... Случается такъ, что они отказываются обвинять женщину даже и тогда, когда она сама сознается въ преступленіи. Да, вотъ, мнѣ самъ Ѳедоръ Николаевичъ Мальвинскій разсказывалъ про одну блондиночку... На видъ такая скромница, водой не замутитъ, взоръ голубыхъ очей—ангельскій, улыбка—невинная, голосокъ нѣжный, манеры... Ну, однимъ словомъ, ин-

ститутка, стало-быть на манерахъ выросла такъ сказать, и между тѣмъ—развратница такая, что за десять тысячъ сама указала, гдѣ и въ какое время ее можно застать съ любовникомъ. И какъ бы думали?—Ни одно дѣло не обошлось Мальвинскому такъ дорого, какъ это! Не вѣрятъ благочестивые старцы въ виновность такого ангела, да и все тутъ!... Тысячъ въ пятьдесятъ въѣхалъ разводъ несчастному супругу. А онъ, на бѣду, мужикъ здоровый и свирѣпый на видъ, ухватки рѣзкіе... Сейчасъ, по первому абцугу и безъ всякой надобности, объявилъ, что въ Бога не вѣритъ и въ церковь не ходитъ. Вотъ и взъѣлись на него наши долгогривые, да и давай его рублями казнить. За все пришлось чистыми денежками разсчитываться...

Повидимому исторія этого грубаго человѣка вовсе не интересовала Таманскаго,—онъ прервалъ г. Степановскаго на полусловѣ:

— Такъ, по вашему мнѣнію, г. Астафьевъ повредитъ себѣ, если не захочетъ прислать свою дочь повидаться съ матерью?

— Всенепремѣнно, ваше превосходительство! Судите сами: человѣкъ, который не понимаетъ или не хочетъ понимать чувствъ матери къ ребенку,—что это за человѣкъ? Развѣ онъ достоинъ называться отцомъ?—Конечно нѣтъ. Это ясно какъ день и желать расторгнуть бракъ съ такимъ человѣкомъ вполнѣ естественно и понятно... Права матери! Есть ли на свѣтѣ что-нибудь святѣе и неоспоримѣе этихъ правъ?...

Г. Степановскій входилъ въ паѳосъ, отъ котораго порядочно-таки коробило его слушателя; но, отправляясь по всѣмъ этимъ мытарствамъ, Дмитрій Николаевичъ далъ себѣ слово быть терпѣливымъ и старался не раздражаться.

— Скажите Марьѣ Алексѣевнѣ, ваше превосходительство,—продолжалъ, между тѣмъ, расходившійся адвокатъ,—что никто въ мірѣ не можетъ ей запретить требовать свиданія съ дочерью... Если вамъ угодно, я съѣзжу къ г. Астафьеву и, въ качествѣ ея повѣреннаго, переговорю съ нимъ объ этомъ.

Но у Дмитрія Николаевича было еще слишкомъ свѣжо воспоминаніе о неудачномъ столкновеніи г. Степановскаго съ мужемъ Марьи Алексѣевны, по поводу ея вида на жительство, и онъ поспѣшилъ отклонить это предложеніе.

— Нѣтъ, лучше прежде написать письмо... Вмѣшательство третьяго лица въ такое интимное дѣло можетъ показаться оскорбительнымъ... Къ чему его раздражать понапрасну?...

Г. Степановскій поспѣшилъ согласиться съ справедливостью такого довода и только посовѣтовалъ написать письмо помягче, избрать такія выраженія, къ которымъ нельзя было бы придраться, и послать это письмо по возможности скорѣе.

— Дальнѣйшая проволочка можетъ набросить неблаговидную тѣнь на мою кліентку,—повторялъ онъ, провожая посѣтителя на площадку высокой и крутой лѣстницы, по которой его превосходительство не погнушался взобраться.—Надо все предвидѣть, и намъ не очень-то будетъ выгодно, если г. Астафьевъ будетъ доказывать, что супруга его долгое время прожила въ одномъ городѣ съ дочерью и не изъявила ни малѣйшаго желанія видѣть ее.

Когда Таманскій, подъ впечатлѣніемъ только-что описанной бесѣды съ адвокатомъ, заговорилъ съ Марьей Алексѣевной объ Анѣ и о томъ, что не мѣшало бы сдѣлать кое-какія попытки, чтобы съ нею увидѣться, она пришла въ восторгъ и почувствовала такой приливъ нѣжности къ своему другу, что долго ни о чемъ не могла говорить, кромѣ какъ о своей любви къ нему и о счастьѣ быть имъ любимой.

— Ты умѣешь угадывать всѣ мои мысли и желанія... Мнѣ было совѣстно тебѣ сознаваться въ этомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, у меня одна только мечта—видѣть мою дѣвочку.

— Это такъ естественно, душа моя, вѣдь ты ей мать.

— О, благодаря тебѣ, я это такъ часто забываю!

— Въ такомъ случаѣ на моей совѣсти лежитъ это помнить,— произнесъ онъ глубокопрочувствованнымъ голосомъ, нѣжно сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

— Я буду только тогда вполнѣ счастливъ, когда твой ребенокъ будетъ при тебѣ.

— Тогда и мнѣ нечего будетъ больше желать..

Они провели прелестный вечеръ. Давно ужь не высказывали они другъ другу такое множество хорошихъ словъ, давно не ощущали такъ сознательно, что любятъ другъ друга и необходимы одинъ другому. Когда онъ передалъ ей результатъ своихъ бесѣдъ съ Ласточкинымъ и Степановскимъ, Марья Алексѣевна окончательно расчувствовалась: все представлялось ей въ розовомъ свѣтѣ, изъ всего выводила она счастливыя предзнаменованія, увѣряя, что ничего не боится и ни въ чемъ не раскаивается. Ей даже казалось невѣроятнымъ, чтобы самъ Николай Ивановичъ продолжалъ долго упорствовать насчетъ Ани,—вѣдь долженъ же

онъ, наконецъ, понять, что у него нѣтъ средствъ ее воспитывать какъ слѣдуетъ и что лишить ее счастья сдѣлаться вполнѣ порядочной и образованной дѣвушкой—эгоизмъ съ его стороны и больше ничего.

— Конечно, эгоизмъ,—соглашался Дмитрій Николаевичъ.

Но на слѣдующій день вѣтеръ подулъ въ другую сторону и когда послѣ службы Таманскій пріѣхалъ къ Марьѣ Алексѣевнѣ, онъ засталъ ее въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Вся блѣдная и измученная сидѣла она у письменнаго стола; глаза ея были заплаканы, руки холодны какъ ледъ. На его тревожный вопросъ, что случилось, она отвѣчала, что всю ночь не спала, всю ночь думала о томъ, какъ отнесется Николай Ивановичъ къ ея просьбѣ насчетъ Ани и что дѣлать, если онъ не захочетъ ее исполнить.

Напрасно Таманскій напоминалъ ей о вчерашнемъ разговорѣ съ дѣльцами, ставилъ ей на видъ безполезность огорчаться предположеніями, тѣмъ, чего еще нѣтъ и можетъ-быть не будетъ, и, наконецъ, со всевозможною деликатностью намекнулъ ей и на то обстоятельство, что разлука съ ея дочерью продолжается уже восемнадцать мѣсяцевъ и что если предположить даже худшее, а именно, что пройдетъ еще столько же времени, прежде чѣмъ она увидится съ нею,—конечно, это будетъ очень тяжело и непріятно, но вѣдь уже не такое же несчастіе...

Марья Алексѣевна не дала ему договорить и довольно запальчиво замѣтила, что онъ думалъ бы иначе, еслибъ Аня была его дочь.

И вѣроятно, чтобы смягчить жесткость этого замѣчанія, она прибавила:

— Удивительно, право, какъ это съ вашимъ умомъ и утонченностью чувствъ вы не понимаете, какой огромной нравственною поддержкой была бы для меня дочь!... Ужь не говоря о той respectabilité, которую внесло бы присутствіе дѣвочки въ мою обстановку...

«А, тебѣ только этого и нужно!»—чуть было не вырвалось у Таманскаго; но онъ не только не выговорилъ вслухъ эту мысль, но даже энергичнымъ усиліемъ воли заставилъ смолкнуть внутренній голосъ, который съ нѣкоторыхъ поръ все чаще и чаще угощалъ его самыми непріятными и непредвидѣнными выводами и предположеніями.

А Марья Алексѣевна, между тѣмъ, снова принялась писать. Но работа подвигалась медленно; можно было даже сказать, что

она вовсе не подвигалась,—только куча нарванныхъ бумагъ подъ столомъ не переставала увеличиваться.

Время шло. Дмитрій Николаевичъ думалъ о томъ, что въ домѣ, гдѣ онъ обѣщалъ сегодня обѣдать, садятся за столъ ровно въ шесть часовъ и что неаккуратность съ его стороны будетъ принята за личное оскорбленіе не только хозяйкой дома, но и всѣми ея гостями. Соображая мысленно, сколько еще времени Марья Алексѣевна будетъ сочинять свое письмо, онъ спрашивалъ себя, не послать ли записку съ извиненіемъ и отказомъ отъ обѣда, когда она объявила ему, что кончила.

— Хотите прослушать?

И, не дожидаясь отвѣта, она прочитала, очень поспѣшно и сбивчиво, низко пригибаясь къ бумагѣ, какъ будто ей трудно разбирать слова, ею же самою начертанныя:

«Милостивый Государь
«Николай Ивановичъ!

«Надѣюсь, вы найдете весьма понятнымъ мое желаніе видѣть Аню и не откажете мнѣ въ позволеніи за нею прислать.

«Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи.

«М. А.»

— Только три строчки! Больше я ничего не могу измыслить, рѣшительно не могу,—сказала она, складывая письмо и опуская его въ конвертъ.

Голосъ ея слегка дрожалъ отъ волненія.

— Не слишкомъ ли лаконично?—замѣтилъ Дмитрій Николаевичъ, которому вспомнилось предостереженіе Степановскаго насчетъ мягкости тона въ письмѣ и совѣтъ его избѣгать рѣзкости въ выраженіяхъ.—Еще оскорбится, пожалуй.

— Чѣмъ же тутъ оскорбляться? Онъ фразъ не любитъ,—я знаю,—и не вѣритъ имъ...

«Какъ ты?»—подсказалъ Таманскому тотъ же несносный внутренній голосъ..

— Да и вообще такого рода письма чѣмъ короче, тѣмъ лучше,—продолжала она, помолчавъ немного,—вѣдь читать ихъ точно такъ же непріятно, какъ и писать...

Возраженія не послѣдовало. Марья Алексѣевна вынула сложенный листокъ изъ конверта и посматривая съ усмѣшкой на Дмитрія Николаевича, проговорила, иронически напирая на извѣстныя слова:

— Можно, пожалуй, прибавить, что мы пришлемъ за Аней карету въ тотъ день, который ему будетъ *угодно* назначить, и отошлемъ ее назадъ, когда онъ *прикажетъ*...

И на это Дмитрій Николаевичъ ничего не отвѣтилъ.

«Какъ ей, однако-жь, хочется мнѣ больно сдѣлать!—думалъ онъ, нагибаясь къ догоравшимъ угольямъ и нервно шевеля ихъ щипцами.—Зачѣмъ это?»

Въ комнатѣ снова воцарилось молчаніе.

— Какъ его адресъ? Я все забываю,—спросила она.

Онъ сказалъ адресъ Астафьева, а затѣмъ всталъ и началъ искать свою шляпу.

— Какая даль,—говорила Марья Алексѣевна, надписывая адресъ и заклеивая конвертъ.—Въ какой это сторонѣ, какъ вы думаете?

«Сейчасъ опять скажетъ, что она къ нему поѣдетъ... И только для того, чтобы дразнить меня»,—замелькало въ умѣ Дмитрія Николаевича.

— Я такъ полагаю, что туда и въ часъ не доѣдешь... Вы уходите?—прибавила она, замѣчая, что онъ надѣваетъ перчатки.

— Да. Вѣдь я тебѣ говорилъ про этотъ обѣдъ у тетушки. Семейное торжество въ честь молодыхъ супруговъ. Il faut faire acte de présence... Провинціалы, знаешь,—они придаютъ такое важное значеніе моему присутствію на этомъ обѣдѣ... Дай мнѣ это письмо, я отправлю его съ посыльнымъ. По всей вѣроятности, часа черезъ два будетъ отвѣтъ.

— Такъ вы уходите?—повторила Марья Алексѣевна.—Я совсѣмъ забыла про этотъ обѣдъ...

Онъ нагнулся, чтобы поцѣловать ее, но она отвернулась, нечаянно конечно, и губы его успѣли только скользнуть по ея лбу; а когда онъ сказалъ, что постарается вернуться раньше, потому что понимаетъ, какъ ей тяжело оставаться одной, чувство глухой, сдержанной досады, давившее ей сердце, перешло въ безотчетное озлобленіе.

— Ничего вы не понимаете!—прошептала она, къ счастію такъ тихо, что онъ ушелъ, не разслышавъ этого замѣчанія.

Такъ ей казалось, по крайней мѣрѣ. Впрочемъ ей было все равно. Сегодня она никого, рѣшительно никого не могла жалѣть; она была убѣждена, что никому не можетъ быть такъ тяжело, какъ ей. Ему ужь потому легче, что онъ можетъ уйти, можетъ окунуться въ другой міръ, видѣть другихъ людей, слышать дру-

гіе разговоры,—забыться, однимъ словомъ,—а ей уйти некуда и развлечься нечѣмъ. Положеніе ея такое фальшивое! Правда, что когда она и съ мужемъ жила, оно было не лучше. Съ пріятелями Николая Ивановича она не сходилась, а своихъ не умѣла завести, да и не могла. То общество, къ которому ее тянуло съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнила,—такъ тянуло, какъ тянетъ бабочку къ огню,—то общество отвернулось отъ нея, какъ только-что она вышла замужъ за Астафьева. Теперь оно отвертывается отъ нея еще враждебнѣе... Но это до поры до времени, конечно... Когда она сдѣлается женой Таманскаго, тогда все измѣнится и ей *все* простятъ. У нея будетъ домъ; къ ней всѣ будутъ ѣздить,—всѣ, кого она только удостоитъ приглашеніемъ... Тогда ей можно и дочь свою воспитывать такъ, какъ ей хочется. У Ани есть способности, она очень неглупа, изъ нея можетъ выйти une personne tout à fait distinguée, при извѣстной выправкѣ. Она нехороша собой и это, конечно, большое несчастье; но если пріучить ее всегда одѣваться къ лицу, да если она будетъ любезная, добрая и веселая дѣвушка, on la trouvera interessante... вотъ какъ та горбатенькая графиня, за которой всѣ дѣти бѣгали въ Спа, или какъ та больная миссъ, съ которой они каждый день встрѣчались за table d'hote во Флоренціи... Не всѣмъ же быть красавицами... Изъ Ани можно сдѣлать отличную музыкантшу...

Марья Алексѣевна вспомнила, какъ приставалъ къ ней Николай Ивановичъ, чтобъ она учила ее музыкѣ... Но развѣ была какая-нибудь возможность исполнить эту просьбу? У нихъ не было своего рояля, пришлось взять какое-то дрянное фортепіано на-прокатъ и не успѣла Аня выучиться нотамъ, какъ инструментъ отдали назадъ, потому что слишкомъ тяжело было платить за него... На ноты тоже не было денегъ... Теперь она можетъ все это ей доставить—и книги, и ноты, и рояль, а также самыхъ лучшихъ учителей...

Размышленія Марьи Алексѣевны были прерваны легкимъ стукомъ въ дверь, а вслѣдъ затѣмъ вошелъ лакей съ зажженною лампой. Она только тутъ замѣтила, что въ комнатѣ давно стемнѣло.

— Ничего не прикажете?—спросилъ лакей.

Поставивъ лампу на столъ, онъ въ нерѣшительности остановился у двери и съ любопытствомъ посматривалъ на кучу рваныхъ писемъ, бѣлѣвшуюся на коврѣ у письменнаго стола.

— Ничего. Ступайте.

Онъ вышелъ, а Марья Алексѣевна начала сама приводить въ порядокъ комнату. Чтобы собрать мелкіе клочки тонкой почтовой бумаги, мѣстами приставшей къ ковру, потребовалось не мало времени и терпѣнія; но должно-быть занятіе это пришлось ей по вкусу,—такъ аккуратно исполнила она свою задачу до конца. Подобравъ всѣ бумажки, она подошла къ камину и начала бросать ихъ туда горстями. По угольямъ, подернутымъ бѣлою золой, забѣгали золотыя змѣйки, вспыхивая то тутъ, то тамъ короткимъ, синимъ пламенемъ, а затѣмъ все потухло, и когда Марья Алексѣевна захотѣла сжечь послѣдній клочокъ оставшійся у нея въ рукахъ, огня на него уже не хватило. Тогда она поднесла его къ лампѣ и начала машинально перечитывать то, что на немъ было написано: «... мою дочь...» А дальше, послѣ этихъ зачеркнутыхъ словъ: «... наша дочь...», тоже перечеркнутыя.

Она вспомнила, какъ долго колебалась она между этими двумя выраженіями, пока, наконецъ, ей не пришло въ голову замѣнить ихъ именемъ Ани.

Вѣдь, кажется, что могло быть проще этого, а между тѣмъ какъ долго она мучилась прежде, чѣмъ напасть на этотъ исходъ. И все потому, что Дмитрій Николаевичъ тутъ сидѣлъ. Онъ ей спутывалъ всѣ мысли своимъ присутствіемъ... Можно было чѣмъ угодно поручиться, что письмо вышло бы вдесятеро лучше, толковѣе и убѣдительнѣе, еслибы Таманскаго не было въ комнатѣ въ то время, когда оно писалось. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ, ей пришло въ голову множество новыхъ мыслей и выраженій и все такія, противъ которыхъ нѣтъ никакой возможности спорить... Надо было сказать Николаю Ивановичу то-то и то-то, напомнить это-то, непремѣнно!... Какъ могла она послать ему такую лаконическую, сухую записку, когда дѣло идетъ о такомъ важномъ вопросѣ, какъ свиданіе съ дочерью? Вѣдь это даже на насмѣшку похоже... Гдѣ же Николаю Ивановичу догадаться, сколько труда стоила ей эта записка, сколько бумаги она перервала, сколько крови перепортила надъ нею? Это—второе письмо съ тѣхъ поръ, какъ они разстались... На первое онъ не отвѣчалъ. А между тѣмъ оно было довольно длинно и, сколько помнила Марья Алексѣевна, очень хорошо написано. Какое впечатлѣніе произвело это письмо на Николая Ивановича, она никакъ не могла себѣ этого представить. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала жить новою

жизнью, у нея было столько новыхъ ощущеній, что личность человѣка, стоявшаго единственною преградой между ею и счастьемъ, не могла представляться ей иначе, какъ въ извращенномъ видѣ. По временамъ она ненавидѣла его. А онъ?... Какъ у нихъ теперь? Какъ они живутъ безъ нея?... Все такъ же, по всей вѣроятности: тѣ же мелкія заботы, тяжелый, скучный трудъ и грошовыя, мизерныя развлеченія и удовольствія... Тѣ же горячіе споры съ пріятелями о разныхъ отвлеченностяхъ, какъ, напримѣръ, народное образованіе, внутренняя политика и тому подобныя скучныя матеріи, которыми въ порядочномъ обществѣ никто не интересуется, даже и тѣ, которые, по тривіальному выраженію Николая Ивановича, деньги берутъ за то, чтобы заниматься разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ.

Астафьевъ увѣрялъ, что именно поэтому вопросы эти такъ долго и не разрѣшаются.

Марьѣ Алексѣевнѣ припомнился разговоръ, происшедшій однажды между Таманскимъ и ея мужемъ по этому предмету.

— Согласитесь, ваше превосходительство, что сытому человѣку труднѣе заказать хорошій обѣдъ, чѣмъ голодному,—сказалъ Николай Ивановичъ.

— Отъ хорошихъ обѣдовъ индижестіи бываютъ,—тонко усмѣхнулся Таманскій.

Николай Ивановичъ громко расхохотался.

— Вотъ и видно, что вы—тайный совѣтникъ, ваше превосходительство!

— Это не отвѣтъ и не оправданіе,—возразилъ Дмитрій Николаевичъ, задѣтый за живое,—я вамъ могу доказать...

Но Астафьевъ не далъ ему договорить:

— Напрасный трудъ, ваше превосходительство. Другаго отвѣта на ваши порадоксы вамъ отъ насъ не дождаться,—сказалъ онъ, не переставая смѣяться.—Сколько бы мы съ вами ни разговаривали, намъ никогда не понять другъ друга.

— Votre mari a l'air de se moquer de moi,—замѣтилъ съ добродушной улыбкой Дмитрій Николаевичъ, оставшись наединѣ съ хозяйкой.

Сильно сконфуженная, Марья Алексѣевна отвѣчала ему, что Николай Ивановичъ и надъ нею постоянно смѣется, когда мнѣнія ихъ расходятся...

— Cela se comprend,—сказалъ Таманскій и поспѣшно завелъ рѣчь о другомъ предметѣ.

«Cela se comprend»,—повторила про себя Марья Алексѣевна, возвращаясь мысленно къ этой сценѣ. И какъ живой предсталъ передъ нею знакомый образъ, сильная и неуклюжая фигура съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ, яснымъ взглядомъ и доброй, слегка насмѣшливой, улыбкой. Простое лицо, простая рѣчь, простое обхожденіе со всѣми. Было время, когда милѣе и дороже человѣка у нея не было на свѣтѣ; но и тогда она не понимала его и никогда не могла угадывать ни его мысли, ни желанія, не могла сказать впередъ, *какъ* отнесется онъ къ тому-то и какъ взглянетъ на это-то, теперь же она и подавно не можетъ себѣ этого представить. А между тѣмъ ей очень хотѣлось знать, какого рода чувства питаетъ къ ней теперь Николай Ивановичъ,—такъ хотѣлось, что еслибы Таманскій не просидѣлъ у нея все утро, она не вытерпѣла бы и поддалась бы искушенію самой съѣздить за Аней. То, что она узнаетъ изъ письма, которое онъ напишетъ въ отвѣтъ на ея записку, такъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что она прочитала бы въ его взглядѣ, въ звукѣ его голоса, въ выраженіи лица...

Въ дверь снова постучались и вошелъ посыльный съ письмомъ.

Долго не рѣшалась Марья Алексѣевна распечатать конвертъ, на которомъ знакомою рукой было написано ея имя, долго вертѣла она его въ рукахъ, пытаясь угадать по почерку, по толщинѣ пакета, его содержаніе, и, наконецъ, ей сдѣлалось досадно на себя за такое малодушіе. «Чего она боится? Развѣ она не мать Ани? Развѣ она не имѣетъ права требовать свиданія съ дочерью?»

Она порывистымъ движеніемъ разорвала конвертъ. На бѣломъ листѣ почтовой бумаги чернѣлись только двѣ строчки: «Не вижу въ томъ никакой надобности и прошу оставить насъ въ покоѣ».

Когда Марья Алексѣевна подняла глаза съ этихъ двухъ строчекъ, передъ нею стоялъ Таманскій.

— Прочтите,—прошептала она,—протягивая ему письмо Николая Ивановича.—Даже не удостоилъ подписаться, какъ вамъ это нравится?... Ужь, кажется, выказать больше презрѣнія ко мнѣ невозможно!—произнесла она задыхающимся отъ волненія голосомъ.—Впрочемъ, что же со мной церемониться! Развѣ съ той минуты, какъ я бросила домъ моего мужа и моего ребенка, чтобы слѣдовать за вами,—развѣ всѣ не считаютъ меня потерянной женщиной? Я сама это должна знать и вѣчно, вѣчно

помнить! Всякій можетъ меня оскорблять,—заступиться за меня некому...

— Вы?—продолжала она, злобно усмѣхнувшись на какое-то возраженіе, которое онъ прошепталъ дрожащими губами.—Вы? Да какое вы имѣете право? Развѣ вы мнѣ мужъ? Вотъ г. Астафьевъ—дѣло другое: онъ *можетъ* меня вытребовать къ себѣ черезъ полицію, онъ можетъ васъ выгнать вонъ изъ своей квартиры, если вы туда явитесь, чтобы повидаться со мной...

Голосъ ея порвался въ истерическихъ рыданіяхъ, но она успѣла высказать множество такихъ вещей, которыя никогда не забываются, и Дмитрій Николаевичъ чуть было не слегъ въ постель отъ этихъ словъ.

Докторъ, за которымъ онъ послалъ тотчасъ по возвращеніи домой, нашелъ у него такое сильное разстройство нервовъ, что пришелъ въ-тупикъ.

— Если съ вами опять возобновится такой припадокъ, — объявилъ онъ своему паціенту,—я принужденъ буду снова отправить васъ за границу.

II.

Загудѣлъ первый ударъ большаго колокола, звонко завторили ему другіе, поменьше. Церковь была очень близко отъ дома майорши Побѣдашъ. Не взирая на зимнія рамы, уже вставленныя мѣсяцъ тому назадъ, послѣ перваго мороза, хватившаго въ нынѣшнемъ году довольно рано, звонъ ко всенощной произвелъ обычный переполохъ въ жилищѣ почтенной Алены Петровны: котъ, точно встрепанный, соскочилъ съ теплой лежанки и уставился своими сверкающими зелеными глазами на Амишку, у которой тоже отъ волненія приподнялись уши и зашевелился хвостъ. Варварушка переложила изъ правой руки въ лѣвую лучину, которую она только-что собиралась всунуть подъ дрова, уложенныя въ печку, и, перекрестившись большимъ крестомъ, оглянулась на старинные часы въ большомъ деревянномъ футлярѣ, стоявшіе за дверью въ залѣ. Точно въ отвѣтъ на этотъ взглядъ, часы зашипѣли и медленно прозвонили шесть.

— Разъ... два... три... — считала вслухъ старушка, тревожно оглядываясь на лучину, дымившуюся въ ея рукахъ.

Часы звонили такъ медленно, что когда послѣ шестаго удара гулъ окончательно смолкъ и дальнѣйшаго звона нельзя было уже больше ждать, лучина погасла и пришлось зажигать ее сызнова. А между тѣмъ въ спальнѣ хозяйки начала подниматься

легкая возня. Алена Петровна, разбуженная колоколомъ среди сладкаго послѣобѣденнаго сна, крестилась и потягивалась, протирая глаза и пытаясь сообразить, къ чему именно звонятъ—къ ранней обѣднѣ, заутрени или ко всенощной.

Въ маленькой, узкой спальнѣ, главнымъ и единственнымъ убранствомъ которой служилъ кіотъ огромныхъ размѣровъ, со множествомъ образовъ, было совершенно темно. Черезъ тонкую досчатую перегородку, обклеенную обоями, слышалось потрескиванье дровъ въ печкѣ, кряхтѣнье старой служанки и пробивался запахъ обгорѣлой лучины.

— Что это, Варварушка, неужто ко всенощной звонятъ?—спросила майорша, довольно громко возвышая голосъ.

Варварушка была глуха на одно ухо.

— Ко всенощной, сударыня, ко всенощной. Я ужъ и лампадку передъ образомъ затеплила, и самоваръ вычистила... Печку въ прихожей надо было затопить, чтобъ изъ дома все тепло не выдуло за ночь.

— О, Господи, Господи!—вздохнула Алена Петровна.—Вотъ заспалась-то—страсть! Даже не разберу, день или ночь,—все перепуталось въ головѣ. Никогда, кажется, не спала я такъ крѣпко,—до сихъ поръ въ разумъ не могу придти...

— Это къ погодѣ, сударыня, къ погодѣ. Господь снѣжкомъ насъ благословилъ... Сейчасъ выходила я въ сѣни, все кругомъ забѣлѣлось, а у крыльца такой намело сугробъ, что я приказала Микитычу лопатой ступеньки расчистить,—барыня пойдетъ въ церковь, говорю.

— Да, да, надо идтить... Дай мнѣ скорѣе одѣться, Варварушка.

Алена Петровна энергичнымъ усиліемъ стряхнула съ себя остатокъ дремоты и торопливо встала на ноги.

— Ахъ ты Господи, чуть было не забыла совсѣмъ! Надо сходить на верхъ, Варварушка, да сказать Анинькѣ, чтобъ собиралась.

— Врядъ ли Николай Ивановичъ ихъ пустятъ со двора въ такую погоду, сударыня. На улицѣ зги Божьей не видать.

— Какъ же быть, Варварушка?—забезпокоилась майорша,—какъ же быть? Аничка такъ просила, такъ просила!... «Вы, говоритъ, Алена Петровна, непремѣнно пошлите за мной, когда пойдете ко всенощной,—я, говоритъ, обѣщаніе дала свѣчку поставить Спасителю». Нѣтъ ужъ, Варварушка,—прибавила она рѣ-

шительнымъ тономъ,—надо за ней сходить... Ужь тамъ пустятъ ее или нѣтъ, это не наше дѣло, а сказать ей надо, что я собираюсь...

— Что-жь, я скажу пожалуй,—мнѣ не въ тягость подняться по лѣстницѣ,—только ничего изъ этого не выйдетъ. Вотъ увидите сами, что Николай Ивановичъ ихъ не пуститъ,—проворчала старуха, направляясь къ двери.

Алена Петровна, не теряя времени, одѣвалась. Но, застегивая платье, вынимая изъ картонки бархатную синюю шляпу съ выцвѣтшими атласными лентами и смѣшнымъ, развившимся, перомъ, она не переставала думать объ Анѣ и тревожиться вопросомъ, пуститъ ли ее отецъ въ церковь или нѣтъ. Дѣвочка просилась сегодня ко всенощной такъ настойчиво, — не просто просилась, какъ ребенокъ, которому надоѣло сидѣть дома и которому отъ скуки всякая перемѣна мѣста въ радость,—нѣтъ, глаза ея смотрѣли такъ серьезно, а голосъ звучалъ такъ настойчиво,—ну, точно она дѣйствительно чувствуетъ непреодолимую потребность молиться, точно у нея горе какое-то великое, которое ей хочется выплакать передъ алтаремъ, въ святомъ храмѣ Господнемъ...

— О, Господи, Господи! Мать ты наша царица небесная!— зашептала съ глубокими вздохами Алена Петровна, обращая слезившійся отъ умиленія взглядъ къ кіоту.—По-истинѣ велики чудеса творишь Ты многомилостивая и многотерпѣливая заступница и утѣшительница всѣхъ скорбящихъ!

Воодушевляясь все болѣе и болѣе словами, вылетавшими точно по вдохновенію изъ ея устъ, она продолжала шептать:

— Давно ли я передъ твоимъ пречистымъ образомъ молилась о ниспосланіи мира рабу твоему Николаю, и вотъ уже проявляется милосердіе твое неизреченное, Владычица міра!... Юная отроковица, младенецъ еще можно сказать, пронзена стрѣлой твоей любви въ самое сердце и не мнитъ себѣ большаго утѣшенія и блаженства, какъ возносить хвалу имени твоему пречестному подъ сѣнью дома Сына твоего, Спасителя нашего!— продолжала майорша, захлебываясь отъ умиленія.

Въ порывѣ благоговѣйнаго восторга Алена Петровна упала на колѣни, медленно опустила голову къ полу и оставалась въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока стукъ тяжелой двери на блокѣ изъ сѣней не заставилъ ее очнуться и поспѣшно встать.

— Это ты, Варварушка?—спросила она дрожащимъ отъ смущенія голосомъ.—Ну, что, отпустилъ Николай Ивановичъ Аню ко всенощной?

— Идетъ. Какъ только увидѣла меня, такъ сейчасъ—«вы за мной, Варварушка?» Покидала книжки и побѣжала одѣваться.

— Ну, слава тебѣ Господи!—радостно проговорила Алена Петровна, завязывая бантъ у шляпы передъ маленькимъ зеркаломъ.—А Николай Ивановичъ не удерживалъ?

— Гдѣ удержать, сударыня! Ништо такую стремительную барышню можно отъ чего-нибудь удержать? Ни въ жизть нельзя!.. Николай Ивановичъ только посмѣиваются: «вы изъ нея,—говоритъ,—ханжу сдѣлаете... Того и гляди—замѣсто гимназіи въ монастырь угодитъ...» Сидитъ у нихъ пріятель ихній, Григорьевъ... «Погода, говоритъ, скверная,—не простудилась бы». Ну, тогда Николай Ивановичъ поднялись изо стола, вышли въ кухню и приказали Маринѣ безпремѣнно барышнѣ теплые сапожки надѣть... А барышня: «хорошо, хорошо, папочка!»... Ужь не знаю, что у нихъ тамъ теперь,—ушла не дождамшись. И вамъ бы тоже, сударыня, не мѣшало высокіе сапоги надѣть. Этотъ господинъ, Григорьевъ резонно сказалъ про снѣгъ, что теперь валитъ: весь стаетъ и такая будетъ грязь, что не пройти по улицѣ.

— Все равно, Варварушка, я и въ мелкихъ калошахъ пройду какъ-нибудь...

— Не пришлось бы ихъ, по-намеднишнему, въ лужахъ розыскивать, сударыня.

— Да вѣдь нашлись же,—Господь не попуститъ, чтобы пропали.

— Оно такъ-то такъ, что калоши нашлись, да только на тѣ двугривенные, которые вы изволили переплатить дворникамъ да городовому, чтобъ ихъ розыскать, можно было бы новые купить,—не унималась Варварушка.

Помолчавъ съ минуту, она снова начала приставать:

— Надѣньте высокіе сапожки, сударыня!

Алена Петровна кивнула головой въ знакъ согласія,—для того больше, чтобы заставить ее смолкнуть. Не до калошъ было майоршѣ въ этотъ часъ: подъ впечатлѣніемъ восторженнаго настроенія, которымъ не переставало дышать все ея существо, она размышляла о новомъ проявленіи Божескаго милосердія къ ней грѣшной,—Николай Ивановичъ безъ малѣйшаго затрудненія отпустилъ Аню ко всенощной. Ужь, конечно, этого не случилось бы,

еслибъ Алена Петровна не молилась такъ усердно. Въ ту самую минуту, какъ душа ея возносилась къ небу, именно въ эту минуту и смягчилось сердце г. Астафьева... Алёна Петровна всегда была набожная и глубоко вѣрующая женщина, но съ тѣхъ поръ, какъ началось обращеніе Ани, Господь какъ-то особенно полюбилъ ее и проявлялся ей.

— А вотъ и богомолка наша летитъ,—объявила Варварушка, повертываясь къ появившейся въ дверяхъ дѣвочкѣ.—Послушались вы папашеньку, барышня, надѣли теплые сапожки? Снѣгъ-то ужь и теперь зачалъ таять, грязно будетъ на улицѣ-то. Промочите ножки, начнете кашлять,—ну, что хорошаго?...

Но Аня ее не слушала. Она ужь изъ прихожей, и по своему обыкновенію торопливо и съ большимъ оживленіемъ, начала закидывать майоршу вопросами насчетъ какой-то Ѳеклистьевны.

— Когда она къ вамъ придетъ, Алена Петровна, вы не знаете? Какая досада! Мнѣ ужасно хочется ее видѣть, ужасно...

— А на что вамъ понадобилась наша сладкоголосая лисичка-сестричка?—любопытствовала, не переставая ухмыляться, Варварушка.—Поди чай успѣла ужь у васъ что-нибудь выклянчить? У нея это живо. Сознайтесь-ка, милая барышня, вѣрно къ вашей старенькой шубкѣ подъѣзжаетъ?

Старушка отгадала удивительно вѣрно. Именно по поводу этой шубки, чтобъ отдать ее Ѳеклистьевнѣ, и приставала Аня къ отцу всѣ эти послѣдніе дни и вотъ только сейчасъ получила разрѣшеніе на это. Предосадно было слушать разсужденія Варварушки!

— Ахъ, какое вамъ дѣло!—нетерпѣливо вскрикнула дѣвочка.—Отстаньте отъ меня, вѣдь я не съ вами говорю...

Она хотѣла еще что-то прибавить, но, взглянувъ на Алену Петровну, смолкла. Майорша смотрѣла на свою маленькую пріятельницу съ такой кроткой укоризной въ глазахъ. По мнѣнію Алены Петровны, никогда не слѣдовало проявлять строптивость или нетерпѣніе, но сердиться или другихъ сердить передъ тѣмъ, какъ идти въ храмъ Божій—было тяжкій грѣхъ. Убѣжденіе это она уже успѣла внушить Анѣ. Испуганная и смущенная дѣвочка потупилась и, простоявъ съ минуту времени въ нерѣшимости, вскинула на старую служанку умоляющій взглядъ.

— Простите меня, Варварушка,—проговорила она со слезами въ голосѣ.

Старушка расчувствовалась.

— Господь васъ проститъ, моя золотая барышня! А про Ѳеклистьевну никто вамъ кромѣ меня ничего не можетъ сказать... Мы съ ней друзья закадышные и всѣ тайности ея мнѣ извѣстны... Завируха она и попрошайка, нечего грѣха таить...

— Ну, пойдемте, Анинька, пойдемте,—прервала ее Алена Петровна.—Подай мнѣ салопъ, Варварушка,—некогда тутъ прохлажаться.

— Сейчасъ, сейчасъ, сударыня!

Она надѣла салопъ на свою барыню, помогла ей застегнуть его, поправила воротникъ Аниной шубки и вышла провожать ихъ на крыльцо. Буря затихла, но по улицѣ, ведущей къ площади, гдѣ была церковь, пѣшеходы не успѣли протоптать тропинокъ и только-что выпавшій снѣгъ лежалъ пушистой, бѣлою пеленой, освѣщенной тусклымъ мерцаніемъ фонарей, далеко разставленныхъ одинъ отъ другаго и тоже засыпанныхъ снѣгомъ. Всѣ ворота были заперты, всѣ ставни приперты и только въ рѣдкихъ окнахъ свѣтился огонь; улица точно вымерла,—не только людей, но даже собакъ не было видно. Пока Алена Петровна совѣтовалась съ Микитичемъ, отгребавшимъ снѣгъ отъ крыльца къ забору, какъ лучше пройти къ церкви—по тротуарамъ, которые не вездѣ были въ исправности, или по улицѣ, Варварушка нагнулась къ Анѣ и шепнула ей на ухо, что, по всей вѣроятности, Ѳеклистьевна придетъ къ нимъ завтра, за шерстяными чулками, которые ей обѣщала Алена Петровна.

Народъ испугался метели и церковь была почти пуста, когда майорша съ Аней вошли подъ ея высокіе и темные своды. Служба происходила въ одномъ изъ придѣловъ и какъ разъ въ томъ, гдѣ мѣстнымъ образомъ былъ любимый Анинъ образъ Спасителя. Она всегда передъ нимъ становилась съ тѣхъ поръ, какъ замѣтила, какъ смотрятъ его глаза. «Ну, вотъ, точно живые! А въ особенности вечеромъ, когда въ церкви темно и только передъ образами горятъ свѣчи. Тогда голубые глаза на кроткомъ блѣдномъ лицѣ съ длинными бѣлокурыми волосами превращались въ черные и смотрѣли такъ проницательно, такъ проницательно, до самаго сердца,—по мнѣнію Ани.—И чѣмъ больше въ нихъ всматриваешься, тѣмъ живѣе и живѣе они становились... И губы начинали шевелиться... Подъ конецъ казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ заговоритъ».

Алена Петровна поставила Аню передъ собой. Дѣвочка хотѣла было забиться въ темный уголъ, къ рѣшоткѣ, за которой

стояли пѣвчіе, но майорша настояла на своемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Богу пріятнѣе, чтобы къ нему стояли поближе чистыя дѣтскія души, чѣмъ старыя, закорузлыя въ грѣхѣ и порокѣ. А эту душу, Анину, Алена Петровна своими недостойными молитвами привела къ Создателю...

Сознаніе это наполняло ей сердце такимъ восторгомъ, что бѣсы гордости и самовосхваленія, отъ которыхъ особенно усердно открещивалась всю жизнь Алена Петровна, должны были радоваться и предаваться сладкимъ надеждамъ.

Къ концу всенощной храмъ началъ наполняться. Хоръ здѣшнихъ пѣвчихъ такъ славился, что любители церковнаго пѣнія съѣзжались сюда издалека. Когда отецъ Александръ, служившій всенощную, вышелъ изъ алтаря съ крестомъ въ рукахъ, Алена Петровна сдѣлала Анѣ знакъ, чтобъ она подалась назадъ и пропустила бы нарядныхъ барынь, тѣснившихся впередъ.

— Пусть ихъ, Аничка, пусть... Господу Богу прежде всего смиреніе нужно... «Послѣднія будутъ первыми»... Это самъ онъ, Царь нашъ небесный, сказалъ,—шептала она съ частыми и глубокими вздохами, прижимаясь къ рѣшоткѣ у клироса, на которомъ переминались пѣвчіе, въ ожиданіи той минуты, когда имъ надо будетъ грянуть послѣдній хвалебный гимнъ Богородицѣ: «Взбранной воеводѣ побѣдительная».

Аня немедленно повиновалась и послѣдовала ея примѣру. Все, что Алена Петровна дѣлала и говорила въ церкви и о церкви, казалось ей всегда такъ кстати, хорошо и неопровержимо-истинно, что ей и въ голову не приходило разсуждать и спорить.

Наконецъ, наступилъ и ихъ чередъ подойти къ кресту. Отецъ Александръ необыкновенно ласково улыбнулся Анѣ, а Аленѣ Петровнѣ вполголоса сказалъ:

— Я послѣ всенощной зайду къ вамъ на часочекъ, сударыня моя.

— Милости просимъ, батюшка!—радостно прошептала она ему въ отвѣтъ.—Пойдемъ, Аня, пойдемъ скорѣе!—обратилась она къ своей спутницѣ и, взявъ ее за руку, начала торопливо проталкиваться къ той скамейкѣ у свѣчнаго ящика, на которой лежало ихъ теплое платье, подъ охраной знакомой просвирни.

— Да вѣдь еще не кончено, Алена Петровна? Вы же сами говорили, что грѣхъ до конца уходить?—попробовала было замѣтить Аня, неохотно надѣвая бѣличью шубку, которую Алена Петровна живо разыскала между пальто, кацавейками и соло-

пами, наваленными безпорядочною кучей на скамейкѣ и на полу рядомъ.

— Что-жь дѣлать, Аничка, что-жь дѣлать! Господь намъ проститъ на этотъ разъ... Къ намъ отецъ Александръ хочетъ зайтить послѣ всенощной,—надо сказать Варварушкѣ, чтобы большой самоваръ ставила, а онъ у нея всегда такъ долго не закипаетъ... Да за вареньемъ послать къ Олуховымъ. Лавка-то ужь заперта, да намъ по знакомству изъ подвала отпустятъ... А вотъ кстати и самъ Кузьма Трофимычъ...

Дѣйствительно, Настинъ дядя стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ. Онъ молился очень усердно, съ воздыханіями и кряхтѣніемъ, до поту лица; высоко взмахивая рукой для крестнаго знаменія, онъ почти каждую минуту опускалъ съ превеликимъ трудомъ и натугой свое тучное тѣло на полъ и стукался лбомъ о каменныя плиты.

Выждавъ промежутокъ между двумя такими поклонами, Алена Петровно тихонько дотронулась до его плеча.

— Кузьма Трофимычъ?

— Аленѣ Петровнѣ мое почтенье!

— Мы къ вамъ съ просьбицей.

— Извольте приказывать.

Все это было сказано тихо, съ таинственностью подобающей тому святому мѣсту, въ которомъ они находились.

— У насъ сегодня отецъ Александръ чай кушаетъ,—продолжала все тѣмъ осторожнымъ шепотомъ майорша,—а моя Варварушка, по своему обыкновенію, извела все варенье и только сегодня сказала, когда ко всенощной зазвонили... Я знаю, лавка у васъ заперта,—мы хотимъ попросить Настю изъ кладовой достать.

При имени племянницы лицо Олухова затуманилось.

— Настасью Арсентьевну вы дома не застанете...

— Да гдѣ же она?

— Да тамъ же, гдѣ и всегда...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но смолкъ, взглянувъ на Аню, которая разсѣянно посматривала по сторонамъ—на маленькаго сѣдаго старичка у свѣчнаго стола, на старушку въ черномъ коленкоровомъ платкѣ на головѣ, которая ютилась за нимъ на полу, пригорюнившись. Возлѣ нея лежалъ огромный узелъ кренделей и булокъ, выглядывавшихъ между пестрыми кончиками туго перетянутаго узла. Старушка понесетъ эти крендели завтра

въ острогъ и будетъ раздавать арестантамъ. Алена Петровна говоритъ, что это—великое и богоугодное дѣло. «Но какъ страшно,—думаетъ Аня, пытаясь представить себѣ, какъ выглянетъ внутренность того мрачнаго зданія, въ которое пойдетъ завтра старушка съ кренделями.—Вотъ бы пойти съ нею!... Что же, что страшно, тѣмъ лучше,—Богъ это любитъ... Надо много, много пострадать на землѣ, чтобъ удостоиться... А вонъ тѣ старушки, такія же темненькія и сухенькія, какъ та, что сидитъ съ кренделями на полу,—что онѣ дѣлаютъ у большаго чернаго образа, передъ которымъ горитъ всегда такъ много свѣчей?... Все это *старицы*, какъ ихъ называютъ Алена Петровна и Варварушка. Есть между ними и молодыя, но и эти тоже *старицами* считаются, потому что онѣ богомолки, всегда въ черномъ и ничѣмъ ихъ не отличишь отъ старыхъ».

Въ воображеніи Ани эти старушки составляли неотъемлемый атрибутъ церкви. Она никакъ не могла себѣ представить ни церковь безъ нихъ, ни ихъ безъ церкви. Старушки эти были преинтересныя. Съ нѣкоторыми изъ нихъ она познакомилась у Алены Петровны. Онѣ знали все, что касалось божественнаго, всѣ святыя мѣста, гдѣ чудотворныя иконы и мощи и какія именно... Онѣ знали, какимъ святымъ молиться отъ такой или такой-то болѣзни, отъ такого-то или такого-то горя... Онѣ разсказывали чудныя исторіи о горѣ Аѳонѣ, объ Іерусалимѣ, Кіевѣ и о болѣе близкихъ мѣстахъ. Въ церкви онѣ чувствовали себя какъ дома и вели короткое знакомство со всѣмъ причтомъ, начиная отъ священника и кончая послѣднимъ пономаремъ или дьячкомъ. Имъ всегда заранѣе было извѣстно, въ которомъ часу начнется служба и сколько времени она будетъ продолжаться, а также скажетъ ли священникъ проповѣдь или пѣвчіе пропоютъ концертъ. Аня всегда съ изумленіемъ подмѣчала, какъ смѣло распоряжаются онѣ здѣсь, гасятъ огарки въ паникадилахъ, замѣняютъ ихъ новыми свѣчами, разсуждаютъ и шутятъ съ дьякономъ и дьячками.

Та Феклистьевна, о которой она спрашивала передъ тѣмъ, какъ идти ко всенощной, принадлежала къ числу такихъ старицъ. Аня узнала отъ нея много интереснаго и надѣялась узнать со временемъ еще больше.

А Кузьма Трофимовичъ началъ между тѣмъ запахивать свою шубу и потянулся за шапкой, которую онъ положилъ на узкій подоконникъ высокаго стрѣльчатаго окна.

— Я самъ съ вами выйду, матушка Алена Петровна,—сказалъ онъ.

— Что же вамъ безпокоиться,—начала было извиняться майорша.

Но галантный торговецъ объявилъ, что никакого безпокойства тутъ нѣтъ; все равно не достоять до конца,—слишкомъ много хлопотъ дома.

А когда они вышли на паперть, онъ снова завелъ рѣчь про Настю, про ея самовольность и презрѣніе ко всякимъ авторитетамъ.

— Совсѣмъ отъ рукъ отбилась, вы не повѣрите, Алена Петровна! Такое мнѣ съ нею мученье, что и сказать не могу!... Хоть бы вы ей посовѣтовали, по дружбѣ вашей къ ея покойницѣ-матери, обращеніе свое со мной измѣнить... Ни любви, ни уваженія я отъ нея не вижу, а только дерзость одну, да зубоскальство... И какъ что не такъ, сейчасъ: работаю я исправно, чего вамъ еще? Какъ будто мнѣ отъ нея одна только работа нужна. Звѣремъ какимъ-то безчувственнымъ меня выставляетъ, никогда ни о чемъ не поговоритъ со мной, ни въ чемъ не посовѣтуется, объ одномъ только и думаетъ, какъ бы скорѣе дождаться вечера, запереть лавку да къ своимъ новымъ друзьямъ бѣжать. Мы себя, конечно, къ такимъ умникамъ, да ученымъ, какъ г. Астафьевъ, приравнивать не можемъ, но должна же она понимать свою пользу и что по ея сиротству да бѣдности вся судьба ея, такъ сказать, въ нашихъ рукахъ,—какъ вы думаете, Алена Петровна?

Но Алена Петровна молчала. Судачить про ближнихъ было не въ ея правилахъ, слушать же дурное про тѣхъ, кого она любила, ей было положительно непріятно.

Они прошли площадь. У поворота въ ту улицу, гдѣ была лавка Олухова, Кузьма Трофимовичъ остановился.

— Я самъ вамъ выну варенье и пришлю съ кухаркой,—не извольте безпокоиться въ нашъ переулокъ завертывать,—объявилъ онъ.—Вамъ какого? Въ нонѣшнемъ году особенно вишня удалась. Впрочемъ, и клубника ничего, но только я вамъ долженъ доложить, что съ чаемъ отецъ Александръ изволитъ охотнѣе вишневое варенье кушать... Вѣдь они тоже завсегда у меня забираются... Вишневое пятачкомъ дороже будетъ на фунтъ, потому ягода деликатная...

Алена Петровна попросила его прислать ей вишневаго варенья и продолжала свой путь, осторожно пробираясь по узкому тротуару.

Предсказанія Варварушки и Григорьева не сбылись: снѣгъ не

таялъ,—напротивъ того, легкій морозецъ сдѣлалъ его тверже и онъ слегка скрипѣлъ подъ ногами. Фонари мерцали все такъ же тускло, но за то теперь не было ни одного дома, изъ котораго свѣтъ отъ зажженныхъ свѣчей или лампъ не пробивался бы на улицу сквозь щели ставень или черезъ спущенныя занавѣски и сторы.

Аня давно скрылась у Алены Петровны изъ виду. Она шла степенной походкой, какъ *большая*, только до поворота въ ту улицу, гдѣ былъ ихъ домъ; но, завидѣвъ издали освѣщенныя окна ихъ маленькой гостиной и папинаго кабинета, она побѣжала такъ скоро, что очутилась на крыльцѣ много раньше своей спутницы. Мимоходомъ она объявила Варварушкѣ, почему онѣ не достояли всенощную, и старуха засуетилась.

Когда майорша вошла въ свой залецъ,—такъ называла она комнату, служившую ей пріемной,—все было готово къ принятію дорогаго гостя: на овальномъ столѣ передъ диваномъ была уже постлана чистая скатерть и стояло все, что нужно для десерта. Аленѣ Петровнѣ оставалось только вынуть изъ запертаго шкафчика бѣлый и розовый мармеладъ и разложить его въ хрустальныя вазочки, да всыпать въ чайникъ чаю изъ того завѣтнаго фунта, который хранился для особенно дорогихъ гостей. Самоваръ ужь начиналъ закипать въ кухнѣ, и когда явился отецъ Александръ, ему очень скоро подали чай въ его любимой чашкѣ, съ вишневымъ вареньемъ, и именно такой крѣпости, какъ онъ любилъ.

Послѣ второй чашки отецъ Александръ началъ озираться по сторонамъ.

— Постилы не угодно ли откушать или яблочка?—предложила Алена Петровна, придвигая къ нему угощеніе.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—зарокъ себѣ далъ никогда сластей не вкушать, по той причинѣ, что сейчасъ зубы начинаютъ ныть... Я смотрю, куда же ваша маленькая барышня дѣлась. Кажется, я это ее съ вами у всенощной видѣлъ?

— Какже, какже, батюшка, ее, Аниньку. Она теперь, благодареніе Господу Богу, ни одной службы не пропускаетъ. Даже намеднись я полѣнилась къ заутрени встать,—нездоровилось что-то,—такъ она съ Варварушкой отправилась.

— Такъ усердствуетъ? Скажите на милость! — благодушно изумлялся отецъ Александръ.

— Я и сама удивляюсь, батюшка,—продолжала распространяться Алена Петровна.—И вдругъ это съ нею такая перемѣна

сдѣлалась... Прежде, — ну, какъ всѣ дѣти, — скуку больше въ божьемъ храмѣ чувствовала, а не то чтобъ... Насилу бывало затащишь къ обѣднѣ, и стоитъ разсѣянно, каждую минуту спрашиваетъ, скоро ли кончится, по сторонамъ оглядывается... Ну, а теперь даже ни разу не приходится напоминать о благочиніи и такъ усердно молится, что сердце радуется на нее глядючи... Да и дома также,—кухарка ихняя Варварушкѣ сказывала,—подолгу утромъ и вечеромъ на колѣнкахъ стоитъ передъ образомъ,— я ей такой маленькій подарила, Св. Анну Пророчицу въ серебряномъ вѣнчикѣ,—а какъ придешь будить, говоритъ, сейчасъ перекрестится... Еще не проснулась совсѣмъ, а ужь креститс! И кроткая какая стала, смиренная... Прежде, бывало, что твой порохъ, такъ и вспыхнетъ, когда что не по ней, а теперь все воздерживается; а если вспылитъ, да обидитъ кого, сейчасъ прощеніе проситъ. Вотъ и сегодня съ Варварушкой...

Отецъ Александръ внимательно выслушивалъ разсказы майорши, не переставая благосклонно улыбаться.

— Даже Николай Ивановичъ сталъ замѣчать,—продолжала Алена Петровна.—Вы, говоритъ, отлично мою дочку вышколили; она теперь совсѣмъ перестала упрямиться и капризничать, такая степенная сдѣлалась, просто узнать нельзя... А я ему на это: не меня, Николай Ивановичъ, слѣдуетъ благодарить, а Господа Бога, да Владычицу нашу Богородицу. А я что?—Развѣ я могу такое великое дѣло на себя принимать?...

— А дома теперь г. Астафьевъ, какъ вы думаете? — прервалъ ее совершенно неожиданно отецъ Александръ, ощупывая на груди подъ шелковою рясой карманъ, въ которомъ лежала какая-то бумага, должно-быть очень важная, потому что и по приходѣ сюда, и послѣ первой чашки чаю онъ ощупывалъ, тутъ ли она лежитъ, куда онъ ее положилъ, уходя изъ дому.

Объ этой бумагѣ отецъ Александръ и во время всенощной постоянно помнилъ.

— Дома долженъ быть,—отвѣчала Алена Петрова, немножко смущенная неожиданностью вопроса.—Николай Ивановичъ по вечерамъ рѣдко когда выходитъ, вотъ только утромъ...

— Тэкъ-съ. У меня до нихъ маленькое дѣльце есть,—продолжалъ священникъ, снова дотрогиваясь до рясы.—Желательно было бы знать, не обезпокою я ихъ теперь моимъ посѣщеніемъ? Если они чѣмъ-нибудь особеннымъ заняты или у нихъ гости, я могу въ другой разъ зайти.

— Никого у нихъ нѣтъ, кромѣ того длиннаго... Какъ бишь его, все забываю!—вмѣшалась въ разговоръ Варварушка.—Онъ у нихъ постоянно бываетъ.

Когда у ея барыни были гости, Варварушка безпрестанно шныряла изъ кухни въ комнату и обратно то за тѣмъ, то за другимъ, прислушиваясь къ разговорамъ и вмѣшиваясь въ нихъ, когда находила это нужнымъ.

— Все-таки не мѣшаетъ узнать,—ласково обратился къ ней отецъ Александръ.

— Ступай, Варварушка,—приказала ей барыня.

Старая служанка отправилась исполнять приказаніе, а священникъ отодвинулъ отъ себя допитую чашку, разсѣяннымъ жестомъ отказался отъ дальнѣйшаго угощенія и, вытянувъ руки на столъ, началъ слегка барабанить по немъ пальцами, устремивъ взглядъ полный задумчивости въ пустое пространство передъ собой. Но это длилось не долго и когда онъ перевелъ глаза на майоршу, въ нихъ отражалась та усмѣшка, которая появилась на его губахъ и придавала столько добродушія красивому и благообразному лицу почтеннаго старца.

— Да-съ, сударыня моя Алена Петровна, у меня есть дѣльце до вашего г-на Астафьева. Вотъ ужь третій день какъ получилъ предписаніе на его счетъ изъ консисторіи, да все то то, то другое мѣшало... Наконецъ ужь и медлить дальше нельзя,— того и гляди запросъ сдѣлаютъ, сирѣчь нахлобучку за нерадѣніе.

— Что-жь это... непріятное что-нибудь? — робко спросила Алена Петровна.

Отецъ Александръ прищурился.

— Что вы изволили сказать?

— Непріятное что-нибудь для Николая Ивановича?—повторила майорша.

— Какъ вамъ на это отвѣтить, сударыня моя, ужь и не знаю право! Есть такіе, что за подобную бумагу, чтобы только скорѣе получить ее, большія деньги готовы заплатить; ну, а другіе...

Онъ прервалъ свою рѣчь глубокимъ вздохомъ, снова сдѣлался задумчивъ и смолкъ. Алена Петровна тоже молчала.

Въ дверяхъ появилась Варварушка.

— Николай Ивановичъ приказали сказать, что они васъ ждутъ, батюшка,—объявила она довольно громко и какимъ-то оффиціальнымъ тономъ.

Отецъ Александръ началъ медленно приподниматься съ кресла и оправляться.

— Господи благослови!—повторилъ онъ раза два, потягивая книзу свою шелковую фіолетовую рясу, которая вѣчно лѣзла кверху, съ тѣхъ поръ, какъ животъ почтеннаго пастыря сталъ округляться.

А затѣмъ, поправивъ золотой крестъ на груди и благословивъ съ чувствомъ и воздыханіемъ хозяйку, онъ снова обратился къ служанкѣ.

— Одни?... Гостей нѣтъ?... Не спрашивали, зачѣмъ мнѣ нужно ихъ видѣть?... Не сказали, что время слишкомъ позднее? — отрывисто спрашивалъ отецъ Александръ, вдѣвая руки въ широкіе рукава, подбитые мягкой, пушистой сибирскою бѣлкой.

— Ничего не спрашивали,—имъ не въ рѣдкость сидѣть поздно... А изъ чужихъ у нихъ одинъ только Григорьевъ,—отвѣчала Варварушка изъ-за шубы, которую она подавала гостю и которая была такая большая, что старушка совершенно исчезла за ней.

Священникъ пожелалъ еще разъ добраго здоровья хозяйкѣ, которая со свѣчей въ рукахъ вышла провожать его въ сѣни, и началъ подыматься по лѣстницѣ.

Когда Марина явилась съ докладомъ, что отецъ Александръ желаетъ видѣть барина, Аня быстро подняла голову съ книги, которую читала, и вопросительно посмотрѣла сначала на отца, а потомъ на Григорьева; но ни тотъ, ни другой не замѣтили этого взгляда. Николай Ивановичъ слегка измѣнился въ лицѣ и, Богъ знаетъ для чего, поднялся съ мѣста, чтобъ отвѣчать кухаркѣ. Григорьевъ же, проговоривъ въ полголоса: «Сегодня больше играть не будемъ»,—началъ убирать шахматы въ столикъ. А когда дверь въ прихожей растворилась и раздались шаги священника, онъ предложилъ дѣвочкѣ пойти съ нимъ въ кабинетъ.

Но Аня не трогалась съ мѣста. Глаза ея, сверкая любопытствомъ, перебѣгали отъ отца къ посѣтителю, который входилъ въ комнату съ такимъ серьезнымъ и торжественнымъ выраженіемъ лица, ну, вотъ, точно обѣдню служитъ... Аня видѣла, какъ холодно отвѣтилъ ея отецъ на вѣжливый поклонъ отца Александра, не протягивая ему руки и не подходя къ нему подъ благословеніе. Все это успѣла подмѣтить востроглазая Аня прежде, чѣмъ послѣдовать совѣту Григорьева и выйти въ сосѣднюю комнату, а передъ тѣмъ, какъ затворить за собою дверь, она еще

разъ заглянула въ нее и увидѣла, что священникъ смотритъ на Николая Ивановича все съ тѣмъ же любопытствомъ, а у отца ея все та же враждебность блеститъ въ глазахъ и выражается въ каждомъ жестѣ. И снова та же мысль, что блеснула въ ея умѣ при появленіи Мавры, зашевелилась у нея въ мозгу.

«Они будутъ говорить про маму»,—думала дѣвочка, усаживаясь за книгу къ той лампѣ, у которой уже сидѣлъ и читалъ газету Григорьевъ.

Отецъ Александръ молча опустился въ кресло, которое указалъ ему движеніемъ руки Астафьевъ, а Николай Ивановичъ, послѣ минутнаго колебанія, притянулъ къ себѣ буковый стулъ, сѣлъ на него верхомъ и, облокотясь обѣими руками на выгнутый обручъ, служащій спинкой, произнесъ рѣзкимъ, отрывистымъ тономъ:

— Мы одни, батюшка, что вамъ отъ меня угодно?

— Сію минуту, сударь мой, сію минуту...

Онъ полѣзъ въ свой карманъ на груди и вынулъ изъ него вчетверо сложенную бумагу.

— Супруга ваша подала на васъ жалобу въ духовную консисторію,—степенно и медленно проговорилъ онъ, продолжая внимательно вглядываться въ лицо своего слушателя.

— Позвольте-съ,—нетерпѣливо прервалъ его Астафьевъ, протягивая руку за бумагой.

Рука эта слегка дрожала и почтенный священникъ не могъ этого не замѣтить. Еслибы въ комнатѣ было свѣтлѣе, онъ также увидѣлъ бы, какъ поблѣднѣлъ Николай Ивановичъ и какъ судорожно передернулись у него губы.

— До свѣдѣнія вашей супруги дошли слухи о нарушеніи съ вашей стороны супружеской вѣрности и будто бы....

Ему опять не дали договорить.

— Позвольте мнѣ эту бумагу!—произнесъ раздражительно, возвышая голосъ, Астафьевъ,—я самъ съумѣю понять, въ чемъ дѣло....

Отецъ Александръ рѣшился наконецъ выпустить изъ рукъ документъ. Николай Ивановичъ подошелъ съ нимъ къ другому столу, на которомъ горѣла свѣча, сталъ такъ, чтобы посѣтителю не видно было его лица, и началъ читать, очень внимательно, напрягая всѣ свои умственныя способности, чтобы понять, въ чемъ дѣло. Но всѣ усилія его оставались тщетны,—онъ ровно ничего не понималъ.

«Въ С.-Петербургскую духовную консисторію
«жены надворнаго совѣтника Марьи Алексѣевой Астафьевой
прошеніе.

«Состоя въ бракѣ съ надворнымъ совѣтникомъ Николаемъ Ивановичемъ Астафьевымъ, православнаго вѣроисповѣданія, съ которымъ повѣнчана 23 октября 186* года причтомъ здѣшняго Казанскаго собора, я въ теченіе десятилѣтней супружеской жизни неоднократпо имѣла поводъ подозрѣвать своего мужа въ супружеской невѣрности, а нынѣ получила очевидныя къ тому доказательства . . . . »

Н. Северинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Въ горахъ Осетіи *).

(Изъ Дневника.)

Владикавказъ, 30-го іюля. Вечеромъ.—Наконецъ наши сборы окончены. Цѣлый день я рыскалъ по городу съ своимъ будущимъ спутникомъ, чтобы приготовить все необходимое для болѣе или менѣе сносной двухнедѣльной жизни въ горахъ Осетіи. Армянскій базаръ снабдилъ меня буркой, переметною сумой, совершенно неизбѣжною вещью для перевозки багажа верхомъ, и башлыкомъ, къ помощи котораго, какъ дальше будетъ видно, я прибѣгнулъ нѣсколько поздно. Затѣмъ пошла закупка провіанта: сахаръ, лимоны, чай присоединились къ московскимъ консервамъ, которые ожидали своей участи въ моемъ сакъ-вояжѣ. Для записыванія осетинскихъ текстовъ, преданій, легендъ, сказокъ, мы запаслись въ достаточномъ количествѣ тетрадями, перьями, ка-

*) Осетины, или, какъ они сами себя называютъ, *иръ*, живутъ на западъ отъ Владикавказа, на владикавказской низменности и по обѣимъ сторонамъ главнаго хребта Кавказскихъ горъ. Область ихъ разселенія орошается многочисленными притоками Терека: Ардономъ, Фіагдономъ, Гизельдономъ, Урухомъ и имъ самимъ въ его верхнемъ теченіи, а по ту сторону главнаго хребта рѣками Большой и Малой Ліахвой и Ксани, притокомъ Куры. Сѣверные, болѣе многочисленные, осетины принадлежатъ Владикавказскому округу (Терской области), южные—Тифлисской губерніи (Душетскій уѣздъ). На сѣверѣ осетины сосѣдятъ съ Малою Кабардой и съ казенными землями бывшей дачи Бековичей-Черкасскихъ, на востокѣ—съ Назрановскимъ обществомъ чеченскаго племени и рѣкою Терекомъ, на югѣ—съ уѣздами Душетскимъ, Тифлисской, и Рачинскимъ, Кутаисской губерніи, на западѣ—съ горскими обществами Кабарды и Большою Кабардою.

Это небольшое племя, загнанное болѣе сильными сосѣдями, кабардинцами, съ плоскости въ горы, составляетъ остатокъ болѣе сильнаго и многочисленнаго народа, жившаго въ средніе вѣка на Кубани и на сѣверной кавказской низменности. Для этнографа и лингвиста осетины представляютъ значительный интересъ: они принадлежатъ по языку къ нашей индо-европейской семьѣ и именно иранской ея вѣтви. Ближайшіе родственные съ осетинскимъ языки: персидскій,

рандашами, чернилами. Маршрутъ былъ прочно установленъ и взяты съ собою пятиверстная карта и компасъ. Администрація области, и спеціально Владикавказскаго округа, сдѣлала, кажется, все, что могло облегчить мнѣ путешествіе: я былъ снабженъ открытымъ листомъ, казенною подорожной и открытымъ предписаніемъ. Въ послѣднемъ вмѣнялось въ обязанность участковымъ приставамъ и сельскимъ старшинамъ оказывать всякое содѣйствіе путешественнику, помогать ему въ наймѣ обывательскихъ верховыхъ лошадей, а въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтоваго сообщенія, снабжать его опытными проводниками и т. д. Если, несмотря на такого рода гарантіи успѣшнаго путешествія, не всегда административныя предписанія могли оказывать дѣйствіе, то не по отсутствію готовности и распорядительности гг. приставовъ и старшинъ, а по обстоятельствамъ, которыя нельзя было предусмотрѣть.

На другой день раннимъ утромъ должна была стоять у подъѣзда клубской гостиницы земская тройка, которой предназначено было везти меня и моего спутника С. В. К—ва до станицы Архонской. Уложивъ всѣ вещи и припасы, я, успокоенный духомъ, успокоился и тѣломъ.

курдскій, афганскій. Между всѣми народами иранской вѣтви осетины проникли всего дальше на сѣверо-западъ. Любопытно, что это небольшое племя до сихъ поръ сохранило въ значительной чистотѣ свой языкъ среди другихъ народовъ Кавказа, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго по языку и происхожденію.

Цѣль моей поѣздки въ Осетію (лѣтомъ 1880 года) была лингвистическая и этнографическая. Познакомившись теоретически съ осетинскимъ языкомъ по грамматикѣ академика Шегрена и текстамъ, изданнымъ академикомъ Шифнеромъ, я поставилъ себѣ задачей изучить на мѣстѣ діалекты осетинскаго языка и записать въ текстахъ произведенія народной словесности, прежде всего такъ называемыя нартскія (богатырскія) сказанія, затѣмъ пѣсни, сказки, мѣстныя преданія и тому подобное. Собранный мною матеріалъ составитъ отдѣльный сборникъ, въ который войдетъ изслѣдованіе о языкѣ осетинъ и его діалектахъ, тексты нартскихъ сказаній и русскій переводъ ихъ, статья объ осетинскомъ эпосѣ, мѣстныя легенды и изслѣдованіе о вѣрованіяхъ осетинъ.

Предлагаемая статья—не что иное какъ дневникъ, который я составилъ въ Владикавказѣ по возвращеніи изъ двухнедѣльной экскурсіи въ горы. Я набрасывалъ дорожныя впечатлѣнія, *не имѣя въ виду* чисто научной цѣли, и потому прошу читателя не ставить этому дневнику тѣхъ требованій, которыя обыкновенно ставятъ такъ называемымъ ученымъ путешествіямъ. Многихъ сторонъ жизни осетинъ я вовсе не касался, отчасти потому, что въ путешествіи былъ занятъ главнымъ образомъ своей спеціальною задачей, отчасти потому, что интересующійся этою народностью можетъ найти много свѣдѣній о ней въ извѣстномъ сочиненіи Дубровина («Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», т. I, кн. 1, стр. 282—351) и въ разныхъ томахъ тифлисскаго изданія—«Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ».

Авт.

31 іюля.—Утро было ясное и день обѣщалъ быть жаркимъ. Часамъ къ 8 явилась наша земская колесница, машина въ 3 лошадиныхъ силы, управляемая двѣнадцати-лѣтнимъ мальчуганомъ. Какъ всегда бываетъ съ россіянами, вышла нѣкоторая задержка, такъ что мы выѣхали не ранѣе 10-го часа, когда зной давалъ себя чувствовать и немилосердно жегъ наши затылки и спины. Мѣстность перваго переѣзда не изобилуетъ картинами природы и произведеніями искусства. Взоръ бродитъ по довольно-однообразной равнинѣ: налѣво виднѣются первые передовые отроги Кавказскихъ горъ, направо—низкія Кабардинскія горы, окаймляющія Владикавказскій округъ съ сѣвера. Недалеко отъ Архонской станицы переѣхали въ бродъ черезъ скудный водами Архонъ. Часовъ въ 12 прибыли въ станицу довольно обширную, но какъ бы погруженную въ глубокій сонъ. Все населеніе было въ поляхъ, на работѣ. Оставшіеся въ домахъ бродили точно сонныя мухи подъ знойнымъ солнцемъ. Пріѣхавъ на такъ-называемую станцію, нѣчто въ родѣ всероссійскаго постоялаго двора, спросили о лошадяхъ. Первое разочарованіе: изъ двухъ земскихъ троекъ, которыя держатся на станціи по предписанію, обѣ уѣхали. Ждать лошадей приходилось до завтрашняго дня. Что дѣлать? Не пытаясь растолковать казаку-почтосодержателю все значеніе носимыхъ мною бумагъ, я отправился въ сельское правленіе, чтобы поговорить о лошадиномъ вопросѣ съ атаманомъ. Атаманъ былъ на работѣ и сельская власть представлена его помощникомъ. Я оставилъ у него документы и пошелъ подкрѣпить свои силы въ мѣстный духанъ. Сонный мальчуганъ стоитъ за прилавкомъ. Три сонныхъ мужика ведутъ сонливую бесѣду, прикурнувъ подъ навѣсомъ. Одинъ время отъ времени входитъ въ духанъ и убѣждаетъ мальчика вызвать отца для конфиденціальныхъ объясненій. Тотъ, зная хорошо, что дѣло идетъ объ отпускѣ шкалика водки въ кредитъ, упорно отказывается, ссылаясь на то, что тятька спитъ. Пьяненькій мужичокъ сонливымъ голосомъ урезониваетъ и это повидимому затянется надолго. Но вотъ подходитъ къ намъ помощникъ атамана и докладываетъ, что лошади будутъ. Въ первый и послѣдній разъ мои бумаги подѣйствовали: отсутствующая тройка, которой приходилось ждать до другаго дня, какъ-то оказалась налицо и незадолго передъ тѣмъ ворчавшій казакъ-почтосодержатель самымъ энергичнымъ образомъ ковылялъ на своей хромой ногѣ вокругъ лошадей, надѣвая на нихъ всю аммуницію. Черезъ полчаса съ чувствомъ немалаго удовольствія мы покинули сон-

ную станицу и поѣхали на западъ, по направленію къ станицѣ Ардонской. Солнце жгло какъ въ «долинѣ Дагестана». Кое-какъ воротникомъ защищалъ я обжигаемый затылокъ, но все еще не предпринималъ ничего для защиты отъ гнѣвнаго Феба моего лица, не зная, какимъ сердитымъ является это языческое божество противъ насъ, гиперборейцевъ. По дорогѣ нѣсколько разъ переѣзжали въ-бродъ разные маленькіе *доны* *) (Кизилъ-донъ, Фіагъ-донъ, Хаталъ-донъ) и наконецъ приблизились къ внушающему почти всегда опасенія Ардону (собств. бѣшеной рѣкѣ), на берегу котораго расположена станица. Этотъ бѣшеный притокъ Терека до сихъ поръ упорно отказывается подчиниться какой бы то ни было регламентаціи инженеровъ. Съ стремительнымъ шумомъ вытекая изъ горъ на плоскость, онъ до сихъ поръ не установился въ выборѣ постояннаго русла и, по капризной фантазіи, бродитъ то вправо, то влѣво, прогуливая свои волны туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, какъ бы нарочно избѣгая то русло, на которомъ инженеры построютъ мостъ. Мы переѣхали черезъ солидный мостъ, подъ которымъ своенравный сынъ горъ блисталъ своимъ отсутствіемъ, оставивъ по себѣ память лишь въ массѣ прикаченныхъ камней, которымъ устлалъ свое ложе, а черезъ полверсты далѣе моста подъѣхали къ Ардону нынѣшняго лѣта и, конечно, должны были переѣзжать его въ-бродъ. Каждый годъ измышляются новыя мѣры регуляціи рѣки—и каждый годъ она прорываетъ плотины и гуляетъ себѣ тамъ, гдѣ ей Богъ на душу положитъ. Въ нѣскольких мѣстахъ пришлось намъ переѣзжать черезъ опустѣлыя русла и узнавать, что и здѣсь, и тамъ когда-то текъ Ардонъ. Подъ прочнымъ мостомъ, который мы переѣхали, Ардонъ струился еще недѣли двѣ тому назадъ.

Ардонская станица отстроена очень недурно: по краямъ обширной площади стоятъ ряды бѣленькихъ, крытыхъ черепицей или соломой (подъ щетку), домиковъ, окруженныхъ зелеными садиками. Рядомъ со станицей—осетинскій аулъ Ардонъ. Пріѣхавъ въ станицу, я по обыкновенію велѣлъ ѣхать въ правленіе, чтобы порѣшить вмѣстѣ съ атаманомъ лошадиный вопросъ. Молодой, красивый и симпатичный атаманъ г. Красуля объявилъ намъ очень печальное извѣстіе, что обѣ земскія тройки взяты и надо искать обывательскихъ лошадей. Дѣлать нечего. Атаманъ взялся энергично хлопотать о подводѣ, и черезъ часъ явился казакъ, брав-

*) Донъ по-осетински—вода и рѣка.

шійся за приличное вознагражденіе довезти насъ до Алагира. Пока лошадей искали и запрягали, атаманъ пригласилъ насъ къ себѣ въ чистенькій, только-что отстроенный домикъ, съ европейскою внутренней обстановкой. Оказалось, что молодой атаманъ, такъ сказать, у порога семейной жизни,—черезъ мѣсяцъ готовится ввести жену въ этотъ новый чертогъ. За чаемъ разговорились объ ардонской станичной жизни, о цѣли нашего путешествія, о тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ, и атаманъ обнаружилъ, противъ ожиданія, не мало любознательности и случайно набранныхъ свѣдѣній. Дѣло объяснилось тѣмъ, что хотя онъ и не учился въ правильной школѣ, но былъ нѣкоторое время писаремъ, а затѣмъ на войнѣ въ Европейской Турціи и не пропускалъ мимо ушей новыхъ свѣдѣній. Между прочимъ онъ показалъ мнѣ свою нуммизматическую коллекцію, большею частью новыя европейскія монеты и нѣсколько старыхъ русскихъ. Лишь одна золотая византійская монета, къ сожалѣнію, слишкомъ тщательно отчищенная, показалась мнѣ любопытной, и я посовѣтовалъ владѣльцу послать ее въ будущемъ году на тифлисскій съѣздъ. За вкуснымъ чаемъ, среди нуммизматико-археологическихъ разговоровъ, мы не замѣтили, какъ прошло полтора часа и наша подвода подкатила къ крыльцу. Поблагодаривъ хозяина, мы тронулись въ дальнѣйшее странствованіе и снова переѣхали Ардонъ въ-бродъ. Теперь нашъ путь лежалъ прямо на югъ, по лѣвому берегу Ардона, фасомъ къ горамъ, къ этимъ предательскимъ исполинамъ, которые кажутся такъ близко и всегда обманываютъ непривычный глазъ жителя плоскостей. Всю дорогу до Алагира мнѣ казалось, что какія-нибудь двѣ-три версты отдѣляютъ насъ отъ подножія горъ, а между тѣмъ горы начинаются только верстахъ въ двухъ за Алагиромъ. Уже стемнѣлось, когда мы въѣзжали въ эту красивую станицу, расположенную по берегу Ардона. Намъ предстояло рѣшить немедленно два вопроса: лошадиный и ночлежный. Рѣшили прежде всего заняться первымъ, потому что въ теплую лѣтную ночь можно было выспаться и sub Divo. Участковый приставъ К. К. С—тъ, къ которому я обратился за содѣйствіемъ, не теряя лишнихъ словъ, немедленно началъ изыскивать средства сплавить насъ далѣе по пути нашего слѣдованія. О земскихъ верховыхъ лошадяхъ нельзя было и думать,—по случаю ожиданія начальника округа онѣ не могли быть отпущены. Земскія тройки, о которыхъ у меня сложилось такое же миѳическое представленіе, какъ о коняхъ Геліоса, по обыкновенію, отсутствовали. Остава-

лось нанять у обывателей долгушу, которая имѣла доставить насъ на Садонскій рудникъ. Это и было сдѣлано приставомъ на довольно сходныхъ условіяхъ. Порѣшивъ этотъ вопросъ, принялись за второй. Здѣсь мой спутникъ, какъ природный осетинъ, сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Онъ велѣлъ возницѣ ѣхать въ аулъ Салугарданъ, лежащій рядомъ со станицей, къ дому благочиннаго о. Гатуева, своего родственника.

Въ первый разъ мнѣ приходилось пользоваться гостепріимствомъ подъ осетинскимъ кровомъ, впрочемъ уже значительно тронутымъ европейскою культурой. Отца-благочиннаго дома не было,—онъ не задолго до нашего пріѣзда выѣхалъ въ Дигорію приводить въ лоно православія нѣсколько семей ренегатовъ, омусульманившихся осетинъ. Мой спутникъ вошелъ въ домъ на правахъ родственника и послѣ краткихъ переговоровъ съ «матушкой» вышелъ и сообщилъ, что мы можемъ располагать гостиной, чистенькой и свѣтлою комнатой съ европейскою мебелью. Причетникъ (или діакòнъ, какъ ихъ здѣсь называютъ), красивый и бравый молодой человѣкъ, которому гораздо болѣе къ лицу джигитовать на конѣ, чѣмъ пѣть кондаки и тропари, живо втащилъ нашу поклажу и вообще разсыпался въ услугахъ. Въ первый разъ я былъ свидѣтелемъ этой осетинской услужливости относительно чужеземцевъ, которая удивляла меня въ теченіе всего путешествія. Вошла матушка съ привѣтливымъ словомъ и сожалѣніемъ, что ея мужъ отсутствуетъ. Немедленно въ тихомъ уголкѣ, котораго обитатели, повидимому, готовились опочить отъ дневныхъ трудовъ, началось движеніе, суета. Насъ не хотѣли отпустить спать безъ теплаго ужина. За этой первой осетинскою трапезой я былъ свидѣтелемъ одного образчика осетинскаго этикета. Когда ужинъ былъ поданъ, вошла матушка и, конечно, я разсчитывалъ, что она сядетъ и раздѣлитъ нашу трапезу. Оказалось, что она *должна* стоять въ присутствіи мужчинъ, а потому, во избѣжаніе такого обстоятельства, которое цивилизованному европейцу могло отбить аппетитъ, мой спутникъ посовѣтовалъ хозяйкѣ просто уйти и не угощать насъ.

Другой актъ осетинскаго этикета былъ совершенъ надъ нами причетникомъ. Когда постлали намъ постели и мы приступили къ разоблаченію, явился причетникъ и сталъ около притолки. Я недоумѣвалъ и считалъ это простою любознательностью провинціала. Но лишь только я принялся за сапоги, какъ причетникъ подскочилъ и, несмотря на мое сопротивленіе, снялъ съ меня это

украшенiе. Оказалось, что и это составляетъ одно изъ важныхъ требованiй этикета: отъ упражненiя въ теченiе нѣсколькихъ дней я наконецъ привыкъ къ этому, на первый разъ шокирующему, обряду и впослѣдствiи, отходя ко сну, терпѣливо ждалъ сапогоснимателя, зная хорошо, что все равно онъ не пойдетъ спать, пока не исполнитъ обряда. Чтобы не задерживать рано ложащихся спать осетинъ, мы бывало пораньше подвергнемся обряду и затѣмъ, когда сапогосниматель удалится, снова надѣнемъ сапоги. Наконецъ, по совершенiи надъ нами всѣхъ обрядовъ осетинскаго гостепрiимства, мы опочили мирнымъ сномъ.

1-го августа.—Мы проснулись рано утромъ. Трава и деревья въ саду были покрыты обильною росою. Всходило солнце. Горы на югѣ были покрыты легкою дымкой. Ардонъ съ шумомъ катилъ мимо насъ свои желтоватыя воды. Аулъ уже просыпался,—осетинскiя женщины съ деревянными объемистыми ушатами на спинахъ спѣшили къ рѣкѣ за водою. Умывшись на берегу, мы пошли на террасу дома, гдѣ насъ ожидалъ чай. Скоро подкатилъ нашъ возница съ объемистою долгушей и, распростившись съ любезною хозяйкой и ея здоровымъ поколѣнiемъ, уже учащимся въ русской школѣ, мы тронулись въ горы. По дорогѣ у лавочки догналъ насъ причетникъ, котораго мы посылали за хлѣбомъ. Отправляющiеся въ горы должны въ Алагирѣ запасаться хлѣбомъ, потому что въ горахъ его уже купить нельзя.

Налѣво по нашему пути вытянулось зданiе серебряно-свинцоваго завода, выстроеннаго съ башнями на подобiе средне-вѣковой крѣпости. Оно было построено въ то время, когда еще не вполнѣ надѣялись на вѣрность осетинъ. До сихъ поръ, какъ *survival* прежнихъ временъ, сохранилось постановленiе, что никто не долженъ входить въ ворота завода вооруженнымъ, и до сихъ поръ туземцы отцѣпляютъ у воротъ свои кинжалы и передаютъ караульному солдату. Серебряная руда для завода добывается въ Садонскомъ рудникѣ, куда лежалъ нашъ путь. Черезъ 1½ часа по выѣздѣ изъ Алагира пейзажъ уже принимаетъ горный характеръ. Мы въѣхали въ прекрасную долину Ардона, по которой проложена отлично содержимая военно-осетинская дорога. Справа и слѣва возвышаются горы, покрытыя густою растительностью. Однообразiе прежняго пейзажа смѣняется чрезвычайнымъ разнообразiемъ горныхъ видовъ. Очертанiе горъ безпрестанно мѣняется. Дорога то немного уклоняется отъ рѣчки ближе къ горамъ, то идетъ высоко по берегу, и глубоко внизу въ ущельѣ

слышится неумолкаемый шумъ Ардона. Иногда проѣзжаешь по краю почти отвѣсной скалы и видишь высоко надъ головою свѣшивающіяся деревья,—такъ и кажется, что дерево оборвется и упадетъ на дорогу. Верстахъ въ пятнадцати отъ Алагира начало сильно пахнуть сѣрою; вода Ардона кое-гдѣ близъ берега получаетъ почти голубой или вѣрнѣе аквамариновый цвѣтъ. Это—сѣрные источники, къ бассейну которыхъ мы скоро подъѣхали. У подножія горы съ правой стороны замѣтенъ провалъ, наполненный сѣрнистою водой; отсюда сѣрнистые ручьи стекаютъ въ рѣку на протяженіи по крайней мѣрѣ полуверсты. Говорятъ, что поэтому въ Ардонѣ въ этихъ мѣстахъ не живетъ форель.

Конечно, въ настоящее время, при богатствѣ и большей доступности пятигорскихъ сѣрныхъ источниковъ, Алагирскіе остаются втунѣ; но быть-можетъ придетъ время, когда и на это мѣсто будутъ съѣзжаться больные, когда поѣздъ желѣзной дороги будетъ мчаться по берегу Ардона, заглушая шумомъ колесъ его громкую пѣсню, и на прелестныхъ горахъ среди сосновыхъ рощъ будутъ красоваться роскошные отели и домики для европейскихъ гостей. Эти отели могли бы съ большимъ правомъ присвоить себѣ пышныя названія: Belvedere, Bellevue, чѣмъ многіе германскіе отели, украшающіе себя этими ярлыками, если только окна ихъ не выходятъ на задній дворъ.

Часа черезъ три по нашему пути роскошная зелень на горахъ начинаетъ рѣдѣть, скалы громоздятся все выше и выше: мы въѣзжаемъ въ полосу скалистыхъ, лишенныхъ растительности, горъ, которыхъ нижнія части покрыты лишь скудною, пожелтѣвшею отъ солнца, травою. Это—царство камня, унынія и запустѣнія. По временамъ вы замѣчаете у подножія горъ, близъ круто вьющейся вверхъ тропинки, осетинскія арбы, сани и коекакую рухлядь. Это—признакъ того, что гдѣ-нибудь на вершинѣ скалы гнѣздится аулъ. Жители принуждены оставлять свои арбы внизу подъ навѣсами и подниматься къ себѣ верхомъ на лошадяхъ или лошакахъ. Вы всматриваетесь въ груды скалъ и съ трудомъ открываете аулъ,—до такой степени онъ похожъ издали на простую груду камней. Лишь башня, *галуанъ*, кое-гдѣ возвышающаяся надъ ауломъ, указываетъ вамъ на человѣческое жилье.

Осетины строятся въ этихъ мѣстахъ по уступамъ горъ. Четырехъугольная сакля, сложенная изъ камней, съ низкою дверью, съ отверстіемъ, замѣняющимъ окно, прилѣпляется одною стороной

къ горѣ; плоская крыша представляетъ землянную площадку. Надъ одною такой каменною комнатой, выше по уступу горы, лѣпится другая, за ней третья, причемъ всегда одна сторона примыкаетъ къ скалѣ и каждый этажъ имѣетъ свою площадку. Къ главному помѣщенію сбоку, справа и слѣва, обыкновенно пристраиваются комнатки меньшаго размѣра, и все это собраніе клѣтушковъ соединено наружными лѣстницами и иногда галлерейками. Печи въ горахъ еще очень рѣдки,—сакля согрѣвается первобытнымъ очагомъ, находящимся въ серединѣ комнаты. Надъ очагомъ свѣшиваются съ потолка двѣ или три цѣпи (рахысъ), къ которымъ подвѣшивается, когда нужно, котелъ. Цѣпь до сихъ поръ составляетъ самый священный предметъ сакли, играющій немаловажную роль въ семейномъ культѣ. Надъ такою цѣпью произносятся клятвы; въ брачномъ обрядѣ, до введенія христіанства, невѣсту водили три раза вокругъ цѣпи, послѣ чего бракъ считался формально совершеннымъ. Нельзя нанести болѣе сильнаго оскорбленія врагу, какъ укравъ цѣпь его домашняго очага. Недосмотрѣвшій за цѣлостью цѣпи подвергается презрѣнію всего общества. Дымъ, не имѣя отверстія въ потолкѣ для выхода, стелется по всей саклѣ и потому стѣны ея и потолокъ покрыты густыми слоями бестящей черной сажи. Вокругъ этого первобытнаго индоевропейскаго очага зимою согрѣваютъ осетины свои окоченѣлые члены, зарывая ноги въ теплую золу. Лѣтомъ еще сносно въ саклѣ,—по крайней мѣрѣ въ открытую дверь есть доступъ свѣжему воздуху,—но каковы должны быть въ ней смрадъ, грязь и дымъ зимою, когда на небольшемъ пространствѣ, ёжась отъ холода, скучивается вся семья, а иногда и домашнія животныя?

Верстахъ въ 23 отъ Алагира, на правой сторонѣ отъ дороги, у подножія горъ, лѣпится скромный духанъ. Мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы дать роздыхъ лошадямъ и выпить осетинскаго пива (бэгэны). Хорошее осетинское пиво напоминаетъ портеръ крѣпостью и вкусомъ; но въ жалкомъ духанѣ вмѣсто него оказалась какая-то подозрительная, подслащенная микстура, которой я предпочелъ скиснувшееся кахетинское вино пополамъ съ водой. Мой спутникъ, замѣтивъ въ духанѣ *фандыръ*—двухструнную скрипку, сталъ водить по ней смычкомъ, издавая жалкіе звуки, и спрашивалъ проѣзжихъ осетинъ, нѣтъ ли между ними фандыриста. Таковаго однакожъ не оказалось.

Взобравшись снова на нашу долгушу, мы проѣхали еще верстъ восемь до впаденія въ Ардонъ р. Садона и повернули вправо отъ

военно-осетинской дороги вдоль по долинѣ этой горной рѣчки. Снова начинается растительность; мѣстность оживляется, по берегамъ растутъ сосны, березы, клены. Дорога поднимается вверхъ и версты три лошади идутъ шагомъ. Наконецъ, показывается небольшая крѣпостца, церковь грузинской архитектуры и нѣсколько казацкихъ и осетинскихъ домиковъ. Это—серебряный Садонскій рудникъ, составляющій правительственную собственность. Свинцовая руда, какъ говорятъ, здѣсь не богата серебромъ, такъ что рудникъ и заводъ не окупаютъ издержекъ, но даютъ заработокъ бѣдному мѣстному осетинскому населенію. Инспектора завода, который въ отсутствіе своего брата завѣдывалъ и рудникомъ, не было дома; онъ уѣхалъ въ Алагиръ и потому, по совѣту спутника, мы прибѣгли къ гостепріимству содержателя мѣстной лавки Цоппо, человѣка со средствами, представляющаго типъ осетина, долго вращавшагося около русскихъ и знакомаго хорошо съ русскими порядками и языкомъ. Насъ ввели въ чистенькую комнату и подали самоваръ и закуску. Между тѣмъ мы послали за старшиною, чтобы на утро имѣть верховыхъ лошадей. Оказалось, что это не такъ скоро дѣлается. Лошади пасутся въ горахъ верстъ за двѣнадцать на перевалѣ, а большинство населенія на работѣ—жнитвѣ и сѣнокосѣ. Пошли безконечные толки по поводу лошадей: осетины, по обыкновенію, обступили насъ толпою, будто обрадовались случаю почесать языкъ съ новыми лицами; помощникъ старшины дѣлалъ видъ, что хлопочетъ и всячески радѣетъ о нашемъ благѣ и все же изъ этого праздноглаголанія ничего не выходило. Мы успѣли, сопровождаемые любознательнымъ помощникомъ старшины, сходить выкупаться въ Садонѣ, напиться чаю и закусить, когда, наконецъ, явился одинъ молодой осетинъ съ предложеніемъ добыть намъ три лошади и проводить насъ до Камунты за пять рублей. Дѣло было рѣшено и мы, успокоенные, пошли прогуляться къ аулу—Нижнему Садону, гнѣздящемуся высоко на горѣ, на правой сторонѣ рѣчки. Съ противоположной стороны эта гора представляетъ совершенно отвѣсную стѣну, на вершинѣ которой свили себѣ гнѣздо нѣсколько осетинскихъ семей. Послѣ полутора-часоваго подъема, наконецъ, добрались до аула: мужчины и женщины были въ полѣ; дома оставались лишь старухи, да дѣти, которыя съ криками разсыпались въ стороны при приближеніи страшныхъ *урусовъ*. Замѣтивъ смятеніе, произведенное нами въ этомъ орлиномъ гнѣздѣ, мы отретировались, причемъ пріободрившееся молодое поколѣніе орлятъ сопровождало наше

отступленіе русскимъ ругательствомъ, единственнымъ русскимъ словомъ ему извѣстнымъ.

Въ програму моей поѣздки входило собирать въ разныхъ мѣстахъ осетинскіе тексты для изученія оттѣнковъ говоровъ, которыми изобилуетъ осетинскій языкъ, какъ обыкновенно бываетъ въ языкахъ горнаго населенія. Въ виду этого, чтобы не потерять вечеръ даромъ, я просилъ Цоппо достать какого-нибудь старика, знающаго старинныя и особенно нартскія сказанія. Скоро явился къ намъ маленькій и подвижной старичокъ и началъ скороговоркой разсказывать про нартовъ Дарезановъ.

Сказанія о нартахъ (богатыряхъ) представляютъ значительный интересъ въ научномъ отношеніи. Они распространены у многихъ кавказскихъ племенъ: у кабардинцевъ, чеченцевъ, осетинъ. Эпосъ осетинъ нельзя назвать миѳологическимъ, такъ какъ богатыри носятъ уже человѣческую окраску; но во многихъ сказаніяхъ можно найти воспоминанія о древнихъ богахъ. Такъ въ разныхъ сказаніяхъ упоминается властитель мертвыхъ *Барастыръ*, миѳическое крылатое существо *Пакондзи*, живущее на небѣ, небесный кузнецъ *Курдалагонъ*, который закаляетъ Батраза въ своемъ горнилѣ, *Амиранъ*, прикованный къ скалѣ и соотвѣтствующій Прометею, и др. Главные типы нартовъ: Батразъ, напоминающій Геркулеса, Сырдонъ—самый умный и хитрый изъ нартовъ, напоминающій Одиссея, Сата́на — сестра и жена Урызмага, отличающаяся необыкновеннымъ умомъ, Хамыцъ, Амиранъ, Ростомъ, Созрыко, Бадри, Мысырби, Сосланъ и другіе.

Слушая разсказъ старика, я еще разъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ изобильны варіантами нартскія сказанія и какъ сильно смѣшиваются имена богатырей. Подобно тому какъ въ нашихъ былинахъ одни и тѣ же подвиги приписываютъ разнымъ богатырямъ, такъ и въ осетинскихъ сказаніяхъ смѣшиваются Батразъ съ Сосланомъ и одни и тѣ же похожденія приписываются въ одномъ аулѣ одному, въ другомъ — другому нарту. Быть-можетъ впослѣдствіи, когда записано будетъ больше сказаній, критикѣ удастся закрѣпить извѣстныя похожденія за извѣстными эпическими богатырями, но пока остается записывать только такъ, какъ слышишь, и собирать матеріалъ. Сказаніе, разсказанное старикомъ, было мною записано уже во Владикавказѣ; но въ варіантѣ старика оказались важныя подробности о происхожденіи богатыря Амирана и отецъ его названъ былъ Ростомомъ-кузнецомъ. Это

напомнило мнѣ персидскаго эпическаго героя Рустема и ту роль, которую играетъ кузнецъ въ иранскихъ сказаніяхъ. Не послужитъ ли эта черта къ освѣщенію происхожденія нартовскихъ сказаній? Въ иранствѣ осетинъ, по свидѣтельству языка, не можетъ быть сомнѣнія. Не окажутся ли спеціальныя черты родства и въ народныхъ преданіяхъ? Замѣчу, что въ моемъ собраніи есть сказаніе о братьяхъ Ростомѣ и Безанѣ, котораго сюжетъ напоминаетъ бой персидскаго Рустема съ Зорабомъ. Только въ осетинской версіи убиваетъ своего неузнаннаго сына не Ростомъ, а его братъ Безанъ.

Поздно вечеромъ, послѣ сытнаго ужина, мы подверглись обряду сниманія сапоговъ, причемъ священнодѣйствовалъ младшій братъ моего хозяина, и улеглись спать на чистомъ полу комнаты.

2-го августа.—Вставъ рано утромъ, я почувствовалъ зудъ на лицѣ и подошелъ къ зеркалу. Смотрю и удивляюсь: оттуда выглядываетъ пунцоваго цвѣта лицо, съ напухшими щеками и носомъ. О, Фебъ коварный, это твоя работа! Кожа гиперборейца покрылась обжогами и сизыми пятнами отъ твоихъ жгучихъ поцѣлуевъ. Теперь (15 августа), когда съ моего лица сходитъ чуть ли не седьмая кожа, я отношусь съ юморомъ къ этой невзгодѣ; но тогда, чувствуя сильный зудъ, я, признаться, обезпокоился, предполагая, что схватилъ рожу, которая едва ли сильно споспѣшествовала бы моей экскурсіи. Впрочемъ, скоро болѣе опытные въ солнечныхъ дѣлахъ люди успокоили меня: намъ встрѣтился въ Садонѣ молодой, уже почти почернѣвшій отъ зноя, землемѣръ, который съ мѣсяцъ ѣздилъ по горамъ, и онъ утѣшилъ меня тѣмъ, что и онъ въ первые дни носилъ обжоги и никакой рожи отсюда не воспослѣдовало. Бравый землемѣръ уже скоро возвращался во Владикавказъ и потому великодушно предложилъ мнѣ для смазыванія физіономіи остатки кольдкрема.

Часамъ къ восьми были подведены наши кони и, торжественно возсѣвъ на ихъ хребты при помощи услужливыхъ осетинъ, державшихъ, согласно обычаю, стремя, мы тронулись въ путь вдоль по Садонскому ущелью. Тропинка сначала вьется по правому берегу, а затѣмъ переходитъ на лѣвый; на горѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Садонскаго рудника, виднѣется полупокинутый жителями аулъ Верхній Садонъ. Части жителей уже надоѣло терпѣть холодъ и голодъ въ этихъ романтическихъ горахъ и они выселились на плоскость (Новохристіанское селеніе). Часа черезъ два ѣзды начался крутой подъемъ на горы съ правой стороны; ло-

шади запыхивались, сѣдла сползали, приходилось останавливаться для передышки разъ пять. Наконецъ, мы очутились на вершинѣ одного кряжа горъ и увидѣли справа еще болѣе высокiй каменный хребетъ, Кiонъ-хохъ, 11.210 ф., а налѣво—снѣжную вершину Адай-хохъ (13.244 ф.). Начался Садонскiй перевалъ.

Здѣсь пришлось мнѣ въ первый разъ испытать впечатлѣнiя альпiйскихъ путешествiй по горнымъ тропинкамъ. Когда взберешься на кручу и посмотришь на предстоящiй путь, то рѣшительно недоумѣваешь, неужели можно проѣхать по той узкой, еле замѣтной, тропинкѣ, которая вьется такъ страшно высоко надъ бездной? Но вотъ вы, достигнувъ этой тропины, видите, что лошадь можетъ прочно утвердить на ней ноги, и успокоиваетесь. Кто не страдаетъ головокруженiемъ и питаетъ довѣрiе къ горной лошади,—а такое довѣрiе совершенно необходимо, потому что я сотни разъ убѣждался, что лошадь въ выборѣ тропинки гораздо умнѣе человѣка,—тотъ можетъ спокойно ѣхать, заложивъ поводья за луку, въ полной увѣренности, что жизни его угрожаетъ не больше опасности, чѣмъ на гладкомъ шоссе. Лишь бы не было дождя, отъ котораго скользятъ ноги лошади. Въ одномъ мѣстѣ приходилось особенно круто: тропинка шла не ровно, а покато по горѣ, которая вдругъ спускалась отвѣсно. Притомъ сверху скатывалась часто осыпь и заметала и безъ того узкую тропинку. Приходилось ѣхать гуськомъ на извѣстномъ разстоянiи, чтобы сотрясенiе шести паръ конскихъ ногъ не усилило осыпи. Миновавъ благополучно и это мѣсто, мы очутились на свѣжихъ альпiйскихъ лугахъ съ сочною травой, бороздимыхъ въ разныхъ направленiяхъ быстрыми и холодными ручейками, стекавшими изъ ледниковъ. Свѣжiй горный воздухъ придавалъ какую-то особенную бодрость. Мы остановились на нѣсколько минутъ у одного ручейка, чтобы напиться и полюбоваться на снѣжныя вершины, казавшiяся уже совсѣмъ близко. Усталыя лошади съ жадностью щипали альпiйскую траву. Былъ полдень. Солнце пекло, но время отъ времени вѣтеръ отъ ледниковъ обдавалъ прохладою. Полною грудью вдыхалъ я этотъ чудный воздухъ...

Послѣ краткаго отдыха поѣхали дальше: начался спускъ въ долину Сонгуты-дона, на берегу котораго расположена цѣль нашего сегоднешняго пути, аулъ *Камунта*. Роскошные альпiйскiе луга опять смѣнились мало-по-малу безплодными утесами, подножiе которыхъ покрыто скудною, пожелтѣвшею, травой. Кругомъ ни кустика, ни дерева; всюду—груды камней и мелкiй щебень,

ползущій съ горъ. Черезъ полтора часа пути по ущелью Сонгуты-дона увидѣли аулъ съ нѣсколькими древними галуанами. Это—Камунта, одинъ изъ древнѣйшихъ ауловъ по ущелью.

Отправляясь въ Дигорію для изученія чисто-дигорскаго говора, я хотѣлъ слѣдить и за постепеннымъ переходомъ къ нему отъ тагаурскаго, и потому говоръ этого аула былъ для меня интересенъ. Рѣшили остановиться здѣсь дня на два.

По случаю страднаго времени большая часть мужчинъ работала въ полѣ. Во всемъ аулѣ оставалось человѣкъ десять, которые, запримѣтивъ нашихъ коней, скоро подошли къ намъ и проводили насъ до такъ-называемаго «правленія», нѣчто въ родѣ первобытнаго пещернаго жилища, съ землянымъ поломъ, широкою скамьей, столомъ и убогимъ стуломъ. Правленіе отличалось отъ любой сакли лишь тѣмъ, что было снабжено печью, которая, за отсутствіемъ лѣса вокругъ Камунты, едва ли часто топилась въ теченіе своего существованія. Достовѣрно извѣстенъ лишь одинъ случай топленія печи, именно въ 1876 году, когда произошло при помощи ея аутодафэ мѣстнаго фетиша, о чемъ я разскажу впослѣдствіи.

Едва мы вошли въ правленіе и стали выгружать наши переметныя сумы, какъ уже комната наполнилась народомъ. Одинъ ветхій старикъ сѣлъ рядомъ съ нами на скамью, а всѣ, кто помоложе, выстроились вдоль стѣнъ, образуя какъ бы античный хоръ. Начались распросы о цѣли нашего пріѣзда: мой спутникъ, какъ природный осетинъ, знакомый съ нравами и обычаями, старался всячески растолковать эту совершенно имъ непонятную цѣль, но, повидимому, безуспѣшно. У нихъ, какъ мы замѣтили, сложилось убѣжденіе, что мы путешествуемъ не спроста, не для того, чтобы слушать побасенки, а съ какою-то тайною цѣлью, тщательно скрываемою подъ пустыми предлогами. Но хотя, быть-можетъ, у кое-кого изъ подозрительныхъ политикановъ и шевелилось опасеніе, что слѣдствіемъ нашего пріѣзда могутъ быть какія-нибудь новыя, не желательныя для осетинъ, мѣропріятія со стороны администраціи, однако же, во всякомъ случаѣ, мы были гости, а гость, по осетинскому выраженію, «божій гость». Несмотря на почти поголовную бѣдность и на рабочую пору, начались скоро добровольныя приношенія: одинъ старецъ принесъ бутылку арака, другой—кусокъ овечьяго сыра, третій—овечьяго молока. На другой день намъ принесли въ жертву пѣтуха, а вечеромъ съ немалыми усиліями поставили самоваръ и торжественно, вмѣстѣ съ саха-

ромъ на блюдечкѣ, внесли въ «правленіе». Я недоумѣвалъ, какъ камунтцы будутъ приводить въ дѣйствіе эту машину посредствомъ ихъ единственнаго топлива—кизяка. Но оказалось, что въ аулѣ для экстренныхъ случаевъ былъ маленькій запасъ угольевъ, привезенныхъ издалека. Наибольшую любезность оказалъ намъ молодой человѣкъ изъ семьи Дзилиховыхъ, единственный грамотный въ аулѣ, состоявшій поэтому писаремъ при своемъ старшемъ братѣ-старшинѣ.

Во время закуски, совершавшейся подъ наблюденіемъ двадцати любопытныхъ глазъ, мы распросили о раскопкахъ въ древнемъ камунтскомъ могильникѣ и о находимыхъ вещахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ рѣчка размыла часть горы и обнаружила нѣсколько рядовъ могилъ прежняго населенія мѣстности. Въ могилахъ были находимы золотыя, бронзовыя и желѣзныя вещи, сердоликовыя и стеклянныя бусы. Цѣна золота всюду хорошо извѣстна: камунтцы продолжали раскопки сами и продавали золотыя вещи во Владикавказѣ золотыхъ дѣлъ мастерамъ и нѣкоторымъ любителямъ древности. Когда стали покупать у нихъ бронзовыя и желѣзныя вещи, то и онѣ уже стали извѣстною цѣнностью и не отбрасывались въ сторону. Зная эти обстоятельства, я освѣдомился, нѣтъ ли вновь выкопанныхъ старыхъ вещей. Оказалось, что есть, но немного. Мнѣ принесли глиняный кувшинъ, сердоликовыя бусы, пряжку бронзовую и три желѣзныхъ топорика. Конечно, это было мною куплено. Относительно золотыхъ вещей сообщили, что недавно, не задолго до моего пріѣзда, скупилъ ихъ одинъ армянинъ, прапорщикъ К., пріѣхавшій изъ Тифлиса по порученію собственника одной коллекціи. Въ Галіатѣ, аулѣ лежащемъ верстахъ въ двухъ отъ Камунты, онъ накупилъ рублей на шестьдесятъ. К. цѣнилъ, какъ мнѣ сказали, исключительно золотыя вещи. Меня же, признаться, онѣ интересуютъ всего менѣе, потому что даютъ меньше всего понятія о мѣстной культурѣ. Золотой руды не было въ этихъ мѣстахъ и предметы изъ этого металла пріобрѣтались путемъ купли или грабежа. Поэтому, если дѣйствительная и любительская цѣнность золотыхъ предметовъ и велика, научная ихъ цѣнность гораздо ничтожнѣе цѣнности другихъ вещей, составляющихъ бытовую обстановку камунтскихъ и галіатскихъ могилъ.

Отдохнувъ немного, мы отправились, сопровождаемые чуть ли не всѣмъ наличнымъ населеніемъ аула, на мѣсто раскопокъ. Могилы идутъ вдоль горы въ двухъ или трехъ ярусахъ. Камен-

ные ящики въ родѣ кобанскихъ встрѣчались рѣдко: трупъ былъ полагаемъ въ яму и заваливаемъ камнями, а иногда только засыпаемъ землею. Оружіе при мертвецахъ исключительно изъ желѣза, а бронзовые предметы составляли только украшенія. Въ могилахъ были находимы монеты VI и VII вѣка, и, конечно, камунтскій могильникъ не можетъ быть сравниваемъ по древности съ кобанскимъ и казбекскими, представляющими характерный пошибъ культуры бронзоваго вѣка.

Расположившись на берегу ручья въ виду могилъ, мы стали распрашивать жителей Камунты о ихъ мѣстныхъ преданіяхъ и я записалъ не мало любопытнаго. Многія изъ этихъ преданій хорошо помнилъ старикъ Дзилйховъ, умершій за мѣсяцъ до нашего пріѣзда, какъ увѣряютъ его потомки, 132 лѣтъ. Объ этомъ живомъ архивѣ мѣстной старины я впервые узналъ во Владикавказѣ отъ преосвященнаго Іосифа и весьма разсчитывалъ въ Камунтѣ пораспросить его и «пыль съ хартій отряхнуть». Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось только подобрать отдѣльные листки этого ветхаго фоліанта чрезъ его сыновей, которые запомнили нѣкоторые разсказы старика. Я записалъ преданіе о грузинской коронѣ, о змѣѣ-горыничѣ, когда-то окружавшемъ аулъ Галіату кольцомъ и убитомъ однимъ изъ богатырей прежнихъ временъ, о походѣ Саха на Галіату, объ основаніи Камунты и постройкѣ нѣкоторыхъ башенъ, о войнѣ камунтцевъ съ алагирцами, о чудныхъ коняхъ-алыппахъ и многое другое.

Чтобы дать понятіе о преданіяхъ Камунты и сосѣдняго аула Галіаты, приведу нѣкоторыя болѣе любопытныя.

Преданіе о ногайцахъ, занимавшихъ нѣкогда Дигорію.

Когда разскащикъ былъ еще маленькимъ мальчикомъ, онъ слышалъ слѣдующій разсказъ отъ Ахмета Кантемурова, переселившагося впослѣдствіи въ Турцію. Кантемуръ однажды съ товарищемъ поѣхалъ въ Ногайскія степи и близъ одной юрты увидѣлъ ветхаго старика, сидѣвшаго на *ныхасѣ* *). Ахметъ Кантемуровъ замѣтилъ своему товарищу громко, что, вѣроятно, этотъ старикъ очень долго живетъ на свѣтѣ. Въ это время подошелъ къ нимъ съ виду молодой человѣкъ и спрашиваетъ ихъ по-осетински, откуда они пріѣхали. Они сказали, что изъ Дигоріи.

---

*) *Ныхасомъ* называется мѣсто близъ аула, на которое собирается все мужское населеніе въ свободное время. Старики проводятъ на немъ почти весь день.

«Изъ какихъ мѣстъ?»—«Изъ Стыръ-Дигора».—«Изъ какого аула?»—«Изъ Кусу́».—«Какъ фамилія?»—«Кантемуровы». Услыхавъ это, молодой человѣкъ крайне обрадовался тому, что увидѣлъ въ свою жизнь еще разъ одного изъ Кантемуровыхъ. Тѣ были удивлены этой радости и просили объясненія. Молодой человѣкъ сказалъ Ахмету: «Стоитъ ли до сихъ поръ у васъ на дворѣ грушевое дерево?» Кантемуровъ сказалъ: «Да, оно еще не засохло».—«Это дерево,—сказалъ молодой человѣкъ,—я самъ посадилъ и выростилъ. Я жилъ прежде на этомъ самомъ мѣстѣ, а за дровами ѣздилъ въ Ахсəры Сəрмə (на плоскости), такъ какъ на горахъ около Кусу́ совсѣмъ лѣсу не было. Однажды я привезъ съ плоскости грушевое деревцо и посадилъ у себя во дворѣ. Впослѣдствіи мы выселились изъ этихъ мѣстъ въ Ахсəры Сəрмə. Здѣсь мы долго жили, но потомъ напалъ на насъ крымскій ханъ, забралъ насъ въ плѣнъ и переселилъ въ Ногайскія степи. Такъ какъ намъ жаль было разстаться съ вещами, то мы ихъ зарыли въ землю и насыпали на этомъ мѣстѣ три кургана. Подъ среднимъ курганомъ зарыто все имущество алдара, а имущество другихъ лицъ нашего рода подъ двумя боковыми. Если хотите богатства, то раскопайте эти курганы». Выслушавъ этотъ разсказъ, Ахметъ Кантемуровъ со спутникомъ изумился долговѣчности ногайца и спросилъ его, сколько ему лѣтъ. Тотъ усмѣхнулся и, показавъ на дряхлаго, замѣченнаго ими, старика, сказалъ, что это его младшій сынъ и что кромѣ него у него есть еще двое старшихъ сыновей, которые отъ дряхлости уже не въ состояніи подниматься съ мѣста. Чтобъ убѣдить Ахмета Контемурова въ правдивости своихъ словъ, онъ показалъ ему этихъ двухъ стариковъ.—Долго ли послѣ этого жилъ ногаецъ и раскопалъ ли Кантемуровъ курганы, объ этомъ преданіе умалчиваетъ.

Преданіе объ осадѣ Галіаты Сахомъ *)

Въ отдаленныя времена подступилъ съ войскомъ Сахъ къ Галіатѣ, которая лежала въ то время на холмѣ въ 1½ верстѣ на сѣверо-востокъ отъ нынѣшняго ея мѣстоположенія. Сахъ расположилъ войско на противолежащей возвышенности и сталъ обстрѣливать Галіату. Долго осада тянулась безуспѣшно. Наконецъ Саху помогъ одинъ пастухъ, который, стоя со стадомъ на про-

---

*) *Сахомъ* называютъ осетины персидскаго шаха.

тивоположной горѣ, заигралъ въ дудку и запѣлъ пѣсенку, въ которой совѣтовалъ Саху велѣть накормить эшака солью и, не давая ему пить, прогнать его изъ лагеря. Сахъ послѣдовалъ этому совѣту. Накормленный солью эшакъ побѣжалъ на гору, выше лагеря, на горный лугъ, и сталъ копытами и зубами рыть землю въ одномъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ открылъ трубу водопровода, снабжавшаго Галіату водою. Тогда Сахъ отвелъ воду и такимъ образомъ принудилъ Галіату сдаться. Слѣды водопровода видны и до сихъ поръ,—прибавилъ разсказщикъ.

Преданіе объ Осѣ и основаніи Камунты.

Было три брата: Суанъ, Осъ и Картылъ. Картылъ остался на мѣстѣ и сталъ родоначальникомъ грузинскаго народа. Суанъ пошелъ и поселился въ нынѣшней Сванетіи, которая отъ него получила свое имя. Третій братъ, Осъ, поселился въ Алагирскомъ ущельѣ и сталъ родоначальникомъ осетинъ. Его старшій сынъ пошелъ въ Дигорію и въ ней поселился. Изъ поколѣнія Оса происходили два брата: старшій—Хутгеръ и младшій—Дзынга. Хутгеръ поселился на горѣ Каритинѣ. У Хутгера былъ сынъ Челбагонъ, а у Челбагона—Камынонъ-Насръ. Послѣдній поселился на томъ мѣстѣ, на которомъ теперь стоитъ аулъ Камунта, названный его именемъ. Въ теченіе времени изъ Алагира пришли войска и начали осаждать Камунту. Жители заперлись въ башнѣ на горѣ, близъ того мѣста, гдѣ теперь церковь. Послѣ долгой осады камунтцы поднялись на хитрость. Они подрубили устои моста, дававшаго доступъ въ ихъ крѣпость, и перестали отстрѣливаться, съ тою цѣлью, чтобы непріятель подумалъ, что они истощили свои боевые снаряды. Хитрость удалась. Алагирцы бросились по мосту на приступъ и мостъ подъ ними провалился. Такимъ образомъ войско алагирцевъ погибло.—У Камынона былъ сынъ Тобой. При немъ камунтцы стали селиться просторнѣе. Онъ возвелъ укрѣпленіе на верхней площадкѣ горы на сѣверъ, а когда его потомство размножилось, то построилъ башню (мэсыгъ) на востокѣ. Башня эта еще существуетъ до сихъ поръ и считается самымъ древнимъ домомъ въ Камунтѣ. Въ ней живетъ одинъ изъ рода Дзилиховыхъ. Преданіе говоритъ, что алагирцы мѣшали этой постройкѣ и разоряли каждую ночь то, что было построено днемъ. Башню эту строилъ Гогъ, сынъ Тобоя. Когда наконецъ башня была доведена до верха, Гогъ былъ уже старъ и жена его ста-

руха. Дѣтей у нихъ не было. Однажды мать жены Гога возвращалась домой изъ сосѣдняго аула поздно вечеромъ. Вотъ она слышитъ, что на вершинѣ башни бѣсы пляшутъ и поютъ, что у Гога родится сынъ Бата, которому богъ звѣрей Авсати будетъ другомъ. Дѣйствительно, жена Гога зачала и родила сына. Мать ея назвала внука такъ, какъ слышала отъ бѣсовъ. Мальчикъ сталъ славнымъ охотникомъ и мѣтко стрѣлялъ зубровъ, туровъ, оленей, кабановъ, медвѣдей и всякую дичь. Снова алагирцы пришли и начали осаждать башню Гога. Это было уже при Ногѣ, сынѣ охотника Баты. Непріятель раздѣлился на конницу и пѣхоту. Конницей предводительствовалъ Асыныкъ, сынъ Цалыка. Онъ подошелъ отъ рѣки, а пѣхота шла горою по верху. Приблизившись къ башнѣ, Асыныкъ крикнулъ осажденнымъ: «Хоть вы и сильно укрѣпились, но мы васъ не оставимъ: взрослыхъ перебьемъ, а малолѣтнихъ и женщинъ увеземъ съ собою и продадимъ за рубахи и штаны». Тогда Ногъ съ вершины башни отвѣтилъ ему: «Черный алагирецъ! пока наши крымскія пищали будутъ цѣлы, ты у насъ ничего не возьмешь!» Затѣмъ онъ выстрѣлилъ и ранилъ Асыныка въ правое колѣно. Раненный Асыныкъ поѣхалъ къ пѣхотѣ. Одинъ изъ пѣхотинцевъ былъ ему врагъ, подозрѣвая его въ связи съ своею женою. Онъ закричалъ подъѣзжавшему: «Дигорцы гостей хорошо принимаютъ,—краснаго шелка повязку они тебѣ подарили!» Раненный Асыныкъ ему отвѣтилъ: «Собачій сынъ! То, чего не могъ ты сдѣлать руками, то совершилъ сердцемъ!» О Цалыковомъ сынѣ и его ранѣ до сихъ поръ вспоминаютъ въ пѣсняхъ.

Братъ Хуттера, Дзынга, поселился на горѣ, на юго-западъ отъ теперешней Камунты, и это мѣсто до сихъ поръ носитъ его имя. Его жена Эльди была въ любовной связи съ его братомъ Хуттеромъ. О ней разсказывается слѣдующее преданіе: однажды, когда Дзынга надолго уѣхалъ изъ дому, она ждала своего любовника. Ждетъ, ждетъ, а онъ все не приходитъ. Она въ сильной горести стала пить хорхдонъ (сыворотку съ водой) и пила такъ много, что упала и лопнула. Дзынга послѣ ея смерти взялъ другую жену и переселился на горы, гдѣ жилъ родъ Зуайата, на западъ. У него былъ сынъ Бидзга, а у Бидзги—сынъ Уалія. Теперь потомство Дзынга носитъ фамилію Байсогурта, а потомство Хуттера—Тобойта.

Преданіе о бадилятахъ *).

Радоначальникъ бадилятъ, Бадила, пришелъ въ Дигорію отъ Мадзаръ, народа, который, какъ разсказываютъ, жилъ гдѣ-то на сѣверѣ **). Бадила сталъ гостемъ у дигорцевъ. До него не знали ружья и пороха, а бились саадакомъ. Онъ принесъ съ собою ружье и сталъ отбивать отгоняемый сосѣдями дигорскій скотъ. Своимъ ружьемъ онъ защищалъ дигорцевъ лучше, нежели они сами себя луками. За это дигорцы подарили ему столько земли, сколько нужно, чтобы накашивать травы для его лошади. Это мѣсто лежитъ близъ аула Махческа и до сихъ поръ называется *Бадилайи хоскарцъ* ***). Бадила женился на дочери лезгурскаго жителя изъ фамиліи Уанита. У него было трое сыновей: Туганъ, Кубади и Абисалъ, отъ которыхъ происходятъ бадилятскія фамиліи Тугановыхъ, Кубадіевыхъ и Абисаловыхъ.

Утомленные днемъ путешествія и работы, мы не задерживали долго сапогоснимателя, которымъ оказался разсыльный при правленіи (или кулеръ, т. е. курьеръ, какъ его здѣсь называютъ), и предались мирному сну, причемъ отъ утомленія не обратили особеннаго вниманія ни на мышей, бѣгавшихъ по нашимъ буркамъ, ни на блохъ, убійственно напавшихъ на наши усталыя тѣла.

3-го августа.—Воскресенье. Сегодня мы поняли неудобство занимать общественное зданіе. Съ утра стало собираться передъ канцеляріей мѣстное населеніе, такъ какъ предстояло засѣданіе сельскаго суда. Этотъ судъ состоитъ изъ старшины, трехъ выборныхъ *тархонлаговъ* ****), трехъ ихъ кандидатовъ и писаря. Разбиралось два дѣла: обвиненіе въ клеветѣ и пропажа двухъ быковъ изъ сельскаго стада. Обвиняемые и обвинители кричали и шумѣли неистово. Публика раздѣлилась на партіи и каждый громогласно заявлялъ свое мнѣніе о томъ, кто правъ, кто виноватъ. Пренія продолжались до вечера и только, когда начало смеркаться, писарь былъ въ состояніи записать въ книгу рѣшеніе суда. Я полюбопытствовалъ на другое утро заглянуть въ книгу судебныхъ рѣшеній, постановляемыхъ по обычному праву (адату). Не будучи самъ юристомъ, могу увѣрить лицъ, зани-

---

*) Бадиляты—привилегированное сословіе у дигорцевъ.

**) Мѣстность Мадзаръ пріурочивается, конечно, къ развалинамъ Хозарскаго города Маджаръ на рѣкѣ Кумѣ.

***) Хос—сѣно, карц—участокъ годный для косьбы.

****) Судей—собственно людей (лаг) закона (тархон).

мающихся обычнымъ правомъ, что они нашли бы много любопытнаго матеріала въ этихъ книгахъ, которыя хранятся при каждомъ сельскомъ правленіи. Хотя въ «Сборникахъ свѣдѣній о Кавказѣ и о кавказскихъ горцахъ» и были обнародованы *адаты* нѣкоторыхъ горскихъ племенъ, но этого недостаточно и я увѣренъ, что наши «обычники» нашли бы богатую поживу, еслибы пошарили по кавказскимъ сельскимъ правленіямъ.

Большая часть дня была нами потеряна,—только вечеръ принесъ нѣкоторую поживу. Когда народный сонмъ началъ расходиться, благодѣтельный писарь внесъ къ намъ торжественно самоваръ и курицу, пожертвованную сельскимъ старшиной. Вскорѣ затѣмъ появились мальчики съ предложеніемъ только-что пойманныхъ форелей и такимъ образомъ нашимъ желудкамъ, утомленнымъ консервами, предстоялъ лукулловскій пиръ. Но самое пріятное еще ожидало насъ въ концѣ дня. Неожиданно у канцеляріи раздались копыта эшаковъ и лошадей и въ горницу вошелъ почтенный о. Гатуевъ, сопровождаемый махческимъ священникомъ и миліціонеромъ изъ Алагира. Оказалось, что о. благочинный возвращался домой, покончивъ свои дѣла въ Стыръ-Дигорѣ. Встрѣча была самая радостная. Снова вся комната наполнилась народомъ, подходившимъ къ благословенію пастыря и съ любопытствомъ слушавшимъ наши бесѣды. Я не пропустилъ случая поэксплуатировать отца-благочиннаго относительно языческихъ обрядовъ и пѣсенъ, о которыхъ осетины на наши распросы отзывались незнаньемъ. Оказалось, что многое они еще очень хорошо помнятъ и соблюдаютъ до сего дня, но не любятъ объ этомъ распространяться. О. Гатуевъ разсказалъ мнѣ слѣдующій фактъ, случившійся не далѣе 1876 года.

Въ Камунтѣ съ отдаленнаго времени въ семьѣ Атаевыхъ хранился и пользовался поклоненіемъ сосновый отрубокъ, пуда два вѣсомъ, считавшійся фамильнымъ дзуаромъ, дававшимъ изобиліе. Только въ 1876 г. о. благочинному удалось убѣдить собственниковъ сжечь этотъ дзуаръ въ печи. О происхожденіи священнаго дерева разсказываютъ слѣдующее преданіе. Однажды одинъ изъ предковъ Атаевыхъ пошелъ въ дальній лѣсъ нарубить дровъ. Когда онъ замахнулся на одно дерево, вдругъ раздался откуда-то голосъ: «не руби!» Онъ началъ рубить другое дерево и голосъ повторился. Тогда онъ ударилъ по третьему дереву, и изъ него потекло молоко и кровь. Атаевъ заключилъ отсюда, что въ это дерево вселился дзуаръ богатства, отрубилъ кусокъ и при-

несъ къ себѣ домой. Дзуаръ былъ прикрѣпленъ въ конюшнѣ къ яслямъ и Атаевы стали ежегодно приносить ему жертвоприношенія—ягненка, пива и араку. Семья стала богатѣть и приписывала свое благосостояніе священному обрубку.

Когда замѣтили, что отецъ-благочинный говоритъ объ этомъ спокойно, какъ бы о дѣлахъ минувшихъ дней, то «развязался языкъ гугнивыхъ» и одинъ изъ присутствовавшихъ спѣлъ пѣсню дзуару Аларды, цѣлителю оспы.

Мы простились съ отцомъ-Гатуевымъ въ надеждѣ свидѣться въ Алагирѣ. Къ сожалѣнію, при своемъ обратномъ проѣздѣ, отца-благочиннаго тамъ не было и мои надежды воспользоваться его свѣдѣніями объ осетинскомъ язычествѣ не осуществились*). Кое-что по этому вопросу мнѣ удалось записать отъ одного старика во Владикавказѣ. Многое уже обнародовано въ «Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ». Надѣюсь, что при помощи этого матеріала можно себѣ составить довольно полное понятіе объ этомъ любопытномъ предметѣ. Впрочемъ удачный случай привелъ меня самого видѣть языческій праздникъ въ Рекомѣ, о чемъ сообщу въ своемъ мѣстѣ.

Мы рѣшили выѣхать на другой день въ Стыръ-Дигоръ, такъ какъ уже собрали достаточно преданій въ Камунтѣ. Алагирскій приставъ г. С. предложилъ мнѣ взять, отправленнаго съ о. Гатуевымъ, милиціонера, если я встрѣчу его и буду нуждаться въ его услугахъ. Одно время я колебался и не зналъ, воспользоваться ли мнѣ этимъ субъектомъ или нѣтъ. Милиціонерами называются здѣсь мѣстные жители, часто изъ привилегированнаго сословія, поступающіе въ военную службу добровольно и исполняющіе должности полицейскихъ и разсыльныхъ при приставахъ и окружномъ начальникѣ. Всѣхъ милиціонеровъ изъ осетинъ человѣкъ сто. Они служатъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, причемъ одинъ мѣсяцъ состоятъ на службѣ, а другой проводятъ въ своихъ аулахъ. Они получаютъ по 10 руб. въ мѣсяцъ и чины (урядника, юнкера, прапорщика), но должны являться на службу, по выраженію лѣтописца, «конны и оружны». Костюмъ ихъ—черкеска и папаха, оружіе: пистолетъ, кинжалъ и шашка. Отъ обыкновенныхъ осетинъ ихъ отличаютъ лишь погоны. Милиціонерамъ поручается часто конвоированіе должностныхъ лицъ, доставленіе депешъ,

*) Спѣшу оговориться, что почтенный о. Гатуевъ прислалъ мнѣ въ Москву весьма обстоятельную и дѣльную записку объ осетинскихъ дзуарахъ, которая можетъ служить цѣннымъ матеріаломъ для изученія осетинскихъ вѣрованій.

караулы и т. п. обязанности. Прежде чѣмъ оставить милиціонера при себѣ, я счелъ нужнымъ разузнать его желаніе: хотя онъ, по «обязанностямъ службы», и готовъ былъ ѣхать со мною обратно въ Стыръ-Дигоръ, но все же признался, что онъ давно изъ дому и тоскуетъ по своимъ. Въ виду этого я не рѣшился оставить его при себѣ, тѣмъ болѣе, что весьма смутно сознавалъ полезность его и, по его просьбѣ, отправилъ съ нимъ письмо къ приставу, что не нуждаюсь въ его услугахъ. Обрадованный милиціонеръ пожелалъ мнѣ отъ души счастливаго пути. Поздно вечеромъ мы условились съ однимъ жителемъ Камунты, что онъ добудетъ намъ лошадей по 1 рублю въ день за каждую и будетъ сопровождать насъ въ Стыръ-Дигоръ и обратно. Покончивъ съ этимъ важнымъ вопросомъ, мы отправились спать.

4 августа.—Ясное, прохладное утро. Солнце восходитъ поздно для Камунты, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Я вышелъ изъ нашего темнаго и грязнаго логовища на площадку въ двѣ сажени ширины передъ канцеляріей. Налѣво, на одномъ уровнѣ съ площадкой — плоская крыша сосѣдней сакли и на ней ребятишки, выползшіе наружу въ чемъ мать родила, несмотря на весьма чувствительную свѣжесть утра. Большинство ребятъ лѣтъ до шести ходятъ нагишомъ; на мальчикахъ постарше какія-то распашонки, покрывающія плечи и спину, а весь передъ обнаженъ. Дѣвочекъ одѣваютъ нѣсколько больше, но также весьма недостаточно. Особенно обратилъ на себя мое вниманіе ребенокъ лѣтъ трехъ съ огромнымъ животомъ и тонкими ножонками: ему холодно и лишь выглянуло солнышко, онъ ложится на спину и грѣетъ на солнцѣ животъ. Отъ рѣчки, протекающей далеко внизу подъ горою, поднималась мѣстная тяжелая артиллерія: это—вереница изнуренныхъ непосильною работой бабъ съ ушатами воды на спинахъ. Какъ полезно въ осетинскомъ быту это вьючное животное, приносящее на значительную высоту раза по три въ день двухпудовую ношу на потребу домовладыки и семьи! Меня всегда коробило, когда я видѣлъ мужчинъ и здоровенныхъ парней болтающихъ о всякомъ вздорѣ на ныхасѣ и тутъ же проходящихъ, съ опущенными глазами, женщинъ съ тяжелыми ушатами на спинахъ. При встрѣчѣ съ мужчиной, своимъ властелиномъ, женщина сторонится и уступаетъ ему дорогу. Она не смѣетъ съ нимъ заговорить, да и онъ при постороннихъ унизилъ бы свое достоинство, заговоривъ съ нею. Меня всегда поражало, какъ словоохотливы при встрѣчахъ мужчины и какой рядъ всякихъ

пожеланій они отпускаютъ другъ другу: «Да будетъ прямъ твой путь! Да будутъ долги дни твоей жизни! Да съѣмъ я твои болѣзни! Милость Божія да будетъ тебѣ!»... Эти и подобныя пожеланія перекрестнымъ огнемъ такъ и сыплются при встрѣчахъ. Но единственный любезный отвѣтъ на пожеланія женщины, допускаемый осетинскимъ этикетомъ, есть: «зэрды рай»—радуйся въ сердцѣ. Въ теченіе двухъ недѣль пребыванія среди осетинъ я видѣлъ много женщинъ, но почти не слыхалъ ихъ голоса. Бывало встрѣчали мы болтающихъ между собою бабъ, но лишь замѣчали онѣ наше приближеніе, какъ немедленно умолкали и, степенно прикрывъ глаза головнымъ платкомъ, отступали къ самому краю дороги, чтобы дать проѣхать лошадямъ. Иногда при узкости дороги имъ приходилось отступать аршина на два въ оврагъ или бурьянъ...

Любопытно наблюдать въ Осетіи отношенія половъ, вылившіяся въ такія формы, которыя равно стѣснительны для мужчинъ и женщинъ. Мужъ часто сильно любитъ жену, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ позоромъ, если его застанутъ съ ней наединѣ, и при постороннихъ, встрѣчаясь съ женою, не рѣшится съ ней заговорить. Для него оскорбительно, если кто-нибудь спроситъ его, женатъ ли онъ и какъ здоровье его жены. Жена не дерзаетъ встрѣчаться съ родственниками мужа и должна всячески избѣгать ихъ. Она не можетъ назвать мужа по имени не только при постороннихъ, но даже при дѣтяхъ. Эти правила этикета соблюдаются свято не только въ глуши, въ деревняхъ, но даже тамъ, куда проникла нѣкоторая культура, напр. во Владикавказѣ. Одинъ мой пріятель изъ образованныхъ осетинъ разсказалъ мнѣ кое-что изъ своей семейной жизни: онъ живетъ вмѣстѣ съ однимъ полковникомъ русской службы въ одной квартирѣ. У полковника-осетина дочь замужемъ въ одномъ аулѣ близъ станціи желѣзной дороги. Молодая женщина захворала и должна была нѣкоторое время жить во Владикавказѣ у отца, пользуясь совѣтами городскаго доктора. Мой пріятель былъ при первомъ визитѣ доктора; нужно на рецептѣ написать фамилію ея мужа: спрашиваютъ молодую женщину, но она краснѣетъ и молчитъ. Или другой случай: мужъ пріѣзжаетъ изъ аула, чтобы провѣдать о женѣ, но онъ не смѣетъ войти въ домъ, гдѣ она остановилась, и бродитъ кругомъ и около, заглядывая въ окна и поджидая кого-нибудь изъ домашнихъ, чтобы распросить о женѣ. Повидимому, кого ему стѣсняться? Отецъ его жены—человѣкъ безъ предразсудковъ, мой

пріятель и того менѣе, городъ—не родной аулъ, гдѣ всякій знаетъ всѣхъ, а все-таки зазорно, все-таки трудно пересилить предразсудки, всосанныя съ молокомъ матери.

Тѣ же стѣсненія у сыновей относительно матери. Сыновнее уваженіе требуетъ, чтобы сынъ съ той поры, когда пересталъ ходить нагишомъ, всячески избѣгалъ встрѣтить мать не вполнѣ одѣтымъ. И вотъ по утру, находясь въ нѣкоторомъ дезабилье, онъ тщательно высматриваетъ, не находится ли мать по близости. Показаться ей въ этомъ видѣ было бы грубымъ оскорбленіемъ чувства скромности. Цѣлымъ рядомъ такихъ требованій этикета обставлена домашняя жизнь осетина, что не мѣшаетъ ему однако проводить ее въ грязи, духотѣ и смрадѣ. Въ этихъ первобытныхъ звѣроподобныхъ логовищахъ соблюдается этикетъ строже, чѣмъ въ европейскихъ раззолоченныхъ палаццахъ.

Какъ ни безотрадна жизнь женщины, однако къ чести осетинъ нужно сказать, что между ними крайне рѣдко встрѣчаются акты грубости и насилія противъ нея. Бить женщину считается позоромъ. Если семейный раздоръ дошелъ до крупной размолвки, жена уходитъ въ домъ родителей и со стороны мужа начинаются хлопоты о примиреніи. Для этого временнаго отсутствія оскорбленной жены есть особый терминъ *таргай*.

Пока я съ биноклемъ въ рукахъ осматривалъ ледникъ на противолежащемъ хребтѣ, у канцеляріи собралось нѣсколько человѣкъ, которые съ любопытствомъ наблюдали за моимъ занятіемъ. Предложивъ имъ самимъ посмотрѣть въ *кэсэнцэст*, т. е. глазъ для зрѣнія, иначе подзорную трубу, я доставилъ имъ не малое удовольствіе. Впрочемъ сыны горъ и невооруженнымъ глазомъ видятъ лучше подслѣповатаго европейца. Они отлично различали на далекомъ разстояніи на горѣ быка, который и въ биноклѣ мнѣ представлялся черною точкой.

Приводъ лошадей, по обыкновенію, затянулся и мы имѣли еще часа два времени поговорить съ мѣстными старожилами о преданіяхъ Камунты и Галіаты. Наконецъ, часу въ одиннадцатомъ, тронулись въ путь, уже вчетверомъ, такъ какъ старшина оказался нашимъ попутчикомъ до Стыръ-Дигора. Лошади бодро спустились по узкой улицѣ Камунты; впереди шелъ эшакъ, нагруженный переметною сумой. Дорога (или правильнѣе тропинка) представляетъ крутой спускъ въ лощину, гдѣ расположенъ другой древній аулъ Галіата, съ четырмя галуанами, возвышающимися надъ грудой циклопическихъ сакль. Чѣмъ-то мрачнымъ,

средневѣковымъ вѣетъ отъ этихъ древнихъ башенъ и домовъ, въ которыхъ коротаетъ свой вѣкъ потомство на мѣстахъ, гдѣ каждый камень, каждая гробница говоритъ о предкахъ. Отъ неблагопріятныхъ условій существованія, холода и голода населеніе наростаетъ весьма медленно. Поэтому каждый домъ считаетъ нѣсколько столѣтій и новыя постройки рѣдки. Если семья сильно размножается, то пристраиваются небольшіе клѣтушки у главнаго зданія, которое продолжаетъ служить потомкамъ, какъ служило предкамъ. Любому домохозяину не трудно насчитать отъ пяти до десяти и болѣе поколѣній его предковъ, проживавшихъ на томъ же самомъ мѣстѣ, въ той же саклѣ.

Спустившись въ Галіату и въѣхавъ въ одну изъ ея узкихъ улицъ, мы должны были остановиться. Нашъ спутникъ, бравый старшина, спѣшился и просилъ принять угощеніе отъ своихъ родственниковъ въ Галіатѣ. Немедленно насъ окружили, помогли сойти съ лошадей и просили сѣсть на камняхъ, на разостланныхъ буркахъ. Изъ башни вышелъ почтенный старецъ, сопровождаемый молодымъ человѣкъ съ кувшиномъ бэгэны. Начались тосты. Поднимая стаканъ, осетинъ, знающій этикетъ, снимаетъ папаху и начинаетъ долго причитывать разныя пожеланія. Обыкновенный смыслъ этихъ пожеланій: милость Бога, падишаха и, наконецъ, *булкона* (полковника, т. е. окружнаго начальника), который послѣ падишаха высшее лицо по понятію осетинъ. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать, какъ осетины желали мнѣ милость этого потентата. Затѣмъ слѣдуютъ пожеланія здоровья всѣмъ членамъ семьи и чуть ли не до десятаго колѣна, пожеланія счастливаго пути и благословенія разныхъ дзуаровъ: Уастырджи, Уацилла и Рекома. Всѣ присутствующіе обнажаютъ головы и повторяютъ *оменъ* (аминь). Затѣмъ наливаютъ слѣдующему по іерархической лѣстницѣ и это продолжается, пока кувшинъ не опустѣетъ. Садясь на коня послѣ прощальнаго стакана и всякихъ пожеланій, я, не зная того, нарушилъ важное правило осетинскаго этикета. Я подошелъ самъ къ коню и просилъ подержать его. Уже за предѣлами аула я узналъ отъ спутника, что уронилъ свое достоинство: гость долженъ ждать, чтобъ ему подвели коня и подержали стремя. Притомъ излишняя поспѣшность можетъ обидѣть хозяевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ ѣзды мы спустились въ ущелье рѣки Сонгуты-дона, такъ называемое Вола-комъ, и поѣхали внизъ по берегу рѣки почти до ея впаденія въ Урухъ. Все ущелье

Вола-комъ густо населено, хотя съ трудомъ въ состояніи пропитать населеніе. Каждая, даже самая незначительная, полоска удобной земли на скатѣ горъ огорожена камнями и тщательно обработана. Лѣсу почти нѣтъ, колесныя арбы неизвѣстны и сѣно, накашиваемое высоко на горахъ, возятъ и зимой и лѣтомъ на саняхъ, впрягая въ нихъ воловъ. Скотъ мелкій и плохой: взрослый быкъ не больше великорусскаго годовалаго теленка. Хлѣбъ часто не вызрѣваетъ отъ суровости климата; овесъ сѣется мало и часто безуспѣшно. Кое-гдѣ по горнымъ ауламъ нѣтъ даже куръ. И, несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, аулы встрѣчаются довольно часто. На лѣвомъ берегу Сонгуты-дона: Хунсаръ, Вокацъ, Махческъ, на правомъ: Фасналъ, Мастыноко, Павутти, Фараскатъ — все это на протяженіи какихъ-нибудь пятнадцати верстъ. Около древняго аула Вокаца я остановился на нѣсколько минутъ, чтобы поискать на кладбищѣ памятника въ формѣ куба, будто бы съ греческою надписью, о которомъ я узналъ изъ записной книги профессора Антоновича. Распросы и розыски не обнаружили его присутствія, но за то я при случаѣ подробно разсмотрѣлъ осетинскіе могильные памятники. Одни представляютъ форму четыреугольной пирамиды, вышиной въ сажень и больше, сложенной изъ камней; часто за рядомъ камней слѣдуетъ пластъ изъ шиферныхъ плитъ, и такихъ пластовъ на одной пирамидѣ я насчиталъ до двѣнадцати; бока пирамиды не прямы, а выгнуты; на вершинѣ—украшеніе въ видѣ шишки и иногда деревянное украшеніе въ видѣ роговъ. Другіе памятники имѣютъ видъ четырехъугольныхъ домиковъ безъ крыши, съ шарами по угламъ. Третій видъ—усыпальницы въ видѣ небольшихъ каменныхъ домиковъ съ покатой шиферною крышей и окномъ; онѣ напоминаютъ долмены. Въ окно на шиферную доску клали трупъ покойника и предоставляли его дѣйствію воздуха. Когда въ семьѣ бывалъ новый покойникъ, то доску съ прежнимъ повертывали и онъ скатывался на полъ усыпальницы, уступая мѣсто на доскѣ новому гостю. Поэтому на полу усыпальницъ вы видите массу костей и череповъ. Самый простой видъ представляютъ монолиты аршина въ $1^1/_2$ вышиной, округленные на верху, толщиной отъ двухъ до четырехъ вершковъ. Часто такіе обелиски стоятъ не на могилѣ, а близъ проѣзжихъ дорогъ, чтобы напоминать прохожимъ о покойникѣ. При видѣ ихъ мнѣ невольно вспомнился древнерусскій обычай ставить прахъ покойника въ сосудѣ на придорожныхъ столбахъ. Болѣе новые обелиски расписаны ярко крас-

ками. Въ верхней части обыкновенно звѣзда въ кругѣ, ниже—крестъ, а въ нижнемъ полѣ—рядъ изображеній предметовъ бытовой обстановки покойнаго. На верху—рядъ патроновъ (газыры), носимыхъ на черкескѣ; ниже—пороховница, ножъ, ружье, пистолетъ, плеть; еще ниже изображена лошадь, кувшинъ и чашка. Видно, что эти изобранія представляютъ survival обычая класть всѣ эти предметы въ могилу покойника. Болѣе практическое новое время ограничилось тѣмъ, что изображаетъ на камнѣ фигуры этихъ вещей, вмѣсто того, чтобъ ихъ безнлодно зарывать въ землю. Вокругъ обелиска часто идетъ рамка изъ дерева.

Не доѣзжая селенья Вокаца, ложе и берега рѣки усѣяны огромными камнями причудливыхъ формъ. Одинъ представляетъ массивную часть скалы, какою-то силой отторгнутую и начавшую скатываться, но остановившуюся почему-то въ своемъ паденіи. Не подалеку на берегу рѣки вамъ указываютъ цѣлую окаменѣлую группу, двухъ быковъ, сани и возъ сѣна. Это—окаменѣлый скотъ *уайгутовъ*, великановъ, нѣкогда населявшихъ эту долину; гигантскіе камни служили имъ метательными снарядами. Но «Богъ потреби я» и они «погибоша аки Обре». Вотъ одно преданіе, записанное мною о великанахъ.

Оживленный великанъ.

Были три брата—Амиранъ, Бадри и Мусырби. Однажды они сказали: «Поѣдемъ за добычей». Они отправились на Тараково поле, нашли стадо скота и погнали его къ себѣ. На пути смерклось; они нашли пещеру, вошли въ нее и тамъ заночевали. Утромъ, когда разсвѣло, они посмотрѣли и сказали: «вѣдь это человѣчья голова, а не пещера, и мы ночевали въ глазной впадинѣ. Что за чудо! Дарезаны *) были такіе люди, которымъ Богъ не отказывалъ ни въ какой просьбѣ. И вотъ они молили Бога: «оживи, Боже, того человѣка, въ которомъ мы были ночью, но такъ, чтобъ онъ былъ хромъ и слѣпъ». По просьбѣ Дарезановъ Богъ воскресилъ великана: костякъ сталъ человѣкомъ, ростомъ съ гору, но слѣпымъ и хромымъ. Они испугались и отбѣжали подальше. Тогда воскрешенный великанъ сказалъ имъ: «Дарезаны, я знаю, что Богъ исполняетъ все, о чемъ вы просите, и кромѣ васъ никто не могъ бы воскресить меня. Не бойтесь меня, я вамъ ничего не сдѣлаю. Но прошу васъ, возвра-

---

*) Богатырскій родъ, къ которому принадлежатъ братья.

тите мнѣ свѣтъ очей». Дарезаны возвратили ему зрѣніе. Великанъ, увидѣвъ ихъ, сказалъ: «Ахъ, да какіе вы мелкіе!»—«А мы думали, что нѣтъ крупнѣе насъ!»—сказали они.—«Нука, подайте мнѣ ваши дорожные припасы!» Братья отошли, прикатили втроемъ камень и назвали его своею пищею. Великанъ поднялъ камень и сказалъ: «Охъ, бѣдняги, да какже онъ легокъ! Этимъ вы питаетесь? Потому-то вы и мельчаете!» Затѣмъ онъ сдавилъ камень въ рукѣ, точно толокно, и сказалъ: «Видите, изъ него не вытекаетъ масла, оттого вы и мельчаете. Вонъ въ дуплѣ моя пища, принесите-ка ее и мы посмотримъ». Дарезаны достали, что онъ имъ сказалъ, и не знали, что это за пища. «Посмотрите теперь сюда,—сказалъ великанъ,—потечетъ ли масло». Смотрятъ они на него: онъ сжалъ пищу въ комокъ и изъ нея вытекло двѣ мѣрки масла. «Вотъ какая должна быть пища, а то не отъ чего полнѣть!»—сказалъ великанъ. Потомъ онъ посмотрѣлъ вокругъ и увидѣлъ межи пашенъ и сѣнокосовъ. «Это что такое?»—спросилъ онъ. Они сказали: «Всякій дѣлится съ братьями и съ отцомъ и каждому мы даемъ надѣлъ; для того и борозды».—«Эхъ, смерть лучше нынѣшней жизни! Если уже всякій сталъ дѣлиться съ отцомъ и братомъ, то лучше умереть»,—сказалъ великанъ. Потомъ онъ замѣтилъ на полѣ кучу навоза и спросилъ: «Это что такое?» Дарезаны сказали: «Всякій на свою пашню возитъ навозъ, и когда онъ съ землею смѣшается, то хлѣбъ лучше родится». «О-хо-хо! Если уже начали пометъ ѣсть, то не стоитъ жить болѣе. Прошу васъ, убейте меня,—не хочу видѣть свѣтъ».—«Боже боговъ!—сказали Дарезаны,—пусть станетъ онъ костякомъ, какимъ былъ прежде». Такъ и сдѣлалось: великанъ вдругъ разсыпался.

Часамъ къ четыремъ мы доѣхали до древняго аула Наръ, отъ котораго намъ надо было спуститься въ долину Уруха, чтобы далѣе ѣхать по теченію этой рѣки. Спускъ такъ крутъ, что пришлось идти пѣшкомъ и вести лошадей. Наконецъ, мы были внизу въ зеленой, довольно широкой долинѣ, замкнутой горами. Все здѣсь говоритъ о богатырскихъ временахъ, упоминаемыхъ въ нартскихъ сказаніяхъ. Налѣво виднѣется древняя усыпальница, придѣланная къ горѣ. Преданіе называетъ ее гробницей нарта Сослана (Сосланы инган), которому приписываютъ рядъ чудныхъ похожденій. При помощи проводника и старшины намъ удалось пролѣзть въ узкое отверстіе, чтобы поближе разсмотрѣть содержимое усыпальницы. Весь полъ ея покрытъ костями. На-

право—широкая доска, на которой распростертъ муммизированный временемъ трупъ богатыря. Черепъ поражаетъ своими размѣрами, покойникъ былъ ростомъ въ сажень, правая рука свѣсилась внизъ, мускулы высохли и плотно присохли къ костямъ. На покойникѣ бѣлая полуистлѣвшая рубаха. На лѣвой сторонѣ усыпальницы шиферная доска меньшихъ размѣровъ со скелетомъ мальчика.

О смерти Сослана преданіе разсказываетъ то же, что о смерти другаго богатыря, Батраза. Сосланъ, увѣренный въ своей исполинской силѣ, былъ во враждѣ съ Фыдъ-Іоанпемъ (отцомъ Іоанномъ, такъ называютъ осетины Іоанна Крестителя). У Фыдъ-Іоанне было чудное колесо *ойнонъ*, которое онъ послалъ на Сослана, чтобъ оно его раздавило. Сосланъ съ двѣнадцатью товарищами былъ въ это время на охотѣ. Утомленные товарищи его заснули и чудное колесо, прокатившись по нимъ, разсѣкло ихъ на части. Сосланъ, вернувшись изъ лѣсу, увидалъ трупы товарищей и погнался за колесомъ, которое между тѣмъ убѣгало. Видя, что онъ не догонитъ его, Сосланъ просилъ ольховый кустъ задержать колесо своими вѣтвями. Кустъ не послушался и былъ проклятъ Сосланомъ: «пусть одни лѣнтяи пользуются тобой!» Преслѣдуя дальше колесо, Сосланъ съ тою же просьбой обращается къ кусту орѣшника, обвитому хмѣлемъ. Орѣшникъ повиновался и остановилъ колесо. Тогда Сосланъ рукояткой шашки прижалъ колесо къ землѣ и оно стало просить пощады. Сосланъ отпустилъ его, обязавъ клятвой въ томъ, что оно вернется къ Фыдъ-Іоанне и разсѣчетъ его съ женою пополамъ. Колесо бѣжитъ и плачетъ. На встрѣчу ему идетъ коварный нартъ Сирдонъ и спрашиваетъ, отчего оно плачетъ. Чудное колесо разсказало ему о данной Сослану клятвѣ. Коварный Сирдонъ посовѣтовалъ ему не держаться строго присяги, проѣхать Фыдъ-Іоанне только по кончикамъ пальцевъ, а затѣмъ вернуться къ Сослану и, воспользовавшись его сномъ, разрѣзать его пополамъ. Колесо такъ и сдѣлало. Друзья похоронили Сослана въ усыпальницѣ между двухъ рѣкъ. Около гробницы въ іюлѣ рѣжутъ барановъ и просятъ Сослана о хорошей погодѣ.

Нѣсколько далѣе, на полуостровѣ, образуемомъ изгибомъ рѣки, находится овальная площадка, обложенная по краямъ камнями. Бо́льшая ось — саженъ въ двадцать, малая въ пять. На одномъ концѣ площадки куча камней. Это мѣсто считается сборною площадью древнихъ богатырей—*нарты-ныхас*. Здѣсь собирались

они на зовъ предводителей—Сослана, Батраза, Урызмэга и другихъ, предпринимая какую-нибудь отважную работу.

Сидя на камняхъ въ ныхасѣ, вы видите въ горѣ на сѣверѣ передъ собою длинную трещину сверху внизъ: это—знакъ удара меча разгнѣваннаго Уаскерги *) (Св. Георгія), а рядомъ—дыра въ скалѣ, оставленная ударомъ его копья. Щель называется до сихъ поръ «Ударъ меча». Въ Стыръ-Дигорѣ я также записалъ легенду, объясняющую этотъ ударъ Уаскерги. Но болѣе обстоятельный разсказъ доставленъ мнѣ о. Гатуевымъ. Преданіе разсказываетъ, что Уаскерги съ своимъ сыномъ оберегалъ соленыя залежи мѣстности Харіессъ, такъ какъ ангелъ плоскости имѣлъ намѣреніе похитить оттуда соль. Однажды Уаскерги долженъ былъ куда-то уѣхать и поручилъ сыну охранять солончакъ и не пропускать къ нему никого. Ангелъ плоскости воспользовался этимъ случаемъ, прибѣжалъ въ Харіессъ въ видѣ гончей собаки и похитилъ соль. Возвратившись изъ поѣздки, Уаскерги спросилъ сына, не видѣлъ ли онъ кого-нибудь; сынъ отвѣчалъ, что прибѣгала только гончая собака. Уаскерги догадался, что въ видѣ собаки прибѣгалъ дзуаръ плоскости, и погнался за нею. Первая стрѣла его не попала въ собаку, но отъ огненныхъ искръ ея, упавшихъ на землю, произошли всѣ грушевыя деревья около аула Ахсау. Вторую стрѣлу онъ пустилъ въ собаку около аула Заделиска и опять далъ промахъ, но отъ искръ произошелъ лѣсокъ, называемый Марги. Тогда Уаскерги пришелъ въ ярость, ударомъ меча разсѣкъ скалу и ударомъ копья пробилъ пещеру. «Такъ поразилъ бы я ангела плоскости,—сказалъ онъ,—еслибъ былъ дома, когда онъ похитилъ соль». Молодежь собираетъ приношенія окрестныхъ жителей и пируетъ около скалы, въ извѣстный день, упоминая въ пѣсняхъ имя Уаскерги.

Чтобы попасть въ Стыръ-Дигоръ, намъ приходилось переѣхать по осетинскому мосту черезъ бурный Урухъ. Эти мосты плетутся изъ вѣтвей и посыпаются землей. Перилъ нѣтъ. Въ то время, какъ вы ѣдете, мостъ колышется подъ лошадью и лошадь пугается, видя воду сквозь щели настилки. Иногда мостъ на значительной высотѣ, сажени на двѣ, на три надъ уровнемъ рѣки, и я не скажу, чтобы переѣздъ черезъ него сопровождался пріятнымъ ощущеніемъ.

Долина Уруха представляетъ полную противоположность Волакому. Вы опять вступаете въ царство свѣжей и богатой расти-

*) *Уаскерги*—дигорское названіе, соотвѣтствующее тагаурскому *Уастырджи*.

тельности. Нижняя, почти отвѣсная, часть скалъ представляетъ самыя причудливыя формы пластовъ и разнообразную окраску. Вершины и бока горъ заросли густымъ сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. Скалы сжимаютъ бурную рѣчку и въ одномъ мѣстѣ доводятъ ее до двухъ саженей ширины. Разсказываютъ, что въ этомъ мѣстѣ одинъ юный осетинъ совершилъ гигантскій скачокъ. Дорога вьется вдоль лѣваго берега, то взбираясь на значительную высоту, то подходя почти къ рѣкѣ. Кое-гдѣ она идетъ густымъ лиственнымъ лѣсомъ. Сколько разъ, проѣзжая мимо какого-нибудь чуднаго ландшафта, я сожалѣлъ, что художники не заходятъ въ эти мѣста и что мы составляемъ себѣ понятіе о красотахъ Кавказа почти исключительно по избитымъ видамъ военно-грузинской дороги.

День уже склонился къ вечеру, когда мы миновали аулы Моска и Одола и выѣхали на дорогу къ Стыръ-Дигору, вьющуюся между огороженныхъ камнями полей. Еще часъ ѣзды—и мы въ полномъ мракѣ достигли дома мѣстнаго священника, у котораго, какъ мы знали отъ о. Гатуева, есть чистенькая комната, удобная для ночлега. Отецъ Шіо, родомъ грузинъ, вышелъ поспѣшно изъ своей комнаты и встрѣтилъ насъ у дверей. Первыми словами его было, что остановиться у него мы, конечно, можемъ, но что ѣсть нечего, ибо онъ постится, да и вообще въ Стыръ-Дигорѣ жить не сладко, потому что уже три года не было урожая. Мы, впрочемъ, и не разсчитывали встрѣтить здѣсь обиліе благъ земныхъ и возлагали упованіе на наши консервы. При помощи набравшихся отовсюду помощниковъ, наскоро размѣстились въ комнаткѣ, разобрали переметныя сумки и изготовили чаю и бульону. О. Шіо сначала все не рѣшался сѣсть въ нашемъ присутствіи, но, наконецъ, присѣлъ къ намъ и распросилъ о цѣли поѣздки. На утро онъ обѣщалъ достать намъ стариковъ и дѣйствительно исполнилъ обѣщаніе.

5-го августа.—Проснулся я рано утромъ и выглянулъ въ окно, которое, впрочемъ, за отсутствіемъ рамъ, было открыто постоянно. Передо мною небольшая новенькая деревянная церковка, съ небольшимъ дворомъ, окруженнымъ циклопической оградой. Всю ограду сложилъ о. Шіо своими руками. Рядомъ съ церковью древнее кладбище съ цѣлымъ рядомъ избообразныхъ усыпальницъ. За церковью шумно катитъ Урухъ свои волны вдоль гряды покрытыхъ кустарникомъ горъ. Мальчикъ-пастухъ гонитъ стадо на горное пастбище. Женщины идутъ въ дальнія поля на работу.

Жатва и сѣнокосъ какъ-то подоспѣли вмѣстѣ, такъ что мы пріѣхали въ самую страдную пору. Домикъ о. Шіо стоитъ съ краю селенія, которое поднимается далѣе на противоположной горѣ. Долина въ этихъ мѣстахъ густо заселена: въ полутора верстахъ отъ Стыръ-Дигора виднѣется аулъ Кусу, въ другомъ направленіи аулъ Ахсаргинъ, а далѣе Моска. Эта группа ауловъ, равно и тѣ, мимо которыхъ мы проѣхали по той же долинѣ, представляютъ чистую Дигорію, область чистаго дигорскаго нарѣчія. Далѣе на западъ по тому же ущелью уже нѣтъ ауловъ, а встрѣчаются лишь отдѣльные *хадзары* (дома) выселенцевъ въ страшной глуши, и черезъ нѣсколько верстъ вы упираетесь, при источникахъ рѣки, въ снѣжный хребетъ. За переваломъ на сѣверной сторонѣ—Балкарія, на южной—Сванетія. Такимъ образомъ Стыръ-Дигоръ являлся крайнимъ пунктомъ моей экскурсіи, которая не должна была переступать предѣлы Осетіи.

Въ этой глуши, вдали отъ административныхъ центровъ, сохранился типъ дигорца въ чистомъ видѣ. Бодрое, отважное населеніе, полное воспоминаній о предкахъ, впервые поселившихся въ этой трущобѣ, никогда не подчинялось въ такой мѣрѣ вліянію привилегированнаго сословія (Бадилятъ, Царгосатъ), какъ въ восточной и южной Осетіи. Индо-европейская патріархальность и чувство собственнаго достоинства отличаютъ стыръ-дигорцевъ. Вы видите на каждомъ шагу чисто индо-европейскіе типы, дѣйствительно, какъ еще замѣтилъ Гакстгаузенъ, напоминающіе нѣмецкіе. Когда утромъ наша комната по обыкновенію наполнилась народомъ, я подумалъ, что сижу гдѣ-нибудь въ южной Германіи въ сельской *Kneipe*. Блондины преобладаютъ. Встрѣчаются даже рыжіе. Въ своихъ сѣрыхъ войлочныхъ широкополыхъ шляпахъ (*худ*—нѣм. Hut), съ трубочками въ зубахъ, съ нѣсколько прищуренными глазами, съ крупными, правильными, довольно толстыми носами—особенно два старика—до обмана воображенія походили на нѣмецкихъ крестьянъ. Они вошли опираясь на посохи и послѣ обычнаго привѣтствія съ достоинствомъ подсѣли къ столу и начали свои повѣствованія. Сталъ я прислушиваться къ ихъ говору и первое время ничего не понялъ: какъ будто по-осетински, но съ цѣлымъ рядомъ такихъ звуковъ, которыхъ нѣтъ въ тагаурскомъ говорѣ. Произношеніе гласныхъ полнѣе, шире и отчетливѣе, носовые звуки придаютъ языку извѣстную музыкальность и старыя формы, занесенныя въ грамматику еще Шегреномъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, держатся весьма крѣпко.

Эта стойкость діалекта, сохранившаго свои особенности, несмотря на близость къ преобладающему языку, отъ котораго дигорцевъ отдѣляютъ лишь два десятка верстъ, поразительна для филолога. Мой спутникъ, г. К., котораго предки выселились изъ Дигоріи на плоскость и который могъ, хотя и не безъ труда, понимать дигорскій діалектъ, повторялъ мнѣ медленно слова стариковъ и на бумагѣ они становились уже нѣсколько понятнѣе, хотя не рѣдко встрѣчались слова, совершенно неизвѣстныя въ тагаурскомъ. Различіе между обоими нарѣчіями не меньшее, чѣмъ между великорусскимъ и малорусскимъ, и хотя образованный великоруссъ прочтетъ безъ особеннаго труда малорусскую книгу, но конечно онъ пойметъ очень мало въ быстрой малорусской рѣчи. Благодаря г. К., мнѣ все-таки удалось записать отчетливо довольно много текстовъ, по которымъ можно судить о характерѣ дигорскаго нарѣчія.

Въ то время, когда мы были заняты съ стариками, вдругъ пошелъ градъ и почти немедленно раздались звуки церковнаго колокола. Градъ скоро прошелъ. Изъ церкви выходитъ съ торжествующимъ видомъ о. Шіо и говоритъ, что на этотъ разъ онъ живо прекратилъ градъ колокольнымъ звономъ.

Кстати объ о. Шіо и о положеніи священника у осетинъ.

Большинство священниковъ въ этой глуши по уровню развитія не многимъ выше своихъ прихожанъ. Они ставятся изъ причетниковъ, пробывшихъ въ этой должности нѣсколько лѣтъ при священникѣ и сдавшихъ у благочиннаго нѣкоторый экзаменъ. О. Шіо, кажется, лѣтъ двадцать состоялъ причетникомъ и научился внѣшнимъ пріемамъ церковнослуженія, едва ли усвоивъ себѣ сущность своего призванія. Это по развитію и понятіямъ младенецъ, добрый и кроткій, добросовѣстно читающій переведенныя на осетинскій языкъ церковныя книги, но, конечно, не имѣющій никакого вліянія на свою паству. По-русски онъ знаетъ лишь нѣсколько словъ. Хотя церковь и снабжена церковно-славянскими книгами, но я не знаю, къ чему онѣ служатъ. Онъ свято соблюдаетъ посты и объявляетъ прихожанамъ, что не слѣдуетъ работать въ такой-то день, если находитъ противъ него отмѣтку въ мѣсяцесловѣ. Во всемъ прочемъ прихожане его сами по себѣ, а онъ—самъ по себѣ. Въ извѣстные свои семейные праздники они обыкновенно приносятъ жертвы разнымъ *дзуарамъ* *),

*) Святое мѣсто и покровительствующій ему святой или духъ.

рѣжутъ *ныволдовъ* *), наѣдаются и напиваются, произнося *кувды* **),—однимъ словомъ, живутъ такъ, какъ жили встарину. Въ осетинахъ мнѣ не случалось видѣть ни ханжества, ни религіознаго фанатизма: во всемъ проглядываетъ чисто-внѣшнее, матеріалистическое воззрѣніе на религію. Осетинъ — называетъ ли онъ себя христіаниномъ или мусульманиномъ—въ сущности язычникъ. Его религія сводится къ тому, что въ извѣстные дни слѣдуетъ зарѣзать барашка или быка, пойти на извѣстное «святое мѣсто», пропѣть въ честь мѣстнаго дзуара восхваленіе,—затѣмъ его долги небу уплачены. Одинъ дзуаръ даетъ обиліе скота, другой—хорошій урожай, третій—хранитъ отъ оспы и т. д. У всякаго своя роль и своя доля въ приношеніяхъ. Между его богами поминается на равныхъ правахъ и сынъ солнца Махаматъ, и золотой Киристи (Христосъ), и Маріамъ (Богородица); но эти личности какъ-то стушевываются среди болѣе сильныхъ дзуаровъ—Уастырджи (Св. Георгій), Уацилла (Св. Илья), Рекома, Тутора (Ѳедоръ Тиронъ), Аларды (святой, завѣдующій оспою), Фалвара (завѣдующій скотомъ), Авсати (охотой), и нѣкоторыхъ другихъ. Осетинъ нисколько не враждебенъ церкви, но рѣдко ходитъ въ нее и гораздо выше ея ставитъ свои «святыя мѣста». Ему все равно, читаютъ ли въ церкви по-грузински, по-русски или осетински. Переведенное на народный языкъ Св. Писаніе для него мало понятно и совершенно не интересно. Его нравственныя воззрѣнія сложились прочно въ патріархально-родовыхъ понятіяхъ и на этотъ складъ христіанство не имѣло никакого вліянія. Поучительна дѣятельность первыхъ миссіонеровъ въ Дигоріи. Послѣ экспедиціи князя Абхазова, какъ мнѣ разсказывали, присланъ былъ миссіонеръ, родомъ грузинъ, Николай Самаргановъ. Онъ разъѣзжалъ по ауламъ и давалъ 50 коп. каждому, кто захочетъ креститься. Желающихъ подвергнуться этому обряду за эту плату оказалось 280 человѣкъ. Одна магометанская семья, какъ увѣряютъ, взяла по 50 копѣекъ и на своихъ собакъ. Большая часть теперешняго населенія Дигоріи крещена, но почти никто не знаетъ своего христіанскаго имени и продолжаетъ носить свое національное имя: Бибо, Баде, Иналуко, Гаги, Саукуй, Хамыцъ и т. д. Есть слѣды того, что нѣкогда христіанство уже было распространено въ Осетіи изъ Грузіи. Цѣлый рядъ древнихъ разва-

*) Животное предварительно откармливаемое для жертвоприношенія.
**) Молитвы.

лившихся дзуаровъ связанъ съ именемъ царицы Тамары. Изъ грузинскаго *джвари*—крестъ—объясняется и осетинское *дзуаръ*, что́ обозначаетъ и крестъ, и святилище, и святаго. Грузины внесли въ Осетію и культъ нѣкоторыхъ святыхъ—Георгія, Ильи, Ѳеодора Тирона и друг.; но эти святые обратились въ языческихъ боговъ, такъ что только имена свидѣтельствуютъ объ ихъ христіанскомъ происхожденіи. Сосѣдство мусульманъ занесло въ Осетію Махамата, и эти двѣ струи, христіанская и магометанская, стеклись и слились съ мѣстными древними культами языческихъ боговъ, горъ и деревьевъ въ какой-то странный комплексъ религіозныхъ понятій, который нельзя назвать иначе какъ язычествомъ.

Вечеромъ вошли въ нашу комнату два мальчика, одинъ съ тремя *хабызджинами*—большими лепешками, начиненными сыромъ, другой съ бутылкой *бэгэны* (пива). Это были сыновья одного стыръ-дигорца, изъ привилегированнаго сословія, который состоитъ на военной службѣ во Владикавказѣ. Старшій изъ мальчиковъ учится въ военной прогимназіи, младшій готовится туда же. Они проводили вакаціонное время въ родномъ аулѣ и уже сильно скучали въ этой глуши. Чтобы добраться къ себѣ, они ѣхали два дня верхами изъ Владикавказа. Бойкіе мальчуганы лѣтомъ лазятъ по горамъ за малиной въ лѣсъ, рискуя встрѣтиться съ медвѣдями, которыхъ здѣсь не мало. Пріятно отмѣтить, что и въ Стыръ-Дигоръ, въ эту трущобу, начинаютъ проникать русскія понятія и русская культура черезъ молодое поколѣніе, обучающееся въ русскихъ школахъ.

Ночью, когда уже мы собирались на покой, въ комнату вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ 22 и просилъ насъ записать его семейное преданіе. Онъ уже въ теченіе дня нѣсколько разъ навѣдывался къ намъ, но посторонніе посѣтители очевидно его стѣсняли. Мы слышали отъ другихъ, что молодой человѣкъ написалъ просьбу о перечисленіи его въ привилегированное сословіе, на томъ основаніи, что его предки впервые поселились въ Стыръ-Дигорѣ и будто бы земля аула принадлежитъ собственно его семьѣ. Заинтересованные этимъ сословнымъ и земельнымъ вопросомъ, мы выслушали его съ полною готовностью. Оригинальный видъ представлялъ этотъ потомокъ древняго рода Хамицевыхъ, въ своей сплюснутой à la Napoleon I сѣрой шляпѣ, съ своими узко сдвинутыми глазами, съ серьезной и нѣсколько таинственною миной, разсказывавшій ночью баснословныя преданія о своемъ предкѣ: «Хамицъ, мой предокъ,—сказалъ онъ,—первый при-

шелъ въ Дигорію, какъ говорятъ, изъ Грузіи. Изъ его потомства былъ нѣкто Хой, славный охотникъ. Однажды онъ пошелъ на охоту и выстрѣлилъ въ тура. Раненый звѣрь побѣжалъ въ горы, Хой за нимъ. Туръ вошелъ въ одну пещеру и скрылся. Хой рѣшился въ нее войти и увидѣлъ въ ней цѣлую семью: мать, дѣтей, старуху и весь домашній скарбъ. Женщина спросила вошедшаго:—«Откуда ты? Какою непогодою тебя сюда занесло?» Хой отвѣтилъ, что пришелъ за раненымъ звѣремъ. Женщина сказала, что раненый туръ любимецъ ея мужа Авсати (бога охоты). «Спрячься за дверью, несчастный человѣкъ, въ яму, иначе мой мужъ тебя убьетъ», прибавила она. Хой спрятался въ яму. Скоро пришелъ Авсати съ убитымъ туромъ. Въ дверяхъ онъ крикнулъ: «что это пахнетъ горнымъ воробьемъ!» Жена отвѣчала, что нѣтъ никакого запаха, и что вѣроятно онъ самъ его занесъ, блуждая около людей. Потомъ Авсати сѣлъ ужинать. За ужиномъ жена призналась, что дѣйствительно спрятала гостя. Авсати, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, велѣлъ гостю выходить изъ ямы, привѣтствовалъ его и назвалъ своимъ другомъ. Гость и хозяинъ стали пировать. Затѣмъ Авсати спросилъ, чего Хой желаетъ. «Если хочешь,—сказалъ онъ ему,—то каждый день будешь ѣсть рѣдкую дичину».—«Я согласенъ на это»,—отвѣтилъ Хой. «Изъ всѣхъ звѣрей моихъ,—сказалъ Авсати,—я тебѣ дамъ одно ребро». И далъ ему ребро тура, а вмѣстѣ съ нимъ серебряную *булау* (?) *). Ребро вечеромъ съѣдалось семьею Хамицевыхъ, а на утро становилось такимъ же, какимъ было. Долго продолжалось такимъ образомъ, что Хамицайта **) питались готовою дичиной. Однажды одна женщина сказала: «Надоѣло намъ постоянно одно и то же ѣсть». Вслѣдствіе ея словъ мясо стало мало-по-малу уменьшаться. Въ другой разъ она повторила тѣ же слова, и мясо на ребрѣ перестало наростать. Всѣ начали бранить женщину: «наша пища пропала черезъ тебя». Хамицайта стали приносить каждый годъ жертву *булау*. Если этого не бывало, то годъ бывалъ плохъ для людей и скота. Впослѣдствіи булау пропалъ слѣдующимъ образомъ. Онъ хранился въ одномъ мѣстѣ въ большомъ ящикѣ. Въ Стыръ-Дигорѣ были двѣ дурныя семьи: Беппита и Гадзута. Они выкрали булау съ мѣста, гдѣ

*) Разсказчикъ не могъ объяснить, что это былъ за предметъ. Можетъ-быть *булава?*

**) Хамицайта значитъ потомки Хамица. Окончаніе соотвѣтствуетъ нашему овичъ—Хамицевичи.

совершался кувдъ, и унесли его въ Грузію. Тамъ его продали, но всячески скрывали отъ Хамицевыхъ свой поступокъ. Однакожь объ этомъ всѣ узнали. За это ихъ прокляли Хамицайта, и обѣ семьи погибли безъ потомства. До сихъ поръ,—продолжалъ разсказчикъ,—мы рѣжемъ около Пасхи барашка, несемъ его на мѣсто, гдѣ прежде хранился булау, совершаемъ *кувдъ*, пьемъ брагу и пиво. Хой былъ мой предокъ. У Хоя былъ сынъ Садула, у Садулы—Бата, а далѣе не помню. Затѣмъ изъ потомства Баты были два брата Іо и Габедза, которые ушли въ Грузію, поссорившись съ Царгосатами. Мой прадѣдъ былъ Царай, дѣдъ—Кезо́, отецъ—Тихо̀. Мое имя—Беасланъ Хамицайти. Преданіе о выкраденномъ у насъ булау знаютъ и дигорцы, и грузины».

Все это было разсказано въ полной надеждѣ, что будетъ увѣковѣчено и, быть-можетъ, послужитъ разсказчику къ возстановленію его правъ на землю. Затѣмъ претендентъ помогъ намъ постлать постели и удалился, повидимому, съ чувствомъ удовлетворенія въ томъ, что исполнилъ долгъ относительно своихъ древнихъ предковъ.

6-го августа.—Пользуясь приходомъ нашихъ старцевъ, Баде Гобеева и Айдаруко Цопанти, я продолжалъ записывать мѣстныя преданія. Затѣмъ, истощивъ, повидимому, запасъ, мы рѣшили послѣ обѣда тронуться въ обратный путь и ночевать въ аулѣ Махческѣ. До отъѣзда я слазилъ на ближайшую гору, чтобы полюбоваться видомъ на ледники и послѣдній разъ взглянуть на мѣста, куда меня едва ли еще когда-нибудь занесетъ судьба. Для пополненія дорожнаго провіанта послалъ причетника купить яицъ, но во всемъ аулѣ таковыхъ не оказалось.

Наконецъ, часа въ 2 пополудни, мы снова сѣли на коней, оставивъ о. Шіо на память консервы кофе, до котораго онъ былъ повидимому охотникъ, но котораго въ его аулѣ нельзя было достать. Уже стемнѣло, когда я подъѣхалъ къ Махческу. Мой спутникъ на время покинулъ меня, чтобы заѣхать по дорогѣ къ родственникамъ въ близлежащій аулъ. Я остановился у канцеляріи и послалъ за ключомъ къ старшинѣ. Припоминаю, что здѣсь вышло смѣшное недоразумѣніе: разговаривая съ проводникомъ, я между прочимъ спросилъ его по-осетински, далеко ли аулъ, въ который поѣхалъ мой пріятель—учитель (ахургэнэг). Проводникъ сталъ недоумѣвать, какой такой учитель, и никакъ не могъ догадаться, о комъ я спрашиваю. Оказалось, что онъ не зналъ ничего объ общественномъ положеніи моего спутника и звалъ его просто его языческимъ именемъ—Саукуй (черный песъ),—

именемъ, которое послѣ крещенія было по созвучію передѣлано въ Савву. Имя *черный песъ* дается, какъ я узналъ послѣ, слабенькимъ дѣтямъ, за участь которыхъ опасаются. Думаютъ, что злые духи, испугавшись имени *пса*, отстанутъ отъ мальчика и пощадятъ его дни. Вскорѣ отыскался старшина съ ключомъ и ввелъ меня въ темный, низкій сарай съ двумя равно грязными отдѣленіями. Испытавъ уже достаточно удобство ночевать среди мышей въ осетинскихъ канцеляріяхъ, мы предпочли расположиться на ночлегъ подъ открытымъ небомъ, на лугу. Все уже было приготовлено, мы укутались въ бурку, съ сладкою надеждой переселиться минутъ черезъ пять въ царство Морфея, какъ вдругъ сталъ накрапывать дождикъ и скоро пошелъ все сильнѣе и сильнѣе. Нужно было поспѣшно сбирать койки и переселяться подъ канцелярскій навѣсъ. Все-таки мы не рѣшились расположиться внутри зданія, и утро показало намъ, что мы поступили весьма разумно. Отъ дождя, шедшаго всю ночь, цементъ между камнями стѣны размыло и все это полѣзло внутрь, какъ нарочно, на широкую скамью, на которой мы располагали улечься. Пріятный былъ бы сюрпризъ, еслибы куча грязной извести вдругъ вывалилась ночью намъ на головы.

7-го августа.—Утро сырое и холодное. Небо свинцоваго цвѣта. Всюду густой туманъ, такъ что не видно было впередъ на 30 шаговъ. Вспомнивъ опасную дорогу до Садона, я купилъ себѣ у одного пастуха мѣстные башмаки, *дзабырты*, изъ бараньей кожи съ мягкою, покрытой подшерсткомъ, подошвой. Въ такой обуви удобно проходить по опаснымъ тропинкамъ, даже послѣ дождей, безъ боязни поскользнуться, чего очень трудно избѣгнуть въ нашихъ сапогахъ. Впрочемъ пріобрѣтенною обувью мнѣ не пришлось воспользоваться, въ виду того, что мы поѣхали черезъ перевалъ другою, болѣе удобною, дорогою.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Галіаты мы узнали отъ прохожаго, что рано утромъ умеръ у галіатскаго старика, предложившаго намъ угощеніе, младшій сынъ, мальчикъ, отъ какой-то горловой болѣзни. Когда мы три дня тому назадъ проѣзжали тамъ, мальчикъ стоялъ въ числѣ другихъ около насъ и повидимому былъ здоровъ. Вскорѣ послѣ этого, по словамъ встрѣчнаго осетина, посланнаго по обыкновенію извѣстить о смерти ближайшіе аулы, мальчикъ сталъ жаловаться на боль въ горлѣ и на третій день ночью задохся. Почти не было сомнѣнія, что мальчикъ умеръ отъ дифтерита.

Мы рѣшили на минутку заѣхать въ Галіату, чтобы высказать отцу наше участіе. По дорогѣ встрѣчались намъ женщины по двѣ, по три, спѣшившія въ Галіату, чтобъ исполнить свою роль плакальщицъ. Подъѣзжая къ аулу, мы услышали женскіе вопли и причитанія, какъ бы въ тактъ, то поднимавшіеся, то умолкавшіе. Толпа мужчинъ со всего аула и изъ сосѣднихъ собралась у башни. Немногіе родственники заходили внутрь, большинство же разговаривало о своихъ дѣлахъ, предоставляя женщинамъ совершать обрядовое причитаніе. Мы спѣшились: я остался въ кругу мужчинъ, а г. К. вошелъ внутрь въ кунацкую, чтобы повидать старика. Въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ, и онъ, какъ неродственикъ, не рѣшился войти.

У осетинъ есть пословица: «отчего онъ богатъ?—Оттого, что у него никто не умираетъ!» Эта пословица вполнѣ справедлива: осетины до послѣдняго времени разоряли себя въ память покойниковъ. Едва *каргэнэгъ* (вѣстникъ) обойдетъ ближайшіе аулы съ вѣстью о смерти какого-нибудь лица, какъ отовсюду начинаютъ сходиться въ домъ покойнаго родственники и знакомые, въ надеждѣ на «столованье великое». Часто, не спрашиваясь согласія наслѣдниковъ, они продавали или закладывали ихъ имущество, покупали вино, рѣзали барановъ и быковъ, иногда до 40 головъ, и предавались пиршеству, поминая умершаго. Бывали случаи, что по смерти какого-нибудь лица весь его скотъ шелъ на первыя поминки и дѣти становились нищими. Мнѣ разсказывали въ Владикавказѣ нѣсколько такихъ случаевъ. Своеобразное понятіе о pietas erga parentes требуетъ, чтобы родственники не жалѣли ничего для своихъ мертвецовъ, которымъ отъ щедрыхъ поминокъ хорошо живется на томъ свѣтѣ. По свидѣтельству свѣдущихъ осетинъ, ежегодныя поминки (хистъ) въ честь одного лица обходились достаточному семейству болѣе чѣмъ въ двѣ тысячи рублей. Всѣхъ поминокъ насчитываютъ до двѣнадцати въ первый годъ. Привожу ихъ по перечисленію учителя, г. Цораева:

1. Большія осеннія поминки (стыр-хист); при этомъ расходуется 20 котловъ пива (800 ведеръ), 30 ведеръ арака (водки), 5 быковъ и 60 барановъ.

2. Поминки около Вознесенія: 2 котла пива, 10 ведеръ водки, 1 быкъ и 20 барановъ.

3. Около Успенія: 1 или 2 котла пива, 10 ведеръ водки, 1 быкъ и 20 барановъ.

4. Такъ называемыя пирожныя поминки: 1 котелъ пива, 10 ведеръ водки, 1 быкъ и 20 барановъ.

5. Блинныя поминки во время поста: 20 рублей расходу и на 20 руб. водки.

6. Вербныя поминки: расходу на 50 р. и на 20 р. водки.

7. Пасхальныя поминки: 15 ведеръ водки, 2 быка и 20 барановъ.

8. Мясопустныя поминки: 15 ведеръ водки, 2 быка и 10 барановъ.

9. Сыропустныя поминки: на 15 р. водки и 6 барановъ.

10. Сложеніе траура: на 18 р. водки и 4 барана.

11. Сидѣніе покойника (см. ниже): 25 р. расходу и 3 барана.

12. Скачка въ честь умершаго (дуг): 1 котелъ пива, 15 ведеръ водки, 1 быкъ и 5 барановъ.

День сидѣнья мертвецовъ (мардты баданы бон) справляютъ спустя недѣлю послѣ новаго года и въ день Богоявленія. Его справляютъ въ тѣхъ семействахъ, которыя въ теченіе предшествующаго года потеряли кого-нибудь изъ близкихъ. Въ честь умершаго пекутъ хлѣбъ огромной величины, такой, что одному человѣку достаточно было бы на мѣсяцъ. Затѣмъ дѣлаютъ чучело, изображающее покойника, распяливъ на палкахъ его одежду. Чучело ставятъ на скамейку, а вокругъ нея раскладываютъ всѣ любимыя вещи покойника: винтовку, шашку, кинжалъ, трубку съ табакомъ, фандыръ и т. п. Передъ чучелой ставится каша и бутылка арака, предназначаемыя покойнику, такъ какъ существуетъ вѣрованіе, что душа его на это время отпрашивается у властителя мертвыхъ, Барастыра, домой на побывку и вселяется въ чучело. Въ теченіе дня происходитъ оплакиваніе, а затѣмъ угощеніе.

Обыкновенно на другой день назначается скачка въ честь умершаго. Обычай мотивируется тѣмъ, что душа покойника будетъ до тѣхъ поръ мучиться въ аду, пока ее не выкупятъ скачкой. Въ видѣ приза побѣдившему въ состязаніи семья покойника даритъ быка.

Въ послѣднее время, вслѣдствіе общенія съ русскими, болѣе просвѣщенные изъ осетинъ начинаютъ сами возставать противъ разорительныхъ поминокъ и другихъ вредныхъ обычаевъ. Для пресѣченія ихъ было уже нѣсколько съѣздовъ выборныхъ отъ ауловъ Тагаурскаго общества во Владикавказѣ *). Относительно

*) Въ мартѣ 1879 г.

поминокъ приверженцы старыхъ обычаевъ настояли, чтобы хоть въ одинъ первый день, день смерти покойника, семья могла угостить пришедшихъ отдать послѣдній долгъ умершему. Впрочемъ я слышалъ, что благія рѣшенія съѣздовъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ вопросахъ исполняются далеко не повсемѣстно.

Нечего и говорить, что Дигорія лишена медицинской помощи. Больныхъ лѣчатъ знахари и знахарки по всѣмъ правиламъ языческаго колдовства, угадывая, по отмѣриванью локтемъ, имя святаго, наславшаго болѣзнь, а затѣмъ предписывая извѣстныя жертвы *). А между тѣмъ Аларды дѣлаетъ свое дѣло: по словамъ о. Гатуева, оспа свирѣпствуетъ въ настоящее время по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы проѣзжали. Кое-гдѣ, хотя рѣже, чѣмъ на плоскости, разгуливаетъ и кавказская лихорадка. Лучшимъ подаркомъ за сообщаемыя сказанія считался вездѣ *хининъ*, который я раздавалъ всѣмъ желающимъ. Помню, что за принесенный мнѣ въ Камунтѣ черепъ я предложилъ отыскавшему его абазъ (20 к.), но онъ вмѣсто денегъ попросилъ нѣсколько пріемовъ хинина, который имъ очень трудно достать.

Въ Камунтѣ насъ встрѣтили какъ старыхъ знакомыхъ и предложили обычное *минас* (угощеніе)—водки и овечьяго сыра. Захвативъ съ собой черепа и кувшинъ, остававшіеся въ канцеляріи, мы тронулись къ перевалу, пронизываемые холоднымъ вѣтромъ, несмотря на наши бурки. Мы уже предчувствовали, какъ холодно будетъ на верху, на высотѣ 10.000 футовъ, но совершенно ошиблись,—вѣтеръ улегся, небо расчистилось и солнце снова вошло въ свои права. На высшемъ пунктѣ перевала мы расположились на отдыхъ, на берегу холоднаго ручейка, и

---

*) Это гаданье производится слѣдующимъ образомъ: ворожея, приглашенная въ домъ, гдѣ есть больной, старается прежде всего развѣдать окольнымъ путемъ, не провинилась ли семья передъ какимъ-нибудь дзуаромъ, забывъ зарѣзать въ извѣстный срокъ въ честь его барашка. Узнавъ о какомъ-нибудь проступкѣ, она проситъ большой платокъ или кусокъ холста, завязываетъ на одномъ концѣ узелъ и начинаетъ отмѣривать отъ него локтемъ. Положимъ, она насчитала въ кускѣ 5 локтей. Отмѣривая ихъ, она каждый разъ произноситъ имя какого-нибудь святаго—Уастырджи (Св. Георгій), Уацилла (Св. Илія)—и показываетъ, что каждый разъ приходится ровно 5 локтей. Дойдя до имени дзуара, противъ котораго провинились родственники больнаго, она, быстро передергивая, показываетъ, что кусокъ холста увеличился или уменьшился въ объемѣ: въ немъ оказывается не равно 5 локтей, а 4½ или 5½. Выводя изъ этого чуда, что такой-то святой наслалъ болѣзнь, она совѣтуетъ поскорѣй зарѣзать ему барашка и тогда больной выздоровѣетъ. А если умретъ, это значитъ, что дзуаръ уже слишкомъ разгнѣвался и хотѣлъ смерти больнаго.

заварили чай. Снѣгу на вершинахъ какъ будто прибавилось за эти дни. Кругомъ свѣжая сочная зелень. Кое-гдѣ на камняхъ сидятъ орлы и медленно поднимаются при приближеніи людей. Въ травѣ стрекочутъ миріады сверчковъ. Утомленіе отъ подъема, теплое солнце, мягкая трава—все приглашаетъ къ отдыху и нужно было съ нашей стороны не мало энергіи, чтобъ оторваться отъ этого мѣста и снова взобраться на лошадей. Да и для нихъ здѣсь приволье: съ какою жадностью принялись онѣ щипать сочную альпійскую траву, которая, вѣроятно, имъ казалась лакомствомъ послѣ обожженный солнцемъ камунтской. Въ сонливо-созерцательномъ настроеніи духа двинулись мы съ перевала и послѣ четырехъ часовъ медленной ѣзды очутились опять въ долинѣ Садона. Снова представился вопросъ, у кого ночевать. Цоппо, нашего прежняго амфитріона, не было дома,—онъ уѣхалъ въ Алагиръ. Оставалось ѣхать въ крѣпость (такъ здѣсь по старой памяти зовутся казенныя зданія) и узнать, дома ли г. Счастливцевъ, временно управлявшій рудникомъ за своего брата, который повезъ сдавать серебро въ Петербургъ. Подъѣзжая къ крѣпости, я увидѣлъ самого Степана Ивановича и напросился безъ церемоніи къ нему въ гости. Освѣжившись купаньемъ въ холодномъ Садонѣ, мы напились чаю и осмотрѣли рудникъ. Не безъ удовольствія растянулся я затѣмъ на свѣжемъ бѣльѣ и мягкой постели и оцѣнилъ вполнѣ эти европейскія удобства, которыхъ былъ лишенъ нѣсколько дней.

8 августа. — Утромъ произошла весьма пріятная встрѣча съ владикавказскимъ знакомымъ, г. Ольшевскимъ, начальникомъ дистанціи военно-осетинской дороги. Онъ выѣхалъ нѣсколько дней послѣ меня для осмотра дороги, затѣмъ съѣздилъ въ Рекомъ и теперь возвращался въ Алагиръ. Г. Ольшевскій—одинъ изъ немногихъ любителей-археологовъ въ Владикавказѣ. Имѣя открытый листъ для раскопокъ, онъ предпринимаетъ ихъ время отъ времени то самъ, то посылаетъ своихъ людей, уже прежде помогавшихъ ему и знающихъ всѣ пріемы подобной операціи. Всегда ведется правильный дневникъ и опись находимымъ вещамъ. У самого г. Ольшевскаго превосходное собраніе золотыхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ, найденныхъ въ Казбекѣ, Кубани, Галіатѣ, въ Чечнѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Кабарды. Есть нѣсколько цѣнныхъ золотыхъ монетъ 5-го, 6-го и 7-го вв. по Р. Х. Всѣ вещи съ большимъ вкусомъ размѣщены на картонахъ и перенумерованы. Нужно замѣтить, что свое собраніе г. Ольшевскій

съ готовностью показываетъ желающимъ, такъ что его домъ въ Владикавказѣ какъ бы замѣняетъ мѣстный музей. Всегда обязательный, Казиміръ Игнатьевичъ настоялъ, чтобъ я взялъ у него запасъ провіанта, такъ какъ онъ въ немъ уже болѣе не нуждается, возвращаясь въ тотъ же день въ Алагиръ, гдѣ у него полное хозяйство. Послѣ обѣда мы разстались; г. Ольшевскій и нашъ хозяинъ уѣхали въ Алагиръ, а намъ приходилось ждать, пока приведутъ съ горъ лошадей, за которыми пошли уже съ ранняго утра.

9 августа.—Лошади прибыли только утромъ и мы не безъ удовольствія покинули Садонъ, въ которомъ пришлось потерять цѣлый день. Я хотѣлъ проѣхать въ Рекомъ, чтобы получить понятіе объ этой знаменитой осетинской святынѣ. Нашъ путь изъ Садона лежалъ на урочище Св. Николая, гдѣ мы хотѣли оставить поклажу, чтобы налегкѣ подняться въ Рекомъ. Часть военно-осетинской дороги до ур. Св. Николая прелестна. Въ этомъ мѣстѣ, ближе къ своимъ истокамъ, Ардонъ еще бурнѣе, берега его становятся круче и уже стискиваютъ рѣку. Богатая растительность покрываетъ береговые хребты. Верстахъ въ пяти отъ Садона лежитъ древній аулъ Нузалъ, на лѣвомъ берегу Ардона. Проѣзжая мимо него, вы видите церковь, сложенную изъ камней, причемъ стѣны, съуживаясь и закругляясь кверху, переходятъ въ крышу. Меня всегда удивлялъ такой типъ каменныхъ построекъ. Эти высокія кровли какъ бы предполагаютъ, что строители нѣкогда учились строить изъ дерева и затѣмъ стали на камнѣ воспроизводить деревянныя постройки. Вмѣсто деревянныхъ досокъ, которыхъ неоткуда достать, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осетіи употребляются шиферныя плиты, но всюду видно желаніе подражать деревянной кладкѣ. Противъ Нузала, на другомъ берегу Ардона, видны остатки крѣпости, построеніе которой народное преданіе приписываетъ національному герою Оси-багатару. Крѣпость была прилѣплена къ скалѣ, въ которой, повидимому, высѣчены комнаты. Кое-гдѣ въ скалѣ до сихъ поръ видны окна. Отъ главной башни остался лишь фундаментъ. Когда мы проѣзжали мимо, стадо козъ скакало по этимъ памятникамъ осетинской старины. Противъ Нузала военно-осетинская дорога переходитъ на правый берегъ Ардона, пользуясь древнею дорогой, которая вела въ крѣпость.

Урочище Св. Николая—не что иное какъ новое зданіе съ надворными постройками, окруженное заборомъ. Въ домѣ прежде

жилъ начальникъ дистанціи и есть нѣсколько чистыхъ комнатъ. Теперь живетъ лишь одинъ осетинъ, сторожъ, служащій у г-на Ольшевскаго. Къ этому сторожу (Наурузу) была дана намъ г. Ольшевскимъ записка, предупреждающая о нашемъ посѣщеніи. Сторожа дома не оказалось, но какой-то молодой осетинъ (вѣроятно, его помощникъ) сдѣлалъ все, что намъ было нужно, т. е. отворилъ домъ, чтобы мы могли сложить тамъ лишнія вещи. Не теряя времени, потому что подъемъ въ Рекомъ довольно продолжителенъ, мы тронулись въ путь, переѣхали по осетинскому мосту притокъ Ардона, Цей-донъ, и поѣхали вверхъ по этой рѣкѣ, несущей Ардону свою студеную воду изъ Цейскаго ледника. Первый подъемъ на лѣвую сторону Цей-дона очень крутъ и труденъ для лошадей. Затѣмъ дорога вьется, постепенно возвышаясь, по опушкѣ прекраснаго строеваго лѣса: огромные стволы срубленныхъ горныхъ гигантовъ виднѣются тамъ и сямъ. Внизу у рѣки растутъ чинары, липы, клены, выше по горѣ—береза и еще выше—сосны. Кое-гдѣ по дорогѣ попадались жители ближайшихъ ауловъ, спѣшившіе въ Рекомъ. Оказалось, что мы, какъ нарочно, попали въ Рекомъ въ такой день, въ который совершается тамъ одно годовое празднество. Верстахъ въ трехъ отъ Рекома дорога идетъ уже черезъ сплошной лѣсъ. Къ намъ присоединилось уже человѣкъ десять попутчиковъ, весело болтавшихъ и распрашивавшихъ насъ о цѣли путешествія. Теперь наша цѣль посѣтить святое мѣсто уже казалась вполнѣ понятной: это не то, что записываніе побасенокъ. Гостей окружали обычной услужливостью: одинъ, увидя, что я скинулъ пальто, немедленно предложилъ его нести, другой взялъ нести мой башлыкъ. За нѣсколько шаговъ до Рекома нужно было слѣзть съ лошадей изъ уваженія къ святому мѣсту: сейчасъ явились приспѣшники подержать лошадь и помочь спѣшиться. Мѣсто, гдѣ стоитъ святыня, представляетъ высокую площадку, окруженную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и горами. Деревянная старинная часовня, сильно покосившаяся, напоминаетъ швейцарскіе домики. Крыша значительно выступаетъ по обѣ стороны и поддерживается деревянными столбами съ какими-то вычурными развилками. Вокругъ часовни—ограда изъ камней. Осетины до такой степени чтутъ святыню, что не рѣшаются, изъ священнаго страха, войти внутрь. Толпа человѣкъ въ 40 стояла благоговѣйно вокругъ ограды. Снаружи у часовни навалена куча прежнихъ приношеній, турьихъ и оленьихъ роговъ. Около низенькой двери, обитой желѣзными шляпка-

ми, помѣщается чашечка, наполненная деньгами разныхъ временъ, и грузинскими, и русскими. Чашка съ серебромъ стоитъ снаружи; но никто никогда, изъ опасенія смерти, не дерзнулъ бы украсть что-нибудь у Рекома. Подойдя къ двери, прислоненной коломъ, такъ какъ петли давно уже перержавѣли, я хотѣлъ было войти, но со всѣхъ сторонъ раздались крики: «нельзя, нельзя! Не входи!» Не желая оскорбить религіознаго чувства толпы, я вступилъ въ переговоры и спросилъ, почему нельзя мнѣ войти. Оказалось, что нужно принесть свѣчку. «Гдѣ-жь ее достать?—сказалъ я.— Лучше вмѣсто нея я положу абазъ». Старики рѣшили, что тогда войти можно, но все-таки нужно у двери снять шапку, пальто и сапоги. Изъ желанія видѣть содержимое дзуара, я согласился и, торжественно разувшись передъ толпою, пролѣзъ, наклонившись, въ низенькую дверь. Маленькія сѣни почти до верху завалены стрѣлами; отъ однѣхъ сохранились лишь наконечники, у другихъ было цѣло и древко. Главная часть святилища представляетъ комнату, сажени въ двѣ длиною. На длинной полкѣ разставлены всякія приношенія и древнихъ, и новыхъ временъ. Тутъ вы видите желѣзный шлемъ Оси-багатара, нѣсколько глиняныхъ чашекъ, барашковъ изъ фарфора и глины, стклянки, бусы, куски ваты, серебряные галуны, двѣ или три новыхъ иконы, свѣчи, стрѣлы и т. п. предметы. Все это накапливалось вѣками. Въ храмѣ сыро и грязно; земляной полъ влаженъ отъ дождя, проникающаго сквозь окна (безъ стеколъ) и ветхую кровлю.

Осмотрѣвъ весь этотъ хаосъ приношеній, я вышелъ наружу и обулся. Мы хотѣли уже ѣхать далѣе на ледникъ, но богомольцы окружили насъ толпою и просили закусить съ ними шашлыка и выпить во славу Рекома. Нельзя было отказаться отъ радушнаго приглашенія и мы согласились, хотя отчасти и предчувствовали свою участь. Саженяхъ въ десяти отъ дзуара мы нашли всѣ слѣды языческаго требища. На травѣ лежалъ только-что распластанный быкъ: въ одной сторонѣ голова съ полуоткрытыми глазами, еще далѣе легкія и внутренности; трава кругомъ была обагрена кровью. Быкъ, покупаемый въ складчину, составляетъ, конечно, главную жертву. Нѣсколько далѣе подъ навѣсомъ, гдѣ собралась публика, ожидали своей участи 12 барашковъ. Праздникъ имѣлъ такой смыслъ: принято съ отдаленныхъ временъ, чтобы въ этотъ день всякій, кто въ теченіе года выдалъ дочь замужъ, приносилъ въ Рекомъ барашка. Такихъ отцовъ въ теченіе года въ окрестныхъ селеніяхъ набралось 12

человѣкъ, отсюда—и 12 *нывондовъ*. Насъ пригласили въ сарай. Близъ входа стоялъ огромный желѣзный чанъ для варки пива. Нѣсколько далѣе на скамью постлали наши бурки и просили насъ сѣсть. Рядомъ съ нами сѣли два или три почтенныхъ старика. Всѣ прочіе стояли и образовали какъ бы декорацію. Одинъ молодой человѣкъ схватилъ ближайшаго барашка за заднія ноги, приподнялъ ихъ и, управляя имъ какъ ручною телѣжкой, повелъ несчастнаго на закланіе. Тутъ же въ виду насъ барашка прижали къ землѣ и перерѣзали ему горло. Черезъ четверть часа мы уже ѣли полусырой шашлыкъ. Операція ѣды шашлыка и питья арака, признаться, была не малымъ мученіемъ для меня и только благодаря своему великодушному спутнику я вынесъ ее безъ тяжкихъ послѣдствій. Осетинскій *аракъ*—отвратительная, вонючая, зеленоватая жидкость, отзывающаяся сивухой и чѣмъ-то вродѣ деревяннаго масла. Уже одинъ запахъ ея вызываетъ отвращеніе. И вотъ мнѣ предстояло выпить этой микстуры нѣсколько бараньихъ роговъ, замѣняющихъ рюмки. Сначала я не вѣдалъ всей опасности, которой подвергался, и думалъ въ простотѣ душевной, что пригубивъ рогъ и сдѣлавъ видъ, что сдѣлалъ глотокъ, я исполню всѣ требованія этикета,—не тутъ-то было. Едва я сдѣлалъ это, какъ послышались отовсюду крики: «такъ нельзя. Пей до дна!» Никакія пренія не могли умилостивить злодѣевъ. Я выпилъ первый кубокъ и неистово бросился закусить шашлыкомъ, чтобы скорѣе заглушить мерзкій вкусъ во рту. Тутъ уже нельзя было брезгать и шашлыкомъ, хотя въ другой разъ я не рѣшился бы взять въ ротъ и куска, видя, какъ онъ приготовляется. Молодой человѣкъ, исполнявшій роль повара, нарѣзалъ небольшіе куски еще теплаго барашка и надѣлъ ихъ на деревянную, грязную палочку. Затѣмъ, когда это было изжарено, онъ понесъ шашлыкъ въ сарай и положилъ его на пыльную доску у нашихъ ногъ. Третій актъ стряпни заключался въ томъ, что онъ сталъ своими грязными пальцами сдавливать шашлыкъ съ палочки, причемъ грязь пальцевъ, смѣшиваясь съ жиромъ, образовала какъ бы подливку. Эти-то куски, нарѣзанные при помощи кинжала, приходилось мнѣ ѣсть, чтобы закусить послѣ пріема осетинскаго рвотнаго, т. е. арака. Выпивъ одинъ рогъ, я рѣшился больше не пить и при помощи г. К., который съ самоотверженіемъ, достойнымъ лучшей цѣли, выпивалъ за меня до дна, кое-какъ отдѣлывался отъ всякихъ тостовъ, поднося только рогъ ко рту и затѣмъ выплевывая въ сторону набранную жид-

кость. Такимъ обманнымъ способомъ я пилъ во славу Бога, святыхъ и падишаха. Да простятъ они мнѣ этотъ обманъ!

Долго продолжалось угощеніе. Тосты слѣдовали за тостами. Имена всѣхъ извѣстныхъ осетинамъ святыхъ призывались, чтобы ниспослать намъ милость и дать счастливый путь. Въ послѣднемъ я все болѣе и болѣе сомнѣвался, начиная ощущать на себѣ дѣйствіе арака. Наконецъ насъ выручилъ подоспѣвшій на бѣломъ конѣ Наурузъ, сторожъ г. Ольшевскаго. Узнавъ о нашемъ пріѣздѣ въ ур. Св. Николая, онъ бросился догонять насъ и настигъ въ Рекомѣ. Ему пришла счастливая мысль показать намъ Цейскій ледникъ, до котораго было уже очень близко изъ Рекома. Благодаря его и нашимъ настояніямъ, хлѣбосольные осетины отпустили насъ, и я, пересѣвъ на прекрасную бѣлую лошадь, добытую Наурузомъ, отправился вслѣдъ за нимъ черезъ густой лѣсъ къ ледникамъ.

Не извѣстно, къ какому времени относится постройка часовни Рекома, но во всякомъ случаѣ трудно было выбрать мѣсто болѣе живописное, болѣе располагающее къ мыслямъ о ничтожествѣ человѣка. Узкая долина, по дну которой несется ледяной Цей-донъ, замыкается со всѣхъ сторонъ высокими горами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. По нижнему склону стелется густой лѣсъ, въ которомъ шумитъ цѣлая сѣть ручейковъ, вытекающихъ съ ледника. Какіе бы народы ни жили въ этихъ мѣстахъ, они должны были невольно выбрать для своей бесѣды съ небомъ это таинственное, чудное мѣсто.

Есть основаніе думать, что Рекомская часовня была построена во времена вліянія Грузіи на Осетію, въ честь Св. Георгія. Прежніе путешественники указывали близъ входа колоколъ съ надписью грузинскими церковными буквами, будто бы гласившею, что колоколъ принесенъ въ даръ святому отцу Осетинской и Дигорской страны Георгіемъ Багратіономъ. Мѣстныя преданія упоминаютъ о существованіи грузинскаго монастыря въ Рекомѣ и производятъ нѣсколько семействъ въ аулѣ Цей отъ грузинскихъ монаховъ. Они же утверждаютъ, что подъ часовней въ горѣ идутъ подземные ходы, и что нѣкогда Рекомъ содержалъ великія богатства. О построеніи часовни ходитъ слѣдующая легенда. Въ древнія времена Уастырджи (Св. Георгій) рѣшилъ выстроить для осетинъ святилище изъ бревенъ, которыя никогда не подвергались гніенію. Такимъ свойствомъ отличались деревья въ лѣсу по ту сторону горъ. Уастырджи приказалъ своимъ воламъ перевозить

оттуда бревна черезъ гору противъ Рекома, гдѣ нынѣ ледникъ. Арбы нагружались сами собою и волы шли безъ проводника по назначенному пути. Сложивъ лѣсъ, волы вернулись къ Уастырджи, а изъ бревенъ выстроился храмъ самъ собою, безъ помощи человѣческихъ рукъ.

Въ виду необычайной святости Рекома во всей Осетіи и его положенія въ глуши, близъ одного изъ величайшихъ глетчеровъ Кавказа, можно думать, что это святилище восходитъ еще къ языческимъ временамъ. Затѣмъ, какъ это часто бывало, христіанскіе миссіонеры освятили прежнее капище построеніемъ на его мѣстѣ христіанскаго храма; но, вслѣдствіе слабаго вліянія христіанства на осетинъ, языческій элементъ пересилилъ, Св. Георгій принялъ окраску прежняго языческаго бога и въ настоящее время о христіанскомъ храмѣ сохранилось лишь смутное воспоминаніе.

Разгоряченные ѣздой, мы не замѣтили, какъ воздухъ становился все свѣжѣе и свѣжѣе, лѣсъ сталъ рѣдѣть и скоро мы выѣхали въ лощину, лишенную растительности и замыкаемую какою-то массою, изъ-подъ которой выбивались ручьи. Это—ледникъ. Громадный пластъ сѣроватаго цвѣта, усыпанный камнями, оказался при приближеніи толщью вѣчнаго льда. Мы оставили лошадей у одного выступа въ скалѣ, образующаго что-то въ родѣ естественнаго грота, и пошли пѣшкомъ, перепрыгивая съ камня на камень, къ вершинѣ ледника. Трещины бороздятъ ледъ въ разныхъ направленіяхъ. Камень, брошенный туда, показываетъ, что онѣ глубоки и что подъ нами пластъ льда толщиною въ нѣсколько саженъ. Выше надъ ледянымъ полемъ возвышается исполинъ Адай-хохъ на 13.244 фута. Такъ внезапна и незамѣтна была эта смѣна жаркаго лѣта и вѣчной зимы на разстояніи какой-нибудь полуверсты, что, шагая по льду, мы не давали себѣ отчета въ томъ, что было у насъ подъ ногами. Но скоро ледникъ далъ себя почувствовать,— въ нашихъ легкихъ пальто становилось холодно и мы поспѣшили къ лошадямъ.

Конечно, въ этой глуши мы не надѣялись увидѣть человѣческаго существа. И каково было наше удивленіе, когда къ намъ подошелъ худой, болѣзненнаго вида, осетинъ съ молодымъ человѣкомъ и пригласилъ насъ отвѣдать у него шашлыка, только-что изжареннаго. Распросивъ осетина, мы удивились еще болѣе. Это не случайно забредшій охотникъ, а чахоточный, лѣчащійся около ледника. Оказалось, что въ настоящій сезонъ такихъ больныхъ здѣсь человѣкъ семь или восемь. Они пріѣзжаютъ иногда

издалека, пригоняютъ съ собою барашковъ для ѣды, привозятъ запасъ хлѣба и поселяются на нѣсколько недѣль въ лѣсу близъ ледника. Лѣченье заключается въ купаньѣ въ ледниковой водѣ раза по три въ день и въ питьѣ козьяго молока. Больной, пригласившій насъ раздѣлить его трапезу, сообщилъ, что онъ уже двѣ недѣли живетъ здѣсь и теперь какъ будто чувствуетъ себя лучше. Признаться, это совершенно спутало мои понятія о выносливости человѣческаго организма.

Радушный осетинъ угостилъ насъ шашлыкомъ и, какъ самое дорогое лакомство, положилъ предъ нами маленькій кусокъ хлѣба. Конечно, мы не воспользовались его великодушіемъ. Да поможетъ ему Рекомъ излѣчиться отъ чахотки у Цейскаго ледника!

На возвратномъ пути черезъ Рекомъ, богомольцы, теперь уже сильно подгулявшіе, снова перехватили насъ и подвергли истязанію угощенія говядиной и babkomъ. Мы застали уже полный развалъ празднества. Пьяныя глотки призывали имена всѣхъ святыхъ и орали пѣсни. Одинъ затягивалъ и затѣмъ подхватывалъ хоръ, сопровождая пѣніе ударами въ ладоши. Рѣшили было насъ не пускать и уложить ночевать въ сараѣ. Послѣ долгихъ и убѣдительныхъ переговоровъ, наконецъ намъ подвели коней и отовсюду потянулись руки для крѣпкихъ пожатій, и радушныя пожеланія счастливаго пути и милости Бога, падишаха и полковника еще долго гремѣли въ нашихъ ушахъ, сливаясь со звуками пѣсенъ и хлопанья въ ладоши.

О нашемъ обратномъ пути въ урочище Св. Николая, благодаря послѣднему угощенію, которое было горше перваго, у меня сохранилось лишь весьма смутное воспоминаніе. Помню, что Наурузъ, повидимому, хотѣлъ насъ угостить на славу и поэтому въ каждомъ аулѣ (а ихъ по дорогѣ три) убѣждалъ насъ посѣтить того или другаго изъ своихъ родственниковъ или кунаковъ, и каждая остановка сопровождалась бутылкой арака и закускою. Помню, что въ одномъ мѣстѣ мы понеслись въ карьеръ по тропинкѣ, гдѣ прежде ѣхали шагомъ. Помню, что на крутомъ спускѣ, гдѣ обыкновенно слѣзаютъ съ лошадей, мы съ отвагой, достойной лучшей цѣли, сидѣли, покачиваясь на сѣдлахъ изъ стороны въ сторону. Долго ли, коротко ли, наконецъ часа въ два ночи мы въѣхали во дворъ урочища св. Николая и, добравшись до постели, заснули немедленно мертвецкимъ сномъ. На другой день встали, какъ обыкновенно бываетъ, въ довольно плачевномъ видѣ. Я отдѣлался сравнительно легкою головною болью, но мой спутникъ

совсѣмъ раскисъ и весь обратный путь въ Алагиръ проѣхалъ въ полудремотномъ состояніи.

Этими впечатлѣніями заключаю мои воспоминанія о поѣздкѣ въ горы Осетіи. Въ Алагирѣ пришлось распроститься съ ними и бросить послѣдній взглядъ на зеленыхъ великановъ, которые мнѣ, жителю плоскости, показали только свою поэтическую, грандіозную сторону, не подвергнувъ гостя тѣмъ испытаніямъ, которыми наполнена жизнь горца.

Всеволодъ Миллеръ.

НА ВОЛГѢ.

ПОВѢСТЬ.

(Посвящается памяти Ѳ. М. Достоевскаго.)

I.

Знойное солнце, блестя и играя, разсыпаетъ золотые потоки свѣта по ясной лазури. Набѣжитъ иногда тучка, и еще ярче и радостнѣе выплываетъ оно, точно омытое ея жемчужнымъ, прозрачнымъ покровомъ. А сама куда-то дальше летитъ, отъ всѣхъ втайнѣ держа свой путь. И небо глубокое, и тучка-суета смотрятся въ безмятежную, катящую тихими струями, Волгу. Далеко разлилась она и, кажется, гдѣ-то съ небомъ встрѣтилась, потонувъ въ голубомъ туманѣ. Золотистыя волны ея переливаются въ горячихъ лучахъ солнца. Иногда рыба всплеснетъ, и долго стоитъ звукъ въ глубокомъ молчаніи дня. Зеленою стѣной придвинулся къ рѣкѣ лѣсъ, обнажая песчаные, угрюмые овраги. Тамъ тишина; усталъ онъ шумѣть и поникъ въ сладкой истомѣ; каждая травка приклонилась къ землѣ и не можетъ вдоволь насладиться своимъ покоемъ. Иногда пролетитъ пчела, прожужжитъ золотыми крыльями и усядется въ чашечку яркаго, душистаго цвѣтка. А тишина глубже, безмятежнѣе; точно все застыло подъ лаской яркихъ, жгучихъ лучей. Иногда, разсыпаясь серебромъ, подбѣгала волна къ самому берегу, будто баюкая старый лѣсъ, и съ таинственнымъ шепотомъ дальше бѣжала, сливаясь съ голубымъ покровомъ рѣки.

Къ самой водѣ сбѣгаетъ зеленая полянка. Плохенькое деревенское стадо разбрелось по ней, мелькая между кустами и изрѣдка нарушая тишину бряцаньемъ бубенчиковъ. По колѣно въ водѣ, мѣрно махая хвостомъ, стоятъ коровы; въ глубоко-

мыслiи остановился быкъ и посоловѣлыми глазами осматриваетъ свой гаремъ; по склону разбрелись овцы; нѣсколько лошадей жадно щиплятъ траву. Подъ развѣсистой, угрюмою елью, весь спрятанный ея мохнатыми вѣтвями, лежитъ Ванька-пастухъ. На видъ ему лѣтъ двѣнадцать. Черные кудрявые волосы окружаютъ худенькое, блѣдное лицо, на которомъ горятъ, какъ два уголька, такiе же черные глаза. Короткая рубашонка и штаны прикрываютъ его тѣло, воротъ разстегнулся, и глядитъ оттуда загорѣлая, худая грудь, говоря о невеселомъ житьѣ его. Но здѣсь Ванькѣ хорошо. Всѣ лучшiя минуты его жизни прошли въ этомъ заповѣдномъ лѣсу. Здѣсь онъ—желанный гость; каждый кустикъ, каждое дерево знаютъ его; онъ любитъ ихъ, заботится, а за это и его здѣсь любятъ. Прошепчетъ вѣтеръ, закачаются вершины, а Ванькѣ кажется, что онѣ ему говорятъ что-то ласковое, доброе; запоетъ птичка, и онъ знаетъ, что она для него поетъ, ему разсказываетъ, потому что кому же нужна была ея пѣсня, какъ не Ванькѣ, который съ такою любовью слушалъ ее. Онъ все къ себѣ примѣнялъ. Никто отъ него здѣсь зла не видѣлъ, никто и Ванькѣ горя не принесъ. Много ему и волна разсказала, а онъ добавилъ своей дѣтской смѣлою фантазiей и понялъ остальное. То думается ему, что она разсказываетъ, какъ утонулъ бѣдный мужикъ, какъ она обняла его и унесла своимъ быстрымъ теченiемъ отъ роднаго пепелища. Никто-то надъ нимъ не поплакалъ, никто панихиды не отслужилъ. А то кажется, что водяной зоветъ Ваньку въ свое подводное царство. И многое, многое другое представлялось его праздному воображенiю. Стадо далеко разбредется, а онъ и не замѣчаетъ,—все думаетъ свою безконечную дѣтскую думу. Смотритъ на небо: оно—задумчивое, тихое—особенно его привлекало. Въ глубокой синевѣ коршуны парятъ, ласточки рѣютъ, и летятъ его мысли такъ же прихотливо, какъ онѣ. Пронесется чайка, блеснувъ бѣлоснѣжнымъ, серебристымъ крыломъ, проскользнетъ по поверхности рѣки, схватитъ рыбу, огласивъ свою побѣду громкимъ крикомъ, и вздрогнетъ Ванька,—этотъ крикъ выводитъ его изъ волшебнаго, чарующаго мiрка. А кругомъ тишина, глубокая какъ небо. Прислушивается къ ней Ванька и старается уловить каждый звукъ. Вотъ что-то дрогнуло, застонало вдали, что-то заунывно понеслось въ безмятежномъ молчанiи дня: это бурлаки застонали свою пѣсню. Много разъ Ванька слыхалъ ее; онъ даже полюбилъ ея грустный, однообразный напѣвъ, но всякiй разъ ему

становится что-то не по себѣ. Думаетъ онъ о бѣднякахъ, объ ихъ суровой жизни, и о себѣ думаетъ. А пѣсня все льется.

«Дернемъ, подернемъ... Давай, поддавай»—звучитъ рыдающій припѣвъ, и вмѣстѣ съ нимъ летитъ дума Ваньки. Такъ проходили лѣтніе долгіе дни. Онъ съ счастливымъ сердцемъ встрѣчалъ начало дня, наблюдалъ его полное теченіе и съ восторгомъ провожалъ на ночной отдыхъ, когда, сіяя багровымъ свѣтомъ, словно купаясь и нѣжась въ рѣкѣ, гасли послѣдніе лучи. А затѣмъ наступала тихая лѣтняя ночь, которая любила Ваньку и ласкала его.

Только-что сгонитъ онъ стадо въ деревню, забѣжитъ домой взять нѣсколько объѣдковъ и—снова назадъ на Волгу, гдѣ, случалось, проводилъ цѣлую ночь. Сначала ему доставалось за это, даже били его, но потомъ, ругнувъ крѣпкимъ словомъ, махнули рукой. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ свободенъ.

Въ эти тихія ночи Ванька былъ еще счастливѣе. Ни звука въ воздухѣ,—только волны переливаются. Небесный сводъ горитъ звѣздами; ясныя—мерцаютъ онѣ, будто чьи-то безчисленныя очи. И опять кажется Ванькѣ, что онѣ на него смотрятъ, ему мигаютъ. Иногда облака протянутся серебристою вереницей. Онъ не можетъ оторвать глазъ отъ небеснаго покрова. Вотъ гдѣ-то звѣзда понеслась огненною стрѣлой, блеснула на мгновенье и потонула во мглѣ.

«Куда улетѣла?—думается ему.—Это ангелы божьи играютъ и звѣздами перекидываются. Кабы мнѣ кинули»,—фантазируетъ онъ и самому смѣшно дѣлается, какъ это онъ, Ванька-пастухъ, захотѣлъ, чтобъ ангелы вспомнили о немъ. Онъ счастливъ, что они позволяютъ ему хоть издали смотрѣть на ихъ забавы. Вообще видъ неба особенно наводилъ его на размышленія. Думалъ онъ о Богѣ, святыхъ и объ ихъ счастливой жизни. Иногда въ этихъ безконечныхъ думахъ Ванька доходилъ до такого состоянія умиленія, что въ слезахъ изливалъ полноту своей души. Любилъ онъ смотрѣть, какъ тихо, величаво выплывалъ изъ-за рѣки мѣсяцъ, покрывая ее блестящей, золотою парчой. Свѣтлая, дрожащая лента ложилась на ея поверхности.

«Точно кто мостъ золотой перекинулъ, — казалось Ванькѣ, и думаетъ онъ, куда ведетъ этотъ мостъ.—Въ рай! — рѣшаетъ онъ.—Вотъ бы попасть туда!»—и опять уносится своей мечтой. А кругомъ все свѣтло подъ лаской чарующихъ лучей. И хорошо бывало ему въ тѣ ночи, и жутко. Смотритъ онъ по сторонамъ

и чудится ему, что это не ель стоитъ, а какой-то лохматый старикъ съ протянутыми руками.

«Лѣшій!...»—шепчетъ Ванька. Но здѣсь его никто не обижаетъ, такъ не обидитъ и «самъ хозяинъ». Даже думается ему, что и руки-то лѣшій протянулъ, чтобы приласкать его. И жутко, и хорошо. Шу-шу-шу... шелеститъ вѣтеръ, а Ванькѣ чудится, словно шепчетъ старикъ какія-то добрыя слова. А то мерещится ему, что изъ рѣки выходятъ русалки съ зелеными волосами, струи бѣгутъ съ нихъ и переливаются алмазами въ лунныхъ лучахъ. Придутъ онѣ къ Ванькѣ и потащутъ въ свои водяные покои.

«Защекочутъ, зацѣлуютъ»,—думалъ онъ, вспоминая разсказы деревенскихъ, и боязно ему, и хочется въ то же время узнать эти холодные, невѣдомые ему поцѣлуи. А кругомъ серебристая, сіяющая ночь. Иногда Ванька вдругъ вздрагивалъ. Какое-то чудовище бѣжало по рѣкѣ и, словно огненный змѣй, несся за нимъ длинный золотой столбъ. Пролетитъ чудовище, и волны начинаютъ роптать, точно разгнѣвавшись, что нарушили ихъ крѣпкій сонъ. Весь полный своихъ фантазій, Ванька засыпалъ, и грезились ему свѣтлые, сладкіе сны, а утромъ первый проблескъ дня, первый румяный лучъ будилъ его и возвращалъ изъ сказочнаго царства.

Первую травку весной Ванька встрѣчалъ съ безконечною радостью,—эта травка воскрешала всѣ его мечты. Онъ слушалъ, какъ осторожно и нерѣшительно начиналъ издалека свою пѣсню жаворонокъ, и въ неизъяснимомъ восторгѣ, вдыхая смолистый запахъ лѣса, хотѣлъ бы самъ кричать отъ счастья. Лѣсъ подслушивалъ его тайны и ласково кивалъ своей мохнатой головой; Ванька прислушивался къ его голосу и жилъ съ нимъ одной, неразрывною жизнью. За то сколько горя испытывалъ онъ, когда осенью постепенно желтѣли и опадали листья, когда грустно смотрѣли осиротѣвшія вѣтви и печально вздыхали о чемъ-то. Птицы улетали, и только воронъ своимъ тоскливымъ крикомъ нарушалъ мертвенную тишину лѣса, точно пѣлъ панихиду минувшей красѣ его. Словно могилы возвышались груды желтыхъ листьевъ и въ нихъ хоронилось Ванькино счастье. А тамъ—зима, метели, снѣжные сугробы и долгія мученія Ваньки. Семейство его состояло изъ отца, Василія, матери, Аксиньи, и двухъ маленькихъ сестеръ. Отъ него, какъ отъ старшаго, уже требовали заработковъ. Никогда не оставляла избы Василья постоянная, безысходная бѣдность. Видно, ей полюбились ея черныя, закоптѣлыя стѣны, въ которыя дулъ и завывалъ вѣтеръ, жалкіе лохмотья

обитателей и черные куски сквернаго хлѣба. Любила, видно, она и копоть лучины, и многія слезы, которыя здѣсь проливались, и ругательства пьянаго Василья,—а пьянъ онъ бывалъ часто, такъ что удивлялись только, откуда у него бралась водка. Видала бѣдность также и побои, которые выпадали на долю Ваньки, и, сидя угрюмо въ своемъ закоптѣломъ углу, не приходила защищать его. Какъ только Василій былъ пьянъ, онъ билъ сына, билъ съ увлеченіемъ, до синяковъ.

Много и Аксинья вынесла, но потомъ свыклась и уже не выла, когда пинки градомъ на нее сыпались. Развѣ застонетъ, да и то рѣдко. Только смотритъ изъ подлобья какимъ-то безжизненнымъ, тупымъ взглядомъ. Она была до того забита, что уже перестала чувствовать оскорбленія. Жалкая, худая, съ рябымъ лицомъ, она иногда забывала все окружающее, разговаривая сама съ собой и своей разсѣянностью вызывая новыя непріятности. Когда проходилъ день безъ побоевъ, Аксинья начинала тужить. «Знать разгнѣвался и смотрѣть не хочетъ,—думала она про мужа и ждала, какъ милости, новой затрещины.—Не бьетъ—не любитъ»,—было ея любимымъ убѣжденіемъ и въ безконечныхъ побояхъ она умѣла находить признаки его любви. Только подчасъ, когда уже слишкомъ сильно проявлялось расположеніе къ ней мужа, вдругъ ея глаза загорались какимъ-то страннымъ блескомъ, точно у собаки, которая не знаетъ пощады. Ломили кости, ныла спина, разрывалась отъ боли грудь, а Аксиньѣ и въ голову не приходило о лучшей долѣ. Другая жизнь теперь для нея была бы невозможна,—она такъ сжилась съ положеніемъ забитой, что измѣненіе ея участи повлекло бы за собой или смерть, или помѣшательство. А здѣсь она не многимъ отличалась отъ своихъ сосѣдокъ, которыя прошли ту же суровую школу.

Такъ проходила жизнь Ваньки вѣчно въ проголодь, въ боязни побоевъ, безъ всякаго привѣтливаго слова. Двумъ сестрамъ его жилось легче. Ходили слухи, что вскорѣ послѣ возвращенія Василья изъ солдатъ родился Ванька, и родился какъ-то очень не во время, не въ срокъ. Это и было причиной всѣхъ мученій его жизни. Аксинья, еще только чувствуя его, уже проклинала, какъ живое свидѣтельство ея вины. Тогда она еще не была забита. Вспыхнуло и въ ней чувство, и за эту вспышку она заплатила цѣной всей жизни. Кто знаетъ, можетъ-быть и до сихъ поръ ей припоминаются тѣ ясныя, весеннія ночи, которыя проводила она въ сосѣднемъ лѣсочкѣ. Тихія звѣздочки въ небѣ горѣли, въ

кустахъ соловушко щелкалъ и отъ этой пѣсни сильнѣе разгоралась любовь. Тогда она была молода, здорова и горячо, страстно обнималась съ молодцомъ уланомъ.

Такъ и родился Ванька съ проклятіями. Онъ никого не любилъ изъ своихъ родныхъ. Мать, вѣчно униженная, боявшаяся даже приласкать его, возбуждала въ немъ только жалость. Онъ ненавидѣлъ Василья и зналъ, что тотъ не былъ его отцомъ. Но былъ у него вѣрный, неизмѣнный другъ, который не пожалѣлъ бы жизни для Ваньки и, казалось, понималъ все, что творилось въ дѣтскомъ его сердцѣ. Это былъ старый, безобразный Волчокъ. Часто, весь избитый, Ванька, сверкая глазами, бѣжалъ съ нимъ куда-нибудь въ глушь и здѣсь наединѣ, весь въ слезахъ, обнявъ своего преданнаго друга, изливалъ передъ нимъ всю муку наболѣвшаго сердца. Волчокъ въ отвѣтъ только лизалъ его лицо. А для Ваньки это было краснорѣчивѣе всякихъ увѣреній,—онъ видѣлъ, что его ласкаютъ, сочувствуютъ ему, и безъ конца ласкалъ своего вѣрнаго, стараго пса. Когда лѣтомъ Ванька, увлеченный своими фантазіями, казалось, забывалъ друга, Волчокъ тихо лежалъ около него и, сознавая всю важность минуты, только изрѣдка на него взглядывалъ, умильно помахивая хвостомъ. Когда ночью въ лѣсу что-нибудь возбуждало его опасеніе, онъ тихо, но внушительно рычалъ, какъ бы давая знать, какая сила охраняла его друга. Зашепчутся деревья, или птичка встрепенется, а Волчокъ уже на-готовѣ и, уткнувъ морду въ лапы, свирѣпо рычитъ. Онъ бдительно охранялъ тишину, которая приносила столько отраднаго его бѣдному, маленькому Ванѣ. Онъ относился къ нему даже какъ-то покровительственно, какъ старый дѣдушка къ неопытному внуку. Волчокъ отличался самыми философскими взглядами на жизнь. Тѣ безконечные пинки и побои, которые выпали на его долю въ продолженіе длинной жизни, закалили въ немъ духъ спартанца. Онъ не возмущался даже и тѣмъ, что, несмотря на его старые годы, его преисправно колотили до сихъ поръ, уже не говоря про лишеніе какихъ бы то ни было удобствъ жизни. Удрученный годами, онъ, кромѣ того, страдалъ падучею болѣзнью. Подъ старость припадки ея, по какимъ-то обстоятельствамъ, случались у него все рѣже и рѣже. Но именно, благодаря этой немощи его, и совершилось знакомство Волчка съ Ванькой. До тѣхъ поръ онъ не имѣлъ даже пріюта и кочевалъ съ одного двора на другой, пока его не выгоняли вонъ послѣ тяжелаго припадка падучей. Года три тому назадъ, въ какой-то

праздничный день, Ванька вышелъ на улицу и былъ свидѣтелемъ слѣдующаго зрѣлища: человѣкъ пять ребятишекъ разныхъ возрастовъ, громко смѣясь и шумя, тащили на привязи черную косматую собаку. Несчастная билась, жалобно визжала, но ничто не было въ состояніи пробудить жалось въ ея мучителяхъ. Они такъ были увлечены своимъ предпріятіемъ повѣсить собаку, такъ имъ хотѣлось видѣть, какъ при этомъ она будетъ себя вести, что не могли отказаться отъ удовольствія только потому, что ей это могло быть не совсѣмъ пріятно. Хохотъ мужиковъ, глазѣвшихъ на улицѣ, благодаря праздничному дню, еще болѣе подстрекалъ ребятъ къ исполненію задуманнаго дѣла. Остроты сыпались на несчастную со всѣхъ сторонъ. Ванька долго смотрѣлъ на эту картину. Что-то особенное совершалось въ его душѣ. Казалось, слезы хотѣли политься изъ глазъ; жгучая жалость къ обреченной на жертву переполняла его существо. Но слезы не потекли, а только зажглись глаза какимъ-то нехорошимъ огонькомъ. Онъ рванулся къ толпѣ, ударомъ сшибъ съ ногъ двухъ мальчугановъ и несчастную освободилъ отъ душившей ее петли. Трое остальныхъ, пораженные смѣлостью того самаго Ваньки, надъ которымъ всегда издѣвались, а главное — неожиданностью дѣла, быстро отретировались. Ванька вышелъ полнымъ побѣдителемъ и, весь блѣдный, съ горѣвшими глазами, велъ трофей своей побѣды. Молва о немъ разнеслась по всей деревнѣ. Съ этой минуты и началась глубокая, задушевная дружба между нимъ и собакой. Что бы ни случилось съ Ванькой, Волчокъ все понималъ, и горе, и радость. Такъ проходила ихъ жизнь: зимой били обоихъ, а лѣтомъ они мечтали. Впрочемъ, ихъ взгляды на природу расходились. Когда Ванька съ благоговѣніемъ смотрѣлъ ночью, какъ выкатывался на небо огненный шаръ, какъ онъ плылъ по тихому своду, Волчокъ начиналъ рычать. Онъ не любилъ мѣсяца,—должно-быть его смущалъ его ясный, безмятежный видъ. Иногда, въ припадкѣ враждебнаго чувства, онъ даже взвывалъ. Впрочемъ, старый дѣдушка Волчокъ, наконецъ, сдѣлалъ уступку Ванькѣ и теперь уже не рычитъ на мѣсяцъ, а только враждебно, изъ подлобья на него посматриваетъ. Вообще Волчокъ, постигшій житейскую мудрость, отличался болѣе положительными взглядами и часто въ то время, когда Ванька далеко уносился въ своихъ мечтахъ и словно, забывъ все земное, парилъ въ небесной вышинѣ, Волчокъ рыскалъ по лѣсу, отыскивая добычу. Дружба ихъ скрѣпилась еще болѣе, благодаря одному обстоятельству.

II.

Зимній январскій вечеръ. Въ избѣ Василья стужа, вѣтеръ дуетъ въ щели. Голодъ съ холодомъ усѣлись по угламъ и держатъ всѣхъ въ своей могучей власти. Даже таракановъ—и тѣхъ не видно: знать, ѣсть нечего. На палатяхъ лежитъ пьяный Василій. Онъ совсѣмъ захмелѣлъ и только изрѣдка срываются съ языка какія-то несвязныя слова. Аксинья, что-то шепча, стругаетъ лучину; на лавкахъ спятъ, прикрытыя лохмотьями, двѣ сестры Ваньки. Самъ Ванька, дрожа отъ холода, въ рваномъ ватномъ зипунѣ сидитъ у окна. Неоконченный лапоть лежитъ передъ нимъ, кудрявые волосы расползлись по лицу, а взоръ устремленъ куда-то далеко, туда, гдѣ на просторѣ бѣсится и рвется метель. Снѣжные хлопья облипаютъ окна; вѣтеръ все жалуется на свою горемычную долю. Тоскливо и жутко. Треснетъ лучина, и опять молчаніе. Аксинья замолкла, сѣла на лавку и куда-то устремила свои оловянные глаза. А Ванька далеко унесся своей думой. Щемитъ что-то сердце. Смотритъ онъ въ окно и чудится ему, словно покойникъ бродитъ по землѣ и о чемъ-то такъ горестно плачетъ.

«Эхъ, жизнь ты горемычная»,—думается ему и далеко онъ уносится, въ дремучій лѣсъ, гдѣ такъ жутко теперь, или въ поле, гдѣ борется какой-нибудь крестьянинъ съ злою непогодой. «Вишь, сосѣдъ Иванъ за дровами уѣхалъ... Тяжко придется ему». И представляется Ванькѣ, что Иванъ замерзаетъ, а савраска его поникла головушкой и тоже ждетъ кончины. А кругомъ-то, носится, словно бѣсъ, шальной вѣтеръ: то заплачетъ онъ, а то такъ захохочетъ, что морозъ по кожѣ подеретъ. Посмотрѣлъ Ванька кругомъ, и еще болѣе жутко на душѣ стало. Мать недвижимо сидитъ и все смотритъ куда-то, лучина догорѣла и только по временамъ вспыхиваетъ слабыми искорками.

«Поѣсть бы чего, — вспоминаетъ онъ, — да хлѣба нѣтъ, до завтра подождать», и думаетъ онъ о всѣхъ тѣхъ, кому ѣсть нечего. А метель все сильнѣе реветъ.

— Эй, Ванька!—вдругъ раздается пьяный голосъ Василья. Ванька вздрагиваетъ,—чуетъ онъ недоброе въ этомъ хорошо знакомомъ ему крикѣ. Думы въ мигъ разорвались и разлетѣлись въ разныя стороны, остался лишь печальный полумракъ, холодъ и тяжелое, давящее чувство.

— Водки давай!—реветъ пьяный.—Аль, лѣшій, не слышишь?

— Водки нѣтъ,—шепчетъ Ванька.

— Слышь, давай!—все громче реветъ Василій, вставая съ палатей, которыя жалобно подъ нимъ поскрипываютъ. Лучина совсѣмъ померкла, кругомъ глубокая тьма; слышно, какъ Василій идетъ къ шкафу, какъ онъ беретъ пустой полуштофъ. Рука пьяницы дрожитъ, посудина выскальзываетъ и въ дребезги разбивается. Раздается громкое ругательство.

— Выпили, черти, выпили!—вопитъ онъ.—Небось я помню, сколько было. Это ты, дьяволенокъ! — и слова сопровождаются затрещиной.

У Ваньки даже въ глазахъ потемнѣло отъ затрещины; онъ и не пытался уклоняться, а только вдругъ какъ-то осѣлъ, съежился. Тяжелое, ѣдкое чувство наполняло грудь; онъ молчалъ. Лицо его поблѣднѣло, но ни одной слезинки не выкатилось изъ глазъ. Онъ такъ ненавидѣлъ теперь всю эту несчастную хату, родныхъ своихъ, весь свѣтъ и свою жизнь. О, съ какимъ бы наслажденіемъ заснулъ онъ въ уютной, тихой могилѣ, гдѣ-нибудь подъ березкой или сосенкой! И снѣгъ скрылъ бы ее отъ всѣхъ людей, онъ бы бѣлымъ коврикомъ ее покрылъ и успокоилъ несчастнаго Ваньку. А отецъ все что-то кричитъ, и новый ударъ летитъ въ спину. Кругомъ та же тьма. Аксинья со страхомъ забилась въ уголъ и не смѣетъ двинуться, чтобы не привлечь на себя вниманія мужа. Ей по опыту извѣстно, какъ оно дорого стоитѣ. Къ участи сына она относилась равнодушно, какъ къ чему-то неизбѣжному. «Знать не больно, коли не кричитъ» — такъ разсуждала она и ни однимъ словомъ не защищала сына. А Ванька тою порой, пользуясь темнотою, пробирается къ двери. Явилась у него одна мысль, и на нее-то онъ возлагаетъ всѣ свои надежды. Василій шаритъ въ шкафу, а Ванька уже у двери. Вотъ онъ схватился за скобу, толкнулъ ее, и дохнула на него темная, холодная ночь. Что-то отецъ кричалъ въ слѣдъ, но Ванька ничего не слышалъ,—такъ занятъ онъ былъ своей новою мыслью, такъ всецѣло былъ ею поглощенъ. Волчокъ, визжа и прыгая отъ радости, встрѣтилъ его на дворѣ. Ванька это замѣтилъ на минуту, но тотчасъ же забылъ. Глубокая, непроглядная тьма смотрѣла на него; вѣтеръ взметалъ цѣлые столбы снѣга, рвалъ на немъ ватный зипунъ, засыпалъ его снѣжною пылью. Но Ванька ничего не замѣчалъ.—«Убѣгу, убѣгу,—твердилъ онъ воспаленными губами,—хоть на край свѣта, но уйду отъ нихъ, чтобы не били». На минуту передъ нимъ мелькнула мать и жалость почувствовалъ къ ней, но въ своемъ ожесточеніи противъ всѣхъ

онъ прогналъ и это чувство. Явились было и сестренки съ блѣдными, чахлыми личиками, но и ихъ онъ тотчасъ же забылъ. Такъ озлоблено было его дѣтское невинное сердце!... Покатилась слеза по лицу и тихо застыла на рѣсницѣ... И метель, и вѣтеръ добрѣе тѣхъ, которыхъ онъ оставилъ. Вѣдь если они и завываютъ, то потому, что самимъ тяжело пришлось. Вотъ налетѣлъ вѣтеръ, развѣялъ его кудри, пробрался подъ ватный зипунъ, и думаетъ Ванька, что тутъ не ему одному тяжело, а всѣ о чемъ-то тоскуютъ. На всѣ лады завываетъ метель, а Ванька дальше бѣжитъ. Деревня давно осталась позади и начались поля. Угрюмо стоялъ, весь засыпанный снѣгомъ, лѣсокъ, жалобно шелестя своими голыми вѣтвями. Запыхался Ванька, усталъ; и вотъ чудится ему, что кто-то ласково кладетъ его на землю, а онъ не сопротивляется,—нѣтъ, онъ съ наслажденіемъ ложится на мягкую, пуховую постель. Мелькнулъ на минуту Волчокъ; Ванька опустилъ руку въ его мохнатую шерсть, и хорошо ему. Вотъ кто-то покрываетъ его бѣлымъ, нѣжнымъ одѣяломъ. Обрывки мыслей летятъ въ его головѣ. Вспомнились лѣтнія ночи, звѣзды небесныя, и кажется все, что чей-то голосъ шепчетъ: спи, Ваня, спи. И крѣпче обхватываетъ онъ Волчка, прижимаясь къ нему; тихій сонъ смыкаетъ его глаза. Опять припомнился сосѣдъ Иванъ съ савраской, но ему уже не жаль ихъ; нѣтъ, они спятъ на такой же мягкой постели, подъ ту же сладкую пѣсню. Раскрылъ Ванька глаза и видитъ, что съ неба летятъ бѣлые духи, много ихъ, цѣлая вереница.—«Ангелы»,—шепчутъ губы, и припоминаетъ онъ, какъ они звѣздами играютъ. А метель бѣсится и вьется кругомъ. Волчокъ чувствуетъ, что дѣло не ладно: не привыкъ онъ видѣть своего друга на такой мягкой постели, покрытаго бѣлымъ одѣяломъ. Все тревожнѣе становится онъ: то, прижавшись къ Ванькѣ, начинаетъ обнюхивать и лизать его, то завываетъ, протяжно и тоскливо, среди унылаго плача природы. Подергаетъ Ваньку за руку, снова полижетъ лицо, но видитъ, что дѣло плохо: Ванька спитъ и не хочетъ подняться. Вотъ издали донеслось ржаніе лошади, чей-то крикъ, но вой метели унесъ слова, и опять слышенъ только плачъ вьюги. Волчокъ насторожилъ уши и чутко прислушивается. Онъ оставляетъ Ваньку и бросается въ сторону. Ныряя въ снѣгу, онъ тревожно прислушивается и томительно взвываетъ. Все ближе и ближе приближается кто-то. Лошадёнка невесело переступаетъ, погружаясь по колѣна въ снѣжные сугробы, вся засыпанная снѣгомъ. Волчокъ громче

взываетъ; не жаль ему своего голоса,—отъ него вѣдь зависитъ спасеніе Ваньки. Въ темной мглѣ яснѣе выступаютъ розвальни съ савраской. Дядя Иванъ возвращается домой съ тайной добычи. Только въ такую ночь и можно было порубить дровецъ въ чужомъ лѣсу,—никто не увидитъ и не услышитъ. Волчокъ прыгаетъ возлѣ него, кидается на лошадь и тревожнымъ визгомъ заставляетъ дядю Ивана отправиться вслѣдъ за нимъ. Такимъ-то образомъ Волчокъ спасъ своего друга отъ крѣпкихъ объятій старика-мороза, отъ пуховой, бѣлоснѣжной постели его, и мальчикъ снова началъ свою тревожную жизнь. До сихъ поръ его сердце еще не успѣло окончательно ожесточиться,—нѣтъ, онъ всюду искалъ привѣта, ласковаго слова, но нигдѣ не находилъ его. Такъ тяжело сознавалъ онъ свое одиночество, такъ давили его всѣ невысказанныя мысли, что случалось, онъ чего-то горячо просилъ у Бога; слова срывались съ губъ, но онъ самъ не сознавалъ, чего ему нужно, только чего-нибудь другаго. Впрочемъ, за послѣднее время подобныя минуты становились у Ваньки рѣже; какія-то другія мысли вкрадывались въ него, и онъ уже не завидовалъ, когда ласкали другихъ дѣтей. Нѣтъ, теперь вдругъ явилось что-то враждебное и къ этимъ дѣтямъ, и къ отцамъ ихъ, и къ ласкамъ. Одна мысль порой приходила къ нему и утѣшала его одинокаго, забытаго всѣми. Это была надежда на отдыхъ у Бога. Ему смутно представлялось, что его ждетъ на небѣ; но всякій разъ, когда онъ уносился туда, гдѣ ангелы и звѣзды, что-то святое осѣняло его. Тамъ и его приласкаютъ и можетъ-быть даже больше, чѣмъ другихъ; вѣдь Богъ видитъ, что здѣсь Ванька одинокъ, что его бьютъ, а другимъ и теперь хорошо живется. Но въ послѣднее время одна ужасная, угрюмая дума явилась слѣдствіемъ его размышленій. Она въ мигъ отнимала у него весь свѣтъ, всю радость, и только темная ночь ложилась передъ нимъ безъ малѣйшаго проблеска лучей. До такой степени онъ привыкъ относиться недовѣрчиво ко всѣмъ радостямъ, что и здѣсь запало вдругъ въ его дѣтскую душу сомнѣніе, и хоть Ванька отгонялъ его, но оно назойливо являлось при всякомъ удобномъ случаѣ.

«Что если и тамъ не будетъ радости? — шепталъ онъ въ безконечномъ своемъ страхѣ.—Что если и тамъ Ваньку не примутъ и не приласкаютъ? Вѣдь если всѣ люди отвернулись отъ него, значитъ—онъ злой, дурной, а такихъ на небо не принимаютъ. Вѣдь онъ мамку и всѣхъ своихъ не любитъ, и когда попъ на исповѣди спрашиваетъ его объ этомъ, онъ прямо гово-

ритъ: нѣтъ, не люблю. А когда Богъ спроситъ, онъ Ему то же отвѣтитъ». Тяжело приходится Ванькѣ; онъ чувствуетъ, что если это такъ, то лучше пойти къ водяному, къ русалкамъ, потому что тамъ его не станутъ наказывать. Такъ трепетало его дѣтское, обливавшееся кровью, сердце въ темныхъ сомнѣніяхъ, въ боязни чего-то еще болѣе страшнаго; онъ, какъ пугливый звѣрекъ, опасался новыхъ бѣдъ и боялся заглядывать впередъ. Ванька искалъ выхода, и только воскресавшая природа нѣжнымъ дыханіемъ своимъ приносила ему примиреніе и забвеніе всѣхъ золъ. Онъ начиналъ мечтать, и мечты заглушали горькую правду. И Ванька жилъ, жилъ по-своему, больше мучаясь, а иногда даже полной, своеобразною жизнью — всегда въ сторонѣ отъ людей, потому что отъ нихъ онъ встрѣчалъ только насмѣшки и обиды. «Ванька-пастухъ день ото дня дурѣетъ»,—говорили о немъ въ деревнѣ, и главнымъ признакомъ дурковатости считалась его постоянная задумчивость. Бывало, лѣтомъ, отправятся дѣвки и ребятишки въ лѣсъ за ягодами или грибами и натолкнутся на Ванькино стадо. А онъ и не замѣчаетъ никого, смотритъ въ небесную высь, точно унесся съ земли своей думой. И дѣти, и взрослые одинаково не взлюбили Ваньку. Можетъ-быть въ этомъ сказывалось ихъ тайное сознаніе его превосходства надъ ними, и за это его не взлюбили. Съ годами Ванька все болѣе уходилъ въ самого себя. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось подобное состояніе, еслибы не совершилось въ его жизни событія, открывшаго ему много радостей; оно бросило внезапно нѣсколько свѣтлыхъ лучей, которые согрѣли и приласкали Ваньку. Онъ пересталъ быть забытымъ и одинокимъ. Видно, сжалилась надъ нимъ, наконецъ, сердитая мачиха-судьба.

III.

Мирно, привѣтливо раскинулось село Спасское на самомъ берегу Волги. Нырнуло оно въ глубокую зелень и укрыло свое убожество, свои кривыя хаты подъ ея ласковою тѣнью. Выступитъ песчаный оврагъ, круто спускаясь къ рѣкѣ, омывающей его своими волнами, а затѣмъ опять та же манящая, зеленая даль. Бѣлая церковь потонула въ плакучихъ березахъ, и только колокольня протянулась высоко къ небу. Шагахъ въ пятидесяти отъ сельскаго кладбища, переполненнаго деревянными крестами, среди густыхъ, заросшихъ кустовъ сирени и черемухи, выгля-

дываетъ новое одноэтажное строеньице. Празднично смотритъ оно съ своими цѣльными, переливающимися всѣми цвѣтами радуги, стеклами, съ красною крышей и чистымъ крыльцомъ; точно сознаетъ свое превосходство надъ кривыми, призадумавшимися сотоварищами—избами крестьянъ. Особенно горделивы ставни, съ какими-то необыкновенными красными цвѣтами въ синихъ вазахъ; онѣ выказываютъ полное пренебреженіе ко всѣмъ собратьямъ, которые завистливо на нихъ поглядываютъ съ своихъ заржавленныхъ петлей. Большая черная доска съ бѣлыми буквами, придѣланная при входѣ, гласитъ, что въ этомъ домѣ помѣщается земская школа. Надъ крыльцомъ вертится красный пѣтухъ. Много разговоровъ, много краснорѣчія было истрачено въ засѣданіяхъ земскаго собранія по вопросу объ устройствѣ школы въ селѣ Спасскомъ, такъ какъ подобное устройство являлось вопіющею необходимостью въ виду того, что на 15 верстъ кругомъ не было школы.

И вотъ былъ выстроенъ въ селѣ Спасскомъ домикъ для школы въ русскомъ вкусѣ, посреди зелени, въ виду гигіеническихъ условій; а въ мартѣ того же года съ послѣднимъ саннымъ путемъ пріѣхала учительница, Елизавета Михайловна Дроздова.

Уже вечерѣло. Былъ одинъ изъ послѣднихъ, еще довольно сильныхъ мартовскихъ морозовъ. По Волгѣ тащилась пара ямщицкихъ лошадей, впряженныхъ въ плохенькія деревенскія сани. Видно было, что онѣ совершили уже далекій путь. Ямщикъ дремалъ, понуря голову. Лишь изрѣдка онъ выпрямлялся, покрикивая на лошадей, и снова впадалъ въ дремоту. Кругомъ нѣмая тишина. Изрѣдка по берегу мелькали огоньки въ деревняхъ, но тотчасъ же тонули въ глубокомъ мракѣ. Далеко раскинулась снѣжная равнина, и гнетущее молчаніе смерти лежало надъ землей, цѣпенѣвшей въ холодныхъ, мертвыхъ объятіяхъ мороза; изрѣдка вѣтеръ пробѣгалъ по бѣлому покрову и съ тихимъ шорохомъ уносился дальше. Ни одной звѣзды не свѣтилось въ угрюмомъ, будто черномъ, небѣ. Въ саняхъ сидѣла молодая особа въ ватномъ суконномъ пальто и поношенной шляпкѣ. Худое, истощенное лицо ея зарумянилось отъ мороза. Черные глаза то закрывались отъ усталости, то вдругъ загорались огнемъ. Холодъ забирался подъ ея салопъ. Это и была будущая учительница Спасской школы. Она тщательно закрывалась тоненькимъ пледомъ, но члены оцѣпенѣли до того, что она перестала ихъ чувствовать. Какое-то странное

состояніе овладѣвало ею: тѣло замирало отъ холода, а мысль усиленно вдругъ заработала и вызвала цѣлую вереницу воспоминаній изъ прошлаго. Иногда они стихали, затѣмъ возставали съ удвоенною силой. Казалось, мертвенная тишина разбудила ихъ; словно призраки вставали они въ ночной мглѣ. А скрипъ полозьевъ еще больше надрывалъ сердце.

«Итакъ, тамъ все кончено, окончилась первая половина жизни. Что было въ ней?—Только обманутыя ожиданія, порой нестерпимая, порой ноющая скорбь, и больше ничего. А сколько упованій сгорѣло въ эту жаркую молодость!... Исполнилось ли хоть одно? — «Нѣтъ», подсказало сердце. А какъ жить-то хотѣлось, какъ жаждалось счастья и любви!... Но они шли мимо; приближалось горе, и хоть губы шептали: «довольно его, дайте отдыха, жизни», но ничего не помогало... Точно проклятье тяготѣло... Неустанная борьба разума съ чувствомъ обусловливала весь драматизмъ жизни, потому что нельзя было жить въ противорѣчіи съ собой... И въ итогѣ—чахотка...»

— Эхъ какъ жизни жаль!—даже вслухъ проговорила она.

— Что, барышня, говорить изволишь? Мнѣ, что ли? — отозвался вздремнувшій ямщикъ съ козелъ.

Она молчала. Ямщикъ задремалъ опять. Лошаденки бѣжали мелкою рысцой. Мертвая тишина не нарушалась ни однимъ звукомъ, а мысли бились и работали. Вся жизнь до мелочей вдругъ предстала ея разстроенному воображенію и, какъ тѣни, неслись воспоминанія. Вспомнилось дѣтство. Оно-то въ своемъ спокойствіи и подготовляло всю горечь дальнѣйшей жизни. Наряды, французскій языкъ, гувернантки, учителя и полное отсутствіе основныхъ познаній людей и свѣта. Всѣ любовались прелестной дѣвочкой, когда она, сидя на штофной мебели гостиной, занимала, въ ожиданіи maman, гостей.

— Quelle beauté,—восклицали они, и это пріятно щекотало ея дѣтское самолюбіе.

«Посмотрѣли бы теперь», — вдругъ подумалось ей, и что-то тяжело застонало въ груди.

Весь міръ, все человѣчество ограничивались тогда для нея этою гостиной и кружкомъ говорившихъ по-французски людей. Двери въ мрачную область тщательно скрывались. Жизнь для нея являлась не томительною борьбой, а постояннымъ праздникомъ, на которомъ она должна была играть одну изъ первыхъ ролей. Впрочемъ, и тогда уже бывали минуты такого сильнаго дѣтскаго го-

ря, что можно было предвидѣть возможность будущей драмы. Иногда безъ всякой причины Лиза вдругъ заливалась слезами, говоря, что все ей надоѣло, что она умереть хочетъ. Старушка няня крестила ее, увѣщевала, и Лиза смирялась на время. Только заберется куда-нибудь въ уголъ и долго сидитъ тамъ. Потомъ перекрестится, сдѣлаетъ земной поклонъ, и опять звенитъ ея хохотъ, опять разливается веселье. Но вдругъ предстала грозная дѣйствительность. О, какъ завидовала тогда Лиза тѣмъ несчастнымъ, заброшеннымъ дѣтямъ, которыя выступили въ ту вѣковѣчную борьбу съ первыхъ дней своей жизни. Они и не знали никогда радости, они могли ожидать впереди только лучшаго, потому что нечего было терять. Ихъ не поражалъ тотъ хаосъ, который раскрылся передъ ней, когда она самостоятельно вышла на жизненную дорогу,—вышла одинокая, безъ всякаго содѣйствія.

«Да, забытая, а главное — ненужная!—и теперь мучительно билась мысль.—Другая бы давно привязала камень на шею, да въ воду, а я ѣду учить дѣтей. Эка проклятая, животная привязанность къ жизни!... Но, Боже, еслибы здѣсь былъ успѣхъ, вѣдь тогда все бы забылось!... Можетъ-быть даже счастье бы началось... А чахотка... Докторъ сказалъ: плохо... Господи, да неужели ужь такъ плохо? Неужели нѣтъ возврата къ жизни?... А сколько въ ней мучительнаго счастья... Вонъ заблестѣла звѣзда; можетъ-быть это мнѣ...» Кашель прервалъ нить мыслей.

«О, мечты!... Нечего утѣшать себя радужными надеждами,— видно, скоро конецъ. Страшно!... Въ могилѣ тихо, забвеніе, но въ этой тишинѣ весь ужасъ. Жить, желать, терзаться и взамѣнъ всего—одна тишина. Оставить весь міръ, муки и отчаянія и перестать существовать. А рядомъ—то же забвеніе, та же награда другому мученику... Могилы, деревянные гробы и голыя кости... О, все, только не это... Чье-нибудь посинѣлое лицо и червь, впившійся въ него—этотъ судья людей...»—Она заплакала, вся дрожа. Рука Лизы закоченѣла. Она это почувствовала и начала тереть ее. Мрачныя думы стихали.

— Андрей, скоро ли пріѣдемъ?—позвала она ямщика, чтобы что-нибудь сказать,—мертвая тишина пугала ее.

— Теперь скоро, сейчасъ село Городищи, а тамъ 15-ти верстъ не будетъ,—отвѣчалъ онъ, постегивая лошадей, а черезъ минуту опять дремалъ.

Лиза откинулась на задокъ саней и только-что закрыла глаза, какъ думы опять полетѣли въ прошлое. Передъ ней стоитъ

нарадный каменный домъ ихъ. Въ большой двухсвѣтной залѣ тишина; всѣ зеркала завѣшаны; въ бѣломъ глазетовомъ гробу лежитъ ея мать, красивая и нѣжная, какъ одинъ изъ окружавшихъ ее цвѣтовъ.—Поздно ночью вернулась она съ бала, почувствовала вдругъ дурноту и, не успѣвъ снять роскошнаго розоваго платья и вѣнка бѣлыхъ розъ, слабо вскрикнула и тотчасъ же скончалась. Такъ тихо, кротко она спала, точно бабочка, упившаяся ароматомъ цвѣтка. Лизѣ тогда въ первый разъ представилась смерть во всемъ ея безконечномъ могуществѣ, и она ее поразила. До сихъ поръ Лиза никогда не видала покойника. Чувство ужаса усиливалось при видѣ кроткаго лица матери, въ которой она искала хотя бы искру жизни. Какую-то тайну отгадывало это лицо, и для Лизы это была тайна жизни.

«Вотъ жила блестящая, добрая, не могли налюбоваться на нее, и вдругъ всему конецъ,—трепетала тогда Лиза.—Вотъ синія тѣни ложатся на чудное лицо, испортили его. Похоронятъ— и никто не вспомнитъ о ней, всѣ забудутъ... Что же дѣлать, чтобы не забыли такъ скоро?—бился тревожный вопросъ.—Кого ласкать, кому дѣлать добро?»

Она опять всматривалась въ дорогое лицо, изучала каждую омертвѣвшую черточку, и все открывало передъ ней новый міръ, полный тревожныхъ запросовъ и сомнѣній. Тишиной могилы вѣяло отъ покойницы, а Лиза ощущала страстный приливъ жизни. Она вскрикнула и упала безъ чувствъ. Мать похоронили, а мысль дѣвочки послѣ перваго пробужденія усиленно работала. Часто казалось, что грудь разрывается отъ необычайнаго притока мысли и чувства. Учителя были поражены перемѣной Лизы,—ея вопросы сбивали ихъ и смущали. Отецъ ея, генералъ Дроздовъ, ставилъ имъ первымъ условіемъ, чтобъ они избѣгали всякихъ сомнѣній, а главное—всѣхъ модныхъ современныхъ идей.—«Знайте, что у ней всегда будетъ кусокъ хлѣба,—говорилъ онъ,—а потому ей нужно одно только свѣтское образованіе. Пусть съ своимъ либеральничаніемъ сидятъ господа по чердакамъ и въ подвалахъ, а мы будемъ жить честными, порядочными людьми».—И вдругъ случилось то, чего такъ боялся генералъ. Явилась новая жизнь и громко заявляла о себѣ. На всѣ мольбы Лизы разъяснить ея сомнѣнія учителя отвѣчали увертками, увеличивая этимъ вопросы и ея горе. Скоро она поняла, что здѣсь нечего искать разрѣшенія. Она схватилась съ какой-то отчаянною рѣшимостью за Евангеліе и всею душой углубилась въ великія божественныя истины.

Минутами, вникая въ глубокій смыслъ ученій, ей казалось, что она слышала самого поучающаго Учителя, и новый свѣтлый міръ идей все шире раскрывался передъ нею. Вставало что-то великое, осѣненное божественнымъ свѣтомъ, но еще не постигаемое. «Блажени алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся»; и Лиза искала правды со всею стремительностію молодаго существа, но двери въ это святилище не отворялись для нея. «Толците и отверзятся», но для нея оставались закрытыми. «Послѣдніе да будутъ первыми», но вѣдь здѣсь она одна изъ первыхъ, хотя она же нищая духомъ, и больная душа ея томилась въ безчисленныхъ противорѣчіяхъ. Часто по ночамъ старуха-няня слышала ея тяжелыя, одинокія рыданія, но не подходила къ ней; она сознавала, что происходитъ что-то превосходящее ея пониманіе. Старушка съ глубокимъ чувствомъ отзывалась на всякій призывъ Лизы и тайно молила Пречистую уврачевать ея раны. Евангеліе было перечитано нѣсколько разъ; пытливый умъ получилъ еще большій толчокъ, но читать было нечего. Одинъ учитель тайкомъ сталъ приносить книги. Лиза напала на нихъ со всею свойственной ей стремительностію, но скоро ихъ источникъ изсякъ, — учитель испугался. Няня достала у сосѣдей нѣсколько книгъ. Здѣсь была одна часть исторіи французской революціи, Тьера, былъ какой-то романъ Евгенія Сю и разсказы Горбунова. Кромѣ того, въ библіотекѣ генерала Лиза нашла нѣсколько №№ старыхъ *Отечественныхъ Записокъ* и три романа Жоржъ Занда. И больше не оставалось ничего. Весь этотъ сбродъ не могъ успокоить ея встревоженнаго духа,—всякая прочитанная книга только увеличивала сомнѣнія, не давая отвѣта на нихъ. Часто изнемогая подъ бременемъ мысли, Лиза, рыдая, бросалась на шею къ нянѣ, а та только нѣжно крестила ее. И теперь, въ глубокомъ мракѣ ночи, кажется ей, что воскресаютъ тѣ минуты, когда при мерцающемъ свѣтѣ лампадки старушка шептала псаломъ Давида, и Лиза смирялась на время и отдыхала.

«Няня, разскажи мнѣ, какъ у васъ живутъ,—говорила она, немного успокоившись.—Вѣдь я ничего не знаю, такъ научи же меня, научи».—И начинались разсказы старушки про тяжелую участь крестьянъ, про бѣдность ихъ и про многое другое, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Говорила она и про сосѣдку, которая тоже барышней была и вышла замужъ за чиновика,—какъ съ бѣдности спился онъ, и теперь прежняя барышня по міру ходитъ. А Лиза слушала и сердце ея обливалось кровью.—«Да полно, Лизанька,

томиться-то, вѣдь за всѣхъ не перемучаешься»,—утѣшала няня. Силы кипѣли въ груди и требовали выхода,—пассивное положеніе становилось невозможнымъ. Жажда жизни томила, жгла ее; хотѣлось подвига, страсти. Хотѣлось самопожертвованія во имя идеи, во имя человѣчества. Нѣсколько разъ ей снилась Жанна Д'аркъ. Стало душно, нужно было бурь и грозъ. Лизѣ во все время ея томленій счастье не являлось мечтой: думала она о всемірномъ страданіи и сама хотѣла страдать. Передъ ней вдругъ открывался цѣлый міръ горя; Лиза заглядывала впередъ: онъ тянулся безъ конца. Она стала бывать у несчастной сосѣдки и другихъ бѣдняковъ, разумѣется, въ тайнѣ отъ отца, который, какъ истый баринъ, и не подозрѣвалъ всей драмы, находя, что Лиза стала за послѣднее время еще красивѣе съ своимъ задумчивымъ выраженіемъ. Разъ какъ-то она обратилась къ нему съ своимъ горемъ. Но здѣсь не было никакого сочувствія,—напротивъ, онъ вдругъ прозрѣлъ, что совершилось то, чего такъ опасался. Жизнь Лизы ухудшилась, благодаря неусыпному надзору отца. Она прямо заявила ему, что такъ жить не можетъ, какъ жила до сихъ поръ, что она оскорбляетъ достоинство человѣка, живя только своей собственной жизнью.

«Буду трудиться, чтобы принести пользу. Пусть лучше умру обезсиленная, а жить, какъ я прежде жила, не буду и не хочу»,—категорически заявила Лиза. Генералъ видѣлъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко, но своимъ упорствомъ еще надѣялся уничтожить всѣ ея бредни. Сцены между ними стали повторяться чаще, и Лиза мучилась вдвойнѣ. Въ одну ночь она рѣшила, что должна покончить со всѣмъ прошлымъ и, крѣпко обнявъ старушку, навсегда оставила свой домъ.

Весь ужасъ этой ночи опять воскресалъ передъ Лизой. Безграничныя стремленія, смутные идеалы о міровомъ равенствѣ, любви и, рядомъ, постоянное сознаніе своего безсилія. Одна, кругомъ все чужіе, даже не было няни, всюду пустыня... Угрюмо, непривѣтливо смотрѣлъ міръ. Никому не было дѣла до нея. А въ сердцѣ и головѣ какой-то безобразный хаосъ. Мысли и чувства неслись въ полномъ безпорядкѣ, убивая другъ друга своимъ противорѣчіемъ. Была минута, когда Лиза захотѣла убить себя. Уже намѣшала головокъ фосфорныхъ спичекъ, но жажда жизни была еще сильна, и она осталась жить. Главное—вспомнила въ ту самую минуту всѣхъ несчастныхъ и рѣшила бороться. Борьба ужасала и соблазняла ее. Какая-то пропасть передъ ней раскрылась, и ей, затая дыханіе, хотѣлось въ нее броситься. Она жила въ ма-

ленькой конуркѣ, платя за нее изъ своихъ собственныхъ денегъ, полученныхъ за два ничтожныхъ урока. Изъ дома Лиза ничего не имѣла. Рядомъ съ ней жилъ одинъ студентъ. Глубокія ночи просиживалъ онъ за книгами, блѣдный огонекъ свѣчи мигалъ ей въ щели, а Лиза мучилась въ своей агоніи. Ей давно уже хотѣлось пойти къ нему попросить его помощи, но страшно было,— она не знала этихъ людей. Оставалась какая-то прежняя черта и самолюбіе не позволяло идти первой къ этому рѣзкому, грубому человѣку. Но въ одинъ вечеръ, когда длиныя полосы свѣта ложились въ ея комнату изъ сосѣдней конуры, а думы, казалось, дошли до крайняго предѣла, она отважно отворила дверь и была въ комнатѣ сосѣда. Онъ сочувственно отнесся къ ней и предложилъ свою помощь. Впрочемъ, Лизѣ казалось, что студентъ не понялъ ее. Онъ видѣлъ въ ней несчастную дѣвушку, а она была алчущая и жаждущая правды и примиренія съ собой. Онъ не понялъ всей бездны ея мученій. Съ этихъ поръ ея одиночество кончается, но развѣ становится лучше?—Нѣтъ, мученія продолжались. Она чувствовала себя чужой и въ этомъ обществѣ. Случалось, въ большой компаніи студентовъ и студентокъ, когда гамъ стоялъ въ воздухѣ отъ всевозможныхъ рѣчей, когда страстно и горячо давались клятвы служить общему дѣлу, Лиза, безъучастная и непонятая, уходила куда-нибудь въ уголъ и съ смертельною тоской искала чего-то въ безотрадной ночной тьмѣ. Казалось, ей мѣста не было на свѣтѣ, а въ могилу еще не хотѣлось. Она слушала, какъ высказывались самыя либеральныя идеи, иногда даже тѣ, которыя сама разрѣшала, и странно ей казалось, что это что-то другое—для нея непонятное. Ни съ кѣмъ близко она не могла сойтись; всѣ относились къ ней нѣсколько свысока, считали за аристократку. Никто не хотѣлъ понять ея больной души, а она не могла понять ихъ. Общія стремленія складывались въ такія чуждыя другъ другу формы, что, казалось, исчезало самое ихъ родство. Когда авторитетныя имена Лассаля, Прудона, Маркса и другихъ сыпались въ рѣчахъ всѣхъ, Лизѣ горько чувствовалось, что она ничего не знаетъ, что эта область для нея—неоткрытая земля. Она продолжала биться, читать и догонять другихъ. Только одинъ студентъ выказывалъ къ ней большее сочувствіе. Онъ недавно окончилъ курсъ семинаріи и теперь былъ на верху блаженства. Некрасивый, весь въ веснушкахъ, съ рыжими волосами, онъ во время собраній сидѣлъ всегда скромно въ углу, не рѣшаясь ни однимъ звукомъ заявить о своемъ при-

сутствіи. Краснѣвшій при каждомъ словѣ, стундентъ былъ какъ-то жалокъ Лизѣ, и она съ нимъ говорила. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ знакомства, онъ, сгарая отъ смущенія, признался ей въ любви. Лиза оборвала его съ перваго слова, и отношенія ихъ окончились. Другой господинъ, громко кричавшій на собраніяхъ, хотя и не пользовавшійся популярностью, предложилъ ей жить съ нимъ гражданскимъ бракомъ. Возмущенная Лиза, вся въ слезахъ, умоляла его уйти. Такъ проходила ея тяжелая жизнь. Утромъ она бѣгала по урокамъ и, казалось, забывала свое горе, а вечеромъ мучилась отъ думъ, воспоминаній и противорѣчій. Между тѣмъ здоровье все слабѣло; появился скверный сухой кашель, грудь начала болѣть. Тѣмъ не менѣе одна мысль о смерти приводила ее въ неизъяснимый трепетъ. Надежда на что-то лучшее не хотѣла ее оставить, и она рѣшила ѣхать учительницей въ сельскую школу.

«Тамъ дѣти, эта святая, нетронутая сила,—думалось ей;—можетъ-быть въ нихъ-то и найду обновленіе».

И она уже горячо любила ихъ.

«Вѣдь и въ крестьянахъ много хорошаго,—продолжала разсуждать она,—можетъ они инстинктивно поймутъ такихъ скитальцевъ, какъ я, и не отвернутся... Только бы полюбили».И ей рисовалась картина, какъ будутъ къ ней приходить крестьяне благодарить за успѣхи дѣтей, а они, веселыя, умненькія, сидя за книгами, тоже будутъ радоваться.

«О, здѣсь можно забыть всякое горе, потому что увидишь столько новыхъ, здоровыхъ жизней, столько непочатыхъ силъ для борьбы!»

Лиза уже знала теперь эту борьбу и съумѣетъ къ ней приготовить.

«Честные, сильные, добрые, — шептала она въ умиленіи. — Только вотъ грудь болитъ, но это ничего, — скоро весна все исцѣлитъ».

Ей представлялось ея будущее житье.

«Говорятъ, на Волгѣ, это хорошо... Тамъ легче думается и чувствуется... И такъ далеко отъ цивилизованнаго міра. Это тоже хорошо. А потомъ и няня пріѣдетъ...»

Ей вдругъ стало очень легко. Всѣ черныя стороны исчезали, оставалась лишь свѣтлая, тихая жизнь.

«Да, здѣсь воскресеніе и примиреніе со всѣмъ прошлымъ. Только бы силъ побольше, а главное— любви...»

Она осмотрѣлась кругомъ. Среди снѣжной равнины мелькали огоньки, гдѣ-то лаяла собака.

— Андрей, что, пріѣхали? — радостно спросила Елизавета Михайловна.

— Пріѣхали, барышня, слава тебѣ Господи. Ужь, видно, больно соскучилась. Да и шутка сказать, изъ Москвы изволишь ѣхать. Небось всѣ косточки растрясла. Тоже чугунка томить людей любитъ. Оретъ, шумитъ, гудитъ, да и дѣло дѣлаетъ. Самому ѣзжать не приходилось, а тоже видалъ. Диковинка!...—говорилъ старикъ-ямщикъ, самъ обрадовавшійся концу путешествія.—Эй, вы, голубчики!—прикрикнулъ онъ на лошадей, и онѣ, радостно пріободрившись, рысцой затрусили по гладкой дорогѣ.

И крикъ Андрея, и его слова, и приближающіеся, мелькающіе огоньки—все это ей необыкновенно понравилось. Она закуталась въ пледъ и съ ожиданіемъ стала смотрѣть вдаль. Бѣлая церковь рѣзче выступала изъ ночной мглы; чернѣлись, слабо обрисовываясь, крестьянскія избы.

«Новая жизнь, новые люди, — думалось ей. — О, еслибы здѣсь не прожить безслѣдно! Пусть даже теперь и не оцѣнятъ,— не нужно ихъ благодарности; можетъ когда-нибудь на могилу мою придетъ кто изъ бывшихъ учениковъ, помолится, пожалѣетъ, положитъ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ. Да не нужно и этого,— только бы въ сердцѣ почувствовали. Господи, что-то будетъ!»

И ей хотѣлось вѣрить въ счастье и будущее.

Огоньки приближались, и нѣкоторые дома уже рельефно выступали изъ глубокой теми мартовской ночи.

IV.

Елизавета Михайловна поселилась въ новомъ домикѣ села Спасскаго. Дни проходили за днями, а свѣтлое чувство, появившееся въ ней при въѣздѣ въ село, оставалось нетронутымъ. Минутами являлись жгучія воспоминанія, но мирное настроеніе ея не нарушалось; напротивъ, чѣмъ тяжелѣе были они, тѣмъ болѣе росла и крѣпла вѣра въ будущее. Все пережитое ею казалось только приготовленіемъ для этой новой жизни. Она была такъ полна своимъ чувствомъ, что не замѣчала ни полнѣйшаго равнодушія, ни подчасъ косыхъ взглядовъ окружающихъ. Старуха, прислуживавшая ей, все что-то ворчала, но Лиза этого не замѣчала. Она даже любила смотрѣть на ея лицо, покрытое безчисленными мор-

щинками,—оно напоминало ей няню. Школа еще не открывалась. Лиза предложила крестьянамъ, чтобы дѣти начали ходить учиться до ея открытія, но получила въ отвѣтъ, что великимъ постомъ Богу молиться надо, а не съ книжками сидѣть. Ее это не обидѣло. Напротивъ, она вполнѣ сознавала правоту ихъ.

«Пусть молятся,—вѣдь въ этомъ все счастіе ихъ, вѣдь суровая доля ихъ озаряется однимъ свѣтомъ, свѣтомъ религіи». И она была полна ожиданія и вѣры. Лиза убрала свою комнату, достала у дьяконицы горшокъ герани съ бархатистыми, красными цвѣтами, сама вымыла старенькія кисейныя занавѣски и торжественно повѣсила ихъ на окнахъ своей комнаты. И все ее восхищало. Даже здоровье не ухудшалось, несмотря на сильную весеннюю слякоть. Кашель все еще былъ, но не очень мучительный. Вообще она вдругъ опять почувствовала себя совсѣмъ молодой, и столько силъ кипѣло въ груди, столько являлось ожиданій, что невольно вѣрилось въ возможность жизни. Бывали такія минуты, когда ей хотѣлось обнять весь міръ. И деревня, и подчасъ грубые крестьяне, и ихъ неприглядная жизнь окрашивались для нея какимъ-то розовымъ свѣтомъ. Самое горе ихъ не пугало ее, а только усиливало въ ней притокъ любви. А въ груди что-то жарко горѣло.

По вечерамъ она пускалась въ разговоры съ дьяконицей. Лиза находила много интереснаго въ этомъ субъектѣ и изучала его. Дьяконица, Аграфена Филипповна, была еще довольно молодая женщина; въ ней поражало сочетаніе полнаго, флегматичнаго лица съ необыкновенно страстнымъ темпераментомъ. Она твердо вѣрила, что «блаженъ, кто много возлюбилъ», и любила много. Мало-по-малу она начала посвящать Лизу въ свои сокровенныя тайны, и та слушала, находя даже и въ этомъ что-то своеобразное.

— А то вотъ еще,—начинала Аграфена Филипповна, сидя за чайной прокламаціей, какъ сама называла времяпровожденіе за самоваромъ,—проѣзжалъ здѣсь какъ-то разъ купецъ на Нижегородскую и заѣхалъ къ намъ въ село. Собой какъ розанъ хорошъ. Настоящій херувимъ: глаза съ поволокой, румянецъ во всю щеку, осанка княжеская,—ну, однимъ словомъ, душка. То-то весело было,—и начиналось длинное повѣствованіе о молодомъ «героѣ», объ его любви къ ней, какъ сердце ея, слабое, женское, не устояло противъ его чаръ, и такъ далѣе.

Аграфена Филипповна пользовалась въ селѣ самой широкою популярностью. Много она свадебъ устроила, много дѣтей окре-

стила и вслѣдствіе этого знала всѣ тайны спасскихъ обывателей. Всюду она являлась въ качествѣ родственницы. Это было могучимъ орудіемъ въ ея рукахъ. Она заводила безконечную канитель, ссорила всѣхъ, кого хотѣла, сплетничала со страстью и за силу свою пользовалась общимъ уваженіемъ. Аграфена Филипповна всегда помнила, что она была дочерью уѣзднаго городскаго священника и только по волѣ судебъ попала въ это захолустье, въ несчастное селишко, гдѣ почти всѣ доходы ограничивались съѣстными припасами. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ за ней былъ признанъ въ мѣстной аристократіи авторитетъ умной дамы, она примирилась съ захолустьемъ, и только въ грустныя минуты вздыхала о величіи своего городка. Въ другое время Лиза съ отвращеніемъ отвернулась бы отъ этой пошлой, недалекой женщины, но теперь ко всему она относилась крайне снисходительно; все занимало ее, какъ что-то совершенно новое, а главное—что должно было играть роль въ ея будущей дѣятельности. Такъ проходило время. Великій постъ уже кончался. Было начало апрѣля. Снѣгъ по полямъ почти весь стаялъ; шумные веселые ручьи оглашали окрестность своимъ радостнымъ говоромъ. Въ поляхъ сталъ пѣть жаворонокъ. Волга посинѣла и надулась. Какъ-то пролился первый весенній дождь. Въ воздухѣ было что-то животворное, счастливое, и Лиза это необыкновенно чувствовала. Послѣ Пасхи должны были начаться ея занятія. Весна, дѣло, милые ребята — все это сулило ей большія ожиданія. Она чувствовала, какъ жизнь охватывала ее своими живительными волнами и будила въ ней что-то страстное, молодое. Вмѣстѣ съ природой воскресала она. «Вотъ гдѣ счастье свое нашла,—радостно думала Лиза,—въ глуши, въ деревнѣ, у сермяжнаго мужика, какъ называла его няня. Мощь его коснулась меня и обновила». И она любила этого мужика, своего обновителя, хотя въ то же время вставали новые вопросы. Новое, незнакомое открывалось передъ ней. Этотъ мужикъ возбуждалъ въ ней странное недоумѣніе. Съ каждымъ днемъ убѣждалась Лиза, что до сихъ поръ она любила не этого сермяжнаго, часто пьянаго, горемычнаго крестьянина, а какого-то другаго, взлелѣяннаго и созданнаго ея фантазіей. Прежде она рисовала въ своемъ воображеніи русскаго богатыря съ цѣпями на рукахъ, съ страшнымъ ярмомъ, и поражалась той нетронутою силой, которая дремала въ его груди, проявляясь лишь въ безконечномъ мученическомъ терпѣніи. Казалось, Илья Муромецъ еще не собрался съ силами и въ ожиданіи сиднемъ сидѣлъ. Сѣрый мужикъ съ

его отрепьями и пороками стушевывался передъ этимъ богатыремъ-мученикомъ. Теперь же миражъ угасалъ: все ближе подходилъ мужикъ-гигантъ, блѣднѣлъ и удалялся. Это приводило Лизу въ страшное смущеніе; она продолжала покланяться поразительной выносливости несчастнаго народа, но чувствовала, что это не Илья Муромецъ, а рабъ, созданный для покорности. Когда ей случалось говорить съ крестьянами, всякій разъ она чувствовала что-то ложное въ отношеніяхъ съ ними, какой-то фальшивый звукъ вкрадывался въ ея слова. Часто Лиза видѣла, что они совсѣмъ другъ друга не понимаютъ. «Барышня добрая,—говорили про нее крестьяне,—только намъ такая не пригожа». Но до нея не доходили эти слова, и она надѣялась, что со временемъ сойдется съ ними ближе.

Наступила Пасха. Радостный звонъ колоколовъ наполнялъ теплый весенній воздухъ и далеко летѣлъ по спокойной поверхности рѣки. Ледъ уже прошелъ и, казалось, она отдыхала послѣ тяжелыхъ трудовъ; на поляхъ выползала зеленая бархатная травка; птицы заливались на всѣ голоса. Шумная, пестрая толпа тѣснилась на главной улицѣ села. Хохотъ, пѣсни, визгъ гармоники, щелканье подсолнуховъ, христосованье—все это сливалось въ одинъ праздничный звукъ. Парни въ красныхъ рубахахъ и плисовыхъ шароварахъ, въ поддевкахъ на распашку толпились около прекрасной половины спасскаго общества и сыпали отборными комплиментами. Громкій смѣхъ былъ лучшимъ одобреніемъ. Передъ разставленными палатками съ пряникали, орѣхами и конфектами сновала молодежь. Ребятишки всюду совали свои носы, облизывались, глядя на соблазны, и гремѣли своими копѣйками. Начинался настоящій праздникъ. Около кабака сидѣлъ отставной солдатъ, уже замѣтно охмелѣвшій, и жарилъ на балалайкѣ плясовую. Какой-то мужичонко, общипанный и оборванный, несмотря на праздникъ, долго торговался съ другимъ изъ-за косушки. Условіе было заключено, и онъ пустился, что есть мочи, отплясывать камаринскую. Общій хохотъ поощрялъ деревенскаго артиста.

— Молодецъ, Филька, молодецъ! Ишь валяетъ, чортовъ сынъ, что ногами-то выдѣлываетъ. Откалывай, братъ, откалывай!—доносилось изъ толпы, и Филька ухитрился сдѣлать такое па, что удостоился получить сверхъ ожиданій еще косушку. Въ другомъ мѣстѣ бѣлый, какъ лунь, старина затягивалъ слабымъ, дребезжащимъ голосомъ пѣсню и съ уморительными жестами приплясывалъ. Опять общій смѣхъ и веселье. Словомъ, всѣ праздновали.

Лизѣ вдругъ захотѣлось куда-нибудь подальше и отъ этого смѣха, и отъ веселыхъ людей. Горячее, живое чувство наполняло ее; хотѣлось остаться лицомъ къ лицу съ природой, можетъ даже заплакать отъ полноты души и снова о многомъ передумать. Она вышла на улицу. Толпа продолжала веселиться; сильнѣе раздавались пьяные голоса, кто-то громко ругался. Праздникъ лишался своего радостнаго настроенія. Лиза хотѣла поскорѣе выбраться изъ этого шума и, торопясь, пробиралась черезъ толпу. Многіе ей низко кланялись, но доносились иногда и остроты на ея счетъ.

— Пардонъ, мамзель!—вдругъ раздалось у ней надъ самымъ ухомъ, и пьяный, хорошо одѣтый купчикъ нагло заглянулъ ей въ глаза. —Можетъ проводить прикажете, потому тѣсно и съ женской слабостью затруднительно. Мы мужчины деликатные и насчетъ женскаго пола всегда готовы.—Онъ что-то еще говорилъ, а рядомъ съ нимъ разливался поощрительный хохотъ. Она ничего не слыхала и скоро шла впередъ. Только сердце сильно забилось и гадкое чувство вползало въ него. Вся эта праздничная картина вдругъ показалась отвратительной. Пьяныя лица, красныя отъ вина и жары, нагло и тупо смотрѣли на нее, какъ на чудо; гдѣ-то парень заигрывалъ съ бабами, и слышался ихъ пронзительный визгъ.

Помни, помни, другъ любезный,
Свою прежнюю любовь—

заливался пьяный. Въ кабакѣ громко ругались.

У Лизы слезы подступили къ глазамъ. Такъ безжалостно оскорбили ее свѣтлое, радостное настроеніе. Она ихъ любила, радовалась, что имъ весело, и вдругъ за это... Горько!

Село осталось позади. Озимыя поля растилались зеленымъ ковромъ. Подальше лѣсъ стоялъ черной, трепещущею стѣной. По весеннему небу плыли большія серебристыя облака. Оно точно радовалось, смотря на оживающую, дышащую полною грудью, землю, и привѣтливо, ясно улыбалось новой жизни. Легкій туманъ ползъ надъ полями, синеватою мглой застилая далекіе лѣса, и, казалось, таялъ въ ослѣпительныхъ солнечныхъ лучахъ. Лиза посмотрѣла кругомъ: всюду встрѣчалъ ее задумчивый, счастливый шепотъ природы. Радостное чувство опять появлялось.

«Она не разочаровываетъ,—думалось ей,—она только ласкаетъ... А люди... Тамъ—водоворотъ, страсти... Природа ихъ не

усмиритъ. Она раскрываетъ передъ ними свою дѣвственную чистоту, какъ будто напоминая, къ чему должно стремиться. Люди не слушаютъ ея тихаго голоса; они страшатся ея, когда она напоминаетъ о себѣ громомъ и молніей...

Лиза прислушалась: въ небѣ заливался жаворонокъ.

«Онъ не знаетъ тоски; его пѣсня — одна любовь. Какое счастье—всю жизнь любить безъ всякихъ фальшивыхъ звуковъ! Пусть будетъ страданіе, но будетъ и любовь. Страдать за идею... Даже умереть изъ-за нея, не получивши никакой награды, потому что она только бы оскорбила всю святость поступка. Бороться, страдать, а главное—любить, такъ безкорыстно любить, какъ солнечные лучи нѣжатъ землю, именно — согрѣвать и нѣжить. Вдали загорится новая заря, и тогда умереть въ счастливомъ сознаніи, что тьма кончается. О, сколько блаженства!...»

Она встревожилась; глаза горѣли, румянецъ покрылъ лицо, что-то свѣтилось въ немъ...

Дорога уходила въ лѣсъ. Еще кое-гдѣ по оврагамъ бѣлѣлъ снѣгъ, но рядомъ большія полянки уже покрылись зеленью. Шумъ стоялъ въ воздухѣ,—такъ пѣли и кричали птицы. Посвѣтлѣвшія ели радостно шептали. На большомъ, довольно крутомъ оврагѣ лѣсъ разступался и виднѣлась синѣющая даль Волги. Казалось, тихо дышала она подъ лаской нѣжащихъ золотыхъ лучей. Потоки серебряныхъ звѣздъ разливались и горѣли на ея голубой поверхности. Огромная водная равнина сіяла и нѣжилась. Сердито подбѣгали волны къ оврагу, набрасываясь на него и сверкая бѣлою пѣной. Изъ воды торчали верхушки деревьевъ и крыши какихъ-то затопленныхъ строеній.

«Вотъ гдѣ жизнь, такая же свирѣпая и неумолимая, какъ наша,—думала Лиза.—Все сокрушается безъ всякаго сострадания. Нахлынутъ волны и—конецъ...»

И представилось ей, что она среди сердитыхъ волнъ, несчастная, забытая всѣми Лиза.—«Иди по теченію», казалось, кто-то твердилъ ей, а она не хотѣла, и развѣ не можетъ назваться теперь побѣдительницей? Даль ея жизни смотрѣла тихой, ласкающей. Она прислушивалась къ весеннему шуму лѣса и сознавала, что въ ея сердцѣ—та же возраждающаяся, страстная жизнь.

«Какъ хорошо»,—вдохнула она всею грудью смолистый запахъ. Мысль вдругъ стихла, угомонилась,—осталось сладкое, тихое раздумье. Глаза увлажнялись. Она долго оставалась въ этомъ радостномъ, какъ бы созерцательномъ, состояніи. Вдругъ пронес-

-ся порывъ вѣтра, закачалъ вѣтвями и донесъ чей-то тихій, сдержанный стонъ. Черезъ минуту все стихло, и только лѣсъ раскачивалъ своими вершинами. Опять налетѣлъ вѣтеръ и снова разнесъ чье-то жалобное рыданье. Лиза направилась къ тому мѣсту, откуда оно доносилось. Подъ развѣсистою елью, на краю оврага, спрятавъ лицо въ сырой, молодой травкѣ, лежалъ мальчикъ. Маленькое тѣло его подергивалось отъ глухихъ, тяжелыхъ рыданій. Порой они переходили въ тяжелый, сдавленный стонъ и потомъ снова разражались цѣлою бурей. Съ головы упала шапка и откатилась въ сторону. Возлѣ лежала черная собака и, молча, лизала его шею.

Еще за нѣсколько дней до Пасхи Аксинья совсѣмъ захлопоталась съ своимъ хозяйствомъ, чтобы не упасть лицомъ въ грязь передъ сосѣдками. Ей хотѣлось угодить мужу. Василій занялъ денегъ и былъ очень доволенъ. Онъ уже цѣлую недѣлю не напивался и крѣпился, чтобы разрѣшиться по-настоящему въ Свѣтлый день. Аксинья была неузнаваема. Она суетилась, хлопотала, бѣгала по деревнѣ, прося различной хозяйской утвари,—свою собственную Василій давно пропилъ,—и жила по-своему полною жизнью.

— Батюшки мои, тѣсто бы не перекисло, во-время бы поставить,—повторяла она уже который разъ, мѣся тѣсто для пирога. Яйца варить бы... Чтой-то творогъ киселъ,—охала Аксинья до тѣхъ поръ, пока Василій не прикрикнулъ на нее.

Наконецъ тѣсто поставлено. Давно не мучилось такъ ея сердце: для этого было много причинъ. Наканунѣ праздника съ стѣсненнымъ дыханіемъ она вынула пирогъ изъ печи.

Вышелъ онъ на славу: помазанный яйцомъ, онъ ликовалъ и улыбался. Въ окно для большаго эффекта смотрѣло солнце и какъ разъ освѣщало произведеніе Аксиньи.

— Вотъ такъ пирогъ испекла!—похвалилъ Василій.—Ишь сверкаетъ, словно рожа у Зыбина.—У этого самаго Зыбина, богатаго кулака, онъ выпросилъ всѣми неправдами, чуть не на колѣняхъ, три рубля.—Молодецъ Аксинья, совсѣмъ на бабу похожа стала.

Она была на верху блаженства,—давно не приходилось ей слышать похвалъ. Удивительно, какъ она не сдѣлалась къ нимъ равнодушной. Пирогъ былъ тщательно спрятанъ въ шкафу. На другой день онъ долженъ былъ украшать столъ. И, вотъ, этотъ

день, злополучный для Ваньки, настал. Столъ въ углу подъ образомъ Аксинья покрыла бѣлою скатертью. Она осторожно поставила пирогъ и еще что было. Полюбовавшись имъ нѣсколько минутъ и раздумывая, какой-то испекла сосѣдка Марья, она вышла изъ избы позвать Василья, сидѣвшаго на прилавкѣ подъ окномъ. И вотъ тогда-то и совершилось роковое происшествіе. Въ избѣ никого не было. Только Волчокъ лежалъ около печи и умильно, масляными глазами, посматривалъ издали на героя дня. Даже тараканы—и тѣ не рѣшались близко подступить къ пирогу: подбѣжитъ одинъ, поведетъ усами и въ благоговѣніи отступитъ. А пирогъ все ликуетъ. Волчокъ какъ-то боязливо поднялся и подошелъ къ столу. И будто нарочно для него скамейку подставили,—вотъ только вскочить, а тамъ и готово. Соблазнъ беретъ его. И, какъ на смѣхъ, Аксинья не идетъ: видно, заболталась съ сосѣдкой Марьей о пирогѣ,—можетъ, зоветъ попробовать его. А слюни такъ и текутъ у Волчка. Уже давно онъ ничего не получалъ, кромѣ корки чернаго хлѣба, а послѣднее время и ея не было; чѣмъ только онъ питался? Вотъ тихонько онъ поднялъ лапу на лавочку и стоитъ, а Аксиньи нѣтъ какъ нѣтъ. Разобрало Волчка: вдругъ онъ жалобно завизжалъ, скакнулъ отчаянно, стащилъ на полъ пирогъ и, схвативъ крѣпко передними лапами, началъ немилосердно терзать его. Тарелка съ синей каемочкой побѣжала со стола, скатилась на полъ и, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, невредимо успокоилась. И въ эту-то минуту вошли Аксинья, Василій, сосѣдка Марья и за ними Ванька съ сестрами,—вошли и остолбенѣли. На лицѣ Аксиньи изобразилось такое отчаяніе, какого Ванька никогда не видалъ. Василій, вооружившись дубиной, нещадно началъ колотить Волчка; Аксинья, прійдя въ себя, схватила ухватъ и тоже стала его бить.—«Бьетъ, а у самой слезы», вспоминалось потомъ Ванькѣ. Волчокъ сначала визжалъ, а потомъ и визжать пересталъ. Онъ пробирался къ двери, дрожа всѣмъ тѣломъ и какъ-то дико оглядываясь. Но не удалось ему уйти,—всѣ были безжалостны, даже самъ Ванька. Наконецъ, его перестали бить и принялись за Ваньку. Вѣдь это онъ его привелъ, онъ его хозяинъ, такъ пусть и отвѣчаетъ за него, и Василій колотилъ его. Аксинья не хотѣла поднять на него руки, но воспоминаніе о пирогѣ, который теперь такъ плачевно лежалъ въ углу, было до того сильно, что она не утерпѣла и огрѣла Ваньку ухватомъ. Онъ раньше зналъ, что отецъ станетъ его бить, но вдругъ Аксинья, которая до сихъ

поръ рукой до него не дотрогивалась, теперь тоже ударила его, ни въ чемъ неповиннаго. Горько ему стало. Онъ никогда не плакалъ передъ отцомъ, но теперь не могъ удержаться: двѣ слезинки полились по щекамъ.—«За что бьете-то?»—вырвалось у него.

Наконецъ, его выгнали вонъ и въ своемъ родномъ лѣсу Ванька выплакалъ новое несчастье.

Уже много людскаго горя зналъ старый лѣсъ!

V.

Длиннаго разговора между Елизаветой Михайловной и Ванькой не было. Они вдругъ сблизились безъ всякихъ проявленій сочувствія. Сначала Ванька испугался: люди увидали его слезы, которыя онъ такъ тщательно оберегалъ отъ ихъ глазъ. До сихъ поръ ихъ видѣлъ одинъ Волчокъ; это была его сокровенная тайна, и вдругъ она открылась. Но когда онъ вглядѣлся въ красивое, измученное лицо Лизы, когда замѣтилъ, съ какою жалостью она смотрѣла, его сердце вдругъ наполнилось чѣмъ-то жгучимъ, тоскливымъ, но въ то же время и радостнымъ. Взглядъ ея черныхъ глазъ открылъ для бѣднаго пастуха цѣлый міръ ласки и счастья. Послѣ немногихъ вопросовъ они чувствовали себя близкими. Лиза гладила рукой его волосы, а Ванька весь точно трепеталъ отъ радости. Вотъ и его ласкаютъ, не только тѣхъ дѣтей, которымъ онъ такъ завидовалъ, и ласкаетъ такая хорошая, красивая барышня. Эта мысль приводила его въ неизъяснимый восторгъ.

«Такъ молодъ и такъ мучается»,—думала, смотря на него, Лиза и ей хотѣлось дать ему счастья.

— Приходи ко мнѣ,—сказала она на прощанье,—не забывай.

О, да развѣ могъ забыть ее Ванька! Онъ такъ тосковалъ въ своемъ одиночествѣ и вотъ теперь явилась эта барышня, которая ласкаетъ и ужь, можетъ, любитъ его.

«Господи, подай ей за ея милость!—шепталъ онъ въ своемъ счастьѣ. И хотя она ушла, а ему все казалось, что кто-то стоитъ возлѣ и ласкаетъ.—«Меня любитъ, Ваньку-пастуха. А если нѣтъ?...» Въ сомнѣніяхъ билось его сердце. Но онъ отгонялъ эту мысль и бросился обнимать Волчка, который, впрочемъ, не очень сочувствовалъ появленію барышни; онъ съ каждымъ днемъ своей жизни становился злѣйшимъ врагомъ людей и теперь не измѣнилъ своей непріязни, явившейся слѣдствіемъ горькаго опыта.

Иногда во время ихъ разговора онъ начиналъ грозно, недовѣрчиво рычать, какъ бы защищая свои права.

На другой же день тихо отворилась дверь комнаты Елизаветы Михайловны и показалась кудрявая голова Ваньки. Долго стоялъ онъ, не рѣшаясь толкнуть дверь. «Вдругъ разсердится»— мелькало въ его головѣ. Тогда уже ничего ему не останется, а между тѣмъ онъ былъ полонъ смутныхъ ожиданій и всю ночь ему снилась она.—«Будь, что будетъ»,—рѣшилъ онъ и отворилъ дверь.

— А, Ваня!—привѣтливо раздалось изнутри.—Входи, входи, голубчикъ, я тебя давно жду.

И онъ рѣшился. Точно въ рай входилъ онъ въ эту маленькую, чистенькую комнатку, которая казалась ему такой свѣтлой и уютной. Онъ былъ босикомъ и, осторожно дойдя до перваго стула, остановился.—«Что-жь я, дуракъ, сапоговъ-то не надѣлъ! Все словно бы лучше»,—только теперь вспомнилъ Ванька и конфузливо стоялъ.

— Ваня, садись же! Смѣшной какой,—смѣялась Елизавета Михайловна, и хорошо ему было отъ ея смѣха.—Разскажи же мнѣ, Ваня, о себѣ,—прямо приступила она,—все разскажи—и хорошее, и дурное. Да, впрочемъ, подожди, вѣдь соловья баснями не кормятъ; вѣрно, хочется ѣсть.

Елизавета Михайловна пошла къ шкафу, и черезъ нѣсколько времени передъ Ванькой появились кусокъ пирога, пряники, колбаса и бѣлый хлѣбъ.

— На, кушай на здоровье,—суетилась она, чувствуя себя необыкновенно хорошо. Она рѣзала пирогъ, выбирала лучшіе пряники, и все это очень занимало ее. Ванька до сихъ поръ слова не вымолвилъ.

«Точно гость пришелъ, какъ ублажаетъ,—думалось ему.— Дома-то бьютъ, а здѣсь вонъ ласка, да привѣтъ. Господи, поклониться бы ей до земли!»—и онъ былъ на верху блаженства, смущаясь въ то же время и не зная, что съ собой дѣлать. Мало-по-малу смущеніе исчезало. Утоливъ голодъ, онъ началъ разсказывать про свое житье. «А за это приколотили», — потупя глаза, оканчивалъ онъ какой-нибудь эпизодъ своей жизни.

Лиза мучилась за него и, казалось, съ каждою минутой больше любила его.—«Вотъ школа жизни: она или закалитъ, или ожесточитъ противъ всего,—думала она и слушала разсказъ про Волчка, ужасалась жестокости его мучителей, этихъ маленькихъ,

невинныхъ дѣтей.—Какъ вырвать ихъ изъ этой среды, какъ вложить въ нихъ начала нравственности и милосердія къ ближнему? Вѣдь ходятъ же они въ церковь, значитъ Бога любятъ, а между тѣмъ жестоки отъ своего непониманія. Имъ нужны ласки, а не побои, про которые разсказываетъ Ваня. А у взрослыхъ-то какъ сердце закалено! Вѣдь и они — такія же дѣти, безъ разума и пониманія. Нужно ихъ учить, потому что съ такими отцами дѣти останутся всегда жестокими».

А Ванька разсказываетъ про мать, какъ она сидитъ иногда по цѣлымъ днямъ на лавкѣ, все что-то бормочетъ и смотритъ въ даль.

«Это русская-то женщина, на которую возлагаются надежды въ обновленіи русскаго духа, когда, можетъ-быть, она желаетъ одного — поскорѣй безпробудно заснуть. Гдѣ ей умиротворять, когда она сама пришиблена, забита и жаждетъ покоя? Здѣсь нуженъ переворотъ всей русской жизни, потому что улучшеніе какой-нибудь одной ея черты не можетъ имѣть значенія».

Ванька говоритъ про свою бѣдность, какъ, случалось, по цѣлымъ днямъ хлѣба въ избѣ не бывало, а Лиза сильнѣе мучается. «Гдѣ-жь имъ нравственность проповѣдывать, когда голодъ заставляетъ на преступленіе идти! Вѣдь все забудутъ—и Бога, и совѣсть; только бы хлѣбъ былъ. Бѣдные!... Не обновишь ихъ, не накормивъ передъ тѣмъ до-сыта. И только послѣ этого надо сѣять любовь».

И тайная, несмѣлая мысль невольно вкрадывалась въ ея надежды—посѣять эти сѣмена любви. Теперь при началѣ своей новой дѣятельности она вся была полна большихъ, даже несбыточныхъ, стремленій. Казалось Лизѣ, что все можно побороть съ благими, человѣческими желаніями,—она еще не встрѣчалась здѣсь съ дѣйствительностью.

Ванька дошелъ до послѣдняго разсказа о пирогѣ и снова повторилъ его съ подробностями.

«Да, всю жизнь искалѣчатъ изъ-за пирога, потому что голодные не имѣютъ и его. О, какъ несчастны эти люди!»

Ванька замолчалъ,—больше нечего было разсказывать.

— Ваня, будемъ учиться,—вдругъ послѣ нѣкотораго молчанія горячо сказала Лиза.—Ты много хорошаго узнаешь и не будетъ такъ горько жить. Можешь и мамку свою научить. О, Ваня, еслибы всѣ несчастные нашли хоть одно дѣло,—разумѣется, хорошее, честное, въ которомъ могли бы иногда забываться,—они нашли бы дорогу къ счастью.

Красныя пятна ярко выступили на ея щекахъ. Она горячилась и, казалось, забывала, съ кѣмъ говоритъ.

— Пусть даже они страдаютъ, но ихъ дѣти уже будутъ счастливы. На ихъ могилахъ засіяетъ новая жизнь. Пусть они пожертвуютъ собой во имя добра, даже не понимая того, какой важный поступокъ совершаютъ для дѣтей своихъ, которыя иначе тоже будутъ томиться и заливать горе виномъ. Да, Ваня, въ этомъ весь смыслъ жизни. И развѣ Богъ не оцѣнитъ? Вѣдь это Его же великая, святая заповѣдь. Ваня, понимаешь ли ты меня? Нѣтъ, не понимаешь? Но ты поймешь потомъ, когда меня въ живыхъ не будетъ, и благословишь ту, которая научила тебя любить.

Сухой, длинный кашель прервалъ ея слишкомъ горячую рѣчь. Она долго не могла успокоиться. Уже давно не высказывалась Лиза и теперь хотѣлось многое сказать, хотя бы этому ребенку, который не пойметъ всей важности ея словъ...

А Ванька сидѣлъ, слушалъ и хоть не понималъ, что говорила она, но сознавалъ, словно и ей горько. Да, эта мысль уже давно пришла ему въ голову, когда онъ увидалъ ее въ лѣсу печальной и задумчивой. Можетъ-быть отъ этого такъ скоро и повѣрилъ ей, и полюбилъ всей душой.

— Ваня, подай-ка воды,—проговорила она, успокоившись.— Вотъ все что-то нездоровится. Ну, а теперь я отдохну. Приходи же учиться.

Ванька давно уже завидовалъ нѣкоторымъ деревенскимъ мальчикамъ, учившимся у сельскаго дьячка, и теперь эта мысль его приводила въ восторгъ.

— Да вотъ съ Егорьева дня пасти придется,—проговорилъ несмѣло онъ,—такъ развѣ вечеромъ.

— Ну, хорошо, вечеромъ, а то буду приходить къ тебѣ и въ лѣсу станемъ учиться. Это еще лучше будетъ. Никто не помѣшаетъ,—уже радовалась Елизавета Михайловна своему плану.— Въ лѣсу свѣжесть, прохлада, тамъ твоя головка лучше все пойметъ. Милый, какъ мы будемъ счастливы!...Что же, ужь уходишь? Ну, прощай,—проговорила она, видя что Ванька всталъ.

— Прощай, барышня,—беззвучно проговорилъ онъ, хотѣлъ еще что-то сказать, но голосъ осѣкся. Онъ постоялъ еще нѣкоторое время, помялъ шапку въ рукахъ и вдругъ стремительно выбѣжалъ на улицу. Что-то радостное открывалось передъ нимъ и Ванька чуть не плакалъ отъ счастья. Вдругъ вся жизнь наполнилась и дорогà стала. Ванька-пастухъ пріютъ нашелъ. А

Лиза осталась задумчивой, больной, но тоже счастливой. Многое волновалось въ ея груди. Жажда жизни становилась сильнѣе, неотвязчивѣе, и даже не жажда жизни, а страданія во имя другаго. Теплый весенній воздухъ лился въ открытое окно, на свѣтломъ небѣ кое-гдѣ зажигались звѣзды, все сулило радости и ясное, полное тепла и свѣта, будущее.

VI.

Занятія Лизы начались съ Ѳоминой недѣли. Число учениковъ сначала было очень невелико. Нѣкоторые изъ крестьянъ относились съ большимъ недовѣріемъ и къ ней, и къ ея слабому здоровью.—«Гдѣ ей, на ладанъ дышетъ, любой малышъ ее перекричитъ». Но это до нея не доходило. Правильныя занятія предполагались не ранѣе осени, т. е. съ 15 сентября. Елизавета Михайловна была даже рада, что пока вся школа состояла изъ 10 человѣкъ. Сначала она встрѣтила въ нихъ полное нежеланіе сойтись съ ней, но мало-по-малу отношенія становились ближе; правда, приходилось иногда прибѣгать въ крайнихъ случаяхъ къ пряникамъ и грошовымъ конфектамъ, но за то теперь дѣти уже сами подходили къ ней съ разговорами. Это ее безконечно радовало. Случалось, что Лиза, съ пылавшимъ лицомъ, толковала имъ что-нибудь, а ребята выдѣлывали въ это время одну изъ своихъ безчисленныхъ шалостей; но она со всѣмъ мирилась, надѣясь со временемъ на лучшій ходъ дѣла.—«Вѣдь они, глупые, пользы своей не понимаютъ,—говорила она крестьянамъ,—еще не привыкли учиться», и со всей страстью продолжала служить своему дѣлу. Ванька приходилъ каждый день и всегда радовалъ ее своими успѣхами.

— Милый, учись, учись! Ты многое узнаешь,—лаская его, говорила она,—и забудешь въ книгѣ свою невеселую жизнь.

И Ванька учился, какъ могъ, хотя бы ужь для того, чтобъ утѣшить Елизавету Михайловну.

Были два лѣнтяя, которые положительно ничего не хотѣли дѣлать; они преисправно брали конфекты и пряники, но на другой же разъ являлись, не зная урока и изобрѣтая новыя шалости. Она горячилась, умоляла, толковала имъ безъ конца, но они школьничали и ничего не дѣлали.

«Видно, я виновата,—мучилась она,—что не умѣю объяснить имъ и привлечь ихъ вниманія». И продолжала безплодно, на всѣ

лады, объяснять. Ванька видѣлъ ея мученія,—видѣлъ, какъ она возвращалась въ свою комнату измученная и обезсиленная,—и не зналъ, чѣмъ помочь. Онъ разъ подошелъ къ нимъ и внушительно замѣтилъ, что они дураки и только мучаютъ Елизавету Михайловну, чтобы старались учиться или ихъ выгонятъ изъ школы. Но это только ухудшило дѣло. Ванька сталъ любимчикомъ учительши, и всѣ принялись его преслѣдовать. Эти распри между учениками приводили ее въ отчаяніе.

«Если съ этихъ поръ станутъ ненавидѣть другъ друга, то что же будетъ потомъ, когда столкнутся съ жизнью и настанетъ настоящая борьба?» Она толковала имъ, что нужно любить другъ друга, жить мирно, безъ ссоръ, но сейчасъ же начиналась драка. И она отчаявалась. Разъ даже рѣшила сказать отцамъ двухъ шалуновъ, чтобъ они попробовали убѣдить ихъ въ пользѣ ученія, что сама она испробовала всѣ средства, но они ее не слушаютъ. Отцы выпороли дѣтей. Это привело ее въ глубокое горе. Она за все упрекала себя. За то сколько радости приносили ей малѣйшіе успѣхи учениковъ. Она не знала, какъ ихъ хвалить и награждать. Болѣе всѣхъ радовалъ Ванька. Онъ уже начиналъ читать, и каждое слово, съ трудомъ выходившее изъ его губъ, приводило ее въ восторгъ.

Такъ шла ея жизнь въ волненіяхъ и радости. Они губили ея слабое здоровье, но она, увлеченная дѣломъ, не замѣчала ничего. На дворѣ уже стояла весна: кусты сирени и черемухи подъ окнами школы покрылись первой, нѣжною зеленью. Въ небѣ звенѣли жаворонки. Лиза восхищалась природой, радовалась, горевала,—словомъ, жила самой тревожною жизнью, только грудь все болѣла и временами мучилъ кашель. Ванька началъ пасти свое стадо и не могъ бывать въ школѣ. Впрочемъ, теперь онъ уже читалъ съ грѣхомъ пополамъ и длинные весенніе дни проводилъ въ своемъ заповѣдномъ лѣсу и въ поляхъ, усиленно работая, складывая слова и фразы. Вечеромъ онъ прибѣгалъ къ ней и сообщалъ о своихъ успѣхахъ. Задолго до его прихода она садилась у окна и смотрѣла на уходившія къ лѣсу поля, на извивавшуюся желтою лентой дорожку, откуда являлся Ванька. Часто даже выходила ему на встрѣчу. Она знала, что онъ ее любитъ, и это сознаніе успокоивало ея тревогу. Стояли первые дни мая; ясное небо только изрѣдка затемнялось набѣгавшею тучкой, орошавшей землю. Нѣжная, блѣдно-зеленая листва принимала изумрудный оттѣнокъ. Какъ-то вечеромъ робко запѣлъ соловей. Жизнь

била ключомъ, являлись смутныя, тайныя желанія... Опьяняющій воздухъ весны лился отъ каждаго листочка и что-то сильнѣе заставляло биться сердце и захватывало дыханіе.

Косые лучи прятавшагося солнца пронизывали прозрачный воздухъ и привѣтливо смотрѣли въ комнату Лизы. Теперь она чувствовала себя легче. Мысль стихла, сложила крылья. Казалось, горизонтъ очищался отъ облаковъ; хотѣлось вѣрить въ счастье и примиреніе. Всѣ теплыя стороны вдругъ озарились тихимъ, ласковымъ свѣтомъ. Дышалось легче; широкое чувство лилось въ грудь. Лиза сидѣла въ своемъ креслѣ у окна, поджидая Ваньку.

«Природа снова дала миръ. Ея дѣйствіе безконечно, также какъ и ея милосердіе,—думала она.—Вся прелесть жизни въ постоянной смѣнѣ бурь и затишья. Только бы на минуту покой. Наступитъ ли онъ для меня?...Да, теперь я вѣрю, что и для меня онъ возможенъ. Я уже теперь счастлива. Вѣдь была одна какъ былинка. Одна—страшное слово!... Вотъ няня еще хотѣла пріѣхать. Удастся ли ей?... Вѣдь родные—бѣдняки всѣ. А Ваня... что-то съ нимъ будетъ... Онъ выростетъ большой, можетъ-быть поступитъ въ университетъ, я стану жить съ нимъ, и няня тутъ же; вѣдь сколько здѣсь можетъ быть счастья. И умирать будетъ хорошо, видя его честнымъ труженикомъ. А тамъ вмѣсто меня зеленая могила, цвѣтами убрана, сверху березка свѣсилась. Онъ придетъ иногда и прольетъ слезу отъ своего чистаго сердца». Ей самой стали смѣшны всѣ эти, почти дѣтскія, думы. Она задумалась, мысли принимали другое направленіе.

«Но до тѣхъ поръ буду жить. Лучше мучительная жизнь, чѣмъ тихая смерть. Именно она и страшна своимъ покоемъ, забвеніемъ всего», заработала вдругъ прежняя мысль.

«Вѣдь страданіе и есть жизнь. Пусть минутами наступитъ отдыхъ для возможности дальнѣйшей борьбы, а затѣмъ снова страданіе во имя идеи. А какъ будетъ дорога эта выстраданная и облитая слезами идея. Да, въ ней — вся жизнь, все существованіе. Только страшно вѣру въ людей потерять. Что тогда дамъ дѣтямъ? А вѣдь это легко, ужасно легко; стоитъ помѣшать мнѣ къ достиженію завѣтной цѣли.—И вдругъ мелькнула одна мысль, которая страшно ее испугала.—Быть-можетъ, стоитъ имъ сдѣлаться счастливѣе меня, и я перестану ихъ любить; но нѣтъ, это неправда. Это мимолетныя сомнѣнія, но вѣра еще велика, а вѣдь она горы двигаетъ».—И Лиза вѣрила въ это. Она осмотрѣ-

лась кругомъ. Ласково небо смотрѣло, на немъ блестѣлъ молодой мѣсяцъ; гдѣ-то въ березахъ начиналъ пѣть соловей; на Волгѣ была невозмутимая тишина, только плавно по вѣтру двигалась лодка съ парусомъ и на ней переливался огонекъ.

«О, какъ хорошо!»—тихо вздохнула Лиза и сжала руками влажное отъ слезъ лицо.

— Елизавета Михайловна,—осторожно окликнула ее Яковлевна,—аль почивать изволишь. Вонъ тамъ Ванькинъ отецъ пришелъ, вишь хочетъ говорить съ тобой. Позвать, что ли?

— Пусть войдетъ,—нехотя проговорила Лиза, предчувствуя что-то, что должно было испортить ея настроеніе. Ей такъ не хотѣлось теперь видѣть людей, кромѣ Вани, и, какъ нарочно, пришелъ Василій, котораго она не могла видѣть за его жестокость къ сыну.

«Затишье смѣняется бурей»—мелькнуло въ головѣ, когда дверь отворилась и вошелъ Василій съ краснымъ лицомъ и подбитымъ глазомъ. Легкій запахъ вина наполнилъ комнату.

— Здравствуй, сударыня!—грубо и громко началъ онъ.—По дѣлу пожаловалъ къ твоей милости. Слышалъ я, что ты сына маво учить начала. Избаловался онъ, проку отъ него нѣтъ, ни работаетъ, ни въ хозяйствѣ пользы не приноситъ и пасетъ-то неладно. А потому родительской своей властью запрещаю ему книжкой заниматься. Мы, извѣстно, люди бѣдные, не до грамоты намъ, а смотримъ, какъ бы съ голодухи на тотъ свѣтъ не отправиться. Изволь, значитъ, сударыня, прекратить всѣ эти глупости. Да и благодарности какой ни на есть отъ насъ не жди, потому нé изъ чего.

Да, предчувствіе Лизы сбылось, что-то больно защемило внутри, она даже сразу не нашлась, что сказать.

— Да вѣдь ты не понимаешь,—наконецъ проговорила она,— онъ потомъ большія деньги будетъ заработывать.

— Да, потомъ-то будетъ, а мы, ждамши его, на тотъ свѣтъ пока переселимся, значитъ самъ-четвертъ. Много благодарны. Изволь-ка попросту прогнать его. Да вотъ онъ и самъ, легокъ на поминѣ.

Дѣйствительно, Ванька, съ книгой за пазухой, бѣжалъ подъ окнами школы. Щеки его раскраснѣлись, шапка съѣхала на затылокъ, кудри разсыпались, какъ тонкія черныя змѣйки. Черезъ нѣсколько минутъ Ванька вошелъ въ комнату и оцѣпенѣлъ, увидя отца.

— Слышь, сюда съ этихъ поръ и ноги не показывать, ни шагу!—закричалъ на него, все сильнѣе хмелѣвшій, Василій.— Ишь, словно нищій, пороги обиваетъ. Ступай-ка домой подобру-поздорову, а книжонку-то брось. Кланяйся да пойдемъ,—и, поклонившись Лизѣ, онъ вышелъ. Ваня стоялъ потупя голову, изъ подлобья печально на нее посматривая. «Господи, за что послалъ!»— шепталъ онъ про себя. Отецъ его толкнулъ и оба исчезли.

А Лиза сидѣла и мучилась опять.—«Ваня, Ваня, голубчикъ! Не даютъ ему жить». Но она не можетъ его оставить. Скоро занятія въ школѣ кончаются, тогда она станетъ ходить къ нему въ лѣсъ. И опять толпой нахлынули мысли.

«Трудно выйдти изъ своей среды. Сколько гибнетъ несчастныхъ, которые жаждутъ познаній, и все-таки пропадаютъ, именно потому, что у нихъ явились другія стремленія. Масса безжалостна ко всему, что возвышается надъ ней. Деспотизмъ есть главное отличіе посредственности. Она труслива, но вмѣстѣ съ тѣмъ назойлива, и такихъ бѣдныхъ Ваней будетъ преслѣдовать безъ конца. Онъ—нищій духомъ, и за это страдаетъ. Вотъ сейчасъ какъ онъ посмотрѣлъ... У ребенка такой взглядъ».

Что-то мрачное выступало передъ ней, совершенно уничтожая недавнее ея успокоеніе; будто сгущалась ночь. И вся будущая жизнь Вани предстала въ ея воображеніи такою же безотрадной, какъ ея. Тѣ же стремленія могутъ быть и у него въ постоянной борьбѣ съ мелкою дѣйствительностью.

«И черезъ меня онъ можетъ быть несчастливъ,—вѣдь это я открыла передъ нимъ цѣлую неизвѣстную ему область,—застонало вдругъ у ней въ груди.—Ваня, прости, прости, если зло тебѣ сдѣлала. О, вѣдь это ужасно съ самыми чистыми стремленіями все-таки быть вредной. А кругомъ одна пустыня, никто не поможетъ, не откликнется. Гдѣ истина? Гдѣ та дорога, по которой смѣло можно идти впередъ, безъ боязни и заблужденій? Ваня, прости же, ты знаешь, что я люблю тебя,—вся въ изнеможеніи отъ внутренней борьбы мучилась она.—Вѣдь хотѣла тебѣ только счастья принести.—Она откинулась на спинку кресла; глаза съ какимъ-то отчаяніемъ смотрѣли вдаль.—Только бы ненависть не явилась къ Василью и всѣмъ такимъ. Вѣдь они не вѣдаютъ, что творятъ,—нужно и ихъ любить, а не могу. О, помоги, помоги Господи!—почти застонала она, закрываясь руками. Лицо ея горѣло, губы были воспалены и сухи.—Господи, да неужели придется все бросить?... Неужели польза немыслима?... Въ ту

ночь, когда ушла отъ отца, казалось, что весь міръ ждетъ твоей ласки... А теперь... Вѣдь не пересоздашь... Только усложнишь горе, внеся самосознаніе въ ихъ грубую жизнь. Эти новые запросы—не одно ли мученье?... Не лучше ли полная тьма? Теперь страдаютъ и умрутъ покорные... Тогда борьба... Что же дѣлать?»—застылъ вопросъ и пріостановилъ всѣ мысли. Нѣкоторое время ни одинъ звукъ не будилъ ея сосредоточеннаго состоянія.

Вдругъ дверь тихо скрипнула и на порогѣ появилась дьяконица, шурша своимъ туго накрахмаленнымъ платьемъ. Она съ любопытствомъ всматривалась въ измученную, худенькую фигурку Лизы, которая все не отнимала рукъ отъ лица. Аграфена Филипповна очень желала, чтобъ эта нѣмая сцена продолжалась по возможности долго.—«Ужь только по лицу узнаю всю подноготную,—всегда говорила она про себя.—Брошу одинъ взглядъ и нѣтъ отъ меня секретовъ. Слава Богу, изучила сердце человѣческое», заканчивала Аграфена Филипповна. И теперь стояла она, хитро высматривая своими маленькими глазами, вся погруженная въ психологическія изслѣдованія. Видно было, что она явилась не спроста. Широкое лицо ея носило теперь какое-то особенное выраженіе. Бѣлое ситцевее платье было съ большой претензіей на моду. Гладко причесанные волосы скрѣплялись щегольской, на подобіе кинжала, шпилькой. Лиза очнулась и вздрогнула.

— Ахъ, Аграфена Филипповна!—быстро начала она.—Извините, я васъ и не замѣтила. Да, по правдѣ сказать, не до того было.

— Вижу, вижу, дорогая Елизавета Михайловна, что не весело вамъ. И какія такія мысли затуманили вашу головку? Подѣлились бы со мной,—вѣдь горе-то легче вдвоемъ дѣлить. Не мало и я на своемъ вѣку перенесла, тоже знаю, что такое страдать,—окончила она патетическимъ тономъ.

— Потому что жизнь человѣческая одно сраженіе. Это я говорила много разъ отцу Николаю; онъ даже удостоилъ помѣстить мою мысль въ свое «слово», сказанное имъ въ Свѣтлый день. Только онъ сказалъ—не сраженіе, а битва. Такъ это я къ тому начала, что всякій изъ насъ горе переносилъ, и ничья-то жизнь веселымъ ручейкомъ не протекала; всякій поплакалъ и погоревалъ,—говорила Аграфена Филипповна, все болѣе и болѣе увлекаясь своей чувствительностью. Она всегда необыкновенно сознавала глубину своихъ мыслей, а потому въ разговоръ у ней вкрадывался какой-то покровительственный тонъ.

— Притомъ же мы съ вами люди молодые,—продолжала она, думая, что уже произвела надлежащее впечатлѣніе на Лизу, молча сидѣвшую у окна.—Намъ общество нужно,—конечно, не этихъ сиволапыхъ дураковъ, съ которыми вы имѣете ангельское терпѣніе разговаривать,—намъ нужна антилигенція (это слово она съ большимъ трудомъ выучилась произносить у одного студента, пріѣзжавшаго на лѣто въ ихъ городокъ и имѣвшаго счастье покорить ее любвеобильное сердце; слово это у ней произносилось только въ торжественныхъ случаяхъ). Конечно, здѣсь нѣтъ настоящей антилигенціи, но на безрыбьи и ракъ рыба, говоритъ русская пословица. Примите мой совѣтъ, не брезгайте,—я сама совершенно понимаю, какъ образованной барышнѣ тяжело въ этомъ обществѣ. Душно, дышать нечѣмъ. Но что дѣлать,—я съумѣла примириться. Возьмите примѣръ съ меня. Каково мое положеніе?—Мужъ, вы сами знаете, сельскій дьяконъ и притомъ глупъ. Я образовываю его, но... что дѣлать, ничего не помогаетъ. Еслибы не я, онъ даже волосъ бы своихъ не расчесалъ и въ такомъ видѣ отправился бы въ церковь. Такъ глупъ и лѣнивъ этотъ мужчина, и я должна его любить.—Она была очень довольна собой и продолжала съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ.—Понимаете ли, какъ мнѣ тяжело. Другая бы давно отъ него бѣжала, а я всегда съ нимъ и вѣрна ему,—добавила Аграфена Филипповна, забывая, какъ сама разсказывала Лизѣ про свои похожденія.—Я знаю, что тамъ будетъ награда за все,—совсѣмъ шутливо окончила она, указывая пухлою рукой на небо и видя, что Лиза на нее не смотритъ, оставалась нѣкоторое время въ такомъ положеніи.—«Слушаетъ ли она меня»,—мелькнуло вдругъ въ ея головѣ, но она твердо вѣрила въ успѣхъ своего предпріятія и рѣшила сдѣлать большой скачокъ. — А теперь весна, кровь играетъ. Птичка къ птичкѣ летитъ, листочекъ шепчетъ листочку и все радуется. А вы, моя дорогая, все одни съ этими мужичатами. Вы стали бы здѣсь роль играть, васъ бы на рукахъ носили.—Она увлеклась и забыла, что спасское общество не имѣетъ такого рыцарскаго характера: она жила воспоминаніями своего городка. — Елизавета Михайловна, ободрите меня, скажите хоть словечко!

— Говорите, я слушаю васъ.

— Знаете ли, вы одарены отъ Бога всѣмъ,—за что же вы прячете въ землю талантъ? Вы въ состояніи довести человѣка до бѣшеной страсти своей красотой и умомъ, онъ испепелится и

угаснетъ,—сказала Аграфена Филипповна.—Правда, вы не совсѣмъ теперь здоровы, но и это отъ одиночества. Елизавета Михайловна,—вдругъ начала она торжественнымъ тономъ,—я всегда откровенна и теперь буду говорить прямо. Вы внушили одному человѣку страстное чувство любви. Онъ погибнетъ безъ васъ,—совсѣмъ уже увлеклась она.—Это существо тихое, нѣжное, а главное—любящее. Можетъ ли онъ надѣяться на ваше сочувствіе?

— Но кто же это нѣжное, любящее существо?—спросила тихо Лиза.

— Вы хотите знать кто?—Это сынъ многоуважаемаго Степана Сергѣевича Зыбина, Иванъ Степановичъ.

Лиза тихо и судорожно засмѣялась. Какая-то горькая нотка звучала въ этомъ нервномъ смѣхѣ. Она никогда не могла забыть, какъ безжалостно пьяный Зыбинъ, сынъ богатаго кулака, разрушилъ ея радостное чувство въ первый день Пасхи, глубоко оскорбивъ ее. Когда же она услыхала, какъ онъ съ отцомъ обдѣлываетъ крестьянъ, въ ней вдругъ шевельнулось что-то похожее на ненависть.

— Стыдно вамъ, Аграфена Филипповна, оскорблять меня, предлагая услуги этого негодяя и развратника!—нервно начала Лиза.—Напрасно вы думали, что я ужь такъ низко пала. Что-жь, онъ жениться на мнѣ хочетъ?

— Это даже совсѣмъ не по-нонѣшнему,—обиженнымъ тономъ отвѣчала дьяконица, видя, что ея дѣло не выгорѣло.—Не жениться, а жить свободною любовью. А что онъ негодяй и развратникъ, это вы совсѣмъ напрасно. Человѣкъ молодой, способный ошибаться, но всегда и во всемъ честный.

— Честный, честный!—перебила ее Лиза.—Пьетъ кровь изъ крестьянъ, пускаетъ ихъ по міру—и честный. Онъ только ненависть можетъ возбудить. Такой ожесточаетъ и развращаетъ другихъ,—отъ него на воровство, на грабежъ пойдутъ. Понимаете ли вы это, защитница его? Да и что же за учительница я была бы, когда бы сдѣлалась его содержанкой? Вѣдь дѣти вѣры не имѣли бы въ меня,—страшно горячилась Лиза, ударяя себя руками въ грудь.—За что обижать одинокую, слабую женщину?... Эхъ, нехорошо съ вашей стороны!

Лиза устала и смолкла, хотя еще многое хотѣлось сказать.

— И какая, подумаешь, важная вы барыня. Люди и получше васъ имъ не брезгаютъ. А сдѣлала я вамъ мое предложеніе изъ дружбы къ нему, безъ всякихъ интересовъ (она забыла, что

Зыбинъ обѣщалъ за успѣхъ шелковое платье). Да и васъ жаль: сохнете, какъ щепка....

«О, какой цинизмъ, оскорбленіе какое!—мелькнуло въ головѣ Лизы.—До чего я-то дошла, когда мнѣ такія предложенія дѣлаютъ!»—заговорило въ ней самолюбіе, но скоро оно исчезло, и осталась тупая, тихая боль.

— Посмотримъ, что-то вы потомъ запоете,—продолжала съ апломбомъ Аграфена Филипповна,—не было бы поздно.

— Ради Бога, сжальтесь, оставьте меня,—прошептала Лиза.—Никогда не обращусь къ вамъ съ просьбой. Можетъ умру черезъ мѣсяцъ, изсохну, по вашимъ словамъ, а все-таки останусь честной. Вѣдь у меня, говорятъ, чахотка,—что-жь, вы трупомъ моимъ торговать станете? Вѣдь не стоитъ того. Такъ и скажите это Зыбину. А теперь уйдите, уйдите!—вся дрожала она.

— Ну, коли такъ, прощайте,—вздохнула Аграфена Филипповна и, подобравъ крахмальныя оборки, величественно выплыла за дверь.

«Себя бы предложила вмѣсто меня,—мелькнуло вдругъ у Лизы и самой совѣстно стало за свою мысль.—О, Лиза, Лиза, до чего ты дошла съ своими идеалами!»—горько думала она.

«Не бросить ли? Не успокоиться ли въ могилѣ? Вѣдь тьма побѣдитъ... Намъ ли сѣять, слабымъ, неумѣлымъ! О, бѣдные, бѣдные, они гибнутъ, не понимая, что имъ нужно и гдѣ ихъ спасеніе! Господи, вѣдь послѣднія силы имъ отдаешь и—съ разбитымъ сердцемъ, съ отчаяніемъ, можетъ безъ вѣры въ ихъ будущее умирать никѣмъ не замѣченной! А тамъ—погостъ, одинокая могила и полное забвеніе... Это ли награда послѣ мукъ? Но, нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ это я... Милые, родные, униженные, всю себя вамъ отдамъ! Берите, терзайте, все стерплю...»

И вся изнеможенная, обезсиленная лежала она въ своемъ креслѣ, почти теряя сознаніе отъ мыслей и событій этого дня; искаженное лицо подергивалось отчаяньемъ, судорожными рыданіями, но слезъ не было... А въ окно смотрѣла свѣтлая майская ночь; на блѣдномъ небѣ одиноко млѣла звѣзда; звонко и страстно заливался соловей; съ Волги тянуло прохладой...

VII.

Опять Ванька въ своемъ лѣсу. Снова небо и земля ласкаютъ его, а пѣвуньи заливаются на всѣ голоса въ темной дубравѣ, заставляя забыть его всѣ горести. Но онѣ не знаютъ, что жизнь

его согрѣлась теперь,—онъ уже не одинъ. Можетъ-быть онѣ заревновали бы своего любимца, еслибы знали, что кромѣ ихъ пѣнія для него есть еще одинъ голосъ, который далъ ему много радости. Да, Ванька вдругъ почувствовалъ, что онъ не бобыль, какъ самъ называлъ себя, и даже что-то похожее на гордость явилось въ немъ при этомъ сознаніи. До сихъ поръ онъ думалъ, что люди злы, что они только насмѣхаются и бьютъ слабыхъ, и вдругъ оказывается, что есть между ними и любовь,—она воплощалась для него въ Лизѣ. Какъ онъ полюбилъ ее! Часто думалъ Ванька: «Вотъ еслибы сказала: поди, Ванька, бросся въ Волгу,—сейчасъ бы пошелъ. Жисть свою отдамъ за нее,—ужь больно она мнѣ полюбилась». Онъ пасъ стадо съ своимъ Волчкомъ, а Елизавета Михайловна въ его мысляхъ всегда бывала тутъ же. Прежде, слушая, какъ волны бѣгутъ, онъ думалъ: «Вотъ имъ весело, ихъ много, только я одинъ съ Волчкомъ». А теперь и ему хорошо, и ему весело. Иногда даже начиналъ пѣсню затягивать и старался излить въ ней все свое чувство. Лѣсъ не сердился за это; хоть его тишина и нарушалась дѣтскимъ голосомъ, но онъ все такъ же любилъ Ваньку. Книга была всегда съ нимъ; много онъ узналъ горя и радости, разбирая буквы, мучаясь, когда что-нибудь не поддавалось ему, и торжествуя, когда длинное слово и фраза послѣ долгихъ усилій складывались вѣрно. Онъ цѣлый день жилъ надеждой повидаться вечеромъ съ Елизаветой Михайловной, чтобы разсказать о своихъ занятіяхъ, послушать ее и на нее посмотрѣть. Она про многое говорила ему, разсказывала о своемъ прошломъ. И онъ уже любилъ старушку-няню, ненавидѣлъ тѣхъ, которые обижали Лизу, и горевалъ вмѣстѣ съ ней у гроба матери. Часто въ ту же ночь, смотря на блѣдное весеннее небо съ одинокими звѣздами, онъ снова передумывалъ все слышанное и многое смущало его. Что-то говорило ему, что она несчастна, что томится и мучается. «За что обижали ее, добрую-то такую? Мучители!»—твердилъ онъ, думая о своихъ мучителяхъ и о Лизиныхъ, и что-то недѣтское, нехорошее ложилось въ его грудь. Она повторяла, что нужно всѣхъ любить, прощать всѣмъ, но Ванька не могъ простить тѣхъ, которые сдѣлали ее несчастной. И за себя ему трудно было простить, а за Лизу казалось невозможнымъ.

«Ишь кашель-то какой!—думалъ онъ, когда въ припадкѣ мучилась Лиза.--Все они, мучители»,—и хотѣлось Ванькѣ всѣмъ отомстить за нее бѣдную.

«Не стану ихъ любить»,—говорилъ онъ Лизѣ, когда она твердила, что съ ненавистью нельзя жить, что тогда возненавидишь самого себя.

Съ каждымъ днемъ онъ становился сосредоточеннѣе, а къ отцу относился прямо съ пренебреженіемъ.

— Ишь зазнался съ учительшей своей! Подожди, скоро покончу ваше знакомство,—угрожалъ Василій.

Ванькѣ было очень тяжело, но надежда у него оставалась, и онъ терпѣлъ. Только ненависть къ отцу становилась сильнѣе и серьезнѣе. Минутами хотѣлось бѣжать изъ своего дома.

«Терпи, терпи, Ванька, — самъ себя увѣщевалъ онъ, — выростешь большой, тогда славно заживешь. Вѣдь и Елизаветѣ Михайловнѣ не легко».—Онъ старался, изобрѣтая всевозможныя средства, развлекать ее. Случалось, приносилъ пойманную птичку, разъ бѣлку поймалъ и съ невыразимымъ счастьемъ вручилъ ей свой подарокъ. И Лизу радовали всѣ эти бездѣлицы.

Насталъ іюнь. Занятія въ школѣ кончились и цѣлые дни оставались у нея незанятыми. Нѣкоторыя книги, которыя она привезла съ собой, были давно прочитаны. Да теперь ей и не хотѣлось читать. Она нигдѣ не получала отвѣта на вопросы, которые становились назойливѣе съ каждымъ днемъ. Наконецъ-то она могла посѣщать Ваньку въ лѣсу. Онъ съ трепетомъ ожидалъ ее въ своемъ святилищѣ, и когда увидалъ въ первый разъ между зеленью худенькую фигуру Лизы, ему стало необыкновенно хорошо. Здѣсь, подъ сѣнью стараго лѣса, соединялось для него все дорогое, весь мірокъ его, вся радость. Лиза садилась около него, открывала книгу, и начиналось ученье, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ разговоры или, вѣрнѣе, страстные совѣты ея. Ванька рѣдко прерывалъ ее: онъ только слушалъ, не всегда понимая. Она сознавала это и старалась не оставлять темнымъ ни одного слова. Лиза умѣла даже предупреждать всѣ его вопросы, и онъ, весь поглощенный вниманіемъ, только слушалъ. Въ ногахъ Волчокъ лежалъ и посматривалъ умными глазами на своего друга. Долго онъ возмущался вторженіемъ третьяго члена въ ихъ союзъ, и всякій разъ при появленіи Лизы громкій лай стараго скептика-Волчка будилъ окружавшую тишину, но наконецъ привыкъ и онъ. Побрякивая колокольцами, бродило стадо. Лѣсъ глубоко внималъ всякому слову, раздававшемуся подъ его зеленымъ покровомъ. Каждое явленіе природы и жизни старалась Лиза объяснить сво-

ему любимцу. Она переходила съ одной мысли на другую, сама не замѣчая того, и говорила часто до изнеможенія, до припадка кашля. Что ей было до этого: она всѣмъ существомъ служила идеѣ и была счастлива. Много ее тревожила одна мысль: религіозные вонросы становили ее въ большое затрудненіе. Еще въ дѣтствѣ она не была набожна; няня учила ее молиться, она повторяла за ней слова, но никто не объяснялъ ей ихъ значенія; она молилась, но не чувствовала. Въ тяжелую пору сомнѣній, когда вѣра должна была или исчезнуть совсѣмъ, или обратиться въ слѣпой мистицизмъ, Лиза почувствовала, что всѣ старанія старушки были напрасны. Она не могла вѣрить и молиться. Это сознаніе, можетъ-быть, сдѣлало ее еще болѣе несчастной. Когда она попала въ студентческій кружокъ, общій духъ отразился и на ней; отсутствіе вѣры ощущалось особенно въ тяжелыя минуты: не было исхода излиться ея скорби. Но въ дѣтяхъ она старалась сохранять вѣру и не разрушала ее ни однимъ словомъ. — «Что дамъ имъ взамѣнъ, отнявъ счастье у нихъ?... Дать имъ сомнѣніе, которое сдѣлаетъ ихъ несчастными?... Вся нравственность, существующая у народа, держится только религіей. И она заставляла всѣхъ юбить Бога.

«Пусть въ Богѣ свой идеалъ полюбятъ и стремятся къ этому образцу чистоты и совершенства», — мечтала Лиза и заводила длинные разговоры съ Ваней, внушая любить святое и чистое. Такъ проходила ихъ жизнь, и тяжелыя, безсонныя ночи, которыя проводила она у окна, въ ужасной тревогѣ разрѣшая свои вопросы, отнимали послѣднее здоровье. Она худѣла съ каждымъ днемъ, такъ что даже Яковлевна, прислуживавшая ей, замѣтила это.

— Что это, сударыня, ты все хвораешь? Хоть бы дохтура спросилась, а то знахарку-бъ позвала. Право!

Но Лиза увѣряла, что ей ничего не нужно, что она здорова, и благодарила старуху за вниманіе. Но разъ послѣ совѣтовъ Яковлевны она подошла къ зеркалу, вглядѣлась въ себя и оцѣпенѣла. Ввалившіяся желтыя щеки съ красными пятнами дѣйствительно были ужасны; глаза, впалые и блестящіе, тоже краснорѣчиво говорили о ея состояніи. Лиза долго смотрѣла на себя, и горькое чувство западало въ грудь. — «Неужели такъ близокъ конецъ?» — въ невыразимой тоскѣ думала она, но не хотѣлось вѣрить. На другой же день она обратилась къ доктору; тотъ, выслушавъ ее, покачалъ головой и сказалъ, что болѣзнь очень за-

пущена, но не безнадежна. Впрочемъ, послѣднее утѣшеніе было сказано какъ-то мелькомъ. Выслушавъ множество совѣтовъ объ образѣ жизни, Лиза съ тяжелымъ чувствомъ вышла отъ доктора. Зеркало открыло ей многое. Что-то билось въ груди, прося жизни, а другой внутренній голосъ говорилъ, что жизнь невозможна. Днемъ онъ стихалъ иногда, но ночью безжалостно произносилъ приговоръ всѣмъ ея мечтамъ, идеямъ, стремленіямъ. А кругомъ эта трепещущая, короткая ночь, будто воплощеніе борьбы свѣта и мрака, счастія и страданія, жизни и смерти. Въ вискахъ кровь стучала, сердце сильно, сильно билось; вездѣ могильная тишина; соловей уже пересталъ пѣть; Лиза вслушивалась и мучилась вдвойнѣ. Ее перестала даже умиротворять тишина природы. Напротивъ, чѣмъ полнѣе становилась она, тѣмъ усиливались волненія Лизы. Въ тишинѣ всѣ ея мечты бились какъ въ предсмертной агоніи.

«О, какъ безжалостна природа!—болѣзненно думала она, оставаясь равнодушной ко всѣмъ страданіямъ.—Пусть весь міръ зальется кровью, но и тогда взойдетъ то же равнодушное, сіяющее солнце, то же небо будетъ смотрѣть съ своей высоты. Здѣсь никогда не можетъ быть гармоніи». И она продолжала всматриваться въ небесный сводъ съ его звѣздами, точно постигая какую-то тайну. Часто, когда сильный вѣтеръ высоко поднималъ волны на рѣкѣ, Лиза шла на берегъ и слушала ихъ угрюмый рокотъ; хотѣла ли она заглушить свое горе, или находила отвѣтъ своимъ вопросамъ въ этомъ безцѣльномъ, грозномъ движеніи, но она любила съ болью въ сердцѣ прислушиваться къ нему. Измученная Лиза возвращалась домой и засыпала въ своемъ креслѣ тяжелымъ, давящимъ сномъ. Минутами къ ней возвращалось спокойствіе, надежда на что-то лучшее, и она отдыхала съ Ваней. Даже онъ замѣтилъ въ послѣднее время въ ней что-то особенное. Конечно, ему и не представлялось, чтобы дѣло принимало серьезный оборотъ, но онъ мучился мыслію, что у ней есть какое-то тайное горе. Господи, какъ много бы онъ далъ, чтобъ уничтожить его, но, видно, это было не въ его силахъ. Былъ жаркій іюньскій день. Ванька гналъ по полю свое стадо, громко пощелкивая кнутомъ и покрикивая то на того, то на другаго изъ своихъ подданныхъ. Съ одной стороны смотрѣлъ березовый молодой лѣсокъ, съ другой разстилалось поле уже начинавшей желтѣть ржи, чередуясь полосами съ нѣжною зеленью овса. Иногда набѣгавшій вѣтеръ колыхалъ золотистыя волны, и

онѣ бѣжали къ самому горизонту. Пекло сильно. Ванька съ наслажденіемъ думалъ, какъ онъ выкупается, прійдя на свое завѣтное мѣсто. Волчокъ, высунувши языкъ, гонялся за овцами, забѣжавшими въ овесъ. Впереди уже стоялъ лѣсъ; гдѣ-то между деревьями сверкнула Волга. И хоть Ванька всю жизнь провелъ здѣсь, а все ему мило и ново, каждая березка, каждая сосенка. Стадо мелькало между зеленью оврага, сбѣгавшаго къ рѣкѣ.—«Эй, вы, любезныя!»—погонялъ Ванька и весело бѣжалъ за нимъ. Голубая, спокойная даль Волги разстилалась на большое пространство; по берегамъ нѣсколько деревень тонуло въ зелени; гдѣ-то сіяла на солнцѣ верхушка колокольни; глубокое, безмятежное небо подходило къ густой стѣнѣ лѣса.

«Вотъ благодать-то, приволье!—уже который разъ повторяетъ онъ и представляетъ себѣ, что было бы съ нимъ, еслибъ отвезли его въ городъ и засадили учиться.—Убѣжалъ бы назадъ,—рѣшаетъ Ванька,—не вытерпѣло бы сердце... За то послѣ ученья сколько будетъ радости. Разбогатѣлъ бы, домъ здѣсь выстроилъ на самомъ берегу, и Лизавета Михайловна со мной. Эка, хорошо-то! Хоть цѣлый день лежи, да смотри, какъ тучки бѣгутъ, волны плескаютъ. А она говоритъ, что нужно не для себя жить, нужно добро дѣлать; да вѣдь богатому все легко. Денегъ много, покупай, чего хочешь; гостинцевъ всѣмъ ребятамъ хватитъ, кому на рубашку, кому на сапоги, а кому и избу выстроить. Всѣ-то придутъ къ Ванькѣ-пастуху и благодарить станутъ. Сами же били, а потомъ христараднничать будутъ,—вдругъ злобно подумалось ему; но онъ отгоняетъ эту мысль и весь полонъ мечтаній, какъ Ванька-пастухъ бѣдняковъ, какимъ самъ былъ, приголубитъ и всѣмъ поможетъ.—Скажу, и я былъ такой, а вонъ какимъ вышелъ. А на самомъ часы серебряные, кафтанъ новый. И всѣмъ бѣднякамъ тогда станетъ легче жить. А ужь Лизавету Михайловну какъ холить стану,—руки не дамъ поднять. Тогда здоровая она будетъ, румянецъ во всю щеку.—Волчокъ послѣ своихъ тяжелыхъ трудовъ летитъ къ нему.—Вотъ и его не забуду, цѣпочку мѣдную привяжу, комнату отведу, отдѣльную. И такъ-то хорошо будетъ. А все ученье.—Онъ сбѣжалъ къ рѣкѣ и, скинувъ рубашку, перекрестясь на-скоро, бросился въ воду. Хорошо Ванькѣ, плескаетъ онъ водой, и высоко летятъ серебряные брызги, а сверху солнышко грѣетъ и ласкаетъ его.—Эхъ, приволье!—твердитъ онъ и кружится, играетъ водой, только бѣлая пѣна кругомъ, а дальше гладкая, спокойная голубая поверх-

ность рѣки. Проплыветъ иногда тучка и, на минуту затемнивъ ее, дальше бѣжитъ. — Словно гоняется за кѣмъ, — думаетъ Ванька, смотря, какъ скользитъ она въ чистомъ воздухѣ, и припоминаетъ по этому поводу всѣ научныя познанія свои. Смотритъ онъ на рѣку и любуется ея тишиной. — Вотъ тиха, а сколько бѣдъ каждый годъ дѣлаетъ! Пропадаютъ люди ни-за-что, ни-про-что. Подбѣжитъ волна, покроетъ и—прощай, поминай, какъ звали!—И думаетъ онъ, какъ тамъ, на днѣ, страшно, да одиноко.— Вонъ Лизавета Михайловна говоритъ, что русалокъ совсѣмъ и нѣтъ, значитъ въ рѣкѣ только рыбы однѣ; лежитъ покойникъ, а онѣ-то плаваютъ, кружатся; самъ-то зеленый, глаза выпучилъ, волосы какъ плети, — все болѣе и болѣе пугается Ванька и бѣжитъ назадъ на берегъ. Теперь ему прохладно въ лѣсу, только послѣдняя мысль что-то крѣпко къ нему привязалась.—А многіе сами себя изводятъ, топятся; значитъ жить-то на бѣломъ свѣтѣ не легко, всѣ къ Богу хотятъ, а вѣдь утопленниковъ Онъ не принимаетъ, и выходитъ, что нигдѣ имъ пріюта нѣтъ. Вотъ горе-то!»—вздыхаетъ Ванька и перелетаетъ своей думой дальше. Скоро должна придти Елизавета Михайловна, и онъ начинаетъ посматривать, не видать ли ее. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени слабо треснули сучья и въ зелени показалась Лиза. Волчокъ навострилъ уши, но, увидавъ знакомую, замахалъ хвостомъ. Опять они рядомъ сидятъ, Ваня со вниманіемъ слушаетъ ее и замѣчаетъ, что сегодня что-то неможется ей. И правда, она блѣднѣе обыкновеннаго; видно, мучается какой-то тайною мыслью.

— Ваня,—вдругъ сама себя прерываетъ она, — ты знаешь, я больна, можетъ умру скоро... Ваня, не горюй тогда, не приходи въ отчаяніе. Живи, голубчикъ, для пользы другихъ. Много такихъ бѣдныхъ, какъ ты, и всѣ они нуждаются въ помощи. Бейся, мучайся, но все-таки выходи на свѣтлую дорогу. Пусть насмѣшки и обиды сыпятся на тебя,—это все пустяки,—служи честно своему дѣлу, не обращая на нихъ вниманія... Помни, что всѣ мы, живущіе на этомъ свѣтѣ, обречены мучаться, — ужасно торопилась она, — но пусть это мученіе будетъ не за себя, а за другихъ...—Она остановилась, чтобы перевести духъ: кашель начиналъ душить ее.

Ваня сидѣлъ убитый и несчастный. Всѣ розовыя мысли его мгновенно улетѣли. Лиза хотѣла начать опять, но въ эту минуту позади ихъ раздался чей-то легкій смѣхъ. Она вздрогну-

ла и оглянулась. Волчокъ громко залаялъ. Шагахъ въ пяти, сіявшій и улыбавшійся, стоялъ Иванъ Степановичъ Зыбинъ. Масляная физіономія его, съ нахальнымъ, самоувѣреннымъ выраженіемъ, казалось, вся горѣла въ солнечныхъ лучахъ. Онъ тихо подступалъ, поигрывая цѣпочкой и стараясь быть изящнымъ.

— Съ первоначалу долженъ почтительнѣйше просить извиненія на счетъ своей смѣлости,—элегантно началъ онъ, прижимая руку къ сердцу.—Потому нѣжная пара сидитъ, все равно, какъ два голубка, и вдругъ на нихъ нападаетъ коршунъ злодѣй. Трогательно и умилительно!—заливался онъ мелкимъ смѣшкомъ.

— Оставьте насъ, — проговорила громко Лиза, но онъ нахально продолжалъ лѣзть.

— Гдѣ же-съ душа ваша великая, когда грѣшника отталкиваете отъ себя? Потому я тоже состраданія добиваюсь, какъ вы изволили это выразить, и по сему случаю къ вамъ-съ пришелъ.

Его глаза вдругъ заблестѣли какимъ-то огонькомъ. Ванька сидѣлъ блѣдный, съ горѣвшими глазами.

— Такъ не извольте-съ стѣсняться,—снова началъ Зыбинъ, разваливаясь около Лизы. Она вскочила, твердо выжидая, что будетъ дальше.—Чего же-съ испугались, мы не тронемъ, а если что и будетъ, то лишь отъ избытка чувствій,—все лѣзъ онъ съ тѣмъ же огонькомъ въ глазахъ. У него даже порвался голосъ, онъ замолчалъ и только смотрѣлъ на нее.—Ну, ты, убирайся,— вдругъ закричалъ онъ Ванькѣ страннымъ, прерывавшимся голосомъ, кидая ему двугривенный.

— Не уходи, Ваня, — прошептала Лиза, — онъ не посмѣетъ насъ обидѣть.—Она все сильнѣе блѣднѣла, опираясь на стволъ березы. Что-то небывалое до сихъ поръ совершалось въ ея душѣ. Что-то нестерпимо жгучее разливалось по всему существу Лизы, не прорываясь наружу.

Зыбинъ вдругъ порывисто охватилъ ее рукой и съ гадкимъ, скотскимъ выраженіемъ, близко наклонясь къ ней, заглянулъ въ лицо. Оно было мертвенно-блѣдно, но ему было все равно.

— Уйди! Убью! — закричалъ Ванька, съ трудомъ переводя дыханіе и, схвативъ его за руку, началъ тащить въ сторону. У него вдругъ явилась совсѣмъ не дѣтская сила; онъ, дѣйствительно, могъ убить въ эту минуту. Но Зыбинъ, казалось, не обращалъ на него вниманія: онъ все крѣпче обхватывалъ Лизу, которая даже сопротивляться не могла,—такъ страшно измучилась она въ эту минуту.

— Уйди!—кричалъ Ванька. Зыбинъ размахнулся и сильно его ударилъ. Тотъ пошатнулся, но, овладѣвъ собой, снова бросился на противника и впился зубами въ его руку. Волчокъ скакалъ и лаялъ на весь лѣсъ. Уже давно издалека доносился стукъ колесъ,- онъ приближался все ближе, слышались даже голоса. Зыбинъ рванулся и исчезъ въ чащѣ лѣса.

Все произошло необыкновенно быстро. Лиза безъ слезъ, изнеможенная, лежала около дерева. Ванька стоялъ мрачный, потупя голову, сжавъ кулаки. Никто не говорилъ ни слова. Оба слишкомъ сильно чувствовали. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ Лиза встала, подошла къ Ванькѣ и крѣпко, порывисто его обняла. Ему показалось, что ея слеза упала къ нему на лицо, но она не плакала,—это была одинокая, жгучая слеза.

VIII.

Послѣднее происшествіе отразилось одинаково сильно какъ на Елизаветѣ Михайловнѣ, такъ и на Ванькѣ, только по двумъ разнымъ причинамъ. Ему открылось вдругъ что-то новое, страшное, онъ нигдѣ не находилъ исхода своей тоскѣ.—«Господи, неужели умретъ?»—въ безъисходной, смертельной скорби своей повторялъ онъ. Ванька вставалъ на колѣни, молился за нее, но нигдѣ не находилъ покоя. Даже самъ Богъ теперь казался ему такимъ злымъ за то, что послалъ на нихъ несчастье. Теперь однѣ слезы облегчали его горе. Впрочемъ, ихъ никто не видалъ по-прежнему, кромѣ старыхъ друзей, Волчка и лѣса. Уже не прислушивался Ванька къ его шепоту,—горе было слишкомъ велико. А когда опять воскресала въ его воображеніи послѣдняя сцена, онъ заливался слезами и ненавидѣлъ еще сильнѣе всѣхъ мучителей. Впрочемъ, иногда мечты о будущемъ снова возвращались къ нему и примиряли съ настоящимъ.

Лиза была глубоко оскорблена. Она поняла, что жила не исключительно для другихъ, но и для самой себя. Тяжела была мысль, что для Вани такъ рано открывается развратъ, вся грязная сторона жизни. — «Но, можетъ и къ лучшему, — думала она: — его не поразитъ за то эта грязь, когда онъ самостоятельно выступитъ на борьбу».—Но главнымъ образомъ она страдала за себя.

— Умереть не дадутъ, не дадутъ въ могилу лечь,—съ горечью шептала Лиза, чувствуя, какими быстрыми шагами шла къ ней.

Во второй разъ докторъ сказалъ, что лѣчиться уже поздно,— болѣзнь такъ застарѣла, что надежды на искорененіе ея почти не было. Лиза благодарила за откровенность и съ страннымъ тоскливымъ чувствомъ вернулась домой. Грудь болѣла сильнѣе, кашель покоя не давалъ и, несмотря на частыя посѣщенія доктора, никакого улучшенія не было. Странное, сосредоточенное состояніе никогда теперь не оставляло ея. Подводились всеобщіе итоги. И между тѣмъ исчезала эта страстная, жгучая жажда жизни, которая еще такъ недавно звала Лизу въ свой мучительный водоворотъ. Даже казалось минутами, что и въ покоѣ можетъ быть счастье. Она закрывала глаза, воображая могильную тишину, и то забвеніе, которое такъ пугало ее прежде, становилось теперь даже отраднымъ.—«Видно жизнь устала, тѣло на покой просится», съ горькой улыбкой думала она, вспоминая свои 24 года. Но иногда вдругъ воскресали съ прежнею силой всѣ желанія; хотѣлось опять жить и бороться безъ конца. Тревожная мысль не могла заснуть такъ быстро и все билось въ борьбѣ. Лизѣ казалось иногда, точно какія-то струны рвались въ ея сердцѣ, и каждая, прежде чѣмъ лопнуть, издавала тяжелый, усиленный, болѣзненный звукъ. Это была ожесточенная борьба жизни и смерти. Лиза съ мучительнымъ чувствомъ прислушивалась, какъ рвались эти струны. Въ такомъ состояніи прошли двѣ недѣли. Съ Ваней она почти не видалась: слабость становилась такъ велика, что приходилось сидѣть дома. Онъ иногда забѣгалъ освѣдомиться объ ея здоровьѣ и съ тяжелымъ чувствомъ выходилъ черезъ минуту, боясь ее разстроить. Эти короткія посѣщенія происходили въ тайнѣ отъ Василья.

Разъ какъ-то, наканунѣ праздника, Ванька совсѣмъ уже въ сумерки зашелъ къ ней. Лиза полулежала на креслѣ, глаза были закрыты, волосы распустились и длинными прядями сбѣгали на грудь. При трепетномъ свѣтѣ сумерекъ блѣдность ея казалась поразительной. Ваня остановился у двери и съ невыносимою болью смотрѣлъ на нее; у самого что-то ныло въ груди, что-то тоскливо билось. «Спитъ»,—подумалъ онъ и хотѣлъ осторожно выйти.

— Это ты, Ваня?—раздался ея слабый голосъ.—Здравствуй, милый; сядь сюда. Я не спала... Спасибо, что не забываешь.

Ваня тихо подошелъ и сѣлъ на маленькую скамеечку, стоявшую возлѣ кресла.

Лиза замолчала. Было что-то мучительное и въ этой тишинѣ, и въ слабомъ, мерцавшемъ освѣщеніи умиравшаго дня.

— Лампу не засвѣтить ли?—рѣшился спросить онъ, но она только молча покачала головой.

Казалось, нужно было говорить или безъ конца много, или молчать, и она молчала, смотря разсѣянно на загоравшіяся звѣзды. Въ селѣ собака залаяла, издалека неслась пѣсня возвращавшихся съ поля косарей. Все было тихо. Послѣдніе звуки колокола, возвѣщавшіе о концѣ всенощной, радостно раздались въ вечернемъ воздухѣ и стихли. Народъ уже давно разошелся, а мысль, которая явилась слѣдствіемъ благовѣста, продолжала работать, то уничтожаясь, то возникая снова.

— Здѣсь же и меня отпѣвать будутъ; пронесется печальный звукъ съ колокольни и далеко улетитъ, только ни въ чьемъ сердцѣ не отзовется. Тоже народъ придетъ, но никто не пожалѣетъ, развѣ одинъ Ваня... А вѣдь тихо, хорошо будетъ лежать; кругомъ запахъ ладана, свѣчи горятъ, молитвы тянутся длинною вереницей, ни въ комъ не возбуждая мыслей... Въ первый и послѣдній разъ люди замѣтятъ и затѣмъ забудутъ навсегда... Всякій въ лицо заглянетъ... Отчего это смерть возбуждаетъ такое вниманіе и любопытство живыхъ? Своею тайной?... А тайна въ чемъ?...

Мысли Лизы спутались. Наплывъ ихъ былъ такъ великъ, что одна смѣняла другую, не давъ ей закончиться. Картины прошлаго воскресали съ новою силой, точно начали приближаться какіе-то далекіе звуки. Мысли, свои и чужія, вдругъ воскреснувшія лица и событія нахлынули толпой, смѣшиваясь въ одно неразрывное цѣлое. Казалось, въ каждомъ темномъ углу ея комнатки стояли призраки минувшаго, то исчезая, то появляясь вновь. Но, несмотря на страшный приливъ воспоминаній и думъ, Лиза уже не чувствовала того мучительнаго томленья, которое прежде становилось до невозможности болѣзненнымъ. Какъ будто какой-то важный вопросъ былъ уже окончательно рѣшенъ и вдругъ пересталъ ее тяготить. Остались тѣ же мысли, но уже примиренныя и успокоенныя.

«Можетъ покой смерти»,—думала Лиза, но не вздрагивала и не блѣднѣла теперь при этомъ рѣшеніи. Будущаго уже не было для нея, это она мучительно сознавала; оставалось примиреніе съ прошлымъ. Да вѣдь и съ нимъ давно уже все было покончено; только сама она была связующимъ звеномъ; скоро должно было порваться и оно. И мысль примиряла прошедшее, настоящее и въ безмолвіи склонялась передъ будущимъ. Но одно горькое сознаніе не могло стихнуть. Все-таки ей ничего не удалось. Она

прошла въ жизни совершенно незамѣченной, ненужной; такъ и умереть. Останется одна могила, даже безъ креста, безъ подписи, всѣмъ чужая. А какія силы ощущались въ груди, когда родилось желаніе страдать и бороться.—Куда пропали?—съ горечью думаетъ теперь Лиза.—Все истлѣло, уничтожилось. Затѣмъ явились эти стремленія, безплодныя и никому ненужныя... Зачѣмъ жила?... Лишняя, лишняя!»—шептала она и склонялась подъ тяжестью своей думы.

Ваня сидѣлъ возлѣ нея и только теперь понялъ, что ей плохо. «Неужели помретъ?—мелькнуло вдругъ у него въ головѣ.—А такія вѣдь не живутъ... Она святая будетъ,—какіе за ней грѣхи? Только одинокой къ небу пойдетъ... Господи, возьми и меня къ себѣ!»—вдругъ подумалось ему. Онъ не спускалъ глазъ съ нея. Она сидѣла все съ тѣмъ же скорбнымъ выраженіемъ.

У иконы слабо мерцала лампадка. На небѣ звѣзды разгорались, мѣсяцъ выплывалъ изъ-за лѣса, кое-гдѣ на Волгѣ мелькали сторожевые огни.

Лиза вдругъ вздрогнула и очнулась. Ей показалось, что въ одномъ углу стояла та самая страшная фигура, о которой такъ много въ послѣднее время она думала. Страшная, въ бѣломъ покрывалѣ, съ блестящею косой, смотрѣла она, и какая-то отвратительная улыбка раздвигала челюсти ея безобразнаго черепа. Сумракъ окутывалъ ея члены и все ближе, казалось, подходила она.

«Господи, уже видѣнія начинаются,—думала черезъ минуту Лиза.—Неужели же такъ скоро конецъ?...»

— Ваня, зажги лампу, мнѣ что-то нехорошо, страшно,—проговорила она.

Ванька проворно вскочилъ и принялся дрожащими руками зажигать лампу. Туслый свѣтъ ея наполнилъ всю комнату, мгновенно небо потемнѣло, поблѣднѣли звѣзды. Лиза замѣтила это. Она за всѣмъ стала наблюдать съ какимъ-то болѣзненнымъ вниманіемъ.

— Милый,—прошептала она, обнявъ Ваню,—если я что сдѣлала въ своей жизни, такъ только Ваню приласкала. Живи, живи!—Она опять смолкла.—Почитай что-нибудь,—тихо сказала она, чтобы прервать томительное молчаніе, которое вдругъ испугало ее,—все равно, что попадется...

Онъ подошелъ къ книжной полкѣ и взялъ книгу, которую уже прежде читалъ. Это была священная исторія, ветхій завѣтъ. Лиза взяла ее и, раскрывъ, гдѣ попалось, подала Ванѣ.

Открылась исторія о Содомѣ и Гоморрѣ. Мѣрно, отчетливо началъ читать Ванька. Лиза почти не слыхала его,—она опять впадала въ прежнее состояніе. Часы на церковной колокольнѣ пробили 10, и этотъ звукъ возобновилъ прерванныя мысли. Опять представилась церковь, и по срединѣ въ гробу Лиза, уже равнодушная ко всему. «Упокой, Господи, душу усопшей рабы твоея»—съ поражающей ясностью доносится до нея.—«Слава Отцу и Сыну и Св. Духу»—поютъ на клиросѣ.—Значитъ, дѣйствительно жизнь тяжелый подвигъ, если славятъ Бога въ благодарность за уничтоженіе ея... Нѣтъ, а все-таки жизнь хороша, хороша своимъ мученіемъ... О, еслибы жить!»—вырвался вздохъ.

А Ваня внятно, съ разстановкой читаетъ.

— «Неужели ты погубишь праведнаго съ нечестивыми,—сказалъ Авраамъ Господу.—Можетъ-быть есть въ этомъ городѣ 50 праведниковъ».

Мысли Лизы неслись дальше.

«Въ этой страстной привязанности къ жизни, часто проклинаемой, и заключается коренной природный консерватизмъ людей. Вѣдь въ будущемъ нѣтъ страданія, а міръ все живетъ своей жалкой, но обожаемой жизнью. Смерть—полный переворотъ, оттого она и страшна, какъ все новое». Мысль вдругъ оборвалась и снова перелетѣла къ прошлому.

Опять старый барскій домъ вставалъ въ ея воспоминаніяхъ. Большая зала, по срединѣ глазетовый гробъ и въ немъ—мать. Эта картина особенно часто стала рисоваться въ послѣднее время передъ Лизою. «Она наслаждалась, я мучилась, а результатъ одинъ и тотъ же»—думаетъ она о матери. Въ углу, утирая слезы, припомнилась старушка-няня.—«За всѣхъ не перемучаешься»—точно доносятся ея слова.—Да, въ нихъ была глубокая истина. Никого не сдѣлать счастливымъ и за всѣхъ томиться...

«Гдѣ-то теперь она?... Ни одного письма еще здѣсь отъ нея не получила... Милая, добрая, спасибо тебѣ,—ты много радости дала твоей несчастной барышнѣ. Хотѣла вѣдь пріѣхать ко мнѣ, но будетъ уже поздно,—мучительно подумалось Лизѣ.—Поплачетъ обо мнѣ, сходитъ на кладбище, молитву прошепчетъ,—ту молитву, которая такъ горячо несется изъ груди народа?.. Она и Ваня... развѣ мало двухъ любящихъ?... Она Ваню къ себѣ возьметъ... Все будетъ хорошо. Старушка воспитаетъ его...»

Въ тишинѣ раздаются слова Вани:

— «Господь обѣщалъ пощадить городъ и для 20 праведниковъ».

«Вотъ какъ онъ уже хорошо читаетъ. Вѣдь я его научила... Можетъ хоть одинъ честный... О, дай-то Богъ!»

— «Да не прогнѣвается Владыка, что я скажу еще однажды: можетъ-быть найдется десять.—Пощажу и для десяти,—отвѣчалъ Господь».

Лиза прислушалась къ послѣднимъ словамъ. Они ясно, отчетливо донеслись до нея.

— Ваня!—вдругъ начала она, когда онъ замолчалъ въ ожиданіи, прикажетъ ли она читать дальше.—Понялъ ли ты, что прочиталъ? Я скажу тебѣ. Люби міръ и людей изъ-за этихъ десяти праведниковъ. Значитъ, есть силы и любовь у того народа, который произвелъ ихъ. Ваня, вѣрь, что придетъ время, когда правда побѣдитъ, зло уменьшится. Люби ихъ, — они сами несчастны. И за что же ты возненавидишь всѣхъ, когда между ними есть и праведники, въ которыхъ все спасеніе и надежда?... Не только десять,—одного найдешь, изъ-за него прости всѣхъ и ихъ полюби.

Лиза совсѣмъ впала въ изнеможеніе, — такъ горячо проговорила она эти слова. Ваня смотрѣлъ въ полъ, слушая ее съ глубокимъ вниманіемъ. Иногда онъ вытиралъ кулакомъ набѣгавшую слезу и продолжалъ слушать. Прошло нѣсколько времени. Гдѣ-то сверчокъ трещалъ, да тяжело дышала, иногда покашливая, Лиза. Она въ послѣдній разъ сѣяла любовь, чтобы люди современемъ собрали жатву.

— Ваня, ты вѣдь въ го́рѣ выросъ, тебѣ легче будетъ жить. Честно живи,—начала было она, но голосъ пресѣкся.—Нѣтъ, не могу, устала,—съ какимъ-то даже отчаяніемъ прошептала она.— О, зачѣмъ я не могу жить! — вырвался у нея крикъ. Обнявъ Ваню, она стала смотрѣть въ его влажные глаза.—«Вотъ плачетъ, меня жаль», — думала она, а у самой что-то жгло и ныло въ груди. Лиза пристально смотрѣла на него.

«Въ душѣ у меня читаетъ», — подумалъ тогда Ваня. Онъ всталъ, чтобъ уходить.

— Сегодня мнѣ что-то нехорошо... Завтра опять легче будетъ,—старалась она утѣшить его.—Прощай, милый!

Лиза привстала съ кресла, крѣпко обняла его и въ безсиліи опять опустилась. Потупя голову, Ваня шелъ къ двери.

— Подожди еще, вдругъ позвала его Лиза и, быстро вскочивъ, три раза его перекрестила. Она страстнымъ, долгимъ поцѣлуемъ приникла къ его лбу.—Милый, спасибо тебѣ!—прошептала она.

Черезъ минуту Ванька ушелъ. Лиза осталась одна. Ей вдругъ показалось, что этимъ жгучимъ поцѣлуемъ она простилась со всѣмъ міромъ. И въ эту минуту почувствовала такую любовь къ нему, такое страстное желаніе помочь въ его страданіяхъ, что мысль о смерти снова показалась ужасной. Но тогда же Лиза поняла, что уже все кончено. Возбужденіе было слишкомъ сильно: едва дошла она до своего мѣста, едва схватилась за кресло, какъ тихо, будто подкошенная, безъ чувствъ упала въ него. Опять свѣтлая, глубокая ночь осѣняла землю и въ золотистомъ свѣтѣ луны переливалась рѣка. Уже небо алѣло на востокѣ и на горизонтѣ стояли багровыя облака съ какимъ-то трепетнымъ, розовымъ отблескомъ.

IX.

Зыбинъ никогда не могъ забыть оскорбленія, нанесеннаго ему мадамой, какъ въ злобѣ онъ называлъ Лизу, а главное—Ванькой. Рука довольно сильно вспухла и безпрестанно напоминала дерзость мальчишки-пастуха.

«Вотъ посмотритъ негодяй, я его упеку! — въ бѣшенствѣ твердилъ онъ.—Да и мадамѣ спуску не дамъ... Ишь любовника себѣ нашла,—повторялъ онъ, изобрѣтая имъ месть и забывая, что Ванькѣ всего 13 лѣтъ. На первое время нужно было скрыть скандалъ, и Иванъ Степановичъ, какъ тонкій дипломатъ, сдерживалъ свои порывы. Ванькѣ было легко отомстить, — Василій кругомъ задолжалъ старику Зыбину, такъ что орудіе у нихъ было въ рукахъ. Лизу онъ рѣшилъ пока неотступно преслѣдовать, разсказывать про нее разные ужасы крестьянамъ, а главное—объ ея безнравственности, и выжидать удобнаго случая для болѣе серьезныхъ дѣйствій. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, гроза надъ Ванькиной семьей разразилась. Зыбинъ требовалъ немедленной уплаты всѣхъ долговъ, а они составляли весьма чувствительный для Василья кушъ. Онъ снова валялся въ ногахъ, Христомъ Богомъ заклиналъ ихъ спасти его отъ нищенской сумы, клялся, что уплатитъ долгъ черезъ мѣсяцъ, но старикъ не сдавался.

— Къ намъ уваженія не имѣете, а намъ вашего брата ненужно,—важно говорилъ онъ.

— Ужь мы ли вашу милость не почитаемъ? Мы ли Бога не молимъ за ваше здравіе? Господи, кто же благодѣтели наши окромя васъ!—слезно умолялъ Василій, ползая въ ногахъ старика.

— А что Ванька твой съ сыномъ моимъ Иваномъ въ лѣсу сдѣлалъ, а?—вдругъ грозно промычалъ Зыбинъ,—аль не знаешь? Такъ знай же!—и онъ разсказалъ исторію въ лѣсу въ совершенно искаженномъ видѣ.

— Учительша сама свиданіе ему назначила, а Ванька вишь въ защитники полѣзъ; такъ понимаешь ли, дуракъ ты эдакій, каково моему сердцу родительскому приходится, если всякая дрянь, плевка не стоющая, сына моего обижать будетъ?... Ну, пошелъ вонъ! Такъ и быть, двѣ недѣли сроку даю, только знай, чтобы мальчишкѣ было примѣрное наказаніе. Выдери, при всей деревнѣ, да такъ, чтобы вѣкъ не забылъ.

Василій съ облегченнымъ сердцемъ вышелъ отъ Зыбина, давая клятву такъ выдрать Ваньку, какъ еще никого въ деревнѣ не драли.

«Вишь, окаянный, семью свою губить захотѣлъ!... Такъ я же покажу ему себя, узнаетъ силу отцовскую!..» И вечеромъ того же дня рѣшилъ привести свою угрозу въ исполненіе.

Ровно черезъ два дня послѣ описанной сцены у Лизы Ваньку выдрали и затѣмъ посадили въ амбаръ.

— Съѣстъ тебя домовой!—проговорилъ Василій, вталкивая его туда.

Аксинья тупо смотрѣла на все происходившее, а сестренки спрятались по угламъ и пугливо оттуда выглядывали.

Ночь. Ванька въ амбарѣ сидитъ. Давно заснула деревня. Въ тихомъ ночномъ воздухѣ ясно донеслись до него десять ударовъ колокола съ сельской колокольни, и опять все стихло. Въ маленькое окно амбара смотритъ клочокъ неба, покрытаго грозовою тучей. Кругомъ такая темнота, хоть глазъ выколи. Стонетъ сердце у Ваньки, но ни одной слезы не проронилъ онъ сегодня.

«Ужъ какъ мучалъ,—думаетъ онъ, въ ожесточеніи, объ отцѣ, а все же я не крикнулъ, слезинки не выронилъ...

«Проклятые!—стиснувъ зубы, повторяетъ онъ,—за что били-то? Развѣ моя вина? Небось, самъ отецъ пропиваетъ все добро, а меня бьютъ... Проклятые!»—твердилъ онъ въ страшномъ ожесточеніи, и это слово какъ-то особенно рѣзко раздавалось въ общемъ молчаніи.

Гдѣ-то мышь заскреблась, и опять все стихло. Окружавшая тишина мало-по-малу, казалось, смиряла Ваньку. Первое чувство проходило,—злоба была слишкомъ сильна и измучила его.

Онъ въ изнеможеніи опустился на землю; голова пылала отъ всѣхъ воспоминаній.

«Нарочно передъ всей деревней... Позоръ-то какой!—думаетъ онъ и мучается вдвойнѣ.—А Петька-то Захаровъ такъ зубы и оскалилъ; небось радъ, что не его одного дерутъ. Да и всѣ они радовались, небось. Постылые!»—и онъ сверкаетъ въ темнотѣ своими глазами.

«Господи, только бы она не узнала!—вдругъ подумалъ онъ о Лизѣ.—Стыдъ-то какой. Вѣдь больна она; узнаетъ, тосковать станетъ... Какъ быть-то?... Разскажутъ ей, все разскажутъ... Да мнѣ-то ничего, а ей каково?... Господи, что же дѣлать?—въ отчаяніи твердитъ Ванька.—Здоровье-то ея плохое. Что будетъ-то?»—И въ ужасѣ отъ мысли, что будетъ, онъ весь трясется.

«Темь-то какая!—оглянулся Ванька вокругъ.—Боязно: ночь, домовой придетъ. Хоть и говоритъ Лизавета Михайловна, что домовыхъ нѣтъ, а все жутко... Эхъ, засадили куда! Бросили бы псамъ лучше ужь за одно!»—и вдругъ онъ чувствуетъ, что слезы подступаютъ къ глазамъ.

«Убили бы за-разъ, чѣмъ томить-то попустому»,—уже совсѣмъ заливался Ванька, не стѣсняясь, что кто-нибудь увидитъ его. Слезы облегчили его, думы мало-по-малу успокоились.

«За что любить-то ихъ?—вспоминаются ему слова Лизы.—Не за что. Всѣ они—волки!»—и кулаки сжимаются въ безсильной злобѣ. Вдругъ Ванька вздрогнулъ: какіе-то звуки раздавались въ тишинѣ.

«Домовой пришелъ...—мелькнуло у него въ головѣ, и въ страхѣ онъ пятится назадъ.—«Съѣстъ тебя домовой»,—слышатся ему въ темнотѣ слова отца, и, весь трепеща, онъ дальше прячется въ уголъ.

«Да что же это я?—вдругъ самъ застыдился Ванька.—Вѣдь это буренка въ стойлѣ ворочается, а я и не вѣсть что... Немного легче становится на душѣ, а все-таки жутко.

«Вѣдь если теперь не пришелъ, потомъ будетъ... Вѣдь въ амбарѣ *онъ* каждую ночь бываетъ, потому хозяинъ»,—опять думаетъ Ванька и, чтобы разсѣять свой страхъ, рѣшается пройти нѣсколько шаговъ.

«Что это, словно щекочетъ кто?»—замираетъ у него сердце.

Онъ попалъ въ паутину, и лохмотья ея висятъ у него по лицу; самъ паукъ выпутывается изъ своихъ тенетъ. Но Ванька не замѣчаетъ этого и тихо, цѣпенѣющими губами, творитъ молитву.

Онъ засѣлъ въ уголъ и глаза закрываетъ, чтобы не видать мрака. На верху, подъ крышей, встрепенулась проснувшаяся птица, а Ванька снова коченѣетъ отъ страха. Сова гдѣ-то прокричала, и слышится ему, что она кричитъ: «Заѣстъ тебя домовой». Онъ забылъ въ эту минуту всѣ наставленія Лизы и трепеталъ *хозяина*.

«Хоть бы заря поскорѣе!» — Но небо угрюмо темнѣетъ и гдѣ-то вдали слышатся раскаты грома.

«Что - то теперь Лизавета Михайловна? Должно, спитъ, а можетъ болѣсть томитъ,—начинаетъ разсуждать онъ, приходя въ себя.—Ужь больно худа стала, словно свѣчка таетъ; и дышетъ тяжко, и кашель рветъ... Жива ли?»—вдругъ точно кто подсказалъ ему и снова Ванька трясется и мучается, даже на сердцѣ похолодѣло.

«Спаси ее, Господи, помоги ей, не дай умереть. Меня лучше возьми,—никому нужды во мнѣ нѣтъ... Спаси ее и помилуй»,— молится онъ, а самъ не смѣетъ двинуться отъ страха и горя.

«Кто-то скребется... — вдругъ слышитъ онъ и чувствуетъ, какъ волосы на головѣ становятся дыбомъ.—Вотъ пересталъ.— Онъ весь обратился въ слухъ.—Смолкло... Вотъ опять... Что же это?... Кто тамъ?—робко раздаются въ тишинѣ его слова. Что-то визжало, прыгало, царапалось. — Волчокъ!» — догадался Ванька и даже перекрестился, вздохнувъ съ облегченнымъ сердцемъ.

«Ну, теперь съ нимъ не такъ боязно... Теперь, можетъ, и домовой не придетъ».

Вдругъ красный огонь прорѣзалъ темноту, освѣтивъ на мгновенье и съёжившагося отъ страха Ваньку, и какой-то хламъ кругомъ, и снова все погрузилось въ мракъ.

«Мóланья!»—шепчетъ онъ и опять крестится. Ударилъ громъ; старенькій амбаръ, казалось, зашатался отъ сильнаго сотрясенія. Слышны падающія крупныя капли дождя. Налетѣлъ холодный порывъ вѣтра, гдѣ-то хлопнулъ ставней, поднялъ облако пыли и проникъ къ Ванькѣ. Береза жалобно билась вѣтвями. Громко крикнула разбуженная птица. У двери вьется Волчокъ и протяжно взвываетъ. Все тоскливѣе становится Ванькѣ. Страхъ прошелъ,—вѣдь его охраняетъ Волчокъ,—но отъ тоски никто не охранитъ.

«Теперь бы въ лѣсъ,—думаетъ онъ.—Тамъ привольно. Ишь вѣтрища какой, сколько теперь деревьевъ поломаетъ!... Что-то молодая береза у оврага, устоитъ ли? Небось, все-то тамъ ме-

чется, стонетъ, полымемъ божій огонь сверкаетъ, на небѣ громъ перекатывается, птица всякая бьется, пріюта ищетъ. Ишь буря-то какая, много—поломаетъ!...» И чудится ему, какъ валятся деревья, и лежатъ они на землѣ, уныло шелестя помертвѣвшими листочками. Но скоро мысли опять перелетаютъ въ школу, къ Лизѣ.

«Пожалуй, испужается грозы-то, — вѣдь хворая. Одна совсѣмъ. Небось, Яковлевна сама на печку забралась».

А молнія опять заглянула въ оконце, опять близко грянулъ громъ, и только ливень шумитъ, гремя о землю, да воетъ вѣтеръ. Ванька усталъ, измучился.—«Кабы уснуть,—думаетъ онъ и закрываетъ глаза.—Срамъ-то какой, срамъ... Только-бъ не узнала... Да и то ничего,—она добрая», опять возвращается прежняя мысль; но на душѣ стало легче, мука стихла, изрѣдка Ванька молитву шепчетъ. И, погружаясь въ дремоту, онъ начинаетъ мечтать, какъ славно современемъ они заживутъ. Опять домъ на берегу Волги мерещится, ихъ счастливое житье... А на дворѣ все бушуетъ гроза; хоть громъ и стихаетъ, но молнія по-прежнему заглядываетъ на Ваньку. Онъ успокоился, заснулъ. Вдругъ снова протяжно, заунывно крикнула сова. Ванька очнулся; даже холодный потъ выступилъ на лбу.—«Словно по покойникѣ»—думается ему, и опять воскресаетъ та мысль, которая мелькала у него въ первый разъ.

«Господи, коли случится!—повторяетъ онъ, весь потрясенный событіями дня и угрюмой обстановкой своей, не рѣшаясь назвать то, чего такъ страшился. Что-то привязалась къ нему эта мысль и покоя не даетъ.—Нѣтъ, Богъ не попуститъ. Мы снова заживемъ!»—утѣшаетъ онъ себя и дѣйствительно понемногу успокоивается, снова погружаясь въ дремоту.

Гроза прошла. Изрѣдка даже проглядываетъ звѣзда, снова скрываясь въ обрывкахъ тучъ. Ласковое, серебристое облачко посмотрѣло въ оконце и дальше уплыло. Ванькѣ грезится что-то хорошее, радостное. Гдѣ-то вдалекѣ онъ отъ всѣхъ злодѣевъ, ему сладко, его всѣ любятъ; знакомый зеленый лѣсъ, говоръ ключа, пѣніе малиновки баюкаетъ его. —«Ваня, а Ваня! — слышится ему во снѣ; онъ думаетъ, что это кто-то хочетъ его приласкать.—Ваня, Ваня!»—снова доносится до него шепотъ. Онъ раскрываетъ глаза: все тотъ же амбаръ, въ окно ясное небо видно, на немъ звѣзда горитъ.—«Стихла гроза»,—шепчетъ онъ и, свернувшись клубочкомъ, опять хочетъ заснуть.

— Ваня!—уже чей-то усиленный голосъ слышенъ ему. Кто-то стоитъ у окна и зоветъ его.

«Не чудится ли?—думаетъ Ванька, но раздается тихій стукъ въ дверь.

— Здѣсь! — отвѣчаетъ онъ въ страхѣ и надеждѣ. — «Зовутъ ласково, тихо; значитъ, не отецъ. Кто бы такой?»—мелькнуло у него. Чья-то рука шарила по двери, отыскивая задвижку. Затая дыханіе, онъ ждалъ, что дальше будетъ. Запоръ щелкнулъ, дверь скрипнула и отворилась. Свѣтъ широкою полосой ворвался въ амбаръ. Въ дверяхъ стояла чья-то маленькая, сгорбленная фигура. Она снова назвала Ваньку.

— Здѣсь,—отвѣчалъ онъ, поднимаясь изъ своего угла.

— Не узнаешь, чай, Яковлевну?—проговорила старуха.—За дѣломъ пришла, не по-пустому. Лизавета Михайловна хочетъ повидаться съ тобой, такъ поворачивайся живѣе. Вишь достала тебя, сокровище какое, изъ-подъ желѣзныхъ замковъ.

— Яковлевна, родимая, аль ей больно не можется?—съ трепетомъ спрашивалъ Ванька, но старуха почему-то не отвѣчала.

— Говорятъ тебѣ, иди за мной. Живо!—отрѣзала Яковлевна, и оба выступили въ походъ. Ночь совсѣмъ разъяснилась. Только изрѣдка на уходившей тучѣ еще вздрагивала серебристою струей молнія. Въ кудрявыхъ, прозрачныхъ облакахъ прятался молодой серпъ мѣсяца, окруженный, точно кружевомъ, дымчатыми и золотистыми тучками. Во ржи кричали перепела, гдѣ-то вторили имъ ночные отголоски. Иногда серебристыми волнами колыхалась наливающаяся рожь, наполняя воздухъ сладкимъ, одуряющимъ запахомъ. На востокѣ горѣла свѣтлая полоска.

— Яковлевна, скажи, родная, съ чего ночью-то вдругъ я понадобился ей?—допрашивалъ Ванька, въ ужасной боязни услышать то, что шепталъ ему кто-то въ амбарѣ.

— Ишь ты, неугомонный какой!—ворчала старуха, развязывая мало-по-малу языкъ.—Говорю: жива; только вишь ей что-то причудилось, она и испугалась. «Яковлевна,—говоритъ,—сходи за Ваней, сдѣлай милость».—«Изволь, говорю, схожу, потревожу старыя кости». А передъ этимъ я ее водила по школѣ; все обошли. Ужь очень слаба стала, еле ноги передвигаетъ, а знай твердитъ: «Какъ мнѣ хорошо, да легко; только бы Ваню повидать». Полюбился ты ей пуще всего. Чего, думаю, хорошаго, кашляетъ съ кровью, вся надрывается, по лицу слезы текутъ... Теперь-то полегчало. Вотъ я грозу-то переждала, да и пошла; а

по дорогѣ разговорилась съ вашей сосѣдкой, Марьей,—тоже изъ села шла. Она мнѣ и разскажи, что у васъ тутъ случилось. Я къ тебѣ, въ амбаръ. Благо ночь, никто не видалъ, и Волчокъ даже не залаялъ. Вотъ и вытащила богатыря изъ-подъ замковъ,— окончила она свой разсказъ.

— Значитъ, плохо ей. Господи!—въ страхѣ повторялъ Ванька и бѣжалъ по тропинкѣ, прорѣзавшей поле высокой ржи. Яковлевна не поспѣвала за нимъ.

— Куда бѣжишь-то, куда бѣжишь?—ворчала она, задыхаясь и оставаясь позади.

А Ванька все бѣжалъ впередъ, изрѣдка показываясь изъ-за ржи и снова ныряя въ ея высокія волны. Голова кружилась и отъ избытка ощущеній, и отъ свѣжаго душистаго запаха поля. Деревня, гдѣ жилъ Ванька, находилась въ одной верстѣ отъ села Спасскаго. Бѣлая церковь, облитая лунными лучами, свѣтлѣла на темномъ горизонтѣ, покрытомъ пронесшеюся тучей. Угрюмая разстилалась впереди Волга, кое-гдѣ свѣтлѣя красными огоньками. Мокрая отъ дождя крыша школы блестѣла среди окружавшей ее зелени. Ванька взглянулъ на окна; въ нихъ было все темно, только въ одномъ слабо мигалъ огонекъ. Яковлевна осталась позади,—ее даже не было видно. Ваня тихо толкнулъ дверь; она была не заперта.

«Господи, что-то будетъ!—въ страхѣ прошепталъ онъ и, перекрестившись, вошелъ въ школу. Прихожая была совсѣмъ темная; онъ ощупью прошелъ дальше. Вотъ классная, скамейки въ порядкѣ разставлены вдоль комнаты, повыше чернѣетъ доска; лучи мѣсяца проникаютъ черезъ окна и освѣщаютъ картины изъ Св. Писанія, развѣшанныя по стѣнамъ. Все какъ прежде, вездѣ тотъ же порядокъ.—Вотъ сейчасъ, сейчасъ...—трепещетъ Ванька, приближаясь къ ея комнатѣ.—Вѣрно спитъ,—тишь-то какая!»

Дѣйствительно, ни одинъ звукъ не будилъ мертвой тишины. Ваня слышалъ удары своего сердца. Онъ даже дыханіе затаилъ.

«Должно-быть лампадка теплится,—вдругъ подумалъ онъ, вспоминая огонекъ въ окнѣ.—Яковлевна зажгла ее. Вѣрно, спитъ. Я не разбужу, войду». А сердце все стучитъ. Уже нѣсколько минутъ стоитъ онъ возлѣ двери, не рѣшаясь войти.

«Что это Яковлевна нейдетъ!»—думаетъ Ванька, пугаясь тишины, и слышитъ въ это время, какъ она отворяетъ наружную дверь, кряхтя и охая отъ усталости, и опять все погружается въ тишину.

«Пошла спать къ себѣ»,—догадался онъ и стоитъ въ ожиданіи чего-то. Гдѣ-тополь треснулъ. Ванька вздрогнулъ и вдругъ быстро отворилъ дверь. Изъ общаго полумрака глянулъ слабо мигавшій огонекъ лампадки. Онъ безпрестанно мелькалъ, то почти потухая, то снова наполняя комнату тревожнымъ, красноватымъ свѣтомъ.

«Такъ и есть, лампадка горитъ»,—думаетъ Ванька и присматривается дальше.

Любимое кресло Лизы пусто; оно повернуто къ окну,—точно еще недавно она сидѣла здѣсь, можетъ-быть смотря на ночь. Кровать стоитъ въ углу, за занавѣской, и тамъ такая же тишина.

«Спитъ, спитъ,—рѣшаетъ Ванька и старается прислушаться къ ея дыханію.—Небось умаялась, крѣпко заснула.—Душно. У него опять голова закружилась. Онъ присѣлъ на стулъ и снова слушаетъ.—Хоть бы вздохнула,—мелькаетъ у него въ головѣ и чѣмъ-то томительнымъ наполняется сердце.—А что, коли пойти да тихонько отдернуть занавѣску,—вдругъ приходитъ ему мысль.—Вѣдь давно не видалъ. Только бы поглядѣть на нее. Авось не проснется. Да вѣдь сама звала.—Онъ рѣшается привести свой планъ въ исполненіе. Блѣдный свѣтъ луны мелькнулъ въ окно, озаривъ и Ваньку, и занавѣску.—Теперь дѣло складнѣе выйдетъ, а то еще что уронишь въ темнотѣ.—Лампадка мигнула и погасла, наполнивъ комнату копотью и дымомъ. А Ванька тихо отодвигаетъ занавѣску. Вотъ кровать выдѣлилась изъ темноты. Лиза, казалось, крѣпко спала, одѣяло свѣсилось на полъ.—Да, да, спитъ»,—рѣшаетъ Ванька и любуется, какая тихая и спокойная она лежитъ.

«Ну, слава тебѣ Господи, знать не похудшало, коли спитъ.—Лучъ прокрался черезъ окно и освѣтилъ спокойное, блѣдное лицо Лизы.—Усмѣхается,—продолжаетъ Ванька разсматривать ее.—Знать что причудилось.—Онъ рѣшается приблизиться.—Крѣпко спитъ, не разбудишь.—А лучъ все играетъ по красивому лицу ея и окружаетъ его трепетнымъ, таинственнымъ сіяніемъ. Коса выбилась изъ-подъ головы и, разсыпавшись, свѣсилась съ подушки. Тишина мертвая; въ селѣ ни звука.

Жутко становится Ванькѣ. Онъ рѣшается чуть-чуть кашлянуть.—«Что это не двинется,—опять думаетъ онъ.—Усмѣхнулась и лежитъ... Хоть бы словечко прошептала, хоть бы вздох-

нула. Нѣтъ, тихая... Да и не дышетъ»,—вдругъ въ смертельномъ страхѣ подумалось ему.

— Лизавета Михайловна!—окликаетъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Не слышитъ.—Опять онъ ее позвалъ, и снова та же мертвящая тишина. Все ближе наклоняется Ванька, блѣдный, глаза выпучилъ. Онъ близко приникъ къ спящей, но она не слышитъ и только все усмѣхается... Ванька вскрикнулъ и упалъ къ ея ногамъ.

X.

Взошла заря, блеснули ея первые лучи, а Лиза лежала все съ тою же улыбкой, словно не могла оторваться отъ сладкаго сна. Въ оцѣпенѣніи въ ногахъ ея сидѣлъ Ванька, вытаращилъ глаза и застылъ, не спуская взгляда съ тихаго, кроткаго лица покойной. Онъ не страдалъ,—онъ ничего не могъ чувствовать. Пришла Яковлевна на утро, увидала, въ чемъ дѣло, и, шепча молитву, отошла къ образу. Снова лампадка зажглась, начались приготовленія. Но Ванька не видалъ всего этого; онъ смотрѣлъ на Лизу, ничего не сознавая и ощущая только что-то ужасное, что его придавило и уничтожило,—точно гора обрушилась. Онъ даже не слыхалъ, какъ Яковлевна вывела его изъ комнаты и посадила на крыльцо. Когда его вернули, Лиза лежала уже на столѣ, такая же кроткая, красивая, съ тою же улыбкой на лицѣ. И опять Ванька приковался къ ней своими глазами. Входили люди, священникъ служилъ панихиду, но все это для него было гдѣ-то далеко, что-то совсѣмъ чужое. Онъ не замѣчалъ, какъ входившіе шептали о немъ, какъ подошелъ было Василій къ нему, но ушелъ, не сказавъ ни слова. Все это было гдѣ-то далеко, не здѣсь. Явился на минуту молодой Зыбинъ и, не совсѣмъ ловко себя чувствуя, подъ предлогомъ духоты, оставилъ школу. Бабы стояли возлѣ покойной и тихо шептали между собой. Нѣсколько ребятишекъ то молча, съ любопытствомъ, смотрѣли на нее, то принимались усердно выбивать земные поклоны. Явился гробъ, и Лиза узнала счастье послѣдняго покоя. Дьяконица, вся въ черномъ, явилась съ букетомъ цвѣтовъ. Она плавно подошла къ гробу и, поднявъ къ небу глаза, что-то тихо начала шептать, изрѣдка поднося къ лицу платокъ и подолгу оставаясь въ такомъ положеніи. Она забыла всѣ обиды, нанесенныя ей Лизой, и по христіанскому обычаю пришла отдать ей послѣдній долгъ. Цвѣты

мягко ложились вокругъ блѣднаго личика покойной, и, казалось, она благодарила за эту память о себѣ, можетъ-быть даже просила прощенія. Снова панихида, снова народъ, наполнившій большую комнату школы, а затѣмъ ночь, псаломщикъ и слабое сіяніе свѣчи. А Ванька все у гроба стоитъ, не наглядится. Что-то чудное творится въ его душѣ. Онъ и не думаетъ, что завтра опять народъ придетъ, священникъ, и унесутъ Лизу туда, куда она такъ боялась попасть. Но теперь ей хорошо, она усмѣхается отъ счастья и, можетъ, даже Ваньку зоветъ туда же, гдѣ миръ и покой.

«И Ванька туда же»,—вдругъ мелькаетъ въ его головѣ первая опредѣленная мысль; онъ продолжаетъ смотрѣть на нее. А она руки скрестила и, можетъ, за него молится.

«Туда же, туда», все крѣпнетъ его намѣреніе и больше ничего пока онъ не можетъ сознавать. Иногда доносятся слова псаломщика, но и это гдѣ-то далеко. Только одна Лиза лежитъ здѣсь покойная, счастливая. И вдругъ онъ почувствовалъ что-то новое. У него вдругъ горе явилось, онъ зарыдалъ и заплакалъ. До сихъ поръ было одно оцѣпенѣніе,—теперь легче стало. Звѣзды трепетали на небѣ, опять мѣсяцъ заглянулъ на покойную, но окно было завѣшано, и ему не удалось повидать ее. Опять солнце взошло, но у Ваньки теперь была уже одна мысль, которая успѣла родиться и состариться въ эту ночь. Онъ понялъ вдругъ, что когда-нибудь ее унесутъ, что онъ останется одинъ, и тогда-то его дума и скажетъ ему, какъ быть. Теперь Ванька сознавалъ, что онъ живой, не мертвый. Даже когда Яковлевна утромъ подошла къ нему и предложила что-нибудь съѣсть, онъ отказался,—значитъ, все понялъ. Это снова увеличило его горе: «Я живой, а вонъ она-то лежитъ—не движется», въ отчаяніи подумалъ Ванька, и прежняя мысль опять явилась откуда-то. Новыя слезы, новыя рыданія. Когда утромъ вся комната биткомъ набилась народомъ, Ванька уже видѣлъ всѣхъ, смотрѣлъ, но не плакалъ. Онъ тщательно оберегалъ отъ нихъ свое горе.

— Ишь, каменный, слезы не выронилъ!—донеслось до него во время панихиды, но онъ не понялъ этихъ словъ. Все та же мысль вполнѣ поглощала его. Гробъ понесли въ церковь. Свѣтлый день провожалъ Лизу. Ласточки рѣяли надъ ней; гдѣ-то подъ небесами пѣлъ жаворонокъ. Сзади толпились народъ и ребятишки.... Кончили, отпѣли, простились, закрыли гробъ, а дума Ваньки не отвязывается даже въ минуту послѣдняго прощанья.

Нѣтъ, тогда-то она вдругъ представилась ему вполнѣ неизмѣнной и законченной. Понесли на кладбище, зарыли... Лизы нѣтъ, осталась могилка.... И народъ разошелся... А съ верху льются тѣ лучи, которые любила она; они и Ваньку ласкаютъ. Береза что-то шепчетъ и словно плачетъ, роняя съ листьевъ капли минувшаго дождя. Тихо на кладбищѣ, хорошо. Ванька прильнулъ лицомъ къ сырой землѣ и не встаетъ, все прислушивается, не скажетъ ли чего покойная. Волчокъ лежитъ возлѣ; онъ нашелъ своего друга. И вдругъ всѣ мысли, которыя высказывала Лиза, припомнились Ванькѣ; словно онъ услыхалъ ихъ, все крѣпче прижимаясь къ могилѣ.

«Люби людей,—твердила покойная,—и живи для нихъ». Онъ вспомнилъ это, но не могъ ихъ любить.—«Прости, родимая!»—шепчетъ онъ».—«Если одного праведника найдешь, люби за него всѣхъ»,—опять долетаютъ до него ея послѣднія слова, но онъ никого не нашелъ и никого не любитъ.—«Если къ другимъ ненависть будешь имѣть, себя возненавидишь»,—слышится ему, но теперь уже все равно. Онъ цѣлый день пролежалъ на кладбищѣ; уже и солнце зашло, небо потемнѣло, и мѣсяцъ освѣтилъ холмикъ, подъ которымъ лежала Лиза, а Ванькѣ все-то припоминается и что-то странное происходитъ въ его головѣ; всѣ мысли заканчиваются тою же одной, которая столько разъ уже являлась ему.

«Да, нынче, нынче,—твердитъ онъ горячими губами.— И Волчокъ тоже»,—добавляетъ Ванька, смотря на своего стараго друга..

— Прости же, прости родимая!—твердитъ онъ и цѣлуетъ рыхлую землю, влажную и отъ вечерней росы, и отъ его слезъ. Онъ всталъ.—«Сейчасъ, сейчасъ!»—упорно преслѣдуетъ его мысль. Ванька отошелъ отъ могилы и оглянулся; она рѣзко выдѣлялась на зеленомъ коврѣ своимъ угрюмымъ, безжизненнымъ видомъ. Луна освѣщала ее. Ванька это замѣтилъ.

«Ласкаетъ ее,—весь въ слезахъ думаетъ онъ и дальше бѣжитъ.—Зайти къ ней въ послѣдній разъ»,—рѣшаетъ Ванька, проходя мимо школы, и отворяетъ дверь. Яковлевна окликнула его изъ своей коморки.

— Ступай, ступай, батюшка, посмотри!—проговорила она, выходя и громко вздыхая.—Всѣ подъ Богомъ ходимъ, прійдетъ и нашъ часъ. Да свѣчу возьми,—неравно испужаешься послѣ покойницы-то.

Ванька вошелъ въ комнату, гдѣ еще такъ недавно горячо поучала Лиза. Все было прибрано, только запахъ ладана говорилъ о недавней кончинѣ. Посмотрѣлъ Ванька кругомъ, и тоска сжала сердце. Онъ прошелъ дальше въ ея комнату, гдѣ она такъ ласкала его. Всякая вещь вызывала у него слезы. Сколько радости онъ узналъ здѣсь, сидя на маленькой скамеечкѣ, но все прошло. Онъ подошелъ къ окну, гдѣ лежалъ измятый листочекъ почтовой бумаги.

«Въ ея ручкахъ было»,—проговорилъ Ванька и взялъ листокъ. Слезы сжимали его горло. Это было письмо, полученное Лизой за день до смерти отъ няни.

«Родимая моя барышня, солнышко мое!—писала она.—Что-то давно, моя радость, не получала отъ васъ вѣсточки. Здорова ли, счастлива ли? Благодарю Творца и Создателя, что сподобитъ еще увидѣть мою радость неоцѣненную, Лизаньку. Родные съ дѣлами поуправились и отпускаютъ меня старуху къ вашей милости. А дастъ Господь, и совсѣмъ съ вами останусь. Больно хочется умереть на вашихъ драгоцѣнныхъ ручкахъ. Ужь стара стала и здоровье плохо. Надѣюсь черезъ недѣльку свидѣться съ моимъ сокровищемъ. Всѣ мои просятъ позволенія поцѣловать вашу ручку, а я ужь попросту цѣлую прямо въ алыя губки.

«По гробъ жизни ваша Наталья Чернышева».

Письмо было написано съ ошибками, крупнымъ старушечьимъ почеркомъ. Ванька долго разбиралъ его, потомъ бережно сложилъ и опять положилъ на окно. Что-то призадумался онъ.—«Да вѣдь и она скоро туда же»,—пронеслось въ головѣ. Онъ подошелъ къ кровати. Здѣсь сердце не вытерпѣло, и Ванька горько заплакалъ. Онъ бросился на подушку, осыпая ее горячими поцѣлуями. Сердце стонало въ немъ.

— Ну, теперь туда. Эй, Волчокъ!—закричалъ онъ вдругъ, вскакивая, и почти опрометью бросился бѣжать. Волчокъ гнался за нимъ. Вотъ поле ржи разступилось передъ ними и поглотило, точно въ крѣпкихъ объятіяхъ. Увидалъ ихъ лѣсъ и привѣтливо замахалъ головой. Гдѣ-то птичка испуганная встрепенулась и высоко поднялась, словно звала Ваньку съ собой. И свѣтлые лучи льются на него, и небо ласково глядитъ. А вотъ и она, матушка, разстилается передъ нимъ, тихая, глубокая, точно тайну какую разгадываетъ. Тишина, благодать вездѣ. Гдѣ-то на томъ берегу костеръ горитъ,—должно-быть табунъ пасется,—и длинными язы-

ками взбѣгаетъ къ верху пламя, отражаясь въ водѣ. Оглянулся Ванька вокругъ. Все старые знакомые, всякое дерево, всякій кустъ: вонъ можжевельникъ растетъ; какъ пугался, бывало, ночью Ванька, смотря на него,—все казалось, что человѣкъ стоитъ. Все то милое, знакомое, родное... «Господи, сколько радости бывало здѣсь!... А теперь не будетъ»,—вздохнулъ онъ. А вонъ оврагъ: здѣсь онъ ягоды собиралъ; сколько бывало находилъ птичьихъ гнѣздъ и не разорялъ ихъ, зная, какъ тяжело живется обиженнымъ. И все-то его здѣсь любило,—здѣсь не было враговъ. Казалось, его жизнь сливалась со всѣмъ этимъ привольемъ, и тогда вдругъ забывалась тяжелая, суровая доля.—«Эй, Волчокъ!—кричитъ снова Ванька, а Волчокъ уже давно здѣсь и смотритъ на своего друга.—Старина моя!—гладитъ его Ванька и вдругъ начинаетъ его обнимать.—Мы вмѣстѣ, вмѣстѣ,—шепчетъ онъ, а у самого слезы бѣгутъ изъ глазъ.—Намъ съ тобой здѣсь нѣтъ житья».

Ванька къ самой рѣкѣ подошелъ и смотритъ. Тиха Волга, вся переливается. И кругомъ тоже глубокая, задумчивая тишина. Словно все призадумалось.

«Господи, благослови!»—шепчетъ Ванька и, крестясь, идетъ въ воду. Все глубже становится, уже по поясъ. Онъ оглянулся назадъ: тамъ покой и тишина. Но вѣдь и Ванька идетъ туда же; только здѣсь метели, да бури бываютъ, а тамъ всегда свѣтло; солнышко не жалѣетъ тепла и всѣ не нарадуются своему счастью. Ступилъ онъ еще два шага и опять назадъ смотритъ. Лѣсъ прислушивается и свѣтлый, ласковый что-то шепчетъ. Можетъ и онъ груститъ о Лизѣ.

— Волчокъ, сюда, скорѣй сюда!—кричитъ Ванька, а у самого голосъ отъ страха дрожитъ. Слезы на лицѣ блестятъ въ свѣтлыхъ лучахъ. Волчокъ скакалъ, визжа, по берегу, но не рѣшался слѣдовать за другомъ. Онъ въ первый разъ ослушался его. Вода Ванькѣ по горло. Тихія, блестящія струйки ближе подбѣгаютъ къ нему, сверху звѣзды сіяютъ, небо свѣтится, рѣка зарумянилась алыми полосами, скоро заря; мѣсяцъ надъ лѣсомъ стоитъ.

— Волчушенька, скорѣй ко мнѣ, не оставляй! — рыдавшимъ голосомъ кричитъ Ванька, но Волчокъ только громче взвываетъ.

Ванька сдѣлалъ еще шагъ и... его ужь не видно. Только мелкіе круги побѣжали, дробясь въ лунномъ сіяніи, и по-прежнему

невозмутимо-тиха рѣка. Звѣзды начинали гаснуть, легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по лѣсу и зарябилъ поверхность воды. Ночь кончалась. Только, бѣгая въ отчаяніи по берегу, томительно завывалъ Волчокъ, и далеко разносился его вой по широкому волжскому приволью. На востокѣ загоралась заря. Рѣка и небо свѣтлѣли золотистымъ, багровымъ сіяньемъ.

Н. Паприцъ.

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

А. М. Сулливана.

(Переводъ съ англійскаго.)

XIII *).

Арендная лига.

Трудно было ожидать, чтобы «голодныя очищенія»**), достигшія такихъ громадныхъ размѣровъ, не вызвали протеста со стороны общественнаго мнѣнія. Около 1850 года сцены изгнанія наполняли страну тяжелымъ и тревожнымъ настроеніемъ. Теорія, на нѣкоторое время усыпившая было народъ и вызвавшая нѣкотораго рода примиреніе,—теорія, что очищенія и эмиграція принесутъ благо и тѣмъ, кто уѣзжаетъ, и тѣмъ, кто останется,—уступила мѣсто противоположному взгляду, который разростался съ каждымъ днемъ. Уже весною 1849 года публичныя собранія начали обнаруживать всеобщее неудовольствіе, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ весь островъ былъ нравственно возмущенъ. На сторону сопротивленія изгнаніямъ сталъ не одинъ какой-нибудь географическій округъ, или провинція, какъ бывало не разъ впослѣдствіи,—упорные пресвитеріане Доуна, Антрима и Дерри приходили къ тому же рѣшенію, какъ и порывистые католики—кельты Корка, Мэйо и Типперари. Въ первый разъ за пятьдесятъ лѣтъ Ульстеръ братски пожалъ руку Мюнстеру. Разореніе, уже прошедшее по южнымъ провинціямъ, начиналось и на сѣверѣ.

Изучая ирландскій поземельный вопросъ, всякій встрѣчается съ такъ называемымъ «ульстерскимъ обычаемъ» или «ульстер-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

**) Изгнанія арендаторовъ съ земли ландлордовъ гуртомъ во время голода. *Примѣч. перев.*

скимъ правомъ». Этому обычаю Ульстеръ главнымъ образомъ обязанъ исключительнымъ благосостояніемъ и довольствомъ своего земледѣльческаго населенія. А отсутствію такого обычая—отрицанію какого бы то ни было подобнаго права — вся остальная Ирландія, можетъ-быть въ большинствѣ случаевъ, обязана своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ Ульстеромъ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ. Еще въ прошломъ столѣтіи этотъ «ульстерскій обычай» былъ до извѣстной степени урѣзанъ, а потому и имѣетъ теперь различный видъ не только въ различныхъ частяхъ одной и той же провинціи, но даже одного и того же имѣнія у одного и того же собственника. Онъ возникъ гораздо больше изъ духа, чѣмъ изъ буквы тѣхъ хартій и грамотъ, по которымъ Ульстеръ «насаждался» въ царствованіе Іакова I. Впослѣдствіи его смыслъ заключался въ томъ, что арендаторъ имѣетъ право занимать ферму, платя надлежащую ренту, право на невозвышеніе ея, вслѣдствіе увеличенія цѣнности земли отъ улучшеній, произведенныхъ фермеромъ. Это право, реализованное въ тѣхъ прибавкахъ къ цѣнности земли, которыя фермеръ на ней сдѣлалъ, мало-помалу въ общей сложности выростало въ довольно значительную собственность. «Арендное право» во многихъ имѣніяхъ превышало цѣну простой покупки земли безъ улучшеній. Предположимъ имѣніе, оцѣненное полстолѣтія тому назадъ, безъ улучшеній арендатора, въ 10.000 фунтовъ въ годъ или 250.000 фунт. всего. Благодаря труду и капиталу арендаторовъ, теперь оно пріобрѣло стоимость въ 20.000 фунт. въ годъ или 500.000 фунт. всего, Изъ нихъ собственникъ владѣлъ своими 250.000 фунт., а другіе 250.000 фунт. принадлежали арендаторамъ; они признавались полной и законною ихъ собственностью, какъ покупная цѣна—собственностью ландлорда. Это арендное право покупалось и продавалось ежегодно, т. е. уходящій арендаторъ продавалъ входящему свою часть на фермѣ. На фермѣ въ 50 акровъ ульстерской аренды продавецъ часто получалъ 20-ти и 30-ти-лѣтнюю разницу между рентой и годовымъ доходомъ, т. е. сумму около 3.000 фунт. Если ландлордъ хотѣлъ выгнать арендатора, онъ могъ это сдѣлать не иначе, какъ заплативши ему предварительно за его арендное право въ фермѣ. Онъ могъ, конечно, выгнать арендатора за неплатежъ ренты или по другимъ причинамъ, но во всякомъ случаѣ долженъ былъ уплатить изгоняемому весь остатокъ его арендкаго права за вычетомъ ренты, судебныхъ издержекъ, законныхъ убытковъ и т. п. Или—результатъ почти

тотъ же—ландлордъ могъ сказать арендатору: «Ты не платишь своей ренты; ты истощаешь ферму и долженъ оставить ее. Продай, за сколько можешь, свое арендное право, заплати мнѣ твой долгъ и уходи».

При такой системѣ, неизвѣстной или скорѣе не признаваемой закономъ внѣ Ульстера, эта провинція цвѣла подобно саду и сдѣлалась мѣстомъ благосостоянія, изобилія, довольства и процвѣтанія, даже прежде, чѣмъ энергія народа, обращенная на мануфактуру и промышленность, открыла ему новые пути къ богатству.

Какимъ же образомъ случилось, что такая благодѣтельная по своимъ результатамъ система утвердилась только въ одной провинціи? Почему усилія арендаторовъ получить такое право въ другихъ мѣстахъ встрѣчали такой настойчивый и упорный отказъ?—Отвѣтъ на эти вопросы не доставляетъ удовольствія ни тому, кто говоритъ, ни тому, кто слушаетъ, во-первыхъ, потому, что Ульстеръ былъ «колоніей для насажденія» и, во-вторыхъ, потому, что въ Ульстерѣ насаждающіе ландлорды получали свои земли подъ выраженнымъ или подразумѣваемымъ условіемъ «насаждать» ихъ, *прикрѣпляя населеніе къ землѣ*, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ острова практиковалась политика—*высаживать*, *искоренять, считать туземное папистское населеніе*. Даже въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ съ теченіемъ времени искорененіе сдѣлалось слишкомъ ненавистнымъ и опаснымъ, съ этихъ поръ остались существенные слѣды такой политики, составляющіе совершенный контрастъ съ «ульстерскимъ обычаемъ», а именно правило, что фермеръ не имѣетъ права на продолжительное держаніе земли, а арендуетъ ее изъ года въ годъ по милости ландлорда, и по закону не имѣетъ права ни на одинъ шиллингъ вознагражденія даже за свои собственныя затраты. Если *онъ* осушилъ или улучшилъ землю, такъ что болото, стоившее прежде два шилл. за акръ, теперь цѣнится во столько же фунтовъ, ландлордъ по закону имѣлъ право назвать эти улучшенія *своими* и заставить арендатора платить два фунта за акръ такой земли.

Послѣдствіемъ подобной системы, составлявшей такой рѣзкій контрастъ съ «ульстерскимъ правомъ», было совершенно противоположное состояніе хозяйства и общества сравнительно съ тѣмъ, какое замѣчается въ сѣверной провинціи, а именно: небрежность—вмѣсто благосостоянія, грязь—вмѣсто комфорта и чистоты,

лачуги—вмѣсто домовъ *), необезпеченность, недовѣріе, натянутость, враждебность между ландлордомъ и арендаторомъ, ненависть къ правительству и смертельная вражда къ закону, который провелъ эту линію различія, эту границу притѣсненія и несправедливости между протестантскимъ сѣверомъ и католическимъ югомъ. Если гдѣ-нибудь, по счастью, неизбѣжное зло системы кажется незамѣтнымъ, то это навѣрно зависитъ отъ чего-нибудь противодѣйствующаго системѣ, а не отъ нея самой. Если какой-нибудь ландлордъ не присвоиваетъ себѣ въ видѣ повышенія ренты плодовъ арендаторскаго труда, то, навѣрно, этотъ исключительный ландлордъ и его семейство честнѣе самого закона.

Въ обществахъ иначе составленныхъ, въ странѣ, гдѣ собственникъ и рабочій принадлежали къ одной расѣ и вѣрѣ, гордились одною національностью и въ цѣломъ двигались однѣми политическими задачами,—эта система, быть-можетъ, и породила бы гораздо меньшее зло, хотя обѣдненіе одного класса для несправедливаго обогащенія другаго всегда ведетъ къ соціальной розни. Но въ кельто-католическихъ провинціяхъ Ирландіи, гдѣ земля, какъ общее правило, была роздана людямъ одной націи и исповѣданія, а обработывалась людьми другой расы и вѣры, гдѣ ландлорды и крестьяне представляли побѣдителей и побѣжденныхъ,—чего можно было ожидать отъ такого кодекса?

Мало сказать, что фермеры Мюнстера, Канаута и Лейнстера видѣли, какъ въ протестантскомъ углу острова справедливость сдѣлалась закономъ, — на дѣлѣ это самое право продолжительнаго заниманія земли за извѣстную ренту или «дань лорду» была ихъ собственнымъ древне-кельтійскимъ обычаемъ, къ которому они и тяготѣютъ самымъ настойчивымъ образомъ до сихъ поръ. Подчиненіе Ирландіи англійской коронѣ—конфискація въ теченіе шести столѣтій — обозначало въ ихъ умахъ перемѣну господъ, которымъ слѣдовало платить ренту, но никогда — не перемѣну, уничтожавшую ихъ право держать землю, платя за нее ренту. Съ точки зрѣнія закона, конечно, новая система вступила въ

*) Не можетъ быть сомнѣнія, что убогость крестьянскихъ домовъ въ Ирландіи, крайнее равнодушіе населенія къ комфорту, чистотѣ и опрятности—почти вполнѣ вытекаютъ изъ того, что всякое улучшеніе ведетъ къ возвышенію ренты. Во времена своей юности я также пылалъ ревностью къ «цвѣтникамъ передъ котеджами» и къ уничтоженію сорныхъ кучъ; но всѣ мои убѣжденія ни къ чему не вели. Мнѣ отвѣчали: «Нѣтъ, сэръ, если мы сдѣлаемъ свое мѣсто такимъ чистымъ, агентъ скажетъ, что мы можемъ платить бо́льшую ренту».

Прим. авт.

силу, когда исчезъ кодексъ Брегона въ 1607 году; но земледѣльческое населеніе не признавало въ принципѣ перемѣны въ держаніи земли даже спустя цѣлыхъ два столѣтія. Договоръ между Англіей и Ирландіей, заключенный послѣ сдачи Лимерика въ 1691 году, содержалъ многія тяжелыя условія, хотя и гарантировалъ за послѣднею страной нѣкоторыя цѣнныя права, которыя, хотя договоръ и былъ нарушенъ съ другой стороны, никогда не вызывали вооруженныхъ враждебныхъ дѣйствій въ теченіе болѣе ста лѣтъ. Еслибы масса населенія поняла тогда же, что это не была только перемѣна ландлордовъ, а потеря права жить на землѣ, они скорѣе затопили бы островъ кровью, чѣмъ подчинились договору.

И когда ужасная дѣйствительность мало-по-малу начала выясняться для нихъ, они стали сопротивляться одиночнымъ, неорганизованнымъ и противузаконнымъ путемъ, свирѣпой и ужасною войной, извѣстной въ нашихъ скорбныхъ лѣтописяхъ подъ именемъ «аграрныхъ насилій». «Раппари» и «Тори» въ прошломъ столѣтіи, «Бѣлыя-ноги», «Терріальты», «Рокайты», «Дефендеры» и «Риббонмены» — всѣ эти аграрныя организаціи и тайныя общества были лишь фазами того, что мѣтко было названо «низшею формой гражданской войны».

Но быть-можетъ спросятъ, какимъ же образомъ ульстерскіе арендаторы, облагодѣтельствованные такою прочной арендой и такой обезпеченною собственностью, страдали отъ золъ, вызвавшихъ въ другихъ мѣстахъ «очищенія» въ 1849 и 1850 гг.? — Отвѣтъ и разъясненіе выдвигаютъ на сцену одну черту или, вѣрнѣе, результатъ ульстерской системы, который въ самой этой провинціи могли предвидѣть только очень немногія личности.

Ульстерскій обычай благодѣтеленъ для арендатора почти исключительно до тѣхъ поръ, пока все идетъ хорошо; но какъ только наступилъ рядъ неурожайныхъ годовъ и цѣнность фермы начала падать, потери ложились исключительно на его долю. Прежде, чѣмъ ландлордъ поплатится хоть однимъ шиллингомъ своего дохода, должно быть поглощено арендное право, равное цѣнности неулучшенной земли. Рента всегда первая обезпечивалась арендымъ правомъ, и до тѣхъ поръ, пока она могла выручить на аукціонѣ хоть однимъ пенни больше ренты, ландлордъ не могъ пострадать отъ «дурнаго времени».

Конечно, между ульстерскими ландлордами было нѣсколько такихъ, которые въ 1848, 49 и 50 годахъ гнушались настаивать

на своемъ несомнѣнно законномъ правѣ и сами добровольно приходили на помощь своимъ арендаторамъ; но въ существѣ дѣла вся сумма потерь голода была покрыта тою частью цѣнности фермы, которая въ формѣ арендного права стояла между ландлордами и бѣдствіемъ. Мало того, многіе сѣверные ландлорды пользовались случаемъ и на тяжелыхъ условіяхъ скупали у нуждающихся фермеровъ ихъ право или урѣзывали, сокращали и стѣсняли древній обычай, которымъ такъ гордилось населеніе Ульстера. Вотъ почему въ 1850 г. газеты *Derry Standard* и *Banner of Ulster* говорили такимъ же бунтовскимъ и насильственнымъ языкомъ, какъ и *Nation*, *Cork Examiner* или *Freeman's Journal*.

Изъ ряда публичныхъ митинговъ по этому поводу возникли такъ-называемыя общества «огражденія аренды». Первое изъ нихъ по времени было основано въ Калланѣ, въ графствѣ Кильkенни, гдѣ два молодыхъ католическихъ священника—препод. Томасъ О'Ши и препод. Матвей Киффе—своимъ страстнымъ краснорѣчіемъ и искреннимъ энтузіазмомъ подняли все населеніе. Но сѣверъ, обитатели Ульстера, предводительствуемые почтеннымъ ветераномъ дѣла фермеровъ, Вильямомъ Шерманомъ Кроуфордомъ, чл. парл., скоро стали впереди движенія. Ульстерскіе пресвитеріане проповѣдывали объ арендномъ правѣ не только въ своей прессѣ, но и съ каѳедры; они внесли его въ чисто духовныя собранія или свои синоды, къ великому ужасу нѣкоторыхъ старшинъ. Когда препод. Роджерсъ изъ Комбера предложилъ въ одномъ изъ такихъ пресвитеріанскихъ синодовъ въ Ульстерѣ (въ маѣ 1850 г.) резолюцію, что въ парламентъ должна быть подана петиція въ пользу арендного права, то д-ръ Кукъ назвалъ это ужаснымъ дѣломъ,—не потому, чтобъ онъ былъ менѣе горячимъ защитникомъ арендного права, чѣмъ его младшіе товарищи, но главнымъ образомъ потому, что онъ слышалъ, какъ нѣкоторые изъ преподобныхъ братьевъ изъ ихъ среды проповѣдуютъ «коммунизмъ». М-ръ Поттеръ изъ Айлендмаги спросилъ его, не хочетъ ли онъ сказать этимъ, что поземельный вопросъ самъ по себѣ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ нравственными и религіозными условіями народа. Д-ръ Кукъ отвѣтилъ, что нѣкоторые изъ братьевъ «нападали на дворянъ и аристократію страны и такимъ образомъ нарушили слово Божіе, гласящее: «не говори дурно о правителѣ народа твоего»,—а подъ правителемъ онъ понимаетъ не только королеву, но и всѣхъ участвующихъ въ управленіи страной». Это было уже слишкомъ даже для синода.

Преподобный м-ръ Роджерсъ.—«Что касается до коммунистическихъ и соціалистическихъ ученій, приписываемыхъ защитникамъ аренднаго права, то я долженъ сказать, что за послѣднія 200 лѣтъ такой соціализмъ былъ на другой сторонѣ (слышите?). Всѣ затраты фермеровъ-арендаторовъ систематически шли въ карманы ландлордовъ. Малое меньшинство поглощало собственность девяти десятыхъ провинцій».

Д-ръ Кукъ.—«Вотъ это онъ самый и есть. Теперь соціализмъ проповѣдуется въ синодѣ!»

М-ръ Роджерсъ.—«Я указываю на фактъ. Повидимому, нѣкоторые члены забыли, что бѣдный человѣкъ имѣетъ собственность, которая должна быть такъ же обезпечена, какъ и богатаго».

Несмотря на все это, огромнымъ большинствомъ было рѣшено, что «синодъ ходатайствуетъ передъ парламентомъ, чтобы, какую бы онъ мѣру ни принялъ для улаженія отношеній между ландлордами и арендаторами въ Ирландіи, она должна, во всей его цѣлости, обезпечивать ульстерскому арендатору-фермеру гонимый обычай его провинціи, извѣстный подъ именемъ «аренднаго права».

Затѣмъ петиція была принята и ульстерское пресвитеріанское духовенство первое смѣло выступило съ ходатайствомъ распространить на всю Ирландію права и гарантіи, аналогичныя ульстерскому обычаю. Д-ръ Кукъ съ горечью объявилъ, что общественный грѣхъ пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ довелъ ихъ до того, что они дѣйствуютъ за-одно съ католиками.

Тогда м-ръ Роджерсъ сказалъ: «Меня сильно осуждаютъ за мое поведеніе потому, что я дѣйствовалъ за-одно съ папистскимъ духовенствомъ. Быть-можетъ я ошибался, поступая такимъ образомъ; но я долженъ сказать, что, поступая такъ, я слѣдовалъ примѣру д-ра Кука».

Д-ръ Кукъ.—«Я прошу васъ доказать, что я былъ гдѣ-нибудь хоть съ однимъ изъ нихъ. Гдѣ и когда это было?»

М-ръ Роджерсъ.—«Это было въ Квинсъ-Колледжѣ. Я былъ тамъ на собраніи, въ которомъ участвовали д-ръ Кукъ и католическій епископъ д-ръ Денвиръ».

Хотя почтенный старецъ и опровергъ это ужасное обвиненіе, но ему не удалось поколебать рѣшеніе синода—высказать свое одобреніе мирной агитаціи.

Обстоятельство, такъ глубоко возмущавшее д-ра Кука, что пресвитеріанское духовенство дѣйствовало по одной и той же

политической програмиѣ съ католиками, скоро пріобрѣло себѣ широкое распространеніе. Необходимость въ центральномъ учрежденіи, которое взяло бы на себя иниціативу новаго движенія, чувствовалась все глубже и глубже. Преимущества соединенія всѣхъ многочисленныхъ арендныхъ обществъ и другихъ подобныхъ мѣстныхъ организацій, стоявшихъ до сихъ поръ отдѣльно другъ отъ друга, въ одну большую ассоціацію были очевидны.

27 апрѣля 1850 г. въ ирландскихъ газетахъ появилось объявленіе слѣдующаго содержанія:

„Въ Дублинѣ готовится конференція, въ которой арендныя общества четырехъ провинцій будутъ имѣть случай сравнить свои взгляды и принять совмѣстныя рѣшенія. Группы, согласившіяся созвать ее, принадлежатъ ко всѣмъ секціямъ народной партіи и имѣютъ общее имъ всѣмъ желаніе привести этотъ вопросъ къ удовлетворительному рѣшенію. Ихъ спеціальныя объявленія скоро будутъ разосланы всѣмъ существующимъ арендныиъ обществамъ, популярнымъ журналистамъ и наиболѣе дѣятельнымъ и вліятельнымъ друзьямъ арендваго права въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они еще не организованы“.

Объявленіе было подписано тремя извѣстными личностями, руководителями партій трехъ различныхъ исповѣданій: англійскимъ протестантомъ д-ромъ Греемъ (впослѣдствіи сэръ Джонъ), собственникомъ и издателемъ *Freeman's Journal*, ульстерскимъ протестантомъ Самуиломъ Мак-Курди Гриромъ, присяжнымъ повѣреннымъ (позднѣе членъ парламента отъ графства Дерри), и католикомъ Фридрихомъ Люкасомъ, собственникомъ и издателемъ газеты *Tablet*. Предложеніе было горячо поддержано по всему королевству. Въ теченіе первыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ во всякой провинціи, во всякомъ графствѣ единственнымъ предметомъ усилій, заботъ и интереса была предстоящая арендная конференція.

6 августа 1850 года по-истинѣ замѣчательное собраніе наполняло до тѣсноты домъ городскаго общества въ Вильямъ-стритѣ, въ Дублинѣ, который для этой цѣли спеціально предназначенъ гражданскимъ совѣтомъ Сити. Острый шотландскій акцентъ Ульстера смѣшивался съ широкимъ дорійскимъ Мюнстера. Пресвитеріанское духовенство привѣтствовало «папскихъ священниковъ съ братскимъ расположеніемъ». Джемсъ Гадкинъ, издатель *Derry Standard* (человѣкъ, котораго рѣдкія литературныя способности были вполнѣ посвящены безпристрастному служенію ирландскимъ интересамъ), сидѣлъ бокъ-о-бокъ съ Джономъ Френсисомъ Магайромъ изъ ультрамонтанскаго *Cork Examiner*'а. Тамъ были магистраты, ландлорды и толпы делегатовъ отъ арендаторовъ каждой провинціи. По общему согласію, одинъ ульстерскій пресвите-

ріанскій журналистъ, д-ръ правъ Джемсъ Мак-Кнайтъ *), издатель *Banner of Ulster*, былъ выбранъ предсѣдателемъ. Конференція засѣдала 4 дня. Принятыя резолюціи гласили, что «справедливая установка ренты между ландлордомъ и арендаторомъ въ Ирландіи необходима», что «арендаторъ не долженъ терпѣть безпокойства, пока онъ платитъ ренту», и что «арендаторъ долженъ имѣть право продавать собственную долю со всѣми ея принадлежностями за наивысшую рыночную цѣну». При самомъ началѣ занятій конференція встрѣтила нѣкоторыя затрудненія. Въ теченіе голодныхъ годовъ по всей странѣ наросли недоимки ренты, которыя даже тамъ, гдѣ ихъ не требовали немедленно и не грозили изгнаніемъ, оставались «по книгѣ» за арендаторами, вися надъ ними какъ Дамокловъ мечъ. Всѣми чувствовалось, что истинно-разумное національное правительство объявило бы «недоимки», накопившіяся такимъ образомъ, благодаря страшной карѣ Провидѣнія, въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ,—общественнымъ долгомъ, покрытымъ или замѣщеннымъ государствомъ. Конференція ясно понимала, что напрасно было бы пытаться рѣшить ирландскій поземельный вопросъ, если всякій арендаторъ во всякое время можетъ подлежать преслѣдованію за эти «недоимки голоднаго времени». Поэтому была принята резолюція, что «при всякой оцѣнкѣ, которая будетъ дѣлаться до 31 декабря, оцѣнщики должны по требованію ландлорда или арендатора приводить въ извѣстность недоимочную ренту, числящуюся за послѣднимъ,—должны подвести итоги какъ рентѣ, накопившейся въ теченіе голодныхъ годовъ и подлежащей уплатѣ по тогдашнимъ оцѣнкамъ, такъ и всему, что уже уплачено ландлорду за тотъ же періодъ,—должны показать неуплаченный остатокъ, числящійся теперь въ недоимкѣ, и сдѣлать разсрочку его уплаты въ такіе періоды, какіе они найдутъ удобными и въ какіе эти платежи должны покрываться одинаково съ рентами».

На третій день была основана «ирландская арендная лига». На четвертый день былъ выбранъ совѣтъ, состоявшій изъ 120 лицъ отъ четырехъ провинцій, и конференція разошлась, оставивъ на страницахъ ирландской политической исторіи послѣдняго поколѣнія одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій.

*) Только недавно д-ръ Мак-Кнайтъ закончилъ свою длинную жизнь труда и служенія Ульстеру вмѣстѣ со своими соотечественниками и единовѣрцами. Какъ по учености, такъ и по способности, а равно и по высокому личному характеру онъ стоялъ въ переднихъ рядахъ ирландскихъ публицистовъ.

Прим. авт.

Многіе руководящіе люди въ Англіи быстро поняли важность того, что было сдѣлано. Конференція только-что закрыла свои засѣданія, когда Джонъ Брайтъ обратилъ на нее вниманіе палаты общинъ.

„Благородный лордъ, стоящій во главѣ правительства, упомянулъ о нѣкоторыхъ билляхъ и между прочимъ о биллѣ ландлордовъ и арендаторовъ. Этотъ вопросъ составляетъ предметъ первой важности не только съ точки зрѣнія интересовъ ирландскаго народа, но и въ виду того, что только-что случилось (слушайте, слушайте!). Въ Дублинѣ засѣдала конференція изъ искреннихъ людей отъ всѣхъ частей Ирландіи (слушайте!). Теперь, — продолжалъ достопочтенный членъ,—не соглашаясь со всѣмъ, что было говорено и сдѣлано этою конференціей, мы не можемъ закрывать нашихъ глазъ на фактъ ея важности и на то, что она послужитъ средствомъ возбужденія наиболѣе грозной агитаціи, какой мы были свидѣтелями за послѣднія много лѣтъ (слушайте!). Вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, ограничиваться католиками и ихъ духовенствомъ, она захватываетъ, повидимому, и протестантское и диссидентское духовенство, пристающее къ католикамъ; начинается настоящее объединеніе всѣхъ сектъ и я думаю, что теперь для палаты самое удобное время разсмотрѣть его въ законодательномъ порядкѣ (слушайте!)“.

Это было въ августѣ 1850 года. Джонъ Брайтъ опередилъ свое время. Двадцать лѣтъ спустя, когда чувства были уже обострены, надежды обмануты, дома разорены, семейства разсѣяны и страсти дошли до бѣшенства, — министръ короны выступилъ передъ палатой общинъ для исполненія совѣта, даннаго членомъ отъ Манчестера.

Въ теченіе лѣта и осени 1850 года страна бросилась въ новое движеніе со всею своей энергіей, энтузіазмомъ и единодушіемъ. Но парламентская политика требуетъ для своего веденія парламентской партіи, а арендная лига далеко не была такою. Выбранные въ мрачные годы голода и возстанія, паники и отчаянія, когда народъ такъ же мало заботился о томъ, кто карабкался на выборахъ, какъ о вчерашнемъ вѣтрѣ, — ирландскіе члены 1850 года представляли едва ли что-нибудь большее, чѣмъ свои личные взгляды, свои собственные интересы. Пугливая реакція и политическое самоуниженіе, послѣдовавшія за горячкой 1848 года, сильно отражались на ихъ поверхности. Только благодаря случайности лига могла разсчитывать на поддержку полдюжины честныхъ и искреннихъ людей между ними. Единственнымъ утѣшеніемъ организаціи была надежда создать дѣятельною агитаціей общественное мнѣніе, которое воспользуется первымъ поводомъ и пошлетъ въ парламентъ людей способныхъ и всецѣло преданныхъ дѣлу фермеровъ-арендаторовъ. Тогдашніе ирландскіе либеральные члены парламента смотрѣли на лигу недружелюбно. Проще говоря, она ставила передъ ними дилемму.

Они вѣровали въ свою преданность правительственнымъ либераламъ вестминстерскихъ сферъ,—силѣ, которая располагала патронажемъ и платой, доходами, чинами и почестями. Служить лорду Джону Росселю, повиноваться «кнутамъ» (whips) партіи до тѣхъ поръ, пока губернаторство на Ливарскихъ островахъ или посланничество въ Тумбукту не послужатъ наградой за патріотизмъ,—было великою цѣлью и задачей ирландскихъ либеральныхъ членовъ того времени. Но эти безпокойные защитники арендназо права шли путями совершенно несообразными съ этимъ. Правительству не нравились требованія аграрнаго права, которыя встрѣчали въ лордѣ Джонѣ Росселѣ почти противодѣйствіе. Что же было дѣлать ирландскому либералу? Разойтись ли съ министерствомъ и потерять всѣ шансы на мѣсто, или отбросить лозунги арендной лиги и потерять шансы на новые выборы?... Рѣшеніе большинства людей этого типа было — «лавировать», поддерживать связи съ лигерами, пока нужно, но ни подъ какимъ видомъ не порывать союза съ правительствомъ.

Среди лиги были люди, которые видѣли все это, которые точно знали цѣну и мѣру преданности такихъ общественныхъ представителей, которые справедливо думали, что дѣйствительная опасность и слабость народнаго движенія настанутъ тогда, когда эти люди начнутъ показывать видъ, что пристаютъ къ нему. Изъ крайней искренности лигеровъ (они были убѣждены, что борются на жизнь и смерть за ирландскую расу) возникла политика или доктрина, извѣстная въ послѣдніе годы подъ именемъ «независимой оппозиціи». Она объявила, что ея вопросъ настолько неотложно-важный, что всѣ другіе должны на время уступить ему дорогу, и что всякому министерству, которое откажется или поколеблется рѣшить эту жизненную проблему Ирландіи, ирландскими членами должна быть оказана безусловная оппозиція. Это ученіе появилось въ 1851 году. Его проповѣдывали, что называется, «крайніе» арендоправцы и старымъ политикамъ оно очень не нравилось. Идея дѣйствія ирландскихъ католиковъ-либераловъ вмѣстѣ съ торійскою оппозиціей, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, казалась для нихъ слишкомъ смѣлымъ новаторствомъ. Д-ръ Кукъ нисколько не больше былъ встревоженъ картиной совмѣстной дѣятельности пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ съ католиками, чѣмъ они. Тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе такъ сильно одобряло это предложеніе, что оно сдѣлалось частью національной вѣры.

Какъ въ маленькомъ горномъ болотѣ или ручьѣ мы часто находимъ истоки огромной рѣки, раздѣляющей націю отъ націи, такъ и здѣсь мы имѣемъ появленіе въ англо-ирландской политикѣ направленія, которое даже и до сихъ поръ отдѣляетъ ирландское народное представительство въ парламентѣ отъ прочаго состава его. Съ тѣхъ поръ политика и практика этой группы состояли въ томъ, чтобы причислять себя къ «общей либеральной партіи» и составлять часть ея въ палатѣ общинъ. На тори смотрѣли какъ на «естественныхъ враговъ» католическихъ ирландцевъ; на виговъ — какъ на ихъ временныхъ покровителей, хотя эти патроны по временамъ выражали положительно оскорбительное отношеніе къ своимъ союзникамъ. Но теперь *salus populi suprema lex est*, и что̀ бы виги или тори ни дѣлали похожаго на спасеніе народа отъ разоренія, все вызывало поддержку и помощь со стороны ирландскихъ представителей.

Пока такимъ образомъ пресвитеріане сѣвера и католики юга пожимали другъ другу руки и шли рядомъ, надъ Ирландіей разразилась буря, въ которую они были вовлечены помимо воли. 4-го ноября 1850 года лордъ Джонъ Россель, либеральный премьеръ, издалъ свои знаменитыя «Дургамскія письма». Организація католической церкви въ Англіи была только-что возстановлена въ ея приходской и эпархіальной формѣ. Прелаты вмѣсто того, чтобы быть *in partibus infidelium*, были епископами округовъ, дѣйствительно находившихся подъ ихъ опекой,—Вестминстерскаго, Ноттингамскаго, Ливерпульскаго, Соутваркскаго или какого-нибудь другаго. «Всякій можетъ волновать Англію папой», говорили прежде въ шутку, а теперь стали доказывать, что это—дѣйствительный фактъ. Распространилась идея, что такимъ или другимъ путемъ это нововведеніе непремѣнно умалитъ авторитетъ королевы и уничтожитъ національную свободу. «Мѣдныя деньги и деревянные башмаки» опять возвратятся назадъ. Папа будетъ водворенъ въ Виндзорѣ и наступятъ худшіе дни «кровавой Мэри». Безъ сомнѣнія, это было дѣломъ чувствительности, преувеличенной чувствительности протестантской націи ко всему, что имѣетъ какое бы то ни было сходство съ возстановленіемъ духовнаго господства, которое она разъ съ себя сбросила. Въ порывѣ минутной паники, англичане совершенно просмотрѣли фактъ,—который впослѣдствіи такъ поразилъ ихъ,—что въ Ирландіи господствуетъ та же приходская и эпархіальная система и никогда не отмѣнялась. Высокопреподобный д-ръ Муррей, дублинскій като-

лическій архіепископъ, титуловался такимъ образомъ въ оффиціальныхъ правительственныхъ сношеніяхъ и принимался подъ этимъ именемъ при дворѣ; и однакожь никому не приходило въ голову, что королева Викторія отъ этого въ опасности. Когда націи и народы движутся паникой или тревогой, размышленіямъ настаетъ конецъ. Въ Англіи уже тогда были люди (нѣкоторые изъ ея руководящихъ государственныхъ людей), которые понимали всю нелѣпость и опасность крика: «не нужно папы», — люди, которые предвидѣли, что черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ страна, стыдясь своего глупаго страха и недостойной страсти, начнетъ отрекаться отъ того, что теперь дѣлала съ такимъ увлеченіемъ. Но были и другіе, которые «шли за теченіемъ», которые видѣли, какъ отъ дворца до хижины распространилось убѣжденіе, что все это — «папское посягательство», которое должно во всякомъ случаѣ быть отброшено и наказано. Премьеръ, глава либеральной партіи, въ письмѣ къ епископу Дургамскому, подалъ сигналъ для войны, и моментально по всей странѣ разразилась буря религіознаго неистовства и борьба, какой не знали со времени мятежей лорда Джорджа Гордона. Протестанты отдѣлились отъ католиковъ, бросая другъ на друга свирѣпые и грозные взгляды; старинные друзья расходились; сосѣдъ вооружался противъ сосѣда; каждая сторона приписывала другой самыя ужасныя черты. «Къ твоимъ шатрамъ, о Израиль!» — сдѣлалось всеобщимъ кличемъ.

Теперь-то настало фатальное испытаніе для арендной лиги — жестокій ударъ новому союзу ирландскихъ протестантовъ и католиковъ въ стремленіи къ общему благу.

Парламентъ открылся 4 февраля 1851 года. Спустя два дня лордъ Джонъ Россель внесъ билль о титулахъ духовенства, объявляющій присвоеніе католическими епископами мѣстныхъ титуловъ незаконнымъ и наказуемымъ строгою карой закона. 14-го февраля правительство не могло собрать противъ враждебнаго предводителя Дизраэли болѣе внушительнаго большинства, какъ четырнадцать голосовъ, и «министерскій кризисъ» совершился. Послѣ пяти безуспѣшныхъ попытокъ образовать новое министерство виги опять были призваны къ власти въ началѣ марта. Въ первую же сессію билль о титулахъ духовенства сдѣлался закономъ. Въ теченіе всего того года онъ составлялъ единственный предметъ, занимавшій вниманіе публики. Когда парламентъ приступилъ къ опредѣленію наказанія за новое преступленіе въ Ан-

гліи, онъ встрѣтился съ неудобнымъ фактомъ, что такіе «титулы» всегда существовали и всегда признавались на западной сторонѣ пролива Св. Георгія. Что было дѣлать? Актъ о сліяніи соединилъ ирландскую и англійскую протестантскія церкви въ одно нераздѣльное и неразрывное цѣлое—«соединенную церковь Англіи и Ирландіи». Если было «посягательствомъ» на эту церковь имѣть католическаго епископа въ Ливерпулѣ, то же самое значило имѣть его и въ Коркѣ. Однако что же такое сдѣлалъ этотъ послѣдній, что онъ теперь долженъ быть наказанъ за употребленіе своего законнаго и обычнаго обозначенія? Что сдѣлали католики Ирландіи, чтобы на нихъ налагать «карательные законы» (penal laws)? Дилемма была не особенно пріятна англійскимъ законодателямъ, но они были совсѣмъ не въ такомъ настроеніи, чтобъ останавливаться передъ пустяками,—и они распространили актъ на Ирландію.

Католическіе вожди арендиаго движенія съ грустью видѣли, что возникаетъ явленіе, которое навѣрно одержитъ верхъ надъ поземельнымъ вопросомъ и отколетъ сѣверъ отъ юга, тѣмъ не менѣе въ теченіе всего этого времени они продолжали смѣло поддерживать программу, на которую согласились протестанты и католики. 20 февраля 1852 г. вигское министерство потерпѣло пораженіе на своемъ биллѣ о милиціи, получивъ меньшинство въ 11 голосовъ. Лордъ Дерби сталъ во главѣ новаго торійскаго министерства и объявилъ, что лѣтомъ парламентъ будетъ распущенъ.

Взрывъ экзальтаціи поднялся въ Ирландіи. Для лиги представлялся удобный случай—общіе выборы, которыхъ она такъ долго просила и ожидала. Всѣ арендоправцы кинулись въ избирательную борьбу съ небывалой энергіей. Съ 1829 года не пускались въ дѣло такія отчаянныя усилія. Казалось, всѣ надежды ирландскаго народа сосредоточились на основаніи честной и независимой ирландской партіи въ парламентѣ, работа «ломовой команды» могла быть остановлена и участки фермеровъ могли быть спасены отъ конфискаціи и разоренія. Тогда не было тайной подачи голосовъ, и несчастный арендаторъ, который осмѣливался вотировать за враждебнаго ландлорду кандидата, рисковалъ извѣстными послѣдствіями. Такимъ образомъ сама гражданская война едва ли могла навлечь на народъ болѣе тяжелыя наказанія, чѣмъ общіе выборы 1852 года.

Когда избирательныя камеры были закрыты, 50 арендоправцевъ,—или людей, выдававшихъ себя за послѣдователей принци-

повъ лиги и за это выбранныхъ, — сидѣли въ парламентѣ отъ ирландскихъ округовъ. При первомъ порывѣ радости и торжества по поводу такого результата никому не пришло въ голову пощупать такъ-называемые выигрыши и подумать, многіе ли изъ этихъ людей были искренни, не кричали ли многіе вмѣстѣ съ народомъ только затѣмъ, чтобы продать его довѣріе. Тѣмъ не менѣе былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ въ преобразованіи представительства ирландскаго народа. Между вступившими въ это время въ первый разъ въ парламентъ были двое, которыхъ генію и способностямъ, преданности и вѣрности лига была обязана многимъ: это—Чарльзъ Гаванъ Дуффи и Фридрихъ Люкасъ. Вмѣстѣ съ ними также появились Джонъ Френсисъ Магайръ, Патрикъ Мак-Магонъ, Тристамъ Кеннеди, Ричардъ Свифтъ, Джонъ Бренди и другіе, которыхъ имена съ тѣхъ поръ сдѣлались болѣе или менѣе обычны въ ирландской политикѣ. Консервативный либералъ, представлявшій прежде Гарвичъ, былъ выбранъ теперь въ мѣстечкѣ Югалъ, о чемъ *Nation* 17 іюля 1852 г. говоритъ:

«Въ Югамѣ Ісаакъ Бѣттъ, ирландецъ, одержалъ побѣду надъ Фортескью, сыномъ англійскаго пэра. Мы радуемся, что м-ръ Бѣттъ сидѣлъ на ирландскомъ мѣстѣ. Хотя онъ и консерваторъ, но его сердце горячо-ирландское, и, какъ человѣкъ талантливый, онъ сдѣлалъ честь своей странѣ».

Ликованіе распространилось по всему острову. Ирландія, отвернувшаяся отъ теорій физической силы и возстанія, готова была теперь попробовать, что могутъ дать конституціонныя усилія. Въ августѣ 1852 года движеніе за арендное право было на самомъ зенитѣ. Какъ оно погибло и какъ его задавили, можетъ быть всего лучше передано въ романтической и трагической исторіи Джона Садлейра.

XIV.

«Папскіе трубачи». *)

Гибель народнаго движенія 1850—52 гг., довершившая упадокъ народнаго довѣрія къ конституціонной политикѣ, повела къ крайне прискорбнымъ послѣдствіямъ. Съ воспоминаніями того времени неразрывно связаны имена Джона Садлейра и Вильяма Кёфа.

---

*) «Папскими трубачами» прозвала англійская пресса ирландскихъ либераловъ, выступившихъ въ 1851—52 г. на защиту правъ католическаго духовенства.
Примѣч. перев.

Джонъ Садлейръ родился въ Типперари около 60 лѣтъ тому назадъ. Между немногими католическими семействами съ выдающимся положеніемъ въ этомъ графствѣ Скёллисы и Садлейры занимали видное мѣсто, особенно первые; но въ послѣднемъ поколѣніи оба они соединились въ одно при помощи брака. Еще въ молодыхъ годахъ Джонъ сдѣлался ученикомъ адвоката, а съ теченіемъ времени выступилъ и на практическое поприще по этой отрасли закононовѣдѣнія. Онъ скоро обнаружилъ такія способности, которыя далеко превосходятъ то, что требовала его профессія, а также честолюбіе, что̀ рано или поздно должно было привести его къ высокому положенію. Онъ рѣшилъ отправиться въ гигантскую столицу, гдѣ его талантамъ представлялось широкое поле дѣятельности. Въ Лондонѣ онъ получилъ спеціальное занятіе «парламентскаго агента», что при его ирландскихъ связяхъ и не дюженномъ искусствѣ быстро выдвинуло его впередъ. Онъ скоро поднялся выше и вступилъ въ финансовые кружки; его проницательный умъ уже тогда намѣтилъ дорогу къ такимъ результатамъ, о которыхъ, казалось, въ его положеніи могъ мечтать только сумашедшій. Члены его семейства—Садлейры, Скёллисы и Китинги—были денежными людьми и хорошо извѣстны за такихъ по всей своей родинѣ. Джонъ видѣлъ, что онъ многое могъ сдѣлать съ деньгами въ большомъ свѣтѣ Лондона, и хорошо зналъ, что ирландская банковская система еще далеко не доведена до дверей самого народа, такъ чтобы цѣдить жалкія сбереженія фермерскаго класса. Поэтому онъ рѣшился основать мѣстный банкъ, что и было сдѣлано подъ именемъ «Типперарскаго акціонернаго банка». Онъ имѣлъ огромный успѣхъ. Гдѣ бы ни основывалась его вѣтвь, она вездѣ подрывала почтенное учрежденіе «стараго чулка» въ дѣлѣ пріема сбереженій и залога приданаго. Отъ Шаннона до Шюра на «банкъ Садлейра» смотрѣли съ такимъ же довѣріемъ, какъ приверженцы «старой лэди Ниткоплаточной улицы» *) повинуются своей повелительницѣ. Однакожь, насколько я могъ узнать, онъ совершалъ только половину всѣхъ банковыхъ операцій. Онъ получалъ все, а давалъ въ займы мало. Дѣло въ томъ, что Джонъ имѣлъ въ Лондонѣ для денегъ совсѣмъ другое назначеніе помимо даванія въ займы Падди Райнъ для покупки скота, или Тому Двайеру для осушки его земли. Онъ

*) Threadneedle street въ Лондонѣ проходитъ между биржей и Bank of England. *Примѣч. перев.*

поднималъ свою руку далеко выше всѣхъ самыхъ смѣлыхъ и высокихъ спекулянтовъ-финансистовъ. Пришло время для новаго шага въ его честолюбивой схемѣ. Общественная жизнь должна была играть свою роль въ его планахъ. Императорскій парламентъ долженъ былъ доставить ему арену для отличія. Онъ не только рѣшилъ вступить въ него, но, сдѣлавшись въ немъ силой, окружить себя фалангой родственниковъ, какъ зерномъ партіи, которой онъ былъ вождемъ. Среди горя голодныхъ годовъ онъ нашелъ поводъ выполнить эту часть своей схемы. На общихъ выборахъ 1847 года онъ былъ избранъ отъ города Карлоу; его двоюродный братъ Робертъ Китингъ — отъ графства Ватерфорда, а другой кузенъ Франкъ Скёлли — отъ Типперари. Въ 1850 году онъ занималъ завидное положеніе. Слава объ его богатствѣ, силѣ его вліянія, а главное—объ его замѣчательномъ успѣхѣ была у всѣхъ на языкѣ. За что бы онъ ни взялся, все удавалось, и къ чему бы онъ ни прикасался, все превращалось въ золото. Всѣ говорили: «Это одинъ изъ вашихъ замѣчательно практичныхъ политиковъ,—не какой-нибудь агитаторъ, а человѣкъ дальновидный и осторожный, одно имя котораго гарантируетъ прочность плана и разумность предложенія». Онъ былъ рѣшительнымъ либераломъ и горячимъ католикомъ и очень скоро сдѣлался замѣтенъ между ирландскими членами.

Бокъ-о-бокъ съ нимъ въ томъ же году, въ качествѣ представителя отъ города Атлона, вступила въ парламентъ личность, въ своемъ родѣ не менѣе его замѣчательная, это—м-ръ Вильямъ Кёфъ. Хотя какое-то таинственное сродство и тянуло этихъ двухъ людей другъ къ другу и связало ихъ одною карьерой, тѣмъ не менѣе въ очень многихъ отношеніяхъ они составляли совершенныя противоположности. М-ръ Кёфъ былъ тоже адвокатомъ, но, въ отличіе отъ Садлейра, не имѣлъ на этомъ поприщѣ успѣха, хотя и не отъ недостатка блестящихъ способностей. Одинъ былъ образцомъ финансовой пунктуальности и дѣловой точности, другой же не былъ имъ. М-ръ Садлейръ былъ неразговорчивъ, положителенъ, твердъ, сдержанъ и большею частью лаконичен; Кёфъ же — жизнь и душа всякой компаніи, куда бы онъ ни попадалъ, всегда живой и веселый, блестѣвшій остроуміемъ и юморомъ. Какъ ораторъ, онъ обладалъ замѣчательной убѣдительностью. Его голосъ—богатъ, силенъ и способенъ на всякіе изгибы. Его манеры совершенно искренни. Его общественныя способности и интеллектуальныя дарованія дѣлали его всеобщимъ

любимцемъ. Однакожъ были люди, которымъ его политическая искренность, несмотря на энтузіастическій патріотизмъ и плѣнительное краснорѣчіе, съ самаго начала казалась сомнительной. Все его положеніе и обстоятельства въ ихъ глазахъ слишкомъ очевидно указывали на то, что призомъ въ общественной жизни для него долженъ быть какой-нибудь подарокъ изъ рукъ правительства, какъ приличная награда за его послушаніе.

Взрывъ бури противъ папскаго посягательства въ Англіи былъ встрѣченъ группой Садлейра и арендною лигой съ совершенно различными чувствами. Послѣдняя только-что построила программу соединеннаго дѣйствія протестантскихъ и католическихъ ирландцевъ, а этотъ фатальный факторъ явился, чтобъ ихъ раздѣлить. Сайдлеръ съ радостью видѣлъ, что на почвѣ этой новой агитаціи, которая обѣщаетъ убить арендную лигу, они смогутъ вполнѣ получить всю страну въ свои руки. Англія обезумѣла отъ криковъ: «не нужно папы», а Ирландія горѣла тревогой и страстью. Протестанты и католики день ото дня становились болѣе и болѣе безнадежными антагонистами. Католики въ самой лигѣ мужественно пытались стать выше этого теченія. Предложеніе основать католическую ассоціацію «защиты» открыто порицалось въ *Nation* Дуффи. «Въ пламени религіознаго ханжества,— говорилъ онъ,—погибли бы надежды Ирландіи. Плуты и лицемѣры будутъ кричать и безумствовать въ качествѣ ярыхъ католиковъ и доводить массу до неистовства относительно «нашей святой церкви», имѣя въ виду убить народное движеніе, которое, какъ они понимали, должно смести всѣхъ политикановъ-спекулянтовъ. Церковь отъ этого ровно ничего не выиграетъ,— пророчилъ онъ,—а землю мы потеряемъ». Но онъ взывалъ напрасно. Въ отвѣтъ на вызовы карательнаго законодательства, билля о титулахъ Джона Росселя, ирландскіе католики по существу человѣческой природы не могли оставаться покойными и не принимать мѣръ оборонительной войны. Джонъ Садлейръ и его партія вступили въ передній рядъ католическаго движенія защиты. Билль о «титулахъ духовенства» былъ встрѣченъ самою рѣшительной оппозиціей. «Папскіе трубачи», какъ называла англійская пресса ирландскихъ либераловъ, такъ горячо сражавшіеся съ биллемъ, или «ирландская бригада», какъ называли они сами себя не безъ гордости и хвастовства у себя дома, за свое поведеніе служили темой для похвалъ у католическихъ очаговъ. На преданныхъ и героическихъ людей и храбрыхъ защитниковъ религіи призы-

валось благословеніе свыше, больше же всего благодарностей изливалось на самаго смѣлаго и безстрашнаго, самаго способнаго и краснорѣчиваго—м-ра Вильяма Кёфа.

Ненавистный билль прошелъ. «Бригада» возвратилась домой получить благодарность отъ націи. По-истинѣ безцѣнною арміей казалась она для большинства Ирландіи. Немногіе, безъ сомнѣнія, были люди высокаго принципа и неподкупной честности, а другіе—лишь политическіе наемщики, грязные и себялюбивые люди; между тѣмъ какъ группа Садлейра—искусная, краснорѣчивая, вліятельная—занимала теперь дѣйствительно господствующее положеніе и играла смѣлую и честолюбивую игру.

23 августа 1851 года въ Ротундѣ, въ Дублинѣ, держался соединенный митингъ католиковъ Великобританіи и Ирландіи съ цѣлью протестовать противъ билля о титулахъ и принять мѣры самозащиты. Предсѣдательствовалъ высокопрепод. д-ръ Кюлленъ, тогдашній архіепископъ армагскій. Тамъ присутствовало огромное количество католическихъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, а также католическое дворянство и члены парламента. М-ръ Джонъ Садлейръ, чл. парламента, былъ однимъ изъ почетныхъ секретарей собранія, его двоюродный братъ Винцентъ Скёлли—однимъ изъ ораторовъ, а м-ръ В. Кёфъ, чл. парламента—другимъ. Послѣдній позабавилъ публику своимъ краснорѣчивымъ порицаніемъ карательнаго акта, который только-что получилъ одобреніе королевы. Онъ презираетъ и вызываетъ этотъ законъ. Онъ вынулъ изъ кармана копію новаго статута и, держа его надъ головой, сказалъ: «Теперь я, какъ одинъ изъ адвокатовъ ея величества, держа въ рукѣ актъ парламента, прямо называю лорда архіепископа армагскаго его собственнымъ титуломъ». Дальше онъ обѣщалъ, что онъ и его друзья во что бы то ни стало добьются отмѣны ненавистнаго акта, если народъ Ирландіи пошлетъ въ парламентъ на помощь имъ еще нѣсколькихъ товарищей. «Мы не будемъ имѣть никакого дѣла ни съ какимъ министромъ,—сказалъ онъ,—кто бы онъ ни былъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не отмѣнитъ этого акта парламента и всякаго другаго, который ставитъ римскаго католика ниже, чѣмъ его протестантскаго подданнаго».

Несмотря на очевидное расположеніе, которое они получали отъ католическихъ прелатовъ, духовенства и народа, несмотря на рѣзкость ихъ протестовъ, гг. Садлейръ и Кёфъ были предметами подозрѣнія и недовѣрія со стороны нѣсколькихъ проница-

тельныхъ наблюдателей этихъ событій въ Ирландіи. Указывалось, что лордъ Абердинъ, сэръ Джонсъ Грагамъ, м-ръ Сидней Гербертъ, м-ръ Кардвелль и другіе руководящіе пилиты *) возставали противъ пугливаго крика: «не нужно папы» въ Англіи и сражались съ биллемъ о титулахъ духовенства въ парламентѣ. Среди этихъ государственныхъ людей нѣкоторые, довольно основательно, видѣли возможный будущій кабинетъ, и уже тогда поговаривали о томъ, что Садлейровская партія дѣйствуетъ въ виду такой комбинаціи. Низкою клеветой, оскорбительнымъ подозрѣніемъ, убійственнымъ ударомъ называлъ эту мысль Кёфъ. Три руководящіе журналиста Ирландіи: м-ръ Дуффи изъ *Nation*, д-ръ Грей изъ *Freeman* и м-ръ Люкасъ изъ *Tablet*—довольно открыто высказывали свое убѣжденіе въ этомъ, и между ними и Садлейровскою партіей возникла смертельная вражда. Но послѣдняя была теперь героемъ дня. 28 октября 1851 года избиратели Кёфа устроили въ честь Сайдлера банкетъ, который принялъ характеръ скорѣе національной демонстраціи. Въ Атлонѣ не оказалось достаточно большой залы, чтобы вмѣстить собраніе, которое и держалось въ огромномъ павильонѣ, нарочно выстроенномъ, сколько мнѣ извѣстно, на церковной землѣ. Гость вечера, послѣ изліянія похвалъ бывшему тамъ архіепископу Мак-Гале, обратился къ упомянутымъ инсинуаціямъ. Искреннимъ и трогающимъ сердце языкомъ онъ отвѣчалъ: «Виги или тори, пилиты или протекціонисты—это для меня все равно. Я буду бороться за мою религію и страну, презирая и попирая всякую клевету. Самымъ торжественнымъ образомъ я объявляю передъ этимъ величественнымъ собраніемъ, что я не обращаю вниманія на партіи. Я знаю, что избранная мною дорога не ведетъ къ повышеніямъ. Я не принадлежу къ вигамъ, но я не принадлежу и къ тори. Здѣсь, въ присутствіи моихъ избирателей и моей страны, я торжественно объявляю,—и надѣюсь, я не на столько низкій человѣкъ, чтобы дѣлать признаніе, которое завтра же намѣренъ нарушить, какимъ предполагаютъ меня инсинуаторы,—что если пилитская администрація завтра же получитъ власть, это не будетъ имѣть никакого значенія для меня. Я не буду поддерживать ни одной партіи, которая не признаетъ первымъ условіемъ своего политическаго существованія отмѣну акта о титулахъ духовенства». Такимъ же торжественнымъ образомъ онъ поклялся честнымъ своимъ словомъ,

*) Послѣдователи Пиля.

что будетъ противодѣйствовать или не будетъ поддерживать такую партію, которая не намѣрена рѣшить поземельнаго вопроса и отмѣнить господствующую церковь. Въ заключеніе онъ обратился къ ирландскимъ ландлордамъ, которыхъ обозвалъ «безсердечною аристократіей, самой бездушой, самой расточительной и всего менѣе достойной извиненія ландкратіей на земномъ шарѣ».

Тѣ, кто присутствовали при этомъ, говорятъ, что, слушая оратора, смотря на его лицо, пылавшее негодованіемъ во время протестовъ, никто не могъ быть столь безчувственнымъ, чтобы сомнѣваться въ немъ. Тѣмъ не менѣе въ *Nation* и въ *Tablet* въ немъ и во всѣхъ остальныхъ послѣдователяхъ Садлейра сомнѣвались; мало того—ихъ открыто обвиняли. Люкасъ и Дуффи уже тогда получили нѣкоторыя частныя доказательства, что «бригада» разсчитываетъ быть на рынкѣ при первомъ удобномъ случаѣ. Въ 1852 году въ графствѣ Коркъ открылась вакансія и другой кузенъ м-ра Садлейра, м-ръ В. Скёлли, выступилъ кандидатомъ. Самые честные, дальновидные люди изъ арендной лиги въ этой мѣстности отнеслись къ нему не особенно дружелюбно, но м-ръ Кёфъ пріѣхалъ спеціально агитировать въ его пользу и вся сила Садлейровской партіи была пущена въ ходъ. 8 марта 1852 г. въ Коркѣ держался публичный митингъ для оцѣнки заслугъ либеральныхъ кандидатовъ, и м-ръ Мак-Карти Доунингъ, котораго общественное вліяніе, по крайней мѣрѣ въ Вестъ-Ридингѣ, признавалось верховнымъ, видя, что пріѣхалъ Кёфъ, смѣло началъ «дергать кошку» («belled the cat») такимъ образомъ:

„Я скажу митингу прямо и честно, что не вѣрю, чтобъ ирландская бригада искренно служила вопросу арендн аго права. Я утверждаю это и знаю, что здѣсь присутствуютъ двое изъ нихъ. Я былъ на двухъ большихъ митингахъ въ музыкальномъ залѣ въ Дублинѣ, по случаю празднованія арендной лиги, когда къ бригадѣ посылалась депутація съ приглашеніемъ на митингъ, и я протестовалъ. Я никогда не видалъ, чтобы мясникъ загонялъ скотину на зарѣзъ въ бойню съ такимъ трудомъ, какого стоило привести ирландскую бригаду на митингъ“.

Тогда всталъ м-ръ Кёфъ, и можетъ-быть никогда еще его удивительные таланты не были ему такъ нужны, какъ въ этотъ критическій моментъ. Будущая судьба и богатства его вождя и партіи зависѣли отъ того, какой оборотъ примутъ дѣла на этомъ митингѣ,—противъ нихъ былъ брошенъ открытый вызовъ и публичное обвиненіе. Когда онъ всталъ, раздалось нѣсколько враждебныхъ криковъ; но, погодя немного, водворилось молчаніе. Съ багровымъ лицомъ и тяжело дыша, онъ разразился слѣдующими словами:

«Великій Боже! — воскликнулъ онъ. — Развѣ вы нашли въ этомъ собраніи ирландцевъ, что тѣ, кто всего болѣе готовы принять на себя всякую отвѣтственность, суть самые искренніе въ преслѣдованіи вашихъ цѣлей? Или вы видѣли, что тѣ, кто, какъ я самъ, пошли въ парламентъ безъ всякихъ обязательствъ, безъ поддержки народнаго голоса, но за которыми въ минуту народнаго зова, когда наступаетъ минута испытанія, дѣло никогда не останавливается? Я объявилъ въ присутствіи епископовъ Ирландіи и своихъ товарищей по парламенту, что пусть министромъ будетъ кто угодно — лордъ Дерби, сэръ Джемсъ Грагамъ или лордъ Джонъ Россель—для насъ это все равно. Итакъ, съ Божіей помощью, кто бы ни былъ министромъ, какая бы партія ни была во власти, я не буду поддерживать ни того министра, ни той партіи—иначе, какъ если онъ обяжется, вступая во власть, провести мѣры, требуемыя всѣмъ ирландскимъ народомъ. Я отказался отъ своей собственной профессіи, чтобы собирать и формировать ирландскую парламентскую партію. Это было дѣломъ моей чести. Можетъ-быть по мнѣнію другихъ—и низкимъ дѣломъ, но по-моему—благороднымъ. Я повторилъ предложеніе м-ра Шермана Кроуфорда въ палатѣ общинъ. Я по поводу его боролся съ министерствомъ, насколько хватило моихъ ограниченныхъ способностей, въ такой моментъ, когда разъединенія совсѣмъ еще не ожидалось. Пусть же поможетъ мнѣ Богъ въ этомъ и во всякомъ другомъ вопросѣ, къ которому я присоединяюсь! Я буду,— и могу сказать, что всякій изъ моихъ друзей такъ же рѣшителенъ,—неотступнымъ, неуклоннымъ и неизмѣннымъ слугою его».

Собраніе, слушавшее его, какъ околдованное, вскочило на ноги и отвѣтило потрясающими аплодисментами, несмотря на предыдущія сомнѣнія въ человѣкѣ, котораго клятва теперь скрѣпила его общественные принципы.

Увы, спустя не больше какъ девять мѣсяцевъ, онъ цѣликомъ отдался министру минуты и взялъ мѣсто при администраціи, которая не отмѣнила ни акта о титулахъ, ни господствующей церкви, ни рѣшила поземельнаго вопроса...

Джонъ Садлейръ хорошо оцѣнилъ силу, которою располагали противъ него Дуффи, Грей и Люкасъ въ столичной прессѣ. Повидимому, оппозиція *Nation, Freeman* и *Tablet* стояла между нимъ и полнымъ господствомъ въ ирландской народной политикѣ. Католическіе епископы почти всѣ до одного и большая часть священниковъ вполнѣ вѣрили въ него и м-ра Кёфа и смотрѣли

на подозрительные намеки или открытыя обвиненія *Nation* и *Tablet* какъ на злобную вражду крайней и насильственной партіи. Тѣмъ не менѣе для него было крайне опасно выступать впередъ съ этими тремя неослабленными крѣпостями на флангѣ. Онъ рѣшилъ заставить ихъ совершенно замолчать, уничтожить ихъ. Въ это время онъ сдѣлался почти милліонеромъ. Пятьдесятъ тысячъ фунтовъ, смѣло брошенныя на основаніе оппозиціонной газеты, быстро предоставили бы *Nation*, *Tablet* и *Freeman* въ его распоряженіе. Вскорѣ по Дублину пронеслась новость, что Садлейромъ затѣвается планъ новой гигантской газеты, «не обращая вниманія на расходы». Вождь ирландской бригады, защитникъ церкви, человѣкъ успѣха, рѣшилъ теперь испробовать почву въ новомъ направленіи и основать дѣйствительную, настоящую, ортодоксально-католическую прессу. Взято удобное мѣсто; сильная машина и всѣ принадлежности куплены; изъ Лондона привезенъ редакторъ, м-ръ Вильямъ Бернардъ Мак-Кебъ, про котораго разсказывали, что это чуть ли не второй папа. Новая еженедѣльная газета *Weekly Telegraph* должна была сначала очистить дорогу отъ *Nation* и *Tablet*, прежде чѣмъ новая ежедневная убьетъ *Freeman*'а. А можетъ-быть м-ръ Грей устрашится нищенства, до котораго доведены будутъ Дуффи и Люкасъ, и добровольно подчинится великой силѣ садлейризма. Если же нѣтъ, онъ тоже будетъ выброшенъ.

Никогда не существовало болѣе столь дерзко разсчитаннаго плана, чтобы добыть въ руки одного смѣлаго и честолюбиваго человѣка все общественное мнѣніе и политическое вліяніе страны.

Telegraph былъ пущенъ за полцѣны всѣхъ прежнихъ католическихъ еженедѣльныхъ газетъ — по три пенса; и такъ какъ на его изданіе и распространеніе деньги бросались безъ разсчета, то онъ быстро разошелся по странѣ. Онъ подлаживался подъ отчаянное ханжество. Его «католичество» носило тотъ именно воинственный и сумасбродный характеръ, который въ такое время широкой религіозной вражды былъ разсчитанъ на вкусъ и возбужденіе массъ. Онъ наполнилъ весь островъ. Онъ проникалъ въ такія хижины и дома, гдѣ *Nation* и *Tablet* никогда не бывали. Редакторъ, человѣкъ очень способный, задался цѣлью заставить своихъ читателей вѣрить, что папа и Джонъ Садлейръ были двѣ великія власти католической церкви: одинъ—ея непогрѣшимый глава, а другой—непобѣдимый защитникъ. Но эти испорченные католики, Дуффи и Люкасъ, мѣшаютъ благороднымъ усиліямъ м-ра

Садлейра и его товарищей служить церкви; что же касается до Грея изъ *Freeman*'а, то онъ—еретикъ и отъ него ничего не могло изойти кромѣ зла. Однако газета, органъ банкира-политика, немного пересолила. Она многихъ заставила призадуматься, а въ другихъ вызвала тревогу. Что же касается до *Nation* и *Tablet*, то они переносили удары аттаки съ бодрымъ духомъ, но ни одинъ изъ издателей не имѣлъ за спиной банка, и оба журнала были почти искалѣчены въ неравной борьбѣ.

Весной 1852 г., 2-го апрѣля, высокопреподобный д-ръ Кулленъ, бывшій на короткое время передъ тѣмъ архіепископомъ армагскимъ, былъ единогласно выбранъ духовенствомъ и назначенъ архіепископомъ Дублина. Назначеніе было утверждено въ Римѣ, и этотъ человѣкъ, игравшій важную роль въ ирландской политикѣ, вступилъ въ новую сферу обязанностей. Большую часть своей священнической жизни онъ провелъ въ Италіи и въ теченіе многихъ лѣтъ былъ ректоромъ ирландской школы въ Римѣ. Онъ давно уже пріобрѣлъ довѣріе и расположеніе кардинала Бернадо, префекта пропаганды, и даже теплое участіе со стороны самого Pio Nono. Его зрѣлый возрастъ большею частію прошелъ, а его принципы сформировались въ атмосферѣ совершенно непохожей на ирландскую. Въ Италіи народная политика и національныя стремленія были синонимами съ принципами и картинами глубоко ему ненавистными. Всѣ симпатіи его ума были на сторонѣ власти и противъ сопротивленія установленному правительству. Онъ повсюду видѣлъ зло, приносимое революціонизмомъ, и ему казалось, что для него существовала только одна надежная дорога, а именно—остерегаться всѣхъ, кто склоненъ къ шуму, насилію, возмущенію, и держаться тѣхъ, кто ставитъ интересъ католической религіи впереди и выше всякаго другого. Такія важныя обязанности, какъ его, едва ли попадали когда-нибудь въ руки болѣе искренняго, болѣе свободнаго отъ честолюбія или даже мысли о себѣ, болѣе цѣльно погруженнаго въ одну великую цѣль—прогрессъ интересовъ церкви. Онъ былъ строгій поклонникъ дисциплины и скоро сдѣлалось ясно, что его выбрали въ Римѣ для великой и широкой цѣли—дисциплинарнаго преобразованія въ ирландскихъ католическихъ дѣлахъ. Отрекающійся самъ отъ себя, онъ требовалъ того же и отъ всѣхъ другихъ служителей алтаря; повинующійся, полный уваженія къ власти, онъ считалъ повиновеніе первой обязанностью священника. Онъ походилъ на одного изъ первыхъ отцовъ, перене-

сенныхъ изъ пятаго столѣтія въ девятнадцатое. Его холодная внѣшность, безстрастныя манеры, его строгія идеи о власти и дисциплинѣ—совсѣмъ не подходили къ ирландскому характеру, обычаямъ и нравамъ. Онъ былъ больше римлянинъ, чѣмъ ирландецъ, и его планъ привести ирландскую церковь въ большее согласіе съ римскимъ образцомъ по необходимости оскорбилъ многія старыя чувства и приготовилъ ему не мало столкновеній въ средѣ ирландскаго духовенства. «Мрачный фанатикъ», «узколобый попъ» — скоро провозгласили о немъ ультра-протестантскіе журналы; и даже его собственная братія, видя суровую строгость его манеръ и благочестія, смотрѣла на него скорѣй съ уваженіемъ, чѣмъ съ сочувствіемъ. Однако во всемъ этомъ выражалась только одна сторона его характера, и было бы несправедливо не указать на его внутреннюю сторону, которая отличалась добротой и часто великодушіемъ. Онъ могъ по временамъ смягчаться, и рѣдко кто обладалъ такою способностью оцѣнить настоящій умъ и юморъ, какъ онъ. *). Тѣмъ не менѣе его всегда окружала какая-то атмосфера сдержанности и монашества, и всякій могъ замѣтить, что онъ смотритъ на весь міръ съ точки зрѣнія церковника.

---

*) По Дублину ходило, въ тѣ дни преобразованій, много разсказовъ, и часто сомнительной достовѣрности, объ его приключеніяхъ. Одно время онъ жилъ съ приходскимъ духовенствомъ въ церковномъ домѣ, примыкающемъ къ собору въ Мельборгу-стритѣ. Онъ скоро установилъ правило, что всякій, отлучающійся не для посѣщенія больныхъ, долженъ быть дома въ десять часовъ вечера. Этотъ десяти-часовой порядокъ мало-по-малу началъ стѣснять духовенство, привыкшее проводить вечера въ знакомыхъ семействахъ въ городѣ. Архіепископу однажды показалось, что онъ слышалъ далеко за 10 часовъ осторожные шаги на лѣстницѣ, и однажды вечеромъ, къ немалому смущенію преподобнаго отца, котораго очередь была запереть въ этотъ день двери, онъ объявилъ, что исполнитъ сегодня эту обязанность самъ. «Подите, отецъ Джонъ, лягте въ постель,—сказалъ онъ тономъ сочувствія,—вы выглядите усталымъ. Я подожду, не придетъ ли кто-нибудь». Напрасно отецъ Джонъ увѣрялъ, что онъ не усталъ; и дѣйствительно онъ былъ совсѣмъ свѣжъ, такъ сказать, и подождать немного было бы ему даже полезно. Архіепископъ настоялъ на своемъ; а отецъ Джонъ пошелъ въ свою комнату, бормоча про себя о катастрофѣ, ожидавшей двухъ его друзей, которые, онъ увѣренъ, не придутъ раньше одиннадцати. Этотъ часъ даже прошелъ, когда они тихонько постучались въ большую дверь; она осторожно отворилась изнутри. Просунувши голову, одинъ изъ нихъ спросилъ шепотомъ.—«А что, Павелъ въ постели?»—«Нѣтъ,—сказалъ архіепископъ такимъ же шепотомъ,—онъ здѣсь». Смѣясь внутренно надъ ихъ конфузомъ, онъ впустилъ ихъ, заперъ дверь и, пожелавши имъ доброй ночи, посовѣтовалъ имъ идти въ постель. На утро, къ ихъ удивленію, архіепископъ держался, какъ будто ничего не случилось, и когда наконецъ исторія разнеслась вокругъ, никто не забавлялся ею больше его. *Прим. автора.*

Д-ръ Кюлленъ почти неизбѣжно тяготѣлъ къ партіи Садлейра, какъ спеціальнаго поборника церкви, и держался вдали отъ тѣхъ, кто бралъ себѣ въ руководители такую опасную газету, какъ *Nation*. Онъ зналъ, наприм., что означала «Молодая Италія», а «Молодую Ирладію» онъ считалъ подражаніемъ итальянской партіи. И онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе такъ думать. Сотрудники *Nation* одно время очень сочувственно писали о Маццини и его товарищахъ Карбонаріяхъ,—положеніе, отъ котораго, однако, скоро публично и энергично отрекся Дуффи и его преемники. Такимъ образомъ для духовныхъ друзей Садлейра не трудно было увѣрить новаго архіепископа, что люди, предпочитавшіе арендную лигу ассоціаціи католической защиты и проповѣдывавшіе союзъ протестантовъ и католиковъ въ общественныхъ дѣлахъ, были партіей еретическою; между тѣмъ какъ господа Садлейръ и Кёфъ были друзьями порядка и защитниками религіи. При тѣхъ обстоятельствахъ, которыя готовы были тогда совершиться, такое положеніе католическаго архіепископа Дублина имѣло рѣшительное значеніе.

Парламентъ былъ распущенъ 1-го іюля и всѣ усилія послѣднихъ шести мѣсяцевъ сосредоточились на выборахъ. Въ борьбѣ участвовали четыре партіи: тори, которые, какъ всегда, сражались «твердо», виги, арендно-лигеры и католическіе защитники. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣднія двѣ вступили въ открытую борьбу, и вообще было видно, что виги и католическіе защитники народа и люди бригады составляли одну и ту же партію. Тѣмъ не менѣе, когда списки были закончены, оказалось, что фактически лигеры представляли островъ. Ни одинъ вигъ католической защиты не могъ обезпечить себѣ выбора, не объявивши себя за арендное право, тогда какъ кандидаты лиги почти вездѣ одержали верхъ. Единственное пораженіе они потерпѣли въ Монаганѣ, гдѣ не былъ выбранъ д-ръ Грей. Фридрихъ Люкасъ былъ выбранъ въ Митѣ, Гаванъ Дуффи—въ Нью-Россѣ, Джонъ Френсисъ Магайръ—въ Денгарванѣ, но, что важнѣе всего, Джорджъ Генри Муръ, членъ распущеннаго парламента, уже отмѣченный какъ вожакъ людей изъ народа, былъ снова выбранъ въ Мэйо. Съ другой стороны, м-ръ Садлейръ и его три кузена—Франкъ и Винцентъ Скёлли и Робертъ Китингъ—были выбраны снова, равно какъ и м-ръ Кёфъ, а братъ Садлейра Джемсъ явился отъ Типперари, и всѣ находили необходимымъ поднять кромѣ папскаго знамени и арендно-правское. Во время этой-то кампаніи и случилось, что м-ръ Кёфъ, обращаясь къ толпѣ въ Вестмитѣ въ пользу капи-

тана Мегана, сказалъ рѣчь, содержавшую одно заявленіе, которое навѣрно не забыли бывшіе тамъ риббонмены. «Рябята,—сказалъ онъ,—теперь дни длинны, а ночи коротки, зимой же дни будутъ коротки, а ночи длинны,—пусть же всякій запомнитъ, кто вотировалъ за сэра Ричарда Левинга *).

Но хотя передъ публикой большею частью фигурировалъ м-ръ Кёфъ, тѣмъ не менѣе невидимымъ фонъ-Мольтке всего плана былъ Джонъ Садлейръ. Наконецъ, онъ уже предвидѣлъ побѣду. Результатъ общихъ выборовъ далъ небольшое большинство и либеральной партіи. Тори не могли удержать власть. Росселевскіе виги безъ ирландскихъ голосовъ были совершенно безсильны. Возможно было только коалиціонное министерство, включавшее консервативныхъ пилитовъ и либераловъ—противниковъ билля о титулахъ духовенства. Въ воображеніи банкира-политика уже рисовалась герцогская корона, какъ награда за ирландскую бригаду...

Радости народа по поводу выбора такого огромнаго числа арендно-правцевъ въ Ирландіи не было конца. Въ особенности это было торжество Гавана Дуффи надъ его противниками революціонной школы. Преданный и независимый отрядъ представителей,—говорилъ онъ,—будетъ значить для Ирландіи при ея существующихъ условіяхъ гораздо больше, чѣмъ цѣлыя вооруженныя арміи. Казалось, какъ будто ирландскій народъ наконецъ согласился на планъ бороться за свои политическіе права оружіемъ голосованія и силами общественнаго мнѣнія.

Въ среду 8-го сентября 1852 года въ Дублинѣ держалась общая конференція ирландскихъ членовъ парламента, сторонниковъ аренднаго права, созванная лигой. Всякій либералъ отъ ирландскаго округа, за однимъ или двумя исключеніями, долженъ былъ присутствовать на ней; всѣхъ было до сорока человѣкъ. Какъ основаніе ихъ будущей политики и дѣйствій въ парламентѣ, была принята слѣдующая резолюція съ однимъ голосомъ противъ:

„Рѣшено, что, по мнѣнію конференціи, для веденія этого дѣла существенно важно, чтобы всѣ члены парламента, которые были выбраны за принципы арендаго права, держались совершенно независимо и оппозиціонно ко вся-

*) М-ръ Кёфъ впослѣдствіи утверждалъ, что не помнитъ чего-нибудь подобнаго; указывался его спеціальный другъ, который „не слыхалъ этого“; но лордъ Элингтонъ цитировалъ показанія или заявленія нѣсколькихъ личностей, которыя были тамъ и слышали эти слова.

Прим. авт.

кому правительству, которое не признаетъ частью своей политики и вопросомъ министерства дать арендаторамъ Ирландіи законъ, включающій принципы билля м-ра Шермана Кроуфорда".

4-го ноября 1852 года открылся новый парламентъ. 17-го же декабря правительство лорда Дерби было побито большинствомъ 19 голосовъ. 20-го министры подали въ отставку и лордъ Абердинъ былъ призванъ составить кабинетъ.

Ликованія раздавались въ Ирландіи. Дрожь самаго дикаго возбужденія потрясла островъ отъ центра до моря. То радость и торжество, то мучительное сомнѣніе, то агонія недоумѣнія господствовали повсюду. Что сдѣлаетъ ирландская партія? Насталъ кризисъ, когда ихъ клятвы или покроются торжествомъ, или будутъ посрамлены. Ни либеральная, ни смѣшанная администрація не была возможна безъ нихъ, и ни одинъ министръ не отрицалъ, что ихъ требованія справедливы. Что сдѣлаютъ ирландскіе члены? Судьба новаго министерства и Ирландіи была въ ихъ рукахъ.

Какъ страшнымъ событіямъ, говорятъ, предшествуютъ таинственныя предчувствія, такъ и въ эту послѣднюю недѣлю стараго года мрачное настроеніе сжимало всѣ сердца. Новости изъ Лондона поглощались съ жадностью каждый часъ. Наконецъ ударъ нанесенъ. Получены извѣстія объ измѣнѣ и пораженіи. Бригада была продана лорду Абердину: Джонъ Садлейръ сдѣлался лордомъ казначейства, Вильямъ Кёфъ—генеральнымъ прокуроромъ Ирландіи, Эдмондъ О'Флагерти—членомъ коммиссіи подоходнаго налога, и такъ далѣе.

Англійскій народъ, по счастію, привыкшій въ теченіе столѣтій исполнять функціи политической жизни, едва ли можетъ понять всеобщій параличъ, который послѣдовалъ за этимъ ударомъ въ Ирландіи.

Владѣлецъ многихъ кораблей можетъ хладнокровно вынести крушеніе одного изъ нихъ. Но здѣсь судно, нагруженное самыми дорогими и послѣдними надеждами народа, стоявшаго уже на краю разоренія и отчаянія, было потоплено на его глазахъ людьми, которые только-что призывали въ свидѣтели своей вѣрности всемогущаго Бога. Ирландское крестьянство разыгрывало свою послѣднюю ставку и потеряло ее. Столбнякъ отчаянія, подобный тому, какой переживался во времена голода, охватилъ народъ. Объявленія объ очисткѣ земли падали какъ «хлопья снѣга» повсюду, гдѣ безпомощные фермеры отказывались подавать голоса за ландлорда и вотировали за члена бригады. За то бан-

киръ-политикъ выигралъ. Привычный успѣхъ не покидалъ его. Онъ еще не былъ пэромъ, но былъ уже лордомъ казначейства. Онъ и его товарищъ «генералъ-прокуроръ» могли холодно улыбаться со своей министерской скамьи, глядя на упрекающія физіономіи Дуффи, Мура и Люкаса. Звонъ новаго года раздавался во славу торжества смѣлаго честолюбія Джона Садлейра. Но не было ли въ немъ слышно печальнаго минорнаго тона, какъ въ жалобномъ похоронномъ звонѣ, который предсказывалъ бы развязку, теперь уже очень близкую?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Боярская дума древней Руси.

Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества.

ГЛАВА XII *).

Въ составѣ московской боярской думы XVI в. отразились довольно точно перемѣны въ составѣ московскаго боярства съ половины XV в.

Успѣшное собираніе Руси московскими князьями привело къ тому, что въ Москвѣ у правительственнаго механизма сталъ классъ съ такимъ составомъ и такимъ іерархическимъ распорядкомъ, какихъ не имѣло прежнее московское боярство, даже съ замѣтнымъ стремленіемъ сдѣлать постоянными, наслѣдственными и это правительственное положеніе и этотъ іерархическій распорядокъ. Это явленіе произошло само собою, совершенно естественно и согласно съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ совершалось политическое объединеніе удѣльной Руси, даже съ тѣми понятіями и привычками, какія приносили изъ удѣловъ новые слуги московскаго государя и съ которыми послѣдній встрѣчалъ ихъ въ Москвѣ. При всемъ томъ явленіе это было довольно неожиданно: его едва ли предвидѣли и навѣрное не пожелали бы, еслибы предвидѣли, сами собиратели Руси, когда сосредоточивали въ своихъ рукахъ разбившіяся части Русской земли съ такимъ терпѣливымъ усердіемъ и съ такою изобрѣтательностію въ способахъ дѣйствія.

Посмотримъ, какъ отразился этотъ неожиданный фактъ на составѣ изучаемаго правительственнаго учрежденія.

Сохранились списки бояръ, окольничихъ и другихъ высшихъ чиновъ людей, начинающіеся съ 1462 года, со вступленія Ива-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

на III на великокняжескій столъ по смерти отца. Перечень страдаетъ пробѣлами, которые до великокняженія Иванова сына трудно пополнить съ помощію уцѣлѣвшихъ остатковъ московской канцелярской письменности того времени. Съ княженія Василія это пополненіе дѣлаютъ возможнымъ въ большей степени *разрядныя книги* XVI в., куда заносились военныя и другія назначенія высшихъ служилыхъ лицъ обыкновенно съ обозначеніемъ ихъ чиновъ. Въ XVII вѣкѣ на помощь къ этимъ разряднымъ записямъ присоединяется нѣсколько такъ-называемыхъ «боярскихъ книгъ» и «боярскихъ списковъ», гдѣ записаны фамиліи лицъ, стоявшихъ въ тотъ или другой годъ на высшихъ и среднихъ ступеняхъ служилой московской лѣствицы *). Пересматривая погодные списки членовъ боярской думы, исправленные и пополненные при помощи этихъ канцелярскихъ книгъ, а также лѣтописей тѣхъ вѣковъ, можно прочитать не мало историческихъ фактовъ въ этой длинной и пестрой вереницѣ именъ, носители которыхъ почти въ продолженіе двухъ столѣтій приходили одни за другими въ переднюю кремлевскихъ государевыхъ хоромъ, чтобы подъ предсѣдательствомъ государя или безъ него «посидѣть о дѣлахъ».

Для обозначенной выше цѣли мы подвергнемъ эти списки нѣсколько мелочному анализу, перебирая особо людей каждаго изъ трехъ чиновъ, составлявшихъ іерархію думы, т.-е. бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, и пока не касаясь служилаго значенія этихъ чиновъ. Беремъ хронологическое пространство въ 176 лѣтъ, съ 1505 года, когда сѣлъ на великокняжескій столъ Василій Ивановичъ, и до смерти царя Ѳедора Алексѣевича въ 1682 году, то-есть до эпохи, съ которой пошла усиленная ломка вѣковыхъ порядковъ и понятій въ Московскомъ государствѣ и обществѣ, совершавшаяся прежде робко и едва замѣтно. Дѣлимъ это пространство на двѣ равныя половины, по 88 лѣтъ въ каждой, и фамиліи людей, присутствовавшихъ въ думѣ въ ту и другую половину, сортируемъ согласно съ тѣми понятіями о происхожденіи и «отечествѣ», какихъ держались дьяки московскаго Разряда, составлявшіе проекты росписей военныхъ и другихъ служебныхъ назначеній. Въ извлекаемыхъ изъ списка цифрахъ могутъ быть ошибки на одну, на двѣ единицы и даже болѣе,

*) Др. Росс. Вивл., XX. Провѣряя этотъ списокъ, можно замѣтить, что неисправность его состоитъ не столько въ неполнотѣ перечня, сколько въ невѣрности хронологическихъ показаній: многіе бояре и окольничіе были пожалованы въ эти званія раньше, чѣмъ показано въ спискѣ.

при невозможности довести до полной точности исправленіе перечня думныхъ людей XVI и первыхъ трехъ десятилѣтій XVII в., а потому мы будемъ выражать свои наблюденія по возможности круглыми числами: извлекаемые изъ анализа выводы, какъ легко замѣтить, таковы, что не теряютъ всей своей вѣроятности при неточности въ нѣсколькихъ единицахъ.

Съ 1505 года до 1593-го включительно насчитываемъ до 70 фамилій, члены которыхъ перебывали въ московской государевой думѣ въ званіи бояръ; изъ нихъ слишкомъ 40 носили княжескій титулъ, остальныя были простыя боярскія фамиліи. Пересчитывая бояръ того и другаго разряда поголовно, находимъ, что изъ двухъ сотенъ бояръ, посидѣвшихъ въ думѣ въ этотъ періодъ времени, было почти 130 князей и только 70 лицъ съ чѣмъ-нибудь некняжескаго происхожденія. Пользуясь наиболѣе обычнымъ способомъ обозначенія количественныхъ отношеній, можно сказать, что княжескихъ фамилій, члены которыхъ сидѣли въ думѣ боярами, было около 61,5°/о, а некняжескихъ около 38,5°/о; считая лица, а не фамиліи, видимъ, что титулованная знать выслала въ думу въ званіи бояръ около 65°/о, а нетитулованная 35°/о. Значитъ, княжье численно преобладало въ составѣ думы великаго князя Василія, его сына и внука и это княжье почти все состояло изъ лицъ, которыя или отцы которыхъ покинули свои княжескіе столы для московской службы недавно, при великомъ князѣ московскомъ Иванѣ III или его сынѣ. Притомъ уже въ XVI вѣкѣ замѣтно дѣйствіе привилегіи, которая дѣлитъ боярскія фамиліи на два разряда, высшій и низшій: члены однѣхъ достигали боярства, проходя предварительно званіе окольничаго, а члены другихъ становятся прямо боярами, минуя эту ступень. Къ привилегированному слою принадлежатъ тѣ же недавніе московскіе слуги все съ громкими удѣльными фамиліями: князья Ростовскіе, Пенковы-Ярославскіе, Пронскіе, Микулинскіе, Шуйскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Глинскіе, Щенятевы и ихъ родичи Булгаковы съ своими вѣтвями, Голицыными и Куракиными, Оболенскіе-Репнины и Серебряные. Изъ фамилій стараго московскаго нетитулованнаго боярства этимъ служебнымъ преимуществомъ пользуются лишь нѣкоторые изъ Воронцовыхъ, Бутурлиныхъ и Челядниныхъ, Яковлей и Юрьевыхъ, двухъ вѣтвей фамиліи Кошкиныхъ, если только, какъ можно подозрѣвать по нѣкоторымъ случаямъ, здѣсь не обманываетъ насъ неполнота списка, не обозначившаго, когда бояре этихъ фамилій были околь-

ничими. Съ 1594 года до смерти царя Ѳедора Алексѣевича въ 1682 году слишкомъ 60 фамилій попали въ списокъ бояръ думы; изъ нихъ княжескихъ было до 40, около 62%. Но мы ошиблись бы, подумавъ на основаніи этого процента, что боярская дума XVII в. сохранила свой прежній родовитый составъ, даже стала немного аристократичнѣе сравнительно съ думой предшествующаго столѣтія. Напротивъ, съ точки зрѣнія родословной знати XVI в. можно сказать, что по прекращеніи старой династіи московская боярская дума «захудала», стала наполняться «молодыми людьми», дворянскою демократіей. Во-первыхъ, хотя процентъ княжескихъ фамилій въ высшемъ думномъ чинѣ теперь нѣсколько поднялся, за то численное отношеніе бояръ-князей ко всему количеству бояръ думы значительно упало: теперь титулованныя фамиліи выставили въ думу около 110 человѣкъ почти на 200 бояръ, отмѣченныхъ въ спискѣ членовъ думы, т.-е. около 56% вмѣсто 65%, какъ приблизительно было въ продолженіе 88 лѣтъ до 1594 года; слѣдовательно нетитулованное боярство въ думѣ выиграло у князей въ XVII в. до 9%. Притомъ княжескія фамиліи, представители которыхъ сидѣли боярами въ думѣ съ 1594 года, въ значительномъ большинствѣ были уже далеко не тѣ, какія то и дѣло мелькаютъ въ спискѣ бояръ прежде. До 20 княжескихъ фамилій XVI в. исчезли для думы XVII вѣка: ни одного члена ихъ не встрѣчаемъ въ числѣ московскихъ государевыхъ совѣтниковъ, которымъ сказано боярство послѣ 1593 года. На мѣсто этихъ выбывшихъ фамилій появляется до 17 новыхъ, изъ которыхъ никто не бывалъ бояриномъ до 1594 года. Справившись по родословнымъ о происхожденіи этихъ новыхъ думныхъ фамилій, находимъ, что большею частію это были младшіе отпрыски генеалогическихъ стволовъ, старшія вѣтви которыхъ наполняли своими именами списки думныхъ людей XVI в. Не появляются болѣе въ думѣ боярами ни князья Пенковы, ни князья Курбскіе, ни князья Шастуновы, ни Кубенскіе, большіе роды ярославской княжеской линіи; на смѣну имъ приходятъ люди младшихъ родовъ той же линіи, князья Прозоровскіе, изъ которыхъ было 6 бояръ съ 1613 года, князья Шаховскіе, Львовы. То же явленіе можно замѣтить и въ другихъ боярскихъ фамиліяхъ не только княжескихъ, но и некняжескихъ. Въ спискахъ бояръ нѣтъ болѣе Поплевиныхъ, старшей линіи Морозовыхъ; но вторая линія Салтыковыхъ, появляющаяся въ думѣ довольно поздно, уже во второй половинѣ XVI вѣка, въ XVII вѣкѣ проводитъ

туда болѣе 10 бояръ. Не встрѣчаемъ въ думѣ XVII в. и людей четвертой линіи того же стараго боярскаго рода Москвы Тучковыхъ, строптивыхъ нѣкогда свойственниковъ князей Курбскихъ; но пятая линія Шеины, появившаяся въ думѣ гораздо раньше Салтыковыхъ, держится въ ней и въ XVII вѣкѣ. Точно также исчезаютъ старшія линіи фамиліи московскаго боярина XIV в. Акинѳа Великаго, Чоботовы и Давыдовы-Челяднины, но младшіе Бутурлины остаются въ думѣ, а совсѣмъ невидные до XVII в. родичи Акинѳовичей Пушкины, которые прежде не бывали боярами, теперь проводятъ въ думу троихъ изъ своей фамиліи въ званіи бояръ. Вообще до 15 простыхъ боярскихъ фамилій XVI вѣка, большею частію старинныхъ, выбыло изъ списка бояръ въ XVII вѣкѣ; на ихъ мѣсто явилось до дюжины такихъ неродословныхъ сравнительно съ Челяднинымы или Яковлями фамилій, какъ Стрѣшневы, Милославскіе, Нарышкины и др.

Особый служебный міръ открывается передъ нами, когда разсматриваемъ списокъ окольничихъ. Окольничество для однихъ служилыхъ лицъ и цѣлыхъ фамилій служило переходною ступенью къ боярству, для другихъ составляло вершину почестей, высшій предѣлъ чиновной карьеры. Если списокъ бояръ наполнялся именами знатнаго княжья, которое здѣсь своей численностью давило нетитулованную знать, то окольничество служило пріютомъ для этой послѣдней. Съ 1505 по 1594 годъ насчитываемъ въ составѣ боярской думы до 140 окольничихъ; изъ нихъ князей было всего съ небольшимъ 30, менѣе 23%; слѣдовательно, нетитулованной знати въ этомъ чинѣ было гораздо больше (приблизительно на 12%), чѣмъ титулованной въ чинѣ бояръ. Притомъ князья, появлявшіеся въ званіи окольничихъ, большею частью далеко не принадлежали къ первостепенной знати: то были князья Ушатые, Сицкіе, Ноздроватые-Звенигородскіе, Великого-Гагины (изъ линіи Шастуновыхъ ярославскихъ), Хворостинины и т. п.; значительное большинство ихъ даже и не дослуживалось до боярства, оканчивая свое служебное поприще въ чинѣ окольничихъ, тогда какъ настоящее титулованное боярство жаловалось въ высшій чинъ прямо, не бывавъ окольничими. Припоминая родословную нетитулованныхъ окольничихъ XVI в., видимъ, что это почти все люди изъ фамилій стариннаго московскаго боярства: изъ нихъ вышло въ этотъ періодъ времени не менѣе 85 окольничихъ, т. е. около 62%, такъ что на остальные некняжескіе роды досталось только 14—15% всего количества окольничихъ. Всего чаще появляются

въ спискѣ людей этого чина немногія коренныя фамиліи стараго московскаго боярства съ ихъ вѣтвями, Морозовы съ Тучковыми, Салтыковыми и Шеиными, Захарьины-Кошкины съ Беззубцевыми, Яковлями и Шереметевыми, Акинѳовичи-Давыдовы съ Жулебиными, Бутурлиными и Чоботовыми, Сабуровы съ Годуновыми, Колычовы, Плещеевы, Головины. Такъ въ спискѣ окольничихъ XVI в. вскрывается само собою основное гнѣздо стараго московскаго боярства, завязавшееся еще въ XIV в., при первыхъ московскихъ князьяхъ. Оно уцѣлѣло среди потока нахлынувшаго въ Москву знатнаго княжья; придавленное имъ на верху, вытѣсняемое съ высшей служебной ступени, это боярство отстояло вторую ступень и господствовало на ней въ XVI в., стараясь въ свою очередь придавить и пришлое боярство изъ удѣловъ и второй слой бывшаго удѣльнаго княжья, пробивавшійся на верхъ къ своимъ старшимъ родичамъ. Но и это удалось имъ только до конца XVI в. Съ начала XVII в. въ спискѣ окольничихъ обнаруживаются явленія параллельныя тѣмъ, какія мы замѣтили при разборѣ списка бояръ. Нѣкоторое время съ 1594 г. окольничіе въ значительномъ количествѣ выходятъ все изъ тѣхъ же коренныхъ московскихъ фамилій Бутурлиныхъ, Годуновыхъ, Головиныхъ и др. Но при новой династіи изъ этихъ фамилій въ спискѣ остаются только четыре—Салтыковы, Бутурлины, Головины и Колычовы, да и тѣ даютъ всего 11 на 114 окольничихъ, занесенныхъ въ списокъ съ начала царствованія Михаила Ѳедоровича. Зато этотъ списокъ поражаетъ множествомъ и разнообразіемъ фамилій, которыхъ на пространствѣ 70 лѣтъ съ 1613 года обозначено больше чѣмъ въ продолженіе 88 лѣтъ съ 1505 года. Очень многихъ изъ этихъ фамилій нельзя даже найти въ боярскихъ родословныхъ XVI в. и большинство ихъ, всѣ эти Чоглоковы, Соковнины, Нарбековы, Матюшкины, Чириковы, Чаадаевы, Хлоповы, теперь впервые появляются среди думныхъ фамилій, чтобы занести въ ихъ списокъ по одному, много по два окольничихъ. Видно, что прежняго окольническаго класса уже не существуетъ, плотный кругъ фамилій, представители которыхъ прежде чаще другихъ являлись въ званіи окольничихъ, разбился и служебный или придворный случай вырывалъ теперь снизу одну за другой неизвѣстныя фамиліи, которыя скоро исчезали опять, оставивъ по себѣ слѣдъ въ спискахъ думныхъ людей однимъ или двумя именами.

Такъ на обѣихъ высшихъ ступеняхъ чиновной лѣствицы замѣчаемъ слѣды одной важной перемѣны, испытанной московскимъ

боярствомъ: въ XVII в. генеалогическій составъ этого боярства далеко не тотъ, какой былъ въ XVI в. Трудно уловить всѣ причины, которыя произвели этотъ генеалогическій переворотъ. Однѣ большія фамиліи XV—XVI в., какъ напримѣръ князья Щенятевы, Дорогобужскіе, Микулинскіе, Холмскіе, Пенковы, «безъ остатка миновались», по выраженію Котошихина, потому что вымерли естественною смертью; другіе извелись отъ казней и побѣговъ въ Литву во время страшной развязки, какую получила во второй половинѣ XVI в. борьба московскихъ государей съ ихъ притязательнымъ боярствомъ. Но можно замѣтить и слѣды причинъ иного, менѣе понятнаго, свойства. Нѣкоторыя боярскія фамиліи исчезаютъ изъ думы, не даютъ ей ни бояръ, ни окольничихъ; но онѣ остаются живы, ихъ членовъ иногда въ значительномъ числѣ встрѣчаемъ въ чинахъ, слѣдующихъ за думными, въ стольникахъ, стряпчихъ, дворянахъ московскихъ. Можетъ-быть, и ихъ думные предки XVI в. начинали служебную карьеру въ этихъ же чинахъ; но теперь прямые ихъ потомки почему-то не поднимаются выше на думныя мѣста отцовъ или поднимаются очень рѣдко. Въ неисчислимомъ родѣ князей Оболенскихъ уже въ XVI в. можно насчитать до 20 обособившихся фамилій. Къ концу этого столѣтія старшія линіи одна за другой вымираютъ съ быстротой, какая могла только радовать царя Ивана Грознаго; въ два-три поколѣнія исчезаютъ Курлятевы, Нагіе, Телепневы, Ноготковы, Горенскіе; уже при Грозномъ выбываетъ изъ думы только-что поднявшаяся при отцѣ его младшая линія кн. Димитрія Щепы, князья Серебряные; старшіе Золотые какъ-то не пошли въ ходъ уже въ XVI в. На мѣсто ихъ изъ глубины титулованной служилой массы съ XVII в. пробираются въ думу младшіе птенцы этого плодовитаго родословнаго гнѣзда, князья Лыковы, Долгорукіе, Щербатые. Одинъ изъ Долгорукихъ былъ окольничимъ во второй половинѣ XVI вѣка, но въ числѣ бояръ они появляются вмѣстѣ съ Лыковыми только съ начала XVII в. Щербатые и ихъ дальніе родичи Барятинскіе попадаютъ въ думу еще позднѣе, уже во второй половинѣ XVII в. Причиной этого вовсе не было то, что они не успѣли отдѣлиться отъ родословнаго ствола, когда уже процвѣтали въ думныхъ чинахъ старшія его вѣтви, князья Стригины, Нагіе или Репнины; напротивъ, въ поколѣнной росписи фамиліи Барятинскихъ, Долгорукихъ и Щербатыхъ появляются даже прежде фамилій Курлятевыхъ, Стригиныхъ и Репниныхъ на одно или на два поколѣнія. Отдѣльныя

лица съ этими фамиліями встрѣчаемъ уже въ актахъ XV в. Стоитъ заглянуть въ боярскую книгу 1627 года: тамъ въ чинахъ, непосредственно слѣдовавшихъ за думными, въ стольникахъ и дворянахъ московскихъ, встрѣчаемъ 9 князей Щербатыхъ, 11 Барятинскихъ и 12 Долгорукихъ. Они стоятъ у самыхъ дверей думы, ожидая своей очереди, пока еще не имѣютъ возможности протѣсниться въ думу сквозь густые ряды болѣе родовитаго княжья и проходятъ туда по мѣрѣ того, какъ эти ряды рѣдѣютъ. Между тѣмъ живутъ еще остатки нѣкоторыхъ старшихъ вѣтвей: князья Черные-Оболенскіе, князья Тюфякины, прямые предки которыхъ въ XVI в. бывали боярами и которые какъ по родословцу, такъ и по службѣ отцовъ не должны были бы, кажется, стоять ниже своихъ родичей, князей Лыковыхъ или Долгорукихъ, нерѣдко мелькаютъ въ спискахъ тѣхъ же стольниковъ и дворянъ московскихъ XVII в., но не дослуживаются ни до боярства, ни даже до окольничества. Точно также до 1613 года въ думѣ не находимъ никого изъ Прозоровскихъ, принадлежавшихъ къ числу младшихъ вѣтвей огромнаго рода князей Ярославскихъ, успѣшнѣе другихъ соперничавшаго съ Оболенскими обиліемъ лицъ и фамилій. Между тѣмъ уже Грозный писалъ кн. Курбскому, что у него и у его батюшки Прозоровскихъ было «не одно сто»; слѣдовательно, они долго ждали и когда не стало въ думѣ старшихъ фамилій линіи, ни Пенковыхъ, ни Курбскихъ, ни Кубенскихъ, они вмѣстѣ съ своими родичами князьями Львовыми пришли занять опустѣлыя мѣста. Иныя знатныя фамиліи XVI вѣка не выбываютъ изъ думы и въ слѣдующемъ столѣтіи; однако и по ихъ судьбѣ можно замѣтить, что служебное счастье не везетъ по-прежнему старымъ большимъ боярскимъ родамъ. При царѣ Иванѣ Грозномъ въ московской служилой іерархіи немного можно насчитать фамилій выше князей Воротынскихъ. Кн. И. М. Воротынскому, сыну одного изъ самыхъ заслуженныхъ и доблестныхъ воеводъ временъ Грознаго, сказано было боярство по списку въ 1592 году. До смерти своей въ 1627 г. онъ оставался единственнымъ представителемъ своей фамиліи въ думѣ; послѣ него здѣсь не было никого изъ Воротынскихъ до 1664 года, когда пожаловали въ бояре внука этого Ивана Михайловича: ни братъ его, ни сынъ, ни правнукъ не попали въ бояре, тогда какъ отецъ его и двое дядей были ими и нѣсколько лѣтъ сидѣли вмѣстѣ въ думѣ царя Ивана. Сабуровы не принадлежали къ первостепенной московской знати XVI в.; однако, слѣдя за ними по разряднымъ росписямъ до

XVII в., легко замѣтить, что это были люди очень «великіе»: немногіе изъ стариннаго нетитулованнаго боярства Москвы становились выше ихъ и члены не всякой княжеской фамиліи могли безнаказанно держать съ ними счетъ. Въ XV и XVI в. этотъ старый боярскій родъ выслалъ въ думу длинный рядъ представителей въ званіи бояръ. Послѣднимъ изъ нихъ былъ Михаилъ Богдановичъ, которому по списку сказано боярство въ 1606 г. Съ тѣхъ поръ никто болѣе изъ Сабуровыхъ не былъ пожалованъ въ бояре до смерти царя Ѳедора. Между тѣмъ родословная, составленная въ концѣ XVII в., выписываетъ вереницу дальнѣйшихъ поколѣній этой фамиліи, а въ боярскихъ и разрядныхъ книгахъ при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ находимъ много Сабуровыхъ между стольниками, дворянами московскими и даже ниже.

Итакъ, рядомъ съ боярскими фамиліями, вымиравшими естественною смертью, находимъ рядъ другихъ, которыя подвергались политическому вымиранію. Однѣ, не успѣвъ развѣтвиться, исчезали безъ остатка; въ другихъ выбывали изъ служилыхъ рядовъ старшія вѣтви, уступая свои мѣста поднимавшимся младшимъ отросткамъ однихъ съ ними родословныхъ корней; наконецъ, въ третьихъ старшія линіи мѣнялись положеніемъ съ младшими, падая сами, пускали ихъ на верхъ, начинали «худать», прежде чѣмъ изводились, передавая другимъ свое прежнее политическое дородство. Причины этой политической худобы остаются неясны, какъ неясенъ во многомъ весь этотъ процессъ генеалогическаго обновленія московскаго боярства. Полнаго разъясненія этого процесса едва ли не слѣдуетъ искать преимущественно въ томъ соціально-экономическомъ переворотѣ, который тихо совершился подъ шумъ политическихъ событій XVI—XVII в., захвативъ весь служилый классъ, а не однѣ его боярскія вершины, и подготовивъ тотъ складъ нашего дворянства, въ какомъ видимъ его въ XVIII в. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы коснемся мимоходомъ нѣкоторыхъ явленій этого переворота.

Пересчитавъ фамиліи московскаго боярства, члены которыхъ съ начала княженія Ивана III до конца царствованія Ивана IV сидѣли въ думѣ боярами или окольничими, найдемъ, что такихъ фамилій было около ста. Но въ боярской родословной, составленной во второй половинѣ XVI в., обозначено почти 200 боярскихъ фамилій, т. е. такихъ, члены которыхъ служили нѣкогда боярами въ разныхъ великихъ и удѣльныхъ княжествахъ или сами сидѣли на великихъ и удѣльныхъ княжескихъ столахъ. Слѣдовательно

къ концу XVI вѣка должно было оказаться, что цѣлая половина московскаго боярства при его новомъ составѣ въ продолженіе ряда поколѣній не имѣла доступа въ думу и была лишена политическаго преимущества, которое только и сообщало служилому роду характеръ боярской фамиліи. Въ число такихъ родовъ, остававшихся за думнымъ штатомъ, попадали и нѣкоторыя старыя московскія боярскія фамиліи; но преимущественно такая участь постигала нетитулованныхъ пришельцевъ изъ другихъ княжествъ, хотя не миновали ея и нѣкоторые титулованные роды. Такъ началъ складываться особый слой въ составѣ московскаго служилаго класса, непосредственно слѣдовавшій за боярствомъ: онъ былъ боярскимъ по происхожденію, по родословному «отечеству», но переставалъ быть имъ по службѣ, по «разрядамъ», и долго обозначался названіемъ «дѣтей боярскихъ». Причиной появленія этого слоя было то же обиліе знатныхъ титулованныхъ фамилій, нахлынувшихъ въ Москву и затѣснившихъ не только пришлое удѣльное, но и старое московское боярство. Московская судьба тверскаго боярскаго рода Бороздиныхъ наглядно показываетъ ходъ этого служебнаго приниженія простаго боярства. При Иванѣ III, вскорѣ по переходѣ на службу въ Москву, когда служилое княжье не успѣло еще затопить простое боярство, Бороздины держатся въ думѣ среди московскихъ бояръ. Въ княженіе Иванова сына и внука они уже не поднимаются выше окольничества, а въ первой половинѣ XVII в. обѣихъ вѣтвей этого рода, ни Борисовыхъ, ни Житовыхъ, нѣтъ въ думѣ, а надобно ихъ искать въ самомъ концѣ длиннаго списка дворянъ московскихъ. Но и этотъ захудалый слой не вовсе пропалъ для боярской думы. Не говоря теперь о происхожденіи возникшаго въ XVI вѣкѣ третьяго разряда въ чиновномъ составѣ думы, чина думнаго дворянства, укажемъ пока на ту черту его, что первыя занесенныя въ думскій списокъ имена думныхъ дворянъ принадлежатъ именно такимъ упавшимъ фамиліямъ московскимъ и пришлымъ. Олферьевъ и Безнинъ—представители двухъ вѣтвей стариннаго московскаго служилаго рода Нащокиныхъ, Зюзинъ и Нагой—члены двухъ фамилій прежняго тверскаго боярства. Это думные дворяне времени Ивана Грознаго, а въ царствованіе его сына въ этомъ чинѣ являются два члена успѣвшей захудать титулованной фамиліи князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ.

Такъ въ спискѣ трехъ чиновъ московской боярской думы XVI в. открываются слѣды трехъ различныхъ классовъ москов-

скаго боярства. Эти классы не отдѣляются одинъ отъ другаго глубокой политическою межой. Званія бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ не были замкнутыми, неподвижными политическими состояніями: члены одной и той же фамиліи и въ одно время служили въ разныхъ думныхъ чинахъ; думный дворянинъ повышался въ окольничіе, окольничій дослуживался до боярства. Но думные чины еще не превратились въ простые служебные ранги; между ними замѣтно въ XVI в. нѣкоторое соціальное различіе, уже начавшее исчезать въ слѣдующемъ столѣтіи. За каждымъ изъ нихъ стоялъ особый генеалогическій кругъ. Бояре выходили преимущественно изъ знатнѣйшихъ княжескихъ родовъ, къ которымъ примыками немногія нетитулованныя фамилія стариннаго московскаго боярства. Окольничество принадлежало преимущественно тѣмъ фамиліямъ этого боярства, которыя успѣли спасти свое положеніе при наплывѣ новыхъ титулованныхъ бояръ; къ нимъ примкнуло второстепенное княжье съ немногими фамиліями удѣльнаго боярства. Наконецъ, думное дворянство было убѣжищемъ выслужившихся лицъ смѣшаннаго класса, который составлялся изъ упадавшихъ старыхъ московскихъ фамилій, изъ массы пришлаго удѣльнаго боярства, даже частію титулованнаго, и нѣкоторыхъ другихъ элементовъ. Легко замѣтить, что это думное дѣленіе боярства было тѣсно связано съ тою генеалогической іерархіей, въ какую, какъ мы видѣли, сложилось новое московское боярство въ XV и XVI в., и чиновный составъ боярской думы былъ лишь отраженіемъ этого аристократическаго склада боярства.

ГЛАВА XIII.

Вмѣстѣ съ тѣмъ московская боярская дума стала оплотомъ политическихъ притязаній, возникшихъ въ московскомъ боярствѣ при его новомъ составѣ.

Самый важный фактъ, открывающійся при разборѣ списка членовъ боярской думы, тотъ, что до конца XVI в. въ московскомъ государственномъ совѣтѣ преобладали старшія по происхожденію боярскія фамиліи, а въ XVII в. количественный перевѣсъ рѣшительно склонился на сторону младшихъ. Представивъ себѣ количество старшихъ боярскихъ родовъ, уступившихъ въ XVII в. свои мѣста въ думѣ младшимъ, и количество новыхъ неизвѣстныхъ дотолѣ фамилій, пришедшихъ съ служилаго низа занять

мѣста выбывшихъ знатныхъ, мы поймемъ, что разница въ составѣ боярской думы того и другаго вѣка была слишкомъ значительна, чтобъ ея послѣдствія могли ограничиться составомъ родословной московскаго боярства. Смѣнились не только поколѣнія одного и того же класса, смѣнились и самые классы, и еслибы гордому своимъ происхожденіемъ кн. А. М. Курбскому показать списокъ членовъ боярской думы XVII в., онъ навѣрное покачалъ бы головой и сказалъ: да, правду писалъ мнѣ въ Литву князь великій московскій Иванъ Васильевичъ, по своей привычкѣ злоупотребляя словами Св. Писанія, что воленъ Богъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму. Выходя за предѣлы генеалогіи боярства, этотъ фактъ долженъ былъ отразиться на политическомъ его настроеніи. Старшія знатныя фамиліи были преимущественными хранительницами тѣхъ правительственныхъ понятій и обычаевъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывались политическія отношенія въ Москвѣ съ половины XV в. Изучая значеніе этого факта, можно напомнить одно свойство московскихъ умовъ того времени, очень простое и понятное само по себѣ и обыкновенно признаваемое за ними, но не всегда достаточно принимаемое въ соображеніе при разборѣ явленій тѣхъ вѣковъ. Не слѣдуетъ забывать, что отношенія и стремленія людей, правившихъ тогдашнимъ обществомъ, управлялись гораздо болѣе привычками, нежели идеями, или, точнѣе, преданіемъ не настолько продуманнымъ, чтобы стать идеей. Преданіе хранится въ памяти и нравахъ, поддерживаемое напоминающею его житейскою обстановкой, которая вмѣстѣ съ нимъ сложилась. Мы не умѣемъ понять просто иныя явленія московской государственной старины лишь потому, что предполагаемъ обдуманныя цѣли, политическія задачи тамъ, гдѣ дѣйствовали только передаваемыя по наслѣдству политическія привычки. О времени царя Ивана Грознаго преимущественно можно сказать, что люди тогда дѣйствовали такъ, а не иначе, не потому, что извѣстнымъ образомъ предначертали себѣ будущее, а потому, что не умѣли достаточно отвыкнуть отъ прошедшаго.

Помня, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, отъ поколѣнныхъ боярскихъ росписей и разрядныхъ книгъ обратимся къ документамъ, изображающимъ экономическую обстановку московскаго боярства въ XVI в. Еслибы сохранились въ достаточной полнотѣ писцовыя книги Московской Руси отъ конца XV-го и первой половины XVI в., по нимъ безъ труда можно было бы видѣть одну черту этой обстановки, которую безъ нихъ надобно возстановлять по отрывоч-

нымъ мелкимъ указаніямъ. Именно легко было бы замѣтить, что въ началѣ XVI в., когда было уже снесено столько перегородокъ, дѣлившихъ сѣверную и центральную Русь на удѣльныя большія и малыя клѣтки, всюду еще видны были слѣды недавняго удѣльнаго дробленія. Масса князей и бояръ, переставъ быть удѣльными, оставалась еще простыми земельными владѣльцами, иногда очень крупными, въ своихъ бывшихъ удѣлахъ. Это понятно само по себѣ и едва ли нуждается въ пространныхъ доказательствахъ: порядокъ, дѣйствовавшій три вѣка, не могъ исчезнуть безъ слѣда въ одно или два поколѣнія. Мы ограничимся немногими указаніями, наиболѣе выразительно рисующими хозяйственную обстановку новаго боярства, заимствуя ихъ преимущественно изъ неизданныхъ актовъ. Князь Курбскій въ своей исторіи Ивана Грознаго, разсказывая о гибели двухъ бояръ его, князей М. И. Воротынскаго и Н. Р. Одоевскаго, замѣчаетъ, что эти княжата въ то время, т.-е. въ 1570-хъ годахъ, еще сидѣли на своихъ удѣлахъ и огромныя отчины подъ собою имѣли. По духовной царя Ивана, написанной въ 1570-хъ годахъ, князь М. И. Воротынскій еще владѣлъ третью г. Воротынска. Выше было указано, что по разряднымъ росписямъ конца XV в. князья Воротынскіе и Одоевскіе ходили въ московскіе походы съ своими особыми удѣльными полками. Въ одной разъѣзжей (межевой) грамотѣ по уѣзду Малаго-Ярославца конца XV в. является свидѣтелемъ намѣстникъ княгини Тарусской, то-есть эта княгиня не только оставалась землевладѣлицей въ прежнемъ Тарусскомъ удѣлѣ, но и продолжала пользоваться нѣкоторыми удѣльными правительственными правами. Изъ тяжебнаго дѣла о землѣ между Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ и однимъ изъ князей Воротынскихъ того же времени видно, что въ тогдашнемъ Малоярославецкомъ уѣздѣ рѣчка Ичея служила межой, отдѣлявшей Почапскія и другія земли монастыря отъ владѣній *всѣхъ* князей Оболенскихъ кромѣ князя Д. С. Щепы. Очевидно, владѣнія этой фамиліи составляли здѣсь сплошное пространство, цѣлый округъ, средоточіемъ котораго былъ фамильный городъ, потому что на вопросъ судьи, отчего монастырь не напоминалъ отвѣтчику кн. Оболенскому о захватѣ, старецъ, представлявшій интересы истца, отвѣчалъ, что напоминали объ этомъ ежегодно, но что «приставъ государя великаго князя къ *нимъ* въ Оболенескъ не въѣзжалъ»; значитъ, бывшіе удѣльные князья сохраняли еще долю своей удѣльной независимости въ видѣ землевладѣльческихъ

привилегій. Еще въ началѣ второй половины XVI в. нѣкоторые изъ князей Оболенскихъ отказываютъ въ тотъ же монастырь по душѣ свои вотчинныя села съ деревнями въ уѣздѣ города Оболенска. Между тѣмъ Татищевъ, по поводу одного дополнительнаго указа къ Судебнику 1550 года о княжескихъ вотчинахъ въ бывшихъ удѣлахъ, замѣчаетъ, хотя недостаточно ясно, что онъ видѣлъ у князя Д. М. Голицына, извѣстнаго верховника, договорную грамоту, по которой князья Оболенскіе продали великому князю Ивану III за 2 села и 5.000 руб. свое право собственности на Оболенское княжество въ случаѣ пресѣченія мужской нисходящей линіи въ ихъ родѣ. Такимъ образомъ и другимъ вѣтвямъ обширнаго черниговскаго племени, родственнымъ кн. М. И. Воротынскому и кн. Н. Р. Одоевскому, вотчинные прикащики до самой половины XVI в. еще живо напоминали своими хозяйственными отчетами минувшія удѣльныя времена, несмотря на то, что, напримѣръ, князья Оболенскіе задолго до Ивана III стали записываться на московскую службу. То же видимъ въ двухъ другихъ многочисленныхъ княжескихъ линіяхъ, ярославской и бѣлозерской. Актъ 1564 года указываетъ вотчины множества князей Сицкихъ и Прозоровскихъ по обѣ стороны р. Мологи. Очевидно, древній Моложскій удѣлъ предка и теперь оставался въ рукахъ потомковъ, которые сплошными гнѣздами сидѣли еще здѣсь на своихъ вотчинахъ сто лѣтъ спустя по присоединеніи ярославскихъ удѣловъ къ Москвѣ. Князья Кемскіе, Согорскіе, Ухтомскіе, Шелешпанскіе, уже въ XIV в. утратившіе удѣльную самостоятельность, въ первой половинѣ XVI в. все еще сидятъ на своихъ бывшихъ миніатюрныхъ удѣлахъ по Кеми, Ухтомѣ и др. рѣкамъ, иногда по нѣскольку на одномъ, правятъ и хозяйничаютъ по-прежнему, иные въ качествѣ намѣстниковъ великаго князя московскаго, межуются землями другъ съ другомъ или съ Кирилловымъ монастыремъ и хоронятся въ этомъ монастырѣ или у своихъ вотчинныхъ церквей, какъ видно изъ ряда похоронныхъ записей при одной рукописи мѣстнаго происхожденія *). Въ той же духовной царь Иванъ отдаетъ старшему сыну бывшій тверской удѣльный городъ Микулинъ и съ вотчиною кн. Семена Микулинскаго, «которая не отдана». Князь Се-

*) Духовн. Ивана IV въ Доп. къ Акт. Ист. I, № 222. Сказ. кн. Курбскаго, изд. 2, стр. 99. Судебникъ, изд. *Татищевымъ*, изд. 2, стр. 166. Акт. Арх. Эксп. I, № 269. Акт. Юр. №№ 140, 146, 147 и 152. Церк. уст. XVI в., рукоп. *Е. В. Барсова*.

менъ Ивановичъ Микулинскій—извѣстный бояринъ 1550—60-хъ годовъ. Находимъ двѣ вкладныя грамоты, по которымъ вдова этого боярина, княгиня Авдотья, и вдова его роднаго брата кн. Д. И. Микулинскаго, погибшаго при осадѣ Казани, первая въ 1567 г., а вторая въ 1557 г. отдали въ Сергіевъ монастырь по приказу мужей нѣсколько ихъ вотчинныхъ селъ съ десятками деревень въ Тверскомъ и *Микулинскомъ* уѣздахъ, а первая присоединила къ этому цѣлую дюжину дворовъ въ самомъ г. Микулинѣ, можетъ-быть еще уцѣлѣвшихъ отъ того времени, когда предки ея мужа сидѣли на удѣлѣ въ этомъ городѣ.

Обратимся еще разъ къ той же любопытной, но не вездѣ ясной духовной царя Ивана, чтобы замѣтные въ ней слѣды изучаемаго факта пояснить указаніями другихъ документовъ того вѣка. Завѣщатель пишетъ, что онъ далъ упомянутому выше боярину кн. М. И. Воротынскому, взамѣнъ взятой у него старой вотчины, Стародубъ Ряполовскій на Клязьмѣ, бывшій удѣлъ князей этого имени. Въ другомъ мѣстѣ царь отдаетъ старшему своему сыну бывшія вотчины князей Стародубскихъ въ Стародубѣ Ряполовскомъ, замѣчая, что онѣ остались за нимъ, царемъ, у кн. М. Воротынскаго. Здѣсь онъ пересчитываетъ до 30 князей и княгинь стародубской линіи и до 40 принадлежавшихъ имъ селъ съ деревнями въ бывшемъ Стародубскомъ удѣлѣ. Перебирая фамильные акты многочисленныхъ князей этой линіи, разсѣянные въ массѣ грамотъ Троицкаго Сергіева монастыря, встрѣчаемъ длинный рядъ межевыхъ, вкладныхъ и духовныхъ, въ которыхъ разные князья Стародубскіе, Нагаевы-Ромодановскіе, Тулуповы, Осиповскіе являются еще повидимому полными владѣльцами своихъ измельчавшихъ вотчинъ въ бывшемъ удѣлѣ Стародуба Ряполовскаго, распоряжаются ими свободно; эти акты относятся къ 1554—1574 годамъ и въ нихъ названы нѣкоторыя изъ тѣхъ самыхъ лицъ и селъ съ деревнями, которыя пересчитываются въ духовной царя Ивана. Потомки удѣльныхъ бояръ и въ XVI в. едва ли еще не въ большей цѣлости, чѣмъ дѣти и внуки ихъ бывшихъ удѣльныхъ государей, сохраняли за собою старыя вотчины своихъ отцовъ и дѣдовъ. Бороздины, Киндыревы и Нагіе—старые боярскіе роды Тверскаго княжества; нѣкоторые Житовы-Бороздины, Нагіе и Киндыревы во второй половинѣ XVI в., сто и больше лѣтъ спустя по присоединеніи Тверскаго княжества къ Москвѣ, еще продаютъ и отказываютъ въ монастыри по душѣ свои вотчины «старинныя», «благословеніе отцовъ и прародителей», въ удѣлахъ Тверскомъ и Старицкомъ.

Обиліе такихъ указаній въ актахъ, случайно подвернувшихся подъ руки, освобождаетъ отъ обязанности увеличивать ихъ перечень. Если, руководясь ими, представимъ себѣ московское боярство конца XV в., когда въ средѣ его многіе хорошо помнили, какъ они сидѣли на своихъ удѣлахъ, а многіе еще не успѣли забыть, какъ хозяйничали тамъ ихъ отцы,—станетъ очень ясно, какъ много удѣльнаго должно было тогда оставаться въ ежедневныхъ дѣлахъ и помыслахъ большей части бояръ. Пріѣзжая во дворецъ, они входили въ кругъ отношеній и понятій, къ которымъ не могла пріучить ихъ прежняя жизнь на удѣлѣ; но на ихъ московскихъ подворьяхъ занятія съ дворовыми людьми, которые вѣдали ихъ вотчинныя дѣла, возвращали ихъ къ мыслямъ и привычкамъ прежняго времени. Обращаясь къ литературнымъ памятникамъ XVI в., находимъ въ нихъ такія же указанія. Читая въ запискахъ барона Герберштейна разсказы, слышанные имъ въ Москвѣ, чувствуешь, въ какой водоворотъ политическихъ сплетенъ и толковъ попадалъ иноземный посолъ, пріѣзжавшій въ Москву въ первыя десятилѣтія того вѣка: эти толки и сплетни, которыми питались бесѣды тогдашнихъ государственныхъ людей Москвы, касались преимущественно удѣловъ исчезавшихъ, исчезнувшихъ или ждавшихъ своей очереди исчезнуть. Читая разсказъ кн. Курбскаго объ Иванѣ IV и переписку между ними, видишь, что головы обоихъ корреспондентовъ, отдаленныхъ потомковъ удѣльныхъ князей, еще полны свѣжими удѣльными воспоминаніями, отъ которыхъ они не умѣютъ отрѣшиться даже тогда, когда замѣчаютъ, что установившаяся дѣйствительность даетъ мало опоры этому запоздалому археологическому грузу памяти.

Гораздо важнѣе всего этого то, что само московское правительство Ивана III и его сына не только отлично помнило удѣльный порядокъ, но повидимому охотно признавало въ своей практикѣ нѣкоторые его остатки или послѣдствія, прямо изъ него вытекавшія. Не видно съ его стороны желанія мѣшать тому участію, какое получили удѣльныя генеалогическія преданія въ установленіи боярскаго служебнаго старшинства, и власти, разбиравшія въ 1576 г. мѣстническій споръ двухъ потомковъ тверскихъ бояръ, Зюзина съ Нагимъ, не возражали одному изъ тяжущихся, когда онъ въ отвѣтъ сопернику, указывавшему на «случаи» своей московской службы, заявилъ, что ему нѣтъ дѣла до московскихъ разрядовъ, что онъ желаетъ знать только отношенія, бывшія

между ихъ предками въ Твери, и ими считаться съ соперникомъ. Московское правительство предоставляло служилому князю Воротынскому или Одоевскому въ походѣ командовать своимъ удѣльнымъ полкомъ особо, на разбивая его по полкамъ московской арміи, какъ будто эти князья были удѣльными союзниками московскаго государя, а не такими же слугами-воеводами, какъ кн. Щеня или бояринъ Яковъ Захарьичъ. Извѣстно также, что когда присоединялись къ Московскому княжеству значительныя области, имѣвшія свое особое независимое управленіе, то далеко не всѣ ихъ дѣла распредѣлялись тотчасъ по центральнымъ московскимъ учрежденіямъ: для нѣкоторыхъ дѣлъ, имѣвшихъ особенную важность въ тогдашнемъ управленіи, создавались особыя правительственныя мѣста, мѣстные приказы или «избы», параллельные центральнымъ московскимъ, хотя и они возникали въ Москвѣ, если это не были старыя учрежденія присоединившихся областей, перенесенныя въ Москву уже готовыми. Большая ихъ часть слилась потомъ съ центральными московскими вѣдомствами; между ними были, вѣроятно, такія, кратковременное существованіе которыхъ не оставило слѣда въ сохранившихся остаткахъ канцелярской письменности XV и XVI вѣка. Въ актахъ XVI в., послѣ завоеванія бывшаго княжества Смоленскаго и царства Казанскаго, появляются Смоленскій разрядъ и приказъ Казанскаго дворца. Духовная великаго князя Ивана III говоритъ о тверскомъ дворецкомъ съ тверскими дьяками и прикащиками, то-есть о приказѣ Тверскаго дворца; этотъ дворецъ, какъ и Рязанскій, существовалъ еще во второй половинѣ XVI в., судя по встрѣчающимся въ актахъ именамъ тверскихъ и рязанскихъ дворецкихъ, а потомки тверскихъ удѣльныхъ князей и бояръ и въ концѣ XV в. и даже при Иванѣ IV, въ сороковыхъ годахъ XVI в., продолжаютъ являться при московскомъ дворѣ особымъ разрядомъ служилыхъ людей, который приказныя бумаги называютъ «боярами съ Тверской земли» или «дворомъ Тверскимъ». Въ такихъ центральныхъ учрежденіяхъ съ вѣдомствами чисто мѣстнаго характера сказывалось нежеланіе московскаго правительства слишкомъ рѣшительно ломать порядокъ, какой оно находило въ присоединяемыхъ областяхъ. Въ областномъ управленіи Московскаго государства при Иванѣ III и его сынѣ также найдемъ слѣды этой своего рода политической осторожности, старавшейся смягчить боль удѣльныхъ обществъ отъ операціи государственнаго объединенія. Какъ скоро московскому великому князю удавалось ору-

жіемъ или сдѣлкой водворить свою власть въ извѣстномъ княжествѣ, изъ Москвы не поднимали нетерпѣливаго гоненія ни противъ обычаевъ, ни противъ персонала прежняго управленія и даже за прежнимъ княземъ готовы были оставить часть его правительственной власти, если онъ умѣлъ мириться съ своей зависимостью. Выше былъ уже указанъ актъ, изъ котораго видно, что въ исходѣ XV в. у княгини Тарусской все еще оставался намѣстникъ въ краѣ, который пересталъ уже быть Тарусскимъ удѣломъ. Въ 1463 г. князья ярославскіе отдались московскому государю со всѣми своими вотчинами. Въ повѣсти объ открытіи мощей предка ихъ кн. Ѳеодора Чернаго въ томъ же году есть указанія на то, что тогдашній глава ярославской княжеской линіи Александръ Ѳедоровичъ, переставъ быть великимъ княземъ въ Ярославлѣ, остался здѣсь намѣстникомъ московскаго государя, «старѣйшиной града», какъ называетъ его повѣствователь, и лѣтопись косвенно подтверждаетъ это указаніе извѣстіемъ, что бывшій великій князь ярославскій умеръ въ Ярославлѣ и погребенъ въ монастырѣ, гдѣ лежали новоявленныя мощи его предка. Сынъ этого Александра князь Даніилъ Пенко выросъ уже московскимъ слугой; однако 26 лѣтъ спустя по смерти отца, въ 1497 г. онъ подтверждаетъ жалованною грамотой Спасо-Каменному монастырю вклады дѣда и отца, жалуетъ обитель землями въ своей ярославской вотчинѣ, даже съ посаженными на нихъ крестьянами, «по старинѣ, какъ жаловалъ дѣдъ мой и отецъ мой», и по выраженіямъ грамоты трудно догадаться, что ее писалъ не владѣтельный князь, а московскій бояринъ. Казалось, особенно непримиримо относилась Москва къ быту вольнаго Новгорода, стараясь разбить не только его политическій строй, но и самое населеніе, особенно боярскій правительственный классъ; однако и послѣ паденія города въ 1481 г. договоръ съ ливонскимъ магистромъ скрѣпляютъ крестоцѣлованіемъ «новгородскіе бояре», какъ бывало въ вольную старину. Лѣтъ 60 спустя послѣ паденія Тверскаго княжества московскіе акты говорятъ еще объ особомъ «дворѣ Тверскомъ», а одинъ изъ соперниковъ въ упомянутомъ мѣстническомъ спорѣ потомковъ тверскихъ бояръ Нагаго и Зюзина показывалъ, что, взявъ Тверь, великій князь Иванъ отдалъ ее сыну своему Ивану, который «бояръ прежняго государя Михаила Борисовича и у себя пожаловалъ, въ боярехъ учинилъ и грамоты свои на вотчины ихъ тверскія имъ давалъ и велѣлъ ихъ писать въ грамотахъ своими боярами». Одна половина Ростов-

скаго княжества, какъ извѣстно, еще до княженія Ивана III была присоединена къ Москвѣ, а другая находилась подъ сильнымъ ея давленіемъ еще прежде, чѣмъ была куплена Иваномъ. Великій князь Василій Темный, завѣщая Ростовъ своей княгинѣ, пишетъ въ духовной 1462 года: «а князи ростовскіе что вѣдали при мнѣ, ино потому держатъ и при моей княгинѣ, а княгиня моя у нихъ въ то не вступается»; сынъ Темнаго Юрій, къ которому имѣлъ перейти Ростовъ по смерти княгини, долженъ былъ точно такъ же поступать съ мѣстными князьями: «что они вѣдали свое, ино потому же держатъ». Этимъ объясняется сообщеніе Татищева, который видѣлъ въ архивѣ кн. Д. М. Голицына акты, свидѣтельствовавшіе о томъ, что великій князь Василій Темный «велѣлъ ростовскимъ боярамъ судить по ихъ старымъ законамъ», что Иваномъ III, при которомъ Рязань не была еще окончательно подчинена Москвѣ, подобное дозволеніе дано было и рязанскимъ боярамъ по ихъ ходатайству. Благодаря такой политикѣ осторожности создавалось переходное среднее состояніе между удѣльнымъ княземъ и простымъ служилымъ бояриномъ, которое можно назвать состояніемъ служилаго князя на удѣлѣ, гдѣ новый московскій слуга пользовался значительною долей своихъ прежнихъ владѣтельныхъ правъ, оставался въ кругу старыхъ политическихъ обычаевъ и отношеній, заведенныхъ самостоятельными отцами. Князья Одоевскіе или Оболенскіе, продолжая преданіе своихъ предковъ XII в., обязывались дѣйствовать подъ руководствомъ старшаго изъ своей среды, своего названнаго отца, жить съ нимъ «за одинъ». Со времени подчиненія Москвѣ эти старшіе и въ московскіе походы призывались каждый съ своей «братіей» вмѣстѣ, Оболенскій со «всѣми» Оболенскими, Одоевскій съ Одоевскими. Есть даже указанія на то, что удѣльные князья нѣкоторое время и на московской службѣ удерживали при себѣ свои прежніе дворы, своихъ удѣльныхъ бояръ. Самая возможность для бывшихъ удѣльныхъ князей долго оставаться землевладѣльцами тамъ, гдѣ прежде правили они или ихъ отцы, была не слѣдствіемъ забывчивости или недосмотра съ московской стороны, а разсчетомъ политики: добровольно подчинявшихся князей обыкновененно оставляли владѣльцами ихъ прежнихъ вотчинъ. Такъ въ 1493 г., когда московскіе воеводы взяли у Литвы Вязьму и князей Вяземскихъ привели въ Москву, великій князь ихъ «пожаловалъ ихъ же вотчиною Вязьмою и повелѣлъ имъ себѣ служити». Такъ же поступилъ онъ съ пріѣхав-

шимъ тогда служить ему кн. М. Мезецкимъ; но братья послѣдняго, насильно привезенные имъ въ Москву, были посланы въ заточеніе *).

Совокупность перечисленныхъ явленій, какъ ни мелко каждое изъ нихъ само по себѣ, имѣетъ нѣкоторую цѣну для того, кто пытается проникнуть въ кругъ политическихъ понятій, которыми руководились люди, правившіе Московскимъ государствомъ въ XV и XVI в. Подобныя явленія представляютъ въ истинномъ свѣтѣ ходъ политическаго объединенія Руси Москвой. Это не былъ крутой и быстрый переломъ, какимъ онъ иногда кажется. Покоряя новую область, Москва не спѣшила сокрушать дѣйствовавшій тамъ старый привычный порядокъ, чтобы замѣнить его своимъ московскимъ «обычаемъ»; напротивъ, не только этому порядку, но и старымъ привычнымъ охранителямъ его, прежнимъ властямъ она предоставляла нѣкоторое время дѣйствовать по-прежнему, пользуясь ими для своихъ цѣлей. Власть московскаго государя становилась не на ихъ мѣсто, а надъ ними, и новый государственный порядокъ являлся туда, такъ сказать, новымъ слоемъ отношеній и учрежденій, который ложился поверхъ дѣйствовавшаго прежде, не разрушая его, а только возлагая на него новыя обязанности, указывая ему новыя задачи. Можно думать, что бо̀льшая часть удѣльныхъ князей и бояръ перенесла безъ особенной боли перемѣну въ своемъ положеніи, переѣздъ изъ удѣла въ Москву. Это перенесеніе не было для нихъ разгромомъ, съ нимъ они далеко не теряли всего, что имѣли въ удѣлахъ. Они вѣдь и здѣсь имѣли не особенно много и не подчинились бы Москвѣ такъ легко или охотно, еслибъ имѣли много. Большая часть ихъ уже до этого утратила нѣкоторую долю правъ и привычекъ власти, а остатокъ этихъ правъ вмѣстѣ съ удѣльными понятіями и воспоминаніями сначала щадили и въ Москвѣ, не чувствуя ни надобности, ни охоты дорушать ихъ, пока они ничему не мѣшали. Главнымъ политическимъ достояніемъ, которымъ они дорожили больше всего, были ихъ удѣльныя землевла-

---

*) Русск. Ист. Сб. V, 2 и 3. Моск. Арх. Ин. Дѣлъ, Дѣла Польск. № 3. Тамъ же Разр. кн. № 99/131. Доп. къ Акт. Ист. I, № 21. П. С. Р. Л. VI, 185; IV, 162. Акт. З. Р. I, № 75. Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 204. Прод. Др. Росс. Вивл. I, 6. Въ указанной Разрядной подъ 1500 г. замѣчено, что когда князья С. И. Можайскій и В. И. Шемячичъ пріѣхали къ великому князю служить съ вотчинами, великій князь ихъ пожаловалъ, «подавалъ имъ удѣлы». Эти и подобные имъ князья и по вступленіи на московскую службу въ отличіе отъ другихъ служилыхъ князей продолжали оффиціально называться «удѣльными».

дѣльческія хозяйства и ихъ генеалогическіе счеты и споры о старшинствѣ. За бывшими удѣльными державцами въ Москвѣ оставляли вотчины въ ихъ прежнихъ удѣлахъ съ обширными привилегіями, ихъ иногда даже назначали намѣстниками въ города, гдѣ недавно были ихъ княжескіе столы; наконецъ, нисколько не стѣсняли ихъ неумѣренной привязанности къ генеалогической археологіи, предоставляя имъ изучать въ волю свои удѣльныя родословныя и на основаиіи ихъ высчитывать другъ другу служебное старшинство въ Москвѣ. Пока хранились остатки удѣльной житейской обстановки, не могли погаснуть и удѣльныя понятія и преданія, которыя были съ нею связаны, ею воспитаны.

Но самый тотъ фактъ, что удѣльные владѣльцы или ихъ ближайшіе потомки теперь принуждены были ежедневно видаться другъ съ другомъ въ московскомъ Кремлѣ, сообщалъ запасу удѣльныхъ преданій и отношеній, уцѣлѣвшихъ отъ крушенія при перевозкѣ въ Москву, иное направленіе, какого они не могли получить при прежнемъ удѣльномъ уединеніи князей. Прежде каждый изъ нихъ сознавалъ себя безспорнымъ, наслѣдственнымъ и пожалуй даже полновластнымъ владѣтелемъ части Русской земли, и это сознаніе господствовало въ умахъ, подавляя мысль о совокупности такихъ владѣльцевъ и такихъ частей, о генеалогической или народной связи между ними. Теперь чувство этой связи было ежедневнымъ впечатлѣніемъ, какое привозилось изъ Кремя, выносилось изъ каждаго служебнаго столкновенія; съ этой минуты потомокъ удѣльнаго княжья привыкалъ сознавать себя если не самостоятельнымъ владѣльцемъ извѣстной части Русской земли, какимъ онъ уже пересталъ быть на дѣлѣ, то частью многочисленнаго класса, который подъ руководствомъ московскаго государя правилъ всей Русскою землей, ему повиновавшейся. Преданіе власти не перервалось, а преобразилось: власть эта стала теперь собирательной, сословной и общеземской, переставъ быть одиночной, личной и мѣстной.

Верхи этого класса, составившагося изъ удѣльныхъ элементовъ, сидѣли въ боярской думѣ и двигали правительственною машиной государства. Непрерывность правительственнаго преданія, шедшаго изъ удѣловъ, должна была чувствоваться здѣсь еще живѣе, чѣмъ въ другихъ слояхъ того же класса, если припомнить, каково было по происхожденію большинство бояръ въ думѣ XVI в. То были потомки удѣльныхъ державцевъ; рядомъ съ ними появлялись иногда потомки удѣльныхъ бояръ, гораздо чаще—

люди большихъ и старинныхъ боярскихъ фамилій Московскаго княжества. Глядя на такой составъ боярской думы въ первой половинѣ XVI вѣка, приказный московскій публицистъ, умѣвшій «воротить» лѣтописцами и родословными, могъ основательно сказать: то все старинныя, привычныя власти Русской земли,—тѣ же власти, какія правили землей прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правили ею по частямъ и по-одиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москву, онѣ правятъ всею землей и всѣ вмѣстѣ, въ извѣстномъ порядкѣ старшинства разстанавливаясь у главныхъ колесъ правительственной машины. Но если приказный ученый могъ ограничиться установкой и засвидѣтельствованіемъ политическаго факта, то у титулованнаго боярина было много побужденій ступить дальше въ область политической діалектики, въ разборъ причинъ и слѣдствій факта: мы, совѣтники государя московскаго и всея Руси, потому и призываемся къ власти, въ думу, что мы—сами по себѣ власти всей Русской земли; теперь государь правитъ Русскою землей, съ нами именно потому, что мы, то-есть наши отцы, правили ею и безъ него. Нѣчто подобное такимъ умозаключеніямъ стало проникать въ среду тѣхъ пришлыхъ фамилій, главы которыхъ сидѣли въ московской боярской думѣ, въ умы удѣльнаго княжья и боярства, когда оно почувствовало себя въ сборѣ вокругъ московскаго Кремля. Окруженные остатками удѣльныхъ отношеній, не видя со стороны московскаго государя рѣшительнаго отрицанія удѣльныхъ преданій, встрѣчая напротивъ прямое признаніе ихъ во многомъ, эти люди взглянули на свое общество какъ на собраніе подчиненныхъ государю властей Русской земли, а на боярскую думу—какъ на сборное мѣсто, откуда они будутъ продолжать править Русскою землей, какъ отцы ихъ правили ею, сидя или служа по удѣламъ. Слѣды этого взгляда встрѣчаемъ въ памятникахъ письменности, гдѣ находили себѣ выраженіе боярскія политическія сужденія XVI в.; на него указываетъ аристократическій характеръ, какимъ отличался составъ думы въ этотъ вѣкъ; наконецъ, мысль, что такъ составленная дума есть средоточіе высшаго земскаго управленія, естественная и необходимая посредница между государемъ и землей, была прямо признана царемъ Иваномъ IV въ самый разгаръ его борьбы съ боярствомъ, какъ увидимъ, разсматривая отношеніе его опричнины къ боярской думѣ.

Такъ боярская дума въ Москвѣ съ половины XV в. является или стремится стать оплотомъ политическихъ притязаній, какія

сами собою возникали въ служилой и землевладѣльческой московской аристократіи подъ вліяніемъ обстоятельствъ, при которыхъ она складывалась изъ удѣльныхъ элементовъ. Собравшись въ Москвѣ, люди этого класса стали смотрѣть на себя какъ на властныхъ представителей Русской земли при князѣ, который нѣкогда былъ однимъ изъ нихъ, такимъ же княземъ, какъ ихъ предки, но потомъ, благодаря счастью, собралъ землю и потомковъ бывшихъ ея правителей призвалъ для управленія ею.

ГЛАВА XIV.

Политическія привычки и стремленія московскихъ государэй не противорѣчили этимъ притязаніемъ по крайней мѣрѣ до половины XVI в.

Сущность этихъ притязаній состояла въ требованіи, чтобы центральнымъ и областнымъ управленіемъ руководили вмѣстѣ съ государемъ люди извѣстнаго класса, разстанавливаясь, согласно съ мѣстническимъ «отечествомъ», въ порядкѣ родословнаго старшинства лицъ и фамилій.

Въ запасѣ правительственныхъ привычекъ и понятій, доставшемся Ивану III и его преемникамъ по наслѣдству отъ предковъ, не было ничего непримиримаго съ такими притязаніями. Московскіе князья XIV и XV в. даже болѣе другихъ великихъ привыкли дѣйствовать дружно съ своими боярами. Изъ всѣхъ великокняжескихъ городовъ тогдашней Руси ни одинъ не былъ въ такой степени боярскимъ, какъ Москва, по числу и знатности дѣйствовавшихъ здѣсь боярскихъ фамилій, и нигдѣ великокняжеская власть не была больше обязана своими успѣхами людямъ этого класса.

Правда, съ половины XV в. сталъ обнаруживаться одинъ новый фактъ, который стоитъ лишь назвать, чтобы понять его политическую важность. Московское княжество становится великорусскимъ государствомъ: предѣлы его, доселѣ опредѣлявшіеся случайными успѣхами князей-собирателей, которые раздвигали ихъ въ ту или другую сторону, уже въ первой половинѣ XVI в. встрѣтились наконецъ съ границами народности, незамѣтно образовавшейся сложнымъ процессомъ колонизаціи на сѣверъ и югъ отъ верхней Волги. Эта народность, среди удѣльнаго дробленія остававшаяся явленіемъ этнографическимъ, теперь впервые получила политическое значеніе. Московское княжество, удѣльное по происхожденію, въ XIV в. ставшее великимъ по своимъ успѣ-

хамъ, сдѣлалось національнымъ великорусскимъ государствомъ по своимъ территоріальнымъ границамъ при Иванѣ III и его ближайшихъ преемникахъ: вотъ собственно коренной и даже единственный фактъ, оправдывающій привычку нашей исторіографіи класть грань новаго историческаго періода на началѣ княженія Ивана III, и всѣ новыя политическія явленія нашей исторіи, внѣшнія и внутреннія, обнаруживающіяся съ этой поры, суть прямыя или отдаленныя послѣдствія этого факта.

Съ распространеніемъ удѣльной политической формы на цѣлую народность, въ кругъ хозяйственныхъ правъ и отношеній московскаго государя, изъ которыхъ собственно и состояло государство удѣльнаго времени, сталъ входить рядъ новыхъ политическихъ соображеній, которыя должны были измѣнить прежнія понятія о государствѣ и государѣ. Но, во-первыхъ, люди, съ появленіемъ которыхъ въ московской боярской думѣ обнаруживаются новыя политическія притязанія со стороны боярства, много, если не болѣе всего, содѣйствовали съ конца XV в. успѣху указаннаго факта. Всѣ эти князья Одоевскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Микулинскіе, Ярославскіе и другіе, которые занимали первыя мѣста и въ думѣ, и за государевымъ столомъ, и въ полкахъ, добровольно, по крайней мѣрѣ безъ прямаго принужденія съ московской стороны, стали слугами московскаго государя и этимъ помогли ему съ одной стороны овладѣть сосѣдними великими княжествами по верхней Волгѣ, а съ другой—раздвинуть свои владѣнія на юго-западъ до верховьевъ Оки и до Днѣпра; ихъ появленіе при московскомъ дворѣ всего болѣе и сообщало здѣшнему хозяину значеніе національнаго государя всея Руси и блескъ князя всѣхъ русскихъ князей. Они явились сюда не побѣжденными врагами и не случайными наемниками, а добровольными и усердными поборниками идеи, бывшей преданіемъ, завѣтнымъ помысломъ московскаго княжескаго дома, и допущенные къ власти они не могли внести въ правительство стремленій враждебныхъ тому, во имя чего они пришли въ Москву съ своими вотчинами, пожертвовавъ удѣльною самостоятельностью или привольной литовскою зависимостью. Они, слѣдовательно, продолжали образъ дѣйствій московскихъ бояръ XIV в., и, примѣняя къ обстоятельствамъ своего времени слова духовной великаго князя Семена, завѣщавшаго братьямъ слушаться старыхъ бояръ, которые хотѣли добра ихъ отцу и имъ, Иванъ III не погрѣшилъ бы противъ истины, еслибы написалъ въ своемъ завѣщаніи сыну: и новыхъ бояръ слушайся, потому

что они не меньше старыхъ хотѣли добра отцу моему и мнѣ. Притомъ новое національное значеніе московскаго государя въ первое время внушало больше неясныхъ чувствъ, чѣмъ опредѣленныхъ политическихъ понятій, выражалось не столько въ новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ перестройкѣ государственнаго права, сколько въ стремленіи создать новую обстановку придворной жизни, завести новый церемоніалъ, построить новый дворецъ и соборъ при немъ лучше и просторнѣе прежнихъ, достать жену знатнаго, настоящаго царскаго корня, прибавить къ своему имени новый пышный титулъ, скрѣпить назначеніе преемника торжественнымъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Новое положеніе указало одну новую цѣль, удивительно ясно сознанную и твердо поставленную въ московской политической программѣ, но и эта цѣль касалась внѣшней, а не внутренней политики: обладая большою Русью, московскій великій князь съ чисто московскимъ, великорусскимъ постоянствомъ сталъ добиваться обладанія и всею Русью, какая еще оставалась въ чужихъ рукахъ. Но обрусѣвшіе и пріѣхавшіе служить въ Москву Гедиминовичи, князья Бѣльскіе, Мстиславскіе, Патрикѣевы, все большіе люди въ новомъ московскомъ боярствѣ, могли только оправдывать и поощрять эту національную политику московскаго государя.

Значитъ, ни московское правительственное преданіе, ни политическія задачи, стоявшія у московскаго государя на очереди, ни отношеніе къ нимъ новаго боярства не давали повода къ рѣшительному противодѣйствію боярскимъ политическимъ притязаніямъ по крайней мѣрѣ до половины XVI вѣка. Мысль о неосуществимости этихъ притязаній чаще всего подсказывается однимъ терминомъ въ титулѣ московскаго государя. Чтобы выразить особое почтеніе, и прежде иногда величали нашихъ князей «самодержцами». Съ Ивана III это слово было оффиціально введено въ постоянный титулъ московскаго государя и освящено церковнымъ обрядомъ, благословеніемъ духовной власти. При вѣнчаніи Иванова внука Димитрія на великое княженіе въ 1494 г. митрополитъ называлъ великаго князя-дѣда «преславнымъ царемъ самодержцемъ». Разжаловавъ потомъ внука, Иванъ повторилъ обрядъ надъ новымъ наслѣдникомъ, благословилъ и посадилъ сына своего Василія на великое княженіе «самодержцемъ» по благословенію митрополита, и великій князь Василій писался самодержцемъ по смерти отца иногда даже въ жалованныхъ грамотахъ частнымъ лицамъ, гдѣ обыкновенно употреблялся не полный, тор-

жественный, а малый, будничный, титулъ государя. Но не слѣдуетъ думать, что въ этомъ терминѣ уже тогда сказалась ясно сознанная мысль, отрицавшая всякій раздѣлъ правительственной власти московскаго государя съ какою-либо другой внутренней политическою силой. Политическіе термины имѣютъ свою исторію, и мы неизбѣжно впадемъ въ анахронизмъ, если, встрѣчая ихъ въ памятникахъ отдаленнаго времени, будемъ понимать ихъ въ современномъ намъ смыслѣ. Болѣе ста лѣтъ спустя послѣ вѣнчанія на царство Иванова внука вступилъ на московскій престолъ царь Василій изъ фамиліи князей Шуйскихъ съ формально ограниченною властью; но въ посланіи объ его вступленіи на престолъ, разосланномъ по областямъ государства, боярская дума и всѣ чины называютъ новаго царя самодержцемъ. Не одно свидѣтельство XVII вѣка говоритъ также о томъ, что первый царь новой династіи не пользовался неограниченною властію; однако онъ не только писался въ актахъ самодержцемъ, подобно предшественникамъ, но и на своей печати прибавилъ это слово къ царскому титулу, чего не дѣлали его предшественники, власть которыхъ не подвергалась формальнымъ ограниченіямъ. Съ другой стороны, трудно подумать, чтобы для людей тѣхъ вѣковъ этотъ терминъ былъ простымъ титулярнымъ украшеніемъ, чтобъ они не соединяли съ нимъ никакого политическаго понятія или соединяли понятіе прямо противоположное дѣйствительности. Это слово, переводъ извѣстнаго греческаго термина, сдѣланный очевидно старинными книжниками, судя по его искусственности, стало входить въ московскій оффиціальный языкъ, когда съ прибытіемъ «царевны царегородской» Софьи къ московскому двору здѣсь робко начала пробиваться мысль, что московскій государь и по женѣ, и по православному христіанству есть единственный наслѣдникъ павшаго цареградскаго императора, который считался на Руси высшимъ образцомъ государственной власти, вполнѣ самостоятельной, независимой ни отъ какой сторонней силы. Эта мысль высказывалась въ подробностяхъ придворнаго церемоніала, въ новомъ государственномъ гербѣ, даже въ попыткѣ создать новую родословную московскихъ государей, давъ Рюрику прямаго предка въ лицѣ Августа, кесаря римскаго. Самодержецъ входитъ въ московскій титулъ одновременно съ царемъ, а этотъ послѣдній терминъ является знакомъ того, что московскій государь уже не признавалъ себя данникомъ татарскаго хана, которому доселѣ Русь преимущественно усвояла названіе царя. Значитъ, словомъ

«самодержецъ» характеризовали не внутреннія политическія отношенія, а внѣшнее положеніе московскаго государя: подъ нимъ разумѣли правителя, не зависящаго отъ посторонней, чуждой власти, самостоятельнаго; самодержцу противополагали то, что мы называемъ вассаломъ, а не то, что на современномъ политическомъ языкѣ носитъ названіе конституціоннаго государя. Такъ и смотрѣли на московскаго государя современники Ивана III; они видѣли въ немъ независимаго главу православнаго русскаго христіанства. Какой пророкъ пророчествовалъ, — спрашивалъ архіепископъ ростовскій Вассіанъ въ посланіи къ Ивану III на Угру,— какой апостолъ училъ, чтобы ты, «великій русскихъ странъ христіанскій царь», повиновался басурманскому царю? Съ понятіемъ о самодержавіи общество соединяло мысль о внѣшней независимости страны; вопросъ о внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ еще не возбуждался. Во второй половинѣ XVI в., уже въ эпоху горячаго столкновенія государя съ своимъ боярствомъ, въ Москвѣ стали задумываться надъ этимъ терминомъ, разбирать его и со стороны внутреннихъ политическихъ отношеній. Царь Иванъ старался понять его возможно проще, въ прямомъ этимологическомъ смыслѣ. Какъ же и самодержцемъ назвать царя, когда онъ не самъ строитъ?—возражалъ Грозный въ письмѣ къ Курбскому на притязанія боярства. Но если царь этимъ словомъ кололъ глаза боярству за его политическія притязанія, то боярская сторона въ свою очередь этимъ же словомъ колола глаза самому царю за ту власть, какую онъ давалъ монашеству, надѣляя его землями и землевладѣльческими привилегіями. Извѣстная бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ—политическій памфлетъ XVI в., тѣсно связанный по своему происхожденію съ лагеремъ оппозиціоннаго боярства и направленный противъ монастырскаго землевладѣнія, которое опустошало боярскія вотчины. «А селами и волостями съ крестьянами,—читаемъ въ этой бесѣдѣ,—царямъ не подобаетъ жаловать иноковъ и непохвально дѣлаютъ такъ цари. Пишутся они въ своихъ титулахъ самодержцами: такимъ царямъ никакъ не слѣдуетъ писаться самодержцами, потому что не сами собою держатъ Богомъ данное имъ царство и міръ и не съ *пріятелями* своими, князьями и боярами, а владѣютъ имъ и совѣтуются съ непогребенными мертвецами. Лучше сложить съ себя санъ и вѣнецъ царскій, отставить царскій жезлъ и не сидѣть на царскомъ престолѣ, чѣмъ отвращать иноковъ отъ душевнаго спасенія мірскими суетами. То не царское милосердіе къ инокамъ, а душев-

ный вредъ и безконечная гибель давать инокамъ мірское жалованье, княжеское и боярское, волости съ крестьянами, точно воинамъ». Но это были усилія мысли отдѣльныхъ публицистовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Иванъ Грозный. Оффиціальный языкъ московскаго правительства и послѣ того сохранялъ первоначальное историческое значеніе этого термина, которое не мѣшало прилагать его къ царямъ, вовсе не пользовавшимся самодержавною властію въ современномъ намъ смыслѣ этого слова.

Нѣтъ никакой нужды предварять историческій ходъ явленій, приписывая московскимъ государямъ XV—XVI вѣка политическое самосознапіе, которое съ великимъ трудомъ выработалось лишь позднѣе. Иностранцы, наблюдавшіе политическій бытъ Москвы при отцѣ Грознаго, замѣчали, что московскій государь властію своею надъ подданными превосходитъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Не нужно было особенной наблюдательности, чтобы замѣтить это. Такая власть была здѣсь не вчерашнимъ явленіемъ: она прямо развилась изъ значенія удѣльнаго князя-хозяина, окруженнаго дворовыми слугами, холопами. Но именно потому, что она имѣла такой источникъ, въ ней былъ одинъ существенный пробѣлъ. Московскій государь имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ, не потому что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть и порядкомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицами. Еслибы тому же великому князю Василію Ивановичу, который бранилъ своихъ совѣтниковъ смердами и прогонялъ съ глазъ долой, какой-нибудь политикъ сталъ доказывать, что несогласно съ его державнымъ достоинствомъ ввѣрять управленіе строптивымъ боярамъ, жаловать въ это званіе людей только потому, что ихъ отцы носили его, назначать въ полковыхъ росписяхъ неблагонадежнаго князя Горбатаго - Шуйскаго на много мѣстъ выше преданнаго потомка старинныхъ московскихъ бояръ Хабара Симскаго или Лошакова-Колычева только потому, что такъ слѣдуетъ по боярскому мѣстническому «отечеству»,—великій князь едва ли понялъ бы подобныя разсужденія или понялъ бы только, что это такая же безлѣпица, какъ спать передъ обѣдомъ, обѣдать до обѣдни, играя «въ шахи», ходить съ черной клѣтки на желтую и т. п. Все это можно и легко сдѣлать, да такъ не повелось, и дѣлать такъ значило бы показать не свою державную власть, а только свое неумѣнье жить съ людьми и играть въ шахи. Московскіе

государи всего менѣе поддавались соблазну такого самодержавія. Они предоставляли дѣламъ идти своимъ чередомъ, только высматривая въ заведенномъ порядкѣ обстоятельства, которыми можно было бы воспользоваться съ выгодой, и именно потому, что онъ часто давалъ имъ въ руки такія выгодныя обстоятельства, они не любили ломать его или круто повертывать въ свою сторону. Это былъ ихъ упорный фамильный консерватизмъ преданія; въ немъ было много наблюдательности и практической сноровки, но очень мало творческихъ идей, или, что то же на изнанку, торопливой наклонности все рвать и кроить по-своему. До Ивана Грознаго они все копили, собирали, были, по изысканному выраженію этого царя, «въ закоснѣнныхъ прародительствіяхъ земли обрѣтатели», одолѣвали соперниковъ и готовили средства для освобожденія себя и своей Руси отъ татарской власти, и когда наконецъ выбились изъ неволи, охотно приняли подсказанный духовенствомъ титулъ царей и самодержцевъ, какъ знакъ внѣшней независимости, а не какъ девизъ внутренней политики, подобно тому какъ церковнымъ вѣнчаніемъ на царство замѣнили прежнее посаженіе на великокняжескій столъ татарскимъ посланцемъ. Среди внѣшнихъ хлопотъ они еще не успѣли хорошенько обдумать ни значенія этого титула, ни внутренняго политическаго содержанія своей власти, созданнаго новымъ положеніемъ, и еще менѣе успѣли подумать возвести этотъ титулъ въ политическую теорію и согласно съ этимъ новымъ содержаніемъ власти перестроить свои внутреннія политическія отношенія и весь правительственный порядокъ. Между тѣмъ политическіе успѣхи собрали вокругъ московскаго государя цѣлый сонмъ новыхъ слугъ; передніе ряды его состояли все изъ владѣтельныхъ князей или ихъ сыновей, которые или отцы которыхъ также самостоятельно владѣли своими отчинами, какъ московскіе князья своей. Большею частію они добровольно пришли служить въ Москву, много помогли ея успѣхамъ и считали себя въ правѣ надѣяться, что за ними оставятъ если не всѣ, то часть ихъ прежнихъ вотчинъ и вотчинныхъ правъ съ долей прежней правительственной власти. Все это и признали за ними московскіе государи, не торопясь точнымъ опредѣленіемъ отношеній, не заботясь о противорѣчіяхъ, какія это признаніе вносило въ ихъ отношенія. До сихъ поръ они все старались овладѣть возможно большимъ количествомъ князей и княжествъ и, не задумываясь много надъ новою системой управленія пріобрѣтенными княжествами, они стали пра-

вить ими посредствомъ пріобрѣтенныхъ князей. Это открывало обширный просторъ обоюднымъ недоразумѣніямъ, которыя вызывали столкновенія между обѣими сторонами; но это было совершенно согласно съ фамильными политическими преданіями московскихъ государей, привыкшихъ дѣйствовать по старинѣ, по указаніямъ опыта и текущей минуты, пользуясь ближайшими наличными средствами.

Въ этомъ отношеніи московское общество, кажется, опередило своихъ государей и вынесло изъ пережитаго болѣе цѣльное впечатлѣніе. Оно раньше ихъ вывело политическіе итоги изъ совершившихся перемѣнъ и составило совершенно отчетливое понятіе о верховной власти, отождествляя волю государя съ волею Божіей, а «свою волю» Новгородцевъ съ отсутствіемъ правды и всякаго порядка, считая себя и все свое полною собственостью государя, не признавая кромѣ его никакой другой власти въ государствѣ, называя его намѣстникомъ Бога на землѣ, постельникомъ Божіимъ и т. п. Выраженіе такихъ воззрѣній встрѣчаемъ въ своихъ и чужихъ памятникахъ уже при дѣдѣ и отцѣ Грознаго, а самъ Грозный, какъ увидимъ, даже несмотря на свои опыты въ непривычномъ для его предковъ политическомъ размышленіи, не только не могъ отрѣшиться отъ удѣльныхъ преданій ни въ своихъ понятіяхъ, ни въ практикѣ, но и призналъ важнѣйшія изъ притязаній своего боярства, съ которымъ такъ долго воевалъ и перомъ и палачомъ.

ГЛАВА XV.

Однако перемѣны въ устройствѣ боярской думы XVI в. вышли не изъ этихъ боярскихъ притязаній.

Можно было бы ожидать, что на правительственномъ устройствѣ боярской думы въ такой же степени отразятся политическія притязанія новаго московскаго боярства, въ какой на ея соціальномъ составѣ отразился измѣнившійся составъ этого боярства.

Нѣкоторыя явленія заставляли предполагать, что перемѣны въ устройствѣ учрежденія примутъ именно направленіе согласное съ этими притязаніями. Уже къ началу XVI в. боярство новаго состава образовало изъ себя классъ, довольно ясно обозначившійся и замѣтно стремившійся обособиться отъ низшихъ служилыхъ словъ. Въ XVI вѣкѣ новое боярство всюду является въ правленіи на

первомъ планѣ; люди родовитыхъ фамилій, начавшихъ служить въ Москвѣ не раньше XV вѣка, давятъ старинное боярство московское и своей численностію, и важностью занимаемыхъ ими должностей, и огромное большинство этихъ людей составляютъ князья. И въ думѣ, и въ высшей военно-походной администраціи встрѣчаемъ сходныя явленія. Какъ тамъ первый думный чинъ, такъ здѣсь мѣста первыхъ полковыхъ воеводъ принадлежатъ преимущественно знатному княжью; даже количественныя отношенія разныхъ генеалогическихъ слоевъ служилаго класса тамъ и здѣсь довольно близки другъ къ другу. Беремъ на-удачу два года изъ двухъ смежныхъ царствованій, 7021 (съ сент. 1512 по сент. 1513 г.) и 7056, и сосчитываемъ по разрядной книгѣ всѣхъ воеводъ, посланныхъ съ полками на разныя границы государства: находимъ, что князей было въ первый годъ 32 изъ 57 воеводъ, во второй 55 изъ 92; членовъ фамилій, простыхъ или титулованныхъ, начавшихъ служить въ Москвѣ съ XV вѣка, въ первый годъ было 39, т.-е. около 68%, во второй—68, или почти 74%, а членовъ фамилій, вступившихъ на московскую службу съ княженія Ивана III, въ тотъ и другой годъ было почти по половинѣ всего числа воеводъ. Между фамиліями, которыя составляли московское боярство, и даже между отдѣльными членами этихъ фамилій установился опредѣленный іерархическій распорядокъ; отношенія между ними иногда запутывались благодаря многочисленности родовъ, встрѣчѣ противоположныхъ фамильныхъ и служебныхъ притязаній; несмотря на то, въ большей части случаевъ надлежащее отношеніе можно было разобрать и возстановить при помощи счетъ, съ родословною росписью и разрядною книгой въ рукахъ. Въ разрядныхъ росписяхъ походовъ иногда по имени перваго воеводы большаго полка можно приблизительно разсчитать, какія имена могли слѣдовать за нимъ на мѣстахъ его товарищей и воеводъ остальныхъ полковъ. Боярскія служебныя понятія, вскрывавшіяся въ мѣстническихъ тяжбахъ, обличаютъ даже въ знатнѣйшихъ фамиліяхъ боярства стремленіе замкнуться въ тѣсную недоступную касту; въ продолженіе XVI в. кругъ нервостепенной московской знати гораздо меньше принялъ въ свой составъ поднявшихся подсадковъ со стороны, чѣмъ отбросилъ собственныхъ засохшихъ, захудалыхъ сучьевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прекратился усиленный приливъ въ Москву знатныхъ выходцевъ изъ удѣловъ и изъ-за границы, со второй четверти XVI вѣка живо чувствуется эта наклонность боярства подчищаться, когда

просматриваешь уѣздные списки дворянъ и дѣтей боярскихъ, гдѣ съ каждымъ поколѣніемъ является все больше громкихъ родовитыхъ именъ, носители которыхъ канули на дно служилаго общества, не выходятъ съ своими потомками изъ низшихъ служилыхъ чиновъ, и болѣе счастливые родичи ихъ, уцѣлѣвшіе на родословномъ деревѣ, смотрятъ на нихъ свысока, какъ на людей «обышныхъ, неродословныхъ, городовыхъ», запрещаютъ имъ считаться своимъ родствомъ, чтобы не «худить» старшихъ или болѣе сановныхъ однофамильцевъ. До половины XVII вѣка неродовитому человѣку было все еще трудно пробиться къ высшимъ служижилымъ чинамъ, несмотря на сильно порѣдѣвшіе ряды старой знати. Происхожденіе, родословное преданіе брало верхъ надъ дарованіемъ, личною заслугой, даже личною выслугой. Важнѣе всего было то, что этотъ родовитый кругъ чрезъ своихъ думныхъ представителей велъ текущее законодательство государства въ то самое время, когда оно устроялось въ своихъ новыхъ границахъ и въ новомъ общественномъ составѣ.

Казалось бы, при такомъ настроеніи и въ такомъ благопріятномъ положеніи думное боярство прежде всего будетъ добиваться двухъ перемѣнъ въ устройттвѣ думы, не говоря о многихъ другихъ, какія можно подсказать ему на разстояніи столѣтій: во-первыхъ, подчистившись и замкнувшись возможно болѣе, попытается оставить двери думы открытыми лишь для немногихъ избранныхъ фамилій, преимущественно титулованныхъ; во-вторыхъ, поспѣшитъ взять въ свои руки направленіе законодательства, его иниціативу, измѣнивъ установившійся въ удѣльные вѣка порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ снизу. Посмотримъ, насколько перемѣны, совершившіяся въ устройствѣ боярской думы Московскаго государства, соотвѣтствовали этимъ предположеніямъ.

Въ XVI вѣкѣ эта дума по своему устройству далеко не то, чѣмъ была она въ удѣльное время. Тогда она была совѣтомъ бояръ введенныхъ, главныхъ сановниковъ по дворцовому управленію. Теперь эти бояре введенные составляютъ мало замѣтный элементъ въ составѣ думы. Въ ней не присутствуютъ ни стольникъ, ни чашникъ, ни ловчій съ сокольничимъ. Другіе дворцовые управители являются непостоянными, случайными членами думы, потому что ихъ должности не связаны непремѣнно съ думными чинами. Въ XVI вѣкѣ, какъ и въ XVII, дворецкій иногда много лѣтъ исправлялъ свою должность, прежде чѣмъ вступалъ

17*

въ думу въ званіи окольничаго, получивъ эту должность въ чинѣ московскаго дворянина. Конюшими также въ XV вѣкѣ бывали люди, не имѣвшіе думнаго чина. Въ удѣльное время всѣ эти должности были соединены съ званіемъ боярина введеннаго, члена княжеской думы. Теперь должности по дворцовому вѣдомству обособляются отъ общегосударственной администраціи, образуютъ свою особую іерархію, параллельную послѣдней; онѣ и въ боярскихъ спискахъ обозначаются отдѣльно отъ думныхъ чиновъ. Въ XVII вѣкѣ по Котошихину казначей сидѣлъ въ думѣ выше думныхъ дворянъ; но въ XV и XVI в. казначеями бывали и дьяки и бояре, люди, стоявшіе и ниже и выше думныхъ дворянъ. Точно также ясельничій, управлявшій въ XVII вѣкѣ, со времени упраздненія должности конюшаго, Конюшеннымъ приказомъ, былъ по Котошихину честію выше думныхъ дворянъ «и въ думѣ сидѣлъ съ царемъ и съ боярами вмѣстѣ», а до Котошихина, около половины XVII вѣка, ясельничіе не только бывали думными дворянами, но и жаловались въ этотъ чинъ, слѣдовательно бывали ниже думныхъ дворянъ. Постельничій и стряпчій съ ключомъ, вѣдавшіе царскій гардеробъ, также считались честію «противъ окольничихъ», однако не сидѣли въ думѣ вмѣстѣ съ окольничими *). Вмѣсто прежнихъ бояръ введенныхъ, управлявшихъ разными отраслями дворцовой администраціи, думу теперь наполняли управители новыхъ государственныхъ приказовъ, возникавшихъ въ XV и XVI вѣкахъ. Судебникъ Ивана III представляетъ думныхъ людей, бояръ и окольничихъ, начальниками отдѣльныхъ приказовъ: говоря о судѣ бояръ и окольничихъ, онъ постановляетъ, что жалобы, не разрѣшенныя низшими учрежденіями, переносятся къ великому князю или къ тому, «которому которые люди приказаны вѣдати». Въ актахъ XVI вѣка дворцовое вѣдомство не входитъ какъ часть въ кругъ боярскаго управленія, а является особымъ параллельнымъ ему управленіемъ. По одной неизданной грамотѣ Троицкаго Сергіева монастыря (по г. Переяславлю-Залѣсскому) царь въ 1551 году пожаловалъ двухъ своихъ пѣвчихъ дьяковъ «даннымъ приставствомъ» Сергіева монастыря, давъ имъ право въ случаѣ тяжбы назначать срокъ стать передъ царемъ, передъ боярами и дворецкими «тѣхъ городовъ

*) Др. Росс. Вивл. XX, 55, 61, 93, 94, 99 и 108. Ср. Книги Разр. I, 1368, и II, 303. Боярск. кн. въ Моск. Архивѣ Мин. Юст. № 1. Пам. дипл. снош. съ Лит.-Польск. госуд., изд. г. *Карповымъ*, стр. 163 и сл. Пам. дипл. снош. съ имп. Римск. I, 413. *Котош.* 59, 67, 23 и 88.

людямъ, которые городы у которыхъ бояръ и у дворецкихъ въ приказѣ будутъ». Въ описаніи боярской думы при князѣ удѣльнаго времени было замѣчено, что съ усложненіемъ администраціи въ Московскомъ великомъ княжествѣ эта дума постепенно превращалась въ совѣтъ дворцовыхъ управителей по дѣламъ, выходившимъ изъ круга дворцоваго хозяйства. Накопленіе такихъ дѣлъ вызвало съ теченіемъ времени все болѣе усложнявшуюся систему приказовъ, параллельныхъ дворцовымъ и вѣдавшихъ государственныя недворцовыя дѣла. Начальники этихъ приказовъ и явились въ думу на смѣну прежнихъ дворцовыхъ бояръ введенныхъ, какъ правительственныя орудія, болѣе ихъ соотвѣтствовавшія новымъ задачамъ управленія. Съ тѣхъ поръ, какъ они образовали главный элементъ въ правительственномъ составѣ думы, можно сказать, что она изъ государевой дворцовой думы при князѣ удѣльнаго времени превратилась въ государственный совѣтъ при великомъ князѣ московскомъ и всея Руси. По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что такое превращеніе совершилось еще до XVI вѣка.

Вмѣстѣ съ этою перемѣной въ правительственномъ устройствѣ московской думы замѣчаемъ и другую. Въ удѣльное время всѣ совѣтники князя, управлявшіе разными отраслями дворцоваго хозяйства, носили одно общее званіе бояръ, различаясь только должностями. Теперь члены думы раздѣляются еще по чинамъ на бояръ и окольничихъ. Можно съ нѣкоторою точностію обозначить время, когда начинается это раздѣленіе. Въ удѣльные вѣка окольничій принадлежалъ къ числу бояръ введенныхъ; но не достаточно извѣстно, въ чемъ состояла его дворцовая должность: изъ позднѣйшихъ указаній видно только, что окольничій былъ ближайшій къ князю человѣкъ его свиты, согласно съ своимъ званіемъ находился постоянно *около* него, въ поѣздкахъ государя ѣхалъ впереди его, приготовляя все нужное для пути по станамъ, во дворцѣ распоряжался пріемомъ пословъ и т. п. Съ XVI вѣка постоянной должности окольничаго не замѣтно, а его обязанности исполняли, когда это надобилось, люди разныхъ званій, какъ и въ XVII вѣкѣ, когда царь ѣздилъ къ Троицѣ, «въ окольничихъ передъ государемъ» бывали даже «дворяне» московскіе, которые по своему чину стояли нѣсколькими ступенями ниже думныхъ окольничихъ; подобно этому при торжественныхъ обѣдахъ во дворцѣ иногда «чашничали стольники». Съ другой стороны, въ началѣ XVI вѣка нѣкоторые совѣтники государя называются просто

боярами, другіе боярами-окольничими *). Этимъ колебаніемъ въ значеніи званія повидимому и обозначился переходъ прежней постоянной должности окольничаго во второй думный чинъ, который въ началѣ XVI вѣка очень мало еще отличался отъ перваго, отъ званія боярина, можетъ-быть меньше, чѣмъ теперь отличается тайный совѣтникъ отъ дѣйствительнаго тайнаго. Разбирая списокъ бояръ и окольничихъ XVI вѣка, мы замѣтили, что эти званія имѣли тогда значеніе не только простыхъ служебныхъ чиновъ, но и генеалогическихъ слоевъ боярства. Полагаемъ, что въ этомъ заключалась главная причина раздѣленія личнаго состава думы на чиновные разряды. Въ удѣльное время отдѣльныя лица въ кругу совѣтниковъ князя различались между собою положеніемъ при дворѣ, мѣстами въ думѣ и за княжимъ столомъ; но они всѣ носили одинаковое званіе бояръ. Теперь въ новомъ составѣ московскаго боярства обозначилось различіе не только между отдѣльными лицами класса по ихъ положенію, но и между цѣлыми слоями боярскихъ фамилій по ихъ происхожденію. Если люди первостепенныхъ родовъ вступали въ думу прямо боярами, то для членовъ второстепенной знати понадобилось создать второй думный рангъ, которымъ и стало званіе окольничаго, служившее для однихъ лишь переходною ступенью къ боярству, а для другихъ предѣломъ служебнаго движенія, къ какому они были способны по своему «отечеству».

Мысль о такомъ происхожденіи думныхъ чиновъ поддерживается исторіей третьяго чина, появившагося въ составѣ думы вслѣдъ за окольничествомъ, думнаго дворянства. Въ спискѣ членовъ боярской думы думные дворяне появляются уже во второй половинѣ XVI вѣка, съ 1572 года. Но учрежденіе это возникло гораздо раньше. Еще въ малолѣтство Ивана IV, въ 1536 и 1537 годахъ, когда польскіе послы представлялись великому князю, при немъ вмѣстѣ съ боярами, окольничими и дворецкими находились «дѣти боярскія, которыя живутъ въ думѣ, и дѣти боярскія прибыльныя, которыя не живутъ въ думѣ». Точно такъ же въ 1542 году, во время пріема литовскаго посольства, въ избѣ при великомъ князѣ кромѣ бояръ были еще, какъ замѣчено въ приказной записи, князья и дѣти боярскія, которые въ думѣ живутъ и которые въ думѣ не живутъ. *Жить* въ ду-

*) Гербершт. въ переводѣ *Анонимова*, стр. 85. Дворц. Разр. I, 491 и 615. П. С. Р. Лѣт. VIII, 248 и 250.

мѣ значило присутствовать тамъ или быть туда приглашаему: такъ о намѣстникахъ и другихъ гражданскихъ судьяхъ, присутствовавшихъ на судѣ епархіальнаго архіерея новгородскаго въ извѣстныхъ «смѣсныхъ дѣлахъ», грамота 1598 года говоритъ, что судитъ эти дѣла митрополитъ новгородскій, а государевы судьи «у митрополита сами въ судѣ живутъ». Этимъ можно объяснить не вполнѣ ясное извѣстіе въ разсказѣ лѣтописи о томъ бурномъ засѣданіи думы при больномъ царѣ въ 1553 году, на которомъ шла рѣчь о присягѣ бояръ маленькому наслѣднику царя Димитрію: къ вечеру поцѣловали крестъ нѣкоторые бояре, «да которые *дворяне* не были у государя въ думѣ,—продолжаетъ лѣтопись,—Ал. Ѳед. сынъ Адашевъ да Игнатій Вешняковъ, и тѣхъ государь привелъ къ цѣлованію въ вечеру же». Въ спискѣ членовъ боярской думы Алексѣй Адашевъ является прямо окольничимъ въ 1555 году. Бывъ прежде спальникомъ у молодаго царя, онъ потомъ сталъ, какъ видно по разрядной книгѣ, постельничимъ, которымъ оставался и въ 1553 году, по словамъ князя Курбскаго. Но еще въ 1550 году, послѣ извѣстной рѣчи своей къ народу на Лобномъ мѣстѣ, царь поручилъ ему «челобитныя пріимати отъ бѣдныхъ и обидимыхъ», т.-е. назначилъ Алексѣя управителемъ новоучрежденнаго Челобитнаго приказа. Такъ какъ прошенія, подаваемыя самому царю, послѣдній разбиралъ съ боярами, то начальникъ приказа становился въ очень близкое отношеніе къ думѣ: надобно полагать, что съ того времени А. Адашевъ сталъ «жить въ думѣ», т.-е. сдѣлался думнымъ дворяниномъ. Эта догадка поддерживается разрядною росписью царскаго похода въ Коломну въ 1553 году, гдѣ А. Адашевъ, еще не бывъ окольничимъ, назначенъ былъ «стряпчимъ у царя съ бояры» вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ Вешняковымъ, который является въ лѣтописи дворяниномъ, подобно Адашеву не случившимся у государя въ думѣ при обсужденіи дѣла о присягѣ. Всѣмъ этимъ объясняется, какимъ образомъ человѣкъ такой совсѣмъ неродословной фамиліи, какъ Адашевы, которому царь при назначеніи на должность въ 1550 году говорилъ, что взялъ его «отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей», по списку является въ думѣ прямо окольничимъ подобно членамъ знатныхъ родовъ стараго московскаго боярства: предварительно онъ много лѣтъ состоялъ дворяниномъ въ думѣ и на это думное званіе его намекаетъ царь въ письмѣ къ Курбскому, говоря, что взялъ Алексѣя «отъ гноища и учинилъ съ вельможами, чая отъ него прямой службы». Слѣды

заводившагося обычая призывать въ думу людей, не носившихъ еще званія ни боярина, ни окольничаго, замѣтны уже при отцѣ Грознаго. Извѣстный И. Н. Берсень-Беклемишевъ бывалъ въ совѣтѣ великаго князя Василія, разъ что-то возражалъ ему по дѣлу о Смоленскѣ и за то подвергся опалѣ. Но онъ нигдѣ не является ни бояриномъ, ни окольничимъ, и самая фамилія его не принадлежитъ къ такимъ, изъ которыхъ выходили люди этихъ званій въ первой половинѣ XVI вѣка: это «добрый» родъ, но стоявшій нѣсколько ниже «середнихъ» при тогдашнемъ составѣ московской знати. Берсень стоялъ уже на виду при дворѣ Ивана III и былъ, кажется, особенно близокъ къ его сыну Василію, дворъ котораго при жизни отца не отличался родословнымъ блескомъ своего состава: бѣглый сынъ удѣльнаго верейскаго князя Михаила около 1493 года именно къ Берсеню обратился изъ Литвы съ просьбой бить челомъ Василію, чтобы тотъ похлопоталъ за него передъ великимъ княземъ. Но при этомъ, какъ и при другихъ извѣстныхъ случаяхъ, Берсень является въ званіи сына боярскаго. Отецъ, кажется, еще успѣлъ добраться до чина боярина или окольничаго; но сынъ, какъ мы думаемъ, бывалъ въ думѣ уже въ званіи сына боярскаго, въ думѣ живущаго, а опала помѣшала дальнѣйшему возвышенію *). Стоитъ лишь просмотрѣть списокъ думныхъ дворянъ XVI и XVII вѣковъ, чтобы замѣтить двоякое происхожденіе этого званія, соціально-административное. Съ одной стороны, благодаря появленію новой титулованной знати въ Москвѣ, накопилось, говоря словами Котошихина, много добрыхъ и высокихъ родовъ, которые не могли прійти въ честь «за причиною и за недослуженіемъ». Съ другой стороны, благодаря усложненію правительственныхъ задачъ, въ Москвѣ возникъ рядъ такихъ новыхъ приказовъ или прежніе такъ измѣнились, что для управленія ими негодилась военно-придворная знать или они не годились для административнаго испомѣщенія этой знати: они требовали постояннаго личнаго присутствія управителя и той дѣ-

*) Акт. Зап. Росс. II, 252 и 268. Дѣла Польск. въ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, № 3, л. 7—10' (въ сокращеніи у *Соловьева* VI, 73): къ сожалѣнію, въ записи здѣсь не поименованы князья и дѣти боярскія, въ думѣ живущіе. Доп. къ Акт. Ист. I, № 148. Царств. кн., стр. 342. *Карамз.* VIII, прим. 184. Сказ. кн. *Курбскаго*, 42 и 187. Разр. кн., указанная выше, л. 262. Пам. дипл. снош. Лит.-Польск. гос., стр. 82. Крымск. дѣла въ Моск. Арх. Ин. Д. № 1: здѣсь подъ 1474 г. отецъ Берсеня названъ бояриномъ, даже ближнимъ, а въ лѣтописномъ разсказѣ оффиціальнаго происхожденія подъ 1476 г. онъ же является въ числѣ дѣтей боярскихъ. П. С. Лѣт. VI, 203.

ловой опытности, которой обладали дьяки и лишены были большіе люди, ежегодно уѣзжавшіе изъ Москвы то намѣстничать по городамъ, то воеводствовать надъ полками. Такъ уже въ XVI вѣкѣ образуется въ Москвѣ особый кругъ сановитыхъ дѣльцовъ, имена которыхъ рѣдко появляются въ разрядахъ между полковыми и городовыми воеводами, но которые замѣтно становились самыми дѣятельными двигателями центральнаго приказнаго управленія. Затираемое на военно-придворномъ поприщѣ, старое упавшее боярство, московское и удѣльное, теперь пригодилось правительству на новыхъ дѣловыхъ постахъ. Къ нему примкнули разные новые люди, пробиравшіеся наверхъ, въ особенности мастера приказнаго дѣла, дьяки. Рядомъ съ членами старыхъ московскихъ служилыхъ родовъ, Олферьевымъ, Безнинымъ, Воейковымъ, съ потерявшими титулъ потомками смоленскихъ князей Ржевскими и Татищевыми, съ потомками старыхъ тверскихъ бояръ Нагими и Зюзиными, являются Адашевы, Сукины, Черемисиновы, Щелкаловы и другіе люди все съ темною родословной и видною дѣятельностію. Въ нѣкоторой степени къ нимъ идетъ преувеличенный отзывъ оппозиціонныхъ остряковъ XVI вѣка о дьякахъ, новыхъ довѣренныхъ людяхъ государя, отцы которыхъ отцамъ бояръ и въ холопи не годились и которые теперь не только землею владѣли, но и боярскими головами торговали. Но совсѣмъ несправедливо было бы вмѣстѣ съ Курбскимъ думать, что только вражда государей къ боярству выдвигала тогда наверхъ этихъ людей. Они бывали у государя «людьми великими», какъ отзывались иностранцы объ А. Щелкаловѣ, пользовались большимъ вліяніемъ, но пріобрѣтали его путемъ, который и безъ этой вражды остался бы для нихъ открытымъ. Ихъ вызывали къ дѣламъ новыя потребности управленія: начиная службу снизу, иные подъячими, они были хорошо знакомы съ подробностями усложнявшагося все болѣе государственнаго механизма и дѣлали всю черную работу администраціи, занимали самыя трудныя и хлопотливыя должности, служили казначеями, печатниками, стряпчими съ ключомъ, думными дьяками и начальниками наиболѣе рабочихъ приказовъ, которыми пренебрегала или не могла править родословная военная знать. Изъ этого новаго дѣловаго класса и выходили обыкновенно думные дворяне, въ спискѣ которыхъ за весьма немногими исключеніями не видно людей настоящаго родословнаго боярства. Такъ думное дворянство было произведеніемъ не политическаго антагонизма между верховною властью и

боярствомъ, а перемѣнъ въ составѣ служилаго класса и въ устройствѣ управленія. Боярская дума и теперь не перестала быть тѣмъ, чѣмъ была въ удѣльное время, оставалась совѣтомъ управителей главныхъ отраслей администраціи; только теперь такими отраслями были не одни дворцовыя вѣдомства, даже преимущественно не они, а новые государственные приказы. Въ нѣкоторые изъ этихъ приказовъ по ихъ положенію въ іерархіи учрежденій или по роду дѣлъ не назначали людей военно-придворной знати; но по своему административному значенію они имѣли ближайшее отношеніе къ думѣ и ихъ управители должны были имѣть тамъ мѣсто. Знатнаго боярина или окольничаго не пригоже было поставить во главѣ какого-нибудь Челобитнаго или Печатнаго приказа: туда назначали людей помоложе родословною честью или совсѣмъ худыхъ, не помнившихъ и даже не имѣвшихъ родословнаго родства, но знавшихъ приказное дѣло; но такихъ людей непригоже было вводить въ думу прямо даже окольничими, потому что они изъ «такой статьи родовъ, которые въ боярехъ не бываютъ». Если это были дворяне, какъ Адашевъ или печатникъ Олферьевъ, ихъ вводили въ думу думными дворянами и за долгую и дѣльную службу возвышали въ окольничіе; если же это были дьяки, они являлись въ думу думными дьяками и иногда жаловали ихъ въ думные дворяне и даже въ окольничіе, какъ было съ дьякомъ Посольскаго приказа и печатникомъ В. Щелкаловымъ. Легко видѣть, какую перемѣну вносили эти люди въ составъ боярской думы: рядомъ съ аристократіей породы, родословной книги, становилась знать приказной службы и государевой милости. Не будучи произведеніемъ политической борьбы, вызванной притязаніями боярства, думное дворянство осталось не безъ участія въ его политическомъ разрушеніи, подкапывая самыя основы боярской аристократіи, разрушая господствовавшія въ XVI вѣкѣ понятія объ отношеніи породы къ службѣ.

Думное дьячество по своему происхожденію имѣло довольно тѣсную связь съ думнымъ дворянствомъ: то и другое вызвано было новыми потребностями администраціи. Уцѣлѣвшіе акты не объясняютъ достаточно того, какъ была устроена канцелярская часть при думѣ удѣльнаго времени, когда она была чисто дворцовымъ совѣтомъ. Были уже изложены нами соображенія о томъ, какъ возникали въ Москвѣ новые приказы недворцоваго характера: первоначально они были отдѣленіями думской канцеляріи подъ управленіемъ дьяковъ и лишь со временемъ, когда ихъ вѣ-

домства устанавливались, дѣла входили въ колею текущей администраціи, они отдѣлялись отъ думы въ особыя учрежденія, во главѣ которыхъ становились бояре, окольничіе или думные дворяне. Слѣды такого процесса можно замѣтить въ исторіи приказовъ Посольскаго, Разряднаго, Помѣстнаго, Печатнаго, Казанскаго Дворца, Новгородской и Новой Четверти и другихъ: въ XVII вѣкѣ эти приказы, управлявшіеся прежде дьяками, поступаютъ, одни раньше, другіе позже, подъ руководство бояръ и другихъ высшихъ чиновъ людей. Ямскимъ приказомъ, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ управляли бояре или окольничіе съ думными дворянами; но онъ существовалъ уже въ первой половинѣ XVI вѣка и находился подъ управленіемъ дьяковъ: актъ 1536 года говоритъ о дьякахъ въ Москвѣ, «которые ямы вѣдаютъ». Первые дьяки важнѣйшихъ изъ такихъ приказовъ и возводились въ званіе думныхъ дьяковъ или государственныхъ секретарей, какъ ихъ называли иностранцы. Съ половины XVI вѣка обыкновенно ихъ было четверо: посольскій, разрядный, помѣстный и изъ Казанскаго Дворца; вѣдомства этихъ приказовъ отличались особенной канцелярскою сложностью и дѣлами ихъ непосредственно руководила дума. Впрочемъ думныхъ дьяковъ бывало иногда меньше, иногда больше, по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ: первое происходило большею частію отъ того, что иной думный дьякъ, продолжая править своимъ приказомъ, возводился въ высшій думный чинъ, а вмѣсто него не назначали другаго въ званіе думнаго дьяка; второе чаще всего бывало, когда въ иномъ изъ названныхъ четырехъ приказовъ два дьяка одновременно носили званіе думныхъ. Въ Посольскомъ приказѣ было въ одно время два думныхъ дьяка даже въ 1668 году, когда имъ управлялъ уже бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ, такъ что это учрежденіе имѣло въ думѣ трехъ представителей; это объясняется, можетъ-быть, тѣмъ, что имъ сверхъ Посольскаго поручены были еще четыре важные приказа. Впрочемъ обыкновенно встрѣчаемъ въ названныхъ приказахъ по одному думному дьяку, даже при главноуправляющихъ думныхъ дворянахъ и окольничихъ, возведенныхъ въ эти званія изъ думныхъ же дьяковъ. Такъ было и при Котошихинѣ. Послѣдній изображаетъ думныхъ дьяковъ пассивными протоколистами или секретарями, которые, *стоя* въ думѣ, только помѣчали и записывали ея приговоры или по порученію царя заготовляли проекты разныхъ грамотъ и росписей. Однако можно думать, что ихъ участіе въ совѣщаніяхъ думы было болѣе дѣятельнымъ. Приговоры думы составлялись путемъ

обсужденія дѣла, при содѣйствіи мнѣній, высказанныхъ тѣмъ или другимъ членомъ, но безъ регулярной подачи голосовъ. Думные дьяки являлись сюда докладчиками по дѣламъ своихъ приказовъ, давали справки и мнѣнія, какія при этомъ отъ нихъ требовались: при отсутствіи дѣленія совѣта на членовъ съ голосомъ и безъ голоса они должны были имѣть большое вліяніе на ходъ и послѣдствія совѣщанія и не разъ подсказывали думѣ ея приговоры. Такое значеніе дьяковъ отразилось и на формѣ думскихъ приговоровъ. Такъ въ 1579 году произведенъ былъ вычетъ изъ жалованья дѣтей боярскихъ Ряжскаго уѣзда, назначенныхъ въ нѣмецкій походъ съ государемъ, потому что деньги были имъ выданы по государеву указу за два года впередъ: это экономное распоряженіе состоялось по приговору первоприсутствующаго въ думѣ боярина князя И. Ѳ. Мстиславскаго съ товарищи да дьяковъ думныхъ А. и В. Щелкаловыхъ, вѣдомства которыхъ преимущественно касалось это распоряженіе *).

Учрежденіемъ думнаго дворянства и думнаго дьячества завершилось образованіе чиновнаго состава боярской думы: она составилась изъ четырехъ чиновъ. Думное дьячество не было званіемъ совершенно обособленнымъ отъ трехъ остальныхъ: это лишь крайнее звено въ цѣпи думныхъ чиновъ. Бояре, большинство окольничихъ и думныхъ дворянъ не вступали въ совѣтъ въ званіи думныхъ дьяковъ, но думные дьяки часто возводились въ званіе думныхъ дворянъ и потомъ даже окольничихъ, какъ думные дворяне дослуживались до окольничества и иногда до боярства. Въ составѣ этихъ четырехъ чиновъ число постоянныхъ членовъ думы, не считая братьевъ и сыновей великаго князя, также духовныхъ властей, присутствовавшихъ въ думѣ въ особо важныхъ случаяхъ, бывало въ XVI вѣкѣ довольно значительно, хотя еще не достигало цифръ XVII вѣка, когда ихъ считалось иногда болѣе 60. Великій князь Василій наслѣдовалъ отъ отца 19 бояръ, 6 окольничихъ, одного дворецкаго и одного казначея, а сыну оставилъ 23 совѣтника, не считая не обозначенныхъ въ спискѣ думныхъ дьяковъ и дворянъ, если только послѣдніе тогда уже присутствовали въ думѣ. Царь Борисъ началъ царствовать съ 45

*) Др. Росс. Вивл. XX, 417. *Котош.* 91. Кн. Разр. II, 302 и др. Акт. Зап. Росс. II, 252. *Флетч.* гл. 11. Дворц. Разр. III, 87 и 838: здѣсь въ Казанскомъ Дворцѣ нѣтъ думнаго дьяка; за то думный дьякъ правилъ тогда Стрѣлецкимъ приказомъ. Ср. *Котош.* 75, 72 и 78 и Др. Р. Вивл. XX, 392 и 359. Десятня Ряжская въ Моск. Арх. Мин. Юст. № 94.

совѣтниками въ званіи бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, считая въ этомъ числѣ и тѣхъ, кого онъ самъ назначилъ по вступленіи на престолъ. Совѣтъ въ такомъ составѣ назывался *думой*, терминомъ, который съ XVI вѣка нерѣдко встрѣчается въ нашихъ памятникахъ съ значеніемъ постояннаго правительственнаго учрежденія, а не отдѣльнаго совѣщанія или приговора. Въ такомъ же смыслѣ въ Москвѣ обозначали этимъ словомъ и иностранныя учрежденія. Московскій приказный переводчикъ нѣмецкаго письма, присланнаго изъ Лондона толмачомъ Бекманомъ въ 1589 году, выражалъ иностранныя понятія, конечно, примѣняясь къ политическому языку своего времени: министры королевы Елизаветы называются здѣсь «думцами» или «думчими», а министерство «думой» королевниной, какъ въ XVII вѣкѣ наши послы называли англійскій парламентъ «земскимъ собраніемъ». Въ сношеніяхъ съ польско-литовскими послами наши дипломаты называли московскую думу «радою государя» и своею «господою»; «избранною радой» и князь Курбскій называетъ думу, составившуюся при царѣ Иванѣ подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева: по его выраженію можно даже подумать, что это было ея дѣйствительное принятое при дворѣ названіе. Въ актахъ чаще всего дума обозначалась общимъ выраженіемъ «бояре»; но нигдѣ, сколько помнится, она не названа боярскою думой, можетъ-быть, потому, что это общепринятое въ нашей литературѣ названіе не совсѣмъ точно: въ XVI вѣкѣ, когда слово «бояринъ» на административномъ языкѣ получило специальное значеніе высшаго думнаго чина, далеко не всѣ члены думы были боярами и многіе были даже не боярскаго происхожденія. Въ дипломатическихъ бумагахъ XVI вѣка любили называть членовъ думы «совѣтниками». Встрѣчая въ московскомъ переводѣ одной грамоты королевы Елизаветы титулъ «честнаго совѣтника» для думнаго дьяка А. Щелкалова, можно было бы подумать, что такъ назывались всѣ члены думы. Но въ подлинныхъ московскихъ документахъ XVI вѣка и этотъ терминъ имѣлъ спеціальное значеніе перваго думнаго чина, былъ синонимомъ боярина въ отличіе отъ окольничаго: иностраннымъ посламъ говорили въ Москвѣ отъ имени думы, что если они пріѣхали съ тайными «рѣчами» или предложеніями, то должны сказать такія рѣчи «совѣтникамъ и окольничимъ государскимъ». Древнерусскій правительственный языкъ, кажется, зналъ только одинъ общій терминъ, которымъ отличалъ всѣхъ членовъ думы отъ стоявшихъ ниже ихъ слоевъ служилаго класса, «думные лю-

ди»: на нескромные вопросы цесарскаго посла о политикѣ московскому приставу приказывали отвѣчать: «то вѣдаютъ государевы думные люди, а мы люди служилые, намъ того нельзя вѣдати». Теперь наконецъ, когда чиновный составъ думы окончательно сформировался, она составила цѣльный постоянный правительственный корпусъ, строго отличавшійся отъ разныхъ частныхъ коммиссій, какія составлялись по порученіямъ государя изъ думныхъ же людей. Въ удѣльное время такого различія незамѣтно: извѣстный правительственный актъ считался приговоромъ князя съ боярами, все равно, присутствовали ли при этомъ всѣ наличные совѣтники князя или только два-три боярина, которыхъ по занимаемымъ ими дворцовымъ должностямъ спеціально касалось дѣло. Теперь приговоромъ бояръ признавалось только постановленіе, состоявшееся въ общемъ обычномъ собраніи постоянной боярской думы. Отсюда въ памятникахъ XVI вѣка появляется выраженіе, получающее значеніе обычной правительственной формулы: «со всѣхъ бояръ приговору», которое не надобно, разумѣется, понимать въ буквальномъ смыслѣ: и тогда умѣли отличать общее собраніе отъ полнаго. По Судебнику 1550 года вызывать изъ областей намѣстниковъ и волостелей приставомъ съ записью до окончанія ихъ кормленій можно было только по такой записи, «которую велятъ дати бояре, приговоря вмѣстѣ», а один боярин и дьякъ, т. е. одинъ какой-либо приказъ, не имѣлъ права давать такую запись. Извѣстный дипломатъ В. Щелкаловъ жаловался, что думный дьякъ Казанскаго Дворца Дружина Петелинъ по недружбѣ къ нему стакнулся съ дьякомъ Большаго Прихода и они приписали въ его помѣстьи пустую землю къ жилой, велѣвъ брать съ нея ямскія и всякія подати какъ съ населенной. Щелкаловъ билъ челомъ, какъ гласитъ отъ имени царя уцѣлѣвшій указъ 1598 года, «намъ бы велѣть брать въ Большой Приходъ подати съ села по прежнему, а что сверхъ того прибавили на его помѣстье мимо нашъ указъ и *безо всѣхъ нашихъ бояръ приговору*, имать того не велѣть, потому что въ запискѣ въ Большомъ Приходѣ того имянно не написано, что *всѣхъ бояръ* приговоръ, опричь Дружинины сказки». Указъ рѣшилъ дѣло согласно съ просьбой помѣщика, признавъ распоряженіе двухъ дьяковъ незаконнымъ *).

*) См. указанныя извѣстія о дѣтяхъ боярскихъ, въ думѣ живущихъ. Частный или тайный совѣтъ государевъ, о которомъ рѣчь впереди, въ отличіе отъ общаго назывался «ближней думой». Пам. дипл. снош. I, 501 и 544, 361, 968.

Перечисливъ важнѣйшія перемѣны въ устройствѣ думы, какія произошли или обнаружились въ XVI в., не видимъ ни въ одной изъ нихъ прямаго выраженія аристократическихъ притязаній новаго московскаго боярства. Всѣ онѣ выходятъ изъ другихъ источниковъ, вызываются, съ одной стороны, измѣненіемъ состава высшаго служилаго класса, съ другой—дальнѣйшимъ развитіемъ, усложненіемъ центральной московской администраціи. Эти перемѣны произошли бы, вѣроятно, еслибы на верху боярства и не стало знатное княжье изъ удѣловъ, бывшее главнымъ питомникомъ и разсадникомъ этихъ притязаній. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ оно появилось въ Москвѣ, здѣсь рѣзче прежняго обнаружилась іерархія родословнаго старшинства въ служебныхъ отношеніяхъ членовъ думы между собою, въ самомъ размѣщеніи ихъ на засѣданіяхъ. Переводя свои взаимныя отношенія на языкъ родства, эти люди, набѣжавшіе въ Москву изо всѣхъ угловъ Руси и даже изъ чужихъ земель, составили какъ будто тѣсную и дружную семью, заботливо высчитывая по родословнымъ и разряднымъ росписямъ, кто кому доводился братомъ и кто дядей, и настойчиво требовали, чтобы согласно съ этой ариѳметикой мѣстническаго старшинства ихъ и разсаживали въ думѣ и поименовывали въ думскихъ спискахъ: въ 1502 г. паны литовскіе въ письмѣ къ московскимъ боярамъ, извиняясь, пишутъ: «а потому вашихъ милостей мы не написали по именамъ, что не вѣдаемъ на тотъ часъ мѣстецъ вашихъ, гдѣ кто сидитъ подлѣ кого въ радѣ государя вашего» *). Но эта плотная семья думныхъ дядей и племянниковъ не помѣшала вторженію въ ея среду худородныхъ чужеродцевъ уже въ XVI в. Внѣшнія ли обстоятельства не позволили боярству облечь свои притязанія въ способныя ихъ обезпечить политическія формы или оно и не знало и не думало, въ какія формы облечь ихъ, чтобъ ихъ обезпечить?

В. Ключевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Статейный списокъ посольства Флетчера во Времен. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 8, стр. 49 и 75. Пам. дипл. снош. съ Польско-Лит. гос., стр. 121. Акт. Зап. Росс. I, стр. 239. Сказ. кн. *Курбск.* 11: «и нарицались тогда оные совѣтницы у него *избранная рада* (вар. *дума*). Акты по г. Мещовску въ Сборн. Тр. Серг. мон. № 530.

КЕСАРЬ.

РОМАНЪ

Георга Эберса.

Глава двадцать первая *).

Когда дворцовый управитель Керавнъ проснулся, солнце уже высоко стояло на небѣ. Онъ спалъ въ креслѣ такъ же крѣпко, какъ и въ своей постели, но сонъ не освѣжилъ его и старикъ чувствовалъ себя разбитымъ.

Въ комнатѣ все было такъ же разбросано, какъ и наканунѣ, и это его раздосадовало, потому что онъ привыкъ, вставая, находить этотъ покой въ самомъ образцовомъ порядкѣ.

На столѣ стояли остатки дѣтскаго ужина, покрытые роемъ мухъ, а между посудой и корками хлѣба блестѣли его обручъ и головной уборъ его дочери.

Всюду, куда онъ ни глядѣлъ, лежали неприбранныя къ мѣсту вещи.

Старая рабыня, позѣвывая, вошла въ комнату. Сѣдые, сбившіеся волосы въ безпорядкѣ свѣшивались ей на лицо, глаза смотрѣли безсмысленно и она съ трудомъ держалась на ногахъ.

— Ты пьяна!—гнѣвно обратился къ ней Керавнъ, и онъ не ошибался. Проснувшись наканунѣ передъ домомъ вдовы Пудента и узнавъ отъ привратника, что Арсиноя покинула садъ, старуха на обратномъ пути была увлечена другими рабынями въ ближайшую харчевню.

Управитель схватилъ ее за руку и нетерпѣливо встряхнулъ.

— Праздникъ... Все свободно... Сегодня праздникъ,—глупо ухмыляясь, промычала она.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

— Римская чепуха! — перебилъ ее Керавнъ. — Готовъ мой супъ?

Между тѣмъ какъ старуха бормотала что-то непонятное въ отвѣтъ, на порогѣ появился рабъ.

— Сегодня у всѣхъ праздникъ,—сказалъ онъ,—можно мнѣ идти со двора?

— Вотъ это мнѣ нравится,—воскликнулъ управитель.—Это животное пьяно, Селена больна, а ты будешь таскаться по улицамъ.

— Но вѣдь сегодня никто не сидитъ дома,—робко замѣтилъ негръ.

— Такъ убирайся!—закричалъ Керавнъ.—Шатайся по городу до полуночи, дѣлай что хочешь; только не жди, чтобъ я сталъ тебя держать долѣе. Вертѣть ручную мельницу у тебя еще хватитъ силы и, вѣроятно, найдется какой-нибудь глупецъ, который дастъ за тебя пару драхмъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не продавай меня!—застоналъ старый слуга, съ умоляющимъ видомъ простирая руки; но Керавнъ не слушалъ его, а продолжалъ ворчать.

— Собака, по крайней мѣрѣ, привязывается къ своему господину, а вы объѣдаете его до нищеты и когда вы ему всего болѣе нужны, тутъ-то и приходитъ вамъ охота бѣжать со двора.

— Я остаюсь,—вылъ старикъ.

— Дѣлай что хочешь; ты ужь давно похожъ на хромую лошадь, которая только срамитъ своего господина. Когда ты меня сопровождаешь, всѣ оглядываются, словно у меня пятно на палліи. Ты, старый пёсъ, хочешь справлять праздники и тянуться за гражданами.

— Я остаюсь, только не продавай меня!—жалобно просилъ струсившій рабъ, стараясь схватить руку своего господина; но управитель оттолкнулъ его и приказалъ идти на кухню, развести огонь и облить старой рабынѣ голову водой, чтобы возвратить ей бодрость.

Рабъ вытолкнулъ свою товарку въ дверь, а Керавнъ направился въ спальню своей дочери.

Въ комнатѣ Арсинои было почти совсѣмъ темно, такъ какъ свѣтъ прокрадывался только сквозь небольшое отверстіе въ потолкѣ. Косые лучи утренняго солнца падали на кровать дѣвушки въ ту минуту, какъ Керавнъ подходилъ къ ней. Его дочь

спала крѣпкимъ сномъ. Ея красивая головка покоилась на правой, подложенной подъ нее, рукѣ, а распущенные свѣтло-каштановые волосы сбѣгали волной на нѣжныя плечи и свѣшивались съ постели.

Еще никогда не казалось Керавну его собственное дитя столь прекраснымъ, какъ сегодня; сердце его дрогнуло при взглядѣ на лицо дочери,—такъ живо напомнила она ему покойную жену, и не пустое тщеславіе, а порывъ истинной отеческой любви невольно обратилъ въ нѣмую молитву его искреннее желаніе, чтобы боги сохранили это дитя и даровали ему счастье.

Онъ не привыкъ будить своихъ дочерей, которыя обыкновенно вставали и принимались за дѣло раньше его, и ему было жаль тревожить сладкій сонъ своей любимицы; но надо было рѣшиться. Керавнъ назвалъ Арсиною по имени и потрясъ ее за руку. Она приподнялась и вопросительно взглянула на него.

— Это я, вставай,—сказалъ онъ.—Вспомни, что тебя сегодня ожидаетъ.

— Ахъ, да!—зѣвая, проговорила она.—Но вѣдь еще такъ рано.

— Рано?—переспросилъ Керавнъ, улыбаясь.—Желудокъ мой утверждаетъ совсѣмъ противное. Солнце уже высоко, а мнѣ еще не подавали моего супа.

— Вели старухѣ его сварить.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя, ты должна встать. Развѣ ты забыла, какую тебѣ дали роль? А мои кудри? А жена префекта и твои костюмы?

— Ступай же, какое мнѣ дѣло до Роксаны и до разныхъ нарядовъ!

— Это потому, что ты еще не совсѣмъ проснулась,—смѣясь, сказалъ управитель.—Какъ попалъ плющовый листокъ въ твои волосы?

Арсиноя покраснѣла и, вынувъ листокъ, отвѣчала съ досадой.

— Такъ, присталъ гдѣ-нибудь. Ну, уходи же, чтобъ я могла встать.

— Сейчасъ, сейчасъ. Какъ ты нашла Селену?

— Она совсѣмъ не такъ плоха; но объ этомъ я тебѣ разскажу послѣ, а теперь оставь меня.

Когда Арсиноя, полчаса спустя, подала отцу супъ, Керавнъ взглянулъ на нее удивленно. Ему показалось, что въ дочери его произошла перемѣна. Въ глазахъ ея былъ блескъ, котораго онъ прежде никогда не замѣчалъ и который придавалъ ея полу-

дѣтскимъ чертамъ какое-то небывалое, почти испугавшее его, выраженіе.

Пока Арсиноя готовила супъ, Керавнъ съ помощью раба поднялъ дѣтей съ постелей.

Теперь они завтракали; посреди нихъ былъ и Геліосъ, бодрый и здоровый.

За столомъ Арсиноя разсказывала про Селену и отличный уходъ за нею вдовы Ганны, между тѣмъ какъ Керавнъ пристально смотрѣлъ на нее.

Замѣтивъ это, она нетерпѣливо спросила, что въ ней сегодня особеннаго.

— Какія вы, дѣвушки, странныя!—сказалъ управитель, покачивая головой.—Тебѣ оказали большую честь, ты должна изображать невѣсту Александра, — гордость и радость тебя поразительно измѣнили въ одну ночь; я, впрочемъ, полагаю, что перемѣна въ твою пользу.

— Глупости,—возразила Арсиноя, краснѣя, и бросилась, потягиваясь, на подушку дивана.

Она чувствовала не усталость, а какую-то сладкую истому.

Ей казалось, что она только-что вышла изъ теплой ванны и съ той минуты, какъ отецъ разбудилъ ее, въ ушахъ ея снова раздавались порой звуки веселой музыки, подъ которую она наканунѣ плясала съ Поллуксомъ.

Она то улыбалась, то смотрѣла задумчиво въ даль и при этомъ мысленно говорила себѣ, что еслибъ возлюбленный позвалъ ее въ настоящую минуту, у нея хватило бы силы снова ринуться съ нимъ въ бѣшеную пляску.

Она вся дышала счастьемъ и здоровьемъ.

Только глаза ея были слегка воспалены и, обыкновенно ясные и свѣтлые, теперь какъ-то особенно ярко блестѣли, чего Керавнъ никогда прежде не замѣчалъ.

Когда рабъ, по окончаніи завтрака, повелъ дѣтей гулять, а Арсиноя начала завивать отцу волосы, Керавнъ принялъ полную достоинства позу и сказалъ важно:

— Дитя мое!

— Ну?—спросила дѣвушка, опуская нагрѣтые щипцы и приготовляясь услышать одну изъ тѣхъ затѣй, на которыя такъ привыкла возражать Селена.

— Слушай внимательно.

То, что управитель собирался сказать, пришло ему въ голову болѣе часу тому назадъ, когда онъ отбилъ у стараго раба всякую охоту идти со двора; тѣмъ не менѣе онъ провелъ рукой по лбу и продолжалъ, принимая видъ глубокомысленнаго философа.

— Ужь давно занимаетъ меня мучительная мысль. Теперь она созрѣла и обратилась въ рѣшеніе, которое я хочу тебѣ сообщить: мы должны пріобрѣсти новаго раба.

— Но, отецъ,—воскликнула Арсиноя,—подумай только, что̀ это будетъ стоить. Еслибъ мы должны были прокормить лишняго человѣка...

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи,—прервалъ ее Керавнъ.—Я промѣняю стараго раба на болѣе молодаго, съ которымъ можно-бъ было показываться людямъ. Еще вчера сказалъ я тебѣ, что мы будемъ теперь обращать на себя большее вниманіе, чѣмъ прежде, и если мы покажемся на улицѣ или гдѣ-либо съ чернымъ пугаломъ...

— Зебекъ, конечно, не представителенъ,—перебила Арсиноя отца,—но мы можемъ оставлять его дома.

— Дитя, дитя,—возразилъ укоризненно Керавнъ,—ты никогда не думаешь о томъ, кто мы!... Развѣ намъ прилично показываться на улицахъ безъ раба?

Дѣвушка пожала плечами и начала доказывать отцу, что Зебекъ давно принадлежитъ ихъ семейству, что дѣти къ нему привязаны, какъ къ старой нянькѣ, что новый слуга будетъ стоить очень дорого и, кромѣ того, придется силой понуждать его къ исполненію нѣкоторыхъ обязанностей, тогда какъ старикъ все дѣлаетъ охотно и хорошо.

Но Арсиноя попусту теряла слова.

Селены не было дома и Керавнъ, увѣренный, что не услышитъ ея упрековъ, подобно неосторожному мальчику, который жаждетъ запретнаго, настаивалъ на своемъ рѣшеніи промѣнять стараго вѣрнаго слугу на болѣе приличнаго новаго раба.

Управитель ни минуты не думалъ о печальной участи, которая постигнетъ состарѣвшагося и посѣдѣвшаго въ его домѣ раба, если онъ его продастъ; онъ сознавалъ однако, что ему не слѣдовало бы тратить послѣднія деньги на такую въ сущности вовсе ненужную покупку.

Чѣмъ справедливѣе казались доводы Арсинои, чѣмъ явственнѣе становился голосъ совѣсти, убѣждавшій его не приносить этой новой жертвы тщеславію, тѣмъ упорнѣе и ожесточеннѣе

настаивалъ онъ на своемъ. Мало-по-малу прихоть обратилась въ его глазахъ въ необходимость; явилось множество доводовъ, благодаря которымъ она оказалась вполнѣ благоразумна и легко исполнима.

Деньги были, а послѣ выбора Арсинои для роли Роксаны Керавнъ могъ разсчитывать получить и еще взаймы. На немъ лежала обязанность устроить себѣ приличную обстановку, чтобы не испугать знатнаго зятя, который ему грезился; на крайній случай у него оставалась коллекція рѣдкостей. Дѣло было только въ томъ, чтобы найти покупателя.

Если за поддѣльный мечъ Антонія заплатили такъ дорого, то сколько же могутъ дать любители за другія, гораздо болѣе цѣнныя вещи!

Арсиноя краснѣла и блѣднѣла, когда Керавнъ въ теченіе разговора возвращался къ продажѣ меча; но она не рѣшалась открыть ему истину и тѣмъ искреннѣе раскаивалась въ своей лжи, чѣмъ яснѣе видѣла со свойственнымъ ей здравымъ смысломъ, что выпавшая ей наканунѣ честь послужитъ новою пищей тщеславію ея отца.

Сегодня ей было совершенно достаточно нравиться одному Поллуксу и она безъ сожалѣнія отдала бы другой дѣвушкѣ свою роль и всякія притязанія на успѣхъ и всеобщее удивленіе,—однимъ словомъ, все, что еще наканунѣ казалось ей столь неоцѣненнымъ.

Она даже высказала это, но Керавнъ не придалъ ея словамъ никакого значенія, засмѣялся ей въ лицо и пустился въ загадочные намеки на богатство, которое должно было, по его мнѣнію, неминуемо достаться имъ въ удѣлъ. Смутно сознавая необходимость показать, что не всѣ его дѣйствія обусловливаются личнымъ тщеславіемъ и заботами о собственной особѣ, онъ счелъ нужнымъ заявить о готовности принести съ своей стороны великую жертву и удовольствоваться на первыхъ порахъ позолоченнымъ обручемъ, не покупая себѣ другаго изъ чистаго золота.

Такимъ подвигомъ самопожертвованія управитель разсчитывалъ пріобрѣсти полное право употребить кругленькую сумму на покупку новаго, болѣе представительнаго, раба.

Просьбы Арсинои остались безъ успѣха. Мысль о предстоящей потерѣ вѣрнаго стараго слуги была для нея такъ мучительна, что она начала плакать; но Керавнъ съ досадой запретилъ ей проливать слезы изъ-за такой бездѣлицы, говоря, что это—

ребячество и что ему будетъ непріятно вести ее съ заплаканными глазами къ женѣ префекта.

Пока они разговаривали, завивка кудрей Керавна была окончена и онъ приказалъ Арсиноѣ убрать получше собственные ея волосы и приготовиться слѣдовать за нимъ. Имъ предстояло купить новое платье и пеплумъ, посѣтить Селену и затѣмъ отправиться къ Юліи.

Еще вчера Керавнъ считалъ безразсудствомъ нанимать носилки, а теперь раздумывалъ о томъ, не приличнѣе ли послать за колесницей.

Какъ только онъ остался одинъ, въ головѣ его блеснула новая мысль.

Дерзкому архитектору слѣдовало показать, что дворцовый управитель Керавнъ—не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно безнаказанно оскорблять и запугивать. Онъ отрѣзалъ чистую полосу папируса отъ лежавшаго у него въ ящикѣ письма и написалъ на ней слѣдующія слова:

«Македонянинъ Керавнъ архитектору Клавдію Венатору изъ Рима.

«Старшая дочь моя, Селена, получила по твоей винѣ столь тяжелыя раны, что лежитъ почти при смерти и испытываетъ неслыханныя страданія. Остальныя дѣти мои не находятъ болѣе безопасности въ домѣ своего отца и потому я обращаюсь къ тебѣ съ вторичнымъ требованіемъ посадить на цѣпь твою собаку. Если же ты откажешься выполнить это законное требованіе, то я не замедлю представить дѣло на судъ императора. Предупреждаю тебя, что нѣкоторыя случившіяся на дняхъ событія побудятъ Адріана особенно наказать дерзкаго, осмѣлившагося оказать неуваженіе мнѣ и моимъ дочерямъ».

Приложивъ къ этому посланію печать, Керавнъ кликнулъ раба и спокойно сказалъ:

— Отнеси это архитектору изъ Рима и приведи двое носилокъ, да попроворнѣе, а потомъ, во время нашего отсутствія, хорошенько посмотри за дѣтьми. Завтра или послѣ завтра ты будешь проданъ. Кому?—Это зависитъ отъ того, какъ ты будешь вести себя то короткое время, которое тебѣ остается пробыть у насъ.

Негръ испустилъ громкій, выходившій изъ глубины сердца, жалобный вопль и бросился на колѣни передъ управителемъ.

Сердце Керавна сжалось отъ этого крика, но онъ твердо рѣшилъ не поддаваться сожалѣнію и настоять на своемъ.

Рабъ еще крѣпче обнялъ его колѣна. Дѣти, сбѣжавшіяся на вой стараго друга, громко зарыдали вмѣстѣ съ нимъ, а маленькій Геліосъ началъ гладить его порѣдѣвшіе курчавые волосы.

Керавну стало невыносимо тяжело смотрѣть на эту трогательную сцену.

— Вонъ отсюда и дѣлай что тебѣ приказываютъ, не то я возьмусь за плеть!—громко и сердито закричалъ онъ, чтобы спастись отъ собственной слабости.

Съ этими словами онъ оттолкнулъ отъ себя несчастнаго, который поплелся съ поникшею головой изъ комнаты съ письмомъ въ рукѣ. Дойдя до покоевъ кесаря, рабъ остановился въ раздумьѣ.

Наружность и обращеніе Адріана внушали ему такой страхъ и ужасъ, что онъ долго не рѣшался постучаться въ дверь.

Онъ стоялъ нѣкоторое время, утирая все еще навертывавшіяся на глаза слезы, когда въ галлереѣ появился наконецъ Масторъ съ остатками завтрака своего повелителя.

Окликнувъ проходившаго, негръ передалъ ему письмо управителя и, всхлипывая, пробормоталъ:

— Это отъ Керавна твоему господину.

— Положи сюда на подносъ,—сказалъ уроженецъ Язигіи.— Но что съ тобой, старина? Ты ревешь и у тебя такой жалкій видъ. Прибили тебя, что ли?

Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Керавнъ хочетъ продать меня,—отвѣчалъ онъ сквозь слезы.

— Ну, что-жь? Ты найдешь господъ и лучше него.

— Но Зебекъ старъ, Зебекъ слабъ, Зебекъ не можетъ больше поднимать и таскать тяжести и при трудной работѣ онъ пропадетъ непремѣнно.

— А развѣ тебѣ было легко и тебя хорошо кормили у стараго толстяка?

— Вина я не видалъ, мяса не видалъ, голодалъ часто, — жаловался рабъ.

— Значитъ ты долженъ радоваться, что отходишь.

— Нѣтъ, нѣтъ,—стоналъ старикъ.

— Глупая ты голова,—сказалъ Масторъ,—чего-жь тебѣ еще надо у этого ворчливаго скряги?

Негръ нѣкоторое время не давалъ отвѣта; впалая грудь его тяжело подымалась и опускалась; наконецъ, словно прорвавшаяся плотина, казалось, рухнула какая-то преграда, сдерживавшая его признанія.

— Дѣти, малютки, наши малютки!—восклицалъ онъ, громко рыдая.—Они такіе милые, а нашъ Геліосъ, нашъ маленькій слѣпой Геліосъ, гладилъ Зебека по волосамъ, такъ жаль стало ему, что его продаютъ... Вотъ тутъ, тутъ гладилъ онъ,—старикъ указалъ на совсѣмъ лысое мѣсто на своей головѣ,—а теперь Зебекъ уйдетъ и никогда не увидитъ ихъ больше, какъ будто всѣ они умерли.

Голосъ раба нѣсколько разъ порывался отъ слезъ, пока онъ произносилъ эти слова.

Они растрогали Мастора до глубины души, пробудили въ немъ воспоминаніе о его собственныхъ утраченныхъ дѣтяхъ и ему сильно захотѣлось какъ-нибудь утѣшить своего несчастнаго собрата.

— Бѣдняга,—сказалъ онъ съ состраданіемъ.—Я понимаю, какъ тебѣ должно быть жаль разстаться съ дѣтьми. Они такія маленькія и съ своими играми во сто разъ легче и лучше взрослыхъ находятъ дорогу къ нашему сердцу. Я тоже лишился милыхъ дѣтей, да еще моихъ собственныхъ. Мнѣ хорошо извѣстно горе, но теперь я знаю, гдѣ и утѣшеніе найти.

При этихъ словахъ Масторъ подперъ подносъ бедромъ, придерживая его правою рукой, а лѣвую положилъ на плечо негра и прошепталъ ему:

— Слыхалъ ты когда-нибудь о христіанахъ?

Зебекъ сочувственно кивнулъ головой, будто дѣло шло о предметѣ, ему отчасти знакомомъ, отъ котораго онъ ожидалъ много прекраснаго и чудеснаго.

Масторъ продолжалъ тихимъ голосомъ:

— Приходи завтра на разсвѣтѣ на дворъ къ каменьщикамъ; тамъ ты услышишь о Томъ, Кто утѣшаетъ труждающихся и обремененныхъ.

Кесарскій слуга снова взялъ подносъ въ обѣ руки и быстро удалился. Въ глазахъ старика засвѣтился слабый лучъ надежды: счастья онъ не ждалъ, но думалъ, что найдетъ, можетъ-быть, какое-либо средство облегчить тягость жизненныхъ невзгодъ.

Передавъ подносъ прислуживавшимъ на кухнѣ рабамъ, Масторъ возвратился къ своему повелителю и передалъ ему письмо управителя.

Письмо Керавна попало въ руки императора не въ добрую минуту,—онъ былъ въ мрачномъ настроеніи духа.

Не спавъ всю ночь, онъ отдыхалъ всего только три часа и теперь, сурово сдвинувъ брови, сравнивалъ результаты своихъ

наблюденій подъ звѣзднымъ небомъ за эту ночь съ астрономическими таблицами, которыя были разложены передъ нимъ.

Во время этой работы онъ часто недовольно покачивалъ своей курчавой головой; разъ онъ даже бросилъ на столъ грифель, которымъ производилъ свои вычисленія, и, откинувшись на подушки, закрылъ глаза обѣими руками.

Затѣмъ онъ началъ снова писать какія-то числа, но новый, добытый имъ, результатъ, казалось, ничѣмъ не былъ утѣшительнѣе прежняго.

Письмо управителя уже давно лежало передъ нимъ; наконецъ, потянувшись за какимъ-то другимъ свиткомъ, онъ его замѣтилъ.

Чтобы нѣсколько отдохнуть, кесарь взялъ посланіе, распечаталъ его, прочелъ и съ недовольнымъ видомъ отбросилъ въ сторону.

Во всякое другое время онъ съ участіемъ освѣдомился бы о состояніи больной дѣвушки, посмѣялся бы надъ старымъ чудакомъ, не преминувъ выдумать какую-нибудь шутку, чтобы попугать или подурачить его; но теперь угрозы управителя только разсердили его и еще болѣе увеличили его нерасположеніе къ гордому македонянину.

Наскучивъ окружавшимъ его молчаніемъ, онъ крикнулъ Антиноя, который въ это время мечтательно глядѣлъ на гавань.

Любимецъ тотчасъ же приблизился къ своему повелителю.

Адріанъ пристально посмотрѣлъ на него и покачалъ головой.

— И у тебя такой видъ, словно угрожаетъ несчастіе,—сказалъ онъ.—Посмотри-ка, все ли небо омрачилось.

— Нѣтъ, государь. Надъ моремъ оно ясно, но съ юга надвигаются черныя тучи.

— Съ юга?—задумчиво переспросилъ Адріанъ.—Оттуда едва ли можетъ намъ угрожать что-либо плохое. Но несчастіе приближается, оно уже близко, оно обрушится на насъ скорѣе, чѣмъ мы можемъ ожидать.

— Ты такъ долго не спалъ, а это портитъ твое настроеніе духа.

— Настроеніе духа?... Что такое настроеніе духа?—мрачно бормоталъ про себя Адріанъ. Настроеніе духа—это такое состояніе, которое сразу овладѣваетъ всѣми движеніями души,—состояніе, вызванное какой-нибудь основательной причиною; мое же сердце сегодня парализовано гнетущими меня заботами.

— Значитъ ты видѣлъ плохія знаменія на небесахъ?

— Очень и очень плохія!

— Вотъ вы, мудрецы, вѣрите звѣздамъ, — возразилъ Антиной.—Вы, конечно, правы; но моя слабая голова не можетъ постигнуть, что можетъ быть общаго между ихъ правильнымъ теченіемъ и нашей измѣнчивою жизнью?

— Посѣдѣй,—отвѣчалъ императоръ.—Научись обнимать духомъ мірозданіе и тогда только говори о такихъ вещахъ; только тогда ты будешь въ состояніи понять, что каждая часть творенія, самое великое и самое малое—тѣсно связаны между собой, находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи и зависимости другъ отъ друга. Что есть и что будетъ въ природѣ, что мы, люди, ощущаемъ, мыслимъ и дѣлаемъ—все это обусловливается строго опредѣленными вѣчными причинами, и эти-то причины золотыми письменами начерчены на голубомъ сводѣ неба демонами, которые стоятъ между нами и божествомъ. Письмена эти — звѣзды, пути которыхъ такъ же неизмѣнны и безконечны, какъ причины всего того, что есть и что происходитъ.

— Вполнѣ ли ты увѣренъ, что не ошибаешься, когда читаешь эти письмена?—спросилъ Антиной.

— И я могу заблуждаться,—возразилъ кесарь, — но на этотъ разъ я не ошибся. Тяжелое несчастіе угрожаетъ мнѣ. Это странное, ужасающее стеченіе обстоятельствъ.

— Какъ такъ?

— Изъ проклятой Антіохіи, откуда еще никогда не исходило для меня ничего хорошаго, я получилъ изреченіе оракула, которое, которое... Впрочемъ, къ чему же мнѣ скрывать это отъ тебя? Въ половинѣ наступающаго года, какъ молнія, повергающая на землю путника, меня должно постигнуть и сразить тяжелое несчастіе. А сегодня ночью... Посмотри-ка со мной на этой таблицѣ! Вотъ жилище смерти, вотъ планета... Но развѣ ты понимаешь что-либо въ подобныхъ вещахъ? Однимъ словомъ, въ сегоднешнюю ночь звѣзды съ такою очевидной ясностью, съ такою точностью подтвердили зловѣщія слова оракула, какъ будто у нихъ были языки и онѣ кричали мнѣ это несчастное пророчество. Съ такими ожиданіями живется плохо. Что-то принесетъ намъ съ собой новый годъ...

Адріанъ глубоко вздохнулъ. Антиной приблизился къ нему, опустился передъ нимъ на колѣни и спросилъ дѣтски-смиреннымъ голосомъ:

— Могу ли я, бѣдное, безразсудное созданіе, научить великаго мудреца не портить себѣ цѣлыхъ шести мѣсяцевъ жизни?

Императоръ улыбнулся, точно онъ зналъ, что должно было слѣдовать за этими словами.

Любимецъ его, ободренный, продолжалъ:

— Пусть будущее останется будущимъ. Чему быть, того не миновать, потому что сами боги не властны надъ судьбою. Когда приближается несчастіе, оно бросаетъ передъ собою черную тѣнь. Обращая на нее вниманіе, ты омрачаешь свои свѣтлые дни; я же, полный мечтами, бреду своею дорогой, забывая о будущемъ, и только тогда замѣчаю несчастіе, когда я сталкиваюсь съ нимъ и чувствую его удары.

— И такимъ образомъ ты сберегаешь себѣ рядъ безмятежныхъ дней,—прервалъ Адріанъ своего любимца.

— Я это именно хотѣлъ сказать.

— Совѣтъ твой хорошъ для тебя и для всякаго другаго, праздно-гуляющаго среди жизненной ярмарки, — возразилъ кесарь;— но человѣкъ, имѣющій задачею вести милліоны надъ пропастями, долженъ непрестанно озираться, ясно видѣть и близкое, и далекое, и не можетъ закрывать глазъ, если даже взорамъ его представляется что-либо столь же ужасное, какъ то, что мнѣ суждено было наблюдать сегодня ночью.

При послѣднихъ словахъ въ комнату вошелъ Флегонъ, тайный секретарь кесаря, съ новыми донесеніями изъ Рима. Приблизившись къ своему повелителю, онъ низко поклонился.

— Звѣзды безпокоятъ тебя, кесарь?—спросилъ онъ по поводу послѣднихъ словъ Адріана.

— Онѣ научаютъ меня быть на-сторожѣ,—возразилъ послѣдній.

— Будемъ надѣяться, что предсказанія ихъ лживы,—весело и съ жаромъ воскликнулъ грекъ.—Цицеронъ былъ, конечно, не совсѣмъ не правъ, не довѣряя искусству гадать по звѣздамъ.

— Цицеронъ былъ болтунъ, — возразилъ Адріанъ, нахмуривъ брови.

— Но развѣ не вѣрно,—продолжалъ Флегонъ,— что еслибы гороскопы какихъ-нибудь Кнея и Кая совпадали, то Кней и Кай, случайно родившись въ одинъ и тотъ же часъ, должны бы имѣть одинаковые темпераменты и одинаковую въ жизни судьбу?

— Все старыя общія мѣста, старыя нелѣпости, — перебилъ Адріанъ чиновника, раздраженный до крайности.—Говори, когда тебя спрашиваютъ, и не заботься о томъ, чего ты не понимаешь и что тебя ни мало не касается. Есть въ этихъ письмахъ важныя извѣстія?

Антиной съ удивленіемъ глядѣлъ на своего господина. Почему возмущали его доводы Флегона, когда онъ только-что такъ ласково отвѣчалъ на замѣчанія юноши?

Адріанъ не обращалъ на него больше вниманія, быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно перечитывалъ посланіе за посланіемъ, писалъ краткія замѣтки на поляхъ, твердымъ почеркомъ подписалъ нѣсколько декретовъ и затѣмъ, окончивъ свою работу, приказалъ греку оставить его въ покоѣ.

Едва остался онъ наединѣ съ Антиноемъ, какъ въ комнату ворвались черезъ открытое окно громкій крикъ и веселые восклицанія толпы людей.

— Что это значитъ?—спросилъ императоръ у Мастора, который не замедлилъ отвѣтить, что мастеровые рабы только-что получили отпускъ и начинаютъ предаваться веселію праздника.

— Все это шумитъ, веселится, вѣнчается цвѣтами,—тихо бормоталъ Адріанъ. — Все это старается забыться въ общемъ опьяненіи, а я... я, которому всѣ они завидуютъ,—я порчу себѣ короткое время жизни такими пустяками, мучаю себя гнетущими заботами... Я... я...

Онъ внезапно остановился и совершенно измѣненнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Эхъ, Антиной, ты право мудрѣе меня! Пусть будущее дѣйствительно остается будущимъ. И для насъ теперь также праздникъ. Воспользуемся же этими днями свободы. Одѣнемся, но такъ, чтобы насъ не могли узнать: я — старымъ сатиромъ, ты—молодымъ фавномъ или чѣмъ-либо въ этомъ родѣ, смѣшаемся съ праздничною толпой и будемъ, осушая кубки, бродить по городу и радоваться всему, что весело!

— О! — вскричалъ Антиной и радостно захлопалъ въ ладоши.

— *Evoe Bacche!*—отозвался Андріанъ, высоко поднимая стоявшій передъ нимъ на столѣ кубокъ.—Ты, Масторъ, свободенъ до самаго вечера, а ты, милый, переговори съ долговязымъ художникомъ Поллуксомъ. Онъ будетъ нашимъ провожатымъ и достанетъ намъ вѣнки и шутовскіе наряды. Мнѣ хочется видѣть пьяныхъ, мнѣ хочется посмѣяться вмѣстѣ съ веселыми, прежде чѣмъ я снова сдѣлаюсь императоромъ. Спѣши же, другъ, иначе новыя заботы испортятъ мнѣ это праздничное веселье!

Глава двадцать вторая.

Антиной покинулъ вмѣстѣ съ Масторомъ комнату императора.

Въ галлереѣ юноша знакомъ подозвалъ къ себѣ раба и тихо сказалъ ему:

— Я знаю, что ты умѣешь молчать,—хочешь ли оказать мнѣ услугу?

— Не только одну, а цѣлыхъ три, — отвѣчалъ уроженецъ Язигіи.

— Ты сегодня свободенъ. Пойдешь ли ты въ городъ?

— Да, я думаю.

— Тебя здѣсь не знаютъ, но это ничего. Возьми эти золотые. На одинъ изъ нихъ ты купишь на цвѣточномъ рынкѣ самый красивый букетъ, какой только найдешь, другой возьми себѣ и повеселись, а изъ того, что останется, найми за драхму осла. Погонщикъ довезетъ тебя до сада вдовы Пудента, въ которомъ находится домъ нѣкоей вдовы Ганны. Запомнишь ты эти имена?

— Да, запомню. Вдова Ганна, вдова Пудента.

— Въ маленькомъ домѣ, а не въ большомъ. Тамъ ты велишь передать цвѣты больной Селенѣ.

— Дочери толстаго управителя, на которую напалъ нашъ молоссъ?—съ любопытствомъ спросилъ Масторъ.

— Ей или другой—для тебя это все равно, — перебилъ его Антиной. — Если тебя спросятъ, кто прислалъ цвѣты, скажи только: другъ изъ дворца на Лохіи—и ничего больше. Понимаешь?

Рабъ утвердительно кивнулъ головой и тихо воскликнулъ:

— Значитъ, и ты тоже... Охъ, ужь эти женщины!

Антиной движеніемъ руки принудилъ Мостора къ молчанію, въ короткихъ выраженіяхъ еще разъ попросилъ его молчать и позаботиться о выборѣ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, а самъ отправился въ залу музъ отыскивать Поллукса. Черезъ него онъ зналъ, гдѣ находится ранненая Селена, мысль о которой не покидала его нигдѣ и ни на минуту.

Антиной не нашелъ ваятеля за перегородкой. Желаніе поговорить съ матерью привело Поллукса въ домикъ привратника и онъ стоялъ теперь передъ Доридой, съ оживленными жестами разсказывая ей чистосердечно все, что онъ пережилъ въ прошедшую ночь.

Разсказъ его звучалъ какъ торжественная, праздничная пѣснь, и когда онъ сталъ описывать, какъ увлекла его съ Арсиноей

ликующая толпа, старушка вскочила съ своего мѣста и радостно всплеснула своими маленькими, пухленькими руками.

— Вотъ это такъ веселье, вотъ это такъ радость!—воскликнула она.—Такъ и я носилась когда-то съ твоимъ отцомъ, лѣтъ тридцать тому назадъ.

— Какое—лѣтъ тридцать!—перебилъ ее Поллуксъ.—Я еще отлично помню, какъ во время великаго торжества въ честь Діонисія ты, увлеченная могуществомъ божества, съ козьей шкурой на плечахъ, неслась по улицѣ.

— То-то было хорошо, то-то было прекрасно!—восклицала Дорида съ блестящими глазами.—Но тридцать лѣтъ тому назадъ было еще лучше, право, лучше. Я ужь тебѣ однажды разсказывала, какъ мы съ нашей служанкой отправились на Канопскую улицу, чтобъ изъ дома моей тетки Архидики посмотрѣть на праздничное шествіе. Мнѣ было недалеко, потому что мы жили у самаго театра. Мой отецъ былъ тамъ смотрителемъ сцены, а твой—однимъ изъ главныхъ пѣвцовъ. Мы спѣшили, но толпа не давала намъ проходу и пьяные молодцы начали приставать ко мнѣ съ своими шутками.

— Вѣдь ты же и была хороша, какъ розанчикъ,—перебилъ ее сынъ.

— Какъ розанчикъ—пожалуй, но, конечно, не то, что твоя прелестная роза,—возразила старушка.—Настолько я все-таки была хороша, что переряженные молодцы, фавны и сатиры и даже циническіе льстецы въ разодранныхъ плащахъ считали за счастье посмотрѣть на меня, или даже получить ударъ по пальцамъ, пытаясь увлечь меня съ собой или поцѣловать. Мнѣ не было дѣла до ихъ красоты,—Эвфоріонъ уже обворожилъ меня своими огненными взглядами, не рѣчами, такъ какъ меня держали строго и ему ни разу не посчастливилось говорить со мною. На углу Канопской и Торговой улицъ мы должны были остановиться; тамъ собралась густая толпа, съ ревомъ и воемъ смотрѣвшая на неистовавшихъ клодонскихъ женщинъ, которыя, вмѣстѣ съ другими мэнадами, въ священной ярости раздирали зубами козла. Ужасъ охватилъ меня при видѣ этого зрѣлища, но я все-таки принуждена была глядѣть, крича и ликуя, наравнѣ съ остальными. Моей служанкой, къ которой я прижималась въ страхѣ, овладѣло общее бѣшенство и она втащила меня въ середину круга почти къ самой кровавой жертвѣ. Тутъ двѣ обезумѣвшія женщины бросились на насъ я чувствовала, какъ одна изъ нихъ

обхватила меня, стараясь повалить на землю. Это была страшная минута, но я защищалась храбро и еще стояла на ногахъ, когда подлѣ очутился твой отецъ, который освободилъ меня и увлекъ съ собой. Что было далѣе, я не могу и разсказать. Это былъ какой-то пестрый блаженный сонъ, во время котораго надо было, казалось, сдавливать сердце обѣими руками, чтобъ оно не разорвалось отъ счастья или не унеслось прямо на небо къ солнцу. Поздно вечеромъ вернулась я домой, а на слѣдующей недѣлѣ сдѣлалась женою Эвфоріона.

— Мы послѣдовали вашему примѣру,—сказалъ Поллуксъ.— И если Арсиноя будетъ похожа на мою старушку, я буду доволенъ.

— Будь веселъ и счастливъ,—возразила Дорида.—Будь здоровъ, гони отъ себя горе и заботы, исполняй по буднямъ свою обязанность, а въ праздникъ пей себѣ на здоровье въ честь божества; тогда все пойдетъ какъ нельзя лучше. Кто трудится по мѣрѣ силъ и наслаждается, сколько можетъ, тому нечего жалѣть о прожитыхъ дняхъ и нечего каяться на смертномъ одрѣ. Что нрошло, то прошло, и когда Атропосъ порѣжетъ нить, на наше мѣсто явятся другіе и веселье можетъ начинаться снова. Пусть боги благословятъ его и для нихъ.

— Твоя правда,—сказалъ Поллуксъ, обнимая мать.—И не правда ли, что вдвоемъ работается лучше и всякое наслажденіе чувствуешь полнѣе, чѣмъ въ одиночествѣ?

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь и ты выбралъ себѣ самую подходящую подругу,—воскликнула старушка.—Ты—ваятель и не избалованъ роскошью. Тебѣ не нужно богатой, а нужна красавица, которая ежедневно веселила бы твой взоръ, и такую именно ты и нашелъ.

— Красивѣй Арсинои нѣтъ,—перебилъ ее Поллуксъ.

— Еще бы, конечно, нѣтъ,—продолжала Дорида.—Сначала я имѣла въ виду Селену... И она, безспорно, хороша и можетъ служить примѣромъ для всякой дѣвушки. Но потомъ Арсиноя стала подростать и всякій разъ, какъ она проходила мимо, мнѣ думалось: пусть она ростетъ себѣ для моего молодца. Теперь, когда она твоя, мнѣ кажется, будто я опять сдѣлалась такой же молоденькой, какъ твоя возлюбленная. Старое сердце у меня въ груди бьется такъ весело, словно щекочатъ его эроты своими крыльями и розовыми пальчиками. Не будь мои ноги такъ тяжелы отъ вѣчнаго стоянія передъ очагомъ и корытомъ,—право, я подхватила бы сегодня подъ руку Эвфоріона и пошла бы съ нимъ плясать по улицѣ.

— А гдѣ же отецъ?

— Ушелъ. Онъ сегодня поетъ.

— Утромъ?... Гдѣ это?

— Есть какая-то секта, которая празднуетъ сегодня свои мистеріи. Они хорошо платятъ и онъ долженъ за это бормотать грустные напѣвы, спрятанный за завѣсой. Глупѣйшій вздоръ, изъ котораго онъ не понимаетъ ни единаго слова, а я такъ и ни полсловечка.

— Жаль, что его нѣтъ! Мнѣ бы надо съ нимъ поговорить.

— Онъ вернется не рано.

— Да время терпитъ.

— Тѣмъ лучше, а то я могла бы передать ему, что тебѣ надо.

— Твой совѣтъ такъ же хорошъ, какъ и его. Я хочу бросить свои занятія у Паппія и начать работать самостоятельно.

— Это отлично; римскій архитекторъ еще вчера говорилъ мнѣ, что для тебя открыта великая будущность.

— Дѣло только въ бѣдной сестрѣ и ея малюткахъ. Если первые мѣсяцы мнѣ придется терпѣть нѣкоторую нужду...

— Ну, ужь мы ей какъ-нибудь поможемъ. Настанетъ время, когда ты будешъ самъ пожинать то, что посѣешь.

— Такъ думаю и я, ради себя и ради Арсинои, если только Керавнъ...

— Да, съ нимъ придется выдержать не мало сраженій.

— И очень не легкихъ,—вздохнулъ Поллуксъ. —Мысль объ этомъ старикѣ омрачаетъ мое счастіе.

— Глупости!—воскликнула Дорида.—Къ чему напрасныя опасенія? Они такъ же гибельны, какъ грызущія сердце раскаянія. Устрой себѣ собственную мастерскую, создай съ радостнымъ сердцемъ что-либо великое, удиви вселенную, и я бьюсь объ закладъ, что старый дуралей самъ станетъ сердиться, что разбилъ ничтожную первую работу знаменитаго Поллукса и не сохранилъ ее въ своей коллекціи рѣдкостей. Пока вообрази себѣ, что онъ вовсе не существуетъ, и наслаждайся своимъ счастьемъ.

— Постараюсь, матушка.

— Еще одно, сынокъ.

— Что такое?

— Смотри, береги хорошенько Арсиною! Она молода и неопытна и ты не долженъ склонять ее ни къ чему, что бы не могъ посовѣтовать ей, будь она невѣстой твоего брата.

— Не успѣла Дорида произнести этихъ словъ, какъ на порогѣ привратницкой показался Антиной и передалъ Поллуксу требованіе архитектора Клавдія Венатора изъ Рима сопровождать его въ прогулкѣ по городу.

Ваятель медлилъ отвѣтомъ, потому что у него было еще порядочно работы во дворцѣ, а главное—онъ надѣялся въ теченіе дня снова увидѣть Арсиною. Какое удовольствіе могли доставить ему безъ нея день и вечеръ послѣ такого утра?

Дорида замѣтила колебаніе сына.

— Иди же,—воскликнула она.—Праздники сдѣланы для веселія. Архитекторъ можетъ вѣроятно дать тебѣ немало добрыхъ совѣтовъ и поговоритъ о тебѣ своимъ друзьямъ.

— Твоя мать права,—сказалъ Антиной.—Клавдій Венаторъ очень обидчивъ, но и столько же благодаренъ за оказанную ему услугу. Я желаю тебѣ добра...

— Ну, хорошо, я пойду,—перебилъ Поллуксъ императорскаго любимца; онъ и такъ чувствовалъ безотчетное влеченіе къ могущественной натурѣ Адріана, да и при всякихъ обстоятельствахъ находилъ довольно пріятнымъ повеселиться на праздникѣ.—Я пойду, но мнѣ нужно прежде сказать архитектору Понтію, что я намѣренъ на нѣсколько часовъ оставить свою работу.

— Это ужь предоставь Венатору,—возразилъ юноша.—Тебѣ придется раздобыться нарядами и масками, какъ можно позабавнѣе, для него, для меня и, если хочешь, для самого себя. Онъ хочетъ слѣдовать за праздничнымъ шествіемъ въ одеждѣ сатира, а мнѣ достань какой-нибудь другой нарядъ,—мнѣ все равно.

— Хорошо,—отвѣчалъ ваятель.—Я сейчасъ пойду и принесу все, что намъ надо. У насъ въ мастерской пропасть костюмовъ для праздника Діониса. Черезъ полчаса я буду здѣсь со всѣмъ этимъ хламомъ.

— Пожалуйста, поскорѣй,—просилъ Антиной;—хозяинъ мой не любитъ дожидаться. Но только вотъ что...

Говоря это, Антиной смутился и совсѣмъ близко подошелъ къ ваятелю.

— Венаторъ очень друженъ съ кесаремъ,—сказалъ онъ, тихо и убѣдительно, положивъ ему руку на плечо.—Будь остороженъ и говори ему объ Адріанѣ только хорошее.

— Развѣ твой хозяинъ шпіонъ кесаря?—спросилъ Поллуксъ, недовѣрчиво вглядываясь въ лицо юноши.—Понтій уже сдѣлалъ мнѣ подобное предостереженіе, и если это дѣйствительно такъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро прервалъ его Антиной,—ничего подобнаго не существуетъ, только оба они не имѣютъ другъ отъ друга тайнъ, а Венаторъ разговорчивъ и ничего не можетъ умолчать...

— Благодарю тебя! Я буду на-сторожѣ.

— Пожалуйста. Я искренно желаю тебѣ добра.

Виѳинянинъ съ выраженіемъ теплаго чувства на прекрасныхъ чертахъ и съ необычайно граціознымъ движеніемъ протянулъ художнику руку.

Ваятель горячо пожалъ ее, между тѣмъ какъ Дорида, старые глаза которой, какъ бы прикованные, слѣдовали за Антиноемъ, схватила сына за руку и взволнованнымъ голосомъ воскликнула:

— Что за красота! Священная, самими богами созданная, красота! Поллуксъ, милый, можно бы подумать, что одинъ изъ небожителей спустился на землю.

— Посмотри-ка на мою старушку,—засмѣялся художникъ.— Впрочемъ, правду сказать, другъ, она имѣетъ основаніе восторгаться и я ей сочувствую.

— Не выпускай его, не выпускай его,—вмѣшалась Дорида.— Если онъ позволитъ тебѣ вылѣпить свой бюстъ, тогда у тебя было бы съ чѣмъ выступить передъ свѣтомъ!

— Хочешь?—перебилъ Поллуксъ свою мать, обращаясь къ юношѣ.

— Я еще ни одному художнику не соглашался служить моделью, — возразилъ Антиной,—но для тебя охотно это сдѣлаю. Мнѣ только досадно, что и вы запѣли ту же вѣчную пѣснь, какъ и другіе. До свиданья,—мнѣ нужно возвратиться къ хозяину.

Съ этими словами юноша вышелъ изъ домика.

Дорида долго слѣдила за нимъ глазами.

— Стоитъ ли чего-нибудь художественное произведеніе или нѣтъ,—воскликнула она,—это я могу только чувствовать; но что красиво, это я знаю не хуже любой женщины въ Александріи. Если ты слѣпишь статую этого мальчика, то произведешь нѣчто такое, что приведетъ въ восхищеніе мущинъ и вскружитъ головы женщинамъ; на тебя такъ и посыпятся заказы. Вѣчные боги, я просто словно опьянѣла отъ восторга! Такая красота— это нѣчто божественное! Какъ жаль, что нѣтъ средства предохранить такое тѣло и такое лицо отъ старости и ея морщинъ...

— Я знаю такое средство, матушка, — сказалъ Поллуксъ, направляясь къ двери; — она называется искусствомъ и даетъ

возможность доставить безсмертную юность этому смертному Адонису.

Старуха съ родостною гордостью посмотрѣла вслѣдъ уходившему сыну, подтверждая слова его сочувственнымъ киваніемъ головы.

Пока она съ различными ласками кормила своихъ птицъ, позволяя особенно любимымъ клевать крошки у нея съ губъ, молодой ваятель огромными шагами спѣшилъ по улицамъ.

То бранныя слова, то восклицанія «ахъ» и «охъ» раздавались за нимъ въ толпѣ, когда онъ расчищалъ себѣ дорогу своимъ непомѣрно высокимъ туловищемъ и мощными руками, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что дѣлалось и говорилось вокругъ него. Мысли его были заняты Арсиноей, отчасти Антиноемъ и тѣмъ, въ какомъ положеніи, въ образѣ какого героя или бога всего лучше его изобразить.

На цвѣточномъ рынкѣ, недалеко отъ гимназіи, размышленія его были внезапно прерваны картиной, которая не замедлила привлечь къ себѣ его взоры, привыкшіе быстро подмѣчать все необычайное.

На очень маленькомъ, темнобуромъ ослѣ ѣхалъ высокій, хорошо одѣтый рабъ, держа въ правой рукѣ пышный букетъ цвѣтовъ необычайной красоты. Рядомъ съ нимъ въ дорогомъ вѣнкѣ, пестрой, богатой одеждѣ и съ комическою маской на лицѣ шелъ какой-то господинъ, за которымъ слѣдовали двое великановъ въ видѣ божества, покровителей садовъ, и четыре хорошенькихъ мальчика.

Въ рабѣ Поллуксъ тотчасъ же узналъ слугу архитектора Венатора; замаскированнаго человѣка онъ также, казалось ему, гдѣ-то видалъ, но гдѣ именно—не помнитъ, да и не особенно трудился припомнить.

Обогнавъ эту странную группу, Поллуксъ снова предался мыслямъ о другихъ, болѣе близкихъ его сердцу, предметахъ.

Масторъ не безъ причины имѣлъ такой озабоченный видъ: господинъ, разговаривавшій съ нимъ, былъ не кто иной какъ знатный преторъ Веръ, прозванный александрійцами коварнымъ эротомъ.

Сто разъ видавъ у кесаря его любимаго раба, онъ тотчасъ узналъ Мастора и вывелъ изъ его присутствія въ Александріи то простое и вѣрное заключеніе, что и повелитель его долженъ находиться въ городѣ.

— Ну, такъ говори же, и я пойду своей дорогой; если же ты хочешь продолжать молчать...

— Все дѣло только въ блѣдной дѣвушкѣ, на которую ты и не подумалъ бы взглянуть.

— Значитъ дѣвушка....

— Нашъ молоссъ повалилъ бѣдняжку на землю.

-- На улицѣ?

— Нѣтъ, тамъ, на Лохіи. Ея отецъ—дворцовый управитель Керавнъ.

— И ее зовутъ Арсиноей?—съ искреннимъ сожалѣніемъ спросилъ Веръ, хорошо помнившій прекраснаго ребенка, которому досталась роль Роксаны.

— Нѣтъ, ее зовутъ Селеной; Арсиноя, дѣйствительно, ея младшая сестра.

— Значитъ ты везешь этотъ букетъ на Лохію?

— Нѣтъ, она вышла и не могла идти; теперь она лежитъ больная въ чужомъ домѣ.

— Гдѣ?

— Я думаю, это для тебя безразлично.

— Вовсе и вовсе нѣтъ. Я прошу тебя сказать мнѣ все, что ты знаешь.

— Вѣчные боги, какое тебѣ дѣло до этого больнаго созданія?

— Никакого, но мнѣ нужно знать, куда ты ѣдешь.

— Къ морю. Я не знаю дома, но можно спросить у погонщика, который идетъ за мной...

— Далеко это отсюда?

— Съ полчаса пути,—отвѣтилъ тотъ.

— Да, разстояніе порядочное,—замѣтилъ Веръ.—И Адріанъ желаетъ остаться неузнаннымъ?

— Конечно.

— И ты, его любимый рабъ, котораго кромѣ меня знаетъ еще кое-кто изъ проживающихъ здѣсь римлянъ,—ты рѣшаешься проѣхать цѣлое получасовое разстояніе, обращая на себя всеобщее вниманіе этимъ громаднымъ букетомъ, по улицамъ, гдѣ теперь толпится все, что только имѣетъ ноги?! О, Масторъ, Масторъ, это не мудро съ твоей стороны!

Рабъ испугался. Сознавая правдивость замѣчанія Вера, онъ со страхомъ спросилъ:

— Но что же мнѣ дѣлать?

— Слѣзть съ этого осла,—возразилъ преторъ,—замаскироваться и веселиться въ свое удовольствіе на эти золотые.

— А букетъ?

— О немъ позабочусь я.

— Ты это сдѣлаешь, не правда ли, и не выдашь Антиною, къ чему ты меня принудилъ?

— Будь покоенъ.

— Вотъ тебѣ цвѣты, а золото я взять не могу.

— Ну, такъ я брошу его въ толпу. Лучше купи себѣ вѣнокъ, маску и вина, сколько ты можешь выпить. Гдѣ же мнѣ найти эту дѣвушку?

— У Ганны. Она живетъ въ маленькомъ домѣ въ саду вдовы Пудента. Тотъ, кто передастъ букетъ, долженъ сказать, что его посылаетъ другъ изъ дворца на Лохіи.

— Хорошо. Ступай теперь и старайся, чтобы никто тебя не узналъ. Я сохраню твою тайну и не премину упомянуть о другѣ изъ дворца на Лохіи.

Масторъ исчезъ въ толпѣ; Веръ передалъ букетъ одному изъ слѣдовавшихъ за нимъ гигантовъ и, со смѣхомъ вскочивъ на осла, приказалъ погонщику указывать себѣ дорогу.

На углу ближайшей улицы онъ встрѣтилъ двое носилокъ, носильщики которыхъ съ трудомъ расчищали себѣ путь черезъ толпу.

Въ первыхъ возсѣдалъ Керавнъ въ своемъ яркомъ шафранно-желтомъ плащѣ, толстый, какъ спутникъ Діониса, Силенъ, но съ угрюмымъ, нахмуреннымъ лицомъ. Изъ вторыхъ весело выглядывала Арсиноя, такая свѣтленькая и хорошенькая, что одинъ видъ ея заставилъ быстрѣе переливаться въ жилахъ пылкую кровь римлянина.

Ни о чемъ не заботясь, онъ взялъ изъ рукъ своего спутника назначенный для Селены букетъ и сказалъ, кладя его въ носилки дѣвушки:

— Александръ привѣтствуетъ красавицу Роксану.

Арсиноя покраснѣла, а Веръ, прослѣдивъ за ней нѣсколько минутъ глазами, приказалъ одному изъ своихъ мальчиковъ идти за носилками и затѣмъ вернуться на цвѣточный рынокъ, гдѣ онъ будетъ ожидать его, чтобъ узнать, куда она отправилась.

Посланный бросился вслѣдъ за Арсиноей, преторъ же, повернувъ осла, скоро достигъ полукруглой колоннады на тѣнистой сторонѣ большой площади, гдѣ хорошенькія дѣвушки про-

давали пестрый и благовонный товаръ лучшихъ садовниковъ и цвѣточныхъ торговцевъ города.

Сегодня всѣ лавочки были особенно завалены, но спросъ на вѣнки, зелень и цвѣты постоянно возрасталъ съ самаго утра, и хотя Веръ выбралъ и велѣлъ связать вмѣстѣ все, что было на рынкѣ лучшаго, тѣмъ не менѣе приготовленный для него букетъ вышелъ если и больше, то далеко не такъ красивъ, какъ тотъ, которымъ онъ такъ самовольно распорядился.

Это было досадно богатому римлянину.

Чувство справедливости заставило его постараться загладить чѣмъ-нибудь свою вину передъ больною дѣвушкой. Стебли соединенныхъ въ букетъ цвѣтовъ были перевязаны пестрыми лентами съ длинными, развѣвавшимися концами; Веръ вынулъ одну изъ пряжекъ своего плаща и прикрѣпилъ ее къ банту, украшавшему основаніе букета.

Только теперь преторъ остался доволенъ и, поглядывая на вдѣланный въ золотую оправу ониксъ, на которомъ вырѣзанъ былъ точащій стрѣлы амуръ, онъ съ удовольствіемъ размышлялъ о томъ, какъ рада будетъ возлюбленная прекраснаго виѳинянина этому изящному подарку.

Британскіе рабы его, наряженные садовыми божествами, получили приказаніе слѣдовать за погонщикомъ осла къ вдовѣ Ганнѣ, передать отъ имени друга изъ дворца на Лохіи букетъ Селенѣ и затѣмъ дожидаться претора передъ домомъ префекта Тиціана, такъ какъ маленькій быстроногій посланный принесъ извѣстіе, что туда направился Керавнъ съ своей хорошенькой дочерью.

Давка была такъ велика, что Веру понадобилось гораздо болѣе времени, чѣмъ ловкому мальчику, чтобы добраться до дома Тиціана.

Передъ префектурой онъ снялъ съ себя маску.

Въ передней, гдѣ дворцовый управитель дожидался, сидя на скамьѣ, возвращенія своей дочери, Веръ привелъ въ порядокъ волосы и складки своей тоги и велѣлъ везти себя къ Юліи, у которой надѣялся снова встрѣтить очаровательную Арсиною.

Но въ пріемной вмѣсто супруги префекта онъ засталъ свою жену и поэтессу Бальбиллу съ ея почтенной спутницей.

Весело, любезно, съ граціей, какъ всегда, привѣтствовалъ онъ женщинъ. Потомъ онъ пытливо и не скрывая своего разочарованія обвелъ глазами обширный покой.

Бальбилла подошла къ нему.

— Можно ли когда-нибудь разсчитывать на твою искренность, Веръ?—тихо спросила она.

— Если позволяютъ обстоятельства,—да.

— А на этотъ разъ они тебѣ это позволяютъ?

— Отчего же и нѣтъ!

— Такъ отвѣчай мнѣ откровенно: пожаловалъ ли ты сюда ради благородной Юліи, или ты пришелъ...

— Ну?

— Или ты ожидалъ, что застанешь у ней прекрасную Роксану?

— Роксану?—переспросилъ Веръ, серьезно взглянувъ на Бальбиллу, между тѣмъ какъ губы его лукаво улыбались.— Роксану?... Вѣдь такъ звали, кажется, жену Александра Великаго, которая уже давно умерла; я же интересуюсь только живыми, и если я оторвался отъ веселаго праздничнаго движенія на улицѣ, то это единственно и исключительно потому...

— Ты возбуждаешь мое любопытство.

— Только потому, что мое чуткое сердце шептало мнѣ, что я застану здѣсь тебя, моя прелестная Бальбилла.

— И это ты называешь честнымъ?—воскликнула поэтесса, ударяя претора по рукѣ своимъ вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ.—Послушай-ка, Луцилла, твой супругъ увѣряетъ, что пожаловалъ сюда ради меня.

Преторъ съ упрекомъ взглянулъ на Бальбиллу.

— Такъ наказываютъ обманщиковъ,—шепнула она ему и затѣмъ, возвысивъ голосъ, продолжала:

— Знаешь что, Луцилла?—Если я не выйду замужъ, такъ это будетъ по винѣ твоего мужа.

— Да, къ несчастію, я родился для тебя слишкомъ поздно,— перебилъ ее Веръ, отлично понявъ, что хотѣла сказать дѣвушка.

— Пожалуйста, не толкуй превратно моихъ словъ,—вскричала Бальбилла.—Развѣ можно отваживаться на вступленіе въ бракъ, если рискуешь получить мужа, подобнаго Веру?

— И какой же мущина,—возразилъ Веръ,—будетъ имѣть достаточно храбрости, чтобы соединить свою судьбу съ Бальбиллой, слыша, какъ она строго осуждаетъ безвреднаго почитателя красоты.

— Супругъ долженъ почитать не красоту вообще, а только ту женщину, которая называется его женой.

— Весталка!—засмѣялся Веръ.—Я накажу тебя, умолчавъ великую тайну, которая касается всѣхъ насъ. Нѣтъ, нѣтъ, я ее не выболтаю, но пожалуйста, жена, возьмись за нее хорошенько и научи ее снисходительности, чтобы будущему счастливому ея обладателю не пришлось уже слишкомъ тяжело.

— Снисходительности женщинъ учить нечего,—возразила Луцилла.—Къ несчастію, намъ часто приходится бывать снисходительными, когда нечего больше дѣлать и милые грѣшники вынуждаютъ насъ прощать то то, то другое.

Веръ отвѣсилъ женѣ своей глубокій поклонъ и поцѣловалъ ея руку.

— Гдѣ же Юлія?—спросилъ онъ потомъ.

— Она спасаетъ овечку отъ волка,—пошутила Бальбилла.

— Это ты какъ же прикажешь понимать?

— Какъ только доложили о тебѣ, она тотчасъ же увела маленькую Роксану въ какое-то потаенное мѣсто.

— Нѣтъ, нѣтъ,—прервала поэтессу Луцилла.—Во внутреннихъ покояхъ дожидаются портные, которые должны приготовить костюмъ для этого миленькаго ребенка. А вотъ взгляни-ка, какой очаровательный букетъ принесла она благородной Юліи. Что же, ты и мнѣ отказываешь въ правѣ услышать твою тайну?

— Помилуй, скрыть что-нибудь отъ тебя? Могу ли я?...

— Онъ, должно-быть, очень нуждается въ твоей снисходительности,—смѣялась Бальбилла.

Преторъ между тѣмъ подошелъ къ женѣ и шепотомъ передалъ ей то, что узналъ отъ Мастора.

Луцилла въ удивленіи всплеснула руками.

— Ты видишь теперь, какого удовольствія лишилъ тебя злой языкъ,—воскликнулъ преторъ, снова обращаясь къ поэтессѣ.

— Развѣ можно быть такимъ мстительнымъ, любезнѣйшій Веръ?—умоляла послѣдняя.—Я умираю отъ любопытства.

— Останься въ живыхъ еще нѣсколько дней, прекрасная Бальбилла,—возразилъ римлянинъ,—и причину твоей ранней погибели удастся, вѣроятно, устранить.

— Погоди же, я съумѣю отомстить,—воскликнула дѣвушка и погрозила претору пальцемъ.

Луцилла взяла ее подъ руку.

— Пойдемъ,—сказала она, удаляясь вмѣстѣ съ ней,—намъ пора помочь Юліи своимъ совѣтомъ.

— Идите,—крикнулъ имъ Веръ въ слѣдъ.—Мнѣ приходится заключить, что я никому не доставилъ удовольствія своимъ сегодняшнимъ посѣщеніемъ. Кланяйтесь благородной Юліи.

Уходя, онъ бросилъ взглядъ на букетъ, который Арсиноя, получивъ отъ него, такъ скоро подарила другой.

— Видно подходитъ старость и приходится научиться смиренію,—со вздохомъ пробормоталъ онъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава первая.

До самаго разсвѣта просидѣла Ганна у изголовья Селены, безъ устали перемѣняя компрессъ за компрессомъ на ногѣ и головѣ больной.

Старый врачъ нашелъ состояніе своей паціентки удовлетворительнымъ и разрѣшилъ вдовѣ прилечь немного отдохнуть, довѣривъ на нѣсколько часовъ уходъ за Селеной своей юной помощницѣ.

Оставшись наединѣ съ больной, Марія заботливо принялась за указанное ей дѣло.

— Ты была, значитъ, вчера на Лохіи?—сказала Селена, поворачиваясь къ ней лицомъ.—Разскажи мнѣ, что тамъ такое дѣлается. Кто провелъ тебя къ намъ и видѣла ли ты моихъ маленькихъ братьевъ?

— У тебя все еще порядочный жаръ и я, право, не знаю, слѣдуетъ ли тебя занимать разговоромъ; мнѣ-то, конечно, это доставило бы не малое наслажденіе.

Слова эти были произнесены ласковымъ, дружественнымъ голосомъ и глаза горбатой дѣвушки блестѣли такимъ добрымъ, задушевнымъ свѣтомъ.

Селена внушала ей не только участіе и состраданіе, но даже удивленіе,—такъ прекрасна была она, такъ мало походила на нее,—и при малѣйшей услугѣ, которую Марія оказывала больной, ей казалось, будто она—всѣми презираемая нищая, получившая дозволеніе ухаживать за какой-то царевной.

Никогда еще спина ея не казалась ей такой кривой, смуглое лицо ея—такимъ уродливымъ, какъ въ эту минуту, рядомъ съ этой такъ правильно, такъ нѣжно и очаровательно очерченной женскою фигурой.

Но Марія не испытывала и тѣни зависти. Она только чувствовала себя счастливой, что можетъ помогать Селенѣ, служить ей, любоваться на нее, хотя та и была язычницей.

И горячо же молилась она въ эту ночь, прося, чтобы Господь сжалился надъ этимъ прекраснымъ, добрымъ созданіемъ, послалъ страждущей исцѣленіе и наполнилъ ее тою любовью ко Христу, которая составляла счастіе ея собственной жизни.

Не разъ являлось у нея непреодолимое желаніе поцѣловать Селену, но она не смѣла,—ей чудилось, будто лежавшая передъ ней дѣвушка сотворена изъ какого-то болѣе тонкаго, болѣе совершеннаго вещества, чѣмъ она.

Селена чувствовала себя слабой, очень слабой. Когда боль утихала, она испытывала, однако, среди этой тихой, уютной обстановки благотворное чувство мира и отдыха, которое было для нея ново и чрезвычайно пріятно, несмотря на ея неотвязчивую думу и заботы о домашнихъ. Близость Ганны дѣйствовала на нее особенно отрадно; въ ея голосѣ ей слышались звуки, напоминавшіе голосъ матери, когда покойная, бывало, играла съ нею и нѣжно прижимала ее къ своему сердцу.

За рабочимъ столомъ на папирусной фабрикѣ видъ горбуньи производилъ на Селену отталкивающее впечатлѣніе, теперь же она замѣтила, какіе у нея добрые глаза и какой ласковый голосъ, а заботливость, съ которою Марія такъ осторожно,—словно руки ея испытывали мученіе, переносимое больной,—снимала и снова накладывала бинтъ на раненую ногу, вызывала благодарность въ дочери Керавна.

Сестра ея Арсиноя въ насмѣшку дала бѣдняжкѣ прозвище—«дѣвушка Терситъ», напоминавшее безобразнѣйшаго изъ осаждавшихъ Иліонъ эллиновъ, и Селена не разъ повторяла его за ней.

Теперь эта отвратительная кличка не приходила ей и въ голову.

— Лихорадка не можетъ быть сильна,—сказала она, отвѣчая на выраженное ея сидѣлкой опасеніе. — Если ты мнѣ разскажешь что-нибудь, я забуду объ этой несносной боли. Мнѣ такъ хочется домой. Ты видѣла дѣтей?

— Нѣтъ, Селена. Я дошла только до порога вашего жилища, потому что ласковая привратница предупредила меня, что отца твоего и сестры нѣтъ дома, а ваша рабыня ушла купить дѣтямъ лакомствъ.

— Купить?—удивленно переспросила Селена.

— Старушка сказала вмѣстѣ съ тѣмъ, что дорога къ вамъ ведетъ черезъ множество помѣщеній, гдѣ работаютъ рабы, и попросила своего сына, случайно находившагося тутъ, проводить меня. Но мы нашли дверь запертой и онъ предложилъ мнѣ передать то, что мнѣ нужно, его матери. Я это и сдѣлала, такъ какъ она показалась мнѣ такой умной и ласковой.

— Ты въ этомъ не ошиблась.

— И какъ же она тебя любитъ! Когда я разсказывала ей о твоихъ страданіяхъ, свѣтлыя слезы текли у нея по щекамъ и она хвалила тебя такъ искренно и съ такимъ сожалѣніемъ, словно свою собственную дочь.

— Но ты ничего не говорила о нашей работѣ на фабрикѣ?— испуганно спросила Селена.

— Конечно, нѣтъ. Вѣдь ты же просила меня молчать. Старушка поручила мнѣ передать тебѣ ея желаніе, чтобы ты поскорѣе поправилась.

Нѣсколько минутъ обѣ дѣвушки хранили молчаніе.

— А сынъ привратника, который провожалъ тебя,—заговорила потомъ Селена,—также слышалъ, какое несчастіе случилось со мной?

— Да. На пути къ вамъ онъ не переставалъ шутить, но когда я разсказала, что ты вышла съ пораненною ногой изъ дома и не можешь теперь вернуться, потому что очень больна, онъ вдругъ пришелъ въ гнѣвъ и началъ говорить богохульственныя рѣчи.

— Ты не помнишь ли, что онъ сказалъ?

— Всего не припомню, но вотъ это осталось у меня въ памяти. Онъ жаловался на своихъ боговъ, что они создаютъ прекрасное для того, чтобы самимъ же разрушить его; онъ даже бранилъ ихъ.

Говоря это, Марія опустила глаза, точно передавала что-то неприличное; Селена же напротивъ слегка покраснѣла отъ удовольствія и съ жаромъ выразила свое согласіе съ словами ваятеля.

— Онъ совершенно правъ,—сказала она:—тѣ, что тамъ на верху, только это и дѣлаютъ.

— Это нехорошо!—съ упрекомъ воскликнула горбунья.

— Что нехорошо?—спросила больная.—Вы здѣсь живете себѣ въ мирѣ и любви. Я запомнила многое изъ рѣчей Ганны во время нашей работы и теперь вижу, что она и поступаетъ

согласно своимъ словамъ. Къ вамъ боги, конечно, могутъ быть милостивы.

— Богъ милостивъ ко всѣмъ.

— Даже и къ тѣмъ, — воскликнула Селена съ пылающими глазами,—у которыхъ они отнимаютъ послѣднее счастіе? Даже къ семьѣ съ восемью дѣтьми, у которыхъ они похитили мать? Даже къ бѣднякамъ, у которыхъ они ежедневно угрожаютъ отнять кормильца?

— Даже и для тѣхъ есть милостивый Богъ,—перебила больную вошедшая въ комнату Ганна.—Я когда-нибудь покажу тебѣ добраго Отца на небесахъ, который заботится о всѣхъ насъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ; но не теперь... Теперь ты должна отдохнуть, не говорить и не слушать ничего такого, что бы могло волновать твою и безъ того уже разгоряченную лихорадкой кровь. Я снова поправлю тебѣ подушки подъ головой, Марія положитъ тебѣ новый компрессъ и ты постараешься заснуть.

— Я не могу,—возразила Селена, между тѣмъ какъ Ганна взбивала и осторожно перекладывала ея подушки.—Разскажи мнѣ о своемъ милостивомъ Богѣ.

— Потомъ, милое дитя, потомъ. Ищи Его и Онъ не оставитъ тебя, потому что изъ всѣхъ своихъ дѣтей Ему особенно дороги тѣ, которыя переносятъ страданія.

— Которыя переносятъ страданія?—удивленно спросила Селена.—Какое дѣло богамъ среди ихъ олимпійскихъ радостей до тѣхъ, кто мучается здѣсь?

— Тише, тише, милая!—съ успокоительнымъ жестомъ прервала ее вдова.—Ты скоро узнашь, какъ заботится о тебѣ Отецъ Небесный и какъ любитъ тебя Онъ.

Ганна остановилась, не рѣшаясь произнести, незнакомаго язычницѣ, имени Христа.

— Онъ?—прошептала Селена, и щеки ея покрылись румянцемъ.

Она думала о Поллуксѣ и спрашивала себя, почему, если онъ не любитъ ее, его такъ взволновало извѣстіе объ ея болѣзни.

Она принялась подыскивать извиняющія основанія для того, что слышала, проходя мимо перегородки ваятеля.

Еще ни разу не сказалъ онъ ей ясно, что любитъ ее,—почему же бы ему, художнику, веселому, полному жизни юношѣ, не пошутить съ хорошенькой дѣвушкой, даже если сердце его и принадлежитъ другой?

Нѣтъ, онъ не былъ къ ней вполнѣ равнодушенъ,—это она почувствовала въ ту ночь, когда служила ему моделью, и видѣла изъ разсказа Маріи; ей такъ хотѣлось этому вѣрить.

Чѣмъ долѣе думала она о немъ, тѣмъ болѣе стремилась душа ея къ нему, къ нему, котораго она любила съ самаго дѣтства.

Еще никогда не билось сердце ея для другаго мужчины; но съ тѣхъ поръ, какъ она снова встрѣтилась съ Поллуксомъ въ залѣ музъ, образъ его наполнялъ всю ея душу и то, что она испытывала теперь, было любовью, не могло быть ничѣмъ инымъ.

Не то на яву, не то во снѣ ей представлялось, будто онъ входитъ въ эту тихую комнату, садится у ея изголовья и смотритъ на нее своими добрыми глазами.

Ахъ, она не могла удержаться! Она должна была приподняться на постели, чтобы протянуть свои исхудалыя руки.

— Тише, дитя, тише!—просила Ганна.—Тебѣ вредно такъ много двигаться.

Селена открыла глаза, снова закрыла ихъ и долго грезила потомъ, пока громкіе голоса въ саду не вызвали ее внезапно изъ сладкаго забытья.

Ганна вышла изъ комнаты, голосъ ея слышался между голосами другихъ людей передъ домомъ и когда она вернулась къ больной, щеки ея были покрыты яркимъ румянцемъ и она не сразу нашла подходящія выраженія, чтобъ объяснить, въ чемъ дѣло.

— Какой-то очень высокій человѣкъ въ самомъ удивительномъ нарядѣ, — сказала она наконецъ, — требовалъ, чтобъ его пропустили къ намъ и добрался до дверей, несмотря на сопротивленіе сторожа. Онъ спрашивалъ тебя.

— Меня?—переспросила Селена, краснѣя.

— Да, дитя мое. Онъ принесъ очень большой, замѣчательно красивый букетъ цвѣтовъ и сказалъ, что другъ изъ дворца на Лохіи велитъ тебѣ кланяться.

— Другъ изъ дворца на Лохіи?—задумчиво прошептала Селена.—Глаза ея радостно заблистали и она быстро спросила:

— Ты говоришь, что человѣкъ, принесшій букетъ, былъ очень высокаго роста?

— Да, очень высокаго.

— О, пожалуйста, Ганна, — воскликнула Селена, стараясь приподняться,—дай мнѣ взглянуть на цвѣты!

— У тебя есть женихъ, дитя мое?—спросила вдова.

— Женихъ? Нѣтъ, но тамъ есть молодой человѣкъ, съ которымъ намъ всегда позволяли играть, когда мы были дѣтьми, художникъ, добрый такой, и этотъ букетъ, конечно, отъ него.

Ганна съ участіемъ посмотрѣла на больную и сдѣлала знакъ Маріи.

— Букетъ очень великъ,—сказала она.—Ты можешь на него посмотрѣть, но оставлять его здѣсь нельзя,—запахъ отъ такого количества цвѣтовъ можетъ тебѣ, пожалуй, повредить.

Марія встала съ своего сидѣнья у изголовья больной и съ вопросительнымъ взглядомъ шепнула ей на ухо:

— Высокій сынъ привратника?

Селена съ улыбкою кивнула головой и, когда женщины удалились, она перемѣнила положеніе, легла на спину, прижала лѣвую руку къ сердцу и съ глубокимъ вздохомъ подняла глаза кверху. Въ ушахъ ея звенѣло, въ потемнѣвшихъ глазахъ мелькали пестрые, блестящіе, причудливые образы. Ей стало тяжело дышать; ей казалось, что вдыхаемый ею воздухъ пропитанъ благоуханіемъ цвѣтовъ.

Марія и Ганна принесли громадныхъ размѣровъ букетъ.

Глаза Селены заблистали ярче, и она, исполненная удивленія, всплеснула руками. Потомъ, попросивъ показать ей прелестный, разноцвѣтный подарокъ то съ той, то съ другой стороны, она прижалась лицомъ къ цвѣтамъ и украдкой поцѣловала при этомъ нѣжный лепестокъ роскошнаго, полураскрывшагося розана. На нее нашло какое-то опьяненіе и свѣтлыя слезы медленно текли по ея щекамъ.

Марія первая обратила вниманіе на булавку, воткнутую въ ленту у основанія букета. Она вынула ее и показала Селенѣ, которая быстро выхватила ее у нея изъ рукъ. Все болѣе и болѣе краснѣя, больная такъ и впилась глазами въ вырѣзанную на камнѣ фигурку точащаго свои стрѣлы Эрота. Она не ощущала болѣе никакой боли, она вдругъ какъ бы совершенно выздоровѣла и вся сіяла весельемъ, гордостью и блаженствомъ.

Марія съ безпокойствомъ замѣтила ея возрастающее волненіе.

— Ну, теперь довольно, дочь моя,—сказала она ей, сдѣлавъ въ то же время знакъ Маріи.—Мы поставимъ букетъ на окно, чтобы ты могла его видѣть.

— Такъ скоро?—съ сожалѣніемъ спросила Селена и вынула изъ пестрой массы нѣсколько фіялокъ и розъ.

Оставшись одна, она положила цвѣты возлѣ себя и стала съ любовью разсматривать рѣзьбу на дорогой пряжкѣ.

Это, безъ сомнѣнія, была работа рѣзчика Тевкра, брата ея Поллукса.

Какъ тонка, какъ художественна была рѣзьба, какъ умно избранъ художникомъ сюжетъ! Только тяжелая золотая оправа безпокоила ее,—вѣдь уже много лѣтъ она только и дѣлала, что считала и пересчитывала небольшія деньги, нужныя для хозяйства.

Со стороны бѣднаго молодаго человѣка, на которомъ лежала обязанность содержать сестру, было несправедливо входить для нея въ такіе расходы.

Это однако не умаляло радости, доставленной ей его подаркомъ; вѣдь и ей, при ея крошечныхъ средствахъ, ничто не показалось бы слишкомъ дорогимъ для него. Впослѣдствіи она успѣетъ научить его бережливости.

Съ большимъ трудомъ уставивъ передъ окномъ букетъ, женщины возвратились къ ея постели и, не разговаривая съ ней, перемѣнили компрессы. Да и самой ей не хотѣлось говорить; она съ такимъ наслажденіемъ погружалась въ свои радужныя мечты и глаза ея, куда ни глядѣли, всюду находили что-либо пріятное: цвѣты у нея на постели, букетъ у окна, булавка въ ея рукѣ, доброе лицо Ганны и, наконецъ, даже некрасивыя черты Маріи, которая стала теперь ея подругой и повѣренной. Марія вѣдь знала Поллукса и съ нею можно было говорить о немъ.

Селена не узнавала самое себя. Прежде въ ней царила зима, теперь наступила весна; прежде въ ней была ночь, теперь день; сердце ея, окаменѣвшее было для жизни, походило на садъ, начинающій зеленѣть и цвѣсти отъ живительнаго дыханія весны. Прежде ей бывало трудно понять безпечную веселость Арсинои и дѣтей,—она даже сердилась и останавливала ихъ, когда этой веселости не предвидѣлось конца, сегодня она съ неменьшимъ увлеченіемъ предалась бы такой же радости.

Бѣдное прекрасное созданіе! Съ какимъ блаженствомъ глядѣла она на букетъ у окна и не подозрѣвала, что его прислалъ не тотъ, кого она любила, а другой, до котораго ей было еще меньше дѣла, чѣмъ до христіанъ, бродившихъ туда и сюда подъ ея окномъ, въ саду вдовы Пудента! Она лежала, полная нѣги и любви, остававшейся безъ отвѣта, увѣренная въ обладаніи сердцемъ человѣка, который и не думалъ о ней и только нѣ-

сколько часовъ тому назадъ, опьяненный радостью и счастьемъ, увлекалъ въ вихрѣ пляски ея сестру.

Бѣдная Селена!

Теперь сонъ ея былъ полонъ такихъ счастливыхъ, безмятежныхъ грезъ, но минуты бѣжали за минутами и съ каждой изъ нихъ приближалось ея пробужденіе, и какое пробужденіе!...

Отецъ ея не зашелъ къ ней, какъ намѣревался, передъ тѣмъ, какъ отправиться съ Арсиноей въ префектуру.

Желаніе представить дитя свое матронѣ Юліи въ достойной ея происхожденія одеждѣ отняло у него не мало времени и все-таки ему не удалось достигнуть своей цѣли.

Всѣ ткацкія мастерскія и магазины были закрыты, такъ какъ рабочіе, рабы и торговцы принимали участіе въ торжествѣ. Часъ, назначенный префектомъ, уже приближался, а дочь Керавна все еще сидѣла въ носилкахъ въ своемъ дешевомъ бѣломъ платьѣ и простенькомъ, отороченномъ голубою лентой, пеплумѣ, который при дневномъ свѣтѣ выглядывалъ еще печальнѣе, чѣмъ вечеромъ.

Букетъ, полученный Арсиноей отъ Вера, доставлялъ ей не малое удовольствіе; дѣвушкамъ всегда нравятся красивые цвѣты, вѣроятно потому, что между тѣми и другими есть родственныя черты.

Когда Керавнъ съ дочерью приблизились къ префектурѣ, Арсиноей овладѣлъ страхъ, а отецъ ея едва могъ скрыть свою досаду, что долженъ ввести ее къ Юліи въ такой простой одеждѣ. Мрачное настроеніе его духа нисколько не прояснилось, когда его заставили дожидаться въ передней, пока Юлія съ женою Вера и Бальбиллой выбирали для Арсинои чудесно раскрашенныя дорогія матеріи изъ тончайшей шерсти, шелка и нѣжной бомбиксовой пряжи. Этого рода занятія имѣютъ ту особенность, что требуютъ тѣмъ болѣе времени, чѣмъ болѣе имѣется на-лицо помощницъ. Такимъ образомъ управитель долженъ былъ подчиниться своей участи и прождать болѣе двухъ часовъ въ передней, все болѣе и болѣе наполнявшейся посѣтителями.

Наконецъ, Арсиноя вернулась, вся раскраснѣвшаяся, съ головой, занятой блестящими вещами, которыя приготовлялись для нея.

Отецъ ея медленно поднялся съ своей скамьи. Въ ту минуту, какъ Арсиноя готова была броситься ему на шею, дверь отворилась и на порогѣ показался Плутархъ, какъ всегда, опираясь на свои живые костыли, съ вѣнкомъ на головѣ, украшенной дорогими цвѣтами, которые въ изобиліи выглядывали изъ складокъ его тоги.

Всѣ поднялись при его приближеніи и Керавнъ, увидѣвъ, что первый богачъ города, человѣкъ стариннаго рода, кланяется ему, счелъ за нужное сдѣлать то же.

Глаза Плутарха были, казалось, гораздо моложе его ногъ и тамъ, гдѣ можно было видѣть хорошенькихъ женщинъ, зрѣніе его оказывалось особенно проницательнымъ.

Уже на порогѣ замѣтилъ онъ Арсиною и замахалъ ей обѣими руками, словно старый добрый знакомый.

Прелестный ребенокъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Въ болѣе молодые годы онъ не пожалѣлъ бы ничего, чтобы добиться ея благосклонности; теперь съ него было достаточно и того, еслибы молодая дѣвушка находила пріятнымъ для себя его расположеніе.

По своему обыкновенію онъ велѣлъ подвести себя прямо къ ней, нѣсколько разъ прикоснулся рукою къ ея локтю и весело сказалъ:

— Ну, милѣйшая Роксана, хорошо ли распорядилась Юлія насчетъ наряда?

— О, онѣ выбрали такія прекрасныя, такія великолѣпныя вещи!—возразила дѣвушка.

— Правда?—проговорилъ Плутархъ. Онъ въ это время что-то обдумывалъ и не желалъ, чтобъ она это замѣтила.—Такъ выбрали? Какже имъ было не выбрать...

Мытое и перемытое платье Арсинои бросилось старику въ глаза.

Торговецъ рѣдкостями Габиній приходилъ къ нему поутру, чтобы вывѣдать, не принадлежитъ ли Арсиноя въ дѣйствительности къ числу работницъ на его фабрикѣ, и чтобы повторить ему, что отецъ ея—бѣдный, тщеславный чудакъ, котораго пресловутыя рѣдкости не болѣе какъ ничего не стоющій хламъ. Плутархъ вспомнилъ объ этомъ и быстро задалъ себѣ вопросъ, какъ ему уберечь свою хорошенькую любимицу отъ завистливыхъ языковъ ея соперницъ, такъ какъ нѣкоторые, полные ненависти, толки этихъ послѣднихъ уже успѣли достигнуть его ушей.

— За что ни примется достойная Юлія, все выходитъ на славу, — громко сказалъ онъ и потомъ полушепотомъ продолжалъ. — Послѣ завтра, когда золотыхъ дѣлъ мастера снова откроютъ свои лавки, мы посмотримъ, не найдется ли у нихъ что-нибудь подходящаго для тебя.—Однако, я сейчасъ упаду. Поднимите меня выше, Антэй и Атласъ! Вотъ такъ. Не правда ли,

дитя, такъ я кажусь моложе? Этотъ толстый господинъ, позади тебя, твой отецъ?

— Да.

— У тебя нѣтъ матери?

— Она умерла.

— О!...—проговорилъ Плутархъ тономъ соболѣзнованія.

Потомъ онъ обратился къ управителю:

— Позволь мнѣ поздравить тебя съ такою дочерью, Керавнъ. Я слышу, что ты долженъ замѣнять ей мать.

— Къ несчастію, да, благородный Плутархъ! Бѣдная жена моя была похожа на нее. Со времени ея смерти я веду печальную жизнь.

— Но мнѣ говорили, что ты утѣшаешься собираніемъ прекрасныхъ рѣдкостей. Мы раздѣляемъ съ тобой любовь къ этому занятію. Не рѣшишься ли ты разстаться съ кубкомъ моего тезки, Плутарха? По словамъ антикварія Габинія, это замѣчательная вещь.

— Правда, что замѣчательная,—съ гордостью возразилъ управитель.—Подарокъ, сдѣланный философу императоромъ Траяномъ. Прекрасная рѣзьба на слоновой кости. Мнѣ, конечно, тяжело разстаться съ этой драгоцѣнностью, но...—здѣсь онъ понизилъ голосъ.—Я тебѣ обязанъ за то, что ты принимаешь такое участіе въ моей дочери, и, чтобъ отдарить тебѣ, я съ удовольствіемъ...

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи,—перебилъ его Плутархъ, который, зная людей, тотчасъ же увидалъ по напыщенному тону управителя, что антикварій не безъ основанія уличалъ его въ глупомъ тщеславіи.

— Ты оказываешь мнѣ честь,—продолжалъ богачъ,—дозволяя мнѣ принять посильное участіе въ украшеніи нашей Роксаны. Я попрошу тебя прислать мнѣ кубокъ. Само собою разумѣется, я заранѣе согласенъ на всякую цѣну, которую тебѣ вздумается назначить.

Керавнъ въ продолженіе минуты боролся съ самимъ собой.

Не будь ему до такой степени нужны деньги, не будь желанія его видѣть за собой на улицѣ новаго, болѣе представительнаго раба, такъ горячо и непреоборимо, онъ настоялъ бы на томъ, чтобы Плутархъ принялъ отъ него кубокъ въ подарокъ; теперь же онъ только переминался, смотрѣлъ въ землю и, наконецъ, сказалъ нерѣшительно, безъ всякаго слѣда прежней самоувѣренности:

— Я остаюсь твоимъ должникомъ, но ты, какъ кажется, желаешь не смѣшивать этого дѣла съ другими. Что же, пусть будетъ по-твоему! За мечъ Антонія, которымъ я обладалъ, мнѣ дали двѣ тысячи драхмъ...

— Въ такомъ случаѣ, — перебилъ его Плутархъ, — кубокъ моего тезки, подарокъ Траяна, стоитъ вдвое дороже, въ особенности для меня, такъ какъ я прихожусь родственникомъ великому мужу. Позволишь ли ты мнѣ предложить тебѣ четыре тысячи драхмъ за твое сокровище?

— Желая сдѣлать тебѣ угодное, я соглашаюсь,—возразилъ управитель съ достоинствомъ и сжалъ при этомъ мизинецъ стоявшей подлѣ него Арсинои. Рука этой послѣдней уже давно прикасалась къ его рукѣ, чтобы побудить его остаться при первомъ своемъ намѣреніи подарить, а не продать кубокъ Плутарху.

Когда толстякъ и его хорошенькая дочь покинули переднюю, Плутархъ съ лукавой улыбкой посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

«Отлично,—думалъ онъ. — Какъ мало удовольствія доставляетъ мнѣ въ сущности мое богатство! Какъ часто, встрѣчая здороваго носильщика тяжестей, хотѣлось бы мнѣ помѣняться съ нимъ участью; но сегодня все-таки было хорошо, что я могу тратить, сколько хочу. Какое очаровательное дитя! Для людей ей, понятно, необходимо новое платье; но, правду сказать, красотѣ ея нисколько не вредило даже это полинялое тряпье. И вѣдь она отчасти принадлежитъ мнѣ, потому что я видѣлъ ее на фабрикѣ между клеильщицами; это я хорошо помню.

Керавнъ съ своей дочерью вышли между тѣмъ на улицу.

За воротами префектуры онъ не могъ удержаться, чтобы не разсмѣяться и не потрепать дочери по плечу.

— Я же говорилъ тебѣ, дѣвочка, — началъ онъ, обращаясь къ ней,—мы еще разбогатѣемъ, мы снова поднимемся и ни въ чемъ не будемъ отставать отъ остальныхъ гражданъ.

— Да, отецъ, но именно потому, что ты такъ увѣренъ въ этомъ, ты бы могъ собственно подарить кубокъ старому господину.

— Нѣтъ,—возразилъ Керавнъ.—Дѣло дѣломъ; но впослѣдствіи я вдесятеро отплачу ему за все, что онъ для тебя дѣлаетъ, моею картиною Апеллеса. Благородной Юліи мы подаримъ украшенный двумя рѣзными камнями ремень, который сохранился отъ сандаліи, принадлежавшей Клеопатрѣ.

Арсиноя опустила глаза, такъ какъ она знала, какую цѣну имѣли эти сокровища.

— Объ этомъ мы еще подумаемъ послѣ,—сказала она.

Они усѣлись затѣмъ въ ожидавшія ихъ носилки, обходиться безъ которыхъ Керавнъ уже считалъ теперь ниже своего достоинства, и велѣли нести себя къ саду вдовы Пудента.

Радужные сны Селены были прерваны ихъ появленіемъ.

Керавнъ отнесся къ вдовѣ Ганнѣ съ ледяною холодностью, ибо ему доставляло удовольствіе давать чувствовать свое презрѣніе ко всему, что было связано съ именемъ Христа.

Онъ выразилъ ей свое сожалѣніе о томъ, что обстоятельства принудили Селену остаться у нея.

— Ей здѣсь все-таки лучше, чѣмъ на улицѣ, — отвѣчала на это вдова.

На замѣчаніе Керавна, что онъ не любитъ одолжаться и заплатитъ ей за ея попеченіе о его дочери, Ганна сказала:

— Мы охотно дѣлаемъ для твоего ребенка, что можемъ, и другой Отецъ воздастъ намъ за наши труды.

— Вотъ этого я ужь никакъ не допущу,—воскликнулъ управитель въ негодованіи.

— Мы не понимаемъ другъ друга,—ласково объяснила христіанка.—Я говорю не о какомъ-либо смертномъ человѣкѣ и награда, къ которой мы стремимся, не деньги и не земное имущество, а радостное сознаніе, что намъ удалось уменьшить мученія страдалицы.

Керавнъ пожалъ плечами и собрался уходить, приказавъ Селенѣ спросить врача, когда ее можно будетъ перенести домой.

— Я ни минуты не оставлю тебя здѣсь долѣе, чѣмъ будетъ положительно необходимо,—сказалъ онъ съ такой настойчивостью, будто дѣло шло о томъ, чтобы вырвать ее изъ зачумленнаго дома, затѣмъ поцѣловалъ ее въ голову, съ пренебреженіемъ, словно подавая милостыню, поклонился Ганнѣ и вышелъ, не дослушавъ увѣреній Селены, что ей очень хорошо у доброй вдовы.

Ему положительно не сидѣлось на мѣстѣ и деньги обременяли его карманъ; теперь ихъ было вполнѣ довольно для покупки новаго приличнаго раба. Можетъ-быть ихъ хватило бы и настолько, чтобы, прибавивъ къ суммѣ стараго Зебека, пріобрѣсти представительнаго грека, способнаго обучить дѣтей его грамотѣ и письму,—на внѣшность новаго слуги онъ намѣревался обратить преимущественное вниманіе; если рабъ окажется ученымъ, то этимъ, думалось ему, можно будетъ извинить высокую цѣну, которую онъ предполагалъ заплатить за него.

Приближаясь къ рынку, гдѣ продавались невольники, Керавнъ, не безъ умиленія надъ добротою своего отеческаго сердца, тихо проговорилъ:

— Все для чести дома, все для однихъ дѣтей!

Арсиноя, между тѣмъ, воспользовавшись его позволеніемъ, осталась у Селены. Отецъ долженъ былъ захватить ее на обратномъ пути.

Послѣ ухода управителя, Ганна и Марія оставили сестеръ съ глазу на глазъ, предполагая, что имъ будетъ пріятнѣе переговорить о многомъ безъ свидѣтелей.

— Какъ скоро онѣ вышли,—сказала Арсиноя.

— У тебя румяныя щеки, Селена, ты смотришь веселой. Ахъ, и я также, я такъ счастлива, такъ счастлива!

— Потому что ты изображаешь Роксану?

— Да, и это очень хорошо, и кто же подумалъ бы вчера, что мы будемъ сегодня такъ богаты!

— Мы?

— Да. Отецъ продалъ двѣ вещи изъ своего хлама за шесть тысячъ драхмъ.

— О!—вскрикнула Селена и слабо захлопала въ ладоши.— Значитъ можно уплатить самые настоятельные долги.

— Конечно; но это еще далеко не все.

— Какъ не все?

— Съ чего бы мнѣ начать? Ахъ, Селена, сердце мое такъ полно! Я устала, но все-таки могла бы плясать, пѣть и бѣсноваться всю ночь напролетъ и даже завтрашній день. Когда я думаю о своемъ счастіи, у меня кружится голова и мнѣ кажется, что я должна держаться за что-нибудь, чтобы не упасть. Ты еще не знаешь, что дѣлается съ тѣмъ, кого поразила стрѣла Эрота. Пойми ты, я люблю Поллукса, такъ люблю его и онъ любитъ меня!

Вся кровь отхлынула мгновенно, при этихъ словахъ, отъ щекъ Селены. Наступило минутное молчаніе. Потомъ изъ поблѣднѣвшихъ устъ ея вырвались чуть внятныя слова:

— Поллуксъ?... Сынъ Эвфоріона? Ваятель Поллуксъ?

— Да, да. Нашъ милый, добрый, долговязый Поллуксъ,— восклицала Арсиноя.—Навостри только свои уши и я разскажу тебѣ, какъ все это случилось. Сегодня ночью, на пути къ тебѣ, онъ признался мнѣ, какъ сильно меня любитъ, и теперь... теперь ты должна посовѣтовать мнѣ, какъ намъ добиться согла-

сія отца, и какъ можно скорѣе. Впослѣдствіи-то онъ, конечно, согласится, потому что Поллуксъ можетъ все, что только захочетъ, и когда-нибудь станетъ великъ, такъ великъ, какъ Паппій, Аристей и Неалкъ, взятые вмѣстѣ. Что касается до юношеской шалости съ этой безобразной каррикатурой... Но какъ ты вдругъ ужасно поблѣднѣла Селена.

— Это ничего, право, ничего. Мнѣ неможется. Разсказывай дальше,—проговорила Селена.

— Ганна просила меня не давать тебѣ много говорить.

— Только разсказывай все, я буду лежать спокойно!

— Вѣдь ты также уже видѣла прекрасную головку матушки, которую онъ вылѣпилъ,—начала опять Арсиноя.—Около нея-то мы и свидѣлись и наговорились другъ съ другомъ въ первый разъ послѣ долгаго времени, и тамъ я тотчасъ же почувствовала, что на всемъ бѣломъ свѣтѣ, сколько ни ищи, не найдешь человѣка милѣе его. Тамъ и онъ влюбился въ меня—глупую дѣвушку. Вчера вечеромъ онъ провожалъ меня сюда къ тебѣ. Когда я ночью возвращалась съ нимъ подъ руку по улицамъ, вдругъ... вдругъ... О, Селена, какъ это было хорошо, какъ славно, ты не можешь этому повѣрить!... Тебѣ вѣрно очень больно ногу, бѣдняжка,—у тебя слезы на глазахъ...

— Дальше, разсказывай дальше.

И Арсиноя исполнила ея желаніе. Она не пощадила несчастную и не скрыла ничего, что могло расширить и углубить ея сердечную рану.

Вся полная сладкихъ воспоминаній, она описала мѣсто на улицѣ, гдѣ въ первый разъ поцѣловалъ ее Поллуксъ, кустарники въ саду, въ тѣни которыхъ она упала въ его объятія, восхитительную прогулку при лунномъ свѣтѣ, пестрыя, стремившіяся на праздникъ толпы людей и, наконецъ, какъ, объятые божественнымъ жаромъ, они вслѣдъ за процессіей неслись по улицамъ. Со слезами на глазахъ призналась она затѣмъ, какъ тяжела была минута разставанія; потомъ, внезапно разсмѣявшись, разсказала о томъ, какъ застрявшій у нея въ волосахъ плющевый листокъ чуть не выдалъ всего Керавну. Безъ конца говорила она и для нея было что-то опьяняющее въ ея собственной рѣчи.

Какъ эта рѣчь дѣйствовала на Селену, этого Арсиноя не замѣчала.

Могла ли она догадаться, что ея слова, а не боль, причиняемая вывихомъ и раною, вызывали судорожныя подергиванья въ чертахъ ея сестры?

Когда беззаботная дѣвушка стала распространяться о великолѣпныхъ нарядахъ, которые были заказаны для нея Юліей, больная почти не слушала ее; но она снова встрепенулась, когда услыхала о томъ, сколько предложилъ богатый Плутархъ за кубокъ изъ слоновой кости, и о намѣреніи отца промѣнять стараго раба на молодаго и расторопнаго.

— Нашъ добрый, черный, ободранный аистъ, конечно, имѣетъ довольно печальный видъ,—сказала Арсиноя.—Но мнѣ все-таки жаль разстаться съ нимъ. Еслибъ ты была дома, отецъ еще, можетъ-быть, и раздумалъ.

Селена сухо засмѣялась и презрительная улыбка искривила ей ротъ.

— Что же, продолжайте, продолжайте! — сказала она.—Вы еще, вѣроятно, заведете колесницу и лошадей за два дня передъ тѣмъ, какъ васъ вытолкають на улицу.

— Ты всегда разсчитываешь на самое худшее,—съ недовольнымъ видомъ возразила Арсиноя. — Увѣряю тебя, что все устроится гораздо прекраснѣе, лучше и пріятнѣе, чѣмъ мы ожидаемъ. Когда у насъ будетъ побольше денегъ, мы снова выкупимъ себѣ нашего старика и будемъ кормить его, пока не умретъ.

Больная пожала плечами. Сестра ея со слезами на глазахъ вскочила съ своего мѣста.

Она такъ было радовалась, что сообщитъ Селенѣ о томъ, какъ она счастлива, твердо убѣжденная, что разсказъ ея, подобно солнечному лучу послѣ ночнаго мрака, освѣтитъ и согрѣетъ душу больной.

И что же?—сестра отвѣчала ей только насмѣшками и пожиманіемъ плечъ.

Если другъ отказывается наслаждаться съ нами нашимъ счастіемъ, это оскорбляетъ и огорчаетъ не менѣе, какъ его измѣна намъ въ несчастіи.

— Ты только и умѣешь, что отравлять мнѣ всякую радость!—воскликнула Арсиноя.—Я знаю, что бы я ни сдѣлала, все будетъ не по тебѣ; но вѣдь мы все-таки сестры и тебѣ, кажется, не слѣдовало бы скрежетать зубами, упорно молчать и пожимать плечами, когда я разсказывала такія вещи, которымъ порадова-

лись бы со мною даже чужія дѣвушки, еслибъ я захотѣла имъ довѣриться. Ты такая холодная и безсердечная! Чего добраго, ты, пожалуй, еще нажалуешься на меня отцу, ты передашь...

Арсиноя не окончила фразы,—до такой степени страдальческимъ и вмѣстѣ испуганнымъ взглядомъ посмотрѣла на нее Селена.

— Я не могу радоваться, мнѣ такъ больно,—прошептала больная.

При этихъ словахъ слезы потекли по ея впалымъ щекамъ.

Какъ только Арсиноя это увидѣла, ею овладѣло чувство состраданія, она нагнулась надъ сестрой и поцѣловала ее въ лобъ, потомъ еще и еще разъ.

Селена отстранила ее отъ себя и жалобнымъ, слабымъ голосомъ сказала:

— Оставь меня, прошу тебя! Уйди отсюда,—я не могу этого болѣе выносить,—и она съ рыданіемъ повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

Арсиноя попробовала еще разъ подойти къ ней съ нѣжною лаской, но больная еще раздраженнѣе оттолкнула ее и громко, съ отчаяніемъ въ голосѣ, закричала:

— Я умру, если ты не оставишь меня одну!

Тогда счастливая дѣвушка, ласки которой были отвергнуты ея единственною подругой, съ плачемъ направилась къ дверямъ, чтобы на дворѣ дожидаться возвращенія своего отца.

Перемѣняя высохшіе компрессы, Ганна замѣтила, что Селена только-что плакала, но она сочла за лучшее не спрашивать о причинѣ ея слезъ.

Къ вечеру вдова объявила взятой ею на попеченіе дѣвушкѣ, что онѣ оставятъ ее на полчаса одну, потому что она и Марія должны пойти вмѣстѣ съ своими братьями и сестрами помолиться и за нее своему Богу.

— Перестань, пожалуйста,—сказала Селена,—молитвою ничему не поможешь; боговъ-то вовсе не существуетъ.

— Боговъ?—возразила Ганна.—Боговъ, конечно, нѣтъ, но есть одинъ добрый, любвеобильный Отецъ на небесахъ, котораго и ты скоро узнаешь.

— Я знаю его,—пробормотала больная съ ѣдкою насмѣшкой.

Оставшись одна, она приподнялась на своей постели и швырнула на другой конецъ комнаты все еще лежавшіе возлѣ нея цвѣты; потомъ стала до тѣхъ поръ вертѣть и гнуть булавку, предназначенную для прикрѣпленія пряжки, пока та не перело-

милась; оправленный въ золото рѣзной камень упалъ между стѣною и постелью, но дѣвушка даже не пошевельнулась, чтобы поднять дорогое украшеніе.

Устремивъ безжизненный взглядъ на потолокъ, она долго оставалась безъ движенія.

Наступила ночь.

Лиліи и жимолостный цвѣтъ въ огромномъ букетѣ у окна начали пахнуть сильнѣе и ароматъ, который они распространяли по комнатѣ, немилосердно дѣйствовалъ на ея обостренныя горячечнымъ волненіемъ чувства. Съ каждымъ глоткомъ воздуха ощущала она этотъ запахъ и не проходило мгновенія, чтобъ онъ не напоминалъ ей мучительно о ея разрушенномъ счастіи и неизлѣчимой сердечной ранѣ. Благоуханіе цвѣтовъ сдѣлалось для нея невыносимѣе ѣдкаго дыма; бѣдняжка натянула себѣ на голову одѣяло, старалась избавиться отъ этой новой муки, но вскорѣ она принуждена была откинуть его снова, такъ какъ ей казалось, что она задохнется подъ нимъ совсѣмъ.

Странное, не имѣющее себѣ подобнаго безпокойство овладѣло дѣвушкой; больная нога ея мучительно ныла, рана казалась вся въ огнѣ, кровь съ силой ударяла въ виски и растягивала мускулы надъ глазами.

Каждый нервъ въ ея слабомъ тѣлѣ, каждая мысль, мелькавшая у ней въ головѣ, вызывали новыя страданія; Селена чувствовала себя безъ опоры, безъ защиты, отданною на произволъ жестокихъ силъ, терзавшихъ ея душу, подобно бурѣ, яростно касающейся вершины пальмъ.

Безъ слезъ, не въ силахъ болѣе лежать на одномъ и томъ же мѣстѣ и испытывая при малѣйшемъ движеніи жгучую боль, вся въ жару, не имѣя силы собраться съ мыслями и все-таки твердо увѣренная въ томъ, что запахъ цвѣтовъ на окнѣ, которымъ она вынуждена была дышать, отравитъ ее, погубитъ окончательно, лишитъ разсудка,—она свѣсила съ постели больную ногу, спустила за ней другую и сѣла на своемъ ложѣ, забывъ и свои страданія, и предостереженія врача.

Длинные, распущенные волосы, спустившись ей на лицо, покрывали обнаженныя руки, которыми она подпирала голову.

Послѣ того, какъ дѣвушка такимъ образомъ перемѣнила положеніе, дѣятельность ея ума и сердца приняла иное направленіе.

Взоръ, тупо устремленный на землю, казался окаменѣлымъ; горькая вражда къ сестрѣ, ненависть къ Поллуксу, презрѣніе

къ жалкимъ слабостямъ отца и къ собственному своему ослѣпленію—бушевали, оспаривая другъ у друга мѣсто, въ ея душѣ.

На дворѣ, снаружи, царили миръ и тишина и изъ дома въ глубинѣ сада, гдѣ жила вдова Пудента, доносились по временамъ чистые звуки благочестивыхъ напѣвовъ. Селена не обращала на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Когда же гонимый легкимъ вечернимъ вѣтеркомъ, проникавшимъ черезъ окно, тотъ же запахъ цвѣтовъ сильнѣе прежняго пахнулъ ей въ лицо, она крѣпко вцѣпилась пальцами себѣ въ волосы и рванула ихъ съ такою силой, что принуждена была громко вскрикнуть отъ боли, которую причинила сама себѣ.

Ей внезапно представился вопросъ, неужели коса ея менѣе пышна и прекрасна, чѣмъ коса сестры, и какъ молнія, прорѣзывающая ночныя облака, въ омраченной душѣ ея блеснуло желаніе этою же рукой, которая только-что причинила ей такую боль, этою же рукой за волосы пригнуть Арсиною къ землѣ.

О, этотъ запахъ, этотъ ужасный запахъ!

Она не въ состояніи была выносить его долѣе.

Не помня, что дѣлаетъ, она ступила на холодный полъ своею не пораненною ногой, маленькими, крошечными шагами, съ жалобнымъ воемъ дотащилась до окна и опрокинула на землю букетъ вмѣстѣ съ большою кружкою изъ обожженной глины, въ которой онъ стоялъ. Сосудъ разбился, а еще недавно заплатила за него бѣдная Ганна съ такимъ трудомъ сбереженныя трудовыя деньги.

Стоя на одной ногѣ, Селена прислонилась, чтобъ отдохнуть, къ косяку окна; здѣсь она слышала яснѣе, чѣмъ на своей постели, рокотъ морскихъ волнъ, дробившихся о выложенный каменными плитами берегъ за домикомъ ея доброй хозяйки.

Къ этимъ звукамъ дитя Лохіи привыкло съ самаго младенчества, но никогда еще ревъ и удары о камни влажной, холодной стихіи не производилъ на нее такого дѣйствія, какъ теперь.

Жаръ въ крови увеличивался, нога горѣла, голова была горяча, какъ раскаленное желѣзо; словно медленнымъ огнемъ сжигала ненависть ея душу и въ каждомъ ударѣ волны она слышала, казалось ей, все тотъ же призывъ:

«Холодная, влажная, я могу погасить пламя, пожирающее тебя; я могу утолить твою жажду и освѣжить тебя».

Что могла предложить ей земля, кромѣ новой муки и новаго несчастія? А море, синее, темное море? Оно было такъ необъятно,

такъ холодно и глубоко и волны его своимъ пѣвучимъ, таинственнымъ голосомъ, казалось, обѣщали ей сразу избавить ее и отъ горячечнаго жара, и отъ бремени жизни...

Селена не думала, не разсуждала,—она забыла и о дѣтяхъ, которымъ такъ долго замѣняла мать, и объ отцѣ, котораго была опорой и почти покровителемъ. Какіе-то глухіе голоса въ ея душѣ нашептывали, что міръ отвратителенъ и жестокъ, что это— обитель скорби и заботъ, вѣчно грызущихъ сердце.

Бѣдной дѣвушкѣ мерещилось, будто она погрузилась до самыхъ висковъ въ вихрь свирѣпствующаго вокругъ нея пламени. Какъ несчастную, на которой загорѣлись одежды, ее влекло къ водѣ. Тамъ, на днѣ морскомъ, она могла надѣяться найти осуществленіе своего самаго страстнаго желанія—прекрасную, холодную смерть, въ объятіяхъ которой она уже ничего не будетъ чувствовать.

Качаясь изъ стороны въ сторону, съ громкими стонами пробралась она черезъ дверь въ садъ и, сжимая обѣими руками виски, потащилась, хромая, по направленію къ морю.

Глава вторая.

Жители Александріи отличались неподвижностью шеи.

Только явленіе рѣзко выдѣлявшееся изъ массы обыкновеннаго, ежедневнаго, могло заставить ихъ повернуть голову и остановить на немъ вниманіе; а между тѣмъ не мало удивительнаго можно было видѣть ежечасно на улицахъ ихъ города.

Сегодня и подавно всякій думалъ только о себѣ и о своемъ веселіи.

Особенно красивая, стройная или роскошно одѣтая фигура вызывала то быстро исчезавшую улыбку, то одобрительные возгласы; но, едва успѣвъ насладиться этимъ зрѣлищемъ, жадный до новизны глазъ уже искалъ другаго.

Такимъ образомъ никто не обращалъ особеннаго вниманія на Адріана и его спутниковъ, которые, не сопротивляясь, двигались по улицамъ среди шумнаго народнаго потока; каждый изъ троихъ представлялъ однако нѣчто въ своемъ родѣ замѣчательное. Адріанъ былъ одѣтъ Силеномъ, Поллуксъ—фавномъ.

На обоихъ были маски и изобранные ими костюмы шли одинаково хорошо какъ къ стройному, гибкому юношѣ, такъ и къ мощной, богатырской фигурѣ пожилаго мужа подлѣ него.

Антиной слѣдовалъ за своимъ повелителемъ въ видѣ Эрота. На немъ былъ красноватаго цвѣта плащъ и вѣнокъ изъ розъ, а серебряный колчанъ за спиною и лукъ въ рукѣ служили указаніемъ на то, какого бога желалъ изображать юноша.

Хотя и онъ былъ въ маскѣ, тѣмъ не менѣе фигура его останавливала на себѣ многіе взоры и неоднократно ему вслѣдъ раздавались восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ: «да здравствуетъ любовь!» или: «будь милостивъ ко мнѣ, прекрасный сынъ Афродиты!»

Всѣ необходимыя для этихъ костюмовъ вещи Поллуксъ взялъ изъ кладовой своего учителя Паппія.

Этого послѣдняго не было дома, но спрашивать его позволенія казалось молодому человѣку совершенно излишнимъ, потому что какъ онъ, такъ и другіе помощники Паппія не разъ пользовались этими вещами для подобныхъ же цѣлей свѣдома самого хозяина.

Только доставая необходимый для Антиноя колчанъ Поллуксъ почувствовалъ минутное колебаніе, такъ какъ вещь эта была изъ чистаго серебра и подарена его учителю женою какого-то богатаго хлѣбнаго торговца, которую онъ изваялъ изъ мрамора въ видѣ Артемиды на охотѣ.

«Изъ прекраснаго спутника римскаго архитектора выйдетъ восхитительный Эротъ, — подумалъ художникъ, кладя этотъ дорогой предметъ вмѣстѣ съ другими вещами въ корзинку, которую онъ поручилъ нести своему косоглазому подмастерью.—Колчанъ ему необходимъ. Къ тому же эта безполезная утварь еще до солнечнаго восхода будетъ опять висѣть на своемъ старомъ крюкѣ».

Впрочемъ, Поллуксу не доставало времени любоваться прелестною фигурой такъ удачно наряженнаго имъ бога любви, ибо архитекторъ изъ Рима, котораго онъ велъ, былъ воодушевленъ такою жаждою знанія и такимъ, доходящимъ до мелочей, любопытствомъ, что родившійся въ Александріи и съ малолѣтства привыкшій къ наблюдательности молодой человѣкъ очень часто принужденъ былъ оставлять безъ отвѣта неутомимаго вопрошателя.

Сѣдобородый архитекторъ все хотѣлъ видѣть, обо всемъ узнать.

Недовольствуясь осмотромъ главныхъ улицъ и площадей, общественныхъ садовъ и построекъ, онъ заглядывалъ даже въ болѣе или менѣе красивые частные дома и освѣдомлялся объ имени, званіи и состояніи ихъ владѣльцевъ. Точность, съ которою онъ объяснялъ, по какой дорогѣ и куда желаетъ идти, доказы-

вала Поллуксу, что спутникъ его хорошо знакомъ съ расположеніемъ города.

Когда мудрый почтенный старикъ выражалъ свое одобреніе и восхищался широкими, чистыми улицами, обширными площадями и замѣчательно-величественными зданіями, въ которыхъ дѣйствительно не было недостатка, — это радовало юнаго, любящаго свой родной народъ, александрійца.

Сперва Адріанъ велѣлъ провести себя вдоль морскаго берега, черезъ Брухіумъ, къ храму Посейдона, передъ которымъ сотворилъ молитву. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ сады, окружавшіе царскіе дворцы, и дворы сосѣдняго музея.

Кесареумъ съ своими воротами въ египетскомъ вкусѣ возбудилъ въ немъ такое же удивленіе, какъ и огромный городской театръ, обнесенный аркадами въ нѣсколько ярусовъ и украшенный со всѣхъ сторонъ многочисленными статуями.

Оттуда, взявъ лѣвѣе, онъ снова направился къ морю, чтобы взглянуть на корабельную верфь, цѣлый лѣсъ мачтъ въ гавани Эвноста и прекрасно вымощенныя набережныя.

Мостъ Гептастадіума остался направо. Гавань Киботъ, кишившая маленькими торговыми лодками, задержала путниковъ только на нѣсколько минутъ.

Повернувшись здѣсь спиною къ морю, они двинулись по одной изъ ведущихъ къ театру города улицъ и пересѣкли кварталъ Ракетисъ, гдѣ жили одни египтяне и гдѣ римлянину довелось увидѣть много интереснаго.

Навстрѣчу ему и его спутникамъ попалась праздничная процессія, состоявшая изъ жрецовъ, которые служили богамъ Нильской долины. Жрецы эти несли ящики съ священными предметами, священную утварь, изображеніе боговъ и животныхъ и отправлялись въ Серапеумъ, высоко возносившійся надъ сосѣдними улицами. Адріанъ не послѣдовалъ за ними туда, а остался посмотрѣть на колесницу, въѣзжавшую по проѣзжей дорогѣ на холмъ, гдѣ находилось святилище, и на пѣшеходовъ, поднимавшихся по устроенной для нихъ высокой лѣстницѣ. Эта послѣдняя расширялась кверху и оканчивалась площадкой, на которой четыре огромныя колонны поддерживали живописный куполъ. Необозримы были строенія храма, возвышавшагося съ своими залами, переходами и жилищами жрецовъ за этимъ гигантскимъ балдахиномъ.

Жрецы въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ, тощіе, полунагіе египтяне съ своими сборчатыми фартуками и платками на головахъ,

изваяніе звѣрей и чудесно раскрашенные дома въ этомъ кварталѣ совершенно поглотили вниманіе Адріана и вызвали со стороны его множество вопросовъ, на которые Поллуксъ не зналъ что отвѣчать.

Все болѣе и болѣе удаляясь отъ моря, императоръ дошелъ до Мареотійскаго озера, лежащаго въ самой южной части города.

Нильскія суда и лодки разной величины и формы стояли на якорѣ въ этихъ обширныхъ и глубокихъ водахъ. Здѣсь ваятель показалъ кесарю каналъ, по которому товары, провезенные въ Александрію рѣкой, доставлялись на морскіе корабли. Также и на роскошныя виллы и хорошо воздѣланные виноградники на берегу озера обратилъ онъ вниманіе римлянина.

— Тѣло этого города,—сказалъ Адріанъ,—конечно, должно толстѣть, такъ какъ у него два желудка и два рта, которыми онъ принимаетъ пищу: я говорю о морѣ и объ этомъ озерѣ.

— И о гаваняхъ обоихъ?—прибавилъ Поллуксъ.

— Именно. Но однако пора возвращаться,—возразилъ Адріанъ, и они скоро вышли на улицу, ведущую на востокъ.

Не останавливаясь, миновали они болѣе тихія улицы, гдѣ жили христіане, и вышли, наконецъ, въ еврейскій кварталъ. Тутъ многіе дома были заперты и не видно было и слѣда праздничнаго веселья, наполнявшаго кварталы язычниковъ. Строго вѣрующіе между израильтянами держались совершенно въ сторонѣ отъ торжествъ этого веселаго дня, въ которыхъ большинство ихъ единовѣрцевъ, жившихъ среди эллиновъ, принимали однако участіе.

Въ третій разъ пересѣкъ Адріанъ съ своими спутниками Канопскую улицу, которая, будучи главной торговою артеріей города, раздѣляла его на сѣверную и южную половины; ему хотѣлось еще разъ съ вершины холма Панеума обозрѣть видѣнныя имъ отдѣльныя части во взаимной связи и совокупности.

Окружавшій эту возвышенность, хорошо содержимый, садъ былъ полонъ народа, а извилистая дорога, поднимавшаяся къ вершинѣ, кишила женщинами и дѣтьми, спѣшившими взглянуть на самое блестящее дневное зрѣлище, за которымъ вечеромъ должны были слѣдовать представленія во всѣхъ театрахъ.

Прежде чѣмъ кесарь съ своими спутниками достигъ Панеума, въ толпѣ началась сильная давка и послышались крики: «они идутъ!» «Сегодня начинается рано!» «Вотъ они!» Ликторы съ связками прутьевъ за плечами расчищали своими дубинками широкую дорогу отъ префектуры въ Брухіумѣ и мимо Панеума, не

обращая вниманія на насмѣшки и остроты, сыпавшіяся на нихъ, гдѣ бы они ни показались.

Какая-то женщина, которую римскій стражъ общественнаго спокойствія оттѣснилъ назадъ, презрительно сказала:

— Эй ты! подари-ка мнѣ свои розги для моихъ дѣтей и не безпокой ими мирныхъ гражданъ.

— Между прутьями топоръ,—съ улыбкой предостерегъ говорившую египетскій писарь.

— Давай его сюда,—воскликнулъ мясникъ,—онъ пригодится мнѣ, чтобы бить быковъ. Римляне покраснѣли отъ гнѣва при этихъ словахъ, но префектъ, хорошо знавшій своихъ александрійцевъ, уже напередъ приказалъ имъ быть глухими, то-есть все видѣть и ничего не слышать.

Но вотъ показалась когорта двѣнадцатаго, расположеннаго лагеремъ въ Египтѣ, гарнизона въ блестящемъ, праздничномъ вооруженіи.

За нею шли въ два ряда особенно видные изъ себя ликторы, съ вѣнками на головахъ.

Далѣе темнокожіе египтяне вели нѣсколько сотъ дикихъ звѣрей, леопардовъ и пантеръ, жираффъ, газелей, антилоппъ и оленей. Потомъ при звукахъ тамбуриновъ, лиръ и двойныхъ флейтъ показался богато разодѣтый и украшенный пестрыми вѣнками Діонисовскій хоръ. Наконецъ, появился запряженный десятью слонами и двадцатью бѣлыми лошадьми, громадный, сверху до низу вызолоченный корабль на колесахъ, долженствовавшій изображать судно, на которомъ тирренскіе морскіе разбойники, по преданію, похитили юнаго Діониса, увидавъ этого прекраснаго смолекудраго юношу въ пурпуровыхъ одеждахъ на морскомъ берегу. Но злодѣямъ,—такъ гласило далѣе преданіе,—суждено было не долго наслаждаться своею добычей, ибо едва достигли они открытаго моря, какъ удручавшія божество оковы распались, виноградныя вѣтви, быстро и роскошно разрастаясь, опутали паруса и обвили руль и весла, виноградныя грозди тяжело повисли на канатахъ и пышный плющъ затянулъ мачту, скамьи и стѣны судна. На сушѣ и на морѣ Діонисъ одинаково могуществененъ. На разбойничьемъ кораблѣ онъ принялъ образъ льва. Пираты, объятые ужасомъ, бросились въ море и, обращенные въ дельфиновъ, поплыли за потеряннымъ ими судномъ.

Именно такое судно, какъ изображаютъ его гомеровскіе гимны, и приказалъ изготовить изъ легкаго матеріала и богато разукра-

сить префектъ Тиціанъ, чтобы доставить александрійцамъ привлекательное зрѣлище и, разъѣзжая на немъ съ супругой и знатнѣйшими изъ римскихъ спутниковъ императрицы, полюбоваться на праздничную толкотню и веселье на главныхъ улицахъ города.

И старъ и малъ, вельможа и бѣднякъ, мужчины и женщины, греки, римляне, евреи, египтяне, иноземцы, блѣднолицые и темнокожіе, съ гладкими и съ курчавыми волосами — всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ тѣснились по краямъ улицъ, чтобы видѣть этотъ блестящій корабль.

Адріанъ, любившій всякія зрѣлища гораздо болѣе своего юнаго, равнодушнаго ко всему любимца, протѣснился въ передній рядъ. Въ то время, какъ Антиной, стараясь не отставать отъ него, также пробивался черезъ толпу, какой-то греческій мальчишка, котораго тотъ оттѣснилъ, сорвалъ маску съ его лица, присѣлъ къ землѣ и ускользнулъ вмѣстѣ съ своею добычей.

Когда Адріанъ обернулся, чтобы посмотрѣть, гдѣ виѳинянинъ, корабль, на которомъ между статуями императора и императрицы стоялъ префектъ и сидѣли Юлія, Бальбилла съ своей спутницей и другіе римляне и римлянки, былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Проницательный глазъ кесаря тотчасъ же узналъ всѣхъ и онъ испугался, какъ бы не выдало его открытое лицо Антиноя.

— Обернись и спрячься въ толпѣ,—крикнулъ онъ своему любимцу.

Послѣдній тотчасъ же исполнилъ это приказаніе. Радуясь, что ему удалось уйти отъ давки, которая была для него невыносима, онъ сѣлъ на скамью и, мечтательно опустивъ глаза на землю, задумался о Селенѣ и о посланномъ ей букетѣ,—такъ задумался, что вскорѣ забылъ о всемъ его окружавшемъ.

Когда разукрашенный корабль префекта покинулъ садъ Панеума и повернулъ на Канопскую улицу, толпа плотною массой съ криками устремилась за нимъ.

Какъ потокъ, во время ненастья съ ревомъ выходящій изъ береговъ, толпа эта, шумя и постоянно увеличиваясь, увлекала съ собой даже тѣхъ, кто не имѣлъ намѣренія за нею слѣдовать.

Этой участи должны были подчиниться Адріанъ и Поллуксъ.

Только на широкой Канопской улицѣ удалось имъ остановиться.

Необозримо длинная колоннада ограничивала справа и слѣва мостовую и тянулась, какъ и сама знаменитая улица, отъ одного

конца города къ другому. Здѣсь насчитывались сотни коринѳскихъ колоннъ, поддерживавшихъ потолки назначенныхъ для пѣшеходовъ галлерей. У одной-то изъ нихъ кесарь и Поллуксъ и остановились въ утомленіи, чтобы перевести духъ.

Первою заботой Адріана было отыскать своего любимца. Боясь снова попасть въ толпу, онъ попросилъ ваятеля найти и привести къ нему Антиноя.

— Ты подождешь меня здѣсь?—спросилъ Поллуксъ.

— Бываютъ и болѣе удобныя мѣста для отдыха,—со вздохомъ замѣтилъ Адріанъ.

— Безъ сомнѣнія,—возразилъ художникъ.—Къ счастью, вотъ эта высокая, обвитая плющомъ дверь, напротивъ насъ, ведетъ въ харчевню, которой сами боги остались бы довольны.

— Ну, такъ я буду ждать тебя тамъ.

— Только я совѣтую тебѣ не ѣсть особенно много, потому что «Олимпійская Трапеза» коринѳянина Ликорта—самая дорогая гостиница во всемъ городѣ. Тамъ только и бываютъ, что богачи первой руки.

— Хорошо, хорошо,—засмѣялся Адріанъ.—Купи только новую маску моему помощнику и возвращайся съ нимъ поскорѣе. Я, надо надѣяться, не обѣднѣю, если заплачу за обѣдъ для насъ троихъ. Для праздника можно позволить себѣ что-нибудь и лишнее.

— Только не раскайся потомъ,—возразилъ ваятель.—За кружкою вина и чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ такой верзила, какъ я, можетъ раззорить кого угодно.

— Покажи, не стѣсняясь, на что ты способенъ,—крикнулъ кесарь вслѣдъ уходившему.—Я и безъ того у тебя въ долгу за блюдо капусты, приготовленное твоей матушкой.

Пока Поллуксъ разыскивалъ виѳинянина въ саду Панеума, императоръ вошелъ въ первую гостиницу славившагося своими поварами города.

Помѣщеніе, въ которомъ угощалось большинство посѣтителей этого заведенія, состояло изъ обширнаго открытаго двора, который съ трехъ сторонъ окруженъ былъ крытыми галлереями. Въ этихъ галлереяхъ разставлены были диваны, на которыхъ гости возлежали по одиночкѣ, по два или большими группами. Прислуживавшіе рабы, хорошенькіе, изящно одѣтые мальчики съ курчавыми волосами, разставляли передъ ними на маленькихъ низенькихъ столикахъ яства и напитки.

Здѣсь раздавалась веселая болтовня, а тамъ какой-нибудь гастрономъ молча предавался наслажденію искусно приготовленными блюдами; здѣсь большой кружокъ обѣдающихъ былъ, казалось, гораздо болѣе занятъ бесѣдою, нежели ѣдою и питьемъ, тамъ же изъ расположенныхъ за галлереями боковыхъ комнатъ слышались музыка и пѣніе, прерываемыя по временамъ несдержаннымъ хохотомъ мущинъ и женщинъ.

Кесарь потребовалъ особенную комнату, но всѣ были уже заняты и его попросили немного подождать, такъ какъ одно изъ боковыхъ помѣщеній должно было скоро освободиться.

Онъ снялъ маску, и хотя ему нечего было особенно бояться быть узнаннымъ въ виду своего костюма, тѣмъ не менѣе онъ избралъ наименѣе видное мѣсто въ галлереѣ, находившейся въ задней части двора, гдѣ уже начинало темнѣть отъ наступавшихъ сумерекъ.

Тамъ онъ сначала спросилъ себѣ вина и нѣсколько устрицъ, въ видѣ закуски. Истребляя ихъ, онъ въ то же время подозвалъ къ себѣ одного изъ главныхъ слугъ и переговорилъ съ нимъ объ обѣдѣ, который надо было подать черезъ нѣсколько времени для него и двухъ его товарищей.

Во время этого разговора самъ хлопотливый хозяинъ приблизился къ новому гостю и, увидавъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, хорошо знакомымъ со всѣми тонкостями кулинарнаго искусства, остался подлѣ него, съ вѣжливой предупредительностью отвѣчая на многочисленные распросы Адріана.

И точно, на этомъ дворѣ и въ этихъ галлереяхъ было немало такого, что должно было возбуждать охоту распрашивать въ самомъ любопытномъ и самомъ любознательномъ человѣкѣ своего времени.

Передъ глазами гостей, среди просторнаго помѣщенія, приготовлялись на плитахъ и очагахъ, на вертелахъ и въ духовыхъ печахъ, заказываемыя рабамъ кушанья.

На большихъ чистыхъ столахъ стряпали повара и ограниченный веревками, открытый для всѣхъ взоровъ, театръ ихъ дѣятельности былъ окруженъ рынкомъ, маленькимъ, но за то занятымъ самыми изысканными припасами.

Въ живописномъ порядкѣ красовались здѣсь всѣ роды овощей, производимые почвой Египта и Греціи, безукоризненные плоды всякихъ цвѣтовъ и величинъ и испеченные румяные пирожки. Тѣ изъ послѣднихъ, которые были съ мясомъ, рыбой и канопскими

устрицами, приготовлялись въ самой Александріи; другіе же, начиненные фруктами и цвѣточными лепестками, привозились изъ Арсинои на берегу Мерисскаго озера, жители которой особенно успѣшно занимались садоводствомъ. Мясные продукты всякаго рода лежали и висѣли въ особомъ мѣстѣ. Тутъ были сочные окорока изъ Кирены, итальянская колбаса и разсѣченные на части туши недавно убитаго скота. Рядомъ имѣлся богатый выборъ дичи, а особенно большое пространство занято было садками, въ которыхъ плавали благороднѣйшіе жители нильскихъ водъ вмѣстѣ съ дорогими муренами и другими рыбами, привозимыми съ итальянскихъ береговъ. Александрійскіе раки, устрицы и лангусты сохранялись свѣжими въ особыхъ сосудахъ. Копченые товары изъ Мендеса и мѣстности вокругъ Мерисскаго озера висѣли на металлическихъ прутьяхъ, а въ закрытомъ, но доступномъ для воздуха пространствѣ, лежали, защищенныя отъ солнца, только-что пойманныя рыбы изъ Средиземнаго и Краснаго морей.

Каждому посѣтителю «Олимпійской Трапезы» представлялось выбирать здѣсь самому мясо, плоды, спаржу, рыбу или паштеты, которые онъ желалъ имѣть приготовленными по тому или иному способу.

Хозяинъ Ликортъ указалъ императору на пожилаго человѣка, выбиравшаго на этомъ живописно убранномъ дворѣ сырые продукты для ужина, который онъ вечеромъ давалъ своимъ друзьямъ.

— Все это прекрасно, все это превосходно,—замѣтилъ Адріанъ,—но комары и мухи, привлекаемые разставленными тамъ припасами, просто невыносимы. Кромѣ того, запахъ кухни не мало портитъ наслажденіе трапезой.

— Въ боковыхъ помѣщеніяхъ лучше,—извинялся хозяинъ.— То, которое обѣщано тебѣ, сейчасъ очистится. За стѣной, позади тебя, здѣшніе софисты Деметрій и Панкратъ угощаютъ нѣсколькихъ важныхъ господъ изъ Рима, кажется, риторовъ, философовъ или что-то въ этомъ родѣ. Посмотри-ка, ужь начинаютъ зажигать лампы, а вѣдь они пируютъ и спорятъ съ самаго завтрака. Вотъ выходятъ гости изъ сосѣдней комнаты,—хочешь ты занять ее?

— Да,—отвѣчалъ кесарь.—Если высокій такой молодой человѣкъ будетъ спрашивать архитектора Клавдія Венатора изъ Рима, веди его ко мнѣ.

— Значитъ архитекторъ, а не философъ или риторъ,—сказалъ хозяинъ, внимательно вглядываясь въ императора.

— Это Силенъ-то—философъ?...

— О! бываютъ дни, когда и тѣ два друга, что ораторствуютъ тамъ, ходятъ полунагіе, съ продранными плащами на тощихъ плечахъ. Сегодня ихъ угощаетъ богатый Іосифъ.

— Іосифъ?... Вѣрно еврей, а какъ онъ храбро убираетъ ветчину!

— Въ Киренѣ было бы побольше свиней, еслибы не существовало израильтянъ. Они въ этомъ такіе же греки, какъ и мы, и ѣдятъ все, что вкусно.

Адріанъ вошелъ въ освободившуюся комнату, прилегъ на диванъ у перегородки, отдѣлявшей это помѣщеніе отъ сосѣдняго и поторопилъ рабовъ, которые убирали опорожненную его предшественниками и облѣпленную мухами посуду. Оставшись одинъ, онъ сталъ прислушиваться къ разговору, который вели между собою Фаворинъ, Флоръ и ихъ гостепріимные греческіе друзья.

Двухъ первыхъ онъ зналъ хорошо и отъ его тонкаго слуха не ускользнуло ни одного слова изъ того, что они говорили.

Фаворинъ тонкимъ голосомъ, но плавнымъ, пѣвучимъ, со вкусомъ акцентуированнымъ греческимъ говоромъ, расхваливалъ александрійцевъ.

Онъ былъ уроженцемъ города Ареласъ въ Галліи, но ни одинъ эллинъ не могъ обладать въ такомъ совершенствѣ языкомъ Демосѳена.

Предоставленные самимъ себѣ, смѣтливые и дѣятельные граждане африканской столицы приходились ему по вкусу несравненно болѣе аѳинянъ. Послѣдніе жили только прошедшимъ, александрійцы же могли съ гордостью говорить о своемъ настоящемъ. Здѣсь сохранился еще свободный, независимый духъ, между тѣмъ какъ на берегахъ Илисса были только рабы, торговавшіе знаніемъ, какъ александрійцы—товарами Африки и сокровищами Индіи. Благосклонность и неблагосклонность сильныхъ значили для нихъ болѣе величія духа, трудныхъ подвиговъ и высокихъ заслугъ.

Флоръ, соглашаясь въ общемъ съ Фавориномъ, утверждалъ, что Риму пора освободиться отъ духовнаго вліянія Аѳинъ. Этого Фаворинъ не допускалъ и полагалъ, что великій, уже оставившій за собою юность, съ трудомъ воспринимаетъ новое; онъ съ легкою ироніей намекалъ такимъ образомъ на извѣстное произведеніе своего собесѣдника, въ которомъ Флоръ, излагая исторію

Рима, пытался раздѣлить ее соотвѣтственно четыремъ главнымъ періодамъ человѣческой жизни, причемъ забылъ старческій возрастъ и говорилъ только о дѣтствѣ, юности и зрѣлыхъ лѣтахъ. Фаворинъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ, подобно своему другу Фронто, слишкомъ высоко превознося гибкость римскаго генія, слишкомъ мало цѣнитъ ту же гибкость духа эллинскаго.

Флоръ отвѣчалъ галльскому оратору звучнымъ голосомъ, рѣшительно и въ такихъ сильныхъ, размашистыхъ выраженіяхъ, что прислушивавшійся императоръ съ удовольствіемъ выразилъ бы ему свое одобреніе, и задавалъ себѣ вопросъ, сколько кубковъ долженъ былъ осушить со времени завтрака его, обыкновенно вялый, землякъ, чтобы расходиться до такой степени.

Когда Флоръ сталъ доказывать, что Римъ въ царствованіе Адріана достигъ апогея своей мужеской зрѣлости и силы, его прервалъ Деметрій изъ Александріи, попросивъ разсказать коечто о личности императора.

Флоръ охотно согласился на эту просьбу и нарисовалъ блестящую картину правительственной мудрости кесаря, его познаній и талантовъ.

— Только одного,—воскликнулъ онъ съ живостью,—не могу я одобрить! Онъ слишкомъ мало бываетъ въ Римѣ, который, какъ тамъ ни говори, все-таки сердце вселенной. Все ему надо осмотрѣть и изъ-за этого онъ, не зная покоя, странствуетъ изъ провинціи въ провинцію. Я бы не желалъ быть на его мѣстѣ.

— Эту мысль ты, помнится, выразилъ въ стихахъ,—замѣтилъ Фаворинъ.

— Да, это была шутка, сказанная какъ-то во время пирушки. Я вѣдь каждый день угощаюсь здѣсь въ «Олимпійской Трапезѣ» нашего превосходнаго Ликорта, пока проживаю въ Александріи въ ожиданіи кесаря.

— Скажи-ка свое стихотвореніе,—просилъ Панкратъ.

— Я его позабылъ; да оно и не стоило лучшей участи,— отвѣчалъ Флоръ.

— А я такъ запомнилъ начало,—со смѣхомъ сказалъ галлъ.— Первыя строки читались, если не ошибаюсь, такъ:

Нѣтъ, по благости боговъ,
Я—не кесарь, и шататься
Средь метелей и снѣговъ,
Скиѳской степью любоваться,

По Британніи скитаться,
Вѣчно странствовать, друзья,—
Любитъ кесарь, но не я.

При этихъ словахъ Адріанъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и пока пирующіе обмѣнивались разнаго рода предположеніями относительно причинъ его продолжительнаго непоявленія въ Александріи, онъ вынулъ складную табличку для письма, которую обыкновенно носилъ въ своемъ кошелькѣ, и начертилъ на ея вощоной поверхности слѣдующіе стихи:

«Добрый рокъ,—хвала богамъ!—
Не судилъ быть Флоромъ намъ.
По гостиницамъ таскаясь,
Объѣдаясь, напиваясь,
День-деньской тамъ засѣдать,
Тѣло въ жертву отдавать
Жирныхъ мухъ несноснымъ стаямъ—
Любитъ Флоръ,—мы не желаемъ» *).

Едва успѣлъ онъ, тихо и лукаво улыбаясь, перечесть написанныя имъ строки, какъ слуга ввелъ къ нему ваятеля Поллукса.

Художникъ не нашелъ Антиноя и, высказывая догадку, что юноша вѣроятнѣе всего отправился домой, просилъ императора не задерживать его долго за обѣдомъ, потому что онъ только-что встрѣтилъ Паппія, который выразилъ свое неудовольствіе за долгое его отсутствіе.

Адріанъ не находилъ болѣе интереса въ обществѣ художника. Разговоръ, происходившій въ сосѣдней комнатѣ, казался ему гораздо занимательнѣе рѣчей этого добродушнаго, славнаго юноши. Онъ и самъ разсчитывалъ въ скоромъ времени отправиться домой, такъ какъ чувствовалъ нѣкоторое безпокойство. Антиной, конечно, могъ легко найти дорогу на Лохію, но дурныя предзнаменованія, видѣнныя имъ ночью на небѣ, словно летучія мыши, шныряющія надъ головами веселыхъ гостей въ праздничной залѣ, то и дѣло разстроивали пріятное расположеніе его духа, которой онъ всячески старался поддержать, чтобы вполнѣ и до конца воспользоваться своею свободой.

*) Сохраненные Спартіаномъ стихи Флора и Адріана. Нѣсколько измѣненный и риѳмованный переводъ Эберса близко передаетъ однако содержаніе подлинника.

И Поллуксъ не былъ такимъ же беззаботнымъ и веселымъ, какъ обыкновенно. Долгое странствованіе по городу заставило его проголодаться и онъ такъ усердно принялся за истребленіе вкусныхъ блюдъ, быстро смѣнявшихся по приказанію мнимаго архитектора, и такъ прилежно опустошалъ кубокъ за кубкомъ, что императоръ дѣйствительно оказался удивленнымъ; но чѣмъ болѣе являлось у него поводовъ къ размышленіямъ, тѣмъ менѣе становился онъ разговорчивъ.

На упреки своего хозяина Паппія нѣсколько минутъ тому назадъ, Поллуксъ, не принимая въ соображеніе, какъ легко ему было бы разстаться съ нимъ по-дружески, просто и коротко отказался отъ своей службы у него.

Теперь онъ стоялъ самостоятельно, на собственныхъ ногахъ, и ему нетерпѣлось поскорѣе сообщить это обстоятельство Арсиноѣ и своимъ родителямъ.

Во время ѣды ему пришелъ на мысль совѣтъ матери позаботиться о благосклонности и покровительствѣ римскаго архитектора, гостемъ котораго онъ былъ въ эту минуту; но онъ не исполнилъ этого, такъ какъ привыкъ быть всѣмъ обязаннымъ самому себѣ, и къ тому же хотя онъ и признавалъ умственное превосходство этого замѣчательна мужа, но прогулка по городу ни мало ихъ не сблизила. Непреодолимая преграда, казалось, стояла между нимъ и этимъ неутомимымъ, любознательнымъ старикомъ, который требовалъ такъ много отвѣтовъ, что другому не оставалось времени вставить съ своей стороны какой-либо вопросъ, и который, когда молчалъ, имѣлъ такой неприступно-глубокомысленный видъ, что невозможно было рѣшиться его безпокоить. Смѣлый художникъ тѣмъ не менѣе нѣсколько разъ пытался разрушить эту преграду, но всякій разъ не могъ послѣ такой попытки избавиться отъ непріятнаго впечатлѣнія, будто онъ сдѣлалъ что-то неподобающее. Размышляя о своихъ отношеніяхъ къ архитектору, онъ воображалъ себя тогда собакой, хотя сильной, но заигрывающей со львомъ, а такая игра не могла привести къ добру. И тотъ и другой собесѣдникъ были одинаково довольны, когда со стола приняли послѣднее блюдо.

Передъ разставаніемъ императоръ отдалъ Поллуксу вощоную дощечку съ сочиненными имъ стихами и, лукаво улыбаясь, просилъ занести ее привратнику Кесареума для передачи римлянину Аннэю Флору. Онъ поручилъ ему также еще разъ поискать Анти-

ноя и если найдетъ его на Лохіи, то сказать ему, что онъ, Клавдій Венаторъ, скоро вернется.

Художникъ отправился своею дорогой.

Адріанъ еще нѣкоторое время прислушивался къ тому, что говорилось рядомъ, напрасно прождавъ цѣлый часъ, не скажутъ ли чего-либо новаго о немъ. Онъ заплатилъ за обѣдъ и вышелъ на освѣщенную по-праздничному Канопскую улицу. Здѣсь онъ замѣшался въ ликующую толпу и, медленно подвигаясь впередъ, полный досады и безпокойства, сталъ искать своего исчезнувшаго любимца.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Вызовъ экспертовъ по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей.

Правительство, разрѣшивъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей, для опредѣленія общихъ основаній распредѣленія предназначеннаго для этой цѣли фонда, вызвало, какъ извѣстно, по своему усмотрѣнію, нѣсколько лицъ изъ губерній, въ качествѣ экспертовъ, которымъ болѣе или менѣе извѣстны мѣстныя условія различныхъ полосъ въ Россіи. О дѣятельности вызванныхъ экспертовъ въ печати появлялись сужденія уже во время засѣданій, но по большей части невѣрныя или совершенно ошибочныя, такъ какъ засѣданія экспертовъ происходили не публично и, слѣдовательно, не могли преждевременно сдѣлаться достояніемъ печати. Въ настоящее время, когда труды экспертовъ окончены и результаты ихъ, хотя въ сокращенномъ и неточномъ видѣ, переданы газетами, я считаю возможнымъ изложить вкратцѣ ходъ дѣла и сущность различныхъ мнѣній, о которыхъ въ печати и обществѣ существуютъ только смутные отголоски. Участвовавъ самъ въ трудахъ вызванныхъ экспертовъ, я могу удостовѣрить только въ одномъ, что изложеніе мое будетъ вполнѣ точно и вѣрно и различныя мнѣнія будутъ переданы съ полною объективностью, sine ira et studio, хотя самъ я лично принадлежу къ мнѣнію большинства.

Прежде всего я считаю нужнымъ изложить самую постановку вопроса, какъ онъ предложенъ былъ экспертамъ правительствомъ. Для этого я воспользуюсь изложеніемъ правительственныхъ работъ, напечатанныхъ въ № 170 газеты *Голосъ*, такъ какъ оно совершенно вѣрно и составлено, очевидно, на основаніи тѣхъ же документовъ, которые были намъ переданы при открытіи коммиссіи.

„Какъ одно изъ средствъ поднять разстроенное состояніе крестьянскаго населенія, правительство признало нужнымъ прежде всего немедленно осуществить пониженіе выкупныхъ платежей въ размѣрѣ тѣхъ средствъ, которыя представляетъ сама выкупная операція. Это — первый шагъ къ снятію съ крестьянскаго сословія того непосильнаго платежнаго бремени, которое въ настоящее время составляетъ безспорный фактъ, признано всѣми и такъ усиленно и солидарно выдвинуто было печатью въ послѣднее время. Проектъ прошелъ всѣ правительственныя инстанціи. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ главному комитету по крестьянскимъ дѣламъ, который въ журналѣ, Высочайше утвержденномъ 1-го февраля 1877 года, предоставилъ министру финансовъ собрать свѣдѣнія о мѣстностяхъ, гдѣ выкупные платежи требовали бы соразмѣренія съ выгодами, получаемыми крестьянами отъ выкупленныхъ ими надѣловъ. Съ другой стороны, на необходимость пониженія выкупныхъ платежей указалъ отдѣлъ податной коммиссіи, занимавшейся соображеніями по отмѣнѣ подушныхъ податей, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія 23 марта 1872 года. Отдѣлъ пришелъ къ убѣжденію, что выкупные платежи составляютъ главную тягость въ общей суммѣ лежащихъ на крестьянахъ повинностей. По разсчету отдѣла, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы не только уменьшеніе, но даже совершенное сложеніе подушныхъ податей привело бы къ облегченію крестьянъ далеко неуравнительному и далеко недостаточному, и что пониженіе выкупныхъ платежей во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они превышаютъ получаемые крестьянами отъ надѣла выгоды, составляетъ необходимое условіе для достиженія главнѣйшей цѣли, Высочайше указанной при отмѣнѣ подушной подати — облегченія податнаго бремени крестьянъ, для скорѣйшаго ихъ экономическаго и нравственнаго подъема.

„Въ виду этихъ указаній съ двухъ сторонъ, министръ финансовъ образовалъ особую коммиссію *) изъ членовъ министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, съ участіемъ предсѣдателя петербургской земской управы, г. Горчакова,—для опредѣленія мѣстностей, въ которыхъ требуется пониженіе выкупныхъ платежей и для распредѣленія этого пониженія между губерніями. Коммиссія открыла свои засѣданія 7-го февраля и окончила ихъ 14-го марта 1881 года. 30-го марта заключенія коммиссіи, разсмотрѣнныя и видоизмѣненныя министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, внесены были въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, причемъ заявлена была Высочайшая воля, чтобы настоящее дѣло получило разрѣшеніе до окончанія нынѣшней сессіи государственнаго совѣта. Вопросъ былъ разсмотрѣнъ главнымъ комитетомъ въ соединеніи съ департаментами законовъ и государственной экономіи въ государственномъ совѣтѣ 6-го, 7-го и 20-го апрѣля, причемъ главныя соображенія особой коммиссіи и министра финансовъ были утверждены. Но Государю Императору благоугодно было, для обсужденія общихъ основаній, повелѣть пригласить, въ качествѣ экспертовъ, лицъ, которыхъ знакомство съ мѣстными условіями болѣе или менѣе извѣстно высшему правительству“.

Самый способъ распредѣленія пониженія выкупныхъ платежей установленъ былъ правительственною коммиссіей и одобренъ законодательнымъ учрежденіемъ въ слѣдующемъ видѣ:

---

*) Коммиссія эта была составлена изъ членовъ II и III отдѣловъ Высочайше учрежденной коммиссіи для замѣны подушныхъ сборовъ другими налогами, а именно: предсѣдатель К. И. Домонтовичъ и члены: Ф. Л. Барыковъ, П. А. Васильчиковъ, А. И. Горчаковъ, Д. Ф. Кобеко, Е. А. Кудрявцевъ, А. А. Рихтеръ и П. П. Семеновъ.

„Прямымъ послѣдствіемъ того взгляда на выкупные платежи, по которому они разсматриваются, какъ платежи, соразмѣряемые исключительно съ земельною доходностью крестьянскихъ налоговъ, или, какъ большею частью неправильно называютъ, съ земельною рентою, было—строгое разграниченіе интересовъ двухъ полосъ Россіи, черноземной и нечерноземной. Очевидно, что въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ, гдѣ промыслы составляютъ нерѣдко преобладающее занятіе крестьянъ, оставляя земледѣліе совсѣмъ на заднемъ планѣ, несоразмѣрность выкупныхъ платежей съ доходностью выкупленныхъ надѣловъ представляется рѣзче и очевиднѣе, нежели въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земледѣліе составляетъ единственное занятіе всего населенія, а хорошее качество земли обезпечиваетъ высшій доходъ или урожай при меньшей затратѣ труда и капитала. Справедливость заключенія, что выкупные платежи падаютъ особенно тягостно на крестьянъ въ нечерноземной полосѣ, повидимому, подтверждается тѣмъ, что недоимки выкупныхъ платежей значительно накопились въ нечерноземной полосѣ. Тогда какъ въ черноземныхъ губерніяхъ средній процентъ недоимокъ, за все время съ 1862 по 1880 г., не поднимается вообще выше 5%, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ нечерноземной полосы этотъ процентъ составляетъ отъ 50 до 20%. Недоимки, сами по себѣ, конечно, не указываютъ прямо причинъ своего накопленія; но онѣ служатъ нагляднымъ термометромъ состоянія платежныхъ силъ населенія, и хроническое накопленіе недоимокъ въ данной мѣстности служитъ неоспоримымъ доказательствомъ упадка въ ней благосостоянія и необходимости въ уменьшеніи податной тяги. Поэтому пониженіе выкупныхъ платежей предположено правительствомъ исключительно для нечерноземной полосы. На нечерноземную полосу западныхъ губерній, за исключеніемъ Могилевской, пониженіе это не распространяется, такъ какъ крестьянамъ этихъ губерній предоставлено значительное облегченіе при переводѣ ихъ на обязательный выкупъ, въ силу особыхъ Высочайшихъ повелѣній для тѣхъ губерній“.

Фондомъ для подобнаго пониженія должна была, по назначенію правительства, послужить сама выкупная операція.

„Предназначенный фондъ состоитъ въ ежегодномъ ассигнованіи десяти милліоновъ рублей серебромъ, изъ которыхъ два милліона отнесены на тотъ полупроцентъ, который получается съ крестьянъ въ суммѣ вносовъ ихъ по выкупнымъ платежамъ и предназначенъ былъ для составленія запаснаго капитала. Извѣстно, что выкупной платежъ, составляющій 6% съ выкупной ссуды, распредѣляется такъ: 5½% должны быть отчислены на уплату процентовъ и погашенія по выкупнымъ бумагамъ, а ½% подлежатъ обращенію въ запасный капиталъ выкупной операціи, предназначенный для покрытія издержекъ по управленію, а также особыхъ расходовъ и потерь. За девять лѣтъ, съ 1871 по 1880 годъ, сумма дѣйствительно внесенныхъ крестьянами выкупныхъ платежей превышала слишкомъ на 20 милліоновъ рублей отнесенные на эти платежи въ тѣ же годы расходы, что даетъ возможность правительству понизить выкупные платежи на 2 милліона рублей простою скидкой ихъ съ крестьянъ, какъ излишне переплачиваемыхъ. Затѣмъ министерство финансовъ признало возможнымъ ежегодно выдѣлять изъ коммерческихъ прибылей государственнаго банка до семи милліоновъ рублей на пониженіе тѣхъ же выкупныхъ платежей. Съ выкупною операціей тѣсно связана операція ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ установленій, т. е. возврата вкладовъ, которые прежними кредитными установленіями розданы были помѣщикамъ подъ залогъ ихъ населенныхъ имѣній. Долги, остающіеся на помѣщикахъ, вычитаются изъ выдаваемой помѣщикамъ выкупной ссуды и принимаются банкомъ на себя, такъ что по отношенію къ крестья-

намъ банкъ является кредиторомъ, имѣющимъ право на выкупные платежи соразмѣрно вычтенному съ помѣщика банковому долгу. Крестьяне въ теченіе 49-ти лѣтъ уплачиваютъ свой долгъ банку по срокамъ 37-ми-лѣтней ссуды съ причитающимися за все время процентами. Между тѣмъ возвратъ банкомъ принятыхъ изъ прежнихъ кредитныхъ установленій вкладовъ происходилъ въ первое время настолько быстро, что къ 1-му марта 1881 года сумма этихъ вкладовъ, числящаяся за банкомъ, составляла всего около десяти милліоновъ рублей. Въ первые годы поступившіе въ государственный банкъ платежи по долгосрочнымъ ссудамъ были недостаточны для возврата вкладовъ, подлежавшихъ выдачѣ по востребованію, вслѣдствіе чего банкъ былъ вынужденъ затрачивать ввѣренныя ему для коммерческихъ операцій средства и, такимъ образомъ, образовался долгъ государственнаго казначейства банку по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій. Но съ 1872 года, по возвратѣ большей части означенныхъ вкладовъ, сумма продолжавшихъ поступать отъ заемщиковъ, въ томъ числѣ и отъ выкупавшихъ свои надѣлы крестьянъ, въ прежнемъ размѣрѣ платежей стала превышать сумму требовавшихся отъ банка платежей по ликвидаціи. За восемь лѣтъ, съ 1872 по 1879 годъ, сумма такихъ превышеній составила около 49½ милліоновъ рублей, или, въ средней сложности, по 6.190.000 р. въ годъ. Къ 1-му марта 1881 года эта сумма превышеній или прибыль банка отъ ликвидаціонной операціи составляла 72.724.942 р., а по окончаніи срока ликвидаціи исчисляется въ 133.000.000 руб. Пятипроцентный доходъ банка на эту сумму (6.650.000 р.) составляетъ свободный рессурсъ, который можетъ быть обращенъ на пониженіе выкупныхъ платежей, не требуя никакихъ пожертвованій со стороны государственнаго казначейства. Размѣръ этого превышенія, очевидно, нѣсколько увеличится въ случаѣ введенія обязательнаго выкупа. Такимъ образомъ пониженіе выкупныхъ платежей, главнымъ образомъ, произойдетъ на счетъ самихъ крестьянъ и только частью ляжетъ на помѣщиковъ, получившихъ ссуду изъ прежнихъ кредитныхъ установленій и воспользовавшихся правомъ обязательнаго выкупа. Прочія сословія въ настоящемъ дѣлѣ почти не участвуютъ".

Процентъ пониженія окончательно установленъ былъ правительствомъ въ слѣдующей постепенности:

Названіе губерній.	Число крестьянъ собственниковъ.	Общая сумма пониженія выкупныхъ платежей на цѣлую губернію.	Процентъ пониженія относительно платимыхъ въ настоящее время выкупныхъ платежей.
Олонецкая	2.928	10.077	55,9%
Смоленская	289.815	840.709	44,13
Новгородская . . .	153.059	472.853	43,7
Чирниговская (9 уѣзд.)	100.374	252.356	42,77
Московская	232.049	718.223	42,4
С.-Петербургская .	112.725	345.865	41,16
Тверская.	276.190	762.355	39,9
Костромская . . .	196.601	528.646	38,88
Тамбовская (4 уѣзда).	66.984	147.569	37,2
Рязанская (6 уѣзд.).	116.559	287.542	37,2
Калужская	231.831	582.557	36,6

Псковская.	133.591	303.663	35,49
Нижегородская . .	146.708	330.929	34,45
Владимірская . . .	213.757	467.504	29, 3
Вятская (3 уѣзда) .	11.323	18.401	29
Пензенская (2 уѣзда).	25.319	38.930	26, 4
Могилевская	253.629	384.356	25, 1
Тульская (4 уѣзда).	69.789	116.854	24,65
Орловская (8 уѣзд.).	93.747	150.587	24
Казанская (6 уѣзд.).	11.892	16.689	24
Ярославская. . . .	166.544	278.862	22,19
Вологодская (5 уѣзд.)	38.490	48.626	21,85
Пермская (5 уѣзд.).	111.019	129.807	21
Всего по 23 губерн.	3.049.923	7.233.960	35%

По отдѣльнымъ уѣздамъ процентъ пониженія колеблется отъ 65% (Тихвинскій уѣздъ Новгородской губерніи) до 7,8% (Рыбинскій уѣздъ Ярославской губерніи).

Оставшуюся затѣмъ изъ 9.000.000 фонда сумму въ 1.766.040 р. предполагалось распредѣлить для соразмѣрнаго пониженія выкупныхъ платежей между оставшимися до сихъ поръ въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ временно-обязанными крестьянами, при переходѣ ихъ на выкупъ. Общее число таковыхъ крестьянъ въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ къ 1 января 1881 года приблизительно исчислено было въ 837.673, съ коихъ выкупныхъ платежей слѣдовало по примѣрному разсчету 5.105.100 р. Съ этой суммы 35% составляютъ 1.786.785 р., т. е. оставшуюся въ запасѣ сумму.

Основаніемъ для вышеизложеннаго распредѣленія пониженія выкупныхъ платежей между губерніями, а равно и въ частности между уѣздами, правительственная коммиссія приняла собранныя ею данныя о цѣнности и доходности земель, признавая ихъ за «наиболѣе точную основу» для выполненія предстоявшей ей задачи. Эти данныя заключаются въ земельныхъ оцѣнкахъ, принятыхъ земствами для раскладки уѣзднаго и губернскаго сборовъ, въ свѣдѣніяхъ о наемныхъ и продажныхъ цѣнахъ на землю, доставленныхъ губернаторами, въ оцѣнкахъ по ссудамъ земельными банками подъ залогъ земли, а также въ мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ и въ работахъ центральнаго статистическаго комитета. Изъ этихъ данныхъ наибольшее значеніе было придано земскимъ оцѣнкамъ и мѣстнымъ статистическимъ работамъ. Но такъ какъ земства, при распредѣленіи губернскаго сбора

между уѣздами и уѣзднаго сбора въ предѣлахъ уѣзда, нерѣдко довольствуются *относительною* расцѣнкою земель губерніи, то принять земскія оцѣнки вовсе безъ измѣненія или съ незначительными измѣненіями оказалось возможнымъ лишь по двумъ губерніямъ (Московской и Тверской). По остальнымъ допущены болѣе или менѣе значительныя отступленія, въ виду несомнѣннаго несоотвѣтствія земскихъ оцѣнокъ съ дѣйствительными цѣнами на землю. Данными для провѣрки земскихъ оцѣнокъ служили свѣдѣнія центральнаго статистическаго комитета и банковыя оцѣнки. Выработанныя этимъ путемъ оцѣнки земель вообще *выше* земскихъ оцѣнокъ, въ среднемъ выводѣ, по губерніямъ. По уѣздамъ же, отнесеннымъ частью къ черноземной полосѣ, частью къ нечерноземной, оцѣнка нерѣдко *ниже* земскихъ, такъ какъ пониженіе выкупныхъ платежей примѣняется только къ дешевѣйшимъ нечерноземнымъ мѣстностямъ. По многимъ уѣздамъ принятая коммиссіею оцѣнка *выше* банковыхъ оцѣнокъ и мѣстныхъ продажныхъ цѣнъ, въ особенности въ сѣверныхъ лѣсныхъ губерніяхъ. Возвышая оцѣнку крестьянскихъ земель въ этихъ мѣстностяхъ, коммиссія имѣла въ виду, что въ составѣ крестьянскихъ надѣловъ преобладаетъ сравнительно дорогая полевая земля; банковыя же оцѣнки и нормальныя продажныя цѣны объусловливаются составомъ имѣній частнаго владѣнія, съ преобладающими въ нихъ малоцѣнными лѣсными угодьями.

Таковъ пріемъ, употребленный правительственною коммиссіею для установленія оцѣнки десятины, принятой въ основаніе при исчисленіи размѣра пониженія выкупныхъ платежей. Но большинство экспертовъ въ своемъ докладѣ заявило, что правительственная коммиссія, при окончательномъ распредѣленіи 9.000.000 фонда между губерніями и уѣздами, ставила размѣръ пониженія выкупныхъ платежей въ зависимости не исключительно отъ принятой ею для данной мѣстности оцѣнки земли. Такъ, напримѣръ:

Названіе уѣздовъ.	Оцѣнка десятины, опредѣленная коммиссіею.	Уменьшенный платежъ съ десятины.	Размѣръ пониженія выкупныхъ платежей.
Бѣльскій	10 р.	0,64 к.	55, 0%
Пермскій	10 »	0,64 »	54, 8
Устюжскій	10 »	0,51 »	48, 8
Мглинскій.	10 »	0,65 »	55,65
Суражскій	10 »	0,65 »	55,65
Холмскій.	10 »	0,58 »	45, 5

Торопецкій	10 »	0,60 »	48, 5
Великолуцкій . . .	10 »	0,65 »	55, 5
Соликамскій	10 »	0,56 »	29, 6

Изъ этой таблицы видно, что при *одинаковой* 10-рублевой оцѣнкѣ десятины въ различныхъ мѣстностяхъ уменьшенный платежъ съ десятины не *одинаковъ*, а колеблется между 0,65 и 0,51 к. съ десятины — по причинамъ, для экспертовъ оставшимся неизвѣстными.

Система окончательнаго приведенія въ дѣйствіе вышеозначеннаго распредѣленія установлена была слѣдующая:

„Разверстка между уѣздами суммы, опредѣленной на губерніи, предварительно указывается министромъ финансовъ, но окончательно устанавливается особымъ губернскимъ присутствіемъ, состоящимъ изъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, губернской земской управы и членовъ, избранныхъ для этой цѣли уѣздными земскими собраніями изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть гласными, по одному отъ каждаго изъ уѣздовъ, на которые распространена правительственная мѣра пониженія выкупныхъ платежей. Это губернское особое присутствіе можетъ само измѣнить проектъ распредѣленія, составленный министерствомъ финансовъ, не болѣе какъ на 20%; всякое измѣненіе свыше 20% представляется на утвержденіе министра финансовъ. Разверстка суммы пониженія, назначенной на уѣздъ особымъ губернскимъ присутствіемъ, производится внутри уѣзда, между селеніями и сельскими обществами, особымъ уѣзднымъ присутствіемъ, состоящимъ изъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уѣздной земской управы и двухъ-четырехъ членовъ, избранныхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ уѣздные гласные. Въ Могилевской губерніи, по общему правилу, вмѣсто лицъ, указанныхъ земствомъ, приглашаются замѣняющія ихъ лица самимъ правительствомъ. Уѣздная раскладка представляется особымъ уѣзднымъ присутствіемъ въ особое губернское присутствіе съ приложеніемъ отдѣльныхъ мнѣній членовъ присутствія и заявленій выборныхъ отъ волостей и сельскихъ обществъ, если они будутъ представлены. Утвержденная уѣзднымъ присутствіемъ раскладка выкупныхъ платежей внутри уѣзда входитъ въ свою силу и вносится въ окладные листы на 1882 годъ“.

Далѣе, правительство не думало ограничиться однимъ пониженіемъ выкупныхъ платежей. Пониженіе это дополняется рядомъ другихъ столь же существенныхъ и неотложныхъ мѣръ, направленныхъ къ одной цѣли — къ освобожденію крестьянъ отъ чрезвычайнаго обремененія налогами и поднятію уровня ихъ благосостоянія, насколько это возможно путемъ реформы податной системы.

Рядомъ съ этимъ правительство предположило обязательный выкупъ для всѣхъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ великорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ къ 1 января 1883 года, съ тѣмъ, что для помѣщиковъ, заявившихъ желаніе прекратить обя-

зательныя отношенія въ нынѣшнемъ году, правительство переноситъ этотъ срокъ на 1 января 1882 года и выдаетъ имъ оброкъ, уменьшенный на 20%, т. е. тотъ процентъ, который помѣщикъ получаетъ съ выкупной ссуды, когда выкупная сдѣлка состоялась. При обязательномъ выкупѣ помѣщики получаютъ по выкупной сдѣлкѣ всю ту сумму, которая имъ причитается на основаніи Положенія 19 февраля 1861 года, а крестьяне платятъ выкупъ или платежи въ размѣрѣ, пониженномъ для той мѣстности.

Другая параллельная мѣра есть предложеніе о сложеніи всѣхъ недоимокъ выкупныхъ платежей по 1 іюля 1880 года въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ выкупные платежи признаны несоразмѣрными и на этомъ основаніи понижены. Недоимокъ этихъ къ настоящему времени накопилось до 13.000.000 рублей.

Наконецъ заключительный параграфъ журнала законодательныхъ учрежденій возлагаетъ на министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ составленіе и внесеніе на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ, въ возможно непродолжительномъ времени, соображеній по вопросамъ: 1) объ облегченіи существующаго порядка выхода крестьянъ изъ общества, равно приписки къ обществу и перечисленія изъ одного общества въ другое; 2) объ отмѣнѣ стѣсненій крестьянъ при отпускѣ изъ общества; 3) объ облегченіи или отмѣнѣ круговой поруки, безъ нарушенія, впрочемъ, основъ общиннаго владѣнія тамъ, гдѣ оно существуетъ; 4) о дозволеніи сельскимъ обществамъ отказываться отъ владѣнія участками выкупленной земли, съ передачею этихъ участковъ въ распоряженіе казны; 5) объ облегченіи существующаго нотаріальнаго порядка и издержекъ для совершенія крѣпостныхъ актовъ на покупаемыя крестьянами земли; 6) объ условіяхъ предоставленія казенныхъ свободныхъ земель малоземельнымъ крестьянамъ и облегченія имъ способовъ къ водворенію на казенныхъ земляхъ; и 7) объ облегченіи для крестьянъ возможности пользоваться кредитомъ для покупки земель.

Таковы, въ общихъ чертахъ, мѣры, предположенныя правительствомъ для поднятія уровня крестьянскаго благосостоянія въ нечерноземной полосѣ Россіи. Въ этомъ видѣ онѣ переданы были на обсужденіе экспертовъ, со всѣми подлежащими документами и собранными статистическими данными. Изъ послѣднихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ собранныя А. А. Рихтеромъ и начатыя печатаніемъ свѣдѣнія о движеніи прямыхъ налоговъ, упа-

дающихъ на крестьянское населеніе: по своей полнотѣ и стройной системѣ, не оставляющей желать ничего лучшаго, эти таблицы навсегда останутся единственнымъ и незамѣнимымъ источникомъ, отвѣчающимъ на всякій вопросъ по настоящему предмету.

Съ первыхъ же засѣданій эксперты обратили прежде всего вниманіе на совершенное исключеніе черноземной и степной полосы. Конечно, съ точки зрѣнія правительственной коммиссіи, придававшей выкупнымъ платежамъ исключительно поземельное значеніе, было послѣдовательно понизить платежи только тамъ, гдѣ продажная и наемная цѣна земель ниже оцѣнки ихъ по выкупу, т. е. въ нечерноземной полосѣ, и оставить эти платежи безъ измѣненія, гдѣ, наоборотъ, выкупная оцѣнка ниже продажной цѣны на землю, а выкупной платежъ значительно меньше существующей арендной платы, то-есть въ черноземной полосѣ. Но не извѣстно, по какимъ причинамъ мѣра пониженія выкупныхъ платежей не была распространена на степную полосу, гдѣ во многихъ мѣстностяхъ продажная цѣна настолько же ниже выкупной оцѣнки, какъ и въ нечерноземной полосѣ; отсюда и процентъ выкупной недоимки здѣсь настолько же высокій, какъ въ самыхъ многоземельныхъ и бѣдныхъ уѣздахъ послѣдней полосы. Обстоятельство это имѣетъ огромное значеніе при предстоящемъ обязательномъ выкупѣ, ибо еслибы выкупъ совершился на основаніи пониженныхъ выкупныхъ платежей въ нечерноземной полосѣ, то едва ли было бы справедливо и безопасно требовать при обязательномъ выкупѣ полныхъ выкупныхъ платежей съ крестьянъ степной полосы, находящихся точно въ такихъ же условіяхъ, какъ и крестьяне полосы нечерноземной.

Въ самыхъ документахъ, переданныхъ экспертамъ отъ имени правительства, не было недостатка въ мотивахъ для распространенія пониженія на полосы степную и черноземную. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, въ своемъ отзывѣ министру финансовъ по поводу предположеній правительственной коммиссіи, обратилъ прежде всего вниманіе на политическую сторону льготы, предположенной для одной нечерноземной полосы. Если въ 23-хъ губерніяхъ нечерноземной полосы обнародовано будетъ то же существенное пониженіе выкупныхъ платежей, на ряду съ другими обѣщанными льготами, а между тѣмъ для крестьянъ черноземныхъ мѣстностей въ тѣхъ же и въ 15 остальныхъ губерніяхъ не будетъ объявлено ничего, то крестьяне могутъ не понять этой раз-

ницы и не повѣрить, что Высочайшая милость, дарованная значительной части крестьянскаго населенія въ Имперіи, вовсе ихъ не коснулась. Подобные толки, въ особенности при постороннемъ возбужденіи, могутъ повести къ волненіямъ и безпорядкамъ въ средѣ крестьянскаго населенія. Поэтому министръ внутреннихъ дѣлъ предполагалъ распространить льготы и на остальныя губерніи. Далѣе министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ, что въ пяти степныхъ губерніяхъ (Оренбургской, Уфимской, Самарской, Астраханской и Ставропольской), по изобилію и дешевизнѣ земель, размѣръ выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ точно также не соотвѣтствуетъ цѣнности и доходности крестьянскихъ надѣловъ. Изъ вѣдомостей о ходѣ выкупной операціи оказывается, что нѣсколько уже лѣтъ изъ этихъ губерній поступленіе крестьянъ на выкупъ почти совершенно прекратилось и при заявленіи о томъ помѣщиковъ крестьяне отказываются и уходятъ съ земли. Поэтому министръ полагалъ безусловно-необходимымъ пониженіе выкупныхъ платежей распространить и на степную полосу. Въ черноземныхъ губерніяхъ хозяйственный бытъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, по мнѣнію министра, столько же, если не болѣе, разстроенъ, какъ и въ нечерноземныхъ; и здѣсь населеніе въ себѣ самомъ не найдетъ силъ выйти изъ такого положенія, такъ что правительство необходимо и неотложно должно придти къ нему на помощь. Для черноземной полосы министръ считаетъ безполезнымъ пониженіе выкупныхъ платежей, такъ какъ причина разстройства здѣсь крестьянскаго быта совершенно другая. Она заключается не въ несоразмѣрности выкупныхъ платежей съ цѣнностью и доходностью крестьянскихъ надѣловъ, а въ томъ, что размѣръ ихъ, при существующемъ способѣ обработки земли и при отсутствіи промысловыхъ заработковъ, представляется крайне недостаточнымъ для содержанія крестьянской семьи и уплаты лежащихъ на ней податей и сборовъ. До 600.000 душъ крестьянъ получили даровые четвертные надѣлы; не малое число крестьянъ получили надѣлы неполные. Кромѣ того, въ теченіе 20 лѣтъ со времени введенія Положенія, населеніе вездѣ значительно увеличилось и прежнее отношеніе надѣловъ къ наличному населенію уже совершенно измѣнилось. Поэтому министръ для черноземной полосы предлагаетъ: распространеніе на нее обязательнаго выкупа, первоначально предположеннаго для одной нечерноземной; оказаніе крестьянамъ малоземельныхъ мѣстностей пособія при покупкѣ ближайшихъ къ ихъ надѣлу земель посред-

ствомъ кредита и облегченія порядка совершенія крѣпостныхъ актовъ; организацію переселенія крестьянъ въ многоземельныя мѣстности, на казенныя или владѣльческія земли, съ устраненіемъ настоящихъ стѣсненій выхода изъ прежняго общества и приписки къ новымъ мѣстамъ жительства и съ оказаніемъ имъ, въ случаѣ переселенія на покупаемыя у владѣльцевъ земли, тоже помощи кредитомъ и облегченіемъ нотаріальныхъ затрудненій. Мѣры, предложенныя министромъ внутреннихъ дѣлъ, какъ мы уже видѣли, въ принципѣ приняты и переданы на совмѣстную разработку министерству внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Съ необходимостью распространенія обязательнаго выкупа на всю Россію согласились законодательныя учрежденія; но противъ распространенія пониженія выкупныхъ платежей на степную и черноземную полосы возражалъ министръ финансовъ, внеся докладъ свой по этому предмету въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. По мнѣнію министра, условія экономическаго быта крестьянъ въ степной полосѣ совершенно отличаются отъ тѣхъ же условій въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Хотя выкупные платежи въ большей части этихъ губерній выше наемныхъ цѣнъ на земли, но въ мѣстностяхъ, лежащихъ въ районѣ водяныхъ и желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, наемныя цѣны подходятъ къ выкупнымъ платежамъ и даже превышаютъ ихъ; при усиленіи же совершающагося переселенія крестьянъ въ эти губерніи цѣны на землю въ нихъ значительно поднимутся. Крестьяне въ этихъ губерніяхъ терпятъ нужду не отъ высокихъ выкупныхъ платежей, а отъ періодически и часто повторяющихся неурожаевъ. При значительномъ пространствѣ свободныхъ земель—казенныхъ, удѣльныхъ и частнаго владѣнія—крестьяне всегда имѣютъ возможность нанять земли по цѣнамъ довольно низкимъ, такъ какъ, по условіямъ господствующаго тамъ залежнаго хозяйства, участки могутъ быть нанимаемы не только у сосѣднихъ владѣльцевъ, но и въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ. Впрочемъ, настоящая причина скрывается въ послѣднихъ заключительныхъ словахъ министра финансовъ: уменьшеніе выкупныхъ платежей въ степныхъ губерніяхъ потребовало бы новыхъ рессурсовъ и пришлось бы назначить пособіе выкупной операціи изъ государственнаго казначейства, на что, по мнѣнію министра финансовъ, не представляется въ настоящее время никакой возможности. Итакъ, отказъ послѣдовалъ главнымъ образомъ по недостатку денежныхъ средствъ, въ виду того, что предназначенный прави-

тельствомъ девяти-милліонный фондъ уже распредѣленъ былъ между губерніями нечерноземной полосы. Относительно черноземной полосы министръ финансовъ призналъ, что и тамъ есть мѣстности, гдѣ земля, по неудобству ея, стоитъ гораздо ниже выкупной оцѣнки, такъ что были уже здѣсь примѣры пониженія выкупныхъ платежей для отдѣльныхъ обществъ и селеній, которымъ отведены были надѣлы весьма плохаго качества, а между тѣмъ выкупные платежи назначены за нихъ безъ слѣдующей по Положенію сбавки (?!). Такія селенія составляютъ въ черноземной полосѣ исключеніе изъ общаго; притомъ, во всякомъ случаѣ, ихъ весьма мало и необходимое для нихъ пониженіе можетъ быть и впредь достигнуто путемъ особыхъ представленій въ главный комитетъ.

Эксперты главнымъ образомъ приняли во вниманіе съ одной стороны, что состояніе крестьянъ отъ разныхъ причинъ вообще разстроено болѣе или менѣе одинаково во всѣхъ полосахъ и тягость налоговъ чувствуется повсемѣстно, такъ что ни одну изъ губерній нельзя назвать стоящею въ особо благопріятныхъ условіяхъ, и потому первый починъ въ облегченіи крестьянъ отъ податнаго бремени не можетъ составлять исключительной привилегіи той или другой полосы. А съ другой стороны, что ассигнованный правительствомъ фондъ въ 9.000.000 рублей сложился отчасти, если не главнымъ образомъ, изъ взносовъ крестьянъ всѣхъ полосъ и никоимъ образомъ весь безъ остатка не можетъ быть обращенъ въ пользу однѣхъ губерній съ совершеннымъ исключеніемъ другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эксперты раздѣляли тѣ справедливыя опасенія, которыя внушило бывшему министру внутреннихъ дѣлъ предположеніе сосредоточить всѣ льготы, исключительно, на нечерноземной полосѣ. Эксперты понимали, что всякая общегосударственная мѣра, кромѣ безусловной справедливости юридической и экономической, должна сверхъ того удовлетворять потребностямъ данной минуты и съ политической точки зрѣнія, принимая въ соображеніе состояніе умовъ въ массѣ общества и по возможности удовлетворяя ея интересы, ожиданія и желанія, на сколько они высказываются въ народномъ говорѣ. Съ этой точки зрѣнія эксперты сознавали, что первый актъ настоящаго царствованія, въ которомъ выразилась забота Государя Императора о крестьянскомъ сословіи, не могъ быть объявленъ въ качествѣ привилегіи для однѣхъ губерній, но долженъ уравнительно распространяться на всѣ, устраняя всякіе толки и неудовольствія со стороны

обойденныхъ. Соображеніе, что пониженіе выкупныхъ платежей должно распространяться на всѣ губерніи и на всѣхъ крестьянъ, пріобрѣвшихъ землю съ помощью правительства на основаніи *выкупныхъ сдѣлокъ*, на первыхъ же порахъ принято было *единогласно* всѣми экспертами и въ этомъ смыслѣ внесенъ общій докладъ во второе засѣданіе съ гг. министрами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду распредѣленія 9.000.000 фонда между губерніями одной нечерноземной полосы, явилась необходимость въ дополненіи этого фонда, причемъ размѣръ этого дополненія на первыхъ же порахъ опредѣленъ былъ приблизительно отъ двухъ до трехъ милліоновъ рублей. Но при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса о распредѣленіи фонда, предназначеннаго для пониженія выкупныхъ платежей между отдѣльными мѣстностями, мнѣнія экспертовъ раздѣлились.

Изложу прежде всего соображенія большинства *).

Большинство разошлось съ правительственною коммиссіею, начиная съ самой точки отправленія. Прежде всего большинство поставило такой вопросъ: что такое, по существу своему, выкупной платежъ?—Выкупной платежъ есть уплата крестьянами правительству той оцѣночной суммы, которую правительство выдало помѣщику за пріобрѣтенную отъ него для крестьянъ землю. Оцѣнка земли, на основаніи Положенія, производится капитализаціей изъ 6% оброка, опредѣленнаго уставною грамотой. Между тѣмъ, какъ извѣстно, оброкъ вообще и для каждой мѣстности въ отдѣльности представлялъ собою не одну поземельную аренду съ уступленнаго надѣла, но и выкупъ обязательнаго крестьянскаго труда, т. е., другими словами, оброкъ лежалъ не только на *землѣ*, но и на *личности* крестьянина. Этотъ смѣшанный характеръ путемъ оцѣночной капитализаціи всецѣло перешелъ и на выкупной платежъ. Поэтому придавать выкупному платежу исключительно поземельное или территоріальное значеніе и на этомъ основаніи распредѣлять его исключительно на основаніи цѣнности и доходности земель, существующихъ въ данной мѣстности, большинство признало несогласнымъ съ понятіемъ о выкупномъ платежѣ, установленнымъ «Положеніемъ 19 февраля» и потому невѣрнымъ. Выкупной платежъ, по мнѣнію большинства, лежитъ не только на землѣ крестьянина, но и на его трудѣ, на промысловомъ его заработкѣ, такъ что распредѣленіе пониженія выкупныхъ плате-

*) Къ нему принадлежатъ: Д. Ѳ. Самаринъ, кн. А. А. Щербатовъ, Ф. М. Дмитріевъ, Г. П. Галаганъ, В. В. Калачовъ и Н. П. Колюпановъ.

жей объусловливается всею совокупностью признаковъ, которыми опредѣляется платежная способность населенія.

Оброкъ, платимый за отведенный надѣлъ помѣщику временнообязанными крестьянами, есть, безъ сомнѣнія, смѣшанная повинность, лежащая на землѣ и трудѣ крестьянъ. Точно также выкупной платежъ большинство принимаетъ за смѣшанную государственную повинность и отсюда выводитъ право и обязанность государства понижать выкупные платежи, если размѣръ ихъ обременяетъ плательщиковъ. Въ томъ, что выкупной платежъ есть государственная повинность, убѣждены и сами плательщики, крестьяне, не отдѣляющіе ихъ въ своемъ пониманіи отъ другихъ сборовъ, взимаемыхъ отъ имени правительства; срочность же выкупныхъ платежей для самого плательщика есть дѣло второстепенное и большинству даже неизвѣстное. Кромѣ того, выкупные платежи не отличаются отъ другихъ *казенныхъ* сборовъ ни порядкомъ взиманія, ни отвѣтственностью въ случаѣ неуплаты. Понятіе о выкупномъ платежѣ, какъ повинности, естественно повело большинство къ опредѣленію отношенія пониженія выкупныхъ платежей къ податной реформѣ. На основаніи Положенія, выкупные платежи суть срочная сословная повинность крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, пріобрѣтшихъ надѣлъ въ собственность съ помощью правительства. Положеніе 19 февраля 1861 г. всю тягость выкупной операціи возложило исключительно на самихъ крестьянъ. Нисколько не отвергая необходимость этой мѣры въ данную минуту, когда послѣдствія ея не только не могли быть взвѣшены, но и предусмотрѣны, большинство признаетъ однако необходимость измѣненія этой системы теперь, когда опытъ показалъ полную несостоятельность крестьянскаго сословія нести возложенное на него бремя. При освобожденіи крестьянъ въ Австріи и Пруссіи, часть расходовъ по выкупной операціи принята была на счетъ казны; то же самое примѣнено было и у насъ, при освобожденіи крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Сила необходимости приводитъ къ тому, чтобы выкупную операцію и въ самой Россіи—если не всю, то по крайней мѣрѣ частію—перенести съ крестьянъ на общія средства государственнаго бюджета.

Исходя изъ этого основнаго положенія, большинство находитъ, что неизбѣжный первый шагъ всякаго податнаго преобразованія у насъ должно составить уравненіе выкупныхъ платежей съ оброчною податью, платимою бывшими казенными крестьянами за отведенный имъ надѣлъ. Большинство не входитъ въ раз-

смотрѣніе сущности оброчной подати, а равно степени ея равномѣрности, какъ нормальной скалы для приведенія въ соотвѣтствіе выкупныхъ платежей по каждой мѣстности. Большинство видитъ въ оброчной подати существующій фактъ, въ томъ смыслѣ, что правительство обложило ею, въ смыслѣ смѣшанной повинности, земли, отведенныя имъ для обезпеченія крестьянъ одного наименованія; справедливость требуетъ, чтобы крестьяне другаго наименованія не платили за свой надѣлъ несравненно выше потому только, что, до своего освобожденія, они находились въ другихъ условіяхъ. Поэтому большинство признаетъ оброчную подать, какъ низшую, лишь за ту предѣльную норму, въ которой должны быть немедленно пріурочены выкупные платежи, дабы прекратить существующее, но ничѣмъ не оправдываемое въ настоящее время различіе въ платежахъ двухъ самыхъ значительныхъ категорій крестьянскаго сословія, крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ казенныхъ.

Распоряженія правительства нѣсколько измѣнили эту очередь. Предполагаемое въ настоящее время пониженіе выкупныхъ платежей, даже въ размѣрахъ, предположенныхъ правительственною коммиссіею, не доведетъ ихъ до уравненія съ оброчною податью: сама коммиссія указываетъ, что пониженные ею выкупные платежи будутъ превышать оклады оброчной подати государственныхъ крестьянъ—по Новгородской губ. на 32%, Псковской 35, Смоленской 36,», Ярославской 40, Владимірской 46% и т. д. А вслѣдъ за этимъ первымъ пониженіемъ стоитъ на очереди замѣна подушной подати, лежащей исключительно на сельскомъ сословіи, налогами, распредѣляемыми между всѣми плательщиками. Нисколько не возражая противъ факта такой послѣдовательности, большинство вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ неизбѣжной и неотложною задачей для слѣдующей податной мѣры—приведеніе въ уровень выкупныхъ платежей съ оброчною податью, для чего потребуется дальнѣйшее пониженіе первыхъ въ размѣрѣ до пятнадцати милліоновъ рублей. Предложеніе свое большинство разсматриваетъ какъ существенную часть своей системы, подлежащую непремѣнному исполненію въ непродолжительномъ времени, и только въ такомъ случаѣ признаетъ предлагаемую имъ систему законченною въ томъ видѣ, какъ оно само понимало ее.

Уравненіе выкупныхъ платежей съ оброчною податью, въ глазахъ большинства, есть не болѣе какъ удовлетвореніе настоятельнаго практическаго требованія, чтобъ однородные налоги не

падали въ различныхъ размѣрахъ на ту или другую группу плательщиковъ, оправдываясь лишь историческими условіями своего происхожденія. Но, въ смыслѣ теоретически справедливаго требованія финансоваго права, большинство признаетъ необходимость возможно-скораго уничтоженія какъ выкупныхъ платежей, такъ и оброчной подати, съ замѣною ихъ общимъ государственнымъ поземельнымъ налогомъ, взимаемымъ исключительно съ земли, по ея цѣнности и доходности, но независимо ни отъ сословія ея владѣльца, ни отъ его другихъ промысловъ и стороннихъ заработковъ.

Другое отличіе проекта большинства отъ предположеній правительственной коммиссіи заключается въ томъ, что первый не признаетъ вовсе процентнаго уравненія пониженія выкупныхъ платежей между сплошными губерніями и уѣздами, а придерживается исключительно *общаго*, одновременнаго и однообразнаго пониженія выкупныхъ платежей по цѣлой Россіи. Правительственная коммиссія, распредѣляя пониженіе выкупныхъ платежей между губерніями и уѣздами, принимала за основаніе признакъ наиболѣе опредѣленный, наглядный и постоянный — продажную цѣну земель; но и при этой системѣ въ докладѣ большинства указаны довольно рѣзкіе примѣры невѣрности достигнутыхъ результатовъ по губерніямъ Московской, Ярославской и Костромской. Что же будетъ, если принять основаніе болѣе сложное и труднѣе уловимое, какъ совокупность всѣхъ признаковъ, опредѣляющихъ платежную способность крестьянскаго населенія? Положеніе 19 февраля, опредѣливъ равный платежъ за высшій душевой надѣлъ во всѣхъ мѣстностяхъ, установило извѣстное неравенство, но неравенство, къ которому народъ уже привыкъ. Въ виду невозможности достигнуть результатовъ, приближающихся къ желаемой точности, при процентномъ распредѣленіи на основаніи существующихъ статистическихъ данныхъ, не значитъ ли это знакомое и привычное неравенство замѣнять другимъ, колебанія котораго достовѣрно не предусмотрѣны и къ которому плательщики должны вновь принаравляться? Большинство, какъ уступку естественному неравенству, признаетъ только выдѣленіе *исключеній*, т. е. сплошныхъ полосъ или отдѣльныхъ мѣстностей, гдѣ элементы платежныхъ силъ находятся въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ и гдѣ, слѣдовательно, требуется, сверхъ общаго, еще особое, исключительно *спеціальное*, пониженіе выкупныхъ платежей. Выдѣленіе этихъ мѣстностей не трудно, — ихъ

отличія по своей рѣзкости бросаются въ глаза и выражаются цѣлымъ рядомъ цифръ, на столько отдѣляющихся отъ соотвѣтствующихъ въ окружающей средѣ, что о подобныхъ мѣстностяхъ и спора быть не можетъ. Тогда какъ взвѣсить по совокупности признаковъ, опредѣляющихъ платежныя силы двѣ губерніи или даже два уѣзда не легко и для этого требуется сколько-нибудь продолжительная и дорогая подготовительная работа, которую рѣшились предпринять только два или три земства (московское, тверское, рязанское), несмотря на то, что всѣ они заинтересованы въ опредѣленіи сравнительной цѣнности и доходности облагаемыхъ въ уѣздахъ имуществъ, для распредѣленія между ними губернскаго земскаго сбора.

Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, большинство признало за нужное ассигнованный правительствомъ девяти-милліонный фондъ употребить на общее, одновременное и однообразное пониженіе выкупныхъ платежей для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Сверхъ теоретическихъ соображеній большинство побуждалось къ этому и свойствомъ имѣвшихся у него подъ руками данныхъ. Эксперты сознавали изъ самаго факта ихъ вызова, что и само правительство не было безусловно убѣждено въ окончательной уравнительности выработаннаго имъ распредѣленія пониженія выкупныхъ платежей; но съ своей стороны они не могли принять на себя отвѣтственность немедленнаго исправленія предположеній правительственной коммиссіи,—исправленія, требующаго одинаково-близкаго знакомства со всѣми губерніями и уѣздами. Въ рукахъ экспертовъ имѣлись только данныя, собранныя и переданныя правительствомъ коммиссіи о продажной цѣнности земель въ уѣздахъ, о размѣрѣ крестьянскаго надѣла и о недоимкахъ. Совокупность этихъ признаковъ, которая, по всей вѣроятности, уже была въ виду правительства, эксперты признаютъ недостаточною, чтобы установить процентное уравненіе въ пониженіи выкупныхъ платежей между губерніями и уѣздами, тѣмъ болѣе, что даже эти данныя существуютъ исключительно для нечерноземной полосы,— для степной и черноземной нѣтъ указаній, провѣренныхъ тѣмъ же способомъ, какъ для нечерноземной полосы. Что же касается до распредѣленія эмпирическимъ путемъ, на основаніи болѣе или менѣе близкаго знакомства съ различными губерніями, то эксперты не считаютъ себя въ правѣ къ нему прибѣгнуть, потому что никто изъ нихъ не обладаетъ достаточно-близкимъ знакомствомъ съ большинствомъ нашихъ губерній, чтобъ употреблять какіе-ли-

бо эмпирическіе пріемы на пространствѣ цѣлой Россіи. Такимъ образомъ и по практическимъ мотивамъ, по совершенному отсутствію данныхъ, дающихъ возможность провѣрить или измѣнить предположенное правительственною коммиссіею распредѣленіе пониженія выкупныхъ платежей между отдѣльными губерніями и уѣздами,—большинство экспертовъ ни къ чему другому придти не могло, какъ къ равномѣрному распредѣленію девяти-милліоннаго фонда.

Единственное качество, которое большинство могло требовать отъ общаго пониженія, это—чтобъ оно приносило по своимъ размѣрамъ сколько-нибудь осязательное облегченіе податной тяги, ибо слишкомъ незначительная сбавка, не достигая никакой существенной пользы, напротивъ, могла бы вызвать со стороны населенія неудовольствіе и ропотъ, какъ бы слѣдствіе обманутыхъ ожиданій. Раздѣливъ 9.000.000 рублей на число душъ крестьянъ выкупившихся, съ присоединеніемъ сюда и временно-обязанныхъ, подлежащихъ обязательному выкупу, получится 1 р. 26 к. на душу, что соотвѣтствуетъ 20% пониженію выкупнаго оклада. Въ виду высказаннаго требованія, большинство не признало возможнымъ уменьшить полученное такимъ образомъ частное число и предположило, въ смыслѣ перваго шага къ пониженію выкупныхъ платежей и къ облегченію крестьянъ отъ податной тяги, объявить сбавку по 1 руб. 26 коп. съ души для всѣхъ крестьянъ, выкупившихъ надѣлы съ помощью отъ правительства, и тѣхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, которые, начиная съ того времени, имѣютъ поступить на обязательный выкупъ. При этомъ большинство назначило пониженіе не въ видѣ % съ платимаго выкупнаго оклада, но съ души, на слѣдующемъ основаніи. Извѣстно, что въ Положеніи десятина надѣла оцѣнивается не одинаково, а тѣмъ выше, чѣмъ меньше земли у крестьянина (то-есть, на основаніи ст. 169 мѣстн. Великор. Пол., за первую десятину половина высшаго душеваго оброка, за вторую — четверть, а остальныя — по разсчету изъ остающейся четверти оброка). По этой оцѣнкѣ крестьянинъ платитъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше получилъ онъ въ надѣлъ земли. Чтобы сколько-нибудь сгладить эту несправедливую пропорцію и, при общей жалобѣ на малоземелье, установить обратное отношеніе, то-есть чтобы крестьянинъ получилъ тѣмъ большее пониженіе, чѣмъ меньшимъ онъ надѣленъ количествомъ земли,—большинство предложило пониженіе выкупныхъ платежей съ души.

Но общимъ и равномѣрнымъ пониженіемъ выкупныхъ платежей на вышеизложенныхъ основаніяхъ эксперты не признали возможнымъ ограничиться, даже дѣлая первый шагъ къ облегченію крестьянъ отъ податной неуравнительности. Извѣстно, что есть цѣлыя полосы и отдѣльныя мѣстности, которыя требуютъ неотложнаго пониженія въ размѣрѣ несравненно болѣе значительномъ; свѣдѣнія о недоимкахъ указываютъ, что во многихъ губерніяхъ и уѣздахъ недоимки выкупныхъ платежей накоплялись хронически, въ размѣрѣ отъ 30 до 50%, и свидѣтельствуютъ о платежной несостоятельности означенныхъ мѣстностей вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ. Очевидно, что общее пониженіе въ 20% не можетъ для нихъ принести тѣхъ результатовъ начальнаго облегченія податной тяги, которыхъ оно достигаетъ на пространствѣ цѣлой Россіи. Такимъ образомъ для этихъ исключительныхъ мѣстностей на всемъ пространствѣ Россіи является необходимость въ *спеціальномъ* пониженіи, которое отнюдь не имѣетъ задачею уравненіе между собою отдѣльныхъ губерній или уѣздовъ; оно должно распредѣлиться только между полосами и отдѣльными селеніями, гдѣ бы они не оказались, въ которыхъ исключительно неблагопріятными условіями приведенъ въ полное разстройство экономическій бытъ крестьянскаго населенія, что и выразилось наглядно хроническимъ накопленіемъ недоимки, превышающей или приближающейся къ 20% общему пониженію. Эксперты могли бы сразу указать на сплошную и обширную полосу на западѣ Россіи, которая природой и исторіей какъ будто обречена на особенно тяжкое положеніе. Полоса эта, составляющая Бѣлоруссію, начинается сѣвернымъ угломъ Черниговской губерніи (уѣзды Суражскій и Мглинскій) и, поднимаясь вверхъ къ Балтійскому морю, захватываетъ восточную половину Могилевской губерніи, почти всю Смоленскую губернію (за исключеніемъ уѣздовъ Гжатскаго, Вяземскаго, Дорогобужскаго и Юхновскаго), три восточные уѣзда Псковской (Великолуцкій, Торопецкій и Холмскій), расширяется по всей Новгородской губерніи (за исключеніемъ уѣздовъ Череповецкаго и Кирилловскаго) и по всей Олонецкой; а съ запада охватываетъ южные уѣзды Петербургской губерніи — Гдовскій, Лужскій, Ямбургскій, Шлиссельбургскій и Новоладожскій. Печальное экономическое положеніе этой полосы общеизвѣстно и рельефно выдѣляется хроническими накопленіями въ этой полосѣ недоимки, достигающей до 50%. Поэтому эксперты не могли бы встрѣтить справедливыхъ возраженій, еслибъ они предложили немедленно

оказать этой полосѣ спеціальное пониженіе въ размѣрѣ хронически накопляющейся недоимки. Но, въ видахъ уравнительности, эксперты не рѣшаются и на такое очевидное выдѣленіе, дабы не поставить даже такую рѣзко очерченную полосу въ условія привилегированныя въ отношеніи къ мѣстностямъ цѣлой Россіи, находящимся въ такомъ же тяжкомъ положеніи, но не указаннымъ лишь по недостатку данныхъ. Единственнымъ земскимъ органомъ, который можетъ дать указаніе на подобныя мѣстности, эксперты признаютъ земскія учрежденія, которыя само правительство неоднократно уже признавало за органы, могущіе сообщить ему, съ доступною полнотой и точностью, тѣ живыя мѣстныя данныя, которыми правительство желаетъ пополнить и исправить разсчеты, произведенные исключительно на основаніи оффиціальныхъ сообщеній и матеріаловъ. Спеціальное пособіе большинство предполагаетъ произвести изъ тѣхъ 3.000.000 рублей, которые правительству благоугодно будетъ добавить къ прежде ассигнованному фонду; а указаніе въ каждой губерніи и уѣздѣ мѣстностей, съ представленіемъ о нихъ свѣдѣній по особо установленной программѣ— возложить, по принадлежности, на губернскія и уѣздныя собранія, съ тѣмъ, что, по полученіи этихъ указаній въ назначенный годичный срокъ, правительство само произведетъ — способомъ, который имъ будетъ установленъ—уравнительное распредѣленіе предназначеннаго фонда между всѣми мѣстностями, которыя будутъ признаны нуждающимися въ спеціальномъ пособіи.

Такова въ общихъ чертахъ сущность проекта большинства; къ нему отчасти примыкаетъ и предсѣдатель харьковской губернской управы, З. И. Бекарюковъ, заявившій, что онъ съ «результатами» проекта большинства согласенъ, но не согласенъ съ «мотивами», то-есть признаетъ общее и спеціальное пониженіе въ томъ видѣ, какъ оно предположено большинствомъ, но не раздѣляетъ взгляда на выкупные платежи какъ на повинность, со всѣми выведенными отсюда послѣдствіями. Мнѣніе, представленное З. И. Бекарюковымъ въ общее засѣданіе съ гг. министрами, содержитъ критическія замѣчанія на самую выкупную операцію и выдержки о бѣдственномъ положеніи Харьковской губерніи, но мало относится къ поставленному вопросу.

Проектъ меньшинства, раздробившійся на нѣсколько отдѣльныхъ мнѣній, существенно отличается тѣмъ, что онъ за исходную точку принимаетъ предположеніе правительственной коммиссіи.

Крупная группа меньшинства *) не раздѣляетъ взгляда большинства на выкупные платежи какъ на повинность,—не считаетъ возможнымъ пріуроченіе выкупныхъ платежей къ оброчной подати, такъ какъ первые суть взносы постоянные и срочные, а послѣдняя есть повинность безсрочная и подлежащая переоброчкѣ,—не признаетъ неразрывной связи пониженія выкупныхъ платежей съ общею податною системою и, не отвергая, что операція пониженія оказываетъ извѣстное вліяніе на распредѣленіе налоговъ между категоріями плательщиковъ, операцію эту считаетъ за совершенно отдѣльную и самостоятельную. Основываясь на буквѣ закона, меньшинство признаетъ выкупной платежъ за долгъ, лежащій на крестьянахъ предъ правительствомъ и обезпечиваемый ихъ надѣломъ; отсюда меньшинство выводитъ право и обязанность государства понижать выкупные платежи, какъ скоро платежъ процентовъ превышаетъ капитальную стоимость долга. Меньшинство при своемъ проектѣ приложило тщательно составленную и многодѣльную таблицу, гдѣ, по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у членовъ правительственной коммиссіи, сведены слѣдующія данныя по каждой губерніи и уѣзду: число крестьянъ выкупившихъ свои надѣлы и временно-обязанныхъ; количество выкупленной земли съ разсчетомъ средняго надѣла на душу; оцѣнка десятины по земскимъ свѣдѣніямъ и опредѣленіе ея доходности изъ 5%; оцѣнка земли по выкупной ссудѣ и доходность изъ 5%; общая сумма выкупныхъ платежей, уплачиваемыхъ крестьянами, съ разсчетомъ на десятину и на душу, а равно выкупная ссуда и платежи, предполагаемые съ крестьянъ временнообязанныхъ, при обязательномъ ихъ поступленіи на выкупъ; размѣръ оброчной подати съ десятины и души; сколько сходитъ съ десятины всѣхъ платежей со включеніемъ мірскихъ сборовъ и сколько собственно выкупныхъ платежей. Кромѣ того, какъ большинство, такъ и меньшинство разработали въ подробности свѣдѣнія о недоимкахъ какъ выкупныхъ платежей, такъ, гдѣ оказалось возможнымъ, и другихъ сборовъ, начиная съ начала выкупной онераціи по 1880 годъ, на основаніи извѣстной работы г. Вильсона въ «Запискахъ Географическаго Общества» и только-что начатыхъ печатаніемъ матеріаловъ по податной статистикѣ, собранныхъ Ал. Ал. Рих-

*) Къ ней принадлежатъ Д. А. Наумовъ, А. И. Горчаковъ, Н. П. Оленинъ и І. Н. Шатиловъ; впрочемъ оба послѣдніе разошлись по нѣкоторымъ частнымъ выводамъ и доставили свои заявленія уже послѣ послѣдняго засѣданія экспертовъ съ гг. министрами.

теромъ. На основаніи вышеобъясненной таблицы меньшинство вывело свой процентный разсчетъ пониженія для каждой губерніи, при чемъ внутренняя разверстка между уѣздами и отдѣльными мѣстностями предоставляется по принадлежности земскимъ собраніямъ и управамъ. При разсмотрѣніи этого разсчета въ общемъ засѣданіи съ гг. министрами, членами большинства указаны были тоже нѣкоторыя невѣрности въ достигнутыхъ результатахъ, такъ что въ одномъ случаѣ система меньшинства нѣсколько исправляетъ правительственный проектъ, а въ другихъ оно, говоря относительно, только портитъ. Оставаясь вѣрными единогласному рѣшенію о распространеніи пониженія выкупныхъ платежей на всю Россію, члены меньшинства предполагаютъ пособіе не только для нечерноземныхъ и степныхъ губерній, но и для черноземной полосы, ставя это пособіе въ зависимость отъ размѣра финансовыхъ средствъ, назначенныхъ правительствомъ. Такимъ образомъ здѣсь общее и спеціальное пониженіе примѣняются совершенно обратнымъ способомъ. Для большинства главное есть *общее* пониженіе и только въ исключительныхъ случаяхъ оно дополняется *спеціальнымъ*. Для меньшинства, напротивъ, вся суть заключается въ *спеціальномъ* пониженіи, соотвѣтствующемъ требованіямъ данной мѣстности, а *общее* пониженіе — въ пользу именно черноземной полосы — является какимъ-то придаткомъ, обусловленнымъ не существомъ дѣла, а щедростью правительства и опасеніями чисто-политическаго свойства.

Кн. А. И. Васильчиковъ сталъ въ коммиссіи особнякомъ. Принимая порученіе правительства въ чисто-буквальномъ смыслѣ, какъ обсужденіе способа приведенія въ дѣйствіе задачи, въ принципѣ уже разрѣшенной правительствомъ, кн. Васильчиковъ не счелъ за нужное участвовать ни въ теоретическомъ обсужденіи поставленнаго вопроса, ни въ разработкѣ другихъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ и затронутыхъ экспертами. Сущность его мнѣнія заключается въ одобреніи распредѣленія между 23 губерніями, предположеннаго правительственною коммиссіей, такъ какъ подобное пониженіе выкупныхъ платежей кн. Васильчиковъ признаетъ вполнѣ достаточнымъ для нечерноземной полосы. Въ случаѣ добавочнаго ассигнованія и вообще съ точки зрѣнія справедливости и равномѣрности, кн. Васильчиковъ признаетъ нужнымъ распространить пониженіе на степную и черноземную мѣстности въ размѣрѣ 20% по валовому разсчету для всѣхъ губерній и уѣздовъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы доля нечерно-

земныхъ губерній не уменьшалась болѣе какъ на 17% относительно предположеній коммиссіи. Основаніемъ для своего разсчета кн. Васильчиковъ, по его прямому указанію, принимаетъ чисто-эмпирическое убѣжденіе, не подкрѣпляя его ни теоретическими мотивами, ни практическими соображеніями, ни статистическими данными, такъ какъ послѣднихъ онъ не имѣлъ подъ рукой, а данныя, собранныя правительственною коммиссіей, были уже ею примѣнены при составленіи своего распредѣленія.

Что касается до другихъ мѣръ, предположенныхъ правительствомъ одновременно съ пониженіемъ выкупныхъ платежей, то вопросъ объ обязательномъ выкупѣ окончательно рѣшенъ правительствомъ и не подлежалъ обсужденію со стороны экспертовъ.

По вопросу о недоимкахъ эксперты высказались въ самомъ широкомъ смыслѣ. Всякій, кто знакомъ съ крестьянскимъ бытомъ, конечно, оцѣнитъ эту существенную мѣру, задуманную правительствомъ, на столько же важную, на сколько и самое пониженіе выкупныхъ платежей. Накопившаяся на крестьянинѣ недоимка виситъ надъ нимъ постоянно, какъ Дамокловъ мечъ, и, мѣшая ему употребить даже подручныя средства для улучшенія своего положенія, разоряетъ его въ конецъ. У множества крестьянъ-домохозяевъ, гдѣ на одну рабочую силу приходится нѣсколько душъ малолѣтнихъ и женщинъ, недоимки накопились до 100 и болѣе рублей Уплатить эту недоимку одинъ рабочій никогда не въ состояніи; между тѣмъ она всегда мѣшаетъ ему обзавестись въ своемъ хозяйствѣ, купить недостающую ему корову или лошадь, потому что сейчасъ же это новое имущество будетъ продано на погашеніе недоимки подлежащимъ начальствомъ, которому постоянный недоимщикъ не даетъ покою. Ясно, что крестьянинъ въ подобныхъ условіяхъ всѣ деньги, выработанныя на сторонѣ, несетъ въ кабакъ, а не въ домъ, и мало-по-малу превращается въ бездомнаго пьяницу. Вырвать его изъ этого положенія и оказать помощь крестьянамъ, временно запутавшимся въ своемъ хозяйствѣ и по той или другой причинѣ накопившимъ недоимку, можно однимъ средствомъ — сложеніемъ съ нихъ недоимки. Въ этомъ смыслѣ высказались эксперты за сложеніе недоимокъ, накопившихся но выкупнымъ платежамъ во всѣхъ губерніяхъ, не входя въ разборъ причинъ накопленія, такъ какъ подобный разборъ въ высшей степени затруднителенъ и не поведетъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Бѣдственное положеніе плательщиковъ и полная ихъ несостоятельность въ

большинствѣ случаевъ заставятъ сложить недоимку и тамъ, гдѣ она накопилась по собственной винѣ плательщиковъ. Но окончательный размѣръ сложенія недоимки, какъ актъ Высочайшей милости, эксперты не признали себя въ правѣ заявить въ окончательной формѣ.

Къ сожалѣнію, время не позволило экспертамъ представить свои соображенія объ остальныхъ мѣрахъ, которыя поставлены были въ виду журналомъ законодательныхъ учрежденій. Ограничиться же однимъ перечнемъ, даже и съ указаніемъ той очереди, которая должна быть, по мнѣнію экспертовъ, соблюдаема при неодновременномъ осуществленіи сказанныхъ мѣръ, признано было дѣломъ совершенно безполезнымъ и излишнимъ.

За то эксперты занялись обсужденіемъ двухъ предложеній, внесенныхъ лицами изъ ихъ среды.

Эксперты единогласно приняли предложеніе кн. А. А. Щербатова относительно крестьянъ получившихъ даровой надѣлъ. Предложеніе это состоитъ въ томъ, чтобы помѣщикъ и крестьяне, взаимно согласившіеся замѣнить даръ надѣломъ съ выкупомъ отъ правительства, получили это право и могли воспользоваться одни землею, а другіе ссудою. Какъ ни странно это покажется, но до сихъ поръ ходатайства подобнаго рода всегда отклонялись министерствомъ финансовъ. Предложеніе кн. Щербатова представляетъ несомнѣнную выгоду для помѣщиковъ только въ степныхъ губерніяхъ, гдѣ выкупная оцѣнка выше или по крайней мѣрѣ равна продажной цѣнѣ земель; между тѣмъ наемъ крестьянами смежной, чужой земли всегда обойдется для нихъ дороже покупки. Но, какъ обнаружилось во время засѣданія, такіе случаи возможны и въ черноземной полосѣ; по крайней мѣрѣ указаны были два примѣра, гдѣ землевладѣльцы Харьковской губерніи ходатайствуютъ о разрѣшеніи имъ выкупа, вслѣдствіе полнаго надѣленія крестьянъ, получившихъ сначала четверть душеваго надѣла, на что согласны и сами крестьяне. Нужно замѣтить при этомъ, что на первыхъ порахъ многіе крестьяне, не предвидя послѣдствій, не шли ни на какую другую сдѣлку, кромѣ дароваго надѣла, несмотря на доводы и увѣренія помѣщика. Во всякомъ случаѣ отъ крестьянъ будетъ вполнѣ зависѣть возможность поправить прежнюю ошибку, предполагая, что помѣщикъ не постоитъ за землю, которую онъ готовъ былъ уступить еще въ самомъ началѣ, при составленіи уставныхъ грамотъ.

Другое предложеніе, сдѣланное Дм. Ѳ. Самаринымъ, не вызвало такого единодушнаго отвѣта. Дм. Ѳ. Самаринъ обратилъ вниманіе на 165 ст. о выкупѣ, по которой домохозяинъ, внесшій въ уѣздное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, имѣетъ право требовать отъ общества выдѣла ему, по возможности къ одному мѣсту, соотвѣтственнаго участка, по усмотрѣнію самого общества. Въ подробномъ и обстоятельномъ докладѣ г. Самаринъ доказываетъ, что эта статья послужила средствомъ къ ослабленію общины и что возможность усиленнаго выкупа отдѣльныхъ участковъ при пониженіи выкупныхъ платежей требуетъ отмѣны этой статьи, въ видахъ охраненія поземельныхъ правъ сельской общины. Къ предложенію присоединились только три лица, остальные же или подали голосъ за измѣненіе этой статьи, съ различными ограниченіями безусловнаго права на выдѣлъ, или вовсе уклонились отъ разсмотрѣнія предложеннаго вопроса, какъ слишкомъ частнаго, не входящаго въ общую программу законодательныхъ измѣненій по пріему и увольненію членовъ поземельной крестьянской общины, совмѣстно поставленную правительствомъ, но не затронутую экспертами.

По закрытіи засѣданій, экспертамъ было объявлено, что участвовавшіе въ засѣданіяхъ гг. министры—внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ—остановились на проектѣ большинства, съ тѣмъ, что общее пониженіе на всю Россію предполагается по *рублю серебромъ* съ души, съ предназначеніемъ остальнаго фонда (около пяти милліоновъ рублей) на спеціальное пониженіе для полосъ и мѣстностей, находящихся въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ, при чемъ указаніе этихъ мѣстностей и доставленіе о нихъ свѣдѣній предположено возложить на земскія учрежденія.

Н. Колюпановъ.

Нашъ экономическій недугъ.

Читая туманныя разглагольствованія газеты *Русь* и ея упреки нашей либеральной прессѣ, а также возраженія послѣдней, внимательному наблюдателю остается только руками развести. Въ самомъ дѣлѣ, г. Аксаковъ и его поклонники до сихъ поръ продолжаютъ свою старую пѣсню объ оторваниости отъ почвы, объ игнорированіи народнаго духа и тѣхъ началъ, которыя коренятся въ его жизни, совершенно забывая, что если лѣтъ тридцать тому назадъ и было въ противномъ имъ лагерѣ нѣкоторое увлеченіе, то теперь русскій интеллигентный человѣкъ далеко не похожъ на прежняго западника и смотритъ на западную политическую жизнь отнюдь не съ розовой точки зрѣнія, а очень хорошо умѣетъ отличать ея свѣтлыя и темныя стороны. Но издатель газеты *Русь* съ тѣхъ поръ ничему не научился, ничего не хочетъ видѣть и, представляя себѣ идеалъ въ допетровскомъ періодѣ русской исторіи, твердитъ о какомъ-то эдемѣ, имѣющемъ возникнуть вслѣдствіе единенія власти съ народомъ,—единенія, основаннаго на нравственныхъ началахъ. Когда же либеральная пресса обращается къ нему съ вопросомъ: укажите же, какъ этого достигнуть, какіе практическіе пріемы нужно употребить для этого, тогда онъ или ничего не отвѣчаетъ, или высказываетъ безсмысленныя фразы, которыхъ конечно и самъ не понимаетъ. Для довершенія комизма, онъ очень недоволенъ и существующимъ порядкомъ, хотя въ этомъ порядкѣ нѣтъ ничего похожаго на общественную жизнь западной Европы. Онъ желалъ бы и свободы слова, и свободы совѣсти, и свободы личности, и, наконецъ, представительства въ видѣ земскихъ соборовъ. Ему говорятъ: если вы всего этого желаете, о чемъ же вы спорите,—вѣдь того же самаго желаетъ и вся русская интеллигенція; а если люди со-

гласны въ главныхъ основаніяхъ, то имъ повидимому не трудно согласиться и въ подробностяхъ? Такъ нѣтъ же, у Ивана Сергѣевича своего рода самобытность,—онъ говоритъ: *ндраву моему не препятствуй*, я и знать не хочу вашей *лакействующей* передъ западною Европой интеллигенціи.

Г. Аксаковъ выдаетъ себя за защитника народныхъ интересовъ и стремленій, а между тѣмъ печатаетъ статьи, которыя вопреки очевидности стремятся доказать, что нашъ народъ не страдаетъ отъ малоземелья, что увеличенія крестьянскихъ надѣловъ вовсе не нужно, и призываетъ къ отвѣту защитника люторичскихъ крестьянъ за разоблаченіе послѣднимъ вопіющей эксплуатаціи народнаго труда, къ сожалѣнію, не составляющей какого-нибудь рѣдкаго исключенія и практикуемой сплошь и рядомъ, въ особенности въ большихъ имѣніяхъ. Вообще трудно разобраться въ этомъ сумбурѣ понятій почтеннаго издателя газеты *Русь*, и профессоръ Градовскій имѣлъ полное право сказать, что славянофилы (Аксаковскаго покроя) желаютъ юридически-безформеннаго государства, т. е., другими словами, желаютъ безсмыслицы, а потому онъ полагаетъ, что доказать имъ ничего нельзя и спорить съ ними нечего.

Если же я взялся за перо, то, конечно, не въ видахъ спора съ г. Аксаковымъ и его поклонниками,—я знаю напередъ, что имъ хоть колъ на головѣ теши, они все будутъ твердить свое. Вниманіе мое останавливаетъ болѣе психологическій вопросъ: какимъ образомъ человѣкъ, повидимому искренній и желающій добра своему отечеству, а главное—не лишенный разсудка, могъ придти къ такому абсурдному міросозерцанію? Не знаю, не ошибаюсь ли я, но мнѣ кажется, что почтенный издатель газеты *Русь*, изучая русскую исторію, уперся лбомъ въ политическій и религіозный вопросы и положительно проглядѣлъ экономическую сторону русской народной жизни. Какъ патріотъ, онъ чувствуетъ, что въ нашемъ отечествѣ совершается что-то неладное, что наша жизнь идетъ ненормально и причинъ этой ненормальности ищетъ въ политической обстановкѣ нашего отечества, вовсе не замѣчая, что нашъ народъ никогда не жилъ политическою жизнію и если принималъ иногда въ ней участіе, то только въ рѣдкіе періоды сильныхъ кризисовъ, чтобъ отстоять свое право на существованіе, а затѣмъ, когда эти кризисы проходили, снова обращался на борьбу съ невыгодными условіями экономической жизни. Противъ всѣхъ своихъ невзгодъ и неустройствъ онъ протестовалъ только

тѣмъ, что уходилъ на свободныя земли и заселялъ неизмѣримыя пустыни нашей теперешней территоріи. Разъединенный на огромныхъ пространствахъ, онъ не могъ выработать никакихъ политическихъ идеаловъ и оставался совершенно равнодушнымъ ко всякому политическому устройству, находя въ этихъ пространствахъ оплотъ своей свободы и возможности существованія. Въ борьбѣ съ невыгодными условіями экономической жизни онъ создалъ только одну необходимую форму—сельскую общину, обо всемъ же остальномъ порядкѣ онъ вовсе не заботился. Разъ условія существованія измѣнялись и становились менѣе выгодными, онъ уходилъ на новыя земли, оставаясь до поры до времени вполнѣ свободнымъ. Эта черта русскаго народнаго характера проходитъ черезъ всю нашу исторію до позднѣйшаго времени. Такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія заселился южно-русскій край, такъ и въ наше время заселяются земли Уфимской и Оренбургской губерній, а въ настоящемъ году газеты переполнены извѣстіями о переселеніи крестьянъ изъ черноземныхъ губерній въ Западную Сибирь.

Какъ равнодушно относился нашъ народъ къ политической формѣ общественной жизни, можно видѣть изъ того, что даже крѣпостное право, не будучи никогда установлено ни завоеваніемъ, ни какимъ-либо законодательнымъ актомъ, входило въ жизнь постепенно и оставалось до нашего времени безъ особенныхъ волненій и смутъ. Исключеніемъ является только пугачевщина, которая опиралась все-таки на легальный принципъ. Вспомнимъ при этомъ и ту легкость дворцовыхъ coups d'êtat, совершавшихся въ восемнадцатомъ столѣтіи, и мы должны будемъ признаться, что только при полномъ народномъ индифферентизмѣ къ политической жизни подобные факты могутъ проходить, не вызывая серьезныхъ треволненій. Само собою разумѣется, что я не ставлю ни въ заслугу, ни въ вину русскому народу подобный индифферентизмъ,—я констатирую только фактъ и дѣлаю изъ него тотъ выводъ, что нашъ народъ никогда не жилъ политическою жизнью и не вносилъ въ нее никакихъ своихъ воззрѣній. Всѣ формы государственной жизни, возникавшія какъ въ допетровскій періодъ времени, такъ и послѣ, были просто измышленіями очень незначительнаго числа людей, составлявшихъ княжескую дружину или царскій дворъ,—людей, которые установляли извѣстные порядки въ интересахъ той среды, въ которой они вращались, безъ особеннаго вниманія къ общегосударственнымъ и народнымъ потреб-

ностямъ. Попытки создать политическую жизнь въ Новгородѣ и Псковѣ были подавлены Москвою и подавленіе сопровождалось сильными репрессаліями. Съ той поры политическій индифферентизмъ русскаго человѣка выражается во всемъ. Этому, конечно, много содѣйствовала простота, несложность тогдашней государственной жизни, мало дававшей себя чувствовать въ провинціи, въ особенности отдаленной. Желѣзная воля Петра и его такъ-сказать революціонная реформаторская дѣятельность, сопровождавшаяся страшными казнями стрѣльцовъ и защитниковъ старыхъ порядковъ, не могла не подавить послѣднихъ проблесковъ политическихъ тенденцій даже въ тѣхъ классахъ русскаго общества, которые стояли выше массы народа; что же касается послѣдней, то она представляла въ политическомъ отношеніи не только послѣ Петра, но и до него совершенную tabula rasa, остававшуюся индифферентною ко всему, что совершалось на верху. Какъ московскіе порядки, такъ и новшества, заведенныя Петромъ, не коснулись устройства народнаго быта. Реформа Петра затронула только часть высшихъ классовъ и то скорѣе внѣшнимъ образомъ. Всѣ усилія этого желѣзнаго характера, всѣ попытки его завести въ Россіи западно-европейскіе порядки, создать государственныя и мѣстныя учрежденія на манеръ европейскихъ, завести фабрики и заводы,—словомъ, насадить европейскую политику и культуру, разбились о громадныя пространства Россіи и индифферентизмъ русскаго народа. Кромѣ того подобная тенденція носила сама въ себѣ зародышъ несостоятельности, вслѣдствіе плохаго пониманія дѣйствительныхъ интересовъ народа и отсутствія цѣлесообразности въ тѣхъ средствахъ, которыми предполагалось достигнуть цѣли. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи русская исторія весьма богата поучительными примѣрами; но мы не будемъ распространяться о нихъ, такъ какъ это отвлекло бы насъ въ сторону. Замѣтимъ только, что цѣлесообразностью средствъ наша политика никогда не отличалась. Поэтому всѣ попытки привить къ намъ политическіе порядки Запада могли коснуться только внѣшней стороны жизни извѣстной части русскаго общества, нисколько не внося даже въ эту среду тѣхъ понятій, слѣдствіемъ которыхъ было возникновеніе подобныхъ порядковъ на Западѣ. Идеи, переносимыя къ намъ съ Запада, получали у насъ совершенно иной, самобытный отпечатокъ, и славянофилы Аксаковскаго покроя напрасно упрекаютъ Петра въ томъ, что онъ перенесъ къ намъ что-то съ Запада. Этого онъ сдѣлать не могъ. Онъ могъ создать

государственныя учрежденія, похожія на западныя, но не могъ вдохнуть въ нихъ жизнь, заставить ихъ функціонировать въ качествѣ таковыхъ, по той простой причинѣ, что въ то время существовалъ народъ, существовала власть, но не было государства. Петръ могъ раздѣлить Россію на губерніи и учредить въ нихъ мѣстныя управленія; но назначаемые имъ губернаторы отправлялись въ провинцію по-прежнему на *кормленіе* и народъ или откупался отъ нихъ, или уходилъ на новыя земли, когда откупаться было не по силамъ. Принципъ кормленія проходитъ не только черезъ весь XVIII вѣкъ, но замѣчается и въ XIX столѣтіи: мы, люди сороковыхъ годовъ, еще помнимъ, какъ раздавались полки для поправленія состоянія полковыхъ командировъ. Нельзя упрекать Петра I въ томъ, что онъ будто бы ввелъ у насъ политическіе порядки западной Европы, также и потому, что въ его царствованіе крѣпостное право получило сильное развитіе, тогда какъ въ западной Европѣ оно уже значительно слабѣло. Онъ первый началъ раздавать свободныхъ крестьянъ во владѣніе служилыхъ людей, а введеніемъ ревизскихъ сказокъ и изданіемъ уголовныхъ законовъ противъ бѣглыхъ укрѣпилъ право помѣщичьей власти. Такіе порядки вовсе не были похожи на западные, гдѣ зависимость и барщина были связаны съ землевладѣніемъ, но личность крестьянина признавалась свободною.

Со смертью же Петра всѣ идеалы, которыми онъ задавался, были забыты и его преемники вмѣстѣ съ окружавшими ихъ правительственными лицами сосредоточили свое вниманіе на личныхъ интересахъ и удобствахъ; вопросы же государственные отошли совершенно на второй планъ, если не далѣе. Какъ мало заботились въ то время объ интересахъ народа и государства, мы имѣемъ свидѣтельства многихъ современниковъ, но лучшимъ свидѣтельствомъ для насъ могутъ служитъ записки Екатерины II за время до восшествія ея на русскій престолъ. Предметъ ихъ составляетъ тогдашняя жизнь двора и окружающихъ его лицъ. Забавы, поѣздки, мелкія интриги, характеристики придворнаго люда—вотъ все, что вы можете въ нихъ встрѣтить. О положеніи государства и народа—ни слова: подобные вопросы видимо не имѣли никакого значенія для автора записокъ. Если же женщина съ подобнымъ умомъ не могла предохранить себя отъ такой мелочности, то что же слѣдуетъ думать о той средѣ, въ которой она вращалась и которая, состоя изъ людей заурядныхъ, тѣмъ не менѣе распоряжалась судьбою народа. Не многое

измѣнилось и съ восшествіемъ ея на престолъ, и если измѣнилось, то никакъ не къ лучшему, а скорѣе къ худшему. Возведенная на престолъ дворянскою партіей и прославленная ею впослѣдствіи, она сдѣлала очень много для дворянскаго сословія, но, нѣтъ сомнѣнія, нанесла и тяжкія увѣчья государственному организму, такъ какъ въ ея царствованіе крѣпостное право упрочилось окончательно—воспрещеніемъ приносить жалобы на помѣщиковъ и раздачею своимъ близкимъ цѣлой массы государственныхъ крестьянъ. Какъ мало императрица знала о положеніи русскаго народа, видно изъ тѣхъ декоративныхъ деревень, которыя устраивалъ Потемкинъ по пути слѣдованія во время ея путешествія на югъ и которыя она принимала за дѣйствительныя. Однимъ словомъ, закрѣпощеніе Россіи, расхищеніе государственнаго и народнаго достоянія, произволъ временщиковъ и, какъ необходимое слѣдствіе этого произвола, деморализація служилаго, т. е дворянскаго, сословія—вотъ плоды такъ-называемаго великаго екатерининскаго вѣка. Что же тутъ похожаго на европейскіе порядки? Несмотря на всѣ недостатки государственнаго управленія на западѣ Европы въ теченіе восемнадцатаго столѣтія, тамъ все-таки существовало государственное устройство и управленіе, существовали законы, нарушеніе которыхъ было исключеніемъ, а не правиломъ, и обязательная сила ихъ не подвергалась сомнѣнію, или отрицанію. Не даромъ же потсдамскій мельникъ указывалъ Фридриху II, что въ Берлинѣ есть судьи. У насъ подобный фактъ случиться не могъ. У насъ даже въ наше время на судей указать не безопасно и губернатору и на это не рѣшится человѣкъ стоящій и повыше какого-нибудь мельника. Я не говорилъ бы этого, еслибы не имѣлъ въ виду фактовъ. Не далѣе какъ нынѣшнею зимой въ новогородскомъ земскомъ собраніи оглашенъ фактъ, что административная высылка употреблялась по ходатайству одной земской партіи въ видахъ ослабленія противниковъ на земскихъ выборахъ, а не далѣе какъ сегодня я прочелъ въ газетѣ *Порядокъ* корреспонденцію изъ Сибири, въ которой разсказывается, что одинъ изъ тамошнихъ генералъ-губернаторовъ уговаривалъ просителя не подавать ему жалобы на дѣйствія мѣстныхъ властей на томъ основаніи, что пока его жалоба разбирается, мѣстныя власти его выпорятъ, и проситель совершенно согласился съ этимъ справедливымъ замѣчаніемъ добродушнаго и предусмотрительнаго генералъ-губернатора. Послѣ этого можно ли упрекать у насъ кого бы то ни было въ заимствованіи нашихъ порядковъ съ За-

пада; напротивъ, они проникнуты настолько самобытностью, что трудно не узнать въ нихъ нашей домашней практики. Я нарочно взялъ два случая: одинъ изъ пореформенной, другой изъ дореформенной Россіи,—и большой разницы въ нихъ не замѣчаю.

Упрекаютъ Петра, что онъ ввелъ у насъ западную бюрократію и регламентацію. Но и это не справедливо, на томъ основаніи, что между нашей и западною бюрократіей нѣтъ ничего общаго кромѣ названія. Особенное развитіе бюрократіи мы видимъ, напримѣръ, въ Пруссіи, но эта бюрократія отличалась всегда своимъ вниманіемъ къ интересамъ населенія и особенною честностію: она создала такое блестящее финансовое положеніе, которое могло служить примѣромъ для другихъ государствъ. Достаточно сказать, что до вступленія князя Бисмарка въ управленіе государствомъ Пруссія не имѣла государственныхъ долговъ, и хотя система желѣзнаго канцлера пошатнула это положеніе, но все же и теперь Пруссія тратитъ ничтожную долю своего государственнаго бюджета на уплату процентовъ по своимъ долгамъ, а такая система въ значительной степени парализуетъ возможность эксплуатаціи бѣднаго люда богатымъ классомъ общества. Прусская бюрократія всегда отличалась особеннымъ уваженіемъ къ законности и не только не парализовала стремленія общества къ знанію и образованію, но, напротивъ, всѣми силами старалась насадить и развить ихъ. Свобода преподаванія всегда была девизомъ прусской бюрократіи. Стало-быть западная бюрократія и наша—не одно и то же. Нѣтъ, наша русская бюрократія ниоткуда къ намъ не занесена,—она выросла на нашей родной почвѣ, изъ родныхъ элементовъ, и прониклась принципомъ крѣпостныхъ порядковъ, которые, господствуя въ частной жизни, не могли не заразить и государственнаго управленія. Сверхъ того, старая, историческая привычка *кормленія*, поощряемая разрозненностію населенія на большомъ пространствѣ и безотвѣтственностію мѣстной власти вслѣдствіе того, что до Бога высоко, а до царя далеко,—не могла не перейти и въ нравы нашей бюрократіи: мы имѣемъ, слѣдовательно, то, что посѣяли, и нѣчего въ этомъ отношеніи обвинять Петра I.

Не принадлежа къ особеннымъ поклонникамъ этого государя, я все-таки скажу, что онъ сдѣлалъ многое для Россіи. Онъ поколебалъ отчужденность Россіи отъ другихъ государствъ Европы, придвинулъ ее нѣсколько ближе къ образованнымъ народамъ, посылалъ русскихъ знакомиться съ европейскою наукой, пошат-

нулъ въ извѣстной части русскаго общества господство предразсудковъ и суевѣрія,—словомъ, бросилъ на русскую почву первыя сѣмена образованности, которыя упали не на каменистую почву, дали ростки и стали развиваться, несмотря на невыгодныя условія роста. Въ этомъ его заслуга. Конечно, нельзя отрицать, что онъ желалъ пересоздать весь строй тогдашняго общества, но это ему не удалось. Подобная задача не по силамъ одному человѣку, какъ бы ни были велики эти силы. Къ тому же крѣпостное право, которое особенно укоренилось и разрослось при его преемникахъ, было и при немъ тормозомъ для его стремленій, чего, однакожъ, онъ не замѣчалъ.

Но, выставляя заслуги Петра, нельзя не указать и на тотъ вредъ, который принесла съ собою его реформаторская дѣятельность, хотя этотъ вредъ и не замѣченъ гг. славянофилами газеты *Русь*. Не въ политическихъ реформахъ виноватъ онъ передъ Россіей. Въ этомъ отношеніи онъ не могъ много сдѣлать, а то, что имъ и было сдѣлано, было только перемѣною внѣшнею, не имѣвшею большаго значенія. Гораздо болѣе имѣла значенія его дѣятельность по своему вліянію на экономическій бытъ народа. Въ преслѣдованіи своихъ цѣлей Петръ нуждался въ средствахъ, которыя собирались съ народа безъ особенной разборчивости. Хотя большая часть тогдашнихъ потребностей удовлетворялась натуральною повинностью, но она оказывалась недостаточною; поэтому установлялись денежные сборы въ видѣ новыхъ налоговъ и податей, несмотря на то, что народъ добывалъ свои средства существованія прямо изъ земли и не имѣлъ въ рукахъ денежныхъ знаковъ. Послѣдствіемъ такой политики для народа явилась необходимость продавать свой трудъ для добыванія денегъ. Съ другой стороны, покровительствуя торговлѣ и устраивая фабрики и заводы даже съ пособіемъ правительства, Петръ создавалъ классъ эксплуататоровъ народнаго труда, всѣ барыши котораго могли происходить отъ разницы въ дѣйствительной стоимости труда и его рыночной цѣны, которая зависѣла исключительно отъ нужды въ деньгахъ, необходимыхъ для уплаты податей и налоговъ. Добывая обыкновенные продукты крестьянскаго труда, денегъ получить было нельзя,—въ то время эти продукты не были предметомъ купли и продажи. Поэтому необходима была продажа самаго труда. Такимъ образомъ Петръ, усложняя государственный механизмъ, заводя постоянную армію и покровительствуя развитію торговли и фабричнаго производства, вводилъ въ патріархальный бытъ

народа денежное хозяйство, которое при крайней скудости денежныхъ капиталовъ и необходимости денежныхъ средствъ для уплаты податей и налоговъ, должно было сдѣлаться страшнымъ оружіемъ эксплуатаціи рабочаго люда въ рукахъ немногихъ капиталистовъ того времени. Если такой порядокъ вещей не вызвалъ гибельныхъ послѣдствій, то это потому, что энергическая политика Петра не была поддерживаема его преемниками, а развитіе и распространеніе крѣпостнаго права создавали другую, болѣе открытую, эксплуатацію народнаго труда, которая ставила людей не только въ полную зависимость отъ владѣльца, но и подъ его защиту. Крѣпостное право, создавая такимъ образомъ для владѣльца монополію на право эксплуатаціи труда его крѣпостныхъ людей, порождало извѣстную солидарность ихъ взаимныхъ интересовъ, которая дѣлала невозможною всякую другую эксплуатацію. Мнѣ кажется, что окончательное закрѣпощеніе русскаго народа, совершившееся въ теченіе восемнадцатаго вѣка, и обращеніе въ крѣпостныхъ до того времени свободныхъ людей—могло совершиться спокойно только потому, что эксплуатація народнаго труда со стороны помѣщиковъ при ихъ тогдашнихъ, ограниченныхъ, потребностяхъ и патріархальныхъ отношеніяхъ къ подвластнымъ имъ людямъ была менѣе обременительна, чѣмъ то положеніе, въ которомъ находились такъ-называемые свободные люди, не находившіе для себя защиты нигдѣ и ни въ комъ. Только такимъ порядкомъ вещей и можно объяснить то обстоятельство, что въ прошедшемъ столѣтіи записывались въ крѣпостное состояніе по добровольному согласію даже дѣти священно- и церковно-служителей.

Съ другой стороны, развившееся и крѣпко установившееся крѣпостное право остановило дальнѣйшее народное развитіе, а слѣдовательно и развитіе его потребностей. Мнѣ кажется, что я не буду далекъ отъ истины, если скажу, что уровень потребностей нашихъ крестьянъ почти не возвышался со временъ Петра вплоть до половины нынѣшняго столѣтія, въ особенности въ центральной, черноземной полосѣ и въ сѣверо-западномъ краѣ. Если и можно сдѣлать исключеніе, то только для нѣкоторыхъ мѣстностей, близкихъ къ большимъ промышленнымъ центрамъ, и то въ ущербъ ихъ хозяйственной состоятельности. Само собою разумѣется, что при такомъ низкомъ уровнѣ народныхъ потребностей, какъ слѣдствіи недостатка средствъ къ ихъ удовлетворенію, обрабатывающая промышленность или вовсе не развивалась, или раз-

вивалась очень медленно,—она не имѣла рынка для сбыта. Достаточные классы, имѣвшіе возможность предъявлять спросъ на произведенія нашихъ фабрикъ, представляли очень незначительный рынокъ, а народныя массы не могли предъявлять спроса за отсутствіемъ средствъ. Послѣднія по-прежнему, какъ то было и при Петрѣ, извлекали всѣ средства, для удовлетворенія своихъ потребностей, изъ земли, необходимое количество которой оставляли въ ихъ пользованіи помѣщики и казна. Такимъ образомъ 85% нашего населенія вело свое хозяйство патріархальнымъ образомъ, при полномъ отсутствіи капиталистическихъ формъ, отбывая свои повинности въ отношеніи помѣщика барщиной и только въ отношеніи казны деньгами. При ограниченности тогдашняго бюджета, крестьянинъ могъ продавать свой трутъ только въ свободное отъ полевыхъ работъ время или незначительную часть продуктовъ своего сельскаго хозяйства, чѣмъ и оплачивались казенныя подати и налоги.

Понятно, что при такомъ положеніи дѣла капиталистическія формы въ производствѣ развиваться не могли,—крѣпостное право совершенно парализовало это развитіе. Съ одной стороны народъ не былъ свободенъ въ выборѣ занятій и обработывающая промышленность, скорѣе другихъ способная принять эти формы, не имѣла возможности привлекать рабочія руки къ наемному труду и создавать спеціальныхъ мастеровъ каждаго дѣла. Это мѣшало ей совершенствоваться. Съ другой стороны, 85% населенія довольствовались продуктами собственнаго труда или нехитрыми произведеніями кустарной промышленности, которыя по своей незначительной цѣнѣ не выдерживали дальней перевозки, и поэтому производство ихъ не могло сдѣлаться приманкою для капиталовъ. Послѣдніе сосредоточиваются скорѣе всего въ крупныхъ центрахъ административной и торговой дѣятельности, гдѣ они встрѣчаютъ болѣе достаточную среду и, слѣдовательно, болѣе удобную для наживы почву. Вслѣдствіе этого всѣ наши первоначальные капиталы обратились отнюдь не на производство, а лишь на посредничество, на торговлю, на казенные подряды и поставки, завладѣли послѣдними всецѣло, устранивъ отъ всякой конкуренціи прямыхъ производителей, и эксплуатировали государственный бюджетъ при господствовавшей деморализаціи чиновничества. Обманъ сдѣлался лозунгомъ торговли и она выработала правило: *не обмануть—не продать*. Такимъ образомъ какъ ни велики были усилія Петра вдвинуть капиталистическія формы въ общій строй

[illegible] жизни,—усилія конечно *безсознательныя*,—но они не могли привиться къ русскому производству въ значительной степени какъ потому, что при его преемникахъ эти усилія значительно ослабѣли, такъ и потому, что крѣпостное право, значительно имъ укрѣпленное, получило впослѣдствіи широкое развитіе. Вслѣдствіе этого капитализмъ завладѣлъ только торговою дѣятельностію. Само собою разумѣется, что, говоря такъ, я не имѣю въ виду утверждать, что капитализмъ былъ совершенно чуждъ русскому правительству. Нѣтъ, капиталъ цѣпокъ и не можетъ выпустить изъ своихъ рукъ то, чѣмъ онъ разъ завладѣлъ, въ особенности тамъ, гдѣ онъ рѣдокъ и, слѣдовательно, дорогъ. Я не отвергаю того, что капиталистическое производство, несмотря на всѣ невыгодныя условія для его развитія въ восемнадцатомъ и первой половинѣ девятнадцатаго вѣка, захватывало все бо̀льшую и бо̀льшую часть производства: при той торговой политикѣ, которой держалось правительство, это иначе и быть не могло; я утверждаю только, что оно во весь этотъ періодъ не могло получить сильнаго развитія въ общей массѣ нашего производства, которое сохранило свои первобытныя формы, причемъ производитель удержалъ въ своихъ рукахъ орудіе производства—землю—и самъ потреблялъ продукты своего труда. Другими словами, число рабочихъ рукъ, занятыхъ на нашихъ фабрикахъ, а также цѣнность производимыхъ ими продуктовъ составляютъ незначительную часть и общаго числа нашихъ рабочихъ силъ, и общей суммы нашего производства, главная масса продуктовъ котораго состоитъ изъ произведеній сельскаго хозяйства,—а въ этой отрасли промышленности капиталистическія формы получили начало только съ прекращеніемъ крѣпостнаго права.

На эти особенности экономическаго положенія Россіи я бы просилъ читателя обратить особое вниманіе, такъ какъ ничего подобнаго мы не видимъ въ исторіи развитія западнаго производства. Тамъ упраздненіе феодальныхъ порядковъ длилось цѣлые вѣка и освобожденіе народа совершалось постепенно. Тамъ личность человѣка задолго до отмѣны феодальныхъ правъ признавалось свободною и подчиненность связывалась съ землевладѣніемъ; человѣкъ же отказывавшійся отъ владѣнія землей былъ свободенъ не только въ выборѣ своей дѣятельности, но и въ выборѣ мѣста жительства. Такой порядокъ, при гнетѣ феодальныхъ правъ, заставлялъ народъ бросать землю и переходить въ города, образуя такимъ образомъ четвертое сословіе или классъ

бездомныхъ рабочихъ, всѣ средства существованія которыхъ зависѣли отъ наемной платы, т. е. отъ количества свободнаго капитала, который могъ быть предложенъ въ данной мѣстности въ видѣ рабочей платы. Понятно, что, уходя отъ невыносимаго гнета феодальной зависимости, освободившись не только отъ земли, но и отъ всякихъ орудій производства, и подгоняемый голодомъ, классъ этихъ людей не могъ выжидать, онъ долженъ былъ принимать отъ капиталистовъ такія условія, которыя могли быть выгодны только для послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что капиталистъ подвергался риску, а рабочій получалъ хотя и жалкія, но вѣрныя средства существованія. Такимъ образомъ выработался суровый экономическій законъ заработной платы, по которому средній ея уровень опредѣлялся не по достоинству или стоимости произведенной работы, а по стоимости необходимыхъ средствъ для существованія рабочаго. Если же принять въ соображеніе понятія и взгляды правящихъ классовъ того времени, на которое мы указываемъ, если вспомнить, съ какимъ презрѣніемъ относились потомки рыцарей къ трудящимся классамъ, которые для нихъ были только vilain'ами, созданными для того, чтобъ удовлетворять ихъ потребности, то сдѣлается совершенно понятнымъ и то равнодушіе, съ которымъ относились правительства къ интересамъ народныхъ массъ. Въ то время вовсе не существовало понятія о томъ, что благосостояніе народныхъ массъ обусловливаетъ и силу и значеніе правительства; поэтому экономическій строй западно-европейскихъ обществъ складывался безъ всякаго вниманія къ интересамъ рабочаго класса. Гонимый съ земель, облитыхъ его пóтомъ, этотъ классъ людей представлялъ очень удобную почву, воспользоваться которой капиталъ не замедлилъ, а вслѣдствіе этого сдѣлалось возможнымъ и усиленное его накопленіе въ рукахъ отдѣльныхъ личностей. За тѣмъ слѣдовало дальнѣйшее развитіе производства сначала для внутреннихъ, а затѣмъ и для внѣшнихъ рынковъ, что въ свою очередь дало возможность дальнѣйшаго накопленія и сосредоточенія капиталовъ. Извѣстныя грёзы послѣдователей экономической теоріи Адама Смита, что накопленіе капиталовъ и конкуренція между ними будутъ благодѣтельно дѣйствовать на интересы рабочаго класса, исчезли какъ дымъ,—капиталъ нашелъ возможность устроить это soit disant спасительное средство. Сосредоточеніе капиталовъ въ немногихъ рукахъ пошло двумя путями: поглощеніемъ мелкихъ капиталовъ крупными и сліяніемъ тѣхъ и другихъ въ громадныхъ акціонер-

ныхъ обществахъ съ безотвѣтственными правленіями и акціями на предъявителя. Такимъ образомъ желѣзный законъ заработной платы остается въ силѣ, несмотря на громадное накопленіе капитала.

Но какъ бы ни были тяжелы эти условія для рабочаго на Западѣ, они появились не вдругъ, а постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и давали возможность человѣку приспособляться къ обстоятельствамъ. Борьба различныхъ классовъ западнаго общества, не только на почвѣ экономическихъ, но также на почвѣ политическихъ и религіозныхъ вопросовъ существовавшая съ давнихъ поръ, пріучила западнаго рабочаго отстаивать тѣ права и удобства жизни, которыя онъ имѣлъ, и эта исторически пріобрѣтенная настойчивость порождала въ цѣломъ обществѣ сознаніе о необходимости извѣстнаго minimum'а удобствъ, безъ которыхъ было немыслимо существованіе человѣка. Наконецъ, при извѣстныхъ свободныхъ учрежденіяхъ и развитіи образованія, уровень необходимыхъ удобствъ и потребностей возвышался въ понятіяхъ цѣлаго общества и, конечно, не могъ не проникать и въ сознаніе рабочихъ. Всѣ эти обстоятельства до извѣстной степени смягчали гибельныя для народныхъ массъ послѣдствія капиталистической системы производства. Кромѣ того гарантія свободы личности и имущественныхъ правъ обусловливала широкое развитіе знанія и предпріимчивости, а за ними и развитіе грандіозныхъ предпріятій, до извѣстной степени вліявшихъ на повышеніе заработной платы. Все это порождало развитіе производства въ громадныхъ размѣрахъ и для сбыта продуктовъ этого производства потребовались пароходы, желѣзныя дороги и сильное развитіе кредита во всѣхъ возможныхъ его видахъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти благопріятныя условія не предупредили страшнаго соперничества и борьбы между трудомъ и капиталомъ и нынѣ всѣ правительства западной Европы сильно озабочены устраненіемъ тѣхъ условій, которыя порождаютъ эту борьбу. Удастся ли имъ разрѣшить всѣ назрѣвшіе вопросы мирно и спокойно или возникнетъ новый катаклизмъ, покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что настоящее положеніе западной Европы чревато важными событіями, игнорировать которыя мы не должны и не можемъ. Для насъ, русскихъ, есть еще время предупредить тѣ роковыя и неизбѣжныя ошибки, которыя были сдѣланы народами, шедшими впереди насъ по пути своего развитія. У насъ, имѣющихъ въ виду бывшій опытъ, возникновеніе обстоятельствъ, похожихъ на западно-евро-

пейскіе соціальные порядки, не можетъ считаться слѣдствіемъ ошибокъ, а чѣмъ-нибудь большимъ и по меньшей мѣрѣ непростительнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ нашего народа.

Этотъ легкій очеркъ развитія экономической жизни на Западѣ указываетъ, во-первыхъ, что тамъ пароходы, желѣзныя дороги и банки, какъ необходимыя орудія для сбыта товаровъ и сосредоточенія капиталовъ, являлись послѣдствіемъ сильнаго развитія производства. Они создавали не только новые рынки сбыта продуктовъ существовавшаго производства, но своимъ возникновеніемъ вызывали къ жизни новыя отрасли промышленной дѣятельности, имѣвшія въ виду исключительно удовлетвореніе потребностей этихъ колоссальныхъ предпріятій. Такимъ образомъ на западѣ Европы сосредоточеніе капиталовъ и развитіе средствъ сообщенія были явленіемъ естественнымъ,—они удовлетворяли дѣйствительнымъ потребностямъ экономической жизни.

Ничего подобнаго не было въ нашемъ отечествѣ. Если читатель припомнитъ картину нашего быта до освобожденія крестьянъ, то онъ вполнѣ согласится, что производство ограничивалось удовлетвореніемъ только своихъ собственныхъ мѣстныхъ потребностей и не нуждалось въ передвиженіи большаго количества грузовъ на значительныя разстоянія. Нашъ сельскій людъ потреблялъ продукты собственнаго труда и не предъявлялъ спроса на продукты чужаго труда; городское же населеніе было ничтожно и въ своихъ средствахъ продовольствія обезпечивалось или подвозомъ изъ окрестныхъ селеній, или водяными путями. Что же касается до продуктовъ нашей обработывающей промышленности, то она по своимъ размѣрамъ не могла предъявлять къ перевозкѣ сколько-нибудь значительныхъ грузовъ, а развитіе ея, въ виду отсутствія спроса на ея произведенія со стороны 85% населенія, было положительно немыслимо.

Вотъ эту-то разницу въ экономическомъ положеніи и въ устройствѣ всего нашего соціальнаго быта просмотрѣли не только сами славянофилы Аксаковскаго покроя, но и вся остальная публицистика. Гг. soit disant славянофилы повинны въ этомъ отношеніи гораздо болѣе другихъ публицистовъ. Они съ особеннымъ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, отыскивали въ народѣ нашемъ самобытность. Они видѣли ее въ сферѣ политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ идей, забывая, что двѣ первыя категоріи составляютъ результатъ извѣстнаго умственнаго развитія и научнаго изслѣдованія, а потому могутъ считаться достояніемъ всего человѣчества, а

послѣдняя относится къ области чувства, субъективна въ высшей степени и потому составляетъ дѣло совѣсти каждой отдѣльной личности, то-есть они искали самобытность тамъ, гдѣ ея не могло быть, и проглядѣли эту самобытность въ устройствѣ нашего экономическаго и соціальнаго быта, который всегда и вездѣ складывается сообразно съ условіями мѣста и времени и подъ вліяніемъ политическихъ учрежденій данной страны, а потому и не можетъ не быть оригинальнымъ. Правда, они много толковали объ общинѣ, но эти толки не привели ихъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ и они не могли даже указать, какимъ путемъ можно сдвинуть съ мѣста тотъ застой, который уже охватилъ наше общинное начало и начинаетъ разъѣдать его, какъ вдохнуть въ него новую жизнь въ видахъ его развитія. А объ этомъ не мѣшало бы подумать защитникамъ общины, такъ какъ всякое учрежденіе необходимо должно приспособляться къ измѣняющимся обстоятельствамъ, въ противномъ случаѣ это спасительное учрежденіе можетъ незамѣтно исчезнуть въ нашей жизни и оставить народную массу въ беззащитномъ положеніи, тогда какъ Колупаевы и Разуваевы предстанутъ передъ нею во всеоружіи капитала и знанія.

Но оставляю въ сторонѣ это недомысліе г. Аксакова съ братіей и перехожу къ тѣмъ экономическимъ послѣдствіямъ, которыя возникали для нашего отечества изъ Положенія 19 февраля и той финансовой и торговой политики, которая слѣдовала за этимъ Положеніемъ. Положеніе 19 февраля явилось результатомъ той борьбы и колебаній, которыя происходили въ правительственныхъ сферахъ между желаніемъ удовлетворить дѣйствительныя потребности народной жизни и опасеніемъ нарушить интересы помѣщиковъ, и потому представляетъ собою компромиссъ. Само собою разумѣется, что примиреніе двухъ противуположныхъ интересовъ въ народной жизни должно было произойти на основаніи компромисса и въ этомъ не было бы никакой бѣды, еслибы на крестьянскій вопросъ взглянули съ правильной точки зрѣнія, то-есть что вѣковая несправедливость должна быть уничтожена при содѣйствіи всѣхъ государственныхъ силъ. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ изъ вопроса государственнаго сдѣлался вопросомъ сословнымъ и государство въ дѣлѣ прекращенія обязательныхъ отношеній приняло только роль посредника, оставляя на крестьянахъ всю тяжесть вознагражденія помѣщиковъ. Кромѣ того даже и въ этой узкой сферѣ дѣйствій правительство какъ бы опасалось принять

на свою отвѣтственность кредитную операцію по вознагражденію помѣщиковъ за сохраненіе крестьянами полныхъ надѣловъ, которыми они пользовались до освобожденія. Слишкомъ высокая цифра подобной операціи пугала многихъ, считавшихся защитниками интересовъ крестьянъ. Такимъ опасеніемъ воспользовались защитники крѣпостныхъ порядковъ и старались раздувать эти опасенія, хотя побудительныя причины у этого класса людей были совершенно иныя. Они опасались, что крестьяне, обезпеченные въ своемъ существованіи тѣми надѣлами, которыми они до того времени пользовались,—будутъ слишкомъ требовательны при наймѣ ихъ для обработки земель, остающихся за помѣщиками, и что такимъ образомъ высокая цѣна заработной платы не дастъ имъ возможности продолжать свое хозяйство. И надо отдать справедливость людямъ этого сорта: они вели свою линію очень энергично и достигли въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ результатовъ. Такъ Положеніе устанавливаетъ общій принципъ, вслѣдствіе котораго крестьяне сохраняютъ въ своемъ пользованіи существовавшіе при крѣпостномъ правѣ надѣлы. Подобное разрѣшеніе вопроса было совершенно правильнымъ: за крестьянами признавалось право пользоваться такимъ количествомъ земли, какое самъ владѣлецъ находилъ нужнымъ для того, чтобы крестьянинъ могъ удовлетворять первымъ своимъ потребностямъ. Но при опредѣленіи подробностей примѣненіе такого правила поставлено въ зависимость отъ условія, если эти надѣлы не превышаютъ максимальныхъ предѣловъ, опредѣленныхъ для каждой отдѣльной мѣстности. Правило это вызвало такую массу вопросовъ и недоразумѣній, что дѣло, само по себѣ весьма ясное, сдѣлалось мутнымъ до чрезвычайности, въ особенности при содѣйствіи экспертовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ земли по своему плодородію имѣли значеніе и крестьяне кромѣ землепашества не имѣли никакихъ промысловъ. Дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ максимальные надѣлы опредѣлены не выше двухъ десятинъ на душу, какъ будто при такомъ количествѣ земли, даже самой плодородной, крестьянинъ могъ существовать и отбывать какую бы то ни было повинность въ пользу помѣщика. Но этого мало: крестьянинъ долженъ былъ довольствоваться и меньшимъ размѣромъ надѣла, если Положеніе заставало его при такомъ надѣлѣ. Этимъ правиломъ воспользовались многіе помѣщики еще въ 1859 году, когда оно сдѣлалось извѣстнымъ изъ проектовъ редакціонныхъ коммиссій, и сократили количество земли, отведенной въ пользованіе крестьянъ. Затѣмъ

установлено было другое правило, въ силу котораго помѣщикъ, не имѣющій другаго имѣнія, имѣлъ право удержать въ своемъ владѣніи $^1/_3$ всей земли, не соображаясь съ тѣмъ размѣромъ надѣла, который слѣдуетъ крестьянамъ по Положенію. Наконецъ введена была статья, дозволяющая помѣщику прекратить всѣ обязательныя отношенія къ крестьянамъ, предоставивъ имъ въ видѣ дара $^1/_4$ часть наибольшаго надѣла, опредѣленнаго для этой мѣстности. Такимъ образомъ, вслѣдствіе тѣхъ ограниченій, которыя установлены въ самомъ законодательствѣ отъ первоначальнаго принципа, положеннаго въ основаніе освобожденія крестьянъ, остался одинъ призракъ. Если же принять въ соображеніе, что практическое исполненіе могло уклониться отъ буквальнаго смысла закона въ сторону ограниченія крестьянскихъ надѣловъ и что противъ такого уклоненія крестьяне не протестовали частію вслѣдствіе своей беззащитности, частію же въ силу установившагося у нихъ мнѣнія, что помѣщику съ освожденіемъ крестьянъ нечего будетъ дѣлать съ землей и что такимъ образомъ вся земля будетъ въ ихъ рукахъ, то понятно, почему крестьянскіе надѣлы такъ сильно ограничены и отрѣзки бывшихъ въ ихъ пользованіи земель оказались такъ значительны.

Остановимся пока на этомъ фактѣ уменьшенія крестьянскихъ надѣловъ и посмотримъ на тѣ послѣдствія, которыя отсюда вытекали для экономическаго положенія страны вообще и для кретьянскаго хозяйства въ особенности.

Мы видѣли выше, что при прежнихъ порядкахъ крестьяне удовлетворяли всѣ свои потребности непосредственно своимъ трудомъ, прилагая его къ землѣ, и пользовались ею лишь въ такомъ количествѣ, которое было необходимо для удовлетворенія этихъ потребностей. Если они и обращались къ извозу, къ заработкамъ или кустарнымъ промысламъ, то это только въ свободное отъ полевыхъ работъ время и лишь для того только, чтобъ уплатить подушные сборы, купить вина и соли, серпъ и косу. Всѣ другія потребности крестьянина удовлетворялись продуктами его собственнаго хозяйства. Весь соціальный строй долгимъ историческимъ путемъ сложился по этому масштабу. Крестьянинъ не предъявлялъ спроса на рынокъ, а слѣдовательно и рынокъ требовалъ только то количество труда, которое обыкновенно предлагалъ крестьянинъ. Но вотъ является новый порядокъ вещей. То количество земли, которымъ онъ пользовался и которое было только достаточно для поддержанія его хозяйства, значительно сокращается: въ сѣверной

полосѣ онъ лишается выгоновъ и сѣнокосовъ, вслѣдствіе чего не можетъ содержать скота, а съ уменьшеніемъ послѣдняго должна уменьшиться и запашка; въ южной же полосѣ прямо уменьшилось количество пахатной земли. Такимъ образомъ возможность крестьянина удовлетворять свои потребности прямымъ приложеніемъ труда къ землѣ уменьшилась, тогда какъ весь строй жизни, всѣ привычки и понятія, сложившіеся при условіяхъ этой возможности, теперь должны были радикально измѣниться, а между тѣмъ всякій знаетъ, легко ли неразвитому человѣку отстать отъ рутины и приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ. Очень естественно, что эти обстоятельства должны были перевернуть вверхъ дномъ все его убогое хозяйство. Правда, у него, какъ и у семьи его, за сокращеніемъ надѣла оставалось много свободнаго времени, которое онъ могъ употребить для стороннихъ заработковъ и такимъ образомъ пополнить оказывающійся дефицитъ въ его хозяйствѣ; но такое рѣшеніе подобнаго вопроса крестьянскаго хозяйства отзывается совершенно теоретическою канцелярщиной, не имѣющею никакого понятія о дѣйствительной жизни и о практической возможности исполненія подобной задачи. Очень легко сказать голодному человѣку, что онъ долженъ работать для того, чтобы быть сытымъ; но вѣдь для этого нужно, чтобы кто-нибудь согласился платить за эту работу, то-есть чтобы наша патріархальная система хозяйства внезапно обратилась въ денежную, чтобы также внезапно явилась масса комитетовъ, готовыхъ дать работу свободнымъ рукамъ, что было совершенно невозможно. Но еслибы подобный феноменъ и былъ возможенъ, то онъ все-таки не устранилъ бы печальныхъ послѣдствій, такъ какъ, во-первыхъ, капиталъ при своихъ затратахъ требуетъ постоянныхъ занятій, тогда какъ крестьянинъ, и въ особенности одинокій, можетъ выносить на рынокъ свой трудъ только временно, когда позволяютъ полевыя работы его собственнаго хозяйства. Затѣмъ, даже устраняя это затрудненіе, въ подобныхъ заработкахъ могъ употребляться только собственный трудъ крестьянина, а не трудъ его семьи, которая привязана къ дому и можетъ употреблять на полевыя работы только часть дня. Работа женщины, подростковъ и стариковъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ имѣетъ огромное значеніе и можетъ быть съ пользою употреблена только въ собственномъ хозяйствѣ крестьянина. Это обстоятельство въ особенности заставляетъ крестьянъ дорожить землею даже въ мѣстностяхъ неплодородныхъ. Безъ этого условія рабочія силы его семьи

оставались бы праздными. Мнѣ могутъ сказать, что свободныя крестьянскія силы могли бы быть употребляемы на заработки въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; но такое возраженіе можетъ сдѣлать опять-таки человѣкъ не имѣющій понятія о томъ, что происходило на дѣлѣ.

Повидимому, мнѣ нечего доказывать тотъ общеизвѣстный фактъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ произошелъ значительный кризисъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ и что помѣщики, пользуясь до того времени даровымъ трудомъ, не умѣли съ выгодою вести денежное хозяйство и что вслѣдствіе этого помѣщичьи запашки сократились значительно, вмѣстѣ съ чѣмъ долженъ былъ сократиться и спросъ на рабочія руки. Изъ сказаннаго мною слѣдуетъ, что крестьянинъ не могъ пополнить заработками дефицита въ своемъ хозяйствѣ, — дефицита, образовавшагося вслѣдствіе сокращенія надѣловъ. Если же и были исключенія, то они въ общей картинѣ народнаго хозяйства не имѣютъ никакого значенія. Затѣмъ крестьянину для того, чтобы пополнить этотъ дефицитъ и поддержать установившійся вѣками порядокъ своего хозяйства, оставалось одно средство — нанимать недостающее ему количество земли, и онъ дѣйствительно въ огромномъ большинствѣ случаевъ прибѣгалъ именно къ этому средству.

Но какія же выходили послѣдствія изъ подобнаго порядка вещей?—Прежде всего онъ обязывался выкупными платежами, слѣдовательно долженъ былъ прибѣгать къ денежнымъ заработкамъ, падавшимъ лично на него, тогда какъ прежде, отправляя эту повинность натурою, онъ раздѣлялъ ее съ своимъ семействомъ. Затѣмъ онъ обязывался платить за нанимаемую имъ землю, которою прежде пользовался безплатно. Такимъ образомъ для него возникала необходимость денежныхъ заработковъ въ размѣрахъ гораздо болѣе значительныхъ, чѣмъ прежде, но общій соціальный строй русскаго общества оставался прежній. Производство вообще развивалось мало,—капиталы если и прибывали въ Россію, то они, имѣя въ виду спеціально желѣзнодорожное дѣло, вызывали спросъ на рабочія руки только временно и притомъ далеко не повсемѣстно, а преимущественно тамъ, гдѣ народъ привыкъ къ землянымъ работамъ. Прибавьте къ этому сильное возвышеніе податнаго обложенія и возвышеніе акциза на вино и патентнаго сбора и потому еще большее возвышеніе цѣны вина, этого необходимаго для рабочаго человѣка предмета потребленія. Прибавьте еще возникновеніе и постоянное возвышеніе земскихъ сборовъ — и тогда

вы поймете, на сколько увеличилась потребность крестьянина въ денежномъ заработкѣ при той же степени развитія производства вообще.

Теперь, читатель, представьте себѣ русскаго крестьянина, привыкшаго употреблять свой трудъ или на непосредственное удовлетвореніе своихъ потребностей, или на отбываніе своихъ повинностей, то-есть привыкшаго къ патріархальному хозяйству,—въ положеніи человѣка, обязаннаго денежными платежами, и притомъ въ размѣрахъ постоянно повышающихся, при едва замѣтномъ увеличеніи спроса на трудъ. Могъ ли этотъ человѣкъ при его неразвитости не потеряться въ этомъ совершенно новомъ для него положеніи и раціонально распорядиться своимъ временемъ и своими средствами? Помѣщики—люди болѣе его развитые, но и для нихъ время освобожденія крестьянъ и переходъ къ денежному хозяйству былъ не подъ силу; каково же, спрашивается, живется крестьянину во время этого перехода, который для него еще далеко не кончился? Но время для рабочаго человѣка — это единственное его имущество, на которое онъ существуетъ, и притомъ такое имущество, которое онъ необходимо долженъ продавать постоянно, иначе оно пропадетъ безвозвратно. Мало того, непроданное время обременяетъ результатъ прежняго или будущаго труда издержками на поддержаніе жизни. Всякое другое имущество, не будучи продано въ извѣстный моментъ, не теряетъ своей цѣнности, тогда какъ цѣнность труда исчезаетъ совершенно. Вотъ этой-то разницы и не хотятъ понять защитники свободы соглашеній труда и капитала.

При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что для крестьянина необходима та земля, которая подходитъ къ его селенію, то-есть та, которая прежде состояла въ его владѣніи. Онъ не можетъ нанимать землю далеко отстоящую отъ его мѣста жительства, въ особенности если она нужна для выгона или требуетъ удобренія. Во всякомъ случаѣ къ землѣ отдаленной онъ не можетъ приложить всей рабочей силы своего семейства. Помѣщики въ большинствѣ случаевъ очень хорошо понимали такое положеніе крестьянъ и, конечно, не упускали случая воспользоваться этимъ при отводѣ крестьянскихъ надѣловъ, оставляя за собою извѣстную часть необходимой для крестьянъ земли. Эта часть становилась тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе былъ ограниченъ надѣлъ на основаніи правилъ, о которыхъ я говорилъ выше. При такихъ условіяхъ и преимущественно въ крупныхъ имѣніяхъ, гдѣ кресть-

надѣлы окружены совершенно помѣщичьими землями, крестьяне, освободясь отъ крѣпостнаго права, попали въ полную экономическую зависимость гораздо болѣе тяжкую, нежели крѣпостное право. Люторичскіе крестьяне—не одни въ Россіи, ихъ очень много и всѣ они обязаны нанимать земли бывшаго ихъ помѣщика на тѣхъ условіяхъ, которыя имъ предписаны. Само собою разумѣется, что при возраставшей потребности въ денежныхъ платежахъ и неимѣніи чѣмъ платить они обязывались работою, отдавая послѣднюю за безцѣнокъ. Въ первое однако же десятилѣтіе, когда арендная плата была еще не высока, оскудѣніе крестьянъ не такъ было замѣтно. Но когда цѣны достигли ихъ нынѣшнихъ размѣровъ, неприглядное положеніе дѣлъ выяснилось вполнѣ. Впрочемъ нужда въ деньгахъ мѣшала и прежде крестьянамъ заботиться о поддержаніи своей хозяйственной самостоятельности. Подобная забота обѣщаетъ выгоду только послѣ извѣстнаго промежутка времени, а между тѣмъ нужда не ждетъ и гоняетъ крестьянина на заработки, далеко въ степь, куда онъ идетъ на-авось и гдѣ подвергается всякой случайности, сплошь и рядомъ даже дорóгой; но непостоянный заработокъ не покрываетъ потеряннаго на пріисканіе работъ времени и люди являются домой съ пустыми руками. При этомъ надо вспомнить, что нужда и бѣдность—плохой совѣтникъ для рабочаго человѣка. Убѣдясь въ томъ, что ему трудно выбиться изъ нужды, онъ перестаетъ беречь случайно завернувшуюся въ его карманъ копѣйку. Какая польза принести ее домой, если онъ знаетъ, что она не улучшитъ его положенія и будетъ взята у него за недоимку? Онъ лучше пропьетъ ее и такимъ образомъ получитъ хоть какое-нибудь удовольствіе. Не этимъ ли путемъ поддерживается высота нашего питейнаго дохода? Мнѣ кажется, что это не можетъ быть иначе и потому представляется явленіемъ весьма печальнаго свойства, въ особенности при той картинѣ, которая мною набросана. Мнѣ, конечно, скажутъ, что картина русской жизни, набросанная мною, невѣрна, что положеніе дѣлъ вовсе не такъ печально для крестьянъ, что, напротивъ того, помѣщичьи хозяйства представляютъ на столько вѣрный заработокъ для крестьянъ, что они сами страдаютъ отъ недостатка и дороговизны рабочихъ рукъ. Послѣднее я готовъ допустить по отношенію къ степнымъ хозяйствамъ южной Россіи: тотъ край дѣйствительно можетъ чувствовать недостатокъ рабочихъ рукъ, но далеко не въ такой степени, какъ это говорятъ. Что же касается внутреннихъ губерній, то подобные возгласы

мнѣ кажутся вполнѣ недобросовѣстными и раздаются только потому, что, какъ говоритъ пословица, «*люди привыкли на обухъ рожь молотить*», то-есть получать выгоду ничего не затрачивая. Крестьянская нужда засвидѣтельствована неоспоримыми фактами: не даромъ крестьянинъ идетъ въ степь искать работы наавось, недаромъ бросаетъ насиженное мѣсто и идетъ искать свободныхъ земель въ Сибирь и на Амуръ,—все это онъ выдѣлываетъ *не отъ жиру, а быть бы живу*. Само собою разумѣется, что при сносномъ заработкѣ такихъ фактовъ не могло бы быть. Наконецъ, что, какъ не нужда, заставляетъ крестьянина еще зимою запродавать свой трудъ на лѣтнее время? Но разъ крестьянинъ нуждается въ задаточныхъ деньгахъ подъ свою лѣтнюю работу, тогда о дороговизнѣ рабочихъ рукъ нечего и говорить,—ихъ можно имѣть за всякую цѣну.

Если рабочій человѣкъ поставленъ въ необходимость запродавать свой будущій заработокъ, тогда для него нѣтъ выхода въ особенности при недостаточномъ или ничтожномъ надѣлѣ землею. Эта земля не удовлетворяетъ его потребностей, и послѣднія не могутъ сократиться, такъ какъ онѣ обусловливаются только необходимымъ для существованія, а между тѣмъ его будущій доходъ сократился на всю сумму взятаго задатка для покрытія текущаго дефицита, слѣдующій затѣмъ годъ представитъ двойную сумму дефицита и такъ далѣе, не говоря уже о дешевизнѣ труда, продаваемаго задолго впередъ. Вотъ вамъ послѣдствія ограниченія крестьянскихъ надѣловъ до размѣровъ, при которыхъ земля не въ состояніи удовлетворять первыхъ и безусловно необходимыхъ потребностей крестьянской семьи.

Но вотъ выступаютъ князь Васильчиковъ съ своей книгой и г. Самаринъ съ своими статьями и говорятъ намъ, что печальное положеніе крестьянъ зависитъ не отъ того, что крестьянскіе надѣлы ограничены, а отъ того, что они держатся системы экстенсивнаго хозяйства, что всякое расширеніе ихъ надѣловъ поощряло бы только эту невыгодную систему и что поэтому такое расширеніе вовсе не нужно, а необходимо научить крестьянъ болѣе раціональнымъ пріемамъ и улучшеннымъ способамъ хозяйства. Прежде чѣмъ я приступлю къ доказательству ошибочности такого взгляда, считаю нужнымъ извиниться передъ авторомъ «Землевладѣнія», что я позволяю себѣ сопоставить его имя съ именемъ г. Самарина. Я вполнѣ сознаю то значеніе, какое онъ имѣетъ въ русской литературѣ, и очень хорошо помню, что онъ первый

изъ русскихъ людей сказалъ, что *наемный трудъ есть кабальный* и что *только трудъ въ собственномъ хозяйствѣ можетъ быть названъ свободнымъ трудомъ.* Если же я теперь сопоставилъ имя уважаемаго писателя рядомъ съ именемъ г. Самарина, то только потому, что мнѣніе послѣдняго высказано въ газетѣ *Русь*, игнорировать которую я не желаю. Приведенное нами мнѣніе князя Васильчикова, конечно, не придется по вкусу г. Самарину, тѣмъ болѣе, что послѣдній имѣетъ еще и особый мотивъ возражать противъ увеличенія крестьянскихъ надѣловъ: онъ опасается остаться безъ плотниковъ, печниковъ, каменьщиковъ и такъ далѣе.

Перехожу однакожь къ дѣлу. Система хозяйства соотвѣтствуетъ культурѣ вообще: она можетъ отставать отъ нея, но не можетъ обгонять ее, на томъ простомъ основаніи, что для усвоенія раціональнаго пріема нужно понимать причину, почему онъ лучше другихъ, а для этого нужна извѣстная степень развитія, до которой нашему крестьянину еще далеко. Къ тому же его надѣлъ на столько ограниченъ, что урожай недостаточенъ на продовольствіе его семьи. Какимъ же образомъ можно убѣдить его ввести, напримѣръ, травосѣяніе и для этого сократить свой посѣвъ хлѣба, когда онъ и теперь не удовлетворяетъ его потребности? Подобный рискъ настоящимъ въ виду лучшаго будущаго ему не по силамъ. Нашъ крестьянинъ часто не въ состояніи сдѣлать даже и того улучшенія, пользу котораго онъ вполнѣ сознаетъ. Такъ, онъ хорошо понимаетъ, что, нанявши покосъ, онъ заготовитъ лишній стогъ сѣна, будетъ въ состояніи прокормить лишнюю скотину на дворѣ, удобрить лучше свою полосу и получить лучшій урожай; но, по необходимости имѣть деньги сейчасъ, онъ не дѣлаетъ этого, а продаетъ свой трудъ и получаетъ въ десять разъ меньшую сумму. Можно ли послѣ этого говорить объ интенсивной системѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ? Пока мы будемъ ждать осуществленія подобнаго идеала, можетъ наступить полное разореніе и, слѣдовательно, обезземеленіе крестьянъ. Въ послѣднее время число безземельныхъ крестьянъ сильно увеличивается, и если такой порядокъ продолжится, то государственнымъ финансамъ грозитъ большая опасность, въ виду того обстоятельства, что наше крестьянское сословіе составляетъ 85% всего населенія и его благосостояніе есть почти единственный источникъ нашихъ государственныхъ доходовъ.

Но это только одна сторона дѣла, которую просмотрѣлъ г. Аксаковъ. Для того, чтобы представить себѣ вѣрную картину по-

ложенія народа, не достаточно знать, что весь экономическій бытъ 85°/о населенія сложился совершенно иначе, чѣмъ на западѣ Европы, что существованіе этого населенія обезпечивается не оборотнымъ капиталомъ, а земельнымъ надѣломъ,—нужно знать строй жизни и остальной части населенія и ея отношеніе къ большинству народа, то-есть вліяніе, которое оказываютъ экономическія условія, господствующія въ средѣ этого меньшинства, на судьбу громаднаго большинства. Знать это вліяніе тѣмъ болѣе необходимо, что меньшинство, о которомъ я говорю, составляется изъ такъ-называемыхъ правящихъ классовъ. Сюда принадлежатъ люди служащіе правительству, люди свободныхъ профессій, землевладѣльцы и люди обладающіе денежными капиталами, то-есть люди имѣющіе за собой авторитетъ власти и закона, силу знанія и, наконецъ, силу капитала. Еслибы меньшинство хорошо понимало, что его матеріальное благосостояніе въ концѣ концовъ вполнѣ зависитъ отъ благосостоянія народныхъ массъ, то-есть что интересы его солидарны съ интересами народа, тогда бы, конечно, ничто не мѣшало установиться такому порядку вещей, при которомъ всякому жилось бы легко. Но въ томъ-то и дѣло, что понимаютъ это очень немногіе, и это потому, что тягостное положеніе массъ отзывается на высшихъ классахъ не тотчасъ, а по прошествіи извѣстнаго періода времени. На этомъ основаніи послѣдніе, не испытывая въ извѣстный моментъ особыхъ неудобствъ, вовсе не предусматриваютъ въ будущемъ того рикошетнаго отраженія, которое необходимо должно задѣть если не ихъ самихъ, то ихъ наслѣдниковъ. Они вовсе не хотятъ даже видѣть логическихъ и необходимыхъ послѣдствій народной бѣдности и невѣжества и въ жизни держатся пословицы: *après nous le déluge*, а такой взглядъ на дѣло рано или поздно долженъ привести къ печальному концу.

Обращаясь къ тѣмъ экономическимъ порядкамъ, которые господствуютъ въ средѣ меньшинства, мы видимъ совершенно другія формы хозяйства, чисто капиталистическія, денежныя. Съ легкой, или вѣрнѣе сказать — тяжелой, руки Петра эти формы получаютъ у насъ право гражданства и постепенно усиливаются въ средѣ высшихъ классовъ общества, въ особенности въ виду того обстоятельства, что Петръ употреблялъ самыя энергическія мѣры для введенія у насъ фабрикъ и заводовъ. Онъ же внесъ въ нашу внутреннюю политику тотъ ошибочный взглядъ, что торговля обогащаетъ страну и потому должна пользовать-

ся разными льготами и покровительствомъ правительства, между тѣмъ какъ торговля не создаетъ никакой цѣнности и существуетъ на счетъ производителя и потребителя, захватывая въ свою пользу ихъ доли изъ общей массы продуктовъ народнаго труда. Вслѣдствіе этого она можетъ имѣть право на существованіе только въ извѣстныхъ предѣлахъ, но ни въ какомъ случаѣ не должна пользоваться какими бы то ни было льготами и покровительствомъ. Къ сожалѣнію, со временъ Петра у насъ и въ законодательствѣ, и въ административной практикѣ господствуетъ совершенно обратный взглядъ на дѣло, и поэтому эта отрасль промышленности дѣлается самымъ удобнымъ средствомъ накопленія и наживы; она сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ избытки народнаго труда и является въ нашей экономической жизни почти единственною почвой, на которой капитализмъ не только могъ развиваться съ полнымъ просторомъ, но получалъ правительственную поддержку и поощреніе. Хотя подобною поддержкой капитализмъ пользовался также въ фабричномъ и заводскомъ производствѣ, но здѣсь онъ встрѣчался съ такимъ тормозомъ, какъ крѣпостное право, и потому всѣ его попытки на этой почвѣ не могли имѣть большаго успѣха. Эта неудача обусловливалась естественнымъ порядкомъ вещей и при господствѣ этого порядка нельзя было ожидать никакихъ другихъ послѣдствій; но капитализмъ въ своемъ стремленіи захватить почву производства не терялъ бодрости. Онъ надѣваетъ маску патріотизма, жалуется на эксплуатацію Россіи иностранцами и проситъ обложенія заграничныхъ товаровъ таможенными пошлинами въ видахъ будто бы огражденія народнаго труда. Установивъ такимъ образомъ налогъ на потребителя въ свою пользу, онъ не довленъ его размѣрами и постоянно требуетъ его повышенія, въ чемъ положительно успѣваетъ. Несмотря однако же на это, наши фабрики и заводы работаютъ плохо и могутъ сводить концы съ концами только обирая и обсчитывая рабочихъ. Въ этомъ отношеніи захваты капитализма даже и послѣ отмѣны крѣпостнаго права мало подвигаются впередъ. Народъ бѣденъ и не предъявляетъ спроса, а достаточные классы представляютъ слишкомъ ограниченный рынокъ для такого расширенія производства, при которомъ была бы возможна конкуренція съ западнымъ производствомъ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ и съ провозглашеніемъ принципа о надѣлѣ ихъ такимъ количествомъ земли, которое обезпечивало бы ихъ продовольствіе и исполненіе повинностей, казалось,

что пѣсня капитализма въ Россіи спѣта и что эксплуатація труда невозможна. Масса населенія получаетъ въ руки главное орудіе отечественнаго производства—землю—и слѣдовательно будетъ обезпечена въ средствахъ существованія. Такъ думали многіе въ то время, такъ думаютъ иные и теперь, и мы недавно еще читали въ *Отечественныхъ Запискахъ* нѣсколько статей, доказывающихъ, что капитализмъ безсиленъ и не имѣетъ будущности въ нашемъ отечествѣ. Но не то говорятъ факты.

Дѣло въ томъ, что капитализмъ вовсе не лишенъ у насъ почвы, какъ полагаетъ авторъ упомянутыхъ статей, въ особенности при тѣхъ бюрократическихъ порядкахъ, которые у насъ господствуютъ. Онъ имѣетъ твердую опорную точку въ нашемъ государственномъ бюджетѣ и всегда найдетъ возможность не только увеличить его размѣры, но и воспользоватся значительной его частію. Чтобъ убѣдиться въ справеливости этихъ словъ, стоитъ только вспомнить, что было за какія-нибудь 20 лѣтъ назадъ и что стало теперь. Нашъ государственный бюджетъ не превышалъ 300 милліоновъ рублей, теперь же онъ представляетъ цифру въ 700 милліоновъ. По государственнымъ долгамъ мы платили около 50 милліоновъ рублей, а теперь почти 200 милліоновъ. Гарантіи желѣзнодорожнымъ обществомъ тогда не платилось вовсе, а теперь не менѣе 15 милліоновъ; а на сколько съ тѣхъ поръ расширились всѣ операціонные расходы правительства? Весь избытокъ этихъ расходовъ въ сравненіи съ этимъ временемъ есть налогъ, который взимаетъ съ русскаго народа алчущій и жаждущій капитализмъ при посредствѣ государственнаго бюджета; но эта цифра значительно увеличится, если принять въ соображеніе систему взиманія питейнаго дохода. Въ розницу вино продается даже до 10 рублей. Впрочемъ; во избѣжаніе ошибки, мы примемъ 8 рублей, а ведерную продажу въ 6 рублей, но такъ какъ розничная продажа составляетъ $^3/_4$ всей продажи, а въ общей сложности 4 ведра продаются за 30 руб., то-есть по 7 руб. 50 коп., и такъ какъ въ Россіи продается до 70 милліоновъ ведръ, то оказывается, что народъ платитъ за вино 525 милліоновъ руб., изъ которыхъ казна получаетъ 200 милліоновъ. Прибавьте къ этому 70 милліоновъ руб. стоимости вина и вы увидите, что народъ переплачиваетъ въ пользу виноторговцевъ до 250 милліоновъ руб. Но и это далеко на все: сюда надо прибавить тотъ налогъ, который взимаютъ капиталисты въ видѣ возвышенія цѣнъ на предметы внутренняго приготовленія, вслѣдствіе обложенія пошли-

нами заграничныхъ произведеній и въ видѣ барышей, которые они наживаютъ отъ нашего экспорта. Мы указали только на нѣкоторыя стороны нашей общественной жизни, которыми легко можетъ воспользоваться капитализмъ въ видахъ эксплуатаціи населенія, и вовсе не говоримъ о цѣлой массѣ сдѣлокъ, при которыхъ только лѣнивый не обираетъ нашего темнаго крестьянина.

Намъ могутъ возразить, что возвышеніе государственнаго бюджета вызывается отнюдь не капиталистами, а государственными потребностями, и что нельзя сравнивать того положенія, когда Россія не имѣла никакихъ путей сообщенія, съ тѣмъ, когда она имѣетъ 22 тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ. Все это, какъ мнѣ кажется, будутъ слова, значеніе которыхъ ускользаетъ даже для тѣхъ, которые ихъ произносятъ. Конечно, можно согласиться съ тѣмъ, что увеличеніе бюджета вызывается государственными потребностями, но при этомъ можно спросить, для кого и кѣмъ создаются эти потребности. Само собою разумѣется, что всѣ онѣ, или почти всѣ, являются потребностями того ничтожнаго меньшинства, которое именуется высшими классами. Масса же русскаго народа, оплачивая громадный бюджетъ, не получаетъ за это никакихъ особыхъ удобствъ. Всѣ расходы, которые вызываются незатѣйливой обстановкой общественной жизни народа, оплачиваются имъ особо изъ его убогой сумы въ видѣ мірскихъ и земскихъ сборовъ, а отнюдь не изъ бюджетныхъ средствъ. Что же касается желѣзныхъ дорогъ, то десятки тысячъ верстъ, которыми покрылась Россія, не могли поднять уровень народнаго благосостоянія ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ въ собственномъ своемъ хозяйствѣ крестьянинъ производитъ только то, что нужно ему для его собственнаго потребленія, и не имѣетъ ничего для сбыта. Мало этого, большинство должно нанимать землю, чтобъ обезпечить продовольствіе своей семьи. На этомъ основаніи народъ не могъ предъявлять желѣзнымъ дорогамъ никакого спроса на перевозку продуктовъ своего труда и, слѣдовательно, не пользовался услугами желѣзныхъ дорогъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ своихъ поискахъ за работой онъ проѣзжалъ по желѣзной дорогѣ, выгода доставалась не ему, а шла въ пользу того, кто пользовался его трудомъ. Стало-быть вся лихорадочная дѣятельность по сооруженію желѣзныхъ дорогъ вовсе не была удовлетвореніемъ народныхъ потребностей, а вызывалась интересами тѣхъ классовъ, въ хозяйствѣ которыхъ господствовала денежная или капиталистическая система, т. е. интересами ни-

чтожнаго меньшинства. Одна часть этого меньшинства требовала желѣзныхъ дорогъ для сбыта продуктовъ своего хозяйства, утверждая, что отсутствіе удобныхъ путей сообщенія мѣшаетъ развитѣ наши производительныя силы; другая часть, не довольствуясь возможностью спекулировать въ казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, ожидала богатыхъ барышей отъ спекуляціи дешевымъ хлѣбомъ; наконецъ, третья, наиболѣе счастливая, нашла себѣ райское пристанище въ постройкѣ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Но народныя массы не могли получить никакихъ выгодъ: напротивъ, ихъ положеніе ухудшалось, по меньшей мѣрѣ, въ той степени, въ какой сооруженіе желѣзныхъ дорогъ могло увеличить бремя податей и налоговъ, главная тяжесть которыхъ при нашей финансовой системѣ падаетъ прямо на бѣднѣйшіе классы общества. Въ виду такихъ обстоятельствъ я имѣлъ полное право сказать, что возрастаніе государственнаго бюджета вызывается преимущественно интересами меньшинства. Но желѣзныя дороги не разлучны съ банками. Прежде чѣмъ могутъ возникнуть эти колоссальныя сооруженія, необходимо сосредоточеніе капиталовъ, что невозможно безъ существованія банковъ. У насъ при первыхъ сооруженіяхъ дѣйствовали заграничные банки, а затѣмъ правительство приняло на себя реализацію облигаціонныхъ капиталовъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Являясь на рынокъ, гарантированныя бумаги желѣзныхъ дорогъ представляли такое вѣрное обезпеченіе, что капиталы не могли упустить случая сдѣлать ихъ предметомъ своихъ операцій, тѣмъ болѣе, что рыночный процентъ въ Россіи очень высокъ, и вотъ банки начинаютъ рости какъ грибы во всѣхъ видахъ. Затѣмъ акціи и закладные листы банковъ сами по себѣ представляли хорошій объектъ для кредитныхъ операцій, а потому къ желѣзнодорожной горячкѣ, поддерживаемой всѣми средствами государственнаго казначейства, присоединилась и горячка банковъ. Всѣ свободные капиталы, обращавшіеся въ то время на русскомъ рынкѣ, обратились на покупку бумагъ и биржевую игру, а промышленность и торговля почувствовали значительный недостатокъ въ оборотныхъ средствахъ. Въ сущности кризисъ наступалъ уже тогда, но онъ былъ отсроченъ дѣятельностью государственнаго банка. Послѣдній, открывъ операцію покупки золота, выпустилъ болѣе 150.000.000 руб. кредитныхъ билетовъ, и обстоятельство это на время отсрочило наступленіе торговаго кризиса; что же касается производительной промышленности, то она находилась всегда у насъ не

въ авантажѣ, а теперь биржевая спекуляція заслонила ее собою вполнѣ, тѣмъ болѣе, что правильное производство и труднѣе, и менѣе доходно, чѣмъ торговыя бумаги. Въ особенности же страдала наша земледѣльческая промышленность, затрата въ которую какихъ бы то ни было капиталовъ считалась безуміемъ; ссуды земельныхъ банковъ шли вовсе не на улучшеніе сельскохозяйственнаго производства, а просто на расплату прежнихъ долговъ землевладѣльцевъ и въ рукахъ ихъ кредиторовъ обращались на ту же биржевую игру.

Такимъ образомъ у насъ явились желѣзныя дороги и банки отнюдь не какъ послѣдствія развитой промышленности въ видѣ орудій обмѣна и сбыта уже готовыхъ продуктовъ производства, а какъ предполагаемые двигатели будущаго развитія нашихъ производительныхъ силъ; затраты же на ихъ сооруженіе были такъ значительны, что на самое развитіе производительности у насъ не хватило средствъ. Кромѣ того, для развитія производительныхъ силъ необходимо знаніе и предпріимчивость, а ихъ-то у насъ всего менѣе было въ наличности. Наши капиталисты были люди составившіе себѣ состояніе не трудомъ, знаніемъ или изобрѣтательностію, а умѣньемъ вести дѣла съ казною. Казенные подряды, откупа или теплыя мѣстечки по государственной службѣ—вотъ источники, изъ которыхъ образовались наши капиталы и обладатели ихъ, люди большею частію безъ всякаго образованія, ни въ какомъ случаѣ не могли составить контингентъ двигателей нашего производства. Подобная среда могла выставить ловкихъ дѣльцовъ, хищниковъ, которые посредствомъ желѣзнодорожныхъ концессій, кредитныхъ или другихъ акціонерныхъ обществъ умѣли на законномъ основаніи переводить деньги изъ чужаго кармана въ свой, но рисковать своими капиталами на производительную затрату эти люди не умѣли и не хотѣли. Такимъ образомъ у насъ явились желѣзныя дороги, но не было ни продуктовъ производства, ни потребителей этихъ продуктовъ, и возить по этимъ дорогамъ (за самымъ малымъ исключеніемъ) намъ было нечего. Затѣмъ образовались банки, но благонадежныхъ векселей для учета не было также въ наличности и наши банки стали пособниками не производства, а биржевой игры. Единственный продуктъ, который встрѣчался на нашемъ рынкѣ въ значительныхъ количествахъ, это хлѣбъ въ разныхъ видахъ, и за отсутствіемъ другихъ товаровъ наша спекуляція ухватилась за него.

Но и этотъ послѣдній рессурсъ оказался далеко не достаточнымъ, чтобы снабдить наши желѣзныя дороги такимъ количествомъ грузовъ, при которомъ онѣ могли бы оплачивать проценты ея громадныхъ капиталовъ, улетѣвшихъ на ихъ сооруженіе. Желаніе привлечь грузы во что бы то ни стало повело къ сильному пониженію тарифа въ прямомъ сообщеніи, но это увеличило доходность только центральныхъ линій и поставило въ очень невыгодныя условія остальныя. Къ тому же всѣ хлѣбные грузы предъявлялись къ перевозкѣ почти одновременно въ осенніе и зимніе мѣсяцы, такъ что дороги не въ состояніи были ихъ передвигать въ данное время и наносили тѣмъ громадные убытки отправителямъ; въ остальное же время года онѣ оставались безъ движенія и дѣло, наконецъ, дошло до того, что правительственная ежегодная приплата по гарантіи и недоборъ процентовъ по облигаціямъ за 1879 годъ близко подходятъ къ 50.000.000 руб. Что же касается 1880 года, то, въ виду недобора въ валовомъ доходѣ желѣзныхъ дорогъ въ сравненіи съ предыдущимъ въ 27.000.000 руб., приплата правительства должна возрасти значительно.

Такимъ образомъ всѣ великія надежды, возлагавшіяся на желѣзныя дороги, оказались положительнымъ призракомъ. А надежды эти были очень серьезны: мы думали, что стоитъ только соединить наши хлѣбныя житницы съ портовыми городами и съ европейскими желѣзными дорогами—и это обогатитъ Россію, что она имѣетъ неисчерпаемыя богатства хлѣба, въ обмѣнъ на которыя можетъ получать всѣ блага въ мірѣ, что ея валюта возстановится въ своей стоимости, что золото перестанетъ уходить изъ Россіи, что финансы ея процвѣтутъ и народъ разбогатѣетъ. Ни одной изъ этихъ надеждъ не пришлось осуществиться и въ результатѣ оказалось, что народъ изъ прежней своей бѣдной сумы долженъ оплачивать лишніе 50.000.000 руб., не имѣя возможности предъявить къ вывозу значительнаго количества избытковъ своей хлѣбной производительности, которая находится въ полномъ застоѣ. Вслѣдствіе полнаго невѣжества не только нашего крестьянства, но и нашихъ землевладѣльцевъ, у насъ употреблялись и пріемы и орудія допотопнаго періода, при которыхъ производительность труда оказывалась ничтожною, что, разумѣется, поддерживало несчастное убѣжденіе о невыгодности затратъ капитала въ сельскохозяйственной промышленности.

Но вотъ наступаетъ 1877 годъ, открываются военныя бѣдствія и усиленныя издержки покрываются выпускомъ кредитныхъ

билетовъ въ видахъ облегченія производства займовъ, какъ тогда говорили. Это ведетъ, разумѣется, къ очень быстрому паденію нашей валюты въ международныхъ сдѣлкахъ, между тѣмъ какъ цѣна кредитнаго рубля на внутреннемъ рынкѣ остается прежняя, или почти прежняя, то-есть очень медленно понижается: и вотъ на этой разницѣ въ курсѣ нашей валюты на внѣшнемъ и внутреннемъ рынкѣ начинается адская пляска нашей спекуляціи, занимающейся скупкой хлѣба для отправки его за границу. Повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ, далеко однакожъ не достигавшее пониженія нашей валюты по отношенію къ золоту, вскружило голову всѣмъ производителямъ и они наперерывъ стали продавать свой хлѣбъ осенью сейчасъ послѣ уборки, лишь бы воспользоваться высокими цѣнами до закрытія навигаціи, между тѣмъ какъ заграничный покупатель, пріобрѣтая его на металлическую валюту, получилъ нашъ хлѣбъ по цѣнамъ болѣе низкимъ, чѣмъ въ прежнее время. Стоимость нашего кредитнаго рубля закрывала глаза у всѣхъ и напустила столько тумана, что мы и не замѣтили, какъ десятки милліоновъ убѣгали изъ нашихъ кармановъ именно въ тотъ моментъ, когда мы думали, что богатѣемъ. Но главная наша бѣда состояла въ томъ, что не болѣе какъ въ два года, слѣдовавшіе за паденіемъ нашей валюты, мы успѣли вывезти всѣ наши запасы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей и только неурожайный 1880 годъ заставилъ— не скажу образумиться, а оглянуться назадъ и признаться, что у насъ не все обстоитъ благополучно. Я не говорю «образумиться» на томъ основаніи, что и до сихъ поръ мало кто понимаютъ, гдѣ корень зла, и продолжаютъ разсчитывать на палліативныя мѣры, въ полной увѣренности, что это—только временное затрудненіе.

Никто, или почти никто, не сознаетъ, что корень зла лежитъ въ той ошибочной финансовой и торговой политикѣ, которой мы держались съ самаго начала освобожденія крестьянъ и употребляли всѣ средства государственнаго казначейства и государственнаго кредита на поощреніе и развитіе не производства, а обмѣна, и это въ то время, когда 85% нашего населенія не производили ничего для обмѣна, а все для собственнаго потребленія, и когда, слѣдовательно, намъ и обмѣниваться-то было нечѣмъ. Конечно, строгій критикъ можетъ придраться къ моимъ словамъ, такъ какъ высказанная мною мысль не имѣетъ въ себѣ безусловной вѣрности: въ экономической и соціальной жизни многомилліоннаго

народа, разбросаннаго на огромномъ пространствѣ, всѣ явленія не могутъ быть одинаковы и исключенія должны быть допущены. Но, вѣдь, говоря объ отношеніи государственной дѣятельности къ народной жизни, нельзя же принимать въ соображеніе исключеній, и мнѣ кажется, что я не встрѣчу возраженій, если скажу, что это отношеніе должно обусловливаться положеніемъ и интересами большинства, которому дѣйствительно и по его образу жизни, и по его бѣдности обмѣниваться было нечѣмъ, за исключеніемъ развѣ кое-какихъ незатѣйливыхъ предметовъ кустарнаго промысла, который и до сихъ поръ остается безъ всякой поддержки и поощренія.

При этомъ не слѣдуетъ терять изъ вида, что торговая дѣятельность, руководящая обмѣномъ, сама по себѣ не создаетъ никакой цѣнности, а пользуется только недоборомъ производителя и переплатой потребителя, т. е. существуетъ на счетъ труда и интересовъ другихъ классовъ общества, и въ виду сложившихся условій нашего соціальнаго устройства могла обогащаться только путемъ хищничества и обмана. Между тѣмъ, на основаніи залетѣвшихъ къ намъ идей буржуазной политики, классъ людей занимающихся торговлею признается особенно полезнымъ въ народной жизни, а развитіе торговли считается развитіемъ народнаго богатства и мѣриломъ народнаго благосостоянія; въ дѣйствительности же совершается какъ разъ наоборотъ, т. е. что пріобрѣтенія торговаго класса состоятъ въ прямомъ отношеніи съ потерями другихъ классовъ общества. Теперь представьте себѣ, что этому классу людей, интересы котораго прямо противуположны интересамъ остальнаго общества, обезпечиваются не только всѣ возможныя льготы съ платежей государственныхъ и земскихъ налоговъ, не только оказывается всякое содѣйствіе въ производствѣ оборотовъ путемъ устройства путей сообщенія, ярмарокъ, складовъ, морскихъ портовъ и портовыхъ приспособленій, но онъ вооружается еще и всею силою государственнаго кредита, вслѣдъ за которымъ организуется и частный кредитъ съ тою же цѣлію. Не вѣрите, такъ загляните въ наши банки, начиная съ государственнаго и кончая городскимъ общественнымъ банкомъ какого-нибудь уѣзднаго города. Право на учетъ векселей даетъ только торговля. Послѣдній лавочникъ, имѣющій быть-можетъ всего товара на сотни рублей, можетъ разсчитывать на учетъ его векселей; но зажиточный крестьянинъ, человѣкъ свободной профессіи, землевладѣлецъ или домовладѣлецъ, если онъ не имѣетъ торговаго за-

веденія, не получитъ кредита ни въ какомъ банкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ замѣтьте, читатель, что средства государственнаго банка, его конторъ и отдѣленій по всей Россіи направлены всецѣло на поддержаніе этого порядка вещей, что учетные комитеты, завѣдывающіе опредѣленіемъ кредита отдѣльныхъ лицъ, состоятъ исключительно изъ торговаго люда, ревниво оберегающаго кругъ лицъ, пользующихся кредитомъ, отъ вторженія въ него постороннихъ элементовъ, и что на тѣхъ же основаніяхъ дѣйствуютъ и частные банки и имъ открытъ очень свободный кредитъ въ государственномъ; вслѣдствіе чего, оперируя казенными средствами, они являются не болѣе какъ тѣми же конторами государственнаго банка. Такимъ образомъ наименѣе производительный, но наиболѣе хищный элементъ въ обществѣ, на основаніи какихъ-то ошибочныхъ взглядовъ, получаетъ поддержку со стороны государственнаго кредита, вооружается всѣми его силами въ борьбѣ съ патріархальными условіями нашего сельскохозяйственнаго производства, продукты котораго представляютъ почти исключительный объектъ торговой дѣятельности сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ.

Принявъ всѣ эти условія въ соображеніе, представьте себѣ, читатель, что въ среду патріархальной русской жизни, удовлетворяющую всѣмъ своимъ потребностямъ исключительно продуктами непосредственнаго труда, вторгаются два новые фактора: во-первыхъ, нужда въ деньгахъ на уплату за наемъ земли по недостаточности надѣла, на взносъ выкупныхъ платежей и вслѣдствіе возвышенія податей и налоговъ; во-вторыхъ, представитель денежныхъ средствъ, какъ покупатель хлѣба или труда,—представитель, вооруженный не только своими собственными средствами, но даже средствами кредита, и потому имѣющій возможность выжидать и предложить свои услуги крестьянину въ тотъ моментъ, когда эта нужда ощущается всего болѣе. Можно ли думать, чтобы въ такихъ обстоятельствахъ, въ особенности въ первые годы послѣ освобожденія, крестьянинъ могъ дѣйствовать вполнѣ разсчетливо, осторожно охраняя свои интересы? Если новый порядокъ вещей засталъ помѣщиковъ не подготовленными къ дѣлу, то крестьянинъ могъ быть еще въ большемъ затрудненіи. Ясно, что здѣсь борьба между трудомъ и капиталомъ была немыслима: капиталъ получалъ хлѣбъ или трудъ, смотря по тому, что въ данный моментъ для него болѣе нужно, и по всякимъ цѣнамъ, хотя бы крестьянинъ, продавая свой трудъ, рисковалъ

сборомъ своего хлѣба, или, продавая хлѣбъ осенью, принужденъ былъ покупать его весною по высокимъ цѣнамъ. Нужда въ деньгахъ заставляла его прибѣгать къ тому или другому способу. Такой порядокъ вещей прямо велъ къ возникновенію мелкихъ промышленниковъ, которые, становясь ближе къ крестьянину, дѣлались посредниками между человѣкомъ труда и крупнымъ капиталистомъ, а вслѣдствіе этого все, случайно выдающееся изъ народа, присоединялось къ торгующему классу, увеличивая собою число паразитовъ, пріютившихся на тѣлѣ русскаго организма и поглощающихъ и трудъ, и время рабочаго человѣка.

Какія же послѣдствія возникаютъ отсюда?

«Чумазый идетъ,—говоритъ нашъ сатирикъ,—придетъ и слопаетъ». И это—великая истина, которая подтверждается не только фактами жизни, но и статистическими данными. Газеты переполнены извѣстіями о господствѣ деревенскихъ кулаковъ и міроѣдовъ, и я имѣю положительное свѣдѣніе отъ лица, въ справедливости словъ котораго нельзя сомнѣваться, что въ одномъ изъ уѣздовъ Костромской губерніи содержатель кабаковъ чуть ли не половины уѣзда распоряжается въ уѣздѣ всѣмъ и даже выборами мировыхъ судей: неугодившихъ ему онъ не только стращаетъ забаллотировкою, но и исполняетъ свои угрозы. Такъ говорятъ факты жизни. А вотъ и статистика: при полномъ застоѣ хлѣбной производительности и постоянномъ возрастаніи вывоза хлѣба, на внутреннее потребленіе остается все меньшее и меньшее количество, такъ что въ теченіе восьми только лѣтъ потребленіе хлѣба въ Россіи сократилось на 14% («Очерки нашего пореформеннаго хозяйства». *Слово*. 1880 г., октябрь). Это по отношенію къ обѣдненію массъ. Что же касается вопроса, куда идутъ цѣнности, производимыя народомъ и ускользающія изъ его рукъ, т. е. вопроса о накопленіи капиталовъ, то и въ этомъ отношеніи есть интересныя данныя: не говоря уже о постоянномъ возрастаніи банковыхъ оборотовъ, въ которыхъ сосредоточиваются значительные капиталы, мы укажемъ на одну цифру особенно характеристичную, именно на процентныя бумаги, представленныя на храненіе въ государственный банкъ, его конторы и отдѣленія,—слѣдовательно, бумаги совершенно свободныя. Къ 1871 году такихъ бумагъ было двѣсти шестьдесятъ восемь милліоновъ, а по истеченіи 10 лѣтъ, къ 1881 году, эта цифра доходитъ до милліарда рублей (отчеты государственнаго банка), т. е. доля гг. Деруновыхъ и Разуваевыхъ въ суммѣ общаго продукта страны

увеличилась вчетверо. Это—уже не процентъ съ капитала, даже не барышъ, а просто—переводъ народнаго труда въ карманъ немногихъ счастливцевъ на вполнѣ законномъ основаніи. При этомъ надо замѣтить, что наиболѣе сильное возрастаніе этихъ капиталовъ происходило въ послѣдніе три-четыре года, т. е. въ бѣдственные годы войны и неурожаевъ. Стало-быть годы народныхъ бѣдствій представляются самыми урожайными для гг. *Чумазыхъ*, нашествіе которыхъ подвигается съ большей энергіей и успѣхомъ.

Между тѣмъ вотъ этого-то нашествія гг. Чумазыхъ и не замѣтили ни газета *Русь*, ни *Московскія Вѣдомости*, и не замѣтили потому, что редакторы ихъ забыли русскую пословицу: «вѣкъ живи и вѣкъ учись», а потому остаются неучами и повторяютъ свои звонкія фразы, когда-то нравившіяся, но теперь потерявшія смыслъ. А жаль: явленіе это имѣетъ большое значеніе и именно на нашей, русской, почвѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, приведенное нами выраженіе нашего сатирика, и именно въ этой оригинальной формѣ, имѣетъ глубокій смыслъ. Оно собственно означаетъ наступленіе владычества нашей русской буржуазіи. Но между заграничнымъ и русскимъ буржуа такая же разница, какъ между словами буржуа и Чумазый. Заграничный представитель капитала—человѣкъ образованный; онъ понимаетъ человѣческія права и признаетъ ихъ въ рабочемъ человѣкѣ; онъ хорошо знаетъ, что въ видахъ собственнаго его интереса необходимо оставить рабочему человѣку такую заработную плату, при которой онъ могъ бы существовать, и заботится не только объ облегченіи положенія рабочаго въ матеріальномъ отношеніи, перенесеніемъ тяжести государственнаго бюджета на классы состоятельные въ имущественномъ отношеніи, но также и объ умственномъ и нравственномъ развитіи низшихъ классовъ. Ничего подобнаго не понимаетъ нашъ Чумазый: онъ просто идетъ и лопаетъ то, что попадается подъ руку, не обращая вниманія ни на какіе интересы, кромѣ своего стремленія къ стяжанію. На этомъ основаніи нашъ сатирикъ имѣлъ полное основаніе въ своемъ обращеніи къ кабатчикамъ упрашивать ихъ «не обирать мужика до-чиста, а оставить ему хоть двугривенный на разживу, хотя бы въ тѣхъ видахъ, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность обирать его снова». Нашъ кулакъ копитъ, не имѣя никакой надобности въ этомъ накопленіи; онъ не знаетъ даже, какъ распорядиться накопленнымъ богатствомъ: вотъ почему его траты представляютъ часто самыя безумныя оргіи и безобразное бросанье

денегъ. Замѣчательна еще одна характеристика нашихъ Чумазыхъ: не знаю, приходилось ли вамъ, читатель, бывать въ обществѣ нашего торговаго люда съ различнымъ состояніемъ, что же касается до пишущаго эти строки, то это ему случалось, и не одинъ разъ. Въ какіе-нибудь полчаса времени вы успѣете замѣтить, у кого изъ этихъ представителей капитала туже набитъ карманъ, и это по одному обращенію, установившемуся между этими господами. Тутъ не обращается никакого вниманія ни на умъ, ни на нравственныя достоинства человѣка, о которыхъ этотъ міръ не имѣетъ никакого понятія, и единственнымъ мѣриломъ, я не скажу—уваженія, а подобострастія и аттенціи, служитъ болѣе или менѣе туго набитый карманъ. Вотъ вамъ милліонеръ, съ полнымъ униженіемъ разговаривающій съ обладателемъ десятка милліоновъ; но вотъ онъ обращается къ другому собесѣднику и тонъ его совершенно измѣняется, и вы прямо видите, что этотъ другой собесѣдникъ далеко ниже его по своему состоянію, и если вы —наблюдательный человѣкъ, то вамъ не трудно опредѣлить относительное достоинство каждаго кармана.

Въ виду такого умственнаго и нравственнаго уровня громаднаго большинства нашихъ представителей капитала, возможно ли отъ нихъ ожидать полезной общественной дѣятельности и могутъ ли они сознавать какую бы то ни было солидарность своихъ интересовъ съ интересами народа? Смѣло отвѣчаю отрицательно на этотъ вопросъ и думаю, что всѣ интересы этой группы людей прямо противоположны не только интересамъ рабочаго человѣка, но всѣмъ вообще интересамъ какъ общественнымъ, такъ и государственнымъ.

А между тѣмъ вся наша финансовая и торговая политика за послѣднія 20 лѣтъ клонилась къ поддержанію и развитію торговли, т. е. къ содѣйствію интересамъ этой группы людей. За примѣрами не далеко ходить: ничтожное податное обложеніе, ограниченіе правъ земства на обложеніе торговыхъ свидѣтельствъ, возвышеніе патентнаго сбора съ питейныхъ заведеній, устройство путей сообщенія и портовыхъ сооруженій, покровительственная система торговли, наконецъ, весь кредитъ государственнаго банка, а за нимъ и тѣхъ кредитныхъ учрежденій, которыя имъ поддерживаются, даже выпускъ кредитныхъ билетовъ сообразно съ требованіями торговли — всѣ эти мѣры служили только интересамъ торговаго капитала. Безошибочно можно сказать, что интересы нашихъ капиталистовъ въ послѣднія 20 лѣтъ заслонили

собою всѣ интересы русскаго общества и русскаго народа и принимались не за интересы отдѣльной группы людей, а за интересы цѣлой Россіи. Голосъ представителей капитала раздавался за это время громче всѣхъ и пользовался преимущественнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ въ правительственныхъ сферахъ. Все вниманіе сосредоточилось на сбытѣ и обмѣнѣ, хотя производство не двигалось впередъ ни на волосъ, а потому и оказалось, что сбывать-то намъ было нечего, кромѣ необходимыхъ запасовъ народнаго продовольствія. Между тѣмъ всѣхъ этихъ запасовъ хватило только на какіе-нибудь два года усиленнаго отпуска, а за тѣмъ желудокъ русскаго мужика вступилъ въ конкуренцію съ заграничнымъ отпускомъ и внутреннія цѣны на хлѣбъ поднялись на столько, что отпускъ если не сдѣлался невозможнымъ, то сильно ограничился. Такимъ образомъ всѣ жертвы, принесенныя страною въ видахъ усиленія отпуска, оказались напрасными, а въ результатѣ получилась громадная задолженность капиталистамъ западной Европы, безъ всякой пользы для народнаго благосостоянія.

Проницательный читатель быть-можетъ найдетъ въ моихъ словахъ противорѣчіе. Мнѣ могутъ замѣтить, что я, осуждая покровительственную систему и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая на недостатокъ мѣропріятій къ развитію нашей производительности,—самъ себѣ противорѣчу; но такое замѣчаніе будетъ положительно невѣрно. Прежде всего надо замѣтить, что покровительственная система имѣетъ въ виду только заводскую и фабричную промышленность, продукты которой составляютъ ничтожную долю всей массы нашего производства, состоящаго преимущественно изъ произведеній сельскаго хозяйства и кустарной промышленности, а эти-то отрасли хозяйства и находятся въ положительномъ застоѣ. Затѣмъ покровительственная система хотя и создаетъ искусственно нѣкоторыя производства,—впрочемъ, не иначе, какъ на счетъ другихъ производствъ,—но они, вслѣдствіе невыгодныхъ мѣстныхъ условій, никогда не могутъ получить широкаго развитія и всегда будутъ страдать отъ заграничной конкуренціи, и въ этомъ отношеніи ихъ не въ состояніи поддержать никакой высокій тарифъ: во-первыхъ, потому что высокія пошлины всегда порождаютъ контрабанду и, во-вторыхъ, потому, что при обмѣнѣ ввоза и вывоза часть ввозныхъ пошлинъ будетъ оплачиваться удешевленіемъ нашихъ вывозныхъ товаровъ. Этотъ экономическій законъ до того неотразимъ, что противъ него нельзя принять никакихъ

мѣръ. На этомъ основаніи покровительственная система ни въ какомъ случаѣ не можетъ развивать производства вообще, а скорѣе задерживаетъ его вслѣдствіе того, что русскій производитель этихъ продуктовъ, вслѣдствіе невыгодности условій производства, долженъ употребить болѣе усилій для достиженія тѣхъ же результатовъ и устранить больше препятствій, чѣмъ производитель заграничный. Поэтому цѣна подобныхъ произведеній возвышается и потребленіе какъ этихъ, такъ и другихъ предметовъ ограничивается, а съ ограниченіемъ потребленія и производство сокращается. Тарифъ, какъ бы высокъ онъ ни былъ, никогда не вызоветъ развитія производства, такъ какъ онъ не создаетъ ни матеріальныхъ, ни умственныхъ капиталовъ, которые только и могутъ служить единственными двигателями производства. Что же касается сельской промышленности или кустарныхъ производствъ, то, за исключеніемъ уничтоженія крѣпостнаго права въ пользу этихъ отраслей народнаго хозяйства, не было принято никакихъ мѣръ; напротивъ того, возвышеніе денежныхъ платежей крестьянъ и уменьшеніе ихъ надѣловъ съ одной стороны и возвышеніе цѣны хлѣба и арендной платы за землю съ другой— разстроило совершенно хозяйственную состоятельность большинства крестьянъ и поставило ихъ въ зависимость отъ кулаковъ и міроѣдовъ, а при такомъ порядкѣ вещей производительность крестьянскаго хозяйства возрастать не можетъ. Но такъ какъ главная масса нашего производства есть все-таки результатъ крестьянскаго хозяйства, то очень понятно, почему наше производство не двигается впередъ, несмотря на покровительственную систему, которая создаетъ только эксплуататоровъ народнаго труда и нисколько не увеличиваетъ благосостоянія страны. Стало-быть въ словахъ моихъ не было никакого противорѣчія.

Но въ чемъ же состоитъ практическій выводъ,—спроситъ взыскательный читатель,—изъ всего того, что было сказано въ настоящей статьѣ? Мало указать,—скажетъ онъ,—на наше бѣдственное положеніе, на причины его и даже на ближайшія послѣдствія, а необходимо найти и мѣры къ излѣченію болѣзненнаго состоянія нашего общественнаго организма, пораженнаго ошибочною политикой прежняго времени.

Такое замѣчаніе читателя будетъ совершенно справедливо и я, конечно, не взялся бы за перо, не имѣя въ виду отвѣтить и на этотъ вопросъ. Не смѣю думать, чтобъ отвѣтъ мой разрѣшалъ вопросъ окончательно, и если я рѣшаюсь высказать свое

мнѣніе, то потому только, что въ настоящую минуту грѣшно молчать, если имѣешь что-нибудь высказать. Истина вырабатывается только изъ всей совокупности мнѣній цѣлаго общества.

Мнѣ кажется, что намъ прежде всего слѣдуетъ забыть всѣ тѣ руководящія начала, которыя господствовали въ нашей финансовой и торговой политикѣ въ послѣднія 20 лѣтъ и которыя заимствованы нами съ Запада, и убѣдиться въ томъ, что народное богатство, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, состоитъ не въ массѣ капиталовъ, обращающихся на биржѣ, не въ удобствѣ сдѣлать выгодный для государственнаго казначейства заемъ, не въ возможности распространять и развивать нашу желѣзнодорожную сѣть или завести фабрики и заводы, способные удовлетворять всѣ наши потребности,—нѣтъ не въ этомъ состоитъ народное богатство: оно состоитъ въ зажиточности русскаго крестьянина. Разъ этотъ послѣдній результатъ будетъ достигнутъ, тогда будутъ богаты не только государство, но и всѣ остальные классы общества. Стоитъ только крестьянину получить возможность расширить свое потребленіе, тогда возникнетъ рынокъ—первое условіе значительной производительности, тогда образуются фабрики и заводы, нужные для крестьянина, и, разумѣется, безъ всякой покровительственной системы возвысятся и цѣна поземельной собственности, и сборы желѣзныхъ дорогъ, и государственные доходы. Вотъ отрицательная сторона предстоящей намъ политики. Что же касается положительной, то объ этомъ— въ слѣдующій разъ.

А. Головачевъ.

По вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей.

Послѣ правительственнаго сообщенія отъ 21 мая и созыва въ С.-Петербургъ особыхъ экспертовъ для совѣщаній можно не безъ основанія полагать, что вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей и о прекращеніи обязательныхъ поземельныхъ отношеній, остающихся еще для 21% (къ 1 января 1881 г., см. *Ежегодникъ мин. финансовъ*, вып. XI) всѣхъ бывшихъ въ великороссійскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ помѣщичьихъ крестьянъ, перешелъ, наконецъ, изъ области теоретическихъ разсужденій и пожеланій на практическую почву по пути къ разрѣшенію его въ томъ или другомъ смыслѣ. Такимъ образомъ мы переживаемъ, быть-можетъ, одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ русской государственной жизни. Удачное разрѣшеніе указаннаго вопроса, кромѣ своего большаго значенія для крестьянскаго населенія, весьма важно и потому, что оно оживитъ надежды лучшей мыслящей части общества и разсѣетъ тотъ пессимистскій оттѣнокъ, который все болѣе и болѣе начинаетъ овладѣвать умами.

Въ настоящее время совѣщанія со свѣдущими людьми относительно пониженія выкупныхъ платежей пока закончились. Къ сожалѣнію, въ печать проникли лишь весьма немногіе и общіе слухи о томъ, что высказывалось на засѣданіяхъ и что выработано участниками въ нихъ *).

По газетнымъ слухамъ оказывается, что, несмотря на довольно разнородный характеръ и убѣжденія экспертовъ, между ними не нашлось ни одного голоса, который бы поднялся въ принципѣ противъ пониженія выкупныхъ платежей; эксперты единогласно пришли даже къ заключенію, что первоначально опредѣленная въ девять милліоновъ сумма пониженія недостаточна, почему и признано необходимымъ возвысить эту сумму до двѣнадцати милліоновъ.

Нельзя не порадоваться такому отношенію экспертовъ къ матеріальной сторонѣ вопроса. Единогласіе ихъ въ данномъ случаѣ крайне важно. Сопоставивъ его съ весьма опредѣленно выраженнымъ въ сообщеніи желаніемъ правительства понизить выкупные платежи, мы не можемъ и не должны сомнѣваться въ томъ, что пониженіе не заставитъ себя долго ожидать.

---

*) Въ этой же книгѣ помѣщена статья Н. П. Колюпанова, излагающая ходъ работъ коммиссіи экспертовъ и результатъ ихъ, но авторъ настоящей статьи не могъ имѣть ее въ виду. *Ред.*

Но рядомъ съ вопросомъ: понизить или не понизить выкупные платежи—не менѣе важное значеніе имѣетъ и вопросъ: какъ ихъ понизить. Эти два вопроса далеко не одинаковой трудности. Чтобъ удовлетворительно отвѣтить на первый, достаточно быть только эхомъ общественнаго мнѣнія, довольно единодушно выразившагося въ органахъ печати самыхъ различныхъ направленій. Прямаго же детальнаго отвѣта на то, какъ понизить выкупные платежи, на сколько намъ извѣстно, не найти въ текущей литературѣ. За исключеніемъ «Опыта статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ» г. Янсона и хотя менѣе извѣстной, но также весьма важной и интересной работы г. Вильсона, посвященной исключительно выкупнымъ платежамъ *), мы не можемъ указать ни одного крупнаго изслѣдованія, столь богатаго статистическими данными, касательно этихъ платежей, и ихъ научнымъ анализомъ. Въ виду такой малой разработки частностей вопроса совершенно естественно, что и эксперты приглашались, согласно правительственному сообщенію, «въ видахъ болѣе подробной разработки вопроса» и «составленія соображеній относительно способовъ пониженія выкупныхъ платежей и размѣровъ сего пониженія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ». Между тѣмъ, что касается этой стороны вопроса, то по тѣмъ же газетнымъ слухамъ, при всей немногочисленности приглашенныхъ экспертовъ, между ними оказалось полнѣйшее разногласіе: явилось мнѣніе большинства съ Д. Ѳ. Самаринымъ во главѣ, мнѣніе меньшинства, примкнувшаго къ Д. А. Наумову, и два отдѣльныхъ мнѣнія—З. И. Бекарюкова и князя А. И. Васильчикова. Съ воззрѣніями г. Самарина, въ общихъ чертахъ, интересующіеся вопросомъ имѣли уже случай познакомиться изъ его статей, помѣщавшихся въ газетѣ *Русь*. Не сомнѣваясь въ томъ, что самъ г. Самаринъ искренно убѣжденъ, что онъ не ратуетъ исключительно въ интересахъ землевладѣльческаго класса, а является ходатаемъ крестьянской массы и общаго государственнаго интереса, мы тѣмъ не менѣе убѣждены, что его идеи о замѣнѣ выкупныхъ платежей особой оброчною податью въ родѣ той, какую платятъ крестьяне государственные, и вообще воззрѣнія на выкупные платежи, какъ на выкупъ повинностей, принятыя въ основаніе для разрѣшенія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей—поведутъ вовсе не къ исправленію Положенія 19 февраля, а къ его еще большему искаженію во вредъ крестьянскому населенію.

Мы не знаемъ, быть-можетъ г. Самаринъ и измѣнилъ нѣсколько свои взгляды подъ вліяніемъ совмѣстнаго обсужденія вопроса; но, какъ бы то ни было, если вообще мнѣніе большинства не всегда бываетъ наиболѣе

---

*) Въ *Запискахъ Имп. Русск. Географическаго Общества*, т. V, „Выкупные за земли платежи крестьянъ-собственниковъ, бывшихъ помѣщичьихъ 1862—1876“ и „Выкупные за земли платежи бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ 1871—1876“ (съ картой Европейской Россіи) д. чл. И. Вильсонъ.

правильнымъ, то въ данномъ случаѣ въ особенности численность голосовъ, поданныхъ за то или другое мнѣніе, само по себѣ ровно ничего не означаетъ: такъ, въ большинствѣ, если мы не ошибаемся, оказалось всего лишь семь голосовъ противъ шести, не согласившихся съ мнѣніемъ большинства.

Въ виду этого нельзя вдвойнѣ не пожелать, чтобы до принятія окончательнаго рѣшенія были обнародованы не только протоколы совѣщаній съ экспертами, но и всѣ тѣ фактическіе матеріалы, которые были положены въ основаніе различныхъ мнѣній и проектовъ, и чтобы вся совокупность матеріаловъ, имѣвшихся въ распоряженіи коммиссіи, была сдѣлана доступною свободной критикѣ какъ въ печати, такъ и въ земствѣ, хотя бы ради этого и потребовались чрезвычайныя сессіи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній.

Но сбудутся или нѣтъ въ этомъ смыслѣ пожеланія общества и литературы, задача послѣдней, по нашему мнѣнію, должна главнымъ образомъ состоять въ посильномъ выясненіи фактической стороны дѣла, чтобы тѣмъ самымъ до нѣкоторой степени облегчить задачу лицъ, коимъ придется имѣть рѣшающій голосъ въ вопросѣ о пониженіи выкупныхъ платежей. Настоящая статья и есть не что иное, какъ попытка въ этомъ направленіи, конечно, быть-можетъ и не достаточно обстоятельная для столь важнаго и сложнаго вопроса.

Въ своей статьѣ «Экономическіе принципы крестьянской реформы» (*Русская Мысль*, кн. VII) я уже имѣлъ случай указывать, что несоразмѣримость выкупныхъ платежей въ различныхъ мѣстностяхъ сводится главнымъ образомъ къ двумъ причинамъ. Во-первыхъ, какъ уступка въ пользу крѣпостническихъ тенденцій, при опредѣленіи размѣра оброка была принята во вниманіе потеря помѣщика отъ утраты фактически выработавшагося права на личный трудъ крѣпостнаго. Вслѣдствіе чего хотя оброкъ и былъ объявленъ вознагражденіемъ за отведенную помѣщикомъ въ пользованіе крестьянъ землю, онъ тѣмъ не менѣе далеко не вездѣ былъ согласованъ съ цѣнностью и доходностью надѣльной земли. Это обстоятельство естественно вызвало наибольшую несоразмѣримость выкупныхъ платежей, зависѣвшихъ отъ величины оброка, въ промысловыхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ доходъ отъ земли и при крѣпостномъ правѣ игралъ второстепенную роль. Во-вторыхъ, при разсчетѣ оброка, причитающагося съ крестьянъ за полученные ими въ дѣйствительности надѣлы, былъ установленъ, въ районѣ дѣйствія одной и той же нормы высшаго или указнаго душеваго надѣла и оброка за него, принципъ обратнаго отношенія между размѣромъ надѣла и платежа за каждую десятину послѣдняго. Именно по статьѣ 169 «Мѣстн. Великор. Положенія» въ первой (нечерноземной полосѣ): а) на одну десятину высшаго душеваго надѣла относится одна половина высшаго душеваго оброка; б) на другую десятину высшаго душеваго надѣла относится одна четверть высшаго,

установленнаго для той мѣстности, душеваго оброка; в) слѣдующая за тѣмъ четверть высшаго душеваго оброка раскладывается равномѣрно на всю остальную часть высшаго душеваго надѣла. Во второй и третьей (черноземной и степной) полосахъ на одну десятину высшаго (во второй полосѣ) и указнаго (въ третьей полосѣ) душеваго надѣла изъ высшаго девяти-рублеваго душеваго оброка относятся четыре рубля, а остающіеся затѣмъ пять рублей раскладываются равномѣрно на всю остальную часть высшаго душеваго надѣла.

Въ устраненіи или по крайней мѣрѣ въ возможномъ ослабленіи двухъ означенныхъ несправедливостей, искажающихъ основной духъ законадательнаго акта 19 февраля, и должна, по нашему мнѣнію, состоять главная задача пониженія выкупныхъ платежей. Ниже мы постараемся уяснить, такъ-сказать количественно, послѣдствія этихъ несправедливостей. Но прежде, чѣмъ перейти къ разбору статистическихъ данныхъ, мы остановимся еще нѣсколько на теоретическихъ взглядахъ на выкупные платежи.

При разрѣшеніи вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей далеко не безразлично, какъ смотрѣть на послѣдніе. Отдавать ли предпочтеніе спеціальному характеру этихъ платежей или не дѣлать принципіальнаго различія между выкупнымъ платежомъ и другими видами крестьянскихъ платежей. Если стать на послѣднюю точку зрѣнія, то изъ нея логически вытекаетъ требованіе, чтобы наибольшее пониженіе выкупныхъ платежей было сдѣлано не тамъ, гдѣ рѣзче обнаруживается несоотвѣтствіе ихъ съ дѣйствительною доходностью и цѣнностью земли, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянинъ сравнительно вообще болѣе обремененъ платежами.

Съ перваго раза подобный взглядъ можетъ показаться довольно основательнымъ и вполнѣ согласнымъ съ интересами крестьянскаго населенія. Вѣдь не все ли равно для мужика, подъ какимъ наименованіемъ внесетъ онъ въ государственную казну свои трудовые гроши? Развѣ его тяготитъ ихъ научная классификація, а не количество? Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи такая точка зрѣнія, неправильная въ теоретическомъ отношеніи, оказывается несовсѣмъ удобною и въ практическомъ смыслѣ.

Теоретически съ нею можно было бы мириться лишь при идеальпой системѣ налоговъ, когда всѣ разнообразныя формы обложенія были бы сведены къ единому подоходному налогу. А до тѣхъ поръ, пока этого нѣтъ, и къ общей равномѣрности обложенія, по нашему убѣжденію, можно придти лишь путемъ систематическаго проведенія начала равномѣрности и справедливости по каждому отдѣльному виду обложенія. Что касается до практическихъ неудобствъ, вытекающихъ изъ смѣшиванія различныхъ видовъ обложенія, то прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что при этомъ вообще весьма трудно судить о равномѣрности или неравномѣрности отдѣльныхъ видовъ обложенія. Положимъ, кто-нибудь захотѣлъ бы уяснить себѣ относительную тягость, съ какою ложатся на населеніе земскія учрежденія въ разныхъ губерніяхъ. Какого труда стоило бы ему отвѣ-

тить на подобный вопросъ, еслибы въ свои вычисленія онъ ввелъ крайне сложный факторъ общей податной тягости. Но допустимъ, что здѣсь кое-какъ справиться можно, опредѣливъ на ряду съ процентнымъ отношеніемъ земскаго обложенія къ доходу и отношеніе этого обложенія ко всей суммѣ прямыхъ податей и повинностей въ данной мѣстности. Но есть и другое практическое неудобство—еще болѣе важное и, по нашему мнѣнію, неустранимое. Мы разумѣемъ здѣсь неустойчивость разъ достигнутой равномѣрности, когда она является результатомъ согласованія съ доходомъ плательщика интегральной суммы прямыхъ налоговъ, а не каждаго отдѣльнаго вида ихъ. Какъ управилось бы съ своимъ мѣстнымъ хозяйствомъ земство, которое пожелало бы добросовѣстно проводить принципъ подобной равномѣрности? Установленное сегодня обложеніе пришлось бы измѣнять завтра независимо отъ потребностей земскаго хозяйства, единственно вслѣдствіе какой-нибудь перемѣны, происшедшей, напримѣръ, въ системѣ государственныхъ податей и сборовъ.

Приведенныя соображенія, справедливыя по отношенію къ собственно налоговому обложенію, пріобрѣтаютъ еще большій вѣсъ и значеніе, когда дѣло идетъ о такомъ спеціальномъ платежѣ, какъ выкупной. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ забывать, что выкупные платежи есть платежи срочные и что по прошествіи выкупнаго срока ихъ неравномѣрность выступитъ съ новою силой, если и допустить, что для настоящаго времени эта неравномѣрность будетъ замаскирована обратною уравновѣшивающею неравномѣрностью въ собственно податномъ обложеніи. На это могутъ замѣтить, что эта опасность—отдаленнаго будущаго, которое само можетъ въ свое время и позаботиться объ устраненіи ея. Подобное возраженіе, кажущееся основательнымъ съ перваго взгляда, теряетъ всякую силу, разъ мы признаемъ, что никогда не слѣдуетъ создавать затрудненія въ будущемъ, если есть возможность избѣгнуть этого, и вспомнимъ кромѣ того, что окончаніе срока выкупа наступитъ вовсе не одновременно для всего бывшаго крѣпостнаго населенія. Извѣстно, что къ 1878 году изъ наличнаго числа платящихъ выкупные платежи для 10% этотъ срокъ составлялъ болѣе 45 лѣтъ, для 26½%—отъ 40 до 45 лѣтъ, для 46½% отъ 35 до 40 лѣтъ и для 17% отъ 33—34 лѣтъ *), и что еще и въ настоящее время имѣется въ великороссійскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ до 20% такихъ, которые еще не приступали къ выкупу. Мы разумѣемъ временно-обязанныхъ крестьянъ, которые только съ будущаго года могутъ приступить къ выкупной операціи, и то лишь при томъ условіи, если голосъ общественнаго мнѣнія будетъ услышанъ и остающіяся еще кое-гдѣ обязательныя поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами будутъ прекращены высшею государственною властью.

Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній, мы

*) *Вильсонъ*, стр. 270.

считаемъ крайне важнымъ, чтобы при разрѣшеніи вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей имѣлось въ виду согласовать ихъ по возможности съ дѣйствительною цѣнностью и доходностью надѣльной земли, а не стремиться путемъ этого пониженія достигнуть общаго равномѣрнаго распредѣленія податной тягости въ населеніи. Послѣднее составляетъ другую самостоятельную задачу правительства, также весьма важную и не терпящую отлагательства въ видахъ улучшенія экономическаго благосостоянія страны.

Для успокоенія тѣхъ, кто не считаетъ цѣлесообразнымъ при пониженіи выкупныхъ платежей стремиться къ согласованію ихъ съ возможнымъ среднимъ доходомъ отъ надѣльной земли, а смотритъ на это пониженіе просто какъ на средство уравненія общей податной тягости,—считаемъ нужнымъ замѣтить, что внесеніе справедливости въ систему выкупныхъ платежей не останется безъ замѣтныхъ послѣдствій и въ этомъ отношеніи, потому что выкупные платежи составляютъ самую крупную часть прямыхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Такъ, по вычисленію г. Вильсона, въ то самое время, когда сумма выкупныхъ платежей за послѣдніе годы достигла сорока одного милліона рублей, общая сумма *всѣхъ окладныхъ податей и сборовъ*, какъ государственныхъ, такъ земскихъ и мірскихъ, не достигла этой суммы. «Словомъ,—говоритъ г. Вильсонъ,—выкупные платежи составляютъ самую крупную долю всѣхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ» (стр. 267).

Само собою разумѣется, что разъ мы признаемъ за руководящее начало и цѣль при пониженіи выкупныхъ платежей—внести равномѣрность и справедливость собственно въ эти платежи въ смыслѣ приведенія въ соотвѣтствіе выкупной стоимости земли съ ея дѣйствительною цѣнностью, задача значительно упрощается. Однако и въ такомъ упрощенномъ и наиболѣе цѣлесообразномъ видѣ она все-таки остается весьма трудною, и мы далеки отъ мысли дать въ настоящей статьѣ вполнѣ пригодныя основанія для ея разрѣшенія. Наша цѣль болѣе скромная, и мы считали бы ее вполнѣ достигнутою, еслибы намъ удалось хотя бы убѣдить въ томъ, что при надлежащихъ усиліяхъ разрѣшить удовлетворительно эту задачу невозможно. Самое же рѣшеніе, даже въ теоріи, превышаетъ силы частнаго лица уже по одному тому, что для него недоступна масса необходимыхъ для этого оффиціальныхъ матеріаловъ.

Не безъинтересно привести здѣсь мнѣніе, высказанное на этотъ счетъ г. Вильсономъ въ его изслѣдованіи. Послѣднее заслуживаетъ серьезнаго вниманія, не говоря уже объ его положительныхъ достоинствахъ и массѣ сгруппированныхъ данныхъ касательно выкупныхъ платежей, и въ томъ отношеніи, что едва ли имъ, какъ единственнымъ въ своемъ родѣ, не пользовались и эксперты при мотивировкѣ своихъ доводовъ.

Упомянувъ о томъ, что неравномѣрность выкупныхъ платежей была признана еще Высочайше учрежденною въ 1872 году коммиссіей для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской про-

изводительности въ Россіи, г. Вильсонъ продолжаетъ: «*Но чтобы судить о равномѣрности, надо найти мѣру или мѣрило.* Въ разсчетъ, на которомъ основаны размѣръ надѣла и выкупная стоимость его, вошли элементы совершенно разнаго характера: стремленіе доставить освобожденнымъ крестьянамъ средство къ пропитанію и отбыванію лежащихъ на нихъ повинностей, большее или меньшее развитіе промысловъ и средствъ заработковъ, вознагражденіе бывшихъ владѣльцевъ за земли и за лишеніе права пользованія обязательнымъ трудомъ (въ особенности, гдѣ земледѣліе малодоходно) и, наконецъ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ соображенія политическія». Затѣмъ г. Вильсонъ приводитъ указаніе коммиссіи на несоотвѣтствіе выкупной стоимости съ продажными цѣнами на землю и говоритъ: «Что такое соотношеніе *представляется наиболѣе подходящимъ мѣриломъ* при сужденіи о равномѣрности выкупныхъ платежей, оспаривать нельзя, и что разсмотрѣніе съ этой точки зрѣнія выкупной стоимости обнаруживаетъ очевидныя аномаліи, тоже не подлежитъ сомнѣнію. Но при всемъ томъ выразить ариѳметически вполнѣ опредѣленно и точно разсматриваемое соотношеніе представляется дѣломъ почти невозможнымъ *и въ практическомъ дѣлѣ излишнимъ*».

Нельзя не усмотрѣть изъ приведенныхъ выдержекъ, что почтенный авторъ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе (обращаемъ вниманіе на курсивныя слова), признавая на одной страницѣ необходимость найти мѣрило и считая на другой излишнимъ опредѣленіе теоретически наиболѣе подходящаго мѣрила. Теоретически вѣрное возможно отвергать съ практической точки зрѣнія, по нашему мнѣнію, лишь въ одномъ случаѣ—въ случаѣ положительной невозможности примѣнить теорію. Впрочемъ, повидимому, и самъ г. Вильсонъ какъ будто чувствуетъ неловкость своихъ заявленій и старается подтвердить ихъ слѣдующимъ соображеніемъ: «Выкупные платежи, какъ срочные платежи съ погашеніемъ за выкупъ осѣдлости и земли въ собственность, не могутъ быть разсматриваемы какъ поземельный налогъ и къ нимъ нельзя предъявлять требованія финансовой теоріи обложенія чистаго дохода, почему (?) при разсмотрѣніи степени равномѣрности должно быть оставлено въ сторонѣ соображеніе о соотношеніи ихъ съ доходностью и цѣнностью земель» (стр. 286). Совершенно справедливо, что выкупные платежи не могутъ быть разсматриваемы не только какъ поземельный налогъ, но и вообще какъ налогъ, но изъ этого вовсе логически не вытекаетъ вторая половина приведенной фразы. Повторяемъ еще разъ, что при разсмотрѣніи степени равномѣрности выкупныхъ платежей соображеніе о соотношеніи ихъ съ цѣнностью и доходностью земель не только не должно быть оставлено въ сторонѣ, но, по нашему убѣжденію, это соображеніе должно лечь краеугольнымъ камнемъ при разрѣшеніи вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей и главнымъ образомъ потому, что «выкупные платежи есть срочные платежи съ погашеніемъ за выкупъ осѣдлости и земли въ собственность».

Спрашивается теперь, какимъ путемъ можно уяснить себѣ относительную неравномѣрность выкупныхъ платежей въ различныхъ мѣстностяхъ. Чтобы судить объ этомъ, нужно было бы знать, во-первыхъ, дѣйствительную выкупную стоимость земли въ данной мѣстности и, во-вторыхъ, имѣть болѣе или менѣе вѣрное понятіе о среднихъ продажныхъ и арендныхъ цѣнахъ на землю для той же мѣстности. Мы не располагаемъ статистическимъ матеріаломъ, непосредственно относящимся до этого, почему и постараемся отвѣтить на поставленный вопросъ косвеннымъ образомъ.

На относительную величину оброка, падавшаго на десятину, кромѣ самой нормы высшаго душеваго оброка и надѣла, какъ я уже говорилъ, долженъ былъ оказывать, согласно ст. 169 Мѣст. Великор. Полож., вліяніе еще и размѣръ дѣйствительнаго надѣла. Въ своей статьѣ «Экономическіе принципы крестьянской реформы» я уже останавливался на этой несправедливости Положенія и выяснилъ ее на гипотетическихъ примѣрахъ. Теперь, пользуясь изданными центральнымъ статистическимъ комитетомъ данными о поземельной собственности для 14 губерній («Статистика поземельной собственности. Выпускъ I-й, 1880 года: «Губерніи центральной земледѣльческой полосы», и выпускъ II-й, 1881 года: «Губерніи Московской промышленной области»), я попытаюсь дать понятіе о дѣйствительномъ увеличеніи, вслѣдствіе примѣненія ст. 169, оброчныхъ и выкупныхъ платежей въ этихъ губерніяхъ для крестьянъ, получившихъ неполные надѣлы. Возьмемъ съ этою цѣлью изъ «Статистики поземельной собственности» по каждому уѣзду число ревизскихъ душъ, владѣющихъ неполнымъ надѣломъ, и соотвѣтствующее количество земли и, руководствуясь ст. 169, вычислимъ ту сумму оброчныхъ платежей, которую должны платить крестьяне въ силу этой статьи, затѣмъ опредѣлимъ, какая сумма оброка причиталась бы за ту же землю, еслибы съ уменьшеніемъ размѣра надѣла плата за каждую десятину не увеличивалась, а оставалась та же, какъ и при высшемъ душевомъ надѣлѣ, и сравнимъ полученныя такимъ путемъ суммы *).

---

*) Приведу для примѣра весь ходъ вычисленія для одного изъ уѣздовъ. Возьмемъ Шуйскій уѣздъ, Владимірской губерніи. Для этого уѣзда:
высшій размѣръ крестьянскаго надѣла 4 д. (Сводъ узак. о крест., т. I, стр. 333)
высшій душевой оброкъ . . . . 9 р. (Мѣст. Полож., ст. 168).

Въ этомъ уѣздѣ 30.184 ревизскихъ душъ владѣетъ неполнымъ надѣломъ, до 4 дес., а въ суммѣ—93.946 десятинами («Стат. позем. собственности», вып. II, стр. 219).

Согласно статьѣ 169 Мѣст. Велик. Пол., за эту землю приходится оброка:

за первыя 30.184 дес.	(4 р. 50 к. × 30.184) =	135.828 р.
за вторыя 30.184 „	(2 „ 25 „ × 30.184) =	67.914 „
за остальн. 33.578 „	(1 „ 12 „ × 33.578) =	37.607 р. 36 к.
	Итого	241.349 р. 36 к.

Помноживъ теперь оброкъ за одну десятину высшаго надѣла 2 р. 25 к. на все количество десятинъ 93.946, мы получимъ 211.378 р. 50 к.—сумму оброчнаго платежа по разсчету изъ высшаго надѣла. Разность этихъ двухъ чиселъ показываетъ, насколько первая больше второй.

Посредствомъ вычисленій, подобныхъ приведенному въ выноскѣ, сдѣланныхъ для всѣхъ 165 уѣздовъ, съ необходимыми поправками для отнесенныхъ Положеніемъ частью къ черноземной полосѣ, а частью къ нечерноземной, въ концѣ концовъ мы получаемъ слѣдующую таблицу для 14 губерній. Удерживаемъ порядокъ губерній, въ какомъ онѣ помѣщены въ изданіи центральнаго комитета:

Названіе губерній.	Число рев. душъ съ неполнымъ надѣломъ.	Количество всей земли.	Сумма платежей. По разсчету согласно ст. 169 М. В. П.		Сумма платежей. По разсчету изъ высш. душ. над.		Разность.	
			рубли.	к.	рубли.	к.	рубли.	к.
1. Тамбовская	201.304	695.359	2.075.710	88	1.928.440	49	147.270	39
2. Тульская...	241.867	596.541	1.918.180	03	1.864.499	36	53.680	67
3. Пензенская	190.107	432.067	1.248.184	63	1.019.273	19	228.911	44
4. Калужская.	144.058	440.607	1.155.240	75	1.069.435	50	85.805	25
5. Воронежск.	210.871	464.956	1.391.020	26	1.274.756	62	116.263	64
6. Орловская.	293.002	808.697	2.297.238	55	2.146.498	72	150.739	83
7. Курская...	181.408	341.495	1.186.255	31	1.035.900	23	150.355	07
8. Рязанская.	202.920	470.042	1.389.929	66	1.262.393	11	127.536	55
9. Московская	188.569	507.005	1.644.251	46	1.567.242	09	77.009	37
10. Тверская..	219.860	798.629	1.846.172	06	1.701.381	46	144.790	60
11. Ярославск..	167.015	555.107	1.513.318	46	1.378.016	40	135.311	06
12. Костромск.	193.195	818.870	1.546.472	92	1.438.720	50	107.752	42
13. Нижегород.	273.244	791.605	2.033.575	81	1.697.377	20	336.198	61
14. Владимірск.	220.389	683.997	1.790.468	28	1.633 686	84	156.781	44
Итого	**2.927.809**	**8.404.977**	**23.036.019**	**06**	**21.017.612**	**71**	**2.018.406**	**35**

Такъ какъ, для полнаго уясненія неравномѣрности, вытекавшей изъ примѣненія 169 статьи Положенія и, вообще, для болѣе яснаго уразумѣнія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, большое значеніе имѣютъ не только валовыя губернскія цифры, но и относящіяся сюда данныя поуѣздныя, то мы позволяемъ себѣ привести здѣсь подробныя поуѣздныя данныя, изъ суммированія которыхъ получилась приведенная выше губернская таблица:

Названіе губерній и уѣздовъ.	Число рев. душъ съ неполнымъ надѣломъ.	Количество всей земли.	Сумма платежей. По разсчету согласно ст. 169 М. В. П.		Сумма платежей. По разсчету изъ высшихъ душъ надѣла.		Разность.	
Тамбовская.			рубли.	к.	рубли.	к.	рубли.	к.
1. Козловскій . . .	30.106	72.368	226.079	—	217.104	—	8.975	—
2. Лебедянскій. . .	11.097	26.920	83.945	50	80.760	—	3.185	50
3. Липецкій	7.171	14.902	48.011	50	44.706	—	3.305	50
4. Тамбовскій . . .	23.049	43.741	138.132	24	131.162	57	6.969	67
5. Кирсановскій . .	46.500	100.680	294.360	—	258.782	43	35.577	57
6. Борисоглѣбскій .	18.563	51.990	141.106	—	133.688	57	7.417	43
7. Усманскій . . .	7.371	15.058	46.549	14	41.710	66	4.838	48
8. Моршанскій . .	45.746	109.189	341.591	50	327.567	—	14.024	50
9. Шацкій	41.984	102.787	289.542	—	273.413	42	16.128	58
10. Спасскій	7.970	13.726	54.904	—	36.511	16	18.392	84
11. Елатомскій . . .	39.951	101.385	282.672	—	269.684	10	12.987	90
12. Темниковскій . .	21.796	42.613	128.818	—	113.350	58	15.467	42
Итого . . .	**201.304**	**695.359**	**2.075.710**	**88**	**1.928.440**	**49**	**147.270**	**39**

Названіе губерній и уѣздовъ.	Число рев. душъ съ неполнымъ окладомъ.	Количество всей земли.	Сумма платежей. По разсчету согласно ст. 169 М. В. П.		Сумма платежей. По разсчету изъ высшихъ душъ надѣла.		Разность.	
Тульская.			рубли.	к.	рубли.	к.	рубли.	к.
1. Веневскій	28.154	71.949	222.103	50	215.847	—	6.256	50
2. Крапивенскій . .	26.171	68.895	211.494	—	206.685	—	4.809	—
3. Богородицкій . .	31.696	70.245	255.152	17	252.882	—	2.270	17
4. Епифанскій . . .	16.531	32.439	119.097	64	116.780	40	2.317	24
5. Чернскій . . .	32.815	91.796	278.712	50	275.388	—	3.324	50
6. Новосильскій . .	24.305	63.337	194.800	—	190.011	—	4.789	—
7. Ефремовскій . .	7.512	15.257	55.838	85	54.925	20	913	65
8. Алексинскій . . .	26.159	26.058	81.655	25	72.180	66	9.474	59
9. Каширскій . . .	23.691	63.363	193.944	—	190.089	—	3.855	—
10. Тульскій . . .	10.704	20.354	74.950	50	73.274	40	1.676	10
11. Одоевскій	18.244	46.249	144.291	75	133.462	60	10.829	15
12. Бѣлевскій	10.885	26.499	86.140	27	82.974	50	3.165	77
Итого . . .	**241.867**	**596.541**	**1.918.180**	**03**	**1.864.499**	**36**	**53.680**	**67**
Пензенская.								
1. Краснослободскій	11.969	26.479	76.896	—	70.434	14	6.461	80
2. Наровчатскій . .	8.075	19.003	59.620	—	57.009	—	2.611	—
3. Инсарскій	16.377	32.801	106.568	—	98.403	—	8.165	—
4. Саранскій . . .	18.521	22.924	88.845	89	72.634	40	16.211	49
5. Керенскій	17.784	40.452	127.806	—	121.356	—	6.450	—
6. Нижнеломовскій .	17.537	41.013	128.838	—	123.034	—	5.804	—
7. Мокшанскій . . .	16.927	27.443	91.053	52	76.017	11	15.036	41
8. Чембарскій . . .	32.906	84.173	216.727	22	189.389	25	127.337	97
9. Пензенскій . . .	24.005	62.017	172.044	—	159.472	29	12.571	71
10. Городищенскій. .	26.006	75.762	179.786	—	151.524	—	28.262	—
Итого . . .	**190.107**	**432.067**	**1.248.184**	**63**	**1.019.273**	**19**	**228.911**	**44**
Калужская.								
1. Боровскій	1.940	4.735	15.018	75	14.205	—	813	75
2. Малоярославскій	4.113	9.399	30.402	—	28.197	—	2.205	—
3. Тарусскій	5.653	13.878	41.694	75	41.634	—	60	75
4. Калужскій. . . .	5.540	5.740	25.380	—	17.220	—	8.160	—
5. Медынскій . . .	28.904	98.630	241.026	75	221.917	50	19.109	25
6. Перемышльскій .	3.763	7.747	25.897	50	23.241	—	2.656	50
7. Лихвинскій . . .	6.364	15.123	48.345	—	45.369	—	2.976	—
8. Козельскій . . .	10.974	26.689	84.741	75	80.067	—	4.674	75
9. Мещовскій . . .	7.745	20.782	64.185	75	62.346	—	1.839	75
10. Мосальскій . . .	33.456	123.234	289.340	25	277.276	50	12.063	75
11. Жиздринскій . .	35.606	114.650	289.208	25	257.962	50	31.245	75
Итого . . .	**144.058**	**440.607**	**1.155.240**	**75**	**1.069.435**	**50**	**85.805**	**25**

Названіе губерній и уѣздовъ.	Число рев. душъ съ неполнымъ надѣломъ.	Количество всей земли.	Сумма платежей. По разсчету согласно ст. 169 М. В. П.		Сумма платежей. По разсчету изъ высшихъ душъ надѣла.		Разность.	
Воронежская.			рубли.	к.	рубли.	к.	рубли.	к.
1. Задонскій. . . .	14.344	30.275	97.203	50	90.825	—	6.378	50
2. Землянскій . . .	15.962	41.493	127.675	50	124.479	—	3.196	50
3. Нижнедѣвицкій .	4.738	9.064	29.767	—	27.192	—	2.575	—
4. Коротоякскій . .	3.598	8.896	27.637	—	26.668	—	949	—
5. Бирюченскій . .	50.527	96.406	316.805	50	289.218	—	27.587	50
6. Воронежскій . .	6.787	12.954	47.498	74	35.882	58	11.616	16
7. Бобровскій . . .	24.684	53.145	155.658	—	136.582	65	19.075	35
8. Новохоперскій .	10.898	36.320	85.792	52	81.720	—	4.072	52
9. Богучарскій. . .	6.397	16.274	45.342	—	41.824	18	3.517	82
10. Павловскій . . .	19.755	36.776	121.572	50	110.328	—	11.244	50
11. Острогожскій . .	31.236	74.820	212.112	—	192.287	40	19.824	60
12. Валуйскій. . . .	21.945	48.533	130.956	—	124.729	81	6.226	19
Итого . .	**210.871**	**464.956**	**1.391.020**	**26**	**1.274.756**	**62**	**116.263**	**64**
Орловская.								
1. Елецкій.	27.301	67.920	210.751	50	203.760	—	6.991	50
2. Ливенскій. . . .	25.808	68.148	209.082	—	204.444	—	4.638	—
3. Малоархангельс.	29.962	77.924	239.753	—	233.772	—	5.981	—
4. Мценскій	27.061	70.998	214.576	50	198.489	—	16.087	50
5. Болховской . . .	32.249	88.233	261.119	—	245.729	12	15.390	88
6. Орловскій. . . .	28.964	77.666	237.611	—	232.998	—	4.613	—
7. Кромскій	20.268	57.080	173.567	50	171.240	—	2.327	50
8. Дмитровскій. . .	31.806	63.377	214.161	75	162.878	89	51.282	86
9. Карачевскій . . .	20.362	66.260	175.742	50	170.288	20	5.454	30
10. Сѣвскій.	16.939	60.716	128.472	—	121.432	—	7.040	—
11. Трубчевскій. . .	8.621	28.639	63.123	—	57.278	—	5.845	—
12. Брянскій	23.661	81.463	169.278	80	144.189	51	25.089	29
Итого . .	**293.002**	**808.697**	**2.297.238**	**55**	**2.146.498**	**72**	**150.739**	**83**
Курская.								
1. Новооскольскій.	18.285	30.310	113.183	25	109.116	—	4.067	25
2. Старосельскій. .	8.345	12.249	44.078	40	38.363	67	5.714	73
3. Тимскій.	6.589	15.443	48.491	—	46.329	—	2.162	—
4. Обоянскій. . . .	10.919	22.873	73.586	—	68.619	—	4.967	—
5. Корочанскій. . .	7.284	12.178	45.433	02	43.840	80	1.592	22
6. Бѣлгородскій . .	12.799	17.243	65.994	52	62.074	80	3.919	72
7. Грайворонскій. .	23.020	36.109	135.666	37	129.992	40	5.673	97
8. Суджанскій . .	9.973	17.310	64.334	21	62.316	—	2.018	21
9. Льговскій	9.622	17.744	65.534	26	63.878	40	1.655	86
10. Дмитровскій. . .	24.185	64.733	177.836	—	104.208	36	73.627	64
11. Рыльскій	14.846	26.476	98.111	90	59.384	60	38.727	30
12. Путивльскій. . .	20.950	41.479	152.161	57	149.324	40	2.837	17
13. Щигровскій . .	5.195	10.654	38.958	47	38.354	40	604	07
14. Фатежскій. . . .	3.837	5.727	22.665	82	20.617	20	2.048	62
15. Курскій.	5.523	10.967	40.220	52	39.481	20	739	32
Итого . .	**181.408**	**341.495**	**1.186.255**	**31**	**1.035.900**	**23**	**150.355**	**08**

Названіе губерній и уѣздовъ.	Число рев. душъ съ неполнымъ надѣломъ.	Количество всей земли.	Сумма платежей. По разсчету согласно ст. 169 М. В. П.		По разсчету изъ высшихъ душъ надѣла.		Разность.	
Рязанская.			рубли.	к.	рубли.	к.	рубли.	к.
1. Михайловскій . .	2.462	4.009	14.999	51	14.432	40	567	11
2. Пронскій	25.220	63.624	177.688	—	163.513	68	14.174	32
3. Скопинскій . . .	14.479	38.387	105.732	—	98.654	59	7.077	41
4. Данковскій . . .	6.367	12.708	21.115	53	11.437	20	9.678	33
5. Раненбургскій. .	15.897	32.638	119.346	53	117.496	80	1.849	73
6. Ряжскій.	15.133	25.775	95.969	86	92.790	—	3.179	86
7. Сапожковскій. .	24.013	39.296	116.212	52	151.634	—	14.478	52
8. Спасскій	17.232	38.222	117.839	75	111.757	96	6.081	79
9. Рязанскій. . . .	26.873	61.251	188.201	50	140.990	27	47.211	23
10. Зарайскій. . . .	11.772	16.414	59.692	31	51.457	89	8.234	42
11. Егорьевскій. . .	7.136	16.472	53.218	—	49.416	—	3.802	—
12. Касимовскій. . .	36.336	121.246	299.914	15	272.803	50	27.110	65
Итого . .	**202.920**	**470.042**	**1.389.929**	**66**	**1.262.393**	**11**	**127.536**	**55**
Московская.								
1. Московскій . . .	17.715	42.139	149.635	—	140.322	87	9.312	1[illegible]
2. Богородскій. . .	31.049	72.721	259.425	—	242.160	93	17.264	0[illegible]
3. Дмитровскій. . .	12.702	38.245	127.362	50	127.355	85	7	7[illegible]
4. Клинскій	13.916	45.209	138.399	59	129.977	74	8.421	85
5. Волоколамскій. .	14.484	44.974	135.360	02	128.360	64	6.734	3[illegible]
6. Можайскій . . .	16.380	45.417	132.755	19	129.892	62	2.862	58
7. Рузскій	13.264	45.231	130.714	01	129.316	66	1.387	35
8. Верейскій. . . .	9.220	30.663	89.562	41	87.696	18	1.866	23
9. Звенигородскій	14.051	40.124	125.459	24	115.754	64	9.704	60
10. Подольскій . . .	4.686	11.992	40.385	—	39.935	36	449	64
11. Серпуховской. .	7.538	17.880	62.143	—	55.070	40	7.072	60
12. Бронницкій . . .	33.564	72.410	253.050	50	241.125	30	11.925	20
Итого . .	**188.569**	**507.005**	**1.644.251**	**46**	**1.567.242**	**09**	**77.009**	**37**
Тверская.								
1. Зубцовскій . . .	20.299	76.146	177.009	75	171.328	50	5.681	75
2. Ржевскій	21.095	69.612	173.241	—	156.627	—	16.614	—
3. Старицкій. . . .	14.049	52.466	122.122	91	118.048	50	4.074	41
4. Новоторжскій. .	23.657	98.084	206.277	75	196.168	—	10.109	75
5. Корчевской . . .	15.108	48.201	122.122	20	108.512	25	13.609	95
6. Калязинскій. . .	18.095	52.915	149.225	25	117.958	75	31.266	50
7. Кашинскій. . .	27.732	93.079	229.319	80	209.427	75	19.892	05
8. Бѣжецкій	25.454	99.788	206.776	50	199.576	—	7.200	50
9. Весьегонскій .	8.572	34.384	73.377	—	68.768	—	4.609	—
10. Вышневолоцкій .	16.960	68.021	145.170	90	136.042	—	9.128	90
11. Осташковскій. .	11.243	47.609	94.732	50	85.696	20	9.036	30
12. Тверской	17.596	58.324	144.796	50	131.229	—	13.567	50
Итого . .	**219.860**	**798.629**	**1.846.172**	**06**	**1.701.381**	**46**	**144.790**	**60**

Названіе губерній и уѣздовъ.	Число рев. душъ съ неполнымъ надѣломъ.	Количество всей земли.	Сумма платежей. По разсчету согласно ст. 169 М. В. П.		Сумма платежей. По разсчету изъ высшихъ душъ надѣла.		Разность.	
			рубли.	к.	рубли.	к.	рубли.	к.
Ярославская.								
1. Мышкинскій. . .	22.587	77.075	209.278	75	192.687	50	16.591	25
2. Рыбинскій. . . .	12.818	44.282	119.442	50	110.705	—	8.737	50
3. Угличскій	17.199	60.243	161.298	75	150.607	50	10.691	25
4. Ростовскій . . .	20.057	58.039	180.378	95	155.991	54	24.387	41
5. Ярославскій. . .	23.270	64.883	205.157	81	185.565	38	19.592	43
6. Романовоборис..	19.629	64.088	152.047	50	124.574	80	27.472	70
7. Даниловскій. . .	13.477	46.022	124.912	50	115.055	—	9.857	50
8. Любимскій . . .	9.476	35.579	91.953	75	88.947	50	3.006	25
9. Пошехоньскій. .	6.674	27.011	62.351	70	49.160	68	13.191	02
10. Мологскій. . . .	21.828	77.885	206.496	25	194.712	50	1.783	75
Итого . .	**167.015**	**555.107**	**1.513.318**	**46**	**1.378.007**	**40**	**135.311**	**06**
Костромская.								
1. Юрьевецкій . . .	12.624	42.800	104.870	32	96.300	—	8.570	32
2. Кинешемскій . .	19.250	69.542	164.704	54	156.469	50	8.235	04
3. Нерехотскій. . .	25.277	77.668	180.022	35	155.336	—	24.686	35
4. Костромской . .	13.752	48.038	115.824	08	108.085	50	7.739	58
5. Буйскій.	14.470	61.602	122.179	—	110.883	60	11.295	40
6. Галичскій. . . .	23.922	110.178	208.223	50	198.324	40	9.899	10
7. Солигаличскій. .	12.524	71.373	110.407	—	107.059	50	3.347	50
8. Чухломскій . . .	12.402	72.052	110.172	30	108.072	—	2.100	30
9. Кологривскій . .	19.592	106.818	175.721	04	160.227	—	15.494	04
10. Макарьевскій. .	11.541	60.842	99.047	35	91.263	—	7.784	35
11. Варнавинскій. .	17.840	97.954	155.293	44	146.693	—	8.600	44
Итого . .	**183.195**	**818.870**	**1.546.472**	**92**	**1.438.720**	**50**	**107.752**	**42**
Нижегородская.								
1. Нижегородскій .	34.797	124.849	284.609	25	249.698	—	34.911	25
2. Горбатовскій . .	36.850	96.996	274.829	02	216.666	—	58.163	02
3. Ардатовскій. . .	34.912	80.868	239.792	64	194.891	88	44.900	76
4. Арзамасскій. . .	23.849	62.419	175.003	32	150.427	38	24.575	94
5. Сергачскій . . .	21.215	37.184	120.311	18	102.999	86	17.311	32
6. Лукояновскій . .	12.171	25.602	78.500	82	70.917	54	7.583	28
7. Княгининскій . .	31.452	96.720	253.259	46	233.095	20	20.164	26
8. Васильскій . . .	20.784	64.685	168.574	56	155.914	79	12.659	77
9. Макарьевскій . .	23.272	89.048	231.459	25	160.277	40	71.181	85
10. Семеновскій. . .	11.737	48.988	123.874	25	88.178	40	35.695	85
11. Балахнинскій . .	22.206	64.236	172.093	38	144.531	—	27.562	38
Итого . .	**273.244**	**791.605**	**2.033.575**	**81**	**1.697.377**	**20**	**336.198**	**61**

Названіе губерній и уѣздовъ.	Число рев. душъ съ неполнымъ надѣломъ.	Количество всей земли.	Сумма платежей. По разсчету согласно ст. 169 М. В. П.		Сумма платежей. По разсчету изъ высшихъ душъ надѣла.		Разность.	
Владимірская.			рубли.	к.	рубли.	к.	рубли.	к.
1. Покровскій . . .	20.880	74.205	191.496	28	184.612	50	6.883	78
2. Александровскій	9.476	29.927	80.425	50	76.912	39	3.513	11
3. Переяславскій. .	8.553	31.877	74.276	27	71.723	25	2.553	02
4. Юрьевецкій . . .	21.347	61.299	164.938	35	137.822	75	27.115	60
5. Суздальскій . . .	9.401	30.327	76.364	75	68.232	75	8.132	—
6. Владимірскій . .	17.663	48.888	141.873	79	139.819	98	2.053	81
7. Ковровскій . . .	13.698	45.187	114.675	50	112.967	50	1.708	—
8. Шуйскій	30.184	93.946	241.349	36	211.378	50	29.970	86
9. Вязниковскій. .	11.186	30.367	85.510	75	75.917	50	9.593	25
10. Гороховецкій . .	18.644	70.925	159.649	—	157.453	50	2.195	50
11. Муромскій . . .	26.736	70.397	205.855	50	180.920	29	24.935	21
12. Меленковскій . .	20.194	51.369	147.290	50	114.039	18	33.251	32
13. Суздальскій . .	12.427	45.283	106.762	73	101.886	75	4.875	98
Итого . .	**220.389**	**683.997**	**1.790.468**	**28**	**1.633.686**	**84**	**156.781**	**44**

Скажемъ нѣсколько словъ въ поясненіе приведенныхъ таблицъ. Анализируя ихъ, не трудно замѣтить, что вліяніе 169 ст. Положенія далеко не вездѣ выразилось съ одинаковою силой. Можно ли однако заключить изъ этого, что экономическое положеніе крестьянъ значительно лучше тамъ, гдѣ послѣдствія указанной статьи были слабѣе? Мы этого не думаемъ, потому что послѣдствія 169 статьи тѣмъ слабѣе, чѣмъ менѣе разнились надѣлы, полученные въ дѣйствительности отъ высшей или указной нормы надѣла, установленной для данной мѣстности. А это въ свою очередь обусловливалось или невысокою нормою надѣловъ, или же тѣмъ, что крестьяне получили дѣйствительные надѣлы близкіе къ высшей нормѣ, установленной для данной мѣстности. Такимъ образомъ сравнительно небольшая разность оброчной суммы, полученной по разсчету согласно ст. 169 Положенія, съ суммою, выведенною по разсчету изъ высшаго надѣла, указываетъ въ однихъ случаяхъ (напр., губ. Костромская) на высшую оцѣнку надѣльной земли, а въ другихъ (напр. губ. Тульская) на малые надѣлы, или, другими словами, на малоземелье. Само собою разумѣется, что и пониженіе выкупныхъ платежей можетъ принести далеко не одинаковую пользу въ обоихъ случаяхъ; въ мѣстностяхъ съ незначительными размѣрами душевыхъ надѣловъ для урегулированія поземельныхъ отношеній потребны другія мѣры, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ должны стоять заботы о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, экстенсивнаго или интенсивнаго, т. е. путемъ продажи на началахъ выкупа, гдѣ можно, казенныхъ земель и прикупокъ частныхъ земель, или же въ крайнемъ случаѣ, при посредствѣ переселенія, увеличивая надѣлы для оставшихся на старыхъ мѣстахъ.

Какъ бы то ни было, по нашему разсчету, сумма, на какую увеличивались оброчные платежи, благодаря лишь дѣйствію ст. 169 Положенія, для 14 губерній, по меньшей мѣрѣ, простирается до 2.018.406 руб. 35 к. Въ дѣйствительности сумма эта значительно выше. Наши таблицы относятся собственно къ оброчнымъ платежамъ, а не выкупнымъ; послѣдніе нѣсколько ниже, почему и сумма, полученная нами, должна для нихъ быть нѣсколько понижена. Но если мы даже оставимъ въ сторонѣ дополнительные платежи и уменьшимъ затѣмъ эту сумму на 25% (ст. 66 «Полож. о выкупѣ»), то и тогда для 14 губерній мы получимъ сумму въ 1.513.804 р. 74 к., необходимую для относительнаго уравненія выкупныхъ платежей въ районахъ съ одинаковымъ размѣромъ высшаго надѣла и высшаго душеваго оброка. Сдѣланныя нами вычисленія даютъ понятіе о той неравномѣрности, которая, благодаря ст. 169, неизбѣжно должна была возникнуть, хотя бы высшій душевой оброкъ, изъ капитализаціи котораго по 6% выводилась выкупная оцѣнка, вообще былъ согласованъ съ мѣстною доходностью земли. Но, какъ мы уже упоминали, этого соотношенія не существуетъ. Отсюда возникаетъ вторая необходимость пониженія выкупныхъ платежей; къ ней мы и перейдемъ.

Приведенныя до сихъ поръ данныя относились только къ группамъ крестьянъ, получившихъ неполные надѣлы. Теперь мы постараемся выяснить неравномѣрность выкупныхъ платежей, затрогивающую уже всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ той или другой мѣстности, и для этого обратимся къ выясненію соотношенія между выкупною стоимостью и дѣйствительными средними цѣнами въ данной мѣстности. При этомъ самый трудный вопросъ: откуда почерпнуть понятіе о среднихъ цѣнахъ на земли, когда свѣдѣнія эти никогда спеціально не собирались, а основываться на отрывочныхъ данныхъ и дѣлать изъ нихъ выводы крайне рисковано? Конечно, еслибы рѣшительно было невозможно найти какой-либо общій критерій для сужденія по крайней мѣрѣ объ относительномъ различіи дѣйствительныхъ цѣнъ на землю и сравненія съ ними выкупной стоимости, то намъ пришлось бы отказаться отъ попытки выяснить упомянутое соотношеніе. Къ счастію, критерій, хотя быть-можетъ и не вполнѣ удовлетворительный, существуетъ. Мы разумѣемъ оцѣнки земельными банками заложенныхъ въ нихъ имѣній, чѣмъ мы и воспользуемся для означенной цѣли.

Обращаясь къ «Инструкціи для оцѣнокъ недвижимыхъ имуществъ, принимаемыхъ къ залогу земельными банками» *), мы найдемъ здѣсь, что, при спеціальной оцѣнкѣ, въ повѣрочной описи, представляемой оцѣночной коммиссіи лицомъ, производившимъ осмотръ, должно заключаться:

а) возможно точное опредѣленіе мѣстонахожденія имущества;

*) См. Уст. рус. зем. банковъ, издан. комит. съѣздовъ представителей учрежденій рус. зем. кредита. С.-Петербургъ. 1877 г.

б) общее количество земли и распредѣленіе ея на угодья въ натурѣ, по сравненію съ представляемымъ планомъ;

в). распредѣленіе каждаго угодья по качеству въ зависимости отъ почвы и топографическихъ условій;

г) экономическія условія имѣнія, т. е. мѣстныя цѣны, условія найма рабочихъ рукъ, условія сбыта, способовъ веденія хозяйства, принятый способъ пользованія и т. п.;

д) подесятинная доходоность каждаго разряда земель, основанная на среднемъ, для данной мѣстности, урожаѣ и на издержкахъ по производству;

е) подесятинная наемная цѣна тѣхъ же разрядовъ земель, способъ и сроки найма;

ж) признаваемое, и на какомъ основаніи, количество земли, которое можетъ быть сдаваемо въ аренду, или воздѣлываемо самимъ владѣльцемъ;

з) состояніе лѣсовъ; ихъ значеніе въ описываемой мѣстности и имѣніи; могутъ ли они, и въ какомъ количествѣ, быть обращаемы въ другія угодья; цѣнность лѣсныхъ матеріаловъ; размѣры возможнаго обезпеченнаго ежегоднаго сбыта, мѣстнаго и торговаго;

и) остальные источники дохода, съ указаніемъ какъ самаго дохода, такъ и степени обезпеченности его, выведеннаго на основаніи получаемыхъ продуктовъ и издержекъ производства и на основаніи дѣйствительно получаемой, или возможной, арендной платы;

і) всѣ другія свѣдѣнія, которыя оцѣночная коммиссія сочтетъ нужнымъ ввести въ составленную на этотъ предметъ инструкцію, которая въ началѣ каждаго отчетнаго года подлежитъ пересмотру и одобренію правленіемъ.

Не трудно понять, что еслибъ агенты банковъ съ должною тщательностью собирали всѣ свѣдѣнія, требуемыя инструкціей, то оцѣнка, сдѣланная на основаніи этихъ свѣдѣній, была бы богатымъ и достовѣрнымъ матеріаломъ для сужденія о цѣнности земель въ различныхъ мѣстностяхъ. Мы отлично знаемъ, что выполненіе инструкцій далеко не часто бываетъ на дѣлѣ такъ же хорошо, какъ на бумагѣ. Но вѣдь то же самое пришлось бы сказать и тогда, еслибы какое-либо административное учрежденіе задалось спеціальною цѣлью выяснить арендныя и продажныя цѣны на землю и разослало для этого подвѣдомственнымъ учрежденіямъ и лицамъ надлежащіе вопросные листки. Лица добросовѣстныя и сознательно относящіяся къ своему дѣлу, конечно, постарались бы дѣйствительно собрать требуемыя свѣдѣнія прежде, чѣмъ отвѣтить, а большинство ограничились бы отрывочными данными, случайно извѣстными имъ, и, сообразусь въ своихъ отвѣтахъ съ этими данными, заботились бы только о томъ, чтобъ отвѣты ихъ рѣзко не противорѣчили дѣйствительности.

Не считая такимъ образомъ банковую оцѣнку вполнѣ согласной съ дѣйствительностью и замѣтивъ, что если уклоненія существуютъ, то они имѣютъ мѣсто и въ плюсъ и въ минусъ, притомъ для всѣхъ губерній и уѣздовъ,—посмотримъ теперь, можно ли считать банковую оцѣнку слиш-

комъ низкою при сравненіи ея съ выкупною стоимостью. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, банковая оцѣнка бываетъ и гораздо ниже дѣйствительности, но едва ли можно утверждать это вообще, въ особенности если дѣло идетъ не о случайныхъ цѣнахъ, а о среднихъ продажныхъ цѣнахъ на землю въ данной мѣстности за нѣсколько лѣтъ. До нѣкоторой степени въ этомъ можно убѣдиться и по аукціоннымъ продажамъ просроченныхъ имѣній. Со времени открытія дѣйствій земельныхъ банковъ ими продано по 1 января 1877 года 481 недвижимое имущество, на которыхъ числилось капитальнаго долгу съ недоимкою 12.440.010 р. За всѣ эти имущества, оцѣненныя при залогѣ въ 21.885.474 р., выручено отъ продажи 12.781.938 р.; кромѣ того изъ числа продававшихся имуществъ осталось за банкомъ 252, обремененныхъ банковымъ долгомъ съ недоимкою всего на сумму 5.619.366 р. (*Ежегодн. минист. финанс.*, вып. IX— «Свѣдѣнія о ссудахъ, выданныхъ земельно-кредитными учрежденіями по 1 января 1877 г.»). Такимъ образомъ за всѣ проданныя съ аукціона имущества было выручено весьма немного сверхъ числившагося на нихъ долга. Если мы обратимся къ дѣятельности отдѣльныхъ банковъ, то и здѣсь оказывается, что ни одинъ изъ нихъ не выручилъ за проданныя съ аукціона имущества суммы, близкой къ первоначальной оцѣнкѣ. Конечно, аукціонныя цѣны обыкновенно бываютъ ниже дѣйствительной цѣнности имущества. Кромѣ того, намъ могутъ замѣтить, что къ публичной продажѣ допускаются владѣльцами преимущественно имѣнія оцѣненныя слишкомъ высоко. Но это далеко не всегда. Правильнѣе сказать, что идутъ въ аукціонъ имущества наиболѣе обремененныя долгомъ, сравнительно съ ихъ цѣнностью и доходностью. А это вовсе не тождественно съ тѣмъ, что подъ залогъ ихъ выдана слишкомъ большая сумма изъ банка. Какъ извѣстно, владѣлецъ имѣнія, кромѣ залога въ банкѣ, можетъ занимать еще подъ вторую и третью закладныя. Благодаря послѣднимъ, возможно иногда обременить имѣніе долгомъ настолько, что для владѣльца не будетъ никакого интереса аккуратнымъ платежомъ въ банкъ не допускать аукціонной продажи, хотя бы банковая оцѣнка и ссуда вполнѣ согласовались съ нормальною цѣнностью и доходностью земли. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно, сколько изъ проданныхъ банками имѣній и на какую сумму были обременены посторонними долгами. Какъ бы то ни было, мы вовсе не думаемъ утверждать, что цѣнность продажныхъ имуществъ не превышаетъ 12.781.938 р. Мы полагаемъ только, что и при обыкновенной добровольной продажѣ съ этихъ имѣній едва ли было бы выручено болѣе 21.885.474 р.—суммы банковой оцѣнки. Мнѣніе о сравнительно высокой средней банковой оцѣнкѣ имѣетъ за себя между прочимъ и то соображеніе, что интересъ закладчиковъ побуждаетъ ихъ употреблять всѣ усилія, чтобъ имѣніе не было оцѣнено низко, а при окончательномъ опредѣленіи стоимости имущества между прочимъ принимается во вниманіе даже «потребность крестьянъ въ землѣ» («Инструкція», стр. X), то-есть та-

кое обстоятельство, которое не имѣетъ ничего общаго съ производительностью почвы и не рѣдко является результатомъ ненормальныхъ отношеній крестьянскихъ надѣловъ къ владѣльческой землѣ (отрѣзки).

Достаточно выяснивъ, какъ намъ кажется, что среднюю банковую оцѣнку можно считать скорѣе выше, чѣмъ ниже дѣйствительныхъ среднихъ цѣнъ на землю, посмотримъ, что получается отъ сравненія банковой *оцѣнки* владѣльческихъ земель съ выкупною стоимостью надѣльной земли.

Пользуясь съ одной стороны «свѣдѣніями о выданныхъ земельно-кредитными учрежденіями ссудахъ (*Ежегод. мин. фин.*, вып. XI, 1881 г.), а съ другой данными, обнародованными въ *Правит. Вѣстникѣ* (№ 14-й 1881 г.), о положеніи выкупной операціи по 1 января 1881 г., мы вычислимъ сумму выкупныхъ платежей для всѣхъ губерній, которую приходилось бы уплачивать крестьянамъ, еслибы выкупная ссуда на десятину равнялась бы средней банковой оцѣнкѣ десятины въ данной губерніи, и сравнимъ эту сумму съ дѣйствительными выкупными платежами [1]). Въ результатѣ мы получаемъ слѣдующую таблицу:

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
Названіе губерній.	Банковая оцѣнка дес. земли.	Количество всей выкупленной земли въ десятинахъ.	Выкупные платежи за разрѣшенную крестьянамъ выкупную ссуду.	Выкупные платежи, которые приходились бы при совпаденіи вык. ссуды съ банк. оцѣнкой.	Разность чиселъ 4-й и 5-й графы.	Процентное отношеніе разности къ дѣйств. вык. платежу.
	р. к.					
1. Пермская.....	4 64	669.417	633.060	186.366	+ 446.694	+70,56%
2. Уфимская	9 01	147.267	226.716	79.613	+ 147.103	+64,84%
3. Новгородская	7 66	710.273	1.082.043	397.044	+ 684.999	+63,31%
4. Оренбургская	9 50	44.478	49.092	25.352	+ 23.740	+48,56%
5. С.-Петербург..	14 32	546.912	876.206	469.909	+ 406.297	+46,38%
6. Волынская ...	18 36	22.796	43.560*	25.053	+ 18.507	+42,49%
7. Ставропольск.	10 15	17.019	17.694	10.364	+ 7.330	+41,43%
8. Костромская..	14 30	945.439	1.359.688	811.187	+ 548.501	+40,33%
9. Вятская	17 65	49.536	84.829	52.458	+ 32.371	+38,16%
10. Могилевская..	15 57	341.918	470.748*	319.420	+ 151.328	+32,15%
11. Нижегородск..	21 93	710.273	1.358.996	934.577	+ 424.419	+31,97%
12. Тверская	19 65	1.114.003	1.910.664	1.313.410	+ 597.254	+31,26%
13. Терская......	10 37	2.720	2.448	1.692	+ 757	+30,88%
14. Смоленская...	19 05	1.161.833	1.905.074	1.327.975	+ 577.099	+30,29%
15. Ярославская..	24 84	627.434	1.256.699	935.128	+ 321.571	+26,40%
16. Московская ..	38 32	696.059	1.740.050	1.355.579	+ 384.471	+20,95%

[1]) Приводимъ для примѣра весь расходъ вычисленія для одной губерніи. Новгородская губернія: Средняя оцѣнка заложенной въ банкѣ земли будетъ 727.530 р.: 94.949=7 р. 66 к. По этой оцѣнкѣ вся выкупленная крестьянами земля будетъ стоить 863.891 × 766=6.617.405 рублей. Шесть процентовъ съ этой суммы составятъ 397.044 р. Съ выкупной ссуды тѣ же 6% или выкупные платежи составятъ 1.082.043 р. Такимъ образомъ дѣйствительные выкупные платежи будутъ на 684.999 р. болѣе тѣхъ, которые приходились бы, еслибы выкупная стоимость равнялась банковой оцѣнкѣ, что составитъ 63,31% суммы дѣйствительныхъ выкупныхъ платежей для Новгородской губерніи.

*) По выкупнымъ сдѣлкамъ.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
Названiе губерній.	Банковая оцѣнка дес. земли.	Количество всей выкупленной земли въ десятинахъ.	Выкупные платежи за разрѣшенную крестьянамъ выкупную ссуду.	Выкупные платежи, которые бы приходились при совпаденiи вык. ссуды съ банк. оцѣнкой.	Разность чиселъ 4-й и 5-й графы.	Процентное отношенiе разности къ дѣйств. вык. платежу.
	р. к.					
17. Вологодская..	17 03	310.305	428.630	317.069	+ 111.561	+ 19,48%
18. Псковская ...	17 93	643.164	855.629	691.915	+ 163.714	+ 19,13%
19. Витебская....	17 59	56.686	72.106*	59.826	+ 12.280	+ 17,03%
20. Калужская ...	29 86	788.096	1.592.120	1.411.953	+ 180.167	+ 11,32%
21. Самарская ...	22 66	210.940	311.549	286.794	+ 24.755	+ 7,95%
Итого....			16.276.602	11.012.684	+5.263.918	
22. Рязанская ...	69 66	718.042	1.674.340	2.941.128	—1.266.788	— 7,57%
23. Владимiрская	35 21	844.971	1.595.579	1.785.086	— 189.507	— 10,61%
24. Виленская ...	28 77	131	200*	226	— 26	— 13,00%
25. Подольская ..	56 36	132.225	447.132*	361.697	— 93.435	— 20,89%
26. Черниговская	32 31	670.165	1.063.411	1.299.182	— 235.771	— 22,17%
27. Казанская....	39 07	189.331	362.450	443.830	— 81.380	— 22,45%
28. Симбирская ..	42 48	418.813	847.457	1.067.470	— 220.013	— 25,84%
29. Екатериносл..	42 42	281.472	525.560	716.395	— 190.835	— 26,36%
30. Саратовская..	37 03	606.399	1.021.648	1.347.297	— 325.649	— 31,87%
31. Обл. Донская	42 68	278.468	511.936	713.101	— 201.165	— 38,90%
32. Таврическая .	26 76	53.163	60.761	85.359	— 24.598	— 40,48%
33. Пензенская ..	50 53	500.969	1.078.671	1.518.814	— 440.143	— 40,80%
34. Кiевская	55 94	133.147	314.123*	446.895	— 132.771	— 42,26%
35. Ковенская ...	44 31	248	432*	659	— 227	— 52,55%
36. Херсонская ..	50 12	364.439	693.835	1.095.941	— 402.106	— 57,95%
37. Тульская.....	66 25	670.955	1.661.504	2.667.449	—1.005.945	— 60,54%
38. Полтавская...	58 23	418.211	881.117	1.461.146	— 580.029	— 65,83%
39. Харьковская .	62 14	428.961	956.966	1.599.338	— 642.372	— 67,12%
40. Тамбовская ..	67 53	659.909	1.495.492	2.673.819	—1.178.325	— 72,10%
41. Воронежская.	70 05	388.280	886.057	1.631.708	— 745.650	— 84,04%
42. Курская	81 91	474.528	1.227.029	2.332.116	—1.105.086	— 90,06%
43. Орловская ...	71 98	690.283	1.470.506	2.981.194	—1.510.686	—102,72%
44. Бессарабская	69 81	227.984	375.943	954.933	— 578.990	—154,01%
45. Астраханская	28 35	20.020	12.251	34.054	— 21.803	—177,95%

Разсматривая только-что приведенную таблицу, легко видѣть, что всѣ губернiи довольно рѣзко распадаются на 2 группы: въ одной выкупная ссуда на десятину выше средней банковой оцѣнки, а въ другой—наоборотъ. Незначительная банковая оцѣнка земли въ губернiяхъ первой группы сравнительно съ губернiями второй наглядно показываетъ, что несоразмѣрность выкупныхъ платежей съ дѣйствительною цѣнностью и доходностью земель съ наибольшею силой имѣла мѣсто въ нечерноземныхъ губернiяхъ, почему послѣднiя и нуждаются преимущественно въ пониженiи выкупныхъ платежей. Обращаясь къ итогу плюсовыхъ разностей, необходимо замѣтить, что его нельзя принять за сумму достаточную, чтобы вездѣ привести выкупную стоимость въ полное соотвѣтствiе съ цѣнностью и доходностью земель и вообще изгладить несправедливость пониженiя въ этомъ смыслѣ. Послѣдняя сумма должна быть гораздо значительнѣе. Въ

*) По выкупнымъ сдѣлкамъ.

самомъ дѣлѣ, обратимъ прежде всего вниманіе читателя на то, что въ приведенной таблицѣ сравнивается банковая оцѣнка съ выкупною ссудой, а не съ выкупною стоимостью. Что касается до дѣйствительной выкупной стоимости, то о ней въ настоящее время нельзя составить правильнаго понятія. Извѣстно, что, на основаніи 66 ст. Положенія о выкупѣ, выкупная ссуда выдается въ размѣрѣ $^4/_5$ выкупной оцѣнки при полномъ надѣлѣ и $^3/_4$ при неполномъ. Остальные 20% въ первомъ случаѣ и 25% во второмъ обязаны были уплатить помѣщику крестьяне въ формѣ дополнительныхъ платежей, если выкупъ производился не по требованію помѣщика. Конечно, помѣщикъ могъ и отказаться отъ дополнительныхъ взносовъ; но сколько и гдѣ было совершено выкупныхъ сдѣлокъ съ дополнительными платежами и какъ велика сумма послѣднихъ—объ этомъ мы не имѣемъ никакого понятія. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того, что дополнительныя приплаты увеличивали истинную выкупную стоимость, и въ дѣйствительности послѣдняя гораздо рѣзче расходится съ банковою оцѣнкою, чѣмъ указываетъ наша таблица. Но этого мало. Не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одно, чрезвычайно важное, обстоятельство. Хотя въ русской литературѣ и не существуетъ, на сколько намъ извѣстно, изслѣдованій, посвященныхъ движенію арендныхъ и продажныхъ цѣнъ на землю, тѣмъ не менѣе судить объ общемъ направленіи этого движенія можно и по отрывочнымъ даннымъ и наблюденіямъ. Основываясь на послѣднихъ, едва ли мы ошибемся, сказавъ, что въ общемъ направленіи это выражается знакомъ плюсъ. Конечно, далеко не вездѣ возрастаніе цѣнъ шло постоянно и равномѣрно, — вполнѣ возможны исключенія и въ обратную сторону. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, развитіе промышленности, различіе въ урожайности отдѣльныхъ лѣтъ—все это неизбѣжно вело за собою колебаніе какъ въ мѣстныхъ арендныхъ, такъ и въ продажныхъ цѣнахъ на землю. Я не буду приводить доказательствъ возвышенія цѣнности земли со времени освобожденія крестьянъ, чтобы еще болѣе не обременять статью, и безъ того уже изобильную цифровымъ матеріаломъ; но, опираясь на этотъ фактъ возрастанія цѣнности земли и полагая, съ другой, что по самой сущности дѣла, при выработкѣ «Положенія», въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ для крестьянъ надѣльная земля была оцѣнена согласно съ дѣйствительными цѣнами того времени,—можно думать, что значительное превышеніе банковой оцѣнки надъ выкупною ссудой въ нашей таблицѣ объясняется вовсе не тѣмъ, что при опредѣленіи нормы оброка земля была оцѣнена слишкомъ низко, а скорѣе естественнымъ возрастаніемъ съ тѣхъ поръ продажныхъ цѣнъ на земли.

Продолжая анализировать нашу таблицу и ея значеніе, мы должны указать, что настоящая цѣль ея—дать понятіе о сравнительной тягости выкупныхъ платежей по губерніямъ, а вовсе не опредѣлить сумму необходимаго пониженія. Она представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что наглядно подтверждаетъ то положеніе, что справедливое рѣшеніе задачи

о пониженіи выкупныхъ платежей не можетъ состоять въ равномѣрномъ распредѣленіи по всѣмъ мѣстностямъ предполагаемой для пониженія суммы. Исходя изъ этого положенія, мы придаемъ большое значеніе выясненію сравнительной неравномѣрности выкупныхъ платежей, а на свою таблицу смотритъ какъ на попытку примѣнить общій однообразный методъ сравненія с носительной тягости выкупныхъ платежей для разнообразныхъ по характеру мѣстностей Россіи и найти руководящую нить для распредѣленія суммы пониженія. Само собою разумѣется, что губернскія сравненія далеко еще не достаточны,—они слишкомъ валовыя. Но однородный пріемъ можно бы было примѣнить для всѣхъ уѣздовъ въ отдѣльности, и тогда вычисленная сумма необходимаго пониженія, для приведенія въ соотвѣтствіе выкупной стоимости съ банковою оцѣнкою, получилась бы значительно выше и, вообще, таблица приняла бы видъ еще болѣе поучительный. Мы не можемъ дать въ настоящей статьѣ выведенной подобнымъ образомъ таблицы по уѣздамъ, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много времени на вычисленіе; но, въ виду важности вопроса, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ можно сдѣлать поуѣздное сравненіе несоотвѣтствія выкупныхъ платежей съ банковою оцѣнкой, даже при неимѣніи уѣздныхъ данныхъ о выданной выкупной ссудѣ. Для этого можно просто капитализировать изъ 6% сумму оброка, приходящаго на одну десятину, и сравнивать затѣмъ уже полученное число, т. е. выкупную оцѣнку или 4/5 его (выкупную ссуду), съ среднею оцѣнкой земли, заложенной въ земельныхъ банкахъ по данному уѣзду.

Приведемъ для примѣра результатъ подобнаго вычисленія для нѣсколькихъ уѣздовъ, напримѣръ, Рязанской губерніи:

1.	2.	3.	4.	5.
Названіе уѣздовъ.	Выкупная ссуда на десят. *).	Банковская оцѣнка десятины.	Разность.	Процентное отношеніе разности къ вык. ссуд. на десят.
	рубли. к.	рубли. к.	рубли. к.	рубли. к.
1. Егорьевскій	36 94	34 96	+11 97	+ 5,33%
2. Касимовскій	30 —	17 17	+12 83	—42,77%
3. Михайловскій	43 60	72 97	—29 39	—67,36%
4. Ряжскій	43 60	60 28	—16 68	—38,26%

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ по разсчету для всей Рязанской губерніи дѣйствительные выкупные платежи оказываются на «7,57%» ниже тѣхъ, какіе получились бы при согласованіи выкупной ссуды съ банковой оцѣнкой земли, для отдѣльныхъ уѣздовъ это отношеніе сильно измѣняется. Такъ, для уѣздовъ Егорьевскаго и Касимовскаго дѣйствительная выкупная ссуда, которая опредѣляетъ выкупные платежи для перваго

*) 4/5 суммы полученной изъ капитализаціи по 6% высшаго душеваго оброка для данныхъ уѣздовъ.

уѣзда по меньшей мѣрѣ на 5,33%, а для втораго на 42,77%, превышаетъ среднюю банковскую оцѣнку земли, заложенной въ этихъ уѣздахъ.

Стараясь путемъ сравненія выкупной стоимости съ среднею банковою оцѣнкою бросить нѣкоторый свѣтъ на детали вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, мы не думаемъ однако, чтобы способъ этотъ при рѣшеніи вопроса могъ быть исчерпывающимъ и чтобы выводы, полученные такимъ путемъ, не нуждались въ значительныхъ поправкахъ. Совсѣмъ напротивъ: попытка ближе ознакомиться съ вопросомъ только болѣе убѣждаетъ насъ, что не только не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться при разрѣшеніи столь важной государственной задачи какому-либо единичному кабинетному пріему, но и тѣ подробныя основанія, которыя будутъ, по самымъ разнообразнымъ матеріаламъ, выработаны центральнымъ учрежденіемъ въ видахъ опредѣленія для различныхъ мѣстностей размѣровъ пониженія выкупныхъ платежей, было бы чрезвычайно важно передать на обсужденіе общества и мѣстныхъ органовъ администраціи и самоуправленія для поправокъ и исправленій вкравшихся неправильностей и ошибокъ.

Не безъинтересно указать здѣсь на то обстоятельство, что если взять приложенную къ изслѣдованію г. Вильсона «карту Европейской Россіи, показывающую по уѣздамъ 37 губерній % недоимки въ выкупныхъ платежахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, къ суммѣ оклада за 12 лѣтъ. 1862—1873», и сравнить ее съ картою, на которую мы нанесли соотвѣтствующими красками относительную тягость выкупныхъ платежей согласно цифрамъ 5-й графы нашей таблицы, то темныя мѣста карты г. Вильсона придутся также на темномъ фонѣ и карты, полученной нами. Еслибы сдѣлать послѣднюю согласно поуѣзднымъ даннымъ, это совпаденіе вышло бы, по всему вѣроятію, еще рельефнѣе. Такой результатъ, указывая на зависимость до извѣстной степени недоимки по выкупнымъ платежамъ отъ несоотвѣтствія ихъ съ доходностью и цѣнностью земли, можетъ въ то же время служить однимъ изъ доводовъ въ пользу практическаго значенія и нашего способа опредѣленія относительной тягости выкупныхъ платежей.

Въ виду только-что указанной связи недоимокъ по выкупнымъ платежамъ съ относительною высотой послѣднихъ, совершенно естественно было бы совмѣстно съ вопросомъ о пониженіи выкупныхъ платежей рѣшить вопросъ и о недоимкѣ по нимъ. Между тѣмъ, судя по газетнымъ слухамъ, можно думать, что въ коммиссіи экспертовъ вовсе не было объ этомъ и рѣчи; кромѣ того «правительственное сообщеніе» также говоритъ только о пониженіи выкупныхъ платежей, не упоминая о недоимкѣ. Послѣднее впрочемъ легко объяснить тѣмъ, что вопросъ о недоимкѣ по выкупнымъ платежамъ представляется второстепеннымъ по сравненію съ принципіальными вопросами о прекращеніи обязательныхъ отношеній и пониженія выкупныхъ платежей, и онъ могъ подразумѣваться. — Самъ по себѣ вопросъ о недоимкѣ по выкупнымъ платежамъ крайне простъ, тѣмъ

не менѣе было бы большою ошибкой забывать о немъ въ данномъ случаѣ и откладывать его разрѣшеніе на будущее время. По отчету государственнаго контроля, недоимки по выкупнымъ платежамъ къ 1880 году оставалось 17.371.825 рублей. Общая причина накопленія этой недоимки, само собою разумѣется, сводится къ дурному экономическому положенію недоимщиковъ. Но послѣднее въ свою очередь зависитъ отъ совокупности многихъ частныхъ причинъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ причислить и тяжесть выкупныхъ платежей. Выяснить коренныя причины худаго экономическаго состоянія населенія въ той или другой мѣстности и устранить ихъ соотвѣтственными мѣрами — въ этомъ состоитъ главнѣйшая задача внутренняго управленія. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ признано будетъ необходимымъ уменьшить выкупные платежи, несоразмѣрность послѣднихъ должна быть вмѣстѣ съ этимъ признана коренною причиной недоимокъ по нимъ. А отсюда—логическое слѣдствіе: съ устраненіемъ причины необходимо списать со счетовъ и всю недоимку, порожденную ею. Этимъ можно отчасти загладить несправедливость и въ прошедшемъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто наиболѣе пострадалъ отъ нея.

Съ оффиціальнымъ признаніемъ несоразмѣрности выкупныхъ платежей уничтоженіе выкупной недоимки напрашивается само собою уже потому, что выкупная операція, несмотря на означенныя недоимки, дала за истекшее двадцатилѣтіе весьма солидную сумму чистаго дохода.

Въ связи съ вопросомъ о пониженіи выкупныхъ платежей, какъ извѣстно, правительствомъ поставленъ другой вопросъ—о прекращеніи остающихся еще обязательныхъ поземельныхъ отношеній. Не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, мы ограничимся немногими замѣчаніями.—Легко понять, что сама логика вещей требуетъ согласнаго рѣшенія обоихъ вопросовъ, т. е. при прекращеніи ненормальныхъ обязательныхъ отношеній необходимо выкупные платежи будущихъ крестьянъ-собственниковъ установить соотвѣтственно дѣйствительной цѣнности и доходности надѣльной земли. Что же касается до практической стороны рѣшенія вопроса о временно-обязанныхъ крестьянахъ, то государство можетъ и не лишать помѣщиковъ права выбора между полученіемъ выкупной ссуды и продолженіемъ оброчныхъ платежей, — стоитъ только государству взять на себя уплату теперешней оброчной суммы, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявить временно-обязанныхъ крестьянъ крестьянами-собственниками съ распространеніемъ на нихъ выкупной операціи. Но затѣмъ, въ видахъ ускоренія согласія бывшихъ помѣщиковъ на замѣну безсрочныхъ оброчныхъ платежей выкупною ссудою, достаточно опредѣленнаго заявленія со стороны правительства, что при переоброчкѣ, отложенной до 1891 г., возвышеніе оброчныхъ платежей ни подъ какимъ видомъ не можетъ имѣть мѣста, право же на уменьшеніе платежей, ничѣмъ не обусловленное въ «Положеніи» и допускаемое при переоброчкѣ, государство удерживаетъ за собою.

Въ заключеніе замѣтимъ вообще, что пониженіе выкупныхъ платежей и прекращеніе остающихся еще обязательныхъ поземельныхъ отношеній— настолько существенное и важное дополненіе къ Положенію 19 февраля, что было бы весьма цѣлесообразнымъ связать съ нимъ и нѣкоторыя другія поправки въ нашемъ аграрномъ законодательствѣ, по крайней мѣрѣ такія, которыя не отличаются сложностью, а между тѣмъ могутъ имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія. Сюда мы относимъ прежде всего ограниченіе права распоряженія крестьянъ надѣльною землей въ смыслѣ воспрещенія свободной продажи и закладки ея, а равно и обращенія на нее частныхъ взысканій независимо отъ того, будутъ ли крестьяне-собственники состоять еще въ выкупныхъ отношеніяхъ или послѣднія прекратятся («Экономическіе принципы крестьянской реформы»—*Русская Мысль*, кн. VII). Связать такое ограниченіе съ проектируемыми правительствомъ мѣрами тѣмъ удобнѣе, что ими государство даруетъ новыя льготы и облегченія крестьянскому населенію, а потому тѣмъ съ большимъ основаніемъ оно можетъ нѣсколько ограничить права теперешнихъ владѣльцевъ надѣльной земли въ интересахъ будущихъ поколѣній и всего государства. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что пока еще крестьянское населеніе не прониклось сознаніемъ о тѣхъ выгодахъ, которыя могутъ извлекать отдѣльныя лица отъ пользованія правомъ свободной покупки и продажи крестьянскихъ земель, лишеніе этого права не можетъ вызвать неудовольствій. Не то будетъ по окончаніи выкупа, когда крестьянскіе воротилы и другіе спекулянты почувствуютъ всю прелесть священнаго права *полной* собственности на пріобрѣтенную крестьянами при содѣйствіи государства землю...

Заканчивая свою статью, мы чувствуемъ, что многое въ ней можетъ показаться недосказаннымъ и невполнѣ яснымъ. Тѣмъ не менѣе, въ интересахъ дѣла, мы не хотимъ, ради болѣе обстоятельной и тщательной обработки, замедлять печатаніе ея, и только впередъ просимъ снисходительнаго отношенія къ тѣмъ пробѣламъ и недостаткамъ нашей замѣтки, которые неизбѣжны при весьма спѣшной работѣ.

Л. Ходскій.

Съѣздъ народныхъ учителей и учительницъ Херсонской губерніи 7 іюля 1881 года.

Получивъ увѣдомленіе херсонской губернской земской управы о томъ, что съѣздъ учителей и учительницъ, руководить которымъ призывало меня довѣріе губернской управы, созывается на 7 іюля 1881 года, я прибылъ въ Херсонъ уже 3 іюля для того, чтобы принять участіе въ предварительныхъ по съѣзду распоряженіяхъ. Однимъ изъ существеннѣйшихъ изъ послѣднихъ было принятіе мѣръ къ тому, чтобы на каждый изъ уроковъ, предстоявшихъ съѣзду, были доставлены дѣти съ такой именно подготовкой, которой требовалъ урокъ, обозначенный въ программѣ. Г. предсѣдатель управы, И. Ѳ. Бѣлоусовичъ, познакомилъ меня съ этою цѣлію съ г. учителемъ Маляровымъ, который, посовѣтовавшись со мной, и принялъ на себя трудъ снабжать уроки съѣзда учениками, еще не знающими того, что имъ предстоитъ усвоить на съѣздѣ, но уже подготовленными къ воспринятію извѣстнаго урока. По совѣщанію съ г. предсѣдателемъ управы избрана дворянская зала для засѣданій съѣзда и зала мироваго съѣзда для вечернихъ сходокъ гг. учителей и учительницъ. Г. предсѣдатель управы полагалъ, что, въ виду значительнаго наплыва публики, на съѣздъ будетъ необходимо допускать посѣтителей лишь по билетамъ, что впослѣдствіи вполнѣ подтвердилось на опытѣ. Что же касается вечернихъ собраній въ помѣщеніи мироваго съѣзда, гдѣ управа, уваживъ мою просьбу, предлагала всѣмъ посѣтителямъ чай, то посторонніе лица на эти собранія вовсе не допускались, за чѣмъ слѣдили распорядители учительскихъ сходокъ, избиравшіеся учителями. Для того, чтобы не возвращаться болѣе къ этимъ учительскимъ сходкамъ, разрѣшеннымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія согласно мною составленной программѣ, то я теперь же скажу, что организацiей этихъ вечернихъ собраній, которыя, начинаясь съ чтенія протоколовъ, затѣмъ превращались въ литературно-музыкальные и танцовальные вечера, я надѣялся содѣйствовать къ сближенію между учителями, повліять на эстетическое воспитаніе учителей и учительницъ и отвлечь ихъ отъ менѣе разумнаго дѣла, на которое нѣкото-

рые изъ нихъ могли бы употребить свободное время. Я считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать о томъ, что гг. учителя и учительницы отнеслись весьма сочувственно къ этимъ сходкамъ и самымъ безукоризненнымъ поведеніемъ своимъ на сходкахъ, почетными посѣтителями которыхъ постоянно бывали гг. члены управы, Н. А. Бошнякъ и В. П. Андреевскій, равно какъ и г. директоръ училищъ Херсонской губерніи и мѣстный уѣздный инспекторъ училищъ доказали всю цѣлесообразность этихъ сходокъ, начинавшихся ежедневно въ 6½ часовъ и прекращавшихся не позже 9 часовъ вечера, заканчиваясь ежедневно пѣніемъ національнаго гимна. Желая по возможности исчерпать все, сдѣланное для учителей внѣ засѣданій съѣзда, я долженъ остановиться еще и на томъ, что въ воскресенье 11 іюля всѣ учителя и учительницы, въ числѣ болѣе двухъ сотъ, собрались къ 9 часамъ утра въ залу засѣданій и оттуда, предводимые мною, пошли въ крѣпостную, Екатериненскую, церковь, въ которой хоръ изъ учителей и учительницъ принялъ участіе въ богослуженіи, совершенномъ преосвященнымъ Израилемъ.

Обращаясь затѣмъ собственно къ занятіямъ учительскаго съѣзда, согласно програмѣ, мною составленной и утвержденной г. министромъ безъ всякаго измѣненія, я долженъ сказать, что занятія съѣзда продолжались всего 13 дней, при участіи въ послѣдніе дни до 250 учителей и учительницъ, въ числѣ которыхъ были только 70 лицъ, приглашенныхъ губернскою земскою управой на счетъ губернскихъ земскихъ суммъ. Но въ съѣздѣ приняли участіе не только учителя и учительницы Херсонской губерніи, присланные на съѣздъ нѣкоторыми изъ уѣздныхъ земствъ губерніи, но и весьма многіе учителя и учительницы, прибывшіе на собственный счетъ и къ тому же не изъ одной Херсонской губерніи, но и отъ губерній Черниговской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Подольской и Бессарабской области. Независимо отъ публики, постоянно посѣщавшей всѣ засѣданія съѣзда и для которой не доставало мѣста, съѣздъ почтили своимъ постояннымъ присутствіемъ всѣ наличные члены губернской земской управы, представители мѣстной уѣздной земской управы, многіе изъ мѣстныхъ педагоговъ и нѣсколько педагоговъ (директоръ учительской семинаріи, преподаватель педагогіи, инспекторъ и другіе), прибывшіе на съѣздъ изъ другихъ губерній.

Съѣздъ объявленъ открытымъ 7 іюля, въ 9½ часовъ утра, г. предсѣдателемъ управы, И. Ѳ. Бѣлоусовичемъ, послѣ молебствія, совершеннаго преосвященнымъ при участіи хора изъ учителей, и затѣмъ съѣздъ приступилъ къ исполненію программы занятій, утвержденной г. министромъ. Каждое засѣданіе съѣзда начиналось и заканчивалось пѣніемъ молитвы, а во время засѣданій соблюдался величайшій порядокъ въ интересѣ дѣла и свободы слова каждаго изъ членовъ съѣзда.

Програма занятій, утвержденная для съѣзда г. министромъ, исполнялась буквально за слѣдующими лишь видоизмѣненіями не въ родѣ занятій,

но въ самомъ распредѣленіи ихъ: съѣздъ оказался на столько многочисленнымъ, что проектированное программою посѣщеніе съѣздомъ трехклассной школы стало неисполнимымъ, а потому и было замѣнено мною разборомъ учителями учебниковъ, о чемъ будетъ сказано ниже; затѣмъ оказалось на столько труднымъ достать на съѣздъ учениковъ изъ инородцевъ, уже читающихъ по-русски, но непонимающихъ русскаго языка, что послѣ одного урока, даннаго на съѣздѣ инородцамъ, признано не вполнѣ производительнымъ дать и остальные два урока инородцамъ, проектированные программою, а потому я и замѣнилъ одинъ изъ нихъ урокомъ иного характера, а другой—обсужденіемъ съѣздомъ учебника. Но, за указанными лишь выше исключеніями, программа, какъ я уже говорилъ, была исполнена буквально, а потому и самый съѣздъ былъ закрытъ 21 іюля, въ 4 часа по полудни. Ежедневно съѣздъ занимался по шести часовъ, съ краткими промежутками послѣ каждаго часа и съ трехчасовымъ отдыхомъ на обѣденную пору, отдѣлявшую утреннее засѣданіе отъ вечерняго. На каждое изъ засѣданій съѣздъ избиралъ особаго секретаря, а передъ каждымъ урокомъ—трехъ оппонентовъ, которые были обязаны высказать послѣ урока все, что они замѣтили въ пользу и противъ урока, не только избѣгая личностей, но не называя преподававшаго учителя даже по фамиліи, для того чтобъ и этимъ содѣйствовать къ возможно большему устраненію лица отъ критической оцѣнки съѣзда и приковать послѣднюю возможно больше къ самому уроку, подлежащему обсужденію. Послѣ избранныхъ оппонентовъ принимали участіе въ критикѣ урока всѣ желающіе изъ членовъ съѣзда и я долженъ свидѣтельствовать о томъ, что весьма скоро замѣчанія по поводу даннаго урока стали болѣе мѣткими и существенными, говорившіе изъ учителей стали избѣгать повтореній, всѣ члены съѣзда были въ высшей степени внимательны и дѣятельны, на многихъ изъ нихъ отражалось вліяніе научныхъ истинъ, преподанныхъ на съѣздѣ; но и до самаго конца занятій оставалось желать того, чтобы критика умѣла полнѣе исчерпывать не только слабую, но и сильную, не только анормальную, но и нормальную стороны урока. Къ сказанному я долженъ добавить, что уроки давались исключительно тѣми изъ гг. учителей и учительницъ, которые сами вызвались дать извѣстный урокъ въ отвѣтъ на мое приглашеніе, а не по моему назначенію, такъ какъ я изъ 250 членовъ съѣзда зналъ только двоихъ, одному изъ которыхъ и былъ предоставленъ мною урокъ, не состоявшійся по случаю отъѣзда его по домашнимъ обстоятельствамъ. Въ числѣ вызвавшихся давать уроки оказалось нѣсколько и такихъ учителей и учительницъ, которые должны быть отнесены къ лучшимъ, но я считалъ согласнымъ съ пользою дѣла предоставлять уроки всѣмъ желающимъ, такъ какъ придаю большее значеніе тому, какъ урокъ будетъ разобранъ, нежели тому, окажется ли онъ вполнѣ безупречнымъ образцомъ. Въ обсужденіи же руководства участвовали, по назначенію моему, за немногими лишь пропусками, всѣ учителя и учи-

тельницы, которые заявили себя въ числѣ лучшихъ во время занятій съѣзда, предшествовавшихъ этимъ критическимъ рефератамъ.

Приступая къ обзору занятій съѣзда по ихъ содержанію, можно распредѣлить ихъ по четыремъ отдѣламъ: I—теорія педагогики, II—методика и дидактика, III—обсужденіе вопросовъ, поставленныхъ учителями, учительницами и руководителемъ съѣзда, и IV—критическій разборъ учебниковъ по предложенію руководителя.

I. *Теоріи педагогики* мною посвящены 12 лекцій, въ видѣ бесѣдъ объ антропологическихъ основаніяхъ указываемыхъ на съѣздѣ пріемовъ обученія. При этомъ изучены внѣшнія чувства, какъ проводники въ наше сознаніе, нервная система, какъ органъ его, инстинктъ, въ отличіе отъ сознанія и различенія, память и воспроизведеніе, познаваніе сходства и различія и воображеніе, какъ элементы нашего сознанія. При случаѣ обращено вниманіе на значеніе чувства въ человѣкѣ, на педагогическое значеніе чувства долга, на педагогическое значеніе чувства удовольствія, на происхожденіе и значеніе дара слова и языка. Теоретическій курсъ непрестанно восходилъ отъ школьной жизни къ теоріи и отъ теоріи нисходилъ до школьной практики.

II. *Методика* преподана на съѣздѣ наглядно, въ видѣ 23 уроковъ, данныхъ учителями и учительницами въ присутствіи съѣзда. Этими уроками исчерпана во всѣхъ подробностяхъ вся учебная программа народной школы, преимущественно сельской. Для того, чтобы лучше сосредоточить вниманіе членовъ съѣзда на изученіи самаго метода преподаванія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и принимая во вниманіе, что умѣнье вести дѣло въ трехъ классахъ одновременно пріобрѣтается лишь продолжительнымъ опытомъ въ школѣ при нормальной обстановкѣ, всѣ уроки, за исключеніемъ лишь одного, давались на съѣздѣ лишь одной группѣ, а не тремъ группамъ, одновременно, учениковъ, которые перемѣнялись сообразно съ предстоявшимъ урокомъ. Но, въ виду величайшей важности для практики того, чтобъ учитель умѣлъ отнестись къ одновременному занятію тремя группами, на съѣздѣ былъ данъ и такой урокъ, въ которомъ одному учителю были поручены три класса одновременно. За каждымъ урокомъ, какъ уже сказано выше, слѣдовали пренія по поводу урока, которыя и заканчивались моими заключеніями, но только весьма незначительная часть ихъ заносилась въ большинствѣ случаевъ въ протоколы съѣзда, за отсутствіемъ стенографа и за невозможностію для секретарей съѣзда записать сколько-нибудь полно заключеніе, занимавшее нерѣдко полчаса и болѣе того времени.

Наглядный курсъ методики коснулся чтенія, письма, счета, нагляднаго обученія, объясненія масштаба, опредѣленія сходства и различія и обученія инородцевъ.

1. *Чтеніе* исчерпано, что касается пріемовъ обученія, въ семи урокахъ: первый урокъ звуковаго обученія грамотѣ, первый урокъ чтенія по

книгѣ, первый урокъ объяснительнаго чтенія и, въ виду особой важности этого предмета, три урока объяснительнаго чтенія въ старшей группѣ, независимо отъ указаннаго уже выше урока объяснительнаго чтенія въ средней группѣ. При звуковомъ обученіи выяснены аналитическій и синтетическій методы; при объяснительномъ чтеніи указана роль наглядности и предварительной бесѣды учителя; равно какъ указано, какъ далеко должны заходить объясненія учителя, во время чтенія, на каждой степени обученія; наконецъ, проведено различіе между чтеніемъ дѣловыхъ статей, какъ средства къ сообщенію реальныхъ знаній, и литературнаго произведенія, какъ средства къ обогащенію языка и эстетическому воспитанію.—Седьмымъ урокомъ чтенія былъ урокъ церковно-славянскаго чтенія, по поводу котораго выяснено значеніе сознательности чтенія Евангелія въ присутствіи преосвященнаго Израиля, подтвердившаго все сказанное объ этомъ руководителемъ съѣзда. Тутъ же было выяснено, какъ достигать сознательности церковно-славянскаго чтенія и элементарнаго ознакомленія съ церковно-славянскимъ языкомъ.

2. *Письмо* разработано на съѣздѣ не менѣе обстоятельно въ шести урокахъ. Начавъ съ перваго урока письма въ смыслѣ ознакомленія дѣтей съ правильнымъ и изящнымъ очертаніемъ буквъ, съѣздъ продолжалъ изученіемъ первой и второй ступени правописанія, т.-е. всматривался въ урокъ «звуковой диктовки», или вѣрности письма по слуху, и въ урокъ «слитнаго и раздѣльнаго письма предлоговъ», какъ въ двѣ задачи, возможно лучшее разрѣшеніе которыхъ составляетъ одну изъ основныхъ потребностей всякой сельской школы, что касается правописанія. Но, не ограничиваясь и этимъ, съѣздъ изучалъ два урока «сочиненія» для первой и второй ступени обученія, въ смыслѣ катехизаціи учителя, воспитывающей порядокъ въ мышленіи, а потому и въ письменномъ изложеніи, и заканчивающейся установленіемъ плана для письменной работы. — Въ связи съ этимъ слѣдуетъ поставить урокъ объ элементарномъ выясненіи предложенія, какъ лежащій въ основѣ расстановки дѣтьми знаковъ препинанія, причемъ выяснилось, какими грамматическими цѣлями можетъ задаваться сельская школа и какъ онѣ достигаются.

3. *Счету* было посвящено пять уроковъ, изъ которыхъ одинъ затраченъ на упражненіе дѣтей въ умственномъ счисленіи на всѣхъ ступеняхъ обученія, одинъ—на умственное счисленіе съ цѣлью выясненія учащимся процессовъ мышленія, которымъ соотвѣтствуютъ извѣстныя ариѳметическія дѣйствія, одинъ урокъ — на систематическій курсъ ариѳметики въ старшемъ классѣ школы и одинъ урокъ—на провѣрку усвоеннаго дѣтьми по ариѳметикѣ, посредствомъ рѣшенія ариѳметическихъ задачъ старшею группой, при помощи учителя.

4. *Наглядное обученіе*, въ виду того, что всѣ уроки на съѣздѣ по возможности соединялись съ наглядностію, что уроки «сочиненія» и «объяснительнаго чтенія» были въ извѣстной мѣрѣ уроками нагляднаго обу-

ченія и катехизаціи,—было представлено на съѣздѣ лишь въ двухъ урокахъ. для средней и старшей группы, съ цѣлію выясненія того, что истинная наглядность обученія состоитъ не въ обращеніи къ одному чувству зрѣнія, но, по возможности, ко всѣмъ внѣшнимъ чувствамъ, и какимъ образомъ путемъ наглядности достигаются развитіе дѣтей, обогащеніе ихъ языка, сообщеніе имъ реальныхъ знаній и воспитаніе въ нихъ нравственныхъ началъ.—Въ связи съ нагляднымъ обученіемъ должны быть поставлены еще урокъ «опредѣленія сходства и различія» и изученіе масштаба; съ послѣднимъ, какъ и съ уроками объяснительнаго чтенія, связывалось родиновѣдѣніе, отчизновѣдѣніе и изученіе географіи, насколько оно доступно сельской школѣ посредствомъ черченія плановъ и картъ.

5. *Обученіе инородцевъ* было указано на одномъ урокѣ, имѣвшемъ цѣлью указать на особенности обученія инородцевъ, по сравненію съ обученіемъ русскихъ дѣтей, и при случаѣ было указано, какъ обучать русской грамотѣ такого инородца, который уже читаетъ на родномъ языкѣ.

Таковы были методическія указанія на съѣздѣ. Но одновременно съ ними выяснились и дидактическія начала, вытекавшія изъ преній и оцѣнки послѣднихъ руководителемъ съѣзда, какъ и изъ самыхъ заключеній руководителя. Такъ, вниманіе съѣзда неоднократно останавливалось на катехетикѣ, на умѣньѣ предлагать наводящіе и повторительные вопросы и избѣгать неопредѣленныхъ и подсказывающихъ, на умѣньѣ пользоваться отвѣтами учениковъ для видоизмѣненія заранѣе обдуманнаго учителемъ плана урока, на необходимости конкретности, естественности и индивидуальности въ обученіи и сближеніи школы съ жизнію, на воспитывающей сторонѣ обученія. Выяснялось развивающее значеніе повторенія при новыхъ сочетаніяхъ и притупляющее вліяніе простаго затверживанія; выяснялись индукція, дедукція и аналогія.

Школьная дисциплина не разъ останавливала на себѣ вниманіе съѣзда и объяснялась ему, какъ такое устроеніе школы, при которомъ учитель любитъ учащихся, а дѣти любятъ учителя, при которомъ въ школѣ некому шалить, такъ какъ всѣ заняты, и некому лѣниться, такъ какъ всѣмъ хочется учиться.

III. *Вопросы поставленные на обсужденіе съѣзда* касались: 1) обученія въ школѣ, 2) дальнѣйшаго образованія ея питомцевъ, 3) воспитанія учащихся и 4) быта учителей.—1) Изъ вопросовъ первой категоріи съѣздомъ обсужденъ вопросъ о подвижныхъ школахъ, признанныхъ нецѣлесообраными, но съ тѣмъ, чтобы состоялось ходатайство о дозволеніи училищнымъ совѣтамъ допускать къ преподаванію изъ лицъ благонадежныхъ и—такихъ, которыя, не обладая учительскими свидѣтельствами, будутъ довольствоваться и меньшимъ жалованьемъ. Къ той же категоріи относится вопросъ о преподаваніи ремеслъ въ начальной школѣ, которое признано осуществимымъ только въ школахъ съ 4—5-лѣтнимъ курсомъ

и съ тѣмъ, чтобы преподаваніе ремеслъ лежало не на учителяхъ, но на особыхъ мастерскихъ. Кромѣ того съѣздомъ постановлено ходатайствовать о дозволеніи прибѣгать въ малорусскихъ и инородческихъ школахъ къ родному языка, какъ къ средству для возможно лучшаго изученія русскаго языка, и обращено вниманіе на необходимость составленія самимъ учителемъ коллекціи наглядныхъ пособій. 2) По второй категоріи вопросовъ съѣздомъ постановлено о необходимости воскресныхъ зимнихъ повторительныхъ школъ для учившихся крестьянъ, библіотекъ и книжныхъ складовъ для продажи книгъ при школахъ. 3) По вопросамъ воспитательнымъ съѣздъ постановилъ ограничиваться возможно меньшимъ числомъ мѣръ наказанія и самыми лишь легкими, причемъ указано на то, что чѣмъ лучше школа, тѣмъ рѣже въ ней встрѣчаются какія бы то ни было наказанія; постановлено съѣздомъ и о томъ, чтобъ усилить сознательное чтеніе Евангелія учителемъ въ классѣ и ходатайствовать о томъ, чтобы было дозволено учителю обучать дѣтей молитвамъ и преподавать Законъ Божій въ школахъ, не имѣющихъ законоучителя. 4) По вопросамъ касающимся быта учителя постановлено ходатайствовать объ особомъ вознагражденіи учителя за обученіе церковному пѣнію, о сосредоточеніи въ рукахъ управы всѣхъ суммъ, поступающихъ изъ разныхъ источниковъ для того, чтобъ образовать учительское жалованье, и о возможно болѣе исправномъ полученіи жалованья учителемъ. Кромѣ того коммиссіею съѣзда разработанъ уставъ учительской эмеритальной кассы, переданный въ губернскую управу для осуществленія, и постановлено съѣздомъ ходатайствовать о созывѣ кратковременныхъ періодическихъ съѣздовъ учителей и учительницъ для обсужденія нуждъ школы и учителя.

IV. *Критическій разборъ учителями и учительницами* учебниковъ былъ направленъ мною такъ, чтобы составлялась критическая оцѣнка руководствъ, близко извѣстныхъ учителю и постоянно имъ примѣняемыхъ. Съ этой точки зрѣнія я предложилъ къ разбору «Задачникъ» Евтушевскаго, «Родное слово» Ушинскаго и «Въ школѣ и дома» Бунакова; для критическаго анализа каждой книги мною назначалось до шести учителей и учительницъ, изъ которыхъ каждый работалъ независимо отъ другихъ и затѣмъ докладывалъ свой рефератъ съѣзду. Кромѣ того мною предложены къ разбору «Чтеніе и письмо по картинкамъ», «Задачникъ» Лубенца и «Способъ черченія картъ» Шипова, какъ въ методическомъ отношеніи весьма любопытныя и совершенно неизвѣстныя учителямъ и учительницамъ книги. Я считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что всѣ означенные критическіе разборы сдѣланы гг. учителями и учительницами вполнѣ удовлетворительно.

Въ заключеніе считаю своею обязанностью поздравить херсонское губернское земство съ тѣмъ, что созваннымъ имъ учительскимъ съѣздомъ доказано, что ему удалось воспитать уже весьма много хорошо подготовленныхъ учителей и учительницъ, и благодарить херсонскую губернскую

земскую управу за оказанное мнѣ довѣріе и то сочувствіе и содѣйствіе, которыми она меня поддерживала въ посильныхъ трудахъ моихъ на пользу народнаго образованія въ Херсонской губерніи.

Въ числѣ постановленій съѣзда обращаетъ на себя особенное вниманіе то, что коммиссіей изъ учителей и учительницъ выработанъ текстъ всеподданнѣйшаго адреса отъ съѣзда учителей Государю Императору. Это постановленіе имѣетъ особенное значеніе въ виду еще не замолкшихъ клеветниковъ народной школы и народнаго учителя.

Теперь, когда послѣ долгаго промежутка впервые разрѣшенный земскій учительскій съѣздъ въ Херсонѣ доказалъ всю цѣлесообразность подобныхъ съѣздовъ, позволительно надѣяться на то, что примѣръ херсонскаго губернскаго земства, уже такъ много сдѣлавшаго для народнаго образованія, найдетъ подражателей въ земствахъ другихъ губерній, которыя въ свою очередь, несомнѣнно, встрѣтятъ сочувствіе и содѣйствіе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Бар. Н. Корфъ.

РУССКІЕ ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ, КАКЪ ИСТОЧНИКИ НѢМЕЦКОЙ УЧЕНОСТИ.

(Landwirthschaft und Gewerbe in Mittelrussland seit Aufhebung der Leibeigenschaft von Alphons Thun.—Staats und socialwissenschaftliche Forschungen Herausgegeben von Gustav Schmoller. B. III, Heft I. Leipzig. 1880).

Въ германскомъ ученомъ мірѣ въ послѣднее время все болѣе и болѣе пробуждается интересъ къ произведеніямъ русской мысли. Такъ, не далѣе какъ въ концѣ прошлаго лѣта вышло небольшое произведеніе von Heyking'a, «Zur geschichte der Handels bilanztheorie», черпающее значительную долю своей учености, относительно англійскихъ писателей, изъ произведенія проф. Янжула. Въ журналѣ, редактируемомъ между прочимъ проф. Вагнеромъ, помѣщается критическая статья, посвященная тремъ трудамъ проф. Янжула. Въ томъ же журналѣ указывается на статистическіе труды московскаго земства, какъ на труды, не имѣющіе ничего себѣ подобнаго въ западной литературѣ по способамъ собиранія свѣдѣній и богатству матеріала. Трудъ г. Исаева о промышленныхъ тавариществахъ также былъ подвергнутъ разбору въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ. То же приходится сказать относительно труда г. Ковалевскаго объ общинномъ землевладѣніи. Наконецъ появляется цѣлое произведеніе, вѣроятно первое въ Германіи, основанное исключительно на русскихъ источникахъ.

Такому интересу къ трудамъ русскихъ писателей со стороны нѣмцевъ нельзя конечно не порадоваться. Надо думать, что это можетъ имѣть значеніе не только въ научномъ отношеніи, но и поможетъ разсѣяться многимъ недоразумѣніямъ, возникающимъ часто въ Германіи по поводу Россіи,—недоразумѣніямъ, имѣющимъ зачастую источникомъ своимъ именно незнакомство съ внутренними отношеніями Россіи, или непониманіе ихъ. Для устраненія этого послѣдняго несомнѣнно всего болѣе имѣетъ значеніе появленіе такихъ произведеній, какъ трудъ г. Туна. Основываясь исключительно на русскихъ источникахъ и притомъ такихъ, что многіе изъ нихъ по самому характеру своему являются свободными отъ всякихъ предвзятыхъ тенденцій, онъ несомнѣнно можетъ дать точное представленіе

объ экономическомъ бытѣ той части Россіи, описанію которой посвященъ. Но если говорить о достоинствахъ труда г. Туна, то приходится ограничиться сказаннымъ. Сама по себѣ мысль обобщить воедино всѣ разбросанныя мѣстныя изслѣдованія и показать на нихъ то общее, что выясняется ими для всѣхъ мѣстностей даннаго района, имѣетъ конечно за себя очень многое. При надлежащемъ исполненіи такой задачи, подобный трудъ, несмотря на то, что въ основѣ его лежатъ знакомые уже русской публикѣ труды различныхъ изслѣдователей, могъ бы имѣть интересъ и въ Россіи. Но нельзя сказать этого про настоящее произведеніе г. Туна: оно носитъ на себѣ характеръ какой-то невыясненности для самого автора того, что онъ пытается выяснить читателямъ. Связь между отдѣльными главами чисто-внѣшняя, механическая, и потому въ одномъ случаѣ авторъ придаетъ значеніе какому-либо обстоятельству, о которомъ совершенно забываетъ въ другомъ, гдѣ то же самое обстоятельство имѣетъ не меньшую силу. Кромѣ того авторъ не выяснилъ для себя нисколько относительное значеніе разныхъ мѣстныхъ условій и потому позволяетъ себѣ распространять на всю Россію обобщенія, касающіяся лишь описываемыхъ имъ мѣстностей средней России.

Самое включеніе въ одно общее понятіе о средней Россіи такихъ мѣстностей, какъ Вятской губерніи, наприм., лежащей близъ азіятской границы, Московской, являющейся центромъ русской промышленности, и Смоленской и Псковской, примыкающихъ къ западнымъ окраинамъ Россіи, указываетъ на недостаточно внимательное отношеніе къ дѣлу. Иначе какъ бы было не замѣтить, что не только климатическія условія, имѣющія столь существенное значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ, но и условія сбыта, пути сообщенія, наконецъ исторія, почти оградившая Вятскую губернію отъ крѣпостнаго права—все это на столько различно въ указанныхъ губерніяхъ, что не можетъ не сказаться на различіи многихъ сторонъ ихъ жизни и экономическихъ отношеній.

Авторъ этихъ различій не замѣчаетъ и на нихъ не указываетъ; если же иногда подмѣтитъ что-либо подобное, такъ, очевидно, какъ обстоятельство не существенное. Такъ, напр., на стр. 130 своего труда, говоря о хозяйствѣ бѣлоруссовъ, онъ указываетъ, какъ на болѣе благопріятныя условія для развитія сельскаго хозяйства въ томъ краѣ, близость къ западной границѣ, большую мягкость климата, болѣе благопріятныя условія сбыта, чѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ, причисляемыхъ имъ къ средней Россіи. Между тѣмъ эти столь существенныя обстоятельства для успѣховъ сельскаго хозяйства нисколько не мѣшаютъ ему распространять затѣмъ дѣлаемыя имъ обобщенія на всю среднюю Россію безъ различія тѣхъ или другихъ мѣстныхъ особенностей указаннаго характера. Какъ это отзывается на самой основательности дѣлаемыхъ авторомъ обобщеній, мы увидимъ ниже. Теперь же скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу того, на сколько критически относился г. Тунъ къ подлежащимъ его изуче-

нію источникамъ. Очевидно, что, выступая съ широкою задачей изображенія положенія въ Россіи сельскаго хозяйства и промысловъ, необходимо было тщательно изучить всѣ существенные источники, рисующіе это положеніе.

Вполнѣ точныя и подробныя свѣдѣнія г. Тунъ имѣлъ относительно Московской губерніи и нѣкоторыхъ уѣздовъ Вятской въ трудахъ земствъ этихъ губерній. Затѣмъ достаточною полнотой отличаются труды тверскаго земства. Имѣя такимъ образомъ точныя описанія нѣкоторыхъ губерній, можно было уже по болѣе отрывочнымъ даннымъ воспроизвести передъ собою картину жизни другихъ губерній, имѣющихъ общее съ только-что приведенными губерніями. Съ этою послѣдней цѣлью г. Тунъ и воспользовался трудами податной коммиссіи и сельскохозяйственной коммиссіи 1872 г. Но каждому, кто знакомъ съ трудами этихъ коммиссій, понятно, что, при всемъ достоинствѣ ихъ, нельзя ограничиться заключающимся въ нихъ матеріаломъ, и тѣмъ болѣе ставить труды сельскохозяйственной коммиссіи главнымъ источникомъ, какъ объ этомъ предупреждаетъ авторъ на 4 стр. введенія къ своему труду. При томъ вниманіи, какое посвящаютъ нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ крестьянскому вопросу, нельзя же было оставить безъ вниманія всю литературу ихъ. Между тѣмъ авторъ, сославшись разъ по незначительному поводу на *Вѣстникъ Европы*, затѣмъ уже не считаетъ нужнымъ снисходить до журнальной литературы и, повидимому, не подозрѣваетъ о существованіи *Отечественныхъ Записокъ*, удѣляющихъ такъ много мѣста земельнымъ отношеніямъ и крестьянскому быту. Ясно, что послѣ этого для автора должно было иначе остаться непонятнымъ и невыясненнымъ.

Точно также, разсуждая о промышленности Россіи вообще, онъ ограничился изученіемъ лишь того, что касается мелкой промышленности, тогда какъ даже для того только, чтобы составить ясное понятіе о значеніи этой послѣдней для Россіи, необходимо знакомство съ состояніемъ крупной. Положимъ, для этого у автора не было достаточныхъ данныхъ, но онъ не воспользовался и имѣющимися; во всякомъ случаѣ нельзя же говорить о томъ, для чего нѣтъ данныхъ, или они не изучены, а авторъ это дѣлаетъ.

Послѣ всего этого читателямъ будетъ понятно, что у г. Туна не могло составиться цѣльной, ясной картины того, что онъ берется изображать, а это несомнѣнно должно привести къ путаницѣ въ его выводахъ и заключеніяхъ. Подобное обстоятельство нельзя конечно не отнести къ весьма важнымъ недостаткамъ произведенія г. Туна, но все это не мѣшаетъ конечно оставаться ему весьма цѣннымъ вкладомъ въ германскую экономическую литературу въ томъ, что составляетъ существенную часть этого труда, т.-е. въ изложеніи, и весьма часто буквальномъ, тѣхъ русскихъ источниковъ, которыми авторъ пользовался. Я употребилъ выраженіе, что это составляетъ существенную часть книги г. Туна, нисколько не случайно, такъ какъ если выкинуть изъ нея все то, что составляетъ

переводъ и изложеніе русскихъ источниковъ, то въ ней останется очень немного принадлежащаго личной самодѣятельности автора, а именно: все введеніе (стр. 1—6), затѣмъ заключительныя слова первой главы (стр. 32), нѣсколько заключительныхъ строкъ третьей главы (стр. 81), нѣсколько вступительныхъ словъ во второмъ отдѣлѣ (стр. 82 и 83) и наконецъ три послѣднихъ страницы въ заключеніи. Конечно, найдется еще нѣсколько кое-гдѣ брошенныхъ замѣчаній и соображеній, но они частью будутъ указаны ниже, частью же ихъ трудно выдѣлить, потому что они такъ перемѣшаны съ мѣстами взятыми изъ источниковъ, что подчасъ весьма трудно отличить, гдѣ кончается цитата изъ источника и гдѣ начинаются соображенія г. Туна. Затѣмъ, конечно, г. Туну принадлежитъ самое расположеніе метеріала въ извѣстной системѣ. Но и здѣсь надо замѣтить, что систематизація предмета бываетъ двоякая—внутренняя и внѣшняя,

Для первой необходимо овладѣть матеріаломъ вполнѣ, выяснить въ немъ все основное, вложить въ самое изложеніе извѣстную мысль, извѣстное положеніе, которое и будетъ составлять центральный пунктъ всей системы; для послѣдней же, внѣшней систематизаціи, достаточно только разграничить всѣ явленія по извѣстнымъ, чисто-внѣшнимъ, признакамъ и затѣмъ уже излагать, нисколько не заботясь о той внутренней связи, которая вызываетъ извѣстную послѣдовательность явленій. При такой внѣшней систематизаціи книга можетъ читаться легко, давать много фактовъ; но читателю придется уже самому озаботиться сдѣлать всѣ выводы изъ сообщенныхъ ему данныхъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего дурнаго; но разъ авторъ не ограничивается ролью простаго излагателя предмета, а дѣлаетъ и свои заключенія, то читателя уже не можетъ удовлетворить одна внѣшняя систематизація. А между тѣмъ изъ сказаннаго ранѣе уже можно видѣть, насколько г. Тунъ заботился о внутренней систематизаціи и насколько она вообще возможна при указанномъ выше отношеніи къ источникамъ. Но кромѣ того г. Тунъ не потрудился даже выяснить для себя многое изъ того, что онъ могъ выяснить на основаніи тѣхъ источниковъ, которыми пользовался, и что онъ пытается объяснить для читателя. Возьмемъ для примѣра хоть вышеупомянутое заключеніе 1-й главы на стр. 32. Чѣмъ объясняетъ авторъ плохое состояніе хозяйства въ частныхъ имѣніяхъ (Privatgütern)? Сравнивая его съ положеніемъ хозяйства въ балтійскихъ (остзейскихъ) провинціяхъ, онъ приходитъ къ заключенію, что причина плохаго состоянія частнаго хозяйства въ средней Россіи лежитъ въ народномъ характерѣ. Весьма возможно и вѣроятно, что народный характеръ обусловливаетъ весьма многія экономическія явленія; но вѣдь не нужно забывать и того, что онъ самъ есть результатъ вліянія цѣлаго ряда историческихъ и экономическихъ причинъ,—слѣдовательно, однимъ этимъ еще ничего ровно не разъясняется. Правда, авторъ пытается этому характеру дать объясненіе въ томъ, что die

Russen sind auf dem Faulbett der Seibeigenschaft aufgevaschen. Совершенно вѣрно, тѣмъ болѣе, что либеральничать относительно прошлаго и отжившаго очень легко; но это намъ ничего не объясняетъ при сравненіи русскаго сельскаго хозяйства съ хозяйствомъ балтійскихъ провинцій, такъ какъ это Faulbett существовала всюду, обошла весь контингентъ Европы, не миновала и балтійскихъ провинцій.

Помимо того, изъ той же главы видно, что въ числѣ землевладѣльцевъ находится масса купцовъ и даже крестьянъ, для которыхъ такой Faulbett не существовало, стало-быть не въ этомъ надо искать причины. Еслибъ авторъ относился серьезнѣе къ своимъ заключеніямъ и не считалъ достаточнымъ для правильности ихъ одного изложенія источниковъ, безъ тщательнаго изученія ихъ, то онъ, обративъ свой взоръ къ Baltische Provinzen (что можетъ-быть и очень патріотично), прежде чѣмъ дѣлать изъ этого какой-либо выводъ, сравнилъ бы дѣйствительно условія, имѣющія значеніе для сельскаго хозяйства въ нихъ и въ средней Россіи. Сдѣлавъ это, онъ не сказалъ бы, напр., что климатъ тамъ и тутъ одинаковъ, а нашелъ бы, что средняя температура года въ балтійскихъ провинціяхъ равна съ температурою Орловской, Курской и Саратовской губерній, которыя въ средней Россіи считаются южными и имѣютъ сравнительно съ ней и климатъ болѣе мягкій, и производительность иную (напр. произрастаніе арбузовъ на вольномъ воздухѣ, о чемъ въ средней Россіи и думать не приходится). Точно также онъ нашелъ бы, что линіи зимней температуры (изохимены) тянутся отъ балтійскихъ провинцій чрезъ Полтавскую, Кіевскую, Черниговскую, Екатеринославскую губерніи, то-есть черезъ самыя южныя. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно было бы взглянуть лишь на карту Россіи, хотя въ хозяйственно-статистическомъ атласѣ Россійской имперіи, составленномъ Вильсономъ*). Далѣе не только изъ объясненій къ этому атласу, но изъ личнаго опыта**) авторъ могъ бы убѣдиться, что въ Россіи, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ зима холоднѣе и длиннѣе, а лѣто короче, и ужь конечно не г. Тунъ станетъ говорить, что балтійскія провинціи ближе къ востоку, чѣмъ средняя Россія, и въ особенности Вятская губернія, лежащая близъ азіятской границы. Но автору точно также не безызвѣстно, что остзейскія провинціи поставлены и относительно условій сбыта съ давнихъ поръ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ средняя Россія. Значеніе же путей сообщенія для развитія сельскаго хозяйства со времени великаго Thunen'а стало азбучною истиной въ политической экономіи. Итакъ, относительно природныхъ условій думаю, что простой взглядъ на карту убѣждаетъ въ значительной разницѣ ихъ и притомъ въ пользу Остзейскаго края. Но кромѣ нихъ существуютъ различія и въ историческихъ условіяхъ. Начать съ того, что въ балтійскихъ провинціяхъ еще въ 1804 г. точно опредѣ-

*) Петербургъ, 1869 г.

**) Часть біографіи автора извѣстна изъ его же труда.

лены права крестьянъ и ихъ повинности и затѣмъ въ 1819 г. уничтожено крѣпостное право, причемъ крестьяне освобождены безъ земли. Но и затѣмъ до 30-хъ годовъ продолжало существовать трехпольное хозяйство и распространеніе плодоперемѣнной системы шло очень медленно. Въ 30-хъ же годахъ усиленіе винокуренія и высокія цѣны на хлѣбъ, при близости сбыта его за границу, дали толчокъ дальнѣйшему и болѣе быстрому развитію сельскаго хозяйства. Въ противоположность этому послѣднему условію, средняя Россія имѣетъ на югѣ сравнительно дешевый хлѣбъ, для привоза котораго въ среднюю Россію существуютъ и пути сообщенія; построеніе же послѣднихъ совпало съ тѣмъ кризисомъ для частнаго хозяйства, который естественно должно было произвести уничтоженіе крѣпостнаго права. Затѣмъ другое важное условіе, безъ котораго до сихъ поръ не осуществлялось нигдѣ ни развитія крупной промышленности, ни частнаго хозяйства,—это свободныя отъ собственной земли рабочія руки,—опять не одинаково въ балтійскихъ провинціяхъ и въ средней Россіи, гдѣ развитіе ихъ замедляется (хотя въ силу недостаточности надѣловъ и не устраняется совсѣмъ) существованіемъ общиннаго землевладѣнія. Что послѣднее обстоятельство, т. е. существованіе свободнаго безземельнаго батрачества для развитія *частнаго* хозяйства, не отрицается и самимъ авторомъ, можно заключить изъ тѣхъ горячихъ строкъ, которыя посвящаетъ на стр. 83 въ защиту Landadel, въ связи съ тѣмъ искреннимъ негодованіемъ, которое выражается на стр. 82 и 83 по поводу распространенныхъ въ русскомъ крестьянствѣ слуховъ о черномъ передѣлѣ (Schwarzen Umtheilung),— слуховъ, что особенно возмущаетъ автора, проникшихъ и въ балтійскія провинціи и, по соображеніямъ г. Туна, распространяемыхъ извѣстными кругами, съ цѣлью «возбудить народъ противъ его нѣмецкихъ господъ». Но еслибы г. Тунъ, оставивъ даже въ сторонѣ все то, что на основаніи другихъ данныхъ разъясняетъ разницу въ условіяхъ балтійскихъ провинцій и средней Россіи, ограничился лишь источниками, которыми пользовался, уяснилъ дѣйствительно себѣ значеніе всего заключающагося въ нихъ и отнесся къ нимъ внимательно, то и тогда онъ не далъ бы вышеприведеннаго, ничего не объясняющаго, объясненія. Тогда онъ увидалъ бы, что тотъ третій типъ владѣльцевъ, о которыхъ онъ говоритъ на стр. 24 своего труда, представляетъ собою типъ новый, нарождающійся (стр. 185 т. V «Сборн. моск. земства»), что этотъ типъ умѣетъ пользоваться и рабочими силами, и, какъ выражается самъ г. Тунъ, «ihren Lohn mit Leichtigknit aus dem Ertrage ihrer Arbeit decken», т. е. представляетъ именно такой типъ, которому, при извѣстныхъ условіяхъ, принадлежитъ будущее и который, начавъ вводить «улучшенную» систему хозяйства, неохотно отступится отъ своей роли. Еслибы онъ сопоставилъ это обстоятельство, т. е. недавнее появленіе такого типа землевладѣльцевъ, съ приводимыми въ его же трудѣ данными о развитіи класса безземельныхъ, о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ,

заставляющей крестьянъ искать труда на сторонѣ, то онъ, можетъ-быть, пришелъ бы къ заключенiю, что совпаденiе этихъ двухъ обстоятельствъ не случайно и что переходъ къ «улучшеннымъ» системамъ хозяйства начинаетъ проявляться и въ средней Россiи, и именно въ той формѣ, которая такъ прекрасно разцвѣла въ Baltische Provinzen. Отрицать это значило бы приписывать умѣнье эксплоатировать массу лишь нѣмецкому Volkscharalter, въ отличiе его отъ русскаго. За что же такъ обижать соотечественниковъ? До какой степени авторъ ограничивался однимъ лишь списыванiемъ источниковъ, не стараясь уяснить себѣ общее въ нихъ, можно видѣть между прочимъ изъ его забывчивости относительно болѣе благопрiятныхъ условiй сбыта въ балтiйскихъ провинцiяхъ сравнительно съ среднею Россiей. Забывчивость эта тѣмъ болѣе странна тутъ, что, какъ мы уже приводили выше, онъ не забываетъ отмѣтить этого обстоятельства, какъ благопрiятнаго даже въ Бѣлоруссiи, тогда какъ балтiйскiя провинцiи въ этомъ отношенiи поставлены гораздо лучше. Ясно, что все это возможно было лишь при одномъ условiи—постепенномъ, послѣдовательномъ списыванiи источниковъ, послѣ того, какъ они расположены въ извѣстномъ внѣшнемъ систематическомъ порядкѣ. При такомъ прiемѣ вполнѣ естественно, что отдѣльныя части книги, не связанныя единствомъ мысли, заставляютъ автора дѣлать промахи. И вотъ онъ, говоря о частномъ хозяйствѣ, позабылъ о томъ, что имѣетъ для него одинаковое значенiе съ крестьянскимъ, о чемъ упоминается лишь въ источникахъ, трактующихъ о послѣднемъ.

Подобное отношенiе сказывается у автора во всемъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 9 онъ самъ говоритъ о неблагопрiятномъ влiянiи для развитiя сельскаго хозяйства въ средней Россiи конкурренцiи черноземной области, а на страницѣ 32 уже совершенно позабываетъ объ этомъ и говоритъ о балтiйскихъ провинцiяхъ и средней Россiи, такъ какъ будто бы разница заключается лишь въ Volkscharalter и Faulbett. Но если въ данномъ случаѣ авторъ, приводя свое объясненiе, не вяжущееся съ приведенными имъ же фактами въ другихъ мѣстахъ той же книги, даетъ по крайней мѣрѣ возможность читателю на основанiи этихъ данныхъ провѣрить его объясненiя, то въ другихъ мѣстахъ онъ уже вовсе оставляетъ читателя въ недоумѣнiи, не давая никакого исхода изъ него. Такъ, на стр. 20 онъ относитъ въ Московской губернiи къ сельскохозяйственнымъ уѣздамъ Рузскiй, Можайскiй и Волоколамскiй, а на стран. 56 онъ объясняетъ, что въ Волоколамскомъ уѣздѣ сельское хозяйство находится въ очень тяжеломъ положенiи, въ Рузскомъ—въ глубокомъ упадкѣ. На страницѣ же 60 мы уже опять читаемъ, что арендованiе земель наиболѣе развито въ сельскохозяйственныхъ уѣздахъ.... Рузскомъ, Волоколамскомъ. Что же это означаетъ? Или г. Тунъ самъ себѣ нисколько не уяснилъ различiя тѣхъ уѣздовъ, о которыхъ онъ говоритъ; но тогда какъ же приводить эти различiя въ объясненiе тѣхъ или другихъ явленiй, какъ это онъ

дѣлаетъ? Или же г. Тунъ взялъ указанныя различія изъ источниковъ, не разъяснивъ противорѣчія, а опять ограничась однимъ списываніемъ. Или же, наконецъ, понимая по-своему слова: «сельскохозяйственные уѣзды», онъ не озаботился разъяснить читателямъ своеобразность своего пониманія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ это обнаруживаетъ крайне небрежное составленіе книги, т. е. опять-таки попросту списываніе источниковъ одного за другимъ. Иначе бы г. Тунъ, сказавъ на стр. 20 одно, не говорилъ бы на 56 стр. противоположнаго, а на стр. 60 не повторялъ бы опять прежняго и тѣмъ не вводилъ бы читателя въ неразрѣшимое недоумѣніе.

Впрочемъ, удивляться такой забывчивости въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ, такъ какъ г. Тунъ забылъ даже во всей своей книгѣ дать отвѣтъ на вопросъ, поставленный имъ въ началѣ введенія, что даетъ основаніе предполагать, что для отвѣта на этотъ вопросъ и написана вся книга. Правда, авторъ могъ, поставивъ вопросъ: составляютъ ли послѣднія движенія въ Россіи дѣло небольшой кучки людей или же отголосокъ движеній въ средѣ самого народа,—и затѣмъ сообщивъ данныя о положеніи крестьянъ въ средней Россіи, предположить, что читатель самъ уже сдѣлаетъ надлежащій выводъ. Но въ такомъ случаѣ надо ждать, что авторъ воздержится и отъ такихъ выводовъ, для которыхъ книга его не даетъ основаній. Однако мы этого не видимъ. Описавъ по нѣсколькимъ источникамъ положеніе средней Россіи, не сообщивъ данныхъ о развитіи фабричнаго и мануфактурнаго производства въ настоящее время, онъ тѣмъ не менѣе рѣшается въ концѣ книги дѣлать заключенія, касающіяся уже всей Россіи, отличающейся, при своей обширности, такимъ разнообразіемъ, что по состоянію дѣлъ въ средней Россіи нельзя еще заключать относительно всей. Авторъ какъ будто бы это сознаетъ самъ, ограничивая свою задачу описаніемъ средней Россіи. И однако все заключеніе отъ первой строки до послѣдней содержитъ въ себѣ разсужденія по поводу хода дѣлъ въ Россіи вообще. Взявъ это въ разсчетъ, въ связи съ тѣмъ, что нами раньше указано относительно невыясненности для самого автора многаго касающагося средней Россіи, становится понятнымъ, что вмѣсто выводовъ, въ основѣ которыхъ лежатъ экономическія явленія, авторъ пускается въ избитыя разсужденія о русскомъ характерѣ и въ концѣ концовъ всѣ заключенія его отличаются тою опредѣленностью, которая характеризуется русскою пословицей: «ни два, ни полтора» (смотр. заключительныя слова книги).

На этомъ можно бы покончить съ произведеніемъ г. Туна, такъ какъ сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, чего можно ожидать отъ книги и на что можно въ ней полагаться; но въ виду нѣкоторыхъ особенностей работы г. Туна приходится остановиться нѣсколько и на нихъ.

Обыкновенно принято, что авторъ, беря свѣдѣнія или мысли изъ какого-либо источника, дѣлаетъ указанія на тѣ мѣста этого источника,

которыми онъ пользуется. Если это необходимо вообще, то еще важнѣе конечно тогда, когда ссылка дѣлается на малоизвѣстныя сочиненія, какими являются для нѣмецкой публики русскія произведенія. Въ виду этого подобное требованіе должно быть предъявлено къ г. Туну строже, чѣмъ къ кому-либо. Между тѣмъ, относясь въ этомъ случаѣ къ г. Туну безъ такой квалифицированной строгости, нужно сознаться, что онъ далеко не всегда удовлятворяетъ поставленнымъ выше требованіямъ. Конечно, ничего нельзя сказать противъ того, что авторъ дѣлаетъ часто ссылку общую на данную книгу, безъ указанія страницъ. Во многихъ случаяхъ этого совершенно достаточно, въ особенности, когда рѣчь идетъ о фактахъ, которые г. Тунъ, конечно, не могъ самъ создать. Но въ источникахъ г. Туна находятся не одни факты,—тамъ есть и объясненія имъ, которыя одинаково могутъ принадлежать какъ г. Туну, такъ и автору источника. Въ такихъ случаяхъ уже одно естественное желаніе, чтобы разсужденія и мысли нѣмецкаго ученаго не смѣшивались съ объясненіями русскаго составителя книги, должно бы было заставить г. Туна, когда онъ беретъ то или другое объясненіе у русскаго составителя, если не дѣлать ссылки на страницу, то хоть по крайней мѣрѣ приводить это объясненіе во вносныхъ знакахъ, такъ чтобы ясно было видно, что это принадлежитъ не г. Туну. Между тѣмъ этого нигдѣ нѣтъ, а пользованій такими объясненіями много, причемъ иногда берется даже не изъ того источника, на который передъ тѣмъ только-что дѣлалась ссылка. Укажу для примѣра лишь нѣкоторыя мѣста. Все, что говорится на стр. 19 и 20 относительно перехода земель въ руки разныхъ сословій и значенія перехода ихъ въ руки купечества, взято цѣликомъ со стр. 45 и 47 статистическихъ трудовъ московскаго земства, между тѣмъ ссылки на нихъ въ этомъ мѣстѣ нигдѣ нѣтъ. Точно также все отъ начала 23 стр. до конца этого отдѣла представляетъ собою не факты, а лишь объясненія явленій, составляющія опять-таки *буквальный* переводъ того, что значится на стр. 120 т. V того же Сборника. Тутъ читатель, не знающій предварительно источника, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ убѣдиться, взято ли это г. Туномъ у кого-нибудь или составляетъ его собственное разсужденіе, такъ какъ передъ этимъ на стр. 22 помѣщена ссылка на сочиненіе Чупрова о желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, а затѣмъ на стр. 23, уже послѣ приведеннаго объясненія и подъ чертой, заканчивающей этотъ отдѣлъ, и уже по совсѣмъ другому вопросу дѣлается ссылка относительно фактовъ на стр. 185 V т.; а это мѣсто такъ и остается безъ всякой ссылки. То же встрѣчается и въ другихъ главахъ. Такъ, во II гл. 1-го отдѣла, на стр. 53—54, авторъ для объясненія способа, которымъ покрываетъ крестьянинъ дефицитъ, говоритъ: «Die Bauern däcken nächlich das Defizit an ihrem Leibe, sie essen und trinken sich nicht satt. Ein solches Verfahren crachten die Bauern für sehr leicht anwendbar, da sie dazu Keinerlei Behörden um Erlaubniss zu fragen brauchen». Объясненіе это буквально взято изъ изслѣдованія 3-хъ

28*

сѣверныхъ уѣздовъ Вятской губерніи г. Заволжскаго и приведено имъ послѣ того, какъ онъ дѣлаетъ сопоставленіе крестьянскихъ доходовъ и расходовъ. Между тѣмъ г. Тунъ, упомянувъ объ этомъ сочиненіи на стр. 47, затѣмъ уже не только нигдѣ не упоминаетъ о немъ, но даже, приступая на стр. 52 къ выписыванію бюджета буквально изъ книги Заволжскаго, дѣлаетъ это въ такой формѣ, какъ будто бы онъ самъ дѣлаетъ вычисленія бюджета: «Versuchen w i r auf grand u n s e r e r Angaben das Budget der Bauernbevölkerung aufzustellen». Понятно, что читателю, незнающему, что въ такой именно формѣ говорится у Заволжскаго, и въ голову не придетъ, что вышеприведенное остроумное объясненіе г. Заволжскаго принадлежитъ ему, а не г. Туну. Положимъ, что читатель, вспомнивъ, какъ г. Тунъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги, и между прочимъ на стр. 86, ждетъ экономическихъ благъ отъ бюрократическихъ мѣропріятій, можетъ удивиться, откуда же вдругъ тутъ у г. Туна взялась такая злая иронія по поводу свободы крестьянина распоряжаться своимъ тѣломъ безъ позволенія начальства, и можетъ-быть онъ заподозритъ, г. ли Туну принадлежитъ эта острота. Но къ чему же заставлять читателя заниматься такими вопросами?

Ограничимся еще однимъ указаніемъ. На стр. 215 и 216 авторъ описываетъ способъ сбыта ложекъ въ г. Семеновѣ. Представлена очень живая и характерная сцена, цѣликомъ взятая изъ матеріаловъ коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности и помѣщенная потомъ во многихъ русскихъ газетахъ, между тѣмъ авторъ вовсе не считаетъ нужнымъ во всей этой главѣ сдѣлать указаніе на это изданіе коммиссіи и такимъ образомъ читатель, незнакомый съ трудами коммиссіи, все это описаніе припишетъ прямо наблюдательности г. Туна. Подобныхъ же мѣстъ можно было бы указать и еще нѣсколько, но и приведенныхъ достаточно, чтобы судить, насколько небрежно (чтобы не сказать больше) относился г. Тунъ къ непремѣнной обязанности каждаго писателя. Въ заключеніе, указавъ на всѣ эти неподражаемости въ трудѣ нѣмецкаго ученаго, нужно однако отдать ему справедливость, что онъ съумѣлъ быть достаточно безпристрастнымъ въ своемъ отношеніи къ нѣкоторымъ явленіямъ русской жизни. Такъ, вопреки многимъ германскимъ (и русскимъ) ученымъ, онъ относится совершенно объективно къ русскому общинному землевладѣнію, не требуетъ немедленнаго разрушенія его, подобно другимъ культуртрегерамъ,— напротивъ, даже подчасъ отстаиваетъ его отъ многихъ несправедливыхъ нападокъ и предостерегаетъ отъ немедленной ломки бытовыхъ народныхъ устоевъ, хотя и не воздерживается отъ указаній на необходимость нѣкоторыхъ мѣропріятій, способныхъ, по мнѣнію автора, устранить вредныя вліянія общины, въ то же время не разрушая ея. Но и въ этой главѣ онъ почти ничего не вноситъ отъ себя и почти по пятамъ слѣдуетъ за изложеніемъ г. Орлова, о чемъ на этотъ разъ и предупреждаетъ. Оно, конечно, и послѣ такого предупрежденія не мѣшало бы все-таки, хоть

вносными знаками, выдѣлить объясненія и выводы г. Орлова отъ собственныхъ измышленій г. Туна; но на какомъ же основаніи заявлять здѣсь такую претензію, когда этого не дѣлается и во всей книгѣ? Во всякомъ случаѣ эта глава, какъ и многое, взятое цѣликомъ изъ русскихъ источниковъ, знакомя, не сильныхъ въ русскомъ языкѣ, нѣмецкихъ ученыхъ съ обстоятельными фактами изъ жизни существующей въ настоящее время общины, оставитъ за трудомъ г. Туна надолго значеніе въ нѣмецкой литературѣ. Что же касается благопріятнаго отношенія г. Туна къ общинному землевладѣнію, то оно не должно удивлять насъ, такъ какъ здѣсь онъ является вполнѣ послѣдовательнымъ ученикомъ той германской школы, къ которой надо причислить и его, на основаніи его предыдущаго труда, и которая, вѣроятно, въ силу нѣмецкой пословицы, das hübsche Kind hat viele Namen, называется то катедръ-соціалистической, то историко-реалистической, то просто реалистической, то наконецъ эпической*). Подобное многообразіе названій этой школы объясняется можетъ-быть также и тою неопредѣленностью ея основныхъ положеній, которая неминуемо связана съ подчиненіемъ научныхъ воззрѣній тѣмъ или другимъ политическимъ требованіямъ минуты и признаніемъ истины всегда и всюду въ золотой срединѣ. (Не то ли это, что въ просторѣчіи называется сидѣньемъ между двухъ стульевъ?) Не трудно замѣтить, что и тутъ г. Тунъ вполнѣ послѣдователенъ избранной имъ школѣ, такъ какъ неопредѣленности и невыясненности въ его книгѣ достаточно, въ чемъ не разъ можно было убѣдиться.

На этомъ мы и закончимъ, такъ какъ излагать послѣдовательно содержаніе книги г. Туна, не представляющей въ себѣ ничего новаго для русскаго читателя, кромѣ указанныхъ неподражаемостей, нѣтъ надобности. Указать же на эти неподражаемости было тѣмъ болѣе необходимо, что обнаруженное г. Туномъ отношеніе къ русскимъ источникамъ нельзя признать полезнымъ ни для германской литературы, ни для русскихъ ученыхъ. Если явилась потребность знакомить германцевъ съ произведеніями русской мысли, такъ пусть послѣдняя подносится имъ въ чистомъ видѣ, а не прикрытая именемъ нѣмецкаго гелертера.

Н. Каблуковъ.

*) Впрочемъ мы не ручаемся, что перечислили всѣ наименованія этой школы.

Новый учено-литературный журналъ на польскомъ языкѣ.

Muzeum, Dwutygodnik Polski. Kraków 1881, zesz. I—IV.

Съ новаго года сталъ выходить въ Краковѣ, подъ редакціей д-ра Ѳадѣя Рутовскаго, польскій учено-литературный журналъ Muzeum съ направленіемъ трезвымъ и серьезнымъ, съ содержаніемъ богатымъ и разнообразнымъ. Въ немъ помѣщаются: 1) статьи о важныхъ (для Галиціи) современныхъ вопросахъ, 2) изслѣдованія и очерки по всѣмъ наукамъ и по исторіи искусствъ, 3) повѣсти, стихотворенія, очерки, изслѣдованія по исторіи литературы и литературныя характеристики, 4) хроника, 5) статьи критическія и 6) библіографическія замѣтки.

Muzeum выходитъ два раза въ мѣсяцъ выпусками въ 4—5 листовъ. До сихъ поръ вышло 4 выпуска. На сколько можно судить по ихъ содержанію, редакція поставила себѣ главною цѣлью—разработку важныхъ для Галиціи соціально-экономическихъ вопросовъ; затѣмъ она старается знакомить съ современнымъ состояніемъ литературы, науки и искусствъ во всѣхъ польскихъ земляхъ; менѣе обращаетъ вниманія на исторію Польши и польской литературы; все, что не касается Галиціи и поляковъ, отодвинуто на послѣдній планъ; беллетристика введена въ журналъ, очевидно, въ угоду вкусамъ публики. Такому распредѣленію предметовъ въ новомъ польскомъ журналѣ нельзя не порадоваться: серьезное и безпристрастное изученіе настоящаго и прошлаго Польши принесетъ огромную пользу полякамъ; мы же, русскіе, и съ нами всѣ славяне, будемъ весьма благодарны редакціи, если она выдержитъ свою программу и будетъ сообщать достовѣрныя свѣдѣнія о культурномъ движеніи поляковъ на всемъ пространствѣ занимаемыхъ ими земель.

Въ вышедшихъ уже выпускахъ наиболѣе важны и любопытны статьи о соціальномъ и экономическомъ состояніи Галиціи. Обзоръ ихъ начнемъ со статьи самого редактора и издателя, г. Рутовскаго, помѣщенной во II выпускѣ *Музея* подъ заглавіамъ «O własnych siłach» (собственными силами).

По словамъ автора, поляки издавна привыкли къ увлеченіямъ: такъ и теперь они слишкомъ большія надежды возлагаютъ на экономическое возрожденіе Галиціи, между тѣмъ какъ «необходимо поближе присмотрѣться къ симптомамъ нынѣшняго состоянія и основаніямъ надеждъ, чтобъ остеречься отъ горячки иллюзій и апатіи «отчаянія».

«Недавно доказано, что за нѣсколько лѣтъ передъ раздѣломъ Польши цѣлый край не производилъ столько, сколько нужно было на сапоги изъ самой простой кожи (na bóty z podlejszéj skóry) для народа. Вслѣдствіе польской неурядицы (nierządu) часть нашей земли досталась въ нѣмецкія руки...

«Исторія нѣмецкаго хозяйничанья у насъ еще не написана; долго было бы разсуждать о томъ, какія причины довели край до нынѣшняго состоянія, сколько провинились въ этомъ мы сами и сколько виноваты правительство и нѣмцы. Фискализмъ, ошибки правительства, по неспособности, и умышленный вредъ, система забиванія всякой промышленности въ самыхъ зачаткахъ, чтобы сдѣлать цѣлый край непремѣннымъ потребителемъ фабричныхъ издѣлій нѣмецкихъ провинцій — вотъ фонъ (tło) столѣтней экономической мартирологіи края». Правительство организовало систему высасыванія жизненныхъ силъ Галиціи горстью нѣмцевъ, стоящихъ выше въ культурномъ отношеніи, обладающихъ капиталами и духомъ спекуляціи, имѣющихъ власть въ своихъ рукахъ,—и вслѣдствіе этого Галиція, хотя она не знала ни 1831, ни 1863 года, есть *самая бѣдная часть Польши*. Въ послѣднее однако время, съ дарованіемъ автономіи, стали совершаться въ Галиціи чудеса: каждая пядь земли, отобранная изъ рукъ централистовъ, даетъ новыя силы. Край пробудился къ органическому труду и «Галиція мало-по-малу перестаетъ быть расточительною, неисправимою, лѣнивою, перестаетъ быть огромнымъ ртомъ безъ рукъ («ogromną gębą bez rąk»), какъ назвалъ ее Крашевскій еще въ 1872 году.

«Все измѣнилось къ лучшему,—прибавляетъ авторъ, — кромѣ галицкой бѣдности (biedy). О ней ежедневно твердятъ газеты. «Нужда—повсюду: и въ городѣ и въ деревнѣ, и въ шляхетскомъ дворѣ и въ хлопской хижинѣ. Отъ 40 до 60 тысячъ крестьянскихъ участковъ ждутъ продажи съ молотка; около тысячи шляхетскихъ деревень, менѣе или болѣе недобровольно, ожидаютъ покупателей; надъ краемъ тяготитъ около триста милліоновъ долгу; источники сельской производительности уничтожены фискализмомъ правительства или разорены неспособностью, неумѣлостью, безпорядочностью, а другіе источники мѣстной производительности еще не тронуты». Голодъ и тифъ нигдѣ такъ не свирѣпствуютъ, какъ въ Галиціи. Недоимки поземельной подати постоянно возрастаютъ и теперь составляютъ уже четвертую часть всей суммы. «Словомъ, дурное хозяйство, собственное и чужое, недостатокъ бережливости въ лучшія времена, недостатокъ капиталовъ, недостаточное пробужденіе производительныхъ силъ— все это вмѣстѣ повергаетъ край при малѣйшемъ бѣдствіи въ критическое состояніе и дѣлаетъ нужду болѣзнью хроническою.

«Въ разоренныхъ и брошенныхъ помѣстьяхъ кишитъ плодливая жидовская чернь, а бывшіе помѣщики добиваются въ городѣ маленькой должности, на которую прежде смотрѣли свысока... Эпигоны тѣхъ, которые владѣли цѣлою польскою землей, имѣютъ ея только на могилу или на горшокъ резеды въ окнѣ»...

Общее банкротство заставило галицкихъ поляковъ бросить «высокую политику» и думать о хлѣбѣ насущномъ. Назначаются коммиссіи, издаются экономическія брошюры. Мѣстная администрація изыскиваетъ средства для спасенія края отъ окончательнаго разоренія. Въ общество проникаетъ сознаніе, что оно само болѣе всего виновато въ экономическомъ упадкѣ края и потому нуждается въ нравственномъ возрожденіи.

Экономическій упадокъ Галиціи приписывали болѣе всего тяжести податей, а потому философскимъ камнемъ финансовой политики считали какъ можно большее ихъ облеченіе. Авторъ полагаетъ, что будущность Галиціи зависитъ не отъ финансовой, а отъ экономической политики. До перехода подъ власть Австріи Галиція была исключительно земледѣльческимъ краемъ. Благодаря стараніямъ нѣмцевъ и народному характеру, такимъ краемъ осталась Галиція до настоящаго времени и принято за догматъ, что она есть, была и можетъ быть только такимъ, т. е. земледѣльческимъ, краемъ. Эта теорія, повторяемая тысячу разъ и проникшая въ кровь и плоть. убиваетъ всякую иниціативу, заражаетъ недовѣріемъ и колебаніемъ каждое предпріятіе. Дилетантизмъ, полное незнаніе мѣстныхъ условій и отношенія капитала къ предпріятію, огромныя издержки на администрацію и жизнь, несоразмѣрныя съ доходами самихъ антрепренеровъ—вотъ главныя причины упадка множества промышленныхъ предпріятій. Устраненіе этихъ причинъ должно составлять задачу экономической политики Галиціи.

Развивая далѣе свою мысль, авторъ требуетъ, чтобы «все общество пробудилось отъ апатіи и принялось за производительный трудъ, чтобы, сознавъ свою вину въ постигшей его нуждѣ, жило соразмѣрно съ наличными средствами, чтобъ убѣдилось въ солидарности улучшенія быта и просвѣщенія, въ солидарности двигателей общественныхъ и экономическихъ, чтобъ отреклось отъ своихъ предубѣжденій, предавшихъ жидамъ торговлю, а нѣмцамъ промышленность, чтобъ убѣдилось въ непрактичности нынѣшняго воспитанія и образованія и, наконецъ, чтобы приняло за догматъ, что никто намъ не поможетъ, если мы сами себѣ не поможемъ. Поболѣе просвѣщенія, поболѣе доброй воли, поболѣе труда — и все измѣнится къ лучшему». Но при этомъ прибавляетъ авторъ: «безъ открытія иныхъ источниковъ производительности, безъ созданія промышленности ничто не удержитъ нашего паденія». Необходимый для разумныхъ промышленныхъ предпріятій капиталъ дастъ недавно основанный въ Вѣнѣ Länderbank; но, чтобъ эти предпріятія были разумны, нужно имѣть достаточное число людей технически образованныхъ. Авторъ жалуется на манію поляковъ къ правовѣдѣнію, которое считается болѣе благородною (noble),

наукою, чѣмъ остальныя: эта манія множитъ толпы людей непроизводительныхъ, чиновничій пролетаріатъ, и грозитъ образованіемъ «народной» бюрократіи. По числу лицъ, получившихъ университетское образованіе въ Австріи, поляки уступаютъ только нѣмцамъ (1 нѣмецъ на 2.116 ж., 1 полякъ на 2.545, между тѣмъ какъ 1 чехъ на 3.488 ж.); но къ техническому образованію они имѣютъ до сихъ поръ отвращеніе. «Отъ того,— говоритъ авторъ, — у насъ слишкомъ много Verwaltungsrath'овъ, а въ каждомъ учрежденіи банковомъ и торговомъ—дилетантизмъ; нѣтъ у насъ антрепренеровъ, спекулянтовъ, спеціалистовъ-организаторовъ; каждый техникъ готовъ пробить Mont Blanc, прокопать Америку, а нѣтъ въ краѣ машиниста, кочегара; множество кандидатовъ на старосту, а въ отцовской деревнѣ пусто; множество управляющихъ, а нѣтъ эконома; короче, *есть у насъ только «паны»* (panowie), *хотя бы голые*, удивительно похожіе на нищихъ въ Буэносъ-Айресѣ—на коняхъ...

«У насъ слишкомъ много *интеллигенціи* относительно не народонаселенія, а матеріальной производительности. *Излишекъ интеллигенціи* нѣкоторые считаютъ доказательствомъ того, что мы слишкомъ много знаемъ, слишкомъ многому учились: свѣтъ, молъ, у насъ черезъ край льется! А между тѣмъ никто у насъ не читаетъ,—къ книгамъ страшное отвращеніе; публицистика падаетъ отъ недостатка подписчиковъ; въ массѣ интеллигенціи нѣтъ никакого интереса къ наукѣ, къ литературѣ; дѣтей посылаютъ въ школы и университетъ «хлѣба ради», въ надеждѣ должности и жалованья отъ правительства,—жалованья, которое ни въ огнѣ не сгоритъ, ни въ водѣ не потонетъ и которое развѣ только жидъ возьметъ. Вліянія этого избытка свѣта на деревни, на земледѣліе—не видно; въ уѣздныхъ совѣтахъ—недостатокъ людей, недостатокъ спеціалистовъ...

«Искусствами у насъ также слишкомъ много занимаются, не по нашимъ средствамъ, и отъ того лучшіе таланты работаютъ для Варшавы и особенно для заграничныхъ странъ».

Авторъ хвалитъ мѣстное правительство за то, что оно занялось сельскими школами, и желаетъ, чтобъ оно завело по всему краю школы промышленныя и земледѣльческія. Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—есть люди, которые боятся, что уже слишкомъ много сдѣлано для просвѣщенія народа, хотя въ 3.000 общинъ нѣтъ еще школъ и 70% дѣтей нигдѣ не учатся... За учрежденіемъ сельскихъ, промышленныхъ и земледѣльческихъ школъ должно послѣдовать развитіе промышленной и торговой дѣятельности и образованіе средняго сословія, которое состоитъ нынѣ изъ нѣмцевъ и жидовъ

Въ заключеніе авторъ обращается къ своимъ землякамъ съ воззваніемъ, чтобъ они перестали чаять своего спасенія отъ Вѣны, а полагались лишь на собственныя силы,—только подъ этимъ условіемъ возможно экономическое возрожденіе края.

Авторъ-редакторъ обѣщаетъ печатать въ своемъ журналѣ «историко-критическіе обзоры главныхъ отраслей экономической жизни, а также про-

екты и планы предпріятій, основанныхъ на самопомощи края». Г. Рутовскій настаиваетъ на томъ, чтобы Галиція искала помощи и совѣта у себя самой, и укоряетъ мѣстное общество, «привыкшее ходить на помочахъ няньки—нѣмецкой бюрократіи», въ излишней надеждѣ на Вѣну и въ апатіи. Онъ возстаетъ противъ «сентиментализма» въ политикѣ, противъ «теорій, основанныхъ на мечтаніяхъ и ненависти», противъ «трогательныхъ декламацій о вредѣ матеріализма, объ утратѣ духа Божьяго и идеала». Идеаломъ для него служитъ «трудъ на экономическомъ поприщѣ, трудъ для сохраненія ускользающей изъ-подъ ногъ почвы, для созданія мѣстнаго фабричнаго промысла, для созданія средняго сословія, для распространенія въ народѣ довольства и просвѣщенія»... Не скрывая печальнаго экономическаго и соціальнаго состоянія Галиціи, но и не приходя отъ него въ отчаяніе, авторъ ясно и рѣшительно указываетъ путь, по которому должно идти къ возрожденію края. Дай Богъ, чтобъ его убѣжденія, такъ смѣло и категорически высказанныя, нашли отголосокъ въ польскомъ обществѣ.

Напрасно было бы укорять г. Рутовскаго въ пессимизмѣ: экономическій упадокъ Галиціи сознается многими, и въ числѣ ихъ такимъ компетентнымъ судьею, какъ г. Θеофилъ Меруновичъ, депутатъ въ рейхсратѣ. Въ прошломъ году онъ напечаталъ объ этомъ предметѣ нѣсколько статей въ галицкихъ газетахъ, а въ I выпускѣ *Музея* появился его «Очеркъ экономическаго состоянія Галиціи въ 1880 г.» (Ekonomiczny stan Galicyi w roku 1880).

«Прошлый годъ былъ снова годомъ голода въ Галиціи», такъ начинаетъ авторъ свой очеркъ. Голодъ навѣщаетъ Галицію каждые три года и для спасенія сельскихъ жителей отъ тифа, порождаемаго имъ, нужно прибѣгать къ чрезвычайнымъ пособіямъ: въ прошломъ году выдано правительствомъ заимообразно 500.000 гульденовъ на покупку зерна для засѣвовъ. «Эти ссуды для сельскихъ хозяевъ составляютъ самый печальный фактъ во внутренней исторіи Галиціи прошлаго года».

О современномъ положеніи сельскаго хозяйства въ Галиціи авторъ сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія.

Крупные землевладѣльцы отягощены такими долгами, что доходовъ съ ихъ помѣстьевъ не хватаетъ на разсчеты съ кредиторами-ростовщиками и заставляетъ ихъ входить въ новые неоплатные долги. Оканчивается тѣмъ, что наслѣдственныя имѣнія шляхты переходятъ въ руки жидовъ-барышниковъ, которые безъ всякаго труда и риска составляютъ себѣ большія состоянія.

О положеніи мелкаго землевладѣнія можно составить себѣ понятіе по тому, что въ теченіе истекшаго пятилѣтія (1875—1880 г.) число крестьянскихъ участковъ, назначенныхъ къ продажѣ съ аукціона, увеличилось на 24%. Стоимость ихъ по оцѣнкѣ простирается на 10½ милліоновъ гульд., а оцѣнка столько низка, что болѣе 70% участковъ земли вмѣстѣ

съ постройками оцѣнено ниже 1.000 гульденовъ. Случалось, что выдавались исполнительные листы на продажу земель за долги въ 5, 4, 3, 2 и даже 1 гульденъ. Число аукціоновъ за долги менѣе 10 гульденовъ въ теченіе пяти лѣтъ болѣе чѣмъ утроилось. Эти цифры свидѣтельствуютъ не только о крайней нищетѣ крестьянъ, но также объ ихъ небрежности и апатіи.

Цѣны земли и городской недвижимой собственности упали въ послѣднее время чрезвычайно низко, вслѣдствіе незначительнаго съ нихъ дохода. Капиталисты сторонятся отъ землевладѣнія. Еслибы нашлись покупатели, то въ теченіе одного года число аукціоновъ увеличилось бы въ пять или шесть разъ. Земледѣльческіе банки платятъ значительные проценты каждому, кто доставитъ имъ покупателя недвижимой собственности, которую они сами должны пріобрѣтать съ аукціона за неимѣніемъ иныхъ покупателей. Одинъ сельскій банкъ (Bank rustikalny) во Львовѣ, еслибы могъ разсчитывать на покупателей, былъ бы въ состояніи въ самое короткое время выставить на аукціонъ около 40.000 крестьянскихъ участковъ.

«Не менѣе печально положеніе ремесленника и купца, если онъ въ то же время не ростовщикъ. Подобно земледѣлію, промышленность отягощена до крайности податями и лихвою и не менѣе терпитъ отъ всеобщей апатіи и небрежности, которыя принадлежатъ къ главнымъ причинамъ бѣдности въ Галиціи».

Далѣе авторъ представляетъ обзоръ мѣръ, которыя были приняты въ прошломъ году для экономическаго улучшенія въ Галиціи.

Тарнопольская шляхта составила «коммиссію совѣта и помощи для помѣщиковъ» (Komisya rady i pomocy dla ziemian) съ цѣлью охранять крупное землевладѣніе отъ перехода въ чужія руки слѣдующими средствами: 1) бережливостью въ домашнихъ и общественныхъ издержкахъ, 2) улучшеніемъ сельскаго хозяйства и 3) оказаніемъ матеріальной помощи нуждающимся членамъ.

Что касается крестьянъ, то между ними съ удивительною быстротою распространяется трезвость и сознаніе, что главныя причины ихъ нищеты—невѣжество, лѣность и пьянство. По мѣрѣ устраненія этихъ причинъ положеніе крестьянина улучшится и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшится переселеніе ихъ въ Америку, которое стало увеличиваться въ нѣкоторыхъ западныхъ уѣздахъ.

Вслѣдствіе новаго устава противъ лихвы, положеніе ростовщиковъ стало труднымъ, а въ маленькихъ мѣстечкахъ—«этихъ гнѣздахъ празднаго пролетаріата, питавшагося разнаго рода лихвенными спекуляціями»—даже отчаяннымъ. Впрочемъ вліяніе новаго устава отразилось только на мелкихъ барышникахъ, а крупные ростовщики легко обходятъ параграфы этого устава. Для борьбы съ ними необходимы большіе капиталы и не меньшая энергія.

Для освобожденія Австріи отъ эксплоатированія ея Ротшильдами и ихъ кликою президентъ парижской «L'union générale», Евгеній Бонту́ (Bontoux),

основалъ въ прошломъ году «И. К. привилегированный австрійскій земельный банкъ» (Länderbank). На помощь этого банка возлагаютъ большія надежды въ Галиціи.

Пока однако «Länderbank» будетъ въ состояніи распространить свою дѣятельность на Галицію, съ успѣхомъ въ ней дѣйствуютъ мѣстныя кредитныя учрежденія. Число ихъ постоянно увеличивается: въ прошломъ году учреждены кредитныя общества въ Бэлзѣ, Бохнѣ, Большовцѣ, Галичѣ, Канчугѣ, Куликовѣ, Прѣворскѣ, Сѣнявѣ и Вишницѣ; въ Станиславовѣ и Тарновѣ основаны коммерческіе банки (оба жидовскіе). Всего въ Галиціи было (въ началѣ 1880 г.) 125 кредитныхъ учрежденій, число членовъ которыхъ превышало 40.000, изъ коихъ 50% составляютъ земледѣльцы, 25% купцы и ремесленники и 25% чиновники, учителя и т. д. Въ началѣ того же года эти учрежденія имѣли наличными деньгами 2.407.701 гульд., въ оборотѣ—4.985.917 и въ ссудахъ членамъ 7.281.333 гульд. Наиболѣе важны изъ этихъ учрежденій слѣдующія: Краковское «Общество взаимнаго кредита» (Towarzystwo wzajemnego kredytu), Львовское «Промышленное Общество» (Towarzystwo przemysłowe) и Тарнопольское «Коммерческое товарищество земледѣльцевъ» (Spółka handlowa rolników).

Для развитія нефтяной промышленности въ Галиціи львовскій сеймъ назначилъ субсидію въ 50.000 гульденовъ на 5 лѣтъ, а на ремесленныя школы ассигновалъ 5.000 ежегодно.

Однимъ изъ весьма важныхъ явленій въ экономической жизни Галиціи въ прошломъ году была устроенная въ Коломыѣ выставка сельскихъ издѣлій пяти юго-восточныхъ уѣздовъ. Издѣлія отличались оригинальностью, красотою и разнообразіемъ.

Выше мы упомянули, что г. Рутовскій обѣщаетъ печатать въ своемъ журналѣ «историко-критическіе обзоры главныхъ отраслей экономической жизни въ Галиціи». Одинъ изъ такихъ обзоровъ уже появился въ вышедшихъ выпускахъ (I—IV, еще не оконченъ): это—изслѣдованіе д-ра Владислава Шайнохи «о нефтяномъ промыслѣ въ Галиціи» (Górnictwo naftowe w Galicyi w obec ustawodawstwa górniczego).

Нефтяной промыслъ, существующій въ Галиціи уже около 30 лѣтъ, находится до сихъ поръ на столь низкой степени развитія, что не въ состояніи удовлетворить мѣстныхъ потребностей и на многихъ рынкахъ галицкая нефть не можетъ выдержать конкуренціи съ заграничною. По словамъ г. Шайнохи, галицкое общество въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ сдѣлало все, что только было въ состояніи, чтобы забыть и уничтожить этотъ промыслъ въ самомъ зародышѣ, и достигло того, что «въ скоромъ времени будутъ показывать галицкую нефть какъ рѣдкую и драгоцѣнную древность».

Авторъ излагаетъ сначала исторію открытія и добыванія нефти въ Галиціи. Первое упоминаніе о нефтяныхъ источникахъ у подножій Карпатъ относится къ 1721 году (Гавріила Ржончинскаго, «Historia naturalis

curiosa regni Poloniae»); но болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ сообщилъ только Функе въ своей «Naturgeschichte und Technologie» (Wien 1817),—у него находимъ также первыя извѣстія о началѣ нефтянаго промысла въ Галиціи (въ Дрогобычѣ выдѣлывали нефтяныя свѣчи). Въ законодательствѣ первый разъ встрѣчаемъ нефть въ 1810 г.; но до 1850 года она имѣла ничтожное значеніе и только немногимъ было извѣстно ея употребленіе. Около этого времени освѣщали уже галицкою нефтью вокзалъ Южной желѣзной дороги въ Вѣнѣ. Съ тѣхъ поръ начинаются поиски нефтяныхъ источниковъ въ Галиціи, и правительство принимаетъ нефтяной промыслъ подъ свое покровительство. Многочисленные рудники появились въ западной Галиціи, особенно въ уѣздахъ Ясельскомъ, Красненскомъ и Саноцкомъ, и галицкая нефть нашла легкій сбытъ не только на мѣстныхъ рынкахъ, но также въ Вѣнѣ и цѣлой Австріи, вытѣснивъ изъ употребленія дорогія свѣчи. Успѣхъ нефтянаго промысла встрѣтилъ вскорѣ недоброжелательство и противодѣйствіе со стороны помѣщиковъ, которые, завидуя нефтянымъ промышленникамъ и не обладая сами достаточными капиталами для правильной разработки нефтяныхъ источниковъ, стали добывать на своихъ земляхъ нефть патріархальнымъ способомъ и притомъ тайкомъ отъ правительства. Когда злоупотребленія помѣщиковъ дошли до свѣдѣнія правительства, оно нашлось вынужденнымъ принять мѣры для обезпеченія интересовъ казны. Эти мѣры вызвали озлобленіе со стороны землевладѣльцевъ, которые въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ противодѣйствовали всѣмъ правительственнымъ распоряженіямъ и не только тормозили развитіе нефтянаго промысла, но даже убивали его. Сторону помѣщиковъ держалъ сеймъ. Правительство рѣшилось теперь положить конецъ ихъ злоупотребленіямъ: отсюда—неистовые ихъ крики, жалобы и нареканія.

Самыми мрачными красками авторъ изображаетъ современное состояніе нефтяной промышленности въ Галиціи. «Анархія, апатія, жизнь безъ завтра, неурядица и общее разореніе—вотъ краткій, но вѣрный образъ нынѣшняго состоянія. Работникъ—спившійся и лѣнивый, надсмотрщикъ и техникъ—едва умѣющіе читать и писать; землевладѣлецъ—если онъ крестьянинъ, то по уши въ долгахъ, несмотря на сотни или даже тысячи, полученныя за нефть, послушное орудіе въ рукахъ ростовщика; если же онъ шляхтичъ, то будущій реформаторъ народа, недоступный въ сознаніи обладанія неоткрытыми еще сокровищами и при этомъ вѣрный слуга своего арендатора; горнопромышленникъ—уничтоженный и полный тревоги за ту нефть, которая поглотила столько денегъ, которая сегодня еще сочится, а завтра быть-можетъ уже изсякнетъ: вотъ типы изъ нефтяныхъ округовъ Карпатскаго подгорья, постоянно одни и тѣ же, часто отталкивающіе отъ себя и отвратительные».

Бориславъ—Калифорнія галицкаго нефтянаго промысла—сравнивается авторомъ съ адомъ Данте: «Lasciate ogni speranza, voi, ch'entrate». Въ

немъ господствуютъ такіе порядки, какіе съ трудомъ можно найти въ австрійскихъ или калифорнійскихъ рудникахъ или на алмазныхъ поляхъ южной Африки. Такіе же порядки существуютъ по всему нефтяному поясу Галиціи, на протяженіи 160 кв. миль. На этомъ пространствѣ насчитывали въ 1878 году 613 рудниковъ въ 69 общинахъ; въ нихъ ежегодно вырабатывалось 142.192 метр. центн. масла и 103.420 м. ц. земляного воска.

Мы не будемъ останавливаться на сообщаемыхъ авторомъ подробностяхъ о плачевномъ состояніи нефтяного промысла въ Галиціи, такъ какъ онѣ имѣютъ интересъ только для спеціалистовъ, а перейдемъ къ двумъ другимъ статьямъ, касающимся галицкой промышленности. Одна изъ нихъ: «Статистика галицкаго горнаго промысла въ 1879 году» (Statystyka galicyjskiego przemyslu górniczego w. r. 1879) — есть извлеченіе изъ «Statistisches Jahrbuch des k. k. Ackerbau-Ministeriums für 1879» (III Heft, I Lieferung, Wien 1880); другая — «Нѣсколько словъ о нашемъ мелкомъ промыслѣ» (Kilka słów o naszym drobnym przemyśle, въ IV вып. *Музея*)— есть небольшая, но любопытная замѣтка г. Эмильяна Головкевича. По мнѣнію автора, для улучшенія быта крестьянина мало доброй воли: для этого необходимы извѣстныя познанія и прежде всего нужно знать край и народъ, который желаешь осчастливить; иначе не можетъ быть успѣха. Это оправдалось на школахъ корзиночныхъ и гончарныхъ, недавно учрежденныхъ въ такихъ мѣстностяхъ, которыя не могутъ благопріятствовать ихъ развитію, вслѣдствіе чего школу корзиночную (koszykarska) въ Краковѣ нужно было закрыть за неимѣніемъ учениковъ; такая же школа въ Ярославѣ посѣщается мало и едва держится. Гончарная школа въ Коломыѣ также не отвѣчаетъ своему назначенію. Такія школы въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ процвѣтать не могутъ; ихъ нужно учреждать среди безплодныхъ горъ и степей, гдѣ народъ принужденъ искать пропитанія заработками на чужбинѣ (преимущественно въ Россіи и Венгріи). И притомъ нужно не выдумывать промыслы, а поддерживать и развивать уже существующіе. Такъ, извѣстно, что въ окрестностяхъ Колбушовы весьма распространены деревянныя издѣлія (ложки, солонки и т. п.), которыя расходятся не только по всей Галиціи, но также и по Привислянскому краю,— что Горалы и Гуцулы приготовляютъ токарскія и проволочныя издѣлія, что во многихъ горныхъ селеніяхъ выдѣлываютъ плетеную мебель и т. д.

Что процвѣтаніе ремесленныхъ школъ зависитъ отъ удачнаго выбора мѣстности, это доказывается необыкновеннымъ успѣхомъ школы корзиночной въ Рудникѣ и токарскихъ школъ въ Закопаномъ и Римановѣ.

Школа въ Рудникѣ—мѣстности степной и подверженной наводненіямъ— основана графомъ Гомперцомъ. Сначала она получала отъ него пособіе, но теперь существуетъ собственными средствами. Въ 1880 году въ ней было 210 учениковъ, изъ которыхъ 76 на полномъ ея содержаніи. Кромѣ корзиночнаго отдѣла, въ ней есть отдѣлъ плетеной мебели. Ея издѣлія

удостоились медалей на выставкахъ въ Теплицѣ и Вѣнѣ и отправляются цѣлыми вагонами въ Вѣну, Баварію и Моравію, а водою въ Варшаву.

Такимъ же успѣхомъ пользуются токарскія школы въ горныхъ деревняхъ—Закопаномъ и Римановѣ.

О современномъ состояніи науки, литературы и искусствъ въ Галиціи находимъ въ *Музеѣ* нѣсколько небольшихъ статей. Г. Ромуальдъ Штаркель (Starkel) въ «Корреспонденціи изъ Львова» (II вып.) сообщаетъ свѣдѣнія объ умственномъ движеніи въ столицѣ Галиціи.

Литературный Кружокъ (Koło literackie), основанный годъ тому назадъ, насчитываетъ уже болѣе ста членовъ. Собранія происходятъ два раза въ мѣсяцъ. На нихъ читаются еще не изданныя литературныя произведенія (такъ г. Бэлза читалъ либретто къ оперѣ г. Ярецкаго «Wanda», г. Бржозовскій—отрывокъ изъ своей драмы «Malek», г. Горайнъ—юмористическое стихотвореніе) и статьи научныя (г. Третьякъ читалъ характеристику поэтическихъ произведеній Асника) и представляются рефераты о новыхъ явленіяхъ въ наукѣ и литературѣ и т п. По случаю землетрясенія въ Загребѣ Литературный Кружокъ издалъ «Album dla Zagrzebian», въ которомъ помѣщены статьи 33 литераторовъ (между прочимь Крашевскаго, Малэцкаго, Лиске, Горайна). Экземпляръ стоитъ 1 гульденъ 50 кр. Чистый доходъ назначается въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія.

Изъ издателей литературныхъ произведеній наиболѣе дѣятельны Губриновичъ и Шмидтъ. Ихъ «Biblioteka powieści podróży i opowiadań historycznych насчитываетъ уже много томовъ; но, что важнѣе, она перестала ограничиваться переводами съ иностранныхъ языковъ и печатаетъ съ новаго года оригинальныя польскія произведенія (сцены изъ польскаго быта Крашевскаго «Pan z panów», шляхетскія повѣсти Берлича Саса (г. Струтынскаго «Mozaika», идилліи г. Вильчинскаго «Sielanki szlacheckie). Кромѣ того, та же фирма издала «Szkice historyczne» Люд. Кубали, «System ekonomyi społecznéj» д-ра Л. Билинскаго (вышла уже 1-я часть II тома) и «Juliusz Słowacki, jego życie i dzieła» проф. Малэцкаго (2-е дополненное изданіе въ трехъ томахъ).

Къ прекраснѣйшимъ изданіямъ послѣдняго времени принадлежитъ «Antalogia polska» г. Блэзы, изданная книгопродавцемъ Альтенбергомъ.

На иномъ поприщѣ, быть-можетъ еще болѣе полезномъ, дѣйствуетъ *Польская книготорговля* (Бартошевича и Бернацкаго); она занимается популяризаціей лучшихъ произведеній польской литературы. Ея «Biblioteka Mrówki» праздновала въ концѣ прошлаго года юбилей столѣтняго тома. Послѣ того вышло еще пять томовъ *). Каждый томикъ въ шесть

*) Авторъ писалъ свою корреспонденцію въ январѣ, послѣ чего вышло еще нѣсколько томиковъ. 106 и 107 т. заключаютъ въ себѣ литературный очеркъ г. Спасовича «Władysław Syrokomla» (148 стр., 40 крейц.), въ т. 108 содержится другой трудъ того же автора—«Wincenty Pol, jako poeta» (96 стр., 20 крейц.). *В. М.*

листовъ продается по 10, 15 до 30 крейцеровъ. Полный комплектъ «Муравьиной Библіотеки» въ 650 листовъ, болѣе 10.000 страницъ, стоитъ менѣе 30 гульденовъ. Каждаго томика расходится по крайности 1.500 экземпляровъ, слѣдовательно всего разошлось болѣе 150.000 книжекъ. Если на каждый томикъ положить только четыре читателя, то «Муравьиною Библіотекой» воспользовалось болѣе 600.000 лицъ. Въ ней напечатаны важнѣйшіе труды Рэя, Кохановскаго, Клёновича, Шимоновича, Зиморовичей, Красицкаго, Воронича, Бродзинскаго, Мальчевскаго, Словацкаго, Красинскаго, Гарчинскаго, Гощинскаго, Ленартовича, Сырокомли, Зелинскаго, Зморскаго и другихъ.

Къ сожалѣнію, ни одна львовская книжная торговля до сихъ поръ не занималась изданіемъ книгъ для дѣтей. Монополіею въ этомъ отношеніи въ Галиціи пользуется фирма Розенгейма въ Бродахъ. Издаваемая ею уже нѣсколько лѣтъ «Biblioteka dla młodzieży» доведена до 19 тома, но всѣ они наполнены переводами или передѣлками повѣстей Гофмана.

Конкурентомъ Розенгейма выступаетъ теперь львовское Педагогическое Общество. Оно уже приступило къ изданію «Biblioteki dla młodego wieku». I-й томикъ, старательно изданный и иллюстрированный, заключаетъ въ себѣ 12 стихотвореній Владислава Бэлзы подъ общимъ заглавіемъ «Dzieci i ptaszki». Авторъ этихъ стихотвореній извѣстенъ въ педагогической литературѣ дѣтскимъ журналомъ «Towarzysz pilnych dzieci», который онъ издаетъ подъ своею редакціею уже шестой годъ. Въ немъ сотрудничаютъ нѣсколько извѣстныхъ писателей, въ числѣ которыхъ находится и неизбѣжный Крашевскій.

Изъ новостей артистическихъ упоминается только объ акварелляхъ, назначенныхъ для альбома, который будетъ поднесенъ эрцгерцогу Рудольфу по случаю его бракосочетанія. Какъ акварели, такъ и футляръ для нихъ— работы львовскихъ художниковъ.

О львовскомъ театрѣ не говорится ни слова. За то о театрѣ краковскомъ находимъ въ IV выпускѣ *Музея* довольно большую замѣтку. О нынѣшнемъ состояніи этого театра авторъ говоритъ съ негодованіемъ. «Въ нашемъ театрѣ, если пушки и лошади не приведутъ въ энтузіазмъ галлереи, а нѣсколько горячихъ словъ не отзовется случайно въ молодыхъ сердцахъ партера, видно неудовольствіе, утомленіе...». Виновата въ этомъ не публика, а театральная дирекція, которая заботится только о томъ, чтобы каждую субботу шла новая пьеса: отъ этого артисты не успѣваютъ, какъ слѣдуетъ, разучить пьесу, а выборъ пьесъ случаенъ и неудаченъ. При дурномъ исполненіи теряетъ и хорошая пьеса, а такихъ пьесъ вовсе и не дается,—репертуаръ наполненъ переводами и передѣлками плохихъ пьесъ нѣмецкихъ и французскихъ (какъ наприм. Гутцкова «Уріель-Акоста», Мозенталя «Гвельфы и Гибелины», Сарду «Daniel Rochat» и т. п.), или же такою неудачною самодѣльщиною, какъ «Zemsta pani hrabiny» Сарнецкаго, фарсъ «Kraszewski w Warszawie» и т. п. Обыкновенно

эти пьесы послѣ третьяго представленія падаютъ и уже не возобновляются. Одинъ только «Kościuszko pod Rocławicami» имѣлъ чрезвычайный успѣхъ (въ теченіе 5 недѣль выдержалъ 16 представленій): такой успѣхъ этого нелѣпѣйшаго фарса г. Асника, автора столь популярной въ Варшавѣ «Хлопской эмиграціи», объясняется отчасти множествомъ эффектовъ (стрѣльба, пѣніе, казаки), но болѣе ложно понятымъ патріотизмомъ извѣстной части публики. Что касается труппы, то въ ней нѣтъ полнаго комплекта, но за то есть такіе первоклассные артисты, какъ г-жа Гофманъ и г. Рихтеръ.

Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ ученыхъ трудахъ на польскихъ и другихъ языкахъ, появившихся въ послѣднее время, находимъ въ библіографическихъ замѣткахъ (Zapiski), помѣщаемыхъ въ концѣ почти каждаго выпуска. Наиболѣе важны изъ нихъ слѣдующіе:

Годфрида Осовскаго — «Геологическая карта Волыни» (Mapa geologiczna Wołynia. Paryz 1880), составленная на основаніи четырнадцатилѣтнихъ его изслѣдованій (1860—1874 гг.); на нее нанесено около 5.000 мѣстныхъ названій. Авторъ готовитъ къ ней объясненія. Кромѣ того, онъ печатаетъ теперь (вѣроятно уже напечаталъ) «Археологическую карту Западной Пруссіи» съ объясненіями на польскомъ и французкомъ языкахъ. Эта карта обратила на себя вниманіе международнаго археологическаго конгресса въ Лиссабонѣ.

Бронислава Залѣскаго — «Жизнь князя Адама Чарторыскаго» (Żywot księcia Adama Jerzego Czartoryskiego, t. I. Poznań 1881). Недавно умершій авторъ былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ князю Адаму Чарторыскому и потому могъ собрать много матеріаловъ для его біографіи. Она должна была состоять изъ 3-хъ томовъ, но авторъ успѣлъ кончить только I-й томъ, въ которомъ изложена исторія дома Чарторыскихъ и біографія князя Адама до 1801 г., т.-е. до вступленія на престолъ императора Александра I. Во второй половинѣ этого тома помѣщены весьма любопытныя записки князя Адама Чарторыскаго о пребываніи его въ С.-Петербургѣ.

Въ отдѣлѣ *критики* помѣщено нѣсколько рецензій и замѣтокъ. Самая обширная рецензія (только начало, въ I и III выпускахъ)—г. Казиміра Ярохсвскаго о посмертномъ трудѣ Юлія Бартошевича «Historia pierwotna Polski (Krakow» 1879 г., 4 тома). Въ этомъ трудѣ исторія Польши доведена до конца XII вѣка. Авторъ начинаетъ съ разселенія славянъ по Европѣ, потомъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія объ ихъ бытѣ и нравахъ, затѣмъ излагаетъ исторію первыхъ западно-славянскихъ государствъ и борьбы балтійскихъ славянъ съ нѣмцами и, наконецъ, переходитъ къ Польшѣ и такъ выражается о *славянскомъ* ея *призваніи*: «Польша отлично поняла свою миссію. Династія Пястовъ, Болеславъ Храбрый—дѣлали завоеванія не изъ одной любви къ нимъ... Завоеванія слѣдуютъ, естественно, указаніямъ событій. Еслибы Польша завоевала весь свободный славянскій міръ, то и

РУС[illegible]

ется по 10, 15 [illegible]
іотеки» въ 650 [illegible]
ьденовъ. [illegible]
слѣдовательно [illegible]
ый томикъ [illegible]
кой» воспо[illegible]зова[illegible]
ніе труды [illegible]эя, [illegible]
асицкаго, [illegible]ороп[illegible]
каго, Гар[illegible]нска[illegible]
морскаго [illegible] друг[illegible]
нію, ни о[illegible]
ніемъ кн[illegible]
уется фи[illegible]
ъ «Bibl[illegible]teka
перево[illegible]
мъ Розе[illegible]гейм[illegible]
во. Оно [illegible]же п[illegible]
икъ, ста[illegible]тел[illegible]
тихотвор[illegible]ній
ki». Ав[illegible]оръ
рѣ дѣтс[illegible]мъ
одъ сво[illegible]ю р[illegible]
ко извѣ[illegible]ны
Брашевск[illegible]
тей арт[illegible]ма.
для аль[illegible]ан
бракосо[illegible]жи
скихъ ху[illegible]ѣ
омъ теа[illegible]Г
ходимъ в[illegible]
ь состоян[illegible]л
театрѣ, [illegible]го
нѣсколько[illegible]
къ парте[illegible]к
не публ[illegible]а
ъ, чтобы [illegible]ѣ
ь, какъ [illegible]
При дур[illegible]я
и не дает[illegible]
пьесъ [illegible]
а», Моз[illegible]а
или же [illegible]
ецкаго,

[illegible] воспользоваться [illegible]
[illegible] историограф[illegible]
[illegible] разбирае[illegible]
[illegible] Попеля [illegible]
[illegible] акціи, [illegible]
[illegible] собою [illegible]
Другая довольно общ[illegible]
[illegible] Максимиліа[illegible]
[illegible] (Posen 1886[illegible]
[illegible] доказать, что [illegible]

изданіемъ. Первое изданіе этой книжки по-
адъ, когда польское общество сильно занималъ
нщины. Авторъ напрасно ищетъ идеала «жен-
еденіяхъ Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго
идеала, возбуждаетъ польскихъ поэтовъ, ны-
ать такой идеалъ. Рецензентъ слишкомъ вос-
ный трудъ г. Хмѣлёвскаго: мы признаемъ въ
кость изложенія.

ннымъ положеніемъ Галиціи прочтутъ съ удо-
мѣщенную въ IV выпускѣ *Музея*. Въ ней го-
ѣ, понесенной Галиціею въ лицѣ трехъ депу-
атѣ, Андрея Рыдзовскаго, Корнелія Кржечуно-
го.

чалѣ своей карьеры доцентомъ философіи права
Ягеллонскомъ университетѣ и въ то же время
атомъ въ львовскомъ сеймѣ и (съ 1870 г.) въ
еймѣ онъ былъ докладчикомъ по нѣкоторымъ
вопросамъ и свое мнѣніе о нихъ обнародовалъ
ii i niesamodzilni» и «O urządzeniu ksiąg hipotecz-
ich». Въ рейхсратѣ онъ предложилъ новый ус-
горый былъ принятъ для всей имперіи. Этотъ
я.

й панъ, изучавшій экономическіе и администра-
путешествій по Франціи, Англіи, Германіи и Ита-
. депутатомъ въ львовскомъ сеймѣ, гдѣ одинъ
уничтоженіе барщины. Въ вѣнскомъ рейхсратѣ
мъ уваженіемъ, какъ отличный финансистъ и,
податной системы. Вмѣстѣ съ Рыдзовскимъ онъ
никомъ нѣмецкихъ централистовъ.

ералъ, всесторонне образованный, талантливый,
ся большимъ вліяніемъ какъ въ Галиціи, такъ
цистъ, онъ основалъ и редактировалъ газеты,
. «O stosunkach włosciańsko-gospodarskich i potrze-
alicy». Lwow, 1858); какъ государственный чело-
защищалъ экономическіе и соціальные интересы
изъ кредитныхъ учрежденій въ Галиціи обязаны
іемъ, напр. общество взаимнаго страхованія отъ
ы скота, галицкій ипотечный банкъ, львовская
т. д. Въ 1872 году онъ основывалъ на свой счетъ
аивалъ сельскія ссудо-сберегательныя кассы. Онъ
промышленность и доказывалъ необходимость со-
я.

тогда не была бы еще государствомъ славянскимъ, способнымъ перенести бури, нависшія надъ ея головою со всѣхъ сторонъ. Польша должна переступить черезъ эти границы, должна по долгу совѣсти, по призванію историческому, *сокрушать господство варяговъ и нѣмцевъ среди славянъ*. Не иная была цѣль завоеванія нашихъ Болеславовъ... *Міръ славянскій вызывалъ Польшу*, и она выступила, создала государство большее, чѣмъ Самоново и Святополково.... Итакъ, въ завоеваніяхъ первой эпохи заключается вопросъ ея жизни. Бѣда варягамъ и нѣмцамъ!» Съ этой точки зрѣнія авторъ смотритъ на войны поляковъ съ нѣмцами и на завоеваніе Болеслава Храбраго, котораго величаетъ «всестороннимъ геніемъ». Всѣ его походы, по мнѣнію Бартошевича, имѣли цѣлью освобожденіе отъ чужой власти и объединеніе родственныхъ племенъ: такъ, онъ предпринимаетъ походъ на Кіевъ, чтобъ *освободить отъ власти варяговъ «полянъ греческаго обряда»*, живущихъ по Днѣпру, Двинѣ и около озера Ильменя; такъ, онъ покоряетъ Мишнію, Лужицы и Чехію, чтобы *спасти ихъ отъ порабощенія нѣмцами*. Авторъ сознаетъ, что чехи не поняли такого спасительнаго для нихъ покоренія Болеславомъ,—они не поняли, что *цѣлому славянскому міру готовилась блестящая будущность—славянская федерація подъ военною диктатурою Болеслава, какъ противувѣсъ нѣмецкой федераціи имперіи*... Удивительно, что рецензентъ вполнѣ сочувствуетъ такимъ историческимъ фантазіямъ Бартошевича, восхваляетъ его за такіе новые, широкіе помыслы, за новое направленіе въ польской исторіографіи; но и г. Яроховскій видитъ нѣкоторыя слабыя стороны въ разбираемомъ имъ произведеніи: это—произвольное толкованіе миѳовъ о Попелѣ и Земовитѣ, которыхъ г. Бартошевичъ считаетъ *историческими* лицами, и излишнее увлеченіе славянскимъ міромъ, который заслоняетъ собою Польшу.

Другая довольно обширная рецензія—д-ра Левицкаго о докторской диссертаціи г. Максимиліана Кантэцкаго — «Das Testament des Boleslaus Schiefmund (Posen 1880)». Вопреки общепринятому мнѣнію, г. Кантэцкій старался доказать, что Болеславъ Кривоустый устанавливаетъ въ своемъ завѣщаніи престолонаслѣдіе по праву *не старшинства, а первородства*. Авторъ основывается на слѣдующихъ словахъ Кадлубка: «De quo si quid humanitas obtigisset, aetatis majoritas et primogeniturae ratio litem successionis decideret». Рецензентъ, сравнивая это мѣсто хроники Кадлубка съ другими мѣстами той же хроники, съ соотвѣтствующими мѣстами другихъ польскихъ хроникъ и съ грамотою папы Иннокентія III къ польскимъ епископамъ 1210 года, находитъ, что «primogenitus» значило то же, что «major natu», а слѣдовательно положеніе г. Кантэцкаго о первородствѣ не выдерживаетъ критики.

Третья рецензія, менѣе обширная, написана г. Юліемъ Мьеномъ (Mien), неудачнымъ переводчикомъ Словацкаго, о книжкѣ г. Петра Хмѣлёвскаго «Kobiety Mickiewicza, Slowackiego i Krasinskiego», вышедшей не-

давно въ Варшавѣ вторымъ изданіемъ. Первое изданіе этой книжки появилось семь лѣтъ тому назадъ, когда польское общество сильно занималъ вопросъ объ эмансипаціи женщины. Авторъ напрасно ищетъ идеала «женщины-гражданки» въ произведеніяхъ Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго и, не найдя у нихъ такого идеала, возбуждаетъ польскихъ поэтовъ, нынѣшнихъ и будущихъ, создать такой идеалъ. Рецензентъ слишкомъ восхваляетъ этотъ поверхностный трудъ г. Хмѣлёвскаго: мы признаемъ въ немъ одно достоинство—легкость изложенія.

Интересующіеся современнымъ положеніемъ Галиціи прочтутъ съ удовольствіемъ «Хронику», помѣщенную въ IV выпускѣ *Музея*. Въ ней говорится сначала объ утратѣ, понесенной Галиціею въ лицѣ трехъ депутатовъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ, Андрея Рыдзовскаго, Корнелія Кржечуновича и Лудвига Скржинскаго.

Рыдзовскій былъ въ началѣ своей карьеры доцентомъ философіи права и международнаго права въ Ягеллонскомъ университетѣ и въ то же время адвокатомъ, а потомъ депутатомъ въ львовскомъ сеймѣ и (съ 1870 г.) въ вѣнскомъ рейхсратѣ. Въ сеймѣ онъ былъ докладчикомъ по нѣкоторымъ мѣстнымъ экономическимъ вопросамъ и свое мнѣніе о нихъ обнародовалъ въ брошюрахъ «Samodzielni i niesamodzilni» и «O urządzeniu ksiąg hipotecznych włościańskich i wiejskich». Въ рейхсратѣ онъ предложилъ новый уставъ противъ лихвы, который былъ принятъ для всей имперіи. Этотъ уставъ прославилъ его имя.

Кржечуновичъ, богатый панъ, изучавшій экономическіе и административные вопросы во время путешествій по Франціи, Англіи, Германіи и Италіи, былъ уже въ 1844 г. депутатомъ въ львовскомъ сеймѣ, гдѣ одинъ изъ первыхъ предложилъ уничтоженіе барщины. Въ вѣнскомъ рейхсратѣ онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ отличный финансистъ и, особенно, какъ знатокъ податной системы. Вмѣстѣ съ Рыдзовскимъ онъ былъ страшнымъ противникомъ нѣмецкихъ централистовъ.

Скржинскій, панъ-либералъ, всесторонне образованный, талантливый, краснорѣчивый, пользовался большимъ вліяніемъ какъ въ Галиціи, такъ и въ Вѣнѣ. Какъ публицистъ, онъ основалъ и редактировалъ газеты, издавалъ брошюры (напр. «O stosunkach włosciańsko-gospodarskich i potrzebie kredytu rolniczego w Galicy». Lwow, 1858); какъ государственный человѣкъ, онъ энергически защищалъ экономическіе и соціальные интересы своей родины. Многія изъ кредитныхъ учрежденій въ Галиціи обязаны ему своимъ существованіемъ, напр. общество взаимнаго страхованія отъ огня, градобитія, заразы скота, галицкій ипотечный банкъ, львовская сберегательная касса и т. д. Въ 1872 году онъ основывалъ на свой счетъ народныя школы и устраивалъ сельскія ссудо-сберегательныя кассы. Онъ поддерживалъ мѣстную промышленность и доказывалъ необходимость созданія средняго сословія.

Очертивъ заслуги умершихъ дѣятелей, хроникеръ останавливается на назначеніи бывшаго президента города Кракова, д-ра Зыбликевича, маршаломъ Галиціи. Его предшественникъ, графъ Водзицкій, былъ кровный аристократъ, старавшійся со всѣми жить въ ладу и мало занимавшійся дѣлами. Его окружали тунеядцы. Чтобы вытравить эту язву Галиціи и пустить въ надлежащее дѣйствіе административную машину, нуженъ такой энергическій и знающій край человѣкъ, какъ Зыбликевичъ; поэтому возлагаются на него большія надежды.

Въ заключеніе авторъ соболѣзнуетъ, что въ Галиціи продолжается апатія, что ограничиваются пустою болтовнею и ждутъ, спустя рукава, пока придетъ на помощь Länderbank, и оканчиваетъ словами: «перестанемъ ожидать грушъ на галицкихъ вербахъ, потому что никто намъ не поможетъ, если мы сами не постараемся объ улучшеніи нашего состоянія».

По «исторіи польской литературы» напечатана въ *Музеѣ* (вып. III и IV) только одна статья Рудольфа Оттманна о забытомъ теперь, а нѣкогда славившемся поэтѣ Антоніи Горецкомъ (Antoni Gorecki, poeta-żołnierz). Между поэтами-легіонистами онъ занимаетъ первое мѣсто.

Горецкій родился въ 1787 г. въ Вильнѣ. Отецъ его, Валентій, владѣлецъ двухъ деревень подъ Вильною, участвовалъ въ возстаніи Косцюшки 1794 г. Послѣ битвы при Мацѣёвицахъ онъ вернулся домой, занимался съ большимъ успѣхомъ адвокатурою и былъ старостою пограничнаго суда въ Вильнѣ, гдѣ по этому случаю имѣлъ постоянное жительство. Антоній получилъ первоначальное воспитаніе въ домѣ родителей, среди патріархальныхъ обычаевъ и воспоминаній о Косцюшкѣ. Разсказы объ этомъ польскомъ героѣ занимали его болѣе, чѣмъ книжки. По окончаніи курса въ гимназіи съ посредственными успѣхами, онъ поступилъ въ 1802 году, одновременно съ Лелевелемъ и художникомъ Ванковичемъ (впослѣдствіи однимъ изъ первыхъ послѣдователей Товянскаго), въ Виленскій университетъ. Классицизмъ виленскихъ профессоровъ, ихъ формалистика и педантизмъ были не по душѣ Горецкому, и онъ учился кое-какъ, потому только, что другіе учились. Передъ окончаніемъ университетскаго курса (1805 г.) онъ лишился отца. Элегія на смерть отца была первымъ его стихотворнымъ опытомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ первую свою басню «Laur i cyprys». Этотъ родъ поэзіи онъ особенно полюбилъ и достигъ въ немъ такого совершенства, что превзошелъ всѣхъ современныхъ ему польскихъ поэтовъ. Въ басняхъ и эпиграммахъ, отличающихся легкостью и простотою формы, задушевнымъ юморомъ и врожденнымъ остроуміемъ, онъ изображалъ пороки, недостатки и смѣшныя стороны виленскаго общества, не щадя ни учрежденій, ни лицъ. Осмѣивая сеймики, собиравшіеся въ Вильнѣ, онъ говоритъ по поводу выбора маршалка:

Przecież Paweł nim został. Jakaż to przyczyna?—
Kłanjał się bardzo nizko i nieszczędził wina.

(Маршалкомъ все-таки сталъ Павелъ. Какая-жь тому причина?—Онъ очень низко кланялся и не щадилъ вина.)

Нерѣдко въ своихъ басняхъ и эпиграммахъ Горецкій бичуетъ шляхту, угнетающую простой народъ. Въ одной изъ первыхъ его басенъ («Wilk i jastrząb») холопы жалуются, что

Pan, ktoremu nad nami powierzona władza,
Pędzi nas w tydzień po sześć dni pańszczyzny,
J jeszcze dzień daremczyzny!

(Панъ, которому ввѣрена надъ нами власть, гоняетъ насъ шесть дней въ недѣлю на барщину и требуетъ еще одного дня даровой работы.)

Панамъ, кричавшимъ противъ жидовъ, злоупотребляющихъ простоду шіемъ хлоповъ, Горецкій отвѣчалъ эпиграммою:

Panow mowa: «Precz żydy! niech sie tu nie szerzą:
Nic nie robią, drą chłopów, w Chrystusa nie wierzą».
A żydzi mówią: «Prawda, lecz coś nam się widzi,
Że to samo panowie robią co i żydzi».

(Паны говорятъ: «Прочь, жиды, изъ здѣшнихъ странъ: ничего они не дѣлаютъ, хлоповъ обдираютъ, въ Христа не вѣруютъ». А жиды отвѣчаютъ: «Правда, но намъ кажется, что паны дѣлаютъ то же самое, что и жиды»).

Еще будучи студентомъ университета, Горецкій писалъ басни, эпиграммы и эротическія стихотворенія и читалъ ихъ своимъ товарищамъ. И позже, по окончаніи университетскаго курса, онъ очень мало печаталъ изъ того, что писалъ, поэтому знали его талантъ и цѣнили только въ небольшомъ кружкѣ знакомыхъ. Такъ было до 1812 года, когда много его стихотвореній появилось въ «Dzienniku Wileńskim» и въ «Pamiętniku Warszawskim».

Когда войска Наполеона вторглись въ Россію, Горецкій бѣжалъ за Нѣманъ и вступилъ въ ряды польскихъ легіоновъ, за что прославилъ его Мицкевичъ въ «Панѣ Тадеушѣ». Онъ участвовалъ во всѣхъ большихъ сраженіяхъ (подъ Смоленскомъ, Бородиномъ и Тарутиномъ) и особенно отличился въ битвѣ подъ Можайскомъ, за которую получилъ орденъ Почетнаго легіона. Во время отступленія Наполеона онъ былъ раненъ и отправился на лѣченіе въ Краковъ (1813 г.).

Походъ Наполеона на Москву оставилъ глубокое впечатлѣніе въ Горецкомъ, какъ видно изъ относящихся къ этому времени военныхъ его пѣсенъ и думъ о польскихъ генералахъ Закржевскомъ, Грабовскомъ, Фишерѣ и Мельжинскомъ (Горецкій былъ его адъютантомъ). Эти его пѣсни и думы пѣли солдаты, читали офицеры. Онѣ доставили ему популярность и славу первокласснаго поэта, какимъ считалъ его Мицкевичъ. Въ многочисленныхъ спискахъ онѣ ходили по рукамъ и были изучаемы наизусть виленскою молодежью, въ печати же появились позже (1834 г.) въ Парижѣ.

Въ началѣ 1813 года Горецкій въ чинѣ капитана возвратился на родину и поселился въ своей деревнѣ Дусенятахъ, подъ Вильною. Здѣсь

онъ продолжалъ заниматься поэзіей и свои басни и популярные краковяки печаталъ въ «Pamiętniku Warszawskim» Бэнтковскаго и въ «Tygodniku Polskim». Въ литературные споры романтиковъ и классиковъ онъ не вмѣшивался. Когда въ 1816 г. появилось въ Вильнѣ общество «шубравцевъ», Горецкій сталъ его членомъ и въ издававшихся имъ «Wiadomościach brukowych» напечаталъ нѣсколько басенъ; но потомъ пересталъ въ нихъ сотрудничать.

Съ 1816 по 1818 годъ Горецкій путешествовалъ по Германіи, Франціи и Италіи—не ради пользы, а для развлеченія. Во время путешествія онъ писалъ политическія басни, которыя посылалъ въ Варшаву для напечатанія въ вышеупомянутыхъ журналахъ.

Политическія басни, писанныя Горецкимъ за границею, какъ по формѣ, такъ и по содержанію несравненно выше виленскихъ. Въ нихъ онъ возлагаетъ еще надежду на Наполеона, котораго въ баснѣ «Zera» считаетъ единицею, предводительствующею нулями народовъ (къ нимъ причисляетъ и поляковъ).

Lecz dumne zera nie mogły się zgodzić,
By miał im jèden przewodzić.

(Но гордые нули не могли согласиться, чтобъ ими предводительствовалъ одинъ.)

Эту басню обезсмертилъ Мицкевичъ въ III части «Dziaclow», вложивъ ее въ уста Жеготы.

По возвращеніи изъ-за границы, Горецкій женился (1819 г.); но вмѣсто того, чтобы наслаждаться семейнымъ счастьемъ, онъ никому не давалъ покоя своими сатирическими баснями, даже правительству; поэтому имѣлъ безпрестанныя столкновенія съ цензурою и полиціей, а за басню «O Turmanach» былъ посаженъ подъ арестъ по приказанію великаго князя Константина Павловича (1828 г.).

Въ 1830 году Горецкій сталъ во главѣ комитета, занимавшагося организаціей возстанія на Литвѣ. Когда возстаніе преждевременно вспыхнуло, онъ долженъ былъ бросить родину и семейство и бѣжать за границу: отправился сначала въ Англію, потомъ въ Швецію и Италію, откуда прибылъ въ Дрезденъ, гдѣ засталъ Мицкевича, съ которымъ поѣхалъ въ Парижъ; изъ Парижа, впрочемъ, скоро вернулся въ Дрезденъ, гдѣ пробылъ до 1832 года; съ этого же года до самой смерти своей прожилъ въ Парижѣ.

Въ Дрезденѣ Горецкій писалъ элегіи, которыя были напечатаны въ Парижѣ въ 1834 г. въ собраніи его стихотвореній («Poezye Litwina»). Въ нихъ онъ оплакиваетъ утрату родины и имущества, «разливается въ жалобныхъ аккордахъ; въ нихъ господствуетъ элементъ религіозный, созерцательный, кающагося грѣшника».

Въ Парижѣ Горецкій бѣдствовалъ подобно другимъ польскимъ поэтамъ. Изъ нихъ съ Мицкевичемъ, Залѣскимъ и Витвицкимъ онъ былъ въ тѣс-

ной дружбѣ. Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ Парижѣ, Горецкій нерѣдко жалуется на свою судьбу:

. . . . . . Szampan się leje,
Krzyczą że patryoci, tarzaja się w złocie;
A bądź polskim poetą, nie troszczą się o cię.

(Льется шампанское, катаются въ золотѣ, кричатъ, что патріоты; а будь польскимъ поэтомъ, о тебѣ не заботятся.)

Подобно Словацкому, онъ возненавидѣлъ Парижъ:

Gdybym ja kiedy polskim był panem majętnym,
O! nigdy nie mieszkał bym w tym Paryżu smętnym,
W którym wszystkie słodycze zda się spotkać snadnie,
Lecz pocznij pić ten cukier, piołun znajdziesz na dnie.

(Еслибъ я былъ богатымъ польскимъ паномъ, никогда-бъ я не жилъ въ этомъ смутномъ Парижѣ, въ которомъ, кажется, легко встрѣтишь всѣ сладости; но только начни пить эту сладость, найдешь на днѣ полынь.)

Горецкій умеръ въ одной изъ парижскихъ больницъ въ 1861 году. Его земляки, не заботившіеся о немъ при жизни, устроили ему великолѣпныя похороны. Онъ погребенъ въ Montmorency, рядомъ съ Нѣмцевичемъ и Мицкевичемъ.

«По исторіи Польши» напечатано только начало весьма интересной статьи варшавскаго литератора Ѳадѣя Корзона (Tadeusz Korzon) «Народонаселеніе Польши въ 1791 г.» (Ludność Polski w roku 1791, IV вып. *Музея*). Статья эта составляетъ отрывокъ изъ монографіи «Wnętrze Polski za Stanisława Augusta. Badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego». Въ печатаемой въ *Музеѣ* статьѣ авторъ представляетъ статистику и характеристику сословій въ Польшѣ во второй половинѣ XVIII вѣка. Напечатано пока только о шляхтѣ.

Нигдѣ въ Европѣ дворянство не было столь многочисленно, какъ въ Польшѣ. Польская шляхта была многочисленнѣе народонаселенія нѣкоторыхъ меньшихъ государствъ, какъ, напр., Швейцаріи или Даніи, и потому могла называться «народомъ». Шляхту авторъ дѣлитъ на слѣдующіе классы: 1) *паны* (panowie) или магнаты, какъ Родзивиллы, Потоцкіе, Чарторыскіе, Браницкіе, Замойскіе, Огинскіе, Любомірскіе, Сапѣги, Малаховскіе, Сулковскіе, Понятовскіе и т. д., владѣли огромными пространствами земель и содержали при себѣ сотни дворянъ (авторъ приводитъ поразительныя цифры доходовъ главныхъ панскихъ родовъ); 2) *помѣщики* (ziemianie), изъ коихъ нѣкоторые имѣли милліонныя состоянія; 3) *духовенство* владѣло десятою частью всѣхъ земель, что въ 1791 г. составляло около 143.500 домовъ, или около 861.000 душъ, кромѣ конфискованныхъ іезуитскихъ имѣній, оцѣненныхъ въ 32 милліона злотыхъ, такъ что по разсчету г. Корзона приходилась среднимъ числомъ на каждаго ксендза деревня въ 14 домовъ; и 4) *мелкая шляхта* (szlachta zagonowa), бѣдная и необразованная. Помѣщиковъ и духовенства г. Кор-

зонъ насчитываетъ 400.000, а мелкой шляхты—300.000 душъ. Каждаго изъ этихъ классовъ шляхты онъ представляетъ краткую характеристику.

Обратимъ вниманіе читателей на любопытную передовую статью, помѣщенную въ III выпускѣ *Музея* подъ заглавіемъ «Нѣмецкія симпатіи» (Sympatye niemieckie). Авторъ припоминаетъ въ началѣ, что еще недавно поляки «учились мыслить по-нѣмецки, образовывались на произведеніяхъ нѣмецкаго духа, привыкали презирать свою исторію и искажали свой языкъ германизмами».

«И нынѣ еще,—прибавляетъ онъ,—поколѣніе, образованное по нѣмецкому образцу, обращается съ своими симпатіями къ тѣмъ, которые нѣкогда вынуждали или выманивали эти симпатіи. Они продолжаютъ еще укорять насъ въ томъ, что мы отрекаемся отъ благодѣяній нѣмецкой культуры, и припоминаютъ намъ тѣ «старыя, добрыя времена», когда житель нашей провинціи говорилъ на нѣмецкомъ, какъ на родномъ языкѣ, и черпалъ полною горстью изъ сокровищницы нѣмецкой науки и литературы, какъ своей собственной». Когда же обстоятельства измѣнились и настала отчаянная борьба между поляками и нѣмцами на политическомъ и экономическомъ поприщахъ, эти поклонники нѣмецкой культуры стали указывать на возбужденный въ нѣмцахъ интересъ къ польской литературѣ, какъ на проявленіе ихъ симпатіи къ полякамъ, какъ на знакъ имѣющихъ наступить въ близкомъ будущемъ лучшихъ отношеній между этими двумя сосѣдними народами. Авторъ замѣчаетъ, что на «Humanität» нѣмцевъ разсчитывать нельзя, что сентиментальный нѣмецъ можетъ почувствовать симпатическое влеченіе къ польской литературѣ только тогда, когда видитъ корысть въ этомъ для себя и вредъ для кого-то другаго. Такъ было послѣ 1830 года. Нѣмецкія газеты того времени отзывались съ большимъ сочувствіемъ о борьбѣ поляковъ съ русскими. «Это сочувствіе было наиболѣе сильно и продолжительно между южнонѣмецкими писателями, которые группировались около Musenalmanach'а Шамиса, каковы: Швабъ, Кернеръ, Ленау; поляковъ воспѣвалъ Мозенъ, потомъ Гервегъ (Herwegh) и другіе; начали переводить произведенія польской литературы... Но это увлеченіе и ничего не стоющая симпатія внезапно прекратились, какъ только кончилось зрѣлище». При этомъ авторъ замѣчаетъ, что «лирическая нѣмецкая душа легко увлекается отважнымъ и прекраснымъ поступкомъ, *если это ей самой не вредитъ и не нравится тому, кого слѣдуетъ побаиваться*, любитъ читать, какъ тамъ «weit hinten in der Polakio» люди дерутся, но становится удивительно равнодушною, когда наступаетъ опасеніе, что гладіаторы, которые такъ прекрасно забавляли и трогали до слезъ, попросятъ, наприм., куска хлѣба».

Авторъ беретъ статистику переводовъ за «термометръ нѣмецкихъ симпатій». «Однимъ изъ первыхъ переводовъ польскихъ литературныхъ произведеній на нѣмецкій языкъ былъ переводъ комедіи Нѣмцевича «Powrót posła» (1792 г. въ Страсбургѣ, другой одновременно въ Варшавѣ и Лейп-

цигѣ). Съ тѣхъ поръ ничего не переводилось до 1825 г., когда появляется переводъ трагедіи Карпинскаго «Ludgarda» и романа Нѣмцевича «Lejbe i Siore», въ 1828 г. «Jan z Tenczyna», въ 1829 г.—второй переводъ «Людгарды» и нѣсколько мелочей. Въ 1831 г. быстро увеличивается число переводовъ. Spaziev, Blankensee, «Orion», Gaudy, Kernev, Nabielak и Wencer, Märkev, Schwab и много иныхъ переводятъ Мицкевича и поэтовъ-легіонистовъ. Число напечатанныхъ переводовъ доходитъ до 27, а если продолжимъ эту эпоху до 1848 г., съ котораго начинается крутой поворотъ, и причислимъ переводы Vogl'a, Kannegieser'a, Drake, Brachvogl'a, Jochmus'a и т. д., то дойдемъ до довольно значительнаго числа—40 переводовъ. Съ тѣхъ поръ наступаетъ затишье, только изрѣдка прерываемое симпатичными изданіями Вурцбаха и мало извѣстными переводами Болька («Grazyna» и «Farys» 1860), Шролля («Marya» 1856) и Конецкаго («Wallenrod» 1855). Рѣдко слышится голосъ симпатіи, рѣдко полякъ можетъ сказать слово въ нѣмецкой прессѣ, за то измышленій, обвиненій и ѣдкой злобы выливается на Польшу и поляковъ цѣлое море. Въ концѣ этой же эпохи вошли въ моду повѣсти изъ польскаго быта».

Захеръ-Мазоха (Sacher-Masoch) авторъ называетъ «отцомъ этой отвратительной литературы, преднамѣренно распространяющей ложь». Угождая ненависти нѣмцевъ къ полякамъ и прислуживаясь любителямъ «пикантныхъ приключеній», онъ продолжалъ эксплоатировать публику до тѣхъ поръ, пока не надоѣлъ ей своими пасквилями, лишенными всякихъ художественныхъ достоинствъ. Онъ умолкъ, но нашелъ послѣдователей болѣе способныхъ, чѣмъ самъ. «Искусный спекуляторъ Francos не перестаетъ систематически обвинять поляковъ въ преслѣдованіи жидовъ, изображая сокровища добродѣтелей семейныхъ и общественныхъ у нашихъ послѣдователей Моисея, разсѣянныхъ по малымъ городкамъ и представляющихъ нѣмецкую культуру въ полу-Азіи,—и только гниль, корысть и ложь въ сердцахъ ихъ христіанскихъ сосѣдей». Францосу подражаетъ Осипъ Трей (Treu), издавшій въ Лейпцигѣ «Сборникъ повѣстей», въ которыхъ изображаетъ легкомысленное поведеніе полекъ. Его мнѣніе о полькахъ вполнѣ раздѣляетъ берлинскій его критикъ Hellev, который увѣряетъ, что съ легкомысленными польскими красавицами можно пріятно провести 6 недѣль, не болѣе.

Какъ на любопытное проявленіе нѣмецкой симпатіи, авторъ указызываетъ на критику Дана (Dahn) о новѣйшей повѣсти Фрейтага «Die Ahnen», въ которой между прочимъ разсказывается о непривлекательныхъ поступкахъ двухъ баварскихъ офицеровъ, пришедшихъ съ арміею Наполеона I въ южную Германію. Оскорбленный въ своемъ ложномъ патріотизмѣ, критикъ совѣтуетъ автору въ слѣдующемъ изданіи смыть это позорное пятно съ нѣмецкаго народа. «Можетъ-быть, — говоритъ онъ,— что въ то время наши и сдѣлали тамъ что-нибудь недоброе, но къ чему писать объ этомъ, къ чему это увѣковѣчивать? Вѣдь въ арміи Наполеона были и поляки, такъ можно этихъ негодяевъ перекрестить въ поляковъ».

Отъ темныхъ сторонъ авторъ переходитъ къ свѣтлымъ.

По примѣру Ничманна, цѣлый рядъ переводчиковъ принялся за кропотливую работу надъ переводомъ польскихъ поэтовъ на нѣмецкій языкъ; но нужно сказать, что между ними только 6 настоящихъ нѣмцевъ, а остальные—поляки съ нѣмецкими фамиліями. Вотъ почему авторъ смотритъ на изданіе этихъ переводовъ какъ на проявленіе не «нѣмецкихъ симпатій», а духа спекуляціи, «разсчитывающей на рыцарское благородство поляковъ», которые изъ тщеславія будутъ покупать эти переводы.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ отдѣлѣ *беллетристики*. Въ немъ помѣщены: не дурное, но слишкомъ субъективное стихотвореніе г. Асника «Pigmalion» (вып. I) и двѣ повѣсти. Изъ нихъ только небольшая повѣсть симпатичной варшавской писательницы Валеріи Marrené (Моржковской) подъ заглавіемъ «Jóźwa Szymczak» (тамъ же) заслуживаетъ вниманія какъ со стороны художественной, такъ и по содержанію. Это—живой, увлекательный разсказъ, проникнутый сочувствіемъ къ простому народу; характеры изображены въ немъ рельефно; описанія мѣстностей кратки, но отчетливы. Содержаніе повѣсти взято изъ сельскаго быта. Герой ея—Юзва Шимчакъ—«простой хлопъ, ничему не учившійся, кромѣ Молитвы Господней», воспитавшійся на лонѣ природы, неустрашимый, трудолюбивый, дѣйствующій инстинктивно, не умѣющій владѣть собою,—натура добрая, симпатичная. Женился онъ по любви на красавицѣ Ягнѣ, бѣдной сиротѣ. Жили они счастливо семь лѣтъ и прижили троихъ ребятишекъ; но счастье его было нарушено продолжительною болѣзнью Ягны. Юзва потратилъ на ея лѣченіе все, что имѣлъ, и вошелъ еще въ неоплатные долги. Онъ впалъ въ отчаяніе, пересталъ работать и проводилъ дни въ корчмѣ, пока услужливый жидъ давалъ ему водки въ долгъ. Нищета, голодъ гнали его изъ собственной хаты. Послѣдній ударъ нанесла ему смерть жены,—не на что купить даже досокъ на гробъ ея, не чѣмъ заплатить ксендзу за отпѣваніе. Въ отчаяніи онъ бѣжитъ на панскій дворъ, къ управляющему, выпросить у него пару досокъ на гробъ; но, къ его несчастію, пріѣхалъ молодой помѣщикъ съ женою и его не допускаютъ къ управляющему, занятому пріемомъ господъ. На панскомъ дворѣ онъ видитъ изобиліе, веселіе; молодая пани-красавица напоминаетъ ему его Ягну, съ которою онъ жилъ столько лѣтъ такъ счастливо; видъ чужаго счастія и своего безвыходнаго положенія доводитъ его до сумашествія—и онъ поджигаетъ панскій дворъ, а самъ бѣжитъ и попадаетъ въ прудъ, гдѣ и тонетъ.

Рядомъ съ этою сильною, надломленною бѣдствіями натурою, писательница представляетъ нѣжную, чувствительную, любящую, терпѣливую, покорную судьбѣ, страждущую Ягну. Вдали отъ нихъ — жидъ-корчмарь, высасывающій послѣдніе соки изъ бѣдныхъ хлоповъ, и польскій панъ, разсуждающій съ женою о томъ, какъ онъ будетъ благодѣтельствовать и просвѣщать крестьянъ, и ничего не дѣлающій. Все это—типы, схваченные съ натуры. Вообще вся повѣсть, отъ начала до конца, дышетъ правдою.

Другая, длинная, повѣсть какого-то Севера (псевдонимъ), изъ послѣдней франко-прусской войны, подъ заглавіемъ «Послѣдняя стычка» (Ostatnia potyczka), напечатанная въ выпускахъ II—IV и еще не конченная, слаба во всѣхъ отношеніяхъ: не извѣстно, гдѣ и когда происходитъ дѣйствіе; весь разсказъ фантастиченъ, неправдоподобенъ: раненнаго французскаго офицера находитъ въ лѣсу дочь лѣсничаго и вмѣстѣ съ отцомъ спасаетъ его отъ нѣмцевъ и сами спасаются въ подземельи, вырытомъ разбойниками; старикъ-лѣсничій совершаетъ невѣроятные подвиги и т. п. Эта тенденціозная повѣсть написана, кажется, въ отмщеніе нѣмцамъ за ихъ «пасквили» на поляковъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ такъ разсуждаетъ: «Нужно очистить свѣтъ отъ этого мерзкаго племени... Чѣмъ менѣе нѣмцевъ, тѣмъ лучше; чѣмъ болѣе нѣмцевъ, тѣмъ хуже».

Мы познакомили читателей съ содержаніемъ и направленіемъ новаго польскаго журнала. Какъ тому, такъ и другому мы не можемъ не сочувствовать, а потому не можемъ не желать распространенія этого журнала у насъ — не только между поляками, но и между русскими. Изданіе несомнѣнно полезное и недорогое (за годъ 12 руб., съ пересылкою, за полгода 6 руб.) и притомъ, вѣроятно, разрѣшенное нашею цензурою, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего враждебнаго Россіи или, лучше сказать, нѣтъ ничего о Россіи. Такая сдержанность краковскаго *Музея* не должна удивлять насъ: въ послѣднее время польскіе писатели и издатели въ Галиціи убѣдились, что злобными выходками противъ Россіи они вредятъ самимъ себѣ—даже въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ при застоѣ мѣстной книжной торговли лишаются обширнаго сбыта своихъ изданій у насъ. Но, каковы бы ни были побужденія, заставляющія галицко-польскихъ писателей и издателей воздерживаться отъ нападокъ и клеветъ на Россію, мы должны радоваться тому, что можемъ свободно пользоваться польскими заграничными изданіями для изученія польскихъ земель внѣ нашихъ предѣловъ.

Викентій Макушевъ.

Хроника французской жизни.

Національное торжество 14 іюля.—Чествованіе памяти Руже-де-Лиль.—Легитимисты и ихъ демонстраціи.—Протестъ архіепископа парижскаго.—Утвержденіе новаго закона о печати.—Вопросъ объ обязательности обученія.—Нейтрализація кладбищъ.—Предложеніе Распайля.—Предполагаемая продажа коронныхъ бриліантовъ.—Сорбонна и развалины Тюльери.—Раздача академіей премій добродѣтели.—Поль де-Сенъ-Викторъ.—Луи Веллio.—Новая книга г. Обе.—

Не всякій, кто бы желалъ, можетъ веселиться. Я видѣлъ Лондонъ въ минуты торжества: народъ методически двигался, волновался по улицамъ, точно море; шкалики бросали меланхолическій отблескъ, будто лампы рудокоповъ, на толпу, на насупленныя лица. Парижъ смѣялся надъ гильотиной, смѣялся при прусскихъ насиліяхъ; онъ смѣется легко и сообщительно. Горе никогда не можетъ переполнить душу француза,—веселость непремѣнно пріютится въ какомъ-нибудь сокровенномъ уголкѣ и при малѣйшемъ поводѣ сдѣлаетъ вылазку, далеко прогонитъ непріятеля, побѣдоносно распуститъ свое знамя и бойкими, переливчатыми звуками выльется наружу. Вотъ почему народныя празднества въ Парижѣ всегда имѣютъ вполнѣ праздничный видъ.

Національный праздникъ 14 іюля мирно развернулъ свою программу оффиціальныхъ и частныхъ удовольствій. Оффиціальная часть состояла изъ смотра войскамъ и пріема въ Елисейскомъ дворцѣ. Смотры въ іюлѣ мѣсяцѣ равняются смертному приговору, такъ какъ нѣкоторое количество солдатъ гибнетъ отъ солнечнаго удара. Скажутъ, что солдатъ долженъ закалиться и съумѣть все перенести; но неужели онъ долженъ подвергаться опасности для развлеченія зѣвакъ? Смотръ 14 іюля, безъ сомнѣнія, на будущее время отмѣнится. Народъ точно такъ же можетъ любоваться маневрами осенью, какъ и въ лѣтнюю жару. Теперешнее французское войско маневрируетъ хорошо, но въ немъ чувствуется какъ будто печаль, какъ будто стыдъ за понесенное пораженіе. Многое нужно, чтобы между имъ и толпой возстановить связь прежнихъ временъ. Толпа—это парижане, жестоко оскорбленные военачальниками, къ которымъ народъ питаетъ чувство неумолимаго злопамятства. Греви на смотрахъ присутствуетъ исключи-

тельно по обязанности президента республики. Онъ всю свою жизнь былъ противъ всякой солдатчины, а теперь долженъ любоваться парадирующими передъ нимъ войсками. Либералы убѣждены, что избраніемъ Греви они подорвали значеніе постояннаго войска. Въ чемъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія, такъ это въ томъ, что военные парады теряютъ свое значеніе, что смотры во Франціи перейдутъ въ упражненія, цѣль которыхъ—обучать войска, а не надоѣдать гражданскимъ властямъ страны, или увеселять уличныхъ зѣвакъ, для которыхъ въ Парижѣ найдется достаточно другихъ зрѣлищъ.

Пріемы въ Елисейскомъ дворцѣ представляютъ калейдоскопъ, гдѣ просители ищутъ случая снискать вниманіе министровъ и гдѣ тщеславная молодежь можетъ блеснуть своимъ мундиромъ. Тамъ красуются послѣдніе мальтійскіе рыцари, эти храбрецы, которымъ для полученія орденскаго плаща нѣтъ болѣе надобности воевать съ сарацинами,—достаточно заплатить казнѣ нѣкоторую сумму.

Къ неоффиціальной части празднества относятся народныя увеселенія на улицахъ и площадяхъ, составляющія сущность этого чествованія 14-го іюля. Еслибы празднество это не было посвящено республикѣ, то Фигаро, напримѣръ, обозвалъ бы эти народныя сборища «стокомъ вонючаго пота», конечно, менѣе вонючаго, чѣмъ запахъ пачули съ улицы Бреда, столь пріятный этому органу парижскаго разврата. Пресыщенные эпикурейцы видятъ проявленіе величайшей тупости въ томъ, что народъ толпится цѣлый день на улицахъ, обливаясь пóтомъ, въ надеждѣ взглянуть на иллюминацію, на какой-нибудь фейерверкъ; конечно, богатые люди могутъ купить себѣ болѣе дорогое зрѣлище, чѣмъ какая-нибудь тріумфальная арка изъ зелени и бенгальскій огонь, потому-то вѣроятно они и покинули Парижъ на этотъ день... Но чѣмъ пользуется бѣднякъ, да еще бѣднякъ большаго города? У деревенскаго жителя есть солнце, вода, лѣсъ; онъ видитъ, какъ утромъ солнце переливается въ облакахъ неуловимыми прелестными красками, какъ оно золотитъ ихъ и превращаетъ въ сверкающіе брилліанты разсыпавшіяся по зелени капли дождя. А горожанинъ?— Родившись въ смрадной мансардѣ подъ крышей, онъ изъ нея переходитъ въ такую же смрадную мастерскую и рѣдко имѣетъ досугъ побѣгать хоть по парижскимъ бульварамъ съ жиденькими деревцами; рѣдко удается ему съ Шомонскихъ холмовъ или съ высотъ Père-Lachais'а оглянуть болѣе обширный горизонтъ. Наблюдатели удостовѣряютъ, что есть человѣческія существа, всю жизнь не выходившія изъ своей улицы, и эти несчастные привязываются къ своему грязному углу какъ мокрицы къ сырому погребу. Цѣлый день тяжелаго труда отнимаетъ у рабочаго и силу, и желаніе идти искать лучшаго за предѣлами своего рабочаго квартала, этого караванъ-сарая нищеты. Шалашъ дикаря-индѣйца въ глухомъ лѣсу въ тысячу разъ лучше, чѣмъ въ большихъ центрахъ цивилизаціи эти жилища рабочихъ съ тѣсными дворами безъ воздуха, на которыхъ кишитъ толпа малень-

кихъ дикарей почти голыхъ и изъ которыхъ одну треть скоситъ болѣзнь, другую—порокъ, а третья уныло поплетется на фабрику... И вотъ въ Парижѣ, въ этомъ громадномъ человѣческомъ муравейникѣ, нѣсколько тысячъ человѣкъ, круглый годъ привязанные къ тяжелой работѣ, отрываются отъ нея на одинъ день, чтобы насладиться яркими зрѣлищами, о которыхъ можетъ-быть они всю жизнь мечтали въ своихъ грязныхъ углахъ. Это наслажденіе голоднаго бѣдняка, котораго глаза и умъ можетъ-быть еще болѣе голодны, чѣмъ его желудокъ, сытымъ барамъ кажется непонятнымъ. Хамъ (Cham) въ одной изъ своихъ каррикатуръ представилъ толстаго банкира, выходящаго изъ моднаго ресторана, и маленькаго нищаго, жалобно причитывающаго ему о своемъ голодѣ: «Несчастный, ты голоденъ—и ты смѣешь роптать!»—отвѣчаетъ ему банкиръ. Такое же эгоистическое непониманіе дѣтскихъ наслажденій толпы подсказало и всѣ эти глупыя насмѣшки надъ длинными вереницами бѣдняковъ, 12—14 часовъ толпящихся на одномъ мѣстѣ, чтобы добиться дороваго билета въ оперу или французскій театръ. Указываютъ, что въ толпѣ чаящей дароваго зрѣлища стояли и богатые скряги,—ну, что-жъ, это комичныя исключенія и больше ничего, громадное же большинство этой толпы—плебсъ, тотъ именно плебсъ, для котораго римскіе цезари устраивали кровавыя зрѣлища. Современныя правительства угощаютъ его музыкой Мейербера и прозой Мольера. «Хлѣба и зрѣлищъ!»—ревѣлъ народъ въ Римѣ, а нашъ плебсъ мирно наслаждается театромъ и блестящими ракетами. Прежде съ Авентинскихъ холмовъ этого громаднаго лагеря парижскаго пролетаріата по вечерамъ цѣлый потокъ людей, черезъ Бельвилль, Менильмонтанъ, Монмартръ, гору Св. Женевьевы, стекался въ одно мѣсто—на площадь Согласія. По временамъ толпа двигалась словно волна громадной рѣки и цѣлыя группы людей падали, затаптывались ногами, опрокинутые безсознательною давкой сотни тысячъ человѣкъ, теперь же народныя празднества децентрализованы: на всѣхъ шести высотахъ устраивается по громадному фейерверку, тѣмъ не менѣе площадь Согласія, Елисейскія-Поля, пруды Булонскаго лѣса наиболѣе привлекаютъ зрителей. Цѣлыя семьи отдыхаютъ послѣ 2—3-хъ-часовой ходьбы на зеленыхъ лужайкахъ лѣса, терпѣливо ожидая перваго букета ракетъ. Раздался легкій взрывъ, за нимъ другой, третій, взвились ракеты и цѣлымъ дождемъ золота разсыпались надъ головами этихъ бѣдняковъ, возбуждая въ нихъ какой-то миражъ сказочнаго богатства. Молоденькія дѣвушки, для которыхъ драгоцѣнныя украшенія недосягаемы, трепещутъ при видѣ этого потока сапфировъ, изумрудовъ, рубиновъ, льющихся словно рѣка изъ тысячи одной ночи. Вотъ поднялся цѣлый снопъ бриллiантовъ; этотъ снопъ фантастически разростается, разбрасывается, бриллiанты блѣднѣютъ и вотъ, наконецъ, совсѣмъ померкли до будущаго года. Въ воздухѣ еще носится какой-то красноватый свѣтъ, небо точно осыпано золотою пудрой. Толпа колыхнулась по направленію къ Парижу; она тянется вдоль прудовъ, любуясь на свѣтящуюся ленту венеціянскихъ

фонарей, на лодки съ цвѣтными фонарями, тихо скользящими по водѣ, на одной изъ коихъ возвышается живая картина: Республика, у ногъ которой крестьянинъ, рабочій и солдатъ держатся за руки. Въ этотъ вечеръ лѣстница навѣрно покажется менѣе высокой, а домашній уголъ менѣе грязнымъ—бѣднякамъ изъ далека пришедшимъ, чтобы въ мимолетномъ наслажденіи забыть горькую дѣйствительность. Мы можемъ оторваться отъ нея и картиной, и книгой, и интереснымъ воспоминаніемъ; тѣ же, у кого нѣтъ досуга ни для думъ, ни для чтенія, ни для хожденія по музеямъ, уносятся въ страну мечты на крыльяхъ народнаго празднества. Привередливые газетчики затыкаютъ себѣ носы отъ этого «запаха животнаго аммоніака» и приходятъ въ ужасъ отъ стадности удовольствія, въ которомъ участвуетъ милліонная толпа. Правда, что эта двигавшаяся толпа поднимала пыль,—правда, что 38-ми градусная жара заставляла нѣкоторыхъ рабочихъ быть въ рубашкахъ и блузахъ, но никакого неприличія, никакой рѣзкой возбужденности въ общемъ не было. Тамъ и сямъ разгулявшійся потрясалъ шляпой съ прикрѣпленнымъ къ ней фонаремъ, или слишкомъ ревностныя гражданки выдѣлялись трехцвѣтными платьями, зонтиками, даже ботинками. Но наиболѣе возмущавшіеся этимъ люди сами собирались на другой же день, въ день Св. Генриха, разукраситься бурбонскими лиліями или 15 августа ходить съ букетиками бонапартистскихъ фіалокъ въ петличкахъ. Вечеромъ на всѣхъ перекресткахъ открылись публичные балы. Конечно, зритель не могъ ожидать, что передъ нимъ будутъ танцевать кадриль придворныхъ баловъ,—это было наивное народное прыганье безъ претензій, но и безъ распущенности обыкновенныхъ парижскихъ публичныхъ баловъ. Осѣненный верховною властью народа, пролетарій чувствовалъ, что это его праздникъ, и держался спокойно и скромно. Узкія улицы рабочихъ кварталовъ,—улицы, черезъ которыя, высунувшись въ окна, сосѣди могутъ пожать руку другъ другу, превратились въ бесѣдки, а тріумфальныя арки изъ зелени украшали перекрестки. Символическая лодка парижскаго герба покачивалась въ аркахъ. Красныхъ знаменъ было очень немного,—съ тѣхъ поръ, какъ ихъ перестали сдергивать, они сдѣлались рѣдки,—за то много фригійскихъ шапокъ. Эта традиціонная шапка, навязанная крестьянствомъ въ пылу побѣды побѣжденному дворянству и названная фригійскою изъ страсти къ классицизму людей первой революціи, сохранила еще свое угрожающее значеніе. Воображеніе буржуа до сихъ поръ ищетъ подъ ней головы Мазаніелло или Марата, но, видя ее на большинствѣ добродушно-смѣющихся лицъ движущейся толпы, вспоминаешь лишь поговорку, что не платье дѣлаетъ монаха. Аналогическое дѣйствіе производитъ и безпорядочно выкрикиваемая «Марсельеза». Парижане ревутъ «aux armes, les citoyens», идя глазѣть фейерверочный огонь. Не профанируется ли этимъ нѣсколько сама пѣснь, не утрачиваетъ ли она нѣсколько свой характеръ мужественнаго вдохновенія?... Впрочемъ, ея вдохновительное значеніе больше въ оттѣнкахъ выраженій, чѣмъ въ самыхъ словахъ,

и толпа затягиваетъ ее можетъ-быть просто потому, что не знаетъ другихъ пѣсенъ.

Печальныя тѣни прошлаго все еще проносятся надъ народными французскими празднествами. Такъ и нынѣшній годъ толпа молодыхъ людей отправилась съ площади Большой Оперы возложить траурные вѣнки на статую Страсбурга, возвышающуюся на площади Согласія. Церемоніалъ этотъ появился со времени осады Парижа, когда множество ораторовъ обращались къ статуѣ Страсбурга, при восторженныхъ рукоплесканіяхъ публики, съ страстными обѣтами, которые не оправдались послѣдующими событіями. Въ настоящее время манифестаціи передъ Страсбургскою статуей дѣлаются молча. Рабочія депутаціи тоже дефилировали передъ нею и затѣмъ отправились заявить свою преданность патріарху французскаго соціализма, сенатору Луи Блану, здоровье котораго въ послѣднее время очень плохо. Луи Бланъ въ благодарственной къ нимъ рѣчи сказалъ, что республика есть школа, одинаково открытая для богатыхъ и бѣдныхъ. «Ассоціація правъ женщинъ» со знаменемъ, покрытымъ крепомъ, двинулась было къ Бастильской площади, чтобы высказать протестъ по поводу неравенства правъ женщинъ передъ мужчинами; но бѣдныя женщины отступили при сильнѣйшемъ взрывѣ смѣха толпы, возбужденнаго ихъ демонстраціей. А между тѣмъ есть много справедливыхъ требованій въ программѣ этой женской ассоціаціи, такъ какъ женщины во Франціи лишены такихъ правъ, которыми вполнѣ пользуются въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Россіи. Дѣло только въ томъ, что большая часть публики не знакома съ этимъ вопросомъ, а эксцентричность нѣкоторыхъ юныхъ противницъ мужской тираніи придаетъ какой-то отпечатокъ комизма самой пропагандѣ, имѣющей въ сущности очень серьезное основаніе.

Наканунѣ національнаго празднества въ Шуази-ле-Руа (ближайшей окрестности Парижа) происходило освѣщеніе надгробной доски, прибитой къ дому, гдѣ умеръ Руже де-Лиль, авторъ «Марсельезы». Историкъ Генри Мартенъ, избранный распорядителемъ этой церемоніи, въ своей рѣчи сказалъ: «Эта пѣснь — душа Франціи. Въ ней отразились могучій гнѣвъ и страстный энтузіазмъ нашего народа. Она будетъ жить, пока существуетъ Франція». Дѣйствительно вся Франція знаетъ и поетъ только одну эту пѣснь. Большая часть стиховъ ея отзываются декламаторствомъ, но припѣвъ увлекателенъ, а самая мелодія возбуждаетъ воспоминанія о побѣдахъ, одержанныхъ подъ звуки этихъ строфъ, занесенныхъ такъ далеко французскою арміей. Руже де-Лиль, простой офицеръ республиканской арміи, охваченный однажды порывомъ воинственнаго, пламеннаго патріотизма, угадалъ тѣ звуки, которые въ 1872 году соотвѣтствовали общему настроенію, и затѣмъ замолкъ навсегда. Много разъ пытались различныя французскія правительства свергнуть «Марсельезу»; они заказывали народный гимнъ знаменитымъ поэтамъ и композиторамъ, но никто никогда не зналъ ни одной строчки этихъ произведеній. Когда буржуа, окружавшіе Луи-Филиппа въ

поискахъ новаго народнаго гимна, обратились къ Бальзаку, онъ иронически отвѣтилъ имъ, что они имѣютъ уже своею «Марсельезу»:

«J'ai du bon tabac. dans ma tabatière,
«J'ai du bon tabac, tu n'en auras pas *).

Руже де-Лиль умеръ забытый, въ нуждѣ, поддерживаемый трогательнымъ участіемъ другаго пѣвца—Беранже, а нынѣ оффиціальный міръ воздаетъ ему почести: три министра присутствовали на церемоніи, происходившей на его могилѣ.

15 іюля, когда еще улицы были унизаны трехцвѣтными знаменами и окна украшены эмблемами Республики, легитимисты сошлись въ церковь St. Germain des Prés, въ центрѣ Сенжерменскаго предмѣстья, служить обѣдню въ память Св. Генриха. Полторы тысячи человѣкъ выразили такимъ способомъ свой протестъ противъ всей республики. Въ этихъ случаяхъ представители стараго дворянства особенно любятъ фигурировать и на этотъ разъ ихъ было множество, между прочимъ маркизъ де-Брезе, потомокъ того, который въ 1789 году старался разогнать генеральные штаты и вызвалъ знаменитый отвѣтъ Мирабо: «скажите тому, кто васъ послалъ, что мы собрались здѣсь по волѣ народа и только силой штыковъ можно насъ выгнать отсюда». Легитимизмъ—догматъ стоящій внѣ религіи, внѣ философіи, внѣ исторіи. Онъ знать ничего не хочетъ и упорно смотритъ на Францію какъ на родовое помѣстье древняго рода Бурбоновъ. Участь Стюартовъ, потомковъ Вазы и tutti quanti, должна бы, кажется, разрушить иллюзіи графа Шамбора, но, нѣтъ, онѣ все еще держатся въ немъ. Судьба зло подшутила надъ этимъ представителемъ легитимизма, не давъ ему дѣтей, что заставитъ его передать свое божественное право принцамъ Орлеанскаго дома, которые присоединятъ его къ революціоннымъ правамъ, пріобрѣтеннымъ ими въ іюльскіе дни 1830 года и сдѣлаются для однихъ «сыновьями Св. Людовика», а для другихъ—«баррикадными королями». Жизнь графа Шамбора проходитъ въ писаніи утѣшительныхъ и поздравительныхъ писемъ. Онъ поздравляетъ своихъ приверженцевъ при ихъ вступленіи въ бракъ, дабы они совершали этотъ жизненный шагъ съ сердцемъ переполненнымъ имъ и помыслами объ его правахъ. А когда они умираютъ, онъ утѣшаетъ ихъ семейства, объявляя, что двери рая отворены для тѣхъ, кто умираетъ вѣрнымъ Генриху V,—какъ будто тронъ Бурбоновъ—отдѣленіе божественнаго алтаря. Въ церкви Сенжерменскаго предмѣстья въ первыхъ рядахъ фигурировалъ, конечно, Донъ-Карлосъ. Почетное мѣсто, нѣсколько смахивавшее на тронъ, было ему приготовлено впереди у самаго клироса, что раздражило министерство и вызвало приказъ объ изгнаніи съ французской почвы испанскаго претендента. Донъ-Карлосъ былъ не единственная жертва демонстрацій въ честь графа Шамбора,—тридцать слишкомъ моло-

*) У меня хорошій табакъ въ моей табакеркѣ,
У меня хорошій табакъ, но у тебя его не будетъ.

дыхъ людей изъ Сенъ-Сирской военной школы, все бывшіе воспитанники іезуитскихъ коллегій, явились въ церковь въ мундирахъ. Это была несчастная неосторожность, такъ какъ военный министръ, желая наказать ихъ за такое нарушеніе дисциплины, опредѣлилъ ихъ на службу солдатами. Всѣ католическія благотворительныя учрежденія прислали делегатовъ на обѣдню Сенжерменскаго предмѣстья. Это объясняетъ одну изъ причинъ ихъ безсилія, безплодности,—они всѣ подчинены политикѣ, и политикѣ ретроградной. Многія изъ этихъ учрежденій прекрасно организованы. Большинство изъ нихъ задается цѣлью единенія богатыхъ классовъ съ бѣдными, а между тѣмъ народъ не сочувствуетъ имъ, да и можетъ ли быть иначе?—ихъ создало не искреннее чувство симпатіи къ обездоленному бѣдняку, а боязнь его страшной мести; въ нихъ только кажущееся желаніе облегчить незаслуженное несчастіе, въ дѣйствительности же это просто предпринятіе общественной предосторожности. Любовь творитъ чудеса, страхъ всегда безплоденъ, и блузники инстинктивно сторонятся отъ этихъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, чувствуя, что они больше думаютъ объ охраненіи своихъ сундуковъ, чѣмъ дѣйствительно о нравственномъ развитіи современнаго парія. Католическая церковь одновременно хочетъ поднять вѣрованіе и въ свѣтскую власть папы, и въ Евангеліе, и это-то смѣшеніе ея матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ и дѣлаетъ безплоднымъ всѣ ея благотворительныя попытки. Прислушайтесь, что поетъ католическая процессія въ склепѣ церкви Сакре-кёръ на Монмартрѣ, которой уже угрожаетъ экспропріація: «Боже, спаси Римъ и Францію!»—спаси Римъ отъ итальянцевъ и Францію отъ республики,—и чѣмъ громче поютъ молельщики этотъ припѣвъ своего гимна, тѣмъ больше подается прошеній о дарованіи этому зданію другаго назначенія, такъ какъ этими моленіями и воплями онъ превращается изъ храма мира и любви въ очагъ раздора. Подписанный французскимъ духовенствомъ, по предложенію монсиньора Гибера, архіепископа парижскаго, протестъ противъ враждебныхъ криковъ, раздававшихся въ Римѣ во время перенесенія тѣла Пія IX въ церковь Св. Лаврентія, доказываетъ нравственную подчиненность французскаго духовенства свѣтскимъ распрямъ римской куріи. Монсиньоръ Гиберъ въ своемъ протестѣ называетъ итальянцевъ узурпаторами, хотя прекрасно понимаетъ, какъ такая перебранка роняетъ его собственное достоинство.

Конецъ іюля былъ посвященъ приготовленіямъ къ закрытію нашей палаты депутатовъ. Она старалась привести въ порядокъ свои дѣла, а сенатъ, который не можетъ засѣдать, когда палата закрыта, долженъ былъ ускорить свои занятія и ускореннымъ аллюромъ просмотрѣть нѣсколько законодательныхъ проектовъ. Палата приняла законъ о печати въ томъ видѣ, какъ онъ исправленъ сенатомъ, также какъ и законъ о правѣ сходокъ. Цензура, какъ выраженіе непогрѣшимости правительственныхъ взглядовъ, давно у насъ вывелась. Вторая имперія замѣнила ее системой предостереженій, которая для прессы есть не что иное какъ терроръ, ибо, полу-

чивъ, разрѣшеніе на существованіе не иначе, какъ по заявленіи самой подлой угодливости и величайшей благонамѣренности, надо было неусыпно слѣдить за собой, чтобы правительство какъ-нибудь, въ какомъ-нибудь намекѣ не усмотрѣло противорѣчія съ его мнѣніями, которыя сами не основывались на какомъ-нибудь опредѣленномъ или нравственномъ принципѣ, а вытекали изъ личнаго мнѣнія правителей. Стоило три раза не понравиться, получить три предостереженія и—вы умирали. Къ этому надо прибавить, что для того, чтобы ваша газета получила право существованія, вы должны были имѣть хорошія средства, такъ какъ правительство брало съ васъ денежный залогъ, какъ гарантію вашей благонамѣренности, и кромѣ того вы должны были еще оплатить право изданія, что ставило въ невозможность пустить газету дешево и тѣмъ самымъ распространить ее въ массѣ читающей публики. Эта система закрѣпощенія прессы капиталу, имѣвшая свой raison d'être при конституціонной монархіи, державшейся на интересахъ привилегированныхъ классовъ, не имѣла смысла, когда имперія стала опираться на всеобщую подачу голосовъ и самое существованіе ея было обусловлено служеніемъ интересамъ большинства. Съ своей стороны республика, запрещая временно или навсегда публичные сходки изъ боязни старинныхъ клубовъ, дѣлала ту же ошибку, какъ и имперія по отношенію къ прессѣ. Стѣсненное общественное мнѣніе неизбѣжно принимаетъ ложное направленіе, а въ демократическомъ государствѣ ничего не можетъ быть опаснѣй, какъ задѣть общественное мнѣніе, отъ котораго въ концѣ концовъ все зависитъ. Въ настоящее время денежный залогъ для изданія газеты болѣе не требуется и формальности для созыва сходокъ значительно упрощены. Въ періодъ выборовъ, напримѣръ, обязательно соблюсти только двухчасовой промежутокъ отъ момента заявленія до открытія сходки, а продолжаться они могутъ до самаго момента избранія, тогда какъ при имперіи избирателямъ запрещалось участвовать въ собраніяхъ послѣдніе пять дней передъ выборами,—они должны были въ одиночествѣ у себя по домамъ обдумывать все слышанное раньше.

Два закона, за которые сенатъ особенно страстно ухватился въ послѣднее время, были: обязательное свѣтское обученіе и нейтрализація кладбищъ. Давно уже люберальная партія желала провести законъ объ обязанности родителей не оставлять дѣтей безъ всякаго образованія. Глупѣйшія книжонки, какъ ихъ назвалъ еще Сенъ-Бёвъ въ докладѣ сенату, даваемыя дѣтямъ въ клерикальныхъ школахъ, заставили желать открытія свѣтскихъ первоначальныхъ школъ. Пока пренія шли объ уничтоженіи прежнихъ порядковъ или вредныхъ сторонъ нынѣшнихъ, все шло бойко; но когда пришлось придумывать замѣну клерикальныхъ глупостей чѣмъ-нибудь, что само не было бы глупо, начался цѣлый рядъ затрудненій. Въ законѣ, вотированномъ палатой и перешедшемъ на разсмотрѣніе сената, многіе параграфы возбуждали большія пренія. Нашли, что формальности провѣрки исполненія родителями закона обязательности обученія могутъ казаться

оскорбительными, а многіе находили неудобнымъ систематическое отсутствіе въ школѣ Бога и ученіе о Немъ, что вызвало очень ловкую рѣчь Жюль Симона, которая имѣла большій успѣхъ, чѣмъ, кажется, онъ самъ ожидалъ. Ему предложили внести поправку и онъ формулировалъ ее такимъ образомъ: «учитель долженъ научить обязанностямъ къ Богу и обязанностямъ къ родинѣ». Допустимъ, что основаніемъ первоначальнаго образованія должно быть изученіе десяти заповѣдей и отечественной исторіи; я думаю, каждый согласенъ съ тѣмъ, чтобы ребенка научили, что не надо убивать, обманывать, красть, и сообщили ему свѣдѣніе о томъ, что дѣлалось на его родинѣ; но не каждому понятно, какимъ образомъ одинъ и тотъ же учитель можетъ научить всѣхъ своихъ учениковъ обязанностямъ къ Богу, когда эти обязанности безконечно измѣняются сообразно вѣроисповѣданіямъ. Поправка Жюль Симона вызвала яростныя обвиненія его въ ретроградствѣ и клерикализмѣ, но справедливѣе предположить, что это—его искреннее мнѣніе, которое онъ просто не съумѣлъ ex abrupto формулировать удовлетворительнымъ образомъ. Это заставляетъ вспомнить, какъ въ ноябрѣ 1848 года партія республиканско-демократическая, вырабатывая свою избирательную программу, поставила въ ней уничтоженіе свободы преподованія изъ ненависти къ попамъ. Ламене отказался подписать эту программу. «Я не могу,—сказалъ онъ,—боровшись при всѣхъ правительствахъ, и особенно при реставраціи за свободу преподованія,—не могу противорѣчить себѣ потому, что правительство перешло въ другія руки». И партія смягчила программу, дабы не лишиться его подписи. Поправка, сдѣланная Жюль Симономъ, принята сенатомъ и проектъ закона возвращенъ въ палату, которая опять возстановила его первоначальный текстъ; но когда законъ снова перешелъ въ сенатъ, то въ послѣдніе часы засѣданій Ферри, не потребовавъ немедленнаго обсужденія, далъ возможность отложить его до будущей сессіи, чего именно добивались клерикальные противники закона.

Что касается до закона о нейтрализаціи кладбищъ, то тутъ вотъ въ чемъ дѣло. Существуетъ положеніе, по которому если въ какой-нибудь общинѣ жители принадлежатъ къ нѣсколькимъ вѣроисповѣданіямъ, то лица каждаго изъ нихъ имѣютъ право пользоваться отдѣльною частью въ общинномъ кладбищѣ. Такъ, напримѣръ, евреи имѣютъ свою небольшую часть съ отдѣльнымъ входомъ въ огромномъ католическомъ кладбищѣ и такою же частью пользуются и протестанты. Католическое духовенство, по праву большинства, забирало всегда въ свое распоряженіе центральную, большую часть кладбища, безъ своего благословенія не позволяло тамъ хоронить и фактически имѣло отъ него ключи, хотя они числились въ меріи. Между тѣмъ все болѣе и болѣе стали распространяться гражданскія похороны. Духовенство, отводившее этимъ, для него ненавистнымъ, свободнымъ мыслителямъ дальніе углы кладбища, назначенные для казненныхъ, вызвало мысль о превращеніи кладбищъ въ совершенно свободное

для всѣхъ мѣсто, куда всякій имѣетъ право входить какъ въ общество живыхъ, причемъ каждой могилѣ въ отдѣльности предоставлялось бы право быть освященной по тому или другому обряду. Законъ этотъ былъ предварительно плохо изученъ и ему сразу пришлось столкнуться со старыми привычками. Еврейское духовное управленіе на этотъ разъ заключило союзъ съ католическими властями и протестантскими консисторіями, дабы отвергнуть новый законъ. Въ сенатъ были внесены поправки, но тоже недостаточно обдуманно формулированныя, и произошло то, что законъ былъ вотированъ, поправки не приняты, но и законъ не прошелъ, и не прошелъ по недостатку должнаго количества голосовъ, такъ какъ противники его умышленно отсутствовали при голосованіи. Къ вопросу этому, конечно, еще вернутся.

Одинъ изъ популярныхъ законовъ, вотированный въ палатѣ in intermis, это законъ объ отнятіи у духовенства Пантеона. Въ XVIII вѣкѣ Суфло соорудилъ это зданіе, предназначенное сначала Св. Женевьевѣ и посвященное потомъ учредительнымъ собраніемъ великимъ людямъ съ надписью на фронтонѣ: «великимъ гражданамъ, благодарное отечество». Мирабо погребенъ былъ тамъ тотчасъ по смерти и вынутъ оттуда, когда стали извѣстны его тайныя сношенія съ дворомъ. Останки Вольтера и Руссо были торжественно перенесены туда; Наполеонъ удостоилъ погребенія тамъ нѣкоторыхъ своихъ сослуживцевъ. Потомъ Пантеонъ перешелъ опять въ руки духовенства и во время реставраціи нѣсколько фанатиковъ тайно выбросили оттуда смертные останки Вольтера и Руссо, въ отмщеніе за то, что народъ уничтожилъ могилы королей въ Сенъ-Дени. Послѣ 1830 г. Пантеонъ снова дѣлается достояніемъ гражданскаго вѣдомства и Давидъ украшаетъ его фронтонъ своими произведеніями. Вторая имперія водворила его обратно въ лоно католической церкви. Только-что закрывшаяся палата рѣшила снова отнять его у церкви. Очевидно, будущее собраніе поддержитъ рѣшеніе палаты. Недостаточно изгнать поповъ, надо чтобы Пантеонъ не оставался пустымъ: посвященный памяти великихъ людей и оставаясь въ рукахъ церкви, онъ всегда будетъ отдавать предпочтеніе извѣстному вѣроисповѣданію и выйдетъ, какъ будто мы имѣемъ государственную религію. Нужно, чтобы Пантеонъ принималъ только дѣйствительно великихъ гражданъ, принималъ ихъ безъ различія вѣроисповѣданія и съ тѣми почестями, которыя были бы достойны какъ великихъ покойниковъ, такъ и родины, чествующей ихъ.

Въ послѣднія минуты передъ закрытіемъ палаты Бенжаменъ Распайль, старшій сынъ знаменитаго революціонера Ф. В. Распайля, внезапно предложилъ, чтобы депутатъ, вступившій въ какую-либо промышленную, акціонерную компанію въ качествѣ директора или члена наблюдательнаго совѣта, лишался званія депутата. Въ голосованіи этого предложенія приняли участіе, по чувству совѣстливости, даже и тѣ, чьи интересы оно затрагивало. Но это было только какъ бы благочестивое желаніе послѣднихъ

минуть, такъ какъ не оставалось времени дать этому предложенію силу закона. Въ сенатѣ такого предложенія не было сдѣлано по отношенію къ сенаторамъ. Вѣроятно, это будетъ однимъ изъ первыхъ законовъ будущей сессіи. Нѣкоторыя газеты возразили на предложеніе Распайля, что парламентъ принятіемъ его лишитъ себя многихъ просвѣщенныхъ спеціалистовъ. Въ дѣйствительности же депутаты, попадающіе въ представители какого-нибудь промышленнаго общества, избираются вовсе не за спеціальныя знанія свои, а потому, что ихъ законодательный постъ служитъ хорошей опорой для самого общества и приманкой для легковѣрной публики.

Одна газета напечатала списокъ депутатовъ и сенаторовъ, патронирующихъ разнымъ финансовымъ обществамъ. Списокъ этотъ не только очень длиненъ, но въ немъ встрѣчаются такія парламентскія знаменитости, которыхъ никакъ не ожидаешь найти тамъ. Это напомнило мнѣ, какъ при имперіи еще Тьеръ, дѣлая замѣчаніе о неудобствѣ присутствія очень многихъ крупныхъ промышленниковъ въ законодательномъ корпусѣ, гдѣ приходится обсуждать мѣры по отношенію къ ихъ предпріятіямъ, получилъ отъ Эмиля Перейра слѣдующее возраженіе: «Если вы серьезно желаете поставить вопросъ на эту почву, то поговоримъ немного объ анзинскихъ копяхъ». Тьеръ замолчалъ, но всѣ поняли и многіе узнали впервые, что интересы Тьера связаны съ анзинскими рудниками. Позднѣе, въ президентство Тьера, въ газетахъ было напечатано объявленіе, что совѣтъ управленія анзинскими рудниками соберется въ президентскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Тьера, какъ директора совѣта. Такимъ образомъ вышло, что совѣтъ управленія анзинскихъ копей былъ почти тождественъ съ совѣтомъ министровъ. Когда вскорѣ затѣмъ въ Анзинѣ образовалась стачка, Тьеръ яростно воскликнулъ: «Въ Анзинѣ сегодня стачка! Я пошлю туда, если нужно, 200.000 солдатъ». Къ этому можно прибавить еще, что единственный или почти единственный декретъ, по дѣламъ провинціи, подписанный въ Парижѣ правительствомъ народной обороны, былъ декретъ, смягчающій акціонерный уставъ компаніи анзинскихъ копей, который Тьеръ пронесъ для подписи Жюлю Фавру и его товарищамъ черезъ линіи прусаковъ, и это было 31 октября, въ тотъ день, когда онъ пришелъ предложить капитуляцію Парижа. Рошфоръ указываетъ на учредителей общества тунисскаго поземельнаго кредита, съ Леономъ Рено во главѣ, какъ на главныхъ зачинщиковъ и сторонниковъ тунисской экспедиціи.

При церемоніи раздачи премій добродѣтели во французской академіи на этотъ разъ предсѣдательствовалъ Ренанъ. Въ рѣчи, напоминающей своей цвѣтистостью ораторовъ древней Греціи, онъ изложилъ тѣ подвиги добродѣтели, которые ему было поручено увѣнчать; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ, что такой способъ награжденія противорѣчитъ самому принципу добродѣтели, требующему, чтобы правая рука не знала, что творитъ лѣвая; если же разсматривать награду какъ стимулъ, какъ поощреніе, то она и тутъ окажется непригоднымъ средствомъ. Въ такомъ случаѣ,—спросимъ

мы,—зачѣмъ же было продолжать эту церемонію? Прибавлю здѣсь кстати, что и въ сферѣ умственнаго творчества такія преміи ни къ чему не служатъ. Объявленіе, что такая-то книга получила академическую награду—ничего незначащій дипломъ. Нѣкто назвалъ торжественною глупостью тѣ пустыя, ловко соразмѣренныя, фразы, которыми щеголяетъ нашъ институтъ, когда-то созданный конвентомъ съ цѣлью возбужденія умственной жизни во всѣхъ направленіяхъ и превратившійся теперь въ какой-то гасильникъ. Члены его возобновляются только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, что равняется несмѣняемости; желательно было бы, чтобы хоть суммы, которыми онъ располагаетъ, тратились на изысканія, путешествія и опыты.

Всякій разъ, какъ обсуждается бюджетъ, періодически поднимается вопросъ о коронныхъ бриллiантахъ. Республиканцы хотятъ, чтобы вырученная отъ ихъ продажи сумма пошла на пополненіе музеевъ. Правительство хотѣло бы удержать тѣ изъ нихъ, которые представляютъ артистическую цѣнность, а между тѣмъ эта цѣнность очень сомнительна. Большинство ихъ цѣнны какъ воспоминаніе о важныхъ историческихъ лицахъ, носившихъ ихъ, а всѣ вмѣстѣ служатъ теперь только для показыванія съ громадными предосторожностями на всемірныхъ выставкахъ. На выставкѣ 1878 года для нихъ придумана была витрина, которая къ ночи опускалась подъ землю и спеціальные агенты тщательно наблюдали длинный рядъ любопытныхъ, приходившихъ созерцать эти блестящіе камешки, мечтая можетъ-быть о томъ, сколько радостей каждый могъ бы купить на нихъ. До сихъ поръ мнѣніе Бенжамена Распайля объ утилизаціи ихъ беретъ верхъ и бюджетная коммиссія высказалась за реализацію этого непроизводительнаго капитала.

Та же бюджетная коммиссія рѣшилась наконецъ на перестройку Сорбонны, что потребуетъ слишкомъ двадцать милліоновъ. Старѣйшій изъ европейскихъ университетовъ пришелъ въ крайнюю ветхость. Рѣшена также и судьба развалинъ Тюльери. Рѣшеніе это замедлялось тѣмъ, что монархисты требовали реставраціи королевскаго жилища, а республиканцы—полнѣйшаго его переустройства и превращенія въ музей. Это послѣднее мнѣніе восторжествовало и принято обѣими палатами. Этотъ дворецъ, безпрестанно перестраивавшійся и дурно расположенный, не представлялъ ничего замѣчательнаго и въ художественномъ отношеніи. Съ нимъ главнымъ образомъ связываются революціонныя воспоминанія. Съ Людовика XVI и кончая Наполеономъ III ни одинъ принцъ, родившійся въ немъ, не царствовалъ. Это замѣчаніе высказалъ Наполеонъ III, когда его поздравляли съ рожденіемъ императорскаго принца. Почернѣвшія залы Тюльери 10 лѣтъ напоминали о грандіозномъ порывѣ безумія парижскаго пролетарія. Ломъ каменьщика вскорѣ разрушитъ все это и новѣйшіе архитекторы вѣроятно воздвигнутъ намъ прекрасное зданіе совсѣмъ новое, а наши республиканцы будутъ утѣшаться мыслью, что Елисейскій дворецъ слишкомъ тѣсенъ для королевскаго жилья, что монархамъ въ Парижѣ мѣста болѣе нѣтъ.

Похороны извѣстнаго критика Поль де-Сенъ-Викторъ происходили наканунѣ 14 іюля, когда Парижъ имѣлъ уже праздничный видъ. Поль де-Сенъ-Викторъ, выступивъ впервые какъ театральный критикъ и рецензентъ новыхъ книгъ, сразу имѣлъ большой успѣхъ и до конца жизни не выходилъ изъ этой сферы. Его жизнь была посвящена фельетону и онъ никогда не заходилъ въ область политики или соціологіи. Переходя отъ театра къ книгѣ, отъ книги къ художественной выставкѣ, онъ неутомимо слѣдилъ за литературнымъ и артистическимъ движеніемъ великой столицы. Такая работа многихъ быстро изнашиваетъ. Я помню Теофила Готье, дремлющаго въ театрѣ а въ антрактахъ прислушивающагося къ разговорамъ сосѣдей, чтобы занести ихъ завтра въ свой фельетонъ; для этого онъ всегда садился между людьми умно разговаривающими, но не пишущими, какихъ очень много въ Парижѣ. Поль де-Сенъ-Викторъ не вѣдалъ такой разслабленности: влюбленный въ форму, онъ отполировывалъ свои блестящія фразы, отражая въ нихъ самого себя. Онъ иногда воспламенялся великодушными порывами: такъ, однажды, описывая смертельный страхъ несчастной еврейской депутаціи, явившейся къ одному изъ тупоумныхъ цезарей просить помилованія за непринятіе его обоготворенной статуи въ Іерусалимскій храмъ и оставшейся въ живыхъ только благодаря разсѣянности тирана,—Сенъ-Викторъ достигаетъ потрясающаго краснорѣчія. Иногда у него вырывались очень мѣткія историческія замѣчанія, которыя доказывали, что ему по силамъ былъ бы и болѣе обширный трудъ, но онъ весь ушелъ въ подробности, въ мелочи. На паперти церкви Сенъ-Жерменъ де-Пре, Поль Дюллозъ, глава газеты Moniteur Universel, въ которой покойникъ писалъ послѣднее время, прочелъ рѣчь Виктора Гюго. Въ ней Гюго провозглашаетъ, что «смерть великихъ душъ есть только переходъ къ болѣе высокому назначенію». Далѣе поэтъ нѣсколько пересаливаетъ, называя покойнаго «звѣздой отечества». Нѣтъ, онъ не былъ свѣтило, а скорѣй, по удачному выраженію академика Шарля Блана, ювелиръ, украшавшій алмазами французскій языкъ. Его произведенія будутъ перечитываться не многими, но окажутъ всегда благотворное вліяніе той искренностью энтузіазма и негодованія, которыми особенно отличаются его историческія характеристики и которые такъ рѣдки въ нашъ разочарованный вѣкъ. Никто,—замѣчаетъ Шарль Бланъ, —не говорилъ съ такимъ величіемъ о Маркѣ Авреліи, съ такимъ ужасомъ объ Атиллѣ, съ такимъ презрѣніемъ о древней и современной развращенности, какъ Сенъ-Викторъ. Очень немногіе можетъ-быть знаютъ, что во время осады правительство народной обороны надѣялось перомъ Сенъ-Виктора защитить Парижъ отъ бомбардированія. Наканунѣ того дня, когда на Парижъ упали первыя нѣмецкія бомбы, я шелъ подъ руку съ пріятелемъ, который, встрѣтя Рошфора, спросилъ его: «Когда же пруссаки откроютъ огонь», на что Рошфоръ отвѣтилъ: «Они не посмѣютъ. Мы заказали Сенъ-Виктору статью о томъ, какія сокровища искусства находятся въ Парижѣ, и статья эта завтра же будетъ напечатана

въ Moniteur Universel. Послѣ нея бомбардированіе немыслимо». О, величіе человѣческихъ иллюзій!... Статья появилась, но, несмотря на нее, нѣмецкая бомба пробила куполъ Пантеона. Сенъ-Викторъ разразился неистовой брошюрой, въ которой называетъ варварами и разбойниками какъ враговъ, такъ и парижанъ, позволившихъ себѣ уничтожать художественныя сокровища Парижа. Римскія развалины служатъ прекраснымъ доказательствомъ, что никакая блестящая реторика не защититъ историческихъ памятниковъ если уваженіе къ нимъ не кроется въ самихъ сердцахъ человѣческихъ. Въ 1870 году Парижъ плакалъ съ Жюль Фавромъ какъ женщина и сердился съ Сенъ-Викторомъ какъ ребенокъ, но все это не отвратило ужасовъ иноземнаго нашествія и разрушеній разсвирѣпѣвшаго народа.

Большая потеря ожидаетъ ультрамонтановъ. У Луи Велліо наступилъ послѣдній періодъ той страшной болѣзни мозга, которая уже два года мучитъ его. Въ молодости Велліо велъ жизнь довольно грязную, но сразу и рѣшительно оборвалъ ее, проникнувшись католицизмомъ. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ католицизму и знаніемъ той странной среды, въ которой терся прежде, и усвоеннымъ въ ней же языкомъ безпощаднаго злословія. Въ этомъ желчномъ человѣкѣ никогда не было и тѣни христіанской кротости; его полемика знала только одну форму—ругательства. Онъ самъ разсказываетъ, что когда ему пришлось составить предисловіе къ Imitation de Jesus-Christ (Подражаніе Іисусу Христу), онъ долженъ былъ почти 10 разъ переписать всю работу заново, такъ какъ сознавалъ, что въ такомъ произведеніи не мѣсто колкостямъ и брани, а между тѣмъ всякій разъ, какъ перечитывалъ написанное, замѣчалъ, что невольно укусилъ противника. Этотъ разсказъ характеризуетъ всего человѣка: ни капли христіанскаго милосердія, ни малѣйшей сердечной теплоты, но много логики и воинственнаго пылу. Еслибъ онъ жилъ во времена инквизиціи, онъ былъ бы исполнителемъ пытокъ. Усиленная умственная работа надорвала его мозгъ и вызвала страшную болѣзнь съ мимолетными проблесками сознанія, во время которыхъ больной самъ видитъ свое разрушеніе—страшный и великій урокъ уничиженія, данный этому гордецу, передъ которымъ дрожалъ не одинъ кардиналъ. Луи Велліо—это язва католицизма, но его направленіе (veuillotisme) переживетъ его, еще долго осохранится этотъ культъ формы, подъ которой умъ задушенъ, эта жестокость, превратившая Евангеліе въ кодексъ краснокожихъ. Онъ находилъ, что инквизиція слишкомъ рано пала, что для человѣчества было бы великимъ счастіемъ, еслибъ она успѣла сжечь Вольтера и Руссо. Онъ съ большимъ шумомъ защищалъ два роковые тезиса римской куріи: первый, касающійся свѣтской власти и гласящій, что для свободы духа необходимо пользованіе извѣстною суммой матеріальной силы, тогда какъ Христосъ приходилъ на землю, чтобы доказать, что духъ, предоставленный своему собственному могуществу, всегда восторжествуетъ надъ грубою силой. Второй тезисъ, особенно излюбленный Univer'омъ (газетой, которую основалъ и направлялъ Велліо), за-

ключается въ томъ, что Богъ, давъ обѣщаніе апостолу Петру и его преемникамъ никогда ихъ не покидать, не можетъ измѣнить своему слову; съ тѣхъ поръ, что бы ни дѣлали преемники Петра, Богъ всегда съ ними, — откуда вытекаетъ, что для нихъ вовсе не обязательны великія усилія духа, ибо даже когда они спятъ, то «врата ада не одолѣютъ церковь ихъ». Вотъ источникъ догмата непогрѣшимости, въ силу котораго всякій подначальный великаго владыки самъ до нѣкоторой степени непогрѣшимъ. Физически Луи Велліо очень некрасивъ и крайне тощъ. Круглая голова, желтый цвѣтъ лица, свирѣпые глаза и толстыя губы. Онъ пускался и въ поэзію, преподнося публикѣ «благоуханіе Рима» и «запахи Парижа». Въ послѣднихъ онъ превзошелъ себя. Это—описаніе грязныхъ подонковъ столицы ювеналомъ, ноздри котораго долго нюхали ихъ въ самомъ источникѣ; чувствуется, что, громя эту грязь, въ душѣ онъ къ ней относится снисходительно и гораздо больше ее понимаетъ, чѣмъ тѣ выспренности, которыя воспѣваетъ, какъ слѣпой воспѣлъ бы краски.

Первыя времена христіанства долго описывались съ рабскимъ уваженіемъ къ преданіямъ, и чѣмъ страннѣе были нѣкоторыя изъ нихъ, тѣмъ сильнѣе они навязывались какъ догматъ вѣры. Протестантизмъ, опиравшійся только на тексты Св. Писанія, отвергъ эти преданія; затѣмъ XVIII вѣкъ своимъ могучимъ смѣхомъ окончательно убилъ всѣ легенды. Въ началѣ XIX вѣка реакціонное движеніе снова принялось за старое уродованіе христіанства, но критика нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ философовъ неустанно служила истинѣ. Нѣсколько мыслителей, свободныхъ отъ теологическихъ путъ, взялись снова за изученіе первыхъ вѣковъ христіанства, не вдаваясь ни въ полемику, ни въ пропаганду. Амедей Тьери указалъ, на сколько источники этого изученія, считавшіеся изсякшими, полны еще чудныхъ богатствъ. Въ наше время мы не относимся къ догматическимъ спорамъ съ тою страстностью, съ какой относились къ нимъ наши отцы, тѣмъ не менѣе мы желаемъ знать, нѣтъ ли въ этой массѣ перебраннаго нѣсколькими поколѣніями матеріала, чего-нибудь такого, что хотя бы по аналогіи могло служить намъ указаніемъ въ нашихъ нынѣшнихъ затрудненіяхъ. Вотъ напримѣръ книга г. Обе: «Христіане въ Римской имперіи конца Антониновъ». Мы не будемъ останавливаться на ученыхъ гипотезахъ автора, заставляющихъ его принимать или отбрасывать нѣкоторыя страницы христіанскаго мартиролога, а обратимъ вниманіе на вопросъ громадной важности, безпрестанно возобновляющійся, вызывавшій лихорадочную полемику первыхъ писателей церкви, и говоря о которомъ г. Обе, съ чисто французскою наклонностью примѣнять къ давно прошедшему термины современной политики, называетъ опортюнистами и непримиримыми двѣ различныя группы христіанъ, между которыми шелъ споръ по одному изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, относящемуся столько же къ области политики, сколько и къ религіи, и который можно формулировать такъ: «Гдѣ предѣлъ компромисса со зломъ?»

Въ переходныя эпохи, когда умственное движеніе не выработало еще опредѣленнаго направленія, когда идеалы смутны, множество людей стремятся, какъ Мизантропъ Мольера:

«Sortir d'un goufre où triomphent les vices
«Et chercher sur la terre un endroit écarté
«Où d'être un homme d'honneur ou ait la liberté» *).

Этой-то трудно-достижимой свободы и добивались христіане со страшной энергіей, которую не могли понять всемогущіе владыки Римской имперіи, требовавшіе слѣпаго послушанія. Описывая упорную энергію христіанъ, г. Обе попадаетъ въ большое затрудненіе. Самъ стоя на колеблющейся почвѣ, онъ не безъ ужаса констатируетъ страшное потрясеніе, произведенное христіанами въ современномъ имъ обществѣ. Это заставляетъ его нѣсколько снисходительно относиться къ цезаризму и его орудіямъ. Онъ говоритъ, что будучи, на мѣстѣ проконсула, какого-нибудь Каракалы, онъ такъ же бы точно преслѣдовалъ дерзкихъ противниковъ statu quo. «Если,—говоритъ онъ,—цѣнить благоустройство общества и установленіе въ немъ порядка, то Тертуліана несомнѣнно надо признать врагомъ государства и злѣйшимъ революціонеромъ. Онъ вполнѣ заслуживаетъ обвиненій въ возбужденіи раздоровъ, разрушительныхъ страстей, въ оскорбленіи религіи большинства и въ подрываніи основъ государства. Тертуліанъ открыто проповѣдуетъ христіанамъ воздержаніе отъ общественныхъ должностей и обязанностей, восхваляетъ нарушеніе дисциплины военныхъ. Однажды онъ позволилъ себѣ намекнуть, что христіанамъ достаточно было бы одной темной ночи и нѣсколькихъ зажженныхъ факеловъ, чтобъ отмстить своимъ притѣснителямъ, но что они не платятъ зломъ за зло».

Этому христіанину—непримиримому, не допускавшему никакихъ компромиссовъ, авторъ очевидно предпочитаетъ христіанина, умѣвшаго увертываться отъ опасности, доходившаго до лести, до подкупа полиціи, лишь бы она не трогала его, тогда какъ, по мнѣнію непримиримыхъ, это низводило исповѣдниковъ Евангелія на одну ступень съ плутами, взятками покупавшими себѣ возможность заниматься какимъ-нибудь мошенничествомъ. Непримиримые отвергали право даже косвенныхъ связей съ язычествомъ: граверъ не долженъ былъ вырѣзывать языческихъ девизовъ, скульпторъ ваять идолопоклонническія статуи, архитекторъ воздвигать имъ храмы: еще болѣе отвергали они возможность для христіанина состоять на службѣ у государства: «Можетъ ли тотъ, кому запрещено мстить за свои собственныя обиды, приговаривать другихъ къ наказанію? Можетъ ли христіанинъ стоять на часахъ у дверей языческихъ храмовъ и проч.?» Этимъ экзальтированнымъ людямъ смерть казалась бездѣлицей: «только тѣ умираютъ,—проповѣдывали они,—которыхъ вѣра и дѣла не угодны Богу».

---

*) выйдти изъ пучины, въ которой торжествуютъ пороки, и на землѣ искать такого уголка, гдѣ можно свободно быть честнымъ человѣкомъ.

Между этимъ воинствующимъ авангардомъ христіанства и сторонниками мира во что бы ни стало г. Обе склоняется на сторону послѣднихъ. Первые кажутся ему какими-то маніаками; что же касается до римскихъ проконсуловъ, то они такъ напоминаютъ автору французскихъ прокуроровъ, что онъ невольно страдаетъ за нихъ, когда ихъ посрамляютъ христіане мученики.

«Проконсулъ Публій Сатурнинъ, — пишетъ г. Обе, — не былъ однако же злымъ человѣкомъ. Онъ искренно сокрушался, видя себя опутаннымъ этими безвыходными процессами, созданными общественною ненавистью и поддерживать которые требовали обязанности его службы». Но развѣ нужно удовлетворять заблуждающуюся общественную ненависть? Развѣ есть такія служебныя обязанности, которыми можно было бы оправдать защитника отжившаго строя, приговаривающаго къ растерзанію дикими звѣрями провозвѣстниковъ будущаго»?... «Надо покончить,—говорили довольные римскіе граждане,—съ этими безумцами, выставляющими не извѣстно какое знамя противъ нашего римскаго знамени». Г. Обе робко сознается, что «свобода совѣсти включаетъ въ себѣ кромѣ права вѣрованій еще и и право пропаганды этихъ вѣрованій». Если же есть эпохи, въ которыя распространять свои вѣрованія можно только кровью, то виноваты въ этомъ не жертвы, а палачи. Между доводами, какими семья старается убѣдить будущаго мученика, есть поражающіе своимъ наивнымъ эгоизмомъ. Напримѣръ, отецъ говоритъ дочери: «Кто изъ насъ рѣшится выйти изъ дому послѣ того, какъ до тебя дотронется палачъ?» Конечно, такая забота о томъ, что скажутъ, не могла подѣйствовать на непримиримаго. Г. Обе возмущенъ ихъ презрѣніемъ къ смерти. Онъ рѣшается объяснять это тѣмъ, что первые христіане вербовались между подонковъ общества, и говоритъ, что «жертвовать жизнію легко тому, кто страдаетъ». Г. Обе не мѣшало бы спросить у докторовъ, пренебрегаютъ ли жизнью люди страдающіе неизлѣчимою болѣзнью, — нѣтъ, напротивъ, они страстно цѣпляются за нее. Привязанность къ жизни переживаетъ потерю состоянія, счастья, здоровья и только сильный нравственный стимулъ можетъ преодолѣть эту привязанность.

Симпатіи г. Обе на сторонѣ практическихъ партій, стремящихся устроиться и удержаться, умѣющихъ вступать въ сдѣлку,—на сторонѣ тѣхъ, кого современные политики называютъ опортюнистами. Опортюнизмъ—это искусство приспособляться къ обстоятельствамъ, прятать свои намѣренія, не пугать никого открытымъ выкидываніемъ своего знамени. Сдѣлавъ эти первыя посылки, авторъ говоритъ, что «всѣ христіанскіе мученики, съ радостью бросавшіеся на смерть, принадлежали къ партіи непримиримыхъ и составляли меньшинство, также точно какъ и въ нашей современной политической борьбѣ. Это воинствующее меньшинство сдѣлало больше для славы церкви, чѣмъ осторожное, благоразумное и резонирующее большинство». Что же въ такомъ случаѣ привлекаетъ г. Обе къ

этому большинству?—А то, что оно воспользовалось самопожертвованіемъ другихъ. «Церковь,—прибавляетъ онъ по поводу непримиримыхъ,—чтитъ ихъ героизмъ, гордится ими, но наслѣдіемъ ихъ побѣды съумѣла пользоваться только мирная, благоразумная часть христіанъ». Допустимъ, что такъ; но не меркнетъ ли въ наше время само христіанство отъ избытка осторожности и житейской мудрости? Если мы перенесемъ этотъ вопросъ изъ области религіи въ область политики, то намъ пожалуй придется, какъ Эразму, писать апологію безумія. Да, именно тѣ, кого называютъ безумцами, а не люди холоднаго разсудка, двигаютъ человѣчество. Ихъ экзальтированная горячность завоевываетъ почву, которую потомъ очищаетъ и обработываетъ благоразумная осторожность. Люди извлекающіе пользу изъ подвиговъ своихъ предшественниковъ могутъ не имѣть энергіи подражать имъ, но должны имѣть по крайней мѣрѣ достаточно честности не умалять ихъ заслугъ.

Ученіе, потрясшее всѣ основы древняго міра, озарившее міръ рабства и лжи свѣтомъ истины и любви, провозгласившее равенство и братство людей, не могло обойдтись безъ жертвъ. Съ другой стороны увлеченіе и энтузіазмъ, несомнѣнно, заводили подчасъ слишкомъ далеко. Не было надобности дробить молотами статуй языческихъ храмовъ, но вполнѣ понятно и цѣлесообразно запрещеніе всякой связи съ порядкомъ, признаннымъ въ корнѣ негоднымъ. Для прогресса человѣчества нужно было, чтобъ этотъ порядокъ исчезъ, рухнулъ совсѣмъ, а самой существенной опозиціей ему являлось абсолютное воздержаніе отъ всякого участія въ его дѣлахъ. Тутъ не было насилія безусловно чуждаго христіанству, цѣль же достигалась вполнѣ. Наши современные непримиримые могли бы многому научиться въ христіанскихъ лѣтописяхъ, но, къ сожалѣнію, они въ нихъ никогда не заглядываютъ. Въ борьбѣ со зломъ рѣшительное отстраненіе всѣхъ честныхъ людей было всегда самое сильное оружіе. Римская имперія пала не отъ нашествія варваровъ, а отъ того, что лучшій цвѣтъ ея гражданъ не хотѣлъ болѣе ей служить ни въ качествѣ чиновника, ни въ качествѣ солдата, ни чѣмъ бы то ни было. Дѣйствія матеріальной силы точно опредѣлены наукой, но дѣйствія нравственной гораздо болѣе сильны и перемѣна къ лучшему судьбы цѣлаго общества, повидимому, роковыми вопросами поставленнаго въ безвыходное положеніе, часто зависитъ отъ предпочтенія способа дѣйствій христіанъ способу дѣйствій язычниковъ. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Обе очень поучителенъ, хотя авторъ описываетъ первые кипучіе вѣка христіанства со всею холодностью замороженнаго католика XIX вѣка.

W***

Парижъ,
3/15 августа 1881 г.

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. Лавровъ.**

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

выходящій ежемѣсячно безъ предварительной цензуры, книгами отъ 28 до 35 лист.

Условія подписки:

	Годъ:	6 мѣсяцевъ:	3 мѣсяца:	1 мѣсяцъ:
Безъ доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.	8 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . .	17 р.	9 р. — к.	5 р. — к.	2 р. 50 к.
За границу	19 р.	10 р. — к.	7 р. — к.	3 р. — к.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—**въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, д. Дегемейеръ,** и въ отдѣленіи конторы—**на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, № 61.**
Гг. иногороднихъ просятъ деньги высылать исключительно въ *контору*.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Контора открыта ежедневно отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ дня.

Оставшіеся экземпляры изданія прошлаго 1880 года продаются по 8 рублей, а съ пересылкой—по 10 рублей за годъ.

О перемѣнѣ адреса *сообщается* редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ *обозначить* напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногороднихъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногороднихъ въ заграничные недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *часа* до *трехъ* пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналѣ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе года, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

Редакторъ **С. А. Юрьевъ.**

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

5